
Б 61-28
134
-2-

ДНЕВНИК П. А. ВАЛУЕВА

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1865-1876 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ В МОСКВЕ

Б 61-28
134

ДНЕВНИК П. А. ВАЛУЕВА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

в двух томах

ТОМ II

1865-1876 гг.

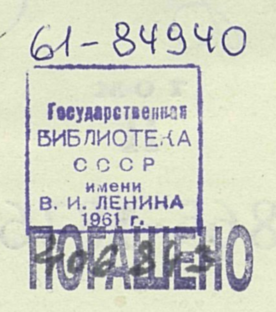
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-1961

96К 1/89

Редакция, введение и комментарии
проф. П. А. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

Текст подготовлен к печати
М. Г. ВАНДАЛКОВСКОЙ
и Г. М. ЛИФШИЦЕМ

61-84940

От редактора

Второй том «Дневника» состоит из двух неравных частей Первая, составляющая примерно $^2/_3$ тома, охватывает период с начала 1865 г. по конец апреля 1868 г., т. е. время, когда Валуев был министром внутренних дел. Вторая часть содержит записи с 1869 по 1876 г. включительно. После ухода в отставку Валуев фактически вплоть до 1876 г. прекращает вести регулярно дневник. Так, за 1869 г. он делает всего лишь шесть записей — в октябре и ноябре. В 1870 и 1871 гг. записи вовсе отсутствуют.

В марте 1872 г. Валуев пытается начать снова вести дневник. В записи за 12 марта он пишет: «Меня часто упрекают мои домашние, а из недомашних — кн. Лобанов в том, что я более не веду дневника. Причин молчания немало. Впрочем, попытаться можно. Обстоятельства несколько настоятельнее к тому вызывают. Но как восстановить связь между 1868 и 1869 годами и 1872? Кое-что заслуживает упоминовения. Буду вставлять эпизодические заметки, когда и где удосужусь».

Однако свое решение он не выполнил, так как за этот год им было сделано лишь пять дневниковых записей за март.

В 1873 г. Валуев также не ведет дневника. За весь год им сделано девять записей (1 и 9 января, 6,20 и 24 февраля, 25, 27, 29, 31 декабря). 25 декабря 1873 г. он опять выражает желание восстановить ведение дневника. «Меня,— пишет он,— постоянно убеждают мои домашние вновь приняться за мою хронику. Еще раз попытаюсь».

Действительно, на протяжении первых месяцев 1874 г. Валуев регулярно ведет дневник, однако с начала мая вновь его прерывает. За последующий период года имеется всего лишь восемь записей (5, 15 и 19 мая, 5, 7, 8 и 10 июля, 13 октября).

В записи от 3 января 1875 г. он дает этому следующее объяснение: «Не писал здесь, потому что письма к сыну заключали

в себе дневник. Не писал, пока он был здесь, потому что как-то не писалось».

В 1875 г. Валуев опять фактически не ведет дневника, сделав в нем лишь шесть записей (3 января, 23 марта, 27, 29, 30 и 31 декабря). Только с 1876 г. Валуев снова начинает вести регулярно дневник.

Второй том, так же как и первый, является ценным историческим источником для изучения правительственной политики этого периода. Особый интерес представляет собой первая часть, освещающая деятельность Валуева как министра внутренних дел; в ней характеризуется изменение правительственного курса после спада волны общественного возбуждения конца 50-х — начала 60-х годов.

Спад крестьянского движения, расправа с представителями революционной демократии, подавление польского восстания — все это дало возможность правительству перейти от политики реформ к политике реакции. Поводом к утверждению откровенно реакционного курса явился выстрел 4 апреля 1866 г.

Все это подробно рассказывается Валуевым в записях за 1865—1868 гг. В дневнике раскрывается закулисная сторона правительственной деятельности в области установления реакционного курса. Валуев сообщает о совещаниях, проводимых для подготовки тех или иных охранительных мер, связанных с покушением Каракозова. Много внимания уделяется в дневнике характеристике финансового положения страны, а также вопросам железнодорожного строительства. Немало места отводит Валуев своим взаимоотношениям с шефом жандармов гр. П. А. Шуваловым, фактически руководившим правительственной политикой этого периода. Наконец, в записях за 1868 г. автор дневника рассказывает об отношении высших правительственных кругов к голоду, охватившему целый ряд губерний.

Дневник Валуева за этот период приобретает особенную ценность, так как правительственная политика второй половины 60-х годов изучена весьма слабо.

Вторая часть второго тома, составляющая примерно одну треть публикуемого текста, содержит, за исключением 1876 г., отрывочные записи за отдельные числа. Однако и они представляют несомненный интерес, освещая различные стороны правительственной деятельности.

Будучи в этот период министром государственных имуществ, Валуев, однако, по-прежнему стоит в центре правительственной политики, принимая участие в решении различных вопросов, не имеющих прямого отношения к его ведомству.

Много места отводит Валуев освещению правительственной деятельности в области разработки различных охранительных

мер, принимавшихся в связи с ростом революционного движения. Автор приводит интересные факты, характеризующие разногласия внутри правительственного лагеря, сообщает не лишенные интереса сведения о различных придворных интригах, оказывавших немалое влияние на правительственную политику.

Все это, как указывалось в томе I, естественно, рассматривается сквозь призму восприятий крупного сановника. Служа верой и правдой монархии, Валуев, однако, понимал недостатки этого строя и был проникнут страхом перед неизбежностью его гибели. В отличие от других мемуаров государственных деятелей России второй половины XIX в., дневник Валуева не является апологией существующего режима. И в этом особая ценность публикуемого источника.

Несмотря на присущее Валуеву верноподданническое отношение к своему монарху, он сообщает в дневнике ряд фактов, дающих возможность составить далеко не лестное представление о царствующем императоре. Валуев в этом отношении, правда, более сдержан, нежели Д. А. Милютин, однако и он характеризует (если не прямо, то косвенно) Александра II человеком слабовольным, не имевшим своего мнения по целому ряду важных государственных вопросов.

Таким образом, два наиболее приближенных к Александру II министра — Д. А. Милютин и П. А. Валуев, — несмотря на некоторое различие их политических воззрений, дают императору в общем одну и ту же оценку.

Одинаково оценивают Валуев и Милютин и министра иностранных дел А. М. Горчакова. Оба они считают его человеком консервативных взглядов.

Необходимо еще раз подчеркнуть апологетический характер дневника. Во втором томе эта тенденция ярко выражена, еще сильнее, чем в первом. Автор не скрывает того, что дневник он ведет для оправдания себя перед потомством. «Перелистываю по временам эти заметки...,— пишет он 24 ноября 1866 г.— Факты изложены верно. В моих взглядах встречаются или образуются оттенки, но оттенки несущественны. Когда впоследствии будут читать то, что я рассказываю, какой суд произнесут надо мною и над другими? Разве я молчал,— продолжает он,— когда мне надлежало говорить? Разве я отступал от тех коренных начал, которые несколько лет сряду руководили не только моими действиями, но даже моими помыслами?»

Валуев прав. Факты изложены в подавляющей своей части верно. Неточности невелики, хотя все же имеют место.

Однако «оттенки» эти весьма существенны, а они и определяют освещение того или иного факта. Валуева крайне волнует

оценка его деятельности потомками. К этому вопросу он возвращается неоднократно. Так, 25 декабря 1867 г. он снова заносит в свой дневник рассуждения на эту тему. «Придет время, меня не будет. Сыновья, быть может и другие, будут читать эти заметки или часть их... Что подумают тогда частью обо мне, частью о моем положении в связи с общим положением дел? Многое, что могло бы пояснить мою роль, мною не досказано. Но многое угадать нетрудно. Ни малейшего самообольщения я за собою не знаю». Все это, естественно, налагает на дневник определенный отпечаток, о котором читатель не должен забывать.

Авторские примечания, относящиеся к периоду деятельности Валуева как министра внутренних дел, носят также главным образом характер не столько объяснения, сколько оправдания своих поступков. Вместе с тем эти «Примечания» содержат и ценные фактические данные. Отдельные из них (как, например, 135-е) представляют собою по существу реферат на тему о положении в прибалтийских губерниях, объемом в один печатный лист.

Как уже отмечалось в предисловии к первому тому «Дневника», Валуев обнаруживает весьма примитивное представление о событиях середины 70-х годов на Балканском полуострове. Так, он вовсе не представляет себе причин, вызвавших освободительную борьбу славянских народов против турецкого гнета. 30 сентября 1876 г. он заносит в дневник следующую фразу, свидетельствующую о полнейшем непонимании им событий, происходящих на Балканах: «Не будь дамского усердия в его своеобразных видах,— пишет он,— не будь постепенного раздувания огня без своевременного употребления надлежащих спасательных труб, не было бы и раздолья славянским комитетам, не было бы ген. Черняева, болгарской резни, добровольцев и всего прочего!»

Валуев игнорирует также движение солидарности по оказанию помощи борющимся славянским народам, которое охватило различные слои русского общества и нашло свое выражение в массовых пожертвованиях и посылке добровольцев в сербскую армию.

Валуев был решительным противником войны, так как считал, что Россия не готова к ней. По мнению Валуева, война могла вызвать рост революционного движения в стране. Его отношение к предполагаемой войне видно из дневниковой записи 11 февраля 1877 г. В этот день Валуев был приглашен во дворец для обсуждения записки военного министра, касавшейся этого вопроса. «Я попросил дозволения,— пишет он,— мыслить вслух и, начав с того, что, если бы собрать в каком-нибудь иностранном посольстве всех явных или полуявных недругов России и спросить их, желают ли они, чтобы государь решился на

войну,— то они ответили бы утвердительно,— а если бы затем собрать где-нибудь корреспондентов «Набата» и «Вперед»,— и спросить их о том же, — то и они дали бы такой ответ. Затем я старался изложить один за другим все аргументы, в смысле необъявления ультиматума и войны, которые мне казались наиболее убедительными,— от двуличия германских держав до вопроса, мог ли государь решиться из-за подданных султана объявить войну и решиться принести в жертву, быть может, 50 тысяч человек из своей армии?»[1] В этом высказывании содержится все: и боязнь войны, которая может принести бедствия императорской России, и понимание позиции Германии и Австро-Венгрии, заинтересованных во вступлении России в войну, и, наконец, игнорирование Валуевым массового общественного движения в защиту славян, которое охватило всю страну.

Принципы издания второго тома те же, что и первого. Необходимо сделать лишь несколько оговорок. В рукописи дневника, между записями за 31 декабря 1865 г. и 1 января 1866 г. на листе 106 т. IV и 31 декабря 1867 г. и 1 января 1868 г. на листе 66 т. V, Валуевым сделаны новогодние записи за несколько лет стереотипного содержания. Так, 1 января 1868 г. он делает запись: «Новый год. В домовой церкви министра внутренних дел. С женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием». Аналогичные записи за предыдущие и последующие годы отличаются лишь наименованием церкви, где происходила встреча, и кругом присутствовавших лиц. Они помещаются нами под строкой в виде примечаний к первой записи года. Такие же новогодние записи за 1870 и 1871 гг. нами не воспроизводятся, поскольку за эти годы дневник отсутствует. Нами не воспроизводится также и год при датировке записи. Указанная дата дается, как и в первом томе, в начале дневника за соответствующий год.

Имея в виду необходимость сохранения нумерации авторских примечаний, первое примечание Валуева за 1865 г. дается под номером 99.

В виде приложения, несколько нарушающего принятый нами в первом томе принцип публикации, нами помещаются в конце книги «Римские записки», помещенные Валуевым в т. III «Отрывков из дневника». «Римские записки», состоящие из трех страниц, датированы 26. II. — 10.III. 1869 г. В записках содержатся рассуждения Валуева о государственном управлении России, в силу чего они неразрывно связаны с публикуемым нами основным текстом. Остальные приложения к «Отрывкам из дневника» нами не публикуются.

---

[1] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884. Пг., 1919, стр. 6.

Комментарии, так же как и в первом томе, носят реальный характер. Отдельные события и термины, объяснение которых читатель может найти в широко распространенных словарях и энциклопедиях, нами не комментируются. Так, не комментируются события, связанные с балканским кризисом в середине 70-х годов (Герцеговинское восстание, война Сербии и Черногории с Турцией, Болгарское восстание, Константинопольская конференция и т. п.), поскольку все эти вопросы широко освещены в литературе, в частности, в «Истории дипломатии».

Некоторые факты нам не удалось прокомментировать из-за отсутствия необходимых материалов. Нужно сказать, что в отдельных случаях упоминания Валуева о рассмотрении тех или иных вопросов в Комитете министров, Комитете финансов не нашли своего отражения в материалах архивных фондов. Это дает основание полагать, что не всегда все обсуждавшиеся в этих учреждениях вопросы фиксировались в журналах заседаний.

В сборе архивных материалов для комментариев мне оказали помощь научный сотрудник Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде Р. Ю. Мацкина, младший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР Г. И. Щетинина, научный сотрудник Центрального государственного исторического архива СССР в Москве Г. М. Лифшиц.

Указатель имен к первому и второму томам составлен Г. И. Щетининой и К. И. Бутиной.

Переводы иностранных текстов сделаны В. И. Позиным.

Приношу искреннюю благодарность младшему научному сотруднику Института истории Академии наук СССР Э. С. Виленской за помощь в комментировании вопросов, связанных с процессом Д. Н. Каракозова, а также доцентам Московского университета Д. А. Дрбоглав и А. Ч. Косаржевскому за перевод древнегреческого и средневекового латинского текстов.

1865 год

1 января. Утром во дворце. Кн. Гагарина видел с портретом [1], Буткова — с алмазными знаками св. Александра, Милютина — в мундире члена Государственного совета, Чевкина — с лентою св. Владимира. Других grâces *, кажется, немного. Вечером на бале во дворце же. Государь сказал мне, что кн. Долгоруков получил известие, что в Москве было собрание акционеров «Московских ведомостей». Каткова здесь, видно, крепко подбили. Недаром был он у Милютиных, а Н. Милютин часа три у него.

2 января. Утром в Министерстве. Заезжал к кн. Гагарину. Вчера на бале я ужинал подле кн. Кочубей, которая за недостатком других honoratiores ** завладела моею рукою и заставила меня остаться к ужину. Ей хочется быть гофмейстершею будущей цесаревны. Я это выпытывал от нечего делать во время ужина.

3 января. Утром не мог даже быть у обедни. Меня замучили посетители, между прочим, Анненков, которому нечего делать и которого мне нечего слушать. Видел Сигизмунда Велопольского. Для меня он до сих пор еще не перестал быть вопросительным знаком.

4 января. Утром несколько визитов. Работал. Вечером читал первую книгу «Илиады» в переводе лорда Дерби. Какой блестящий первообраз поэтической красоты!

5 января. Утром Комитет министров. Потом совещание по балтийским делам. Обедал у государя. Катковский эпизод усердно разрабатывается моими врагами [1a]. Московский университет представил попечителю всеподданнейшую просьбу о подчинении «Московских ведомостей» цензуре ректора с изъятием из ведения общей цензуры. Головнин хотел прямо

* милостей.
** почетных гостей.

отказать, но я просил его внести дело в Комитет министров. Государь одобрил эту мысль.

6 января. Утром во дворец не ездил и, благодаря разным посетителям, едва застал конец обедни в домовой церкви. Из Москвы известия о взволнованном настроении умов в дворянском собрании [2]. Дело Каткова [3], с одной стороны, дело о правах участия дворян на основании ст. 51 — с другой. На мне отражается общая непопулярность правительства. Вечером у кн. Кочубей.

7 января. Утром доклады. Вечером у турецкого посланника [4]. Со всех сторон нападки за Каткова. Толки самые нелепые. Я превращаюсь в erratum ambulant*, потому что на каждом шагу приходится поправлять повести собеседников.

8 января. Утром доклад у его величества. Оттуда по желанию вел. кн. ген.-адмирала был у него. Он по привычке увлекается и воображает себя первым министром. Обедал у государя. Вечером у Moira.

9 января. Утром в Министерстве. Потом заседание Польского комитета [5]. Вечером заседание комиссии по губернским учреждениям [6], в Министерстве.

10 января. Утром у обедни. Несколько визитов. Заезжал на бег. Вечером бал в Эрмитаже. Государь сказал мне, что он кн. Щербатову, здешнему предводителю, выразил надежду, что здесь не повторятся московские «дурачества» [7]. (Речь о теперешних демонстрациях на тамошнем губернском съезде.)

11 января. Утром в Государственном совете. Собрание in fiocchi ** в лентах по случаю вступления в должность нового председателя [8]. Читались указы о назначении его высочества, кн. Гагарина, Буткова, Милютина, Урусова. Кланялись по принадлежности и пр. Все было чинно и могло бы быть сериозным, но оно не было сериозно, потому что у нас до того подмыта почва, что, по крайней мере в моих глазах, все как будто делается pour le quart d'heure ***. После Государственного совета заседание Главного комитета [9], где, между прочим, слушалось тульское дело (о жалобе предводителей на меня [10]). Бахтин, движимый непримиримой враждою ко всем министрам и ко мне в особенности, попытался напасть на мои распоряжения, искажая текст моего циркуляра от 29 августа. Вел. князь сам ему это заметил. Легко было покончить дело, как следовало. Первая битва выиграна. Вечером за работой дома [99].

12 января. Утром Комитет министров. Дело Каткова и К°, в том числе совет Московского университета [11]. Сначала я

---

* [Исправителя] ходячих ошибок.
** в парадных мундирах.
*** на четверть часа.

должен был выслушать ряд самых нерассудительных и даже неприличных выходок со стороны военного министра, Зеленого, кн. Горчакова и Чевкина. Корф в ожидании, что победа на их стороне, а он всегда старается быть на стороне побеждающих, потянул также в пользу Каткова и сказал avec onction*, что Катков и Леонтьев — олицетворенное мнение России. Наконец, мне удалось высказаться, и результатом было отсутствие всякого дальнейшего возражения со стороны моих противников. Отказ совету Университета состоялся единогласно. Кн. Горчаков и Корф оказались разделяющими мое мнение, а Бутков, который во время разглагольствований Милютина делал жесты, соответствующие его словам, прекратил всякую жестикуляцию. Несколько слов было очень метко сказано Рейтерном в моем смысле. Таким образом, и вторая битва выиграна. После Комитета министров краткое заседание Польского комитета. Вечером дома.

13 января. Утром в Сенате. Московское дело о ст. 51 [12]. Единогласно постановлено отменить постановление депутатского собрания [13]. При этом сенаторы обратили мое внимание на то, что первым последствием этого решения будет недействительность всех действий губернского съезда. Мне именно это и было под стать. Телеграфировал Офросимову шифром о состоявшемся указе, который завтра же будет послан в Москву. Таким образом, и третья битва выиграна.

14 января. Сегодня в газете «Весть» напечатаны, несмотря на цензурное запрещение, статья о московских выборах, речь гр. Орлова-Давыдова и всеподданнейший адрес, вотированный московским собранием. Все это произошло в Департаменте уделов **. Между тем Офросимов телеграфировал мне, что признание действий собрания недействительными было бы крайне неудобно, и что указ Сената как несвоевременный следует принять к руководству на будущее время, i. e. ad calendas graecas***. Писал об этом его величеству и кн. Долгорукову, который по свойственному ему взгляду на все несколько критические дела попытался уклониться от прямого решения вопроса и предложил мне, не пересоставляя московского съезда, i. e. sine ulla causa ****, признать недействительным все бывшее до указа и действительным все, что сбудется после. Между тем государь прислал звать к обеду. Это значило, что я увижу во дворце и кн. Долгорукова. Так и сбылось. Перед столом произошло краткое совещание в кабинете его величества, и мне поручено телеграфировать ген.-губернатору об объявлении указа и

---

* елейно.

** *Далее в скобках написано:* т. е. его типографии (*т. 11, л. 126*).

*** т. е. отложить в долгий ящик.

**** т. е. без всякого основания.

закрытии собрания. Проект телеграммы послан мною к государю, им одобрен, и затем самый телеграмм отправился в Москву.

15 января. Утром доклад у его величества. La reflection vient chez nous comme la vengeance, pede claudo*. Сегодня государь говорил мне с сожалением о наших ошибках по преобразованию банков, о недостатке поземельного кредита и пр. По возвращении домой был сперва у вел. кн. ген.-адмирала и у кн. Долгорукова; я вскоре получил от его величества шифрованный моим шифром телеграмм от ген. Офросимова, который во имя верноподданнических чувств «умолял» государя отменить мое требование, несмотря на то, что в конце моей депеши значилось, что она государем одобрена. В противном случае ген. Офросимов ожидал «крайне тягостных последствий». Я разобрал депешу, отправил ее к его величеству и затем, вместо того чтобы обедать у вел. кн. Елены Павловны, заехал в Михайловский дворец извиниться и отправился в Зимний. После обеда государь позвал в кабинет, кроме меня, обедавших у него в тот день кн. Гагарина и кн. Суворова. Произошло совещание о том, что делать вследствие офросимовской депеши. Худой признак! В подобных делах не до колебаний. Кн. Гагарин, явно не соображая важнейших сторон дела, почти высказался в пользу просьбы Офросимова. Но государь сам почувствовал несостоятельность такого распоряжения. Я возражал, кн. Суворов, случайно подготовленный полученною от меня запиской, меня поддержал. Решено подтвердить именем его величества об исполнении вчерашнего распоряжения. Вернулся домой, отправил телеграмм в Москву и затем поехал на официальный прием в французское посольство[100].

16 января. Утром в Департаменте законов. Первое заседание по делу об уставе книгопечатания [14]. Получил там депешу от Офросимова о закрытии собрания.

Кн. Долгоруков передал мне, по высочайшему повелению, записку гр. Стенбока и гр. Адлерберга по делу о напечатании запрещенного № «Вести» в удельной типографии. Принужден был писать по этому поводу объяснение и послать оное к государю.

17 января. Утром получил приказание быть во дворце в 10 $^{1}/_{2}$ часов. Следовательно, опять с Долгоруковым. Так и случилось, но с прибавкою гр. Адлерберга. Речь была опять об удельной типографии. Эти мелочи отвлекают внимание от вопросов крупных. Потом государь упомянул о принятии мер против участников адреса, носящих придворные звания, например, гр. Орлова-Давыдова. Кн. Долгоруков заметил, что мы еще не имеем подробных официальных сведений. Мне пору-

---

* Мысль приходит к нам, как месть,— с запозданием.

чено истребовать эти сведения от ген. Офросимова. Исполнил это по телеграфу. Вообще замечательно, что нужно было это сделать. Несмотря на свои депеши, явно написанные после совещаний с московским дворянством и под влиянием его, его представителей или тех дам, на которых они влияли, ген.-губернатор ни слова не писал по почте, кроме самых пустых, канцелярских сообщений о ходе дел в собрании. Губернатор кн. Оболенский делал то же самое, т. е. бездействовал и безмолвствовал. Здесь едва ли было многое лучше. Никто до сих пор не оценил того, что я сделал, уничтожив, таким образом, через Сенат и по простому формальному поводу всю действительность с легальной точки зрения действий и постановлений московского съезда. Кн. Долгоруков почти сожалел о том, что я поднял дело о ст. 51. Он почти полагал, что если бы я этого не сделал, гр. Орлов-Давыдов не сказал [бы] своей речи, а г. Голохвастов не заговорил бы об окружающей его величество «опричнине» [15]. Он преимущественно озабочен будущим съездом вместо поучительного размышления над событиями и явлениями нынешнего. Когда я сегодня говорил ему, что нельзя оставлять в Москве ген. Офросимова и кн. Оболенского, он отвечал: «Mais nous n'avons pas encore reçu rien d'officiel». Rien d'officiel!* — потому что нет донесения на 20 страницах и нет его по неспособности de nos agents les plus officiels!** Этого достаточно для оценки нашего уменья. Вместо того чтобы распознавать признаки времени и взвешивать тяжеловесный вопрос об отживающем механизме нашего государственного устройства, эти господа стараются изобрести средство помешать гр. Орловым-Давыдовым высказывать, хотя и неловко, и неточно, и неуместно, часть того, что думает и ощущает Россия. Напрасные старания. Волна поднялась среди моря и идет к берегу. Ее остановить нельзя, а можно только приготовить ей ложе. На это я указывал в сентябре 1861, в феврале 1862, в апреле и ноябре 1863. Дождались речей гр. Орлова-Давыдова и покрытого рукоплесканиями собрания и присутствовавшей публики *** адреса.

Незавидна моя роль. Не говорю о том, что она неблагодарна, но сожалею о том, что при всем старании, и, быть может, некотором уменьи, она не может быть хорошо выполнена. Министр внутренних дел в подобное время должен иметь вес, которого я не имею и не могу иметь, parce que cela ferait ombrage et l'ombrage compromettrait la cause que je sers ****. Я один. Если

---

* «Но мы еще не получили никаких официальных указаний». Никаких официальных!

** от наших официальнейших агентов.

*** *Далее написано:* московского (*т. II, л. 130*).

**** потому что это вызвало бы недоверие, а недоверие повредило бы делу, которому я служу.

бы нас было двое, один мог бы пожертвовать собою для пролома или для попытки на пролом преград. Я — министр внутренних дел и полусекретарь кн. Долгорукова. Я и мы все — не слуги, а только высшие служители его величества. Pas des serviteurs, mais d'éminents domestiques *.

От нас требуется при других, конечно, формах почти та же исполнительность, как от камер-фурьера [16]. Жаль. Не для нас жаль, а для России и ее государя.

По возвращении из дворца у обедни. Потом целый день дома.

Сегодня видел во дворце ген. Безака. Анненковский кризис, наконец, разрешится [17].

18 января. Утром Государственный совет. Потом Главный, потом Западный комитет. Обедал у государя с Безаком, Милютиным (Д.) и Тимашевым. Видел у его величества прекрасные кавказские рисунки Горшельта. Государь передал мне письмо вроде адреса от кн. Одоевского с выражением верноподданнических чувств в противоположность московскому адресу. Государь был им очень доволен и поручил мне изъявить это удовольствие кн. Одоевскому. Я заезжал к нему из дворца, но не застал.

19 января. Утром Комитет министров. Конец катковского дела [18]. Слушалась резолюция; была небольшая перестрелка между Головниным и другими членами, но дело уладилось благополучно. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Странное время. Говорят, что в Мариинском дворце [19] мягко отзываются о московском адресе. В Мраморном [20] нет для него достаточно жестких выражений; в Зимнем сдержанный гнев; в Михайловском [21] разные попытки к добрым советам. Вчера Коцебу передавал мне от имени вел. княгини, а сегодня она сама говорила мне, что следовало бы государю прямо высказаться по поводу адреса в форме рескрипта на мое имя, и, указав на общее направление своего царствования, положительно указать и на твердую решимость удержать за собою всякую инициативу в деле государственном. Между тем Тимашев предлагает то же самое высказать в аллокуции собранным здесь ген.-губернаторам с тем, чтобы публиковать аллокуцию; а Паскевич и Бобринский желают, чтобы аллокуция была обращена к московскому губернскому предводителю и заключала в себе нечто похожее на обещание. Кн. Одоевский со своей стороны тешится оригинальной мыслью, что кн. Долгоруков будет приискивать подписи к его адресу, а кн. Долгоруков преимущественно занят изобретением такого способа разъяснения статей ныне действующего закона, который преградил бы путь к дальнейшим заявлениям, вроде московского. Как будто в подобных случаях

* Не слуги, но высшие служители.

разъяснения останавливали и как будто не достаточно разъясняли в 1862 году.

20 января. Утром в Сенате, у вел. кн. Константина Николаевича и в Департаменте законов, где продолжали рассматривать проект устава о книгопечатании.

21 января. Утром в Департаменте законов. То же, что вчера. Невероятно pseudo-либеральное стремление всех почти членов собрания к обезоруженню правительства против прессы. Головнин и Корф говорили о газетах, как об «Илиаде». Я и здесь один поддерживаю внесенный проект [22].

22 января. Утром всеподданнейший доклад. Государь останавливается на мысли о рескрипте по московскому делу. Он сегодня высказывался по этому делу самым одобрительным образом, напоминая прежние слова свои (1862 г.) о том, что, предупреждая его, его заставляют отказывать. Следовательно, если не предупреждать, он может даровать то, что желают. Я говорил о невозможности оставлять Офросимова в Москве. «Кого же ты думаешь назначить на его место,— сказал государь.— Тимашева?» — «Нет,— отвечал я,— мне казалось возможным предложить Вам Муравьева. Таким образом...» Государь улыбнулся, и довольно весело, входя в мою мысль о возможности сбыть, таким образом, Муравьева из Вильно, сказал: «L'idée n'est pas mauvaise» *. С меня было на первый раз довольно, и я продолжал доклад по другим делам.

Обедал у его величества. Вечером у вел. кн. Екатерины Михайловны. Proverbe de Fredro: «Une question romaine» **. Впрочем, soirée plus ou moins manquée ***. Ожидали государя. Он не приехал.

23 января. Утром в Департаменте законов. Конец совещаний по уставу о книгопечатании. Главное выиграно, несмотря на состав собрания и разные попытки ввести существенные изменения в проект. Заседание Польского комитета. Вечером дома. Был Тимашев, который озабочен предстоящим совещанием о выкройке для него оренбургского ген.-губернаторства по новому плану.

24 января. Утром у обедни. Выходил пешком. Видел перед обедом Мальцова (С. И.), которого уговаривал приняться за устройство у нас заведения для matériel de chemins de fer ****. Обедал у нас Шидловский, род прощального для него обеда en très petit comité *****. Вечером бал во дворце.

---

* «Мысль не плохая».

** Поговорка Фредро: «Римский вопрос».

*** более или менее неудачный вечер.

**** железнодорожных материалов.

***** в очень тесном кругу.

25 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Потом совещание у военного министра по сибирско-киргизским вопросам [23]. Окончательного результата не дождался, потому что должен был ехать обедать к государю. После обеда дома. Был Щербинин перед отъездом в Москву.

26 января. Утром Комитет министров. Вечером особое совещание у вел. кн. Константина Николаевича по возникшим со стороны министра юстиции возражениям против высочайшего повеления, односторонне испрошенного и объявленного Бутковым насчет дальнейших действий председательствуемой им комиссии. Замятнин просил внесения дела в Совет министров. Государь приказал рассмотреть его вел. князю, кн. Гагарину, Корфу, Урусову и мне при Замятнине и Буткове. Возвратясь домой, почувствовал себя сильно нездоровым и на всякий случай распорядился так, чтобы дело не стало, если я слягу.

27 января. Целый день дома. Сильно простудился. Без меня состоялось заседание Департаментов экономии и законов по части проекта устава о книгопечатании, относящейся до штемпельного сбора и штатов [24]. Все мои предположения отвергли, как и следовало ожидать, но дело пойдет далее.

28 января. Утром, несмотря на 20° мороза, выехал. Совещание у государя по московскому делу. Его величество, вел. князь, председатель Государственного совета, кн. Гагарин, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, кн. Урусов и я. Вопрос о рескрипте. Кн. Гагарин по обыкновению находил все неудобным, кроме мелких канцелярских разъяснений, и, забывая о существовании почт, утверждал, что адрес не мог быть представлен государю московским дворянством, потому что министр внутренних дел мог отказаться его представить. Все прочие были того мнения, что положительное изъявление высочайшей воли в настоящих обстоятельствах необходимо. Проект рескрипта мною прочитан и в общем виде одобрен. Кн. Горчаков пожелал комплиментарной фразы в честь дворянства, которую я обязался включить. Была речь об исключении из придворного звания гр. Орлова-Давыдова и Безобразова, но ничего не решено о том окончательно. После ухода кн. Гагарина, кн. Горчакова и кн. Урусова государь, задержав своего брата, Долгорукова и меня, говорил о кандидатурах в Москву на место Офросимова. Он упомянул, снова при том улыбаясь, о моем предложении насчет Муравьева. Потом были названы кн. Суворов, Муравьев-Карский, признаваемый слишком больным, Тимашев, кн. Владимир Дмитриевич Голицын, Назимов. Ничего не решено.

Затем дома за работой.

29 января. Утром доклад *. Проект рескрипта окончательно

---

* *Далее написано:* государю (*т. II, л. 133*).

одобрен. Испросил разрешение поместить в «Северной Почте» статью из «Nord», инспирированную кн. Горчаковым и государем положительно и несколько раз одобрявшуюся при вчерашнем совещании. В ней прямо высказывается мысль, что правительство не противно учреждению у нас представительства на здравых началах, но не хочет только адвокатского парламентаризма Запада, которого не могла вынести Франция и который теперь затрудняет Пруссию. Перед обедом отправил рескрипт к подписанию государя, но он возвратил его с некоторыми * собственноручными вариантами и подписал только при вторичной посылке вечером. Завтра он будет напечатан в «Северной почте» [25].

30 января. Целый день дома по нездоровью.

31 января. Утром у обедни. Днем дома. Вечером был Шувалов. Он fifficus **. Узнал, что государь завтра принимает московского губернского предводителя кн. Гагарина и отпустил в Москву ген. Офросимова ***. Это награда им за то, что они на меня клеветали, и мне за то, что я служил добрую службу его величеству. Написал кн. Долгорукову, что для меня довольно, что министром внутренних дел в подобное время может быть только человек, пользующийся доверием государя, что завтра я не поеду в Совет, куда мне возвращаться не придется, и что я прошу его на пути туда ко мне заехать.

1 февраля. Утром получил записку от Долгорукова, в которой он объясняет прием Гагарина тем, что будто бы московские губернские предводители всегда прямо являются к государю, и спрашивает, хочу ли я, чтобы ввиду этого моя записка была послана к его величеству. Потом он был у меня. Я сказал, что в сущности положение дела этим обстоятельством не изменяется. Он завтра намерен сказать о том государю.

Целый день дома. Думаю о перемене моей судьбы и о переменах ее вообще. Внутренно я совершенно спокоен. Только мысль о семье ложится тенью на другие мысли.

Ihn lasse du nur walten;
Er ist ein weiser Fürst
Und wird sich so verhalten,
Dass du dich wundern wirst ****

---

* *Далее в скобках написано:* незначительными (*т. II, л. 133*).
** плут.
*** *Далее в скобках написано:* оттуда приехавшего (*т. II, л. 133*).
**** Не мешай ему править —
Он мудрый князь,
И он будет так действовать,
Что ты удивишься.

Тимашеву хочется в Москву. Между тем он отказался по болезни от Оренбурга, и на его место назначен Крыжановский, много испытывавшийся, но едва ли много испытанный.

8 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером дома.

9 февраля. Комитет министров. Потом Кавказский. Потом Польский, где Н. Милютин с самой желчной ненавистью хотел провести мысль о высочайшем повелении, долженствовавшем предопределить все канцелярские подробности делопроизводства редакционной комиссии, учреждаемой в Царстве Польском для начертания начал судебной реформы. Целью было связать Арцимовича *, который будто бы противодействует в польском духе русским преобразованиям Милютина. Эта игра высочайшими повелениями производит тяжелое впечатление. Раздражительность и желчь Милютина тоже до крайности тягостны. Ему вторят Чевкин и Зеленый. Этого достаточно, чтобы остеречься. Они, как бакены, всегда обозначают отмели в государственном море. Их энергия — буруны на поверхности; их взгляды — не далее завтрашнего дня; их мысль — не глубже татарской или японской премудрости.

Вечером на 1/2 часа у английского посла на бале. Buchanan не lord Napier. Er steht wenig dahinter **. И Talleyrand не находка. Вообще дипломатический корпус у нас теперь не блистательный. К нам шлют представителей второклассных. Наше значение утрачено. Милютины, Гроты, Жуковские, Бутковы, Чевкины и Рейтерны, о Рейтерне говорю с сожалением, слишком премудро постарались нас возвеличить. Недоставало монгольского блеска Муравьева. И он облил нас вдоволь.

10 февраля. Утром в Сенате. Потом дома.

Шувалов, ездивший в Москву по случаю смерти его тестя Черткова, возвратился вчера и привез разные объяснения (конечно, на словах) от кн. Гагарина к государю. Речь о настроении местного дворянства вследствие рескрипта от 29 января, о разных conciliabules ***, о намерении уездных предводителей поочередно выходить в отставку и т. п. Le dessous des cartes quant à Schouvaloff **** заключается в том, что он уже занимается Москвою не менее Риги в предвидении будущего управления Министерством внутренних дел.

11 февраля. Утром дома, за исключением краткой поездки к министру финансов, которого я не застал, и к гр.

---

* *Далее в скобках написано:* прежнего друга Милютина (*т. II, л. 135*).

** Он мало чего стоит.

*** тайных сборищах.

**** Что касается Шувалова, то его задняя мысль.

Хрептовичу, которого видел. Вечером на бале у Хитрово, pour y faire acte de présence *.

12 февраля. Утром доклад у его величества. Ничего особого. Вечером бал у Штиглица. Открытие его нового palazzo. Дом прекрасный и бал прекрасный. Оставался, конечно, недолго, но видел достаточно. Кн. Долгоруков, qui à l'époque critique que nous vivons poursuit imperturbablement le cours de ses études politiques**, сказал мне, что он объяснялся с Н. Милютиным насчет того, как он разумеет устройство управления под фирмою: «Царь и народ». Милютин объяснил, что прежде дворянство стояло между государем и частью подданных, но что и тогда уже не было никого между царем и государственными крестьянами. Теперь же вместо 10 млн., имеющих прямое общение с царем, 20 млн.,— вот и все различие. Управление по-прежнему будет состоять из элементов интеллигенции без различия сословий, призываемых к правительственной деятельности правительственной властью. Кн. Долгоруков говорит, qu'au moins il est très content davoir appris comment ces messieurs l'entendent. Je lui ai dit que c'était une sagesse d'Etat qui me semblait très simplifiée dans ses éléments, mais qui ne m'en inspirait pas plus de confiance ***. Кн. Долгоруков заметил еще, que nous sommes trois ou quatre qui n'aurions pas peur du contrôle de représentants ou députés, mais que le reste de nos collègues préféreraient mener leur barques comme à présent****. В этом он совершенно прав.

13 февраля. Утром на бегу. Вечером бал или soirée dansante ***** у Тройницких. Ни в одном доме не встречается un beax sexe aussi laid ******.

14 февраля. Утром у обедни. Не выходил до вечера. Вечером был у кн. Кочубей.

15 февраля. Дома. Пост и, наконец, прекращение уличной и салонной агитации на несколько дней.

16 февраля. Утром Комитет министров. Заседали до 5 часов. Обычное впечатление. Не правительство, а плохие приказчики. Не каждый врознь, а в итоге.

---

* чтобы показаться там.

** который в переживаемую нами критическую эпоху невозмутимо продолжает изучение политических наук.

*** что он, по крайней мере, очень доволен, что узнал, как эти господа его понимают. Я ответил, что, как мне кажется, основы этой государственной мудрости весьма упрощены, и что она не внушает мне большого доверия.

**** что трое или четверо из нас не побоятся контроля представителей или депутатов, но остальные предпочли бы вести свои дела так, как они вели их до сих пор.

***** танцевальный вечер.

****** таких некрасивых представительниц прекрасного пола

17 февраля. Утром заезжал к Ахматову. Продолжительный разговор на обычные с ним темы. Повторял * убеждение, что интересы церкви требуют движения. Он говорит, что его идеал — величие России и т. п. Следовательно, точка отправления обер-прокурора св. Синода вовсе не синодальная. Я отвечал, что его идеал недостижим тем путем, которым мы идем, или, скорее, снуем то вперед, то назад. Вечером совещание у министра финансов с кн. Долгоруковым по поднятому мною общему вопросу об изыскании средств к уменьшению того материального всеобщего расстройства, которое в свою очередь возбуждает всеобщее умственное раздражение. Кн. Долгоруков начал совещание с сообщения по высочайшему повелению всеподданнейшей записки гр.** Бобринского на разные экономические темы [26]. Кроме общих мест, нескольких трюизмов и еще большего числа общепринятых в настоящее время парадоксов (например, об излишестве кредитных билетов, когда первоначальные уплаты по займу возвратили в казну в 6 недель до 7 млн. не этих билетов, а билетов государственного казначейства), в ней ничего нет. Потом мы перешли к вопросам о поземельном кредите (о котором гр. Бобринский забыл), о железных дорогах и об исследовании вообще экономического положения государства. Результат почти = 0. Удалось мне только констатировать согласие министра финансов на участие правительства в устройстве акционерного поземельного банка, буде к тому найдутся охотники. Вообще, впечатление неотрадное, но других не бывает [101].

18 февраля. Утром в соединенном присутствии Главного комитета и Департамента законов. Дело о государственных крестьянах [27]. Затем дома.

19 февраля. Утром доклад у его величества в двух частях. Между нами было совещание по поводу записки гр. Бобринского. Участвовали его величество, кн. Долгоруков, Рейтерн и я. Результат — 0, + поручение переговорить о нуле с Бобринским.

20 февраля. Утром доклады. Вечером конференция с гр. Бобринским у Рейтерна.

21 февраля. Утром у вел. кн. Константина Николаевича, который присылал за мною, чтобы предварить о мысли, предстоящей к заявлению в завтрашнем заседании Государственного совета по делу об уставе книгопечатания. Мысль заключается в том, что составленный проект будто бы слишком торжествен и полон, что лучше дело сделать как-то по частям, и т. п. Вел. князь не сказал, кто будет заявлять эту мысль, но видно

---

* *Далее в скобках написано:* вчерашнее (*т. II, л. 136 об.*).
** *Далее в скобках написано:* А. А. (*т. II, л. 136 об.*).

было, что она исходит от Н. Милютина, который подбил к тому и кн. Горчакова. Я отвечал в сущности, что предоставляю себе завтра окончательно высказать мое мнение, но что на первый взгляд я не вижу ни пользы, ни даже практической возможности предположенной перемены.

22 февраля. Утром Государственный совет. Два часа безрезультатных прений по делу об уставе книгопечатания. Упомянутая вчера мысль была заявлена Милютиным. Корф предложил вел. князю обратить дело в департамент. Видно было, что многие члены из старших и наименее понимающих дело были в пользу этой отсрочки инстинктивно, в надежде кое-как от коечего отделаться. Я не настоял на подаче голосов, чтобы не компрометировать преждевременным упорством сущности дела. Таким образом, придется еще раз повторять столько раз уже повторенное и в департаменте, и в общем собрании.

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Герцог более и более крепок на ухо [28]. Его политические воззрения чистейшего мекленбургского свойства.

23 февраля. Утром Комитет министров. Заезжал к Гернгросу. Потом дома.

24 февраля. Утром разные доклады. Ничего нового по делу об уставе книгопечатания, кроме разных толков в городе.

25 февраля. Утром в Невском. Был у Долгорукова и Оболенского. Потом дома.

26 февраля. Утром доклад у его величества. Сказал ему, по делу об уставе книгопечатания, что ему известно, что я никогда не говорю о делах, рассматриваемых в высших коллегиях, ожидая, чтобы они дошли до него в установленном порядке, но что в настоящем случае я долгом считаю просить его только об одном: не поощрять невольно чьих-либо задних мыслей, потому что без задней мысли я не в состоянии истолковать те затруднения, которые встретились в Государственном совете не по существу дела, а только по форме издания нового закона. Потом заезжал к герцогу Лейхтенбергскому по делу об учреждаемом под его попечительством обществе посещения бедных.

27 февраля. Утром заседание в Департаменте законов по делам Оренбургского края [29]. Потом дома.

28 февраля. У обедни. Выезжал утром. Был на бегу. Воспоминания молодости при виде В.* и г. Ф.*

1 марта. Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером у гр. Апраксиной на помолвке или обручении ее дочери с гр. Чернышевым-Кругликовым. Сценические способности людей. Долго смотрел на приезжающих и любовался

---

* Фамилии обозначены начальными буквами.

выражением теплой искренности на их лицах при принесении поздравлений. M-r Dupuis et m-me Naptal n'auraient pas mieux fait*.

2 марта. Комитет министров. Потом Комитет кавказский. Заезжал в Министерство. Обедал у английского посла [30]. Жаль Нэпира. При нем в этом доме веял другой воздух.

Бремя разных неофициальных забот тяжело гнетет голову. Ей нужно было бы быть свежей, чтобы справиться с заботами официальными.

3 марта. Утром разные доклады. Дома, кроме краткой поездки по городу.

4 марта. Утром дома. Вечером в лавре. Заседание присутствия по делам духовенства [31]. Его духовные члены невозможны. Il me font l'effet de bonzes**.

5 марта. Утром доклад у его величества. Обедал там же. Вечером видел приехавшего из Пскова гр. Палена.

6 марта. Утром заезжал к М. Т. Пашковой. Не был у нее 25 лет. Какая бездна между тем временем и нынешним. Вечером на лекции г. Молинара. Он, вероятно, считает нашу публику на уровне 4-го класса гимназий.

7 марта. Утром у обедни. Вечером у Т. Б. Потемкиной на лекции г. Осинина о современном движении в англиканской церкви к сближению с православною. Замечательное дарование. Впечатление тем более своеобразное, что с самым неправильным выговором Осинин соединяет самую правильную речь.

В нашей политической среде я вынужден трудиться без всякой надежды на близкий успех. Я верю в будущность России, но в дальнюю, а не в ближайшую. Спокойно и мирно узел не развяжется. Признаки потрясения множатся. Если бы я не имел веры в будущее, я считал бы их признаками разложения. Для поворота к лучшему, видно, требуется, чтобы сперва дан был простор худшему. Ежедневно спрашиваю себя: не пора ли? Но судьба молчит. Нет ожидаемого знака. Если бы мне следовало уходить теперь, я бы не был так обставлен, что не могу двинуться и не имею ясного повода двинуться. Дни идут за днями. Горизонт покрыт тучами. Между тем ничто от него ясно не отделяется и я напрасно ставлю вопрос: «Sœur Anne, ne vois tu rien venir» ***

8 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером на рауте у кн. Горчакова. Видел там А. К. Карамзину. Она приводит мне на память целое тридцатилетие. Теперь вечер. Какое яркое утро было тогда!

---

* Ни г. Дюпюи, ни г-жа Напталь не сыграли бы лучше.

** Они производят на меня впечатление бонз.

*** «Сестра Анна, посмотри, не идет ли сюда кто-нибудь?»

9 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. От Польского я уехал.

На днях кн. Горчаков сообщил мне два письма нашего посланника в Берлине д'Убри о его разговоре с Бисмарком насчет дел протестантской церкви в России. Речь шла об интерпелляциях, ожидаемых в прусских палатах, и о поручении, данном прусскому посланнику здесь, гр. Редерну, переговорить об этом с кн. Горчаковым. Кн. Горчаков отвечал письмом dans son genre feu d'artifice* и отклонил довольно ловко предстоявшую экспликацию с Редерном. Государь написал на депеше д'Убри, что мне следует поручить гр. Шувалову добраться до источников de ces intrigues **. Я написал о том Шувалову, но в то же время написал и Горчакову, que ce n'étaient pas des intrigues, mais une explosion *** и развил с некоторой подробностью мой взгляд на дело, приложив и копию с моего официального отзыва обер-прокурору св. Синода от 4-го марта по частному вопросу о разрешении трех смешанных браков без отобрания подписок насчет воспитания детей в православии. Кн. Горчаков послал мою записку и приложение к ней к государю. Судя по переданному мне позднейшему разговору кн. Горчакова с его величеством, можно предполагать, что успех становится правдоподобным. С 1861 года я воюю за свободу совести. Несколько раз уже я приближался к цели, но до сих пор обстоятельства постоянно отбрасывали дело назад.

10 марта. Утром заседание в Департаменте законов по вопросу об уставе книгопечатания. Потом дома.

11 марта. Утром в Сенате. Заезжал к кн. Горчакову и к Карамзиной. Вечером дома.

12 марта. Утром доклад у его величества. Государь приказал быть у него завтра для совещания с кн. Долгоруковым и кн. Горчаковым по делу о смешанных браках. Добрый знак. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома.

13 марта. Утром совещание у его величества с кн. Горчаковым и кн. Долгоруковым. Вопрос, по-видимому, решается утвердительно. В понедельник до заседания Государственного совета мы созываемся снова, но с присовокуплением к составу конференции обер-прокурора св. Синода, кн. Урусова и духовника его величества Бажанова. После совещания у государя заседание в Департаменте законов по вопросу об уставе книгопечатания. В Департаменте дело еще раз кончено. Очередь опять за общим собранием.

14 марта. Утром у обедни. Выходил пешком. Вечером у Т. Б. Потемкиной. Продолжение лекций Осинина.

---

* своим обычным фейерверком фраз.

** этих интриг.

*** что это были не интриги, а взрыв.

15 марта. Утром назначенное совещание у государя. Сначала Ахматов, Урусов и Бажанов были против допущения каких-либо облегчений по смешанным бракам [32]. Но по мере того, как государь продолжал высказываться в другом смысле, оппозиция Урусова слабела, а Бажанова — исчезала. Ахматов один напрягал все усилия от сухого отрицания до патетических взываний к «первому сыну и главному покровителю» православной церкви. Как будто полицейская помощь составляет главную сыновную обязанность и высший вид покровительства. Кн. Долгоруков был по обыкновению мягок и нерешителен, но, однако же, высказывался в пользу облегчений. Кн. Горчаков говорил в том же смысле, хотя не так отчетливо, как я ожидал. Чтобы не рисковать успехом в этом критическом и решительном случае, я ограничился настаиванием на принятии, по крайней мере, административного способа решения вопроса в Прибалтийском крае. Так и положено. В отношении к другим случаям применения нынешних законов к местному pseudo или полуправославному населению сделана мною осторожная оговорка, так что разрешение частных вопросов будет зависеть на практике от ген.-губернатора. Ахматову и мне поручено составить проект высочайшего по сему предмету повеления. По выходе из кабинета его величества Ахматов объявил мне, что он не останется обер-прокурором и что исполнять будет кто-нибудь другой, а не он. Быть может, но я не уверен. Потом был в Государственном совете. Затем заседание Главного комитета. Обедал у государя с Ахматовым, Урусовым, кн. Гагариным и некоторыми другими лицами. После обеда Ахматов, очевидно, говорил государю об утреннем совещании, но я не мог ни слышать, ни догадаться по выражению лиц, какого свойства был разговор.

16 марта. Утром Комитет министров. Дело о Южной железной дороге барона Унгерна [33]. Проект прошел, несмотря на старообрядческую оппозицию кн. Гагарина и Зеленого, на канцелярское невежество Буткова и на вялость и колебания Мельникова. Потом Польский комитет. Обедал у его величества. Большой обед для послов английского и французского [34] с их супругами. Вел. кн. Елена Павловна была хозяйкой и сидела между послами, а государь — между леди Буканан и баронессою Талейран. Вечером дома.

17 марта. Утром на похоронах тайн. сов. Штакельберга. Он умер от тифа, которым заразился в больницах, устроенных по случаю свирепствующей здесь эпидемии. Он был членом временного по этому делу комитета. Остальную часть дня дома.

18 марта. Утром заходил к Ахматову. Он отозвался насчет исполнения возложенной на нас совместно задачи, что еще полагает видеться с государем. Вечером у вел. кн. Елены

Павловны. Государь подошел ко мне тотчас по приезде и спросил кончил ли я дело с Ахматовым? Я отвечал, что нет, что я был у Ахматова, но что он еще желал доложить о том его величеству. Так я условился с Ахматовым отвечать на случай вопроса при завтрашнем докладе. Я сказал Ахматову, что желаю en agir loyalement avec lui, malgré que j'en attende à ce qu'il me remette le métropolitain Philarète à dos * (так было по раскольническому вопросу). «Напрасно,— отвечал государь.— Я именно желал, чтобы дело было кончено до доклада». Возвратясь домой, я написал краткий проект высочайшего повеления.

19 марта. Утром всеподданнейший доклад. Прочитал государю составленный мною проект. Государь сказал, что он приказал Ахматову быть в 12 час. и что я должен обождать его приезда. Позже мы были позваны вместе. Государь спросил, сообщил ли я проект Ахматову. Я отвечал утвердительно, потому что успел это сделать до позыва в кабинет его величества. Тогда государь заявил, что он одобряет проект, и, видя сумрачное лицо Ахматова, сказал ему, довольно строго: «Ne faites pas une figure de circonstance et asseyez-vous **. Потом мне приказано было прочитать проект, и государь вторично заявил свое одобрение и сказал, что теперь остается объявить высочайшее повеление. Ахматов отвечал, что он просит позволения доложить, что его убеждения совершенно противны этому делу. Государь сказал, что он признает за ним вполне право сохранять свои убеждения, но что он, в свою очередь, имеет право требовать, чтобы его воля была исполнена. Тогда Ахматов просил позволить ему повторить просьбу об увольнении от должности. Лицо государя несколько изменилось. «Это другой вопрос,— сказал он,— но между тем я требую, чтобы моя воля была исполнена». Обратясь ко мне, государь приказал сообщить или передать для этого мой проект Ахматову. Я встал, находя мое положение при начинавшемся или предстоявшем объяснении неловким, и, сказав, что проект будет мною переслан Ахматову, вышел.

Обедал у государя. Были опять некоторые дипломаты, и во главе их герцог Оссуна, который обиделся, что не был приглашен вместе с Талейраном и Букананом. Государь не сказал мне ни слова о происходившем между ним и Ахматовым после моего ухода.

20 марта. Утром доклад. Сегодня годовщинный обед в Английском клубе. Я не поехал. Не время. Слышал, что кн. Гор-

---

* действовать лояльно по отношению к нему, хотя и жду, что он опять навяжет мне митрополита Филарета.

** «Не делайте такого лица и садитесь».

чаков не только говорил спичи, но даже вступил в dialogue politique * с гр. Delaunay, итальянским посланником [35]. Вчера приехал из Вильно М. Н. Муравьев. Встреча не имела прошлогодней торжественности. Был Скарятин, вчера вернувшийся из Ниццы.

21 марта. Утром у обедни. Выезжал. Был у Скарятиной и у Карамзиной. Вечером дома.

22 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет, где происходил ряд пререканий между приглашенными к заседанию гр. Бобринским и Галаганом [36] **. Дело было близко к неприличию. Вечером на рауте у кн. Горчакова. Кн. Долгоруков сказал мне, что Муравьев был у государя и что решено, что он не возвратится в Вильно. Его величеству удалось направить разговор так, что Муравьев сам просил увольнения по случаю расстроенного здоровья, хотя, вероятно, в ожидании, что его упросят остаться. Но государь ответил, что он просит его дать несколько дней срока, чтобы о том подумать и, таким образом, закрепил принесенную просьбу.

23 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский, от которого я уехал. Обедал у государя, который после обеда, уходя в свой кабинет, позвал меня с собою и сказал, что Ахматов вчера объявил известное высочайшее повеление св. Синоду и что дело обошлось хорошо. Потом его величество рассказал сам, очень весело улыбаясь, то, что происходило между им и Муравьевым, и предупредил меня, что в пятницу будет речь об официальных по этому предмету распоряжениях.

24 марта. Утром Государственный совет. Дело устава книгопечатания проведено через общее собрание с почти блистательным успехом [37]. Я сам чувствовал, что говорил удачно. При первой подаче голосов оказалось на моей стороне 28, против — 14. Противная сторона упала духом, чувствуя, что верх взят. При двух других вотировках было снова на моей стороне значительное большинство. Решительно без божией помощи мне было бы невозможно ни так выходить из некоторых затруднений, ни даже выдерживать ту жизнь, которую я веду.

25 марта. Утром у обедни. Потом ездил к Муравьеву. Все тот же. Обедал у английского посла. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

26 марта. Утром совещание у государя по вопросу об увольнении ген. Муравьева и учреждении вместо его временного в Вильно правительства из генералов Хрущова и Потапова. Воображают, что Муравьева нельзя заменить в единственном числе.

---

* политический разговор.

** *Вместо:* Галаганом Безаком (*т. II, л. 142 об.*).

Решено отправить в Вильно ген.-ад. Кауфмана для объяснений с Хрущовым и Потаповым. Потом всеподданнейший доклад. Потом Совет министров. Дело о Черновицкой железной дороге [38]. Кн. Горчаков, ген.-ад. Тотлебен и я сильно ее отстаивали, и я, в особенности, без всякой бережливости указывал на несостоятельность аргументации министра финансов и ее противоречие с его же собственными аргументами, употреблявшимися в других случаях. Вел. кн. Николай Николаевич, принц Ольденбургский, гр. Адлерберг и Краббе явно нам сочувствовали, хотя, за исключением принца, сочувствие выражалось только вполголоса или ужимками. Видно было, что и государь сочувствовал делу. Призванный к совещанию гр. Бобринский говорил в его пользу. Военный министр колебался. Но Рейтерн настаивал на своем мнении и его поддерживали Чевкин, Мельников и кн. Гагарин. Зеленый также говорил против дороги. Кн. Долгоруков молчал, но его мнение, противное нашему, было заранее известно. Большинство, оказалось, тем более против нас, что и вел. кн. Константин Николаевич вторил министру финансов, а Милютин под конец к нему пристал. Государь кончил, мотивируя свое решение мнением большинства и в особенности министра финансов, утверждением мнения большинства членов Комитета железных дорог, т. е. отклонением, впредь до изысканий по трем разным направлениям, предложений Офенгейма. После Совета министров заседание Главного комитета по вопросам Юго-западного края. Вечером в Александро-невской лавре заседание присутствия об улучшении быта духовенства, потом дома, наверстывая по обыкновению время, проведенное в разных заседаниях.

27 марта. Утром заезжал к Муравьеву, к которому в 3 часа должен был приехать кн. Долгоруков для объявления ему об окончательном принятии государем его просьбы об увольнении от генерал-губернаторства. Сегодня эта лисица меня поцеловала, хотя жаловалась государю на встречаемое будто бы от меня противодействие. Позже дома за работой.

28 марта. Утром у обедни. Выезжал. Потом дома.

29 марта. Начало страстной недели. Бумаги и говенье, которое с ними мало согласуется.

30 марта. Утром за мною присылал вел. кн. Константин Николаевич. Дело о рескрипте, который кн. Оболенский задумал мне дать по делу о новых постановлениях для печати. Считаю его ненужным, но обещал пересоставить на всякий случай проект кн. Оболенского, который вел. князь признавал неудовлетворительным. Кроме того, его высочество меня уламывал целых $^3/_4$ часа насчет дела о государственных крестьянах [39]. Влияние его собственных предвзятых мнений и мнений Милютина и Жуковского очевидно. Он мне дал записку, в которой

будто бы заключается начаток другой системы разрешения этого вопроса. Не миновать, по-видимому, столкновения на этой почве. Его вообще нельзя избегнуть со временем, но теперь немного рано, особливо при предстоящем путешествии государя и председательствовании вел. князя во временной правительственной комиссии.

Вчера я был у Ахматова, с которым государь поручил переговорить насчет мер, могущих потребоваться в отношении к отпадающим от православия лифляндским крестьянам и к местным лютеранским пасторам. Ахматов отозвался, что ожидает увольнения, и потому может дать личное мнение, а не должностное, которым предрешалось бы мнение его преемника. Впрочем, он не возражал против моих предположений.

31 марта. Целый день дома.

1 апреля. Удостоился св. причащения. Выходил на $^1/_4$ часа. Потом работал и написал проект рескрипта ген. Муравьеву о возведении его в графское достоинство. Этот проект мне было поручено еще в прошлую пятницу изготовить. Между тем третьего дня государь прислал мне другой проект, изготовленный кн. Гагариным, которому его величеством было сообщено о предположении уволить ген. Муравьева. Кн. Гагарин, очевидно, на меня не надеялся в этом случае. Государь предоставил мне принять к соображению его проект, замечая, что на рескрипт будет обращено всеобщее внимание и что в нем каждое слово должно быть взвешено.

Из Ниццы получаются снова тревожные известия насчет здоровья цесаревича [40]. Туда послан вчера доктор Здекауер.

2 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Государь одобрил проект рескрипта будущему графу Муравьеву, объявил мне, что назначает меня членом Комитета железных дорог, и поручил известить о сем ген. Чевкина. Это сделалось, как мне говорил Рейтерн, по его предложению. Государь сказал мне, что он полагает ехать 13-го числа, что с ним на 2 недели едет кн. Суворов, которого между тем заменит ген.-ад. Ланской, и что вел. кн. Александр Александрович еще ранее уедет к больному брату. Затем дома. Работа по наградным спискам и по очистке разных дел перед праздником. Для меня, к сожалению, отдыха предвидится немного.

3 апреля. Утром вел. кн. Константин Николаевич присылал за мной. Идея рескрипта по делу об уставе книгопечатания, по-видимому, упадает в воду. Позже Польский комитет. Записка Н. Милютина о преобразовании гражданского управления в Царстве. Громкое название. Много предварительных толкований. Между тем на деле весьма немного. Речь только о том, чтобы увеличить число губерний и уездов в видах уменьшения их

размеров и уподобить их французским префектурам и суб-префектурам. Даже и это немногое пока in forma embryonis*.

В 7 час. вечера получил от государя письменное приказание приостановиться отсылкою рескрипта к ген. Муравьеву. Из Вильно вернулся Кауфман и сообщил о затруднениях, встречаемых будущими близнецами — Хрущовым и Потаповым. Кн. Долгорукову приказано вызвать сюда по телеграфу Потапова. Позже вечером мне прислана александровская лента [41].

4 апреля. День св. пасхи. На заутрени в Зимнем дворце. Новостей немного. Рейтерну и Мельникову даны синие ленты [42], Зеленому — орден св. Владимира 2-й степени, гр. Ферзену — александровская, гр. Адлербергу — полк [43], Мезенцов произведен в генералы, Исаков назначен ген.-адъютантом, кн. Львов и гр. Апраксин — флигель - адъютантами. Кн. Оболенский, le mari de la belle**, назначен гофмейстером и еще кое-что. Щербатов сделал мне небольшую сцену по поводу пожалованной ему станиславской ленты [44]. Она ему не под стать при игре в оппозицию. Для этого я ее и выпросил. Вернулся домой в 2 часа, потом был на $^3/_4$ часа у кн. Кочубей. Сегодня утром выходил пешком, был у Тройницкого, кому также дан орден Белого орла, и встретил на улице Огарева, который уже хлопочет о новой командировке в Нижний и пр. Cela s'appele gouverner***. У меня был Безак, которому лавры ген. Муравьева мешают спать и который, очевидно, под его влиянием.

5 апреля. Утром был во дворце для принесения благодарности государю. Он принял меня очень благосклонно, сказал, что пожалованием александровской ленты желал всем заявить, что он мною доволен, и присовокупил: «Vous savez que je vous apprécie et que je vous soutiendrai»****. Странно только, что для меня его величество присваивает должное значение ленте, которую без этого значения давно носят и Прокопович-Антонский, и Н. А. Муханов, и многие другие. Государь велел быть завтра в 10 часов утра для окончательного совещания по вопросу о ген. Муравьеве и о назначении на его место в Вильно.

Вечером внезапно получил от кн. Долгорукова извещение, что государь едет завтра за границу вследствие печальных известий, полученных о болезни цесаревича. Через полчаса получил от Долгорукова текст известия об этой болезни для помещения завтра во всех газетах. По-видимому, болезнь в спинном мозгу, уже распространившая свое действие на головной мозг.

Врачи несколько месяцев лечат вел. князя от простуды и рев-

---

* в зачаточной форме.

** муж красавицы.

*** Это называется управлять.

**** «Вы знаете, что я вас ценю и окажу вам поддержку».

матизма!! Вел. кн. Александр Александрович, выехавший в Ниццу вчера утром, узнает о том в Берлине.

Потапов приехал, был у меня. Он вне себя насчет Хрущова, считает подчинение ему невозможным, а насчет управления Муравьева отзывается, как я думаю и отзываюсь полтора года. А он подносил иконы и подписывал адресы виленскому паше. Своя рубашка ближе других рубашек. Был с ним у кн. Долгорукова в 11 часов вечера. Прямой решимости нет. Успех сомнителен.

6 апреля. Утром во дворце. Поэтому не был в честь Ломоносова ни в лавре, ни в Академии. Продолжительное совещание у государя (который глубоко огорчен, так что больно на него смотреть) с кн. Долгоруковым, военным министром и Потаповым. Призрак единства власти в эполетоносце, поддерживаемый военным министром, еще раз восторжествовал. Потапова не решились назначить ген.-губернатором. Готовы были оставить до времени Муравьева, и я с трудом успел достигнуть того, что бумаги о его увольнении будут посланы к подписи государя за границу. В Вильно назначается ген.-ад. Кауфман. Он не знает ни края, ни администрации, но он может быть в одно время и начальником военного округа и ген.-губернатором. Это для Милютина arena* успеха. Государь колебался, но уступил интимидационным доводам. Мы так слабы, так малоумеющи, что не надеемся на центральную власть и не верим в собственную силу в Западном крае. Если бы поляки знали, как мы их боимся! Если бы Европа знала, как мы неустрашимы на словах и малодушны на деле! Когда Потапов говорил, что край разорен и еще более разоряется, военный министр отозвался, что лучше это, чем дать вновь опериться полякам. Опустошение как принцип управления! Этому примера нет в истории. При настроении духа государя, при обязанности бережливого внимания к его горю, нельзя было долго спорить. Я должен был радоваться хотя тому, что сломана татарская виленская гидра. Потапову ли, Кауфману ли быть на ее месте,— вопрос второстепенный.

Простился с государем. С ним едут кн. Долгоруков, кн. Суворов, гр. Адлерберг 2-й. Кроме того, вел. князья Владимир и Алексей Александровичи сопровождают отца. Место кн. Суворова в Петербурге временно займет ген.-ад. Ланской.

Вернулся из дворца домой и никуда более не выезжал. На душе тяжело и тоскливо. Ясные дни! Яркий луч солнца! Когда дождусь вас?

Поздно вечером приехал военный министр, провожавший государя на станцию железной дороги. Назначение Кауфмана

---

* поприще.

решено. Ген. Муравьев уже просил пособия на подъем и хлопочет о своем содержании.

7 апреля. Утром первое заседание регентства. Телеграммы из Ниццы неуспокоительного свойства. Обедал у вел. кн. Елены Павловны.

Сегодня состоялся юбилярный обед в память Ломоносову. Я извинился и объяснил причины моего отсутствия в письме на имя кн. Щербатова, который председательствовал. Все обошлось и происходило хорошо. Тост в честь цесаревича был принят с жарким восторгом. Рукоплескания, крики ура и слезы продолжались 10 минут. К гр. С. Г. Строганову отправлена в Ниццу о том телеграмма. Ламанский* сказал весьма хорошую речь, в которой устранялось любимое в наше больное время понятие о вражде национальностей, и, таким образом, уменьшено значение немцофобных стихов Майкова.

Болезнь цесаревича — méningite cérébro-spinale **. Опасность велика.

8 апреля. Ночью и утром получены депеши несколько успокоительные, но во 2-м часу другие, извещающие о возобновлении опаснейших признаков болезни. Надежды, кажется, остается весьма мало.

Перед обедом заседание Главного комитета у вел. князя. Заезжал к Скарятиной. Вечером дома. Видел гр. Шувалова, приехавшего на несколько дней из Риги. Он ожидал государя на дороге и проводил до Вильно.

9 апреля. Утром получены известия из Ниццы несколько более благоприятные. Государь был в St. Quentin в 11 часов утра. Вел. кн. Александр Александрович вчера вечером прибыл в Ниццу.

Заседание Польского комитета 4 часа сряду. Дела на $^1/_2$ часа. Заезжал к военному министру. Бумаги о назначении Кауфмана и увольнении Муравьева отправляются к государю послезавтра.

10 апреля. Заседание Департамента законов по делу о преобразовании губернских правлений [45]. Целый день получались депеши из Ниццы, одна другой прискорбнее. Государь прибыл туда в 2 часа пополудни вместе с королевою датскою, принцессою Дагмарою и кронпринцем. Силы больного истощаются более и более. Сколько трагического в положении всего нашего и всех наших в Ницце!

11 апреля. Утром еще депеши. Конец приближается. Вел. кн. Мария Николаевна в телеграмме на имя вел. кн. Елены Павловны пишет: «Il prend congé de tous» ***. На пороге брачного

---

* *Далее в скобках написано:* Евгений (*т. II, л. 147 об.*).

** церебро-спинальный менингит.

*** «Он прощается со всеми».

ложа и на первой ступени к престолу,— и вместо того и другого, смертный одр на чужой земле!

12 апреля. Цесаревич скончался сегодня в 12 часов 50 минут ночи по времени в Ницце, следовательно, в исходе 3-го часа по нашему. Известие получено рано утром через телеграмм от гр. Адлерберга к министру двора. Весть была ожидана, и, несмотря на то, она произвела сильное впечатление. Сегодня же утром объявлено о печальном событии в прибавлениях к газетам и дано знать по телеграфу в губернии. В более населенные города я сообщил губернаторам шифром о наблюдении за могущими возникать в народе толками. Говорят, что в Москве уже пущен слух, будто цесаревича отравили вел. кн. Константин Николаевич или его супруга «Константиниха». В 3 часа пополудни панихида в Исаакиевском соборе. Он был наполнен и на всех лицах было непетербургское выражение искренности. Перед тем заезжал к вел. кн. Константину Николаевичу и к военному министру.

Рядом с этим домашние заботы насчет здоровья дочери.

13 апреля. Получено известие, что тело покойного цесаревича будет привезено морем. Государь и императрица выезжают из Ниццы 18-го в Дармштадт и полагают прибыть сюда к тому времени, когда привезется тело их покойного сына. В городе множество толков о том ослеплении, с которым будто бы уходили цесаревича, не слушаясь советов опытнейших и искуснейших врачей, например, Здекауера здесь, кого-то в Флоренции и Нелатона в Ницце. Рассказывают, например, что Здекауер требовал теплых ванн, а цесаревича отправили купаться в Скевенинген [46], что флорентийский врач указывал на спинной мозг, как на гнездо болезни, и требовал скарификации, но его не послушали, что Нелатон поставил фонтанели, а Шестов их закрыл, что от государя скрывали правду и т. д. и т. д.

Утром в Государственном совете, потом заседание регентства. Потом дома.

14 апреля. Целый день дома. Доклады. Работа. Заботы. Да будет нам милосердный бог в помощь.

15 апреля. Утром Комитет министров. Западный вопрос в обычных формах по поводу программатической записки ген.-ад. Безака, представленной государю и обращенной им в Комитет [47]. Ген. Безак присутствовал. Кроме того, присутствовал и ген. Муравьев, присмиревший или присмиревающий. Он, как кот, то выпускал, то прятал когти. Когда знаешь его хорошо и сравниваешь личность, какова она есть, с тою, которую нарисовала себе или еще рисует себе на его счет Россия, то история кажется святочным нарядом. Заседание продолжалось на западные темы до 3-х часов. Результат по обыкновению — нуль.

Остальное время дня дома.

16 апреля. Утром Польский комитет. Потом заседание регентства, в котором уже участвовал вернувшийся вчера из-за границы гр. Панин. Перед заседанием рассуждали о том, будет ли принесена особая присяга новому цесаревичу. По моему мнению, нет к тому повода. Но взгляды различны. Будущий курьер привезет нам разрешение вопроса.

17 апреля. Утром в Исаакиевском соборе на литургии и молебствии. Людно. Прилично, кроме небольшого подсвечника, который ставится пред царскими вратами алтаря и который не соответствует размерам здания и великолепию всей соборной службы.

Затем дома. После обеда заходил к Безаку.

Противоречие между всем направлением прессы и системою правительства постоянно обнаруживается во всех частностях. Прекращаю ничтожную по достоинству газету «Народную летопись», о существовании коей я и не помнил, по случаю ее молчания о смерти цесаревича и появления 13 числа без черной каймы, между тем как она недавно почти сожалела о том, что в Лейпциге запретили праздновать день рождения Р. Блума [48]. Это обстоятельство обратило на нее внимание. Я вытребовал несколько №№ и убедился, что цензору давно следовало сделать то, что я теперь делаю. «Русский инвалид» продолжает идти своей дорогой наперекор взглядам $^3/_4$ правительства [49]. Между тем «Московские ведомости» становятся отчасти на ультра-дворянскую точку зрения, а «Голос» по-прежнему проводит нигилистические тенденции [49а]. На стороне правительства никого.

18 апреля. Утром у обедни. Заезжал к Муравьеву. Il fait patte de velours * и хлопочет теперь преимущественно о сохранении содержания его сыну при увольнении от должности ковенского губернатора.

Гр. Крейц пишет из Москвы о нелепых толках в народе, обвиняющих вел. кн. Константина Николаевича в отравлении цесаревича и т. п.

19 апреля. Сегодня получил манифест о кончине цесаревича и о провозглашении цесаревичем вел. кн. Александра Александровича. Манифест написан хорошо. Вероятно, кн. Вяземский участвовал в его редактировании. Замечают, однако же, что лучше было бы разделить его надвое и провозгласить вел. кн. Александра Александровича цесаревичем особо. Сенат, в котором манифест заслушан сегодня, и Государственный совет, в котором он также слушан, отправили через министра юстиции и через председателя Совета ответные телеграммы к госу-

---

* Он мягко стелет.

дарю. Был в заседании Государственного совета, потом в заседании Главного комитета. Вечером дома.

20 апреля. По нездоровью не был на 9-дневной панихиде в Исаакиевском соборе и в Комитете министров. Вечером посетил меня гр. Панин. 2-часовой разговор о том, что он видел и слышал за границей.

21 апреля. Утром доклады. Потом совещание у вел. князя по возбуждаемому с разных сторон и поднятому официально военным министром вопросу о присяге. Совещание предварительное, потому что с будущим курьером ожидаются ближайшие указания государя, который сегодня только предуведомил о том вел. князя. Мнения различны. Вел. кн. Николай Николаевич, кн. Гагарин и гр. Панин, а за ними и военный министр не только в пользу присяги, но и желают при этом случае повторения присяги государю императору. Вел. кн. Константин Николаевич и гр. Адлерберг против присяги. Я сказал, что не находил надобности в присяге до разных возбужденных о том толков, но теперь готов и согласиться, но с тем однако же, чтобы она была принесена исключительно новому цесаревичу, не повторяя присяги государю, которая остается в полной силе и за кончиною прежнего его наследника.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Продолжительный разговор с нею после обеда. Она говорит, что из писем вел. кн. Марии Николаевны видно, что государыня императрица глубоко поражена. Elle est douce et caressante comme elle ne l'avait jamais été *. Вел. княгиня не считает невозможным, чтобы императрица не возвратилась к погребению сына. Гартман будто бы говорит, что новый курс лечения для нее необходим, и т. п. Вел. княгиня заметила насчет Панина, qu'il a l'air de se préoccuper des affaires étrangères **, что отчасти верно, потому что задняя мысль быть министром иностранных дел его никогда не оставляла, а насчет кн. Горчакова, что он занят вопросом, быть ли у нас представительству или нет, что также верно, потому что на кн. Горчакова действуют в этом отношении две различные силы, желание популярности в глазах Каткова и нашей pseudo-аристократической партии, с одной стороны, а с другой— желание выйти из такого положения дел высшего управления, в котором он, кн. Горчаков, ne se sent plus à l'aise parce qu'il ne se sent plus marquer autant qu'il le desirait ***.

Вечером был у меня кн. Ливен. Приличен, но недалек.

22 апреля. Целый день дома. Работал. Читал.

---

* Она тиха и ласкова, как не была никогда.

** что он, кажется, очень интересуется иностранными делами.

*** теперь чувствует себя неловко, потому что он там уже не играет такой видной роли, как ему бы хотелось.

23 апреля. Утром заседание Польского комитета. Конскрипционный устав и некоторые другие дела [50]. Потом заседание регентства у вел. князя. Главная новость — бегство или тайный отъезд принца Евгения Лейхтенбергского с французскою ех-актрисою Le Tessier за границу. Телеграфировали в Вержболово, но не успели перехватить. Вел. кн. Николай Николаевич рассказывал, что он был у него на квартире, нашел все в беспорядке и, между прочим, как-то узнал, что принц взял с собою в кармане александровскую ленту.

24 апреля. Утром в Государственном совете. Заседание соединенного присутствия Департаментов экономии и законов по вопросу о новых штатах Министерства. Потом доклады, дома. Вечером курьер из Дармштадта привез рескрипт гр. Муравьеву и прочие до виленских назначений относящиеся бумаги *.

25 апреля. Утром у обедни. Заезжал к гр. Муравьеву, чтобы его поздравить. Он, по-видимому, очень доволен текстом рескрипта, ибо поцеловал меня шесть раз. Заседание у вел. князя по вопросу о присяге. Я изменил после надлежащего размышления свой прежний взгляд преимущественно потому, что теперь настаивают на привлечении к присяге крестьян и что для отдельной присяги цесаревичу нужно создать новую формулу. Разномыслие выразилось в следующей форме: за простое повторение присяги на верность подданства вел. кн. Николай Николаевич, кн. Гагарин, гр. Панин и Милютин. Против присяги вел. кн. Константин Николаевич, гр. Адлерберг и я. При этом дополнения: гр. Адлерберг — что можно бы в особом манифесте о присяге наследника упомянуть о переходе к нему обязанностей присяги, принесенной его покойному брату; мое — что если вообще какой-нибудь клятвенный акт признается нужным, то следует, по крайней мере, ограничиться повторением служебной присяги должностных лиц. Повторение ее было уже некоторым образом в обычаях, оно не сопряжено с особою торжественностью, возбудит менее толков и т. п.

Вечером, по обыкновению, дома.

26 апреля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Отвратительно видеть, как Канцелярия [51] наэлектризовывает вел. князя. Мое положение — непрерывный ряд затруднений. Видел в Совете возвратившегося из Ниццы кн. Суворова. Его рассказы и письма кн. Вяземского сходятся насчет того глубоко трогающего впечатления, которое произведено событиями в Ницце на всех, кто им были свидетелями.

Рядом с печальным нередко является комическое. В Ницце, во время панихиды, датская королева заметила, что все пла-

---

* *Далее в скобках написано:* они подписаны в Ницце(*т. II, л. 150 об.*).

кали. «Il est touchant de voir,— сказала она герцогу Мекленбургскому,— comme tout le monde l'aimait. Je vois pleurer sa nourrice, et tout le monde pleure comme elle».—«Quelle nourrice?»*— спросил герцог. Королева указала ему на гр. Антонину Дмитриевну Блудову.

Вечером дома. Редактировал мнение наше по вопросу о присяге. Лег в 4 часу ночи или дня, потому что теперь ночи уже почти нет.

27 апреля. Утром Комитет министров. Потом заседание регентства. Гр. Панин и кн. Гагарин уже озабочены представлением новому цесаревичу, которого ожидают на днях. Гр. Панин, странная черта, чувствует, что эта торопливость неуместна, забота неблагоприлична, но он не может от них отделаться и приодевает их заботою о преподании мне нужных по этому предмету советов.

Принца Евгения перехватили в Магдебурге и везут сюда.

28 апреля. Утром в Сенате. В первый раз по делу о Мариинском рынке, где филантропические взгляды овладели г. г. сенаторами, мне пришлось сделать разногласие [52]. Заезжал к Скарятиной.

29 апреля. Вчера вечером вел. князья вернулись из-за границы. Их встретили на станции железной дороги вел. князья Константин Николаевич и Николай Николаевич. Последний подал рапорт цесаревичу. Были также военный министр и кн. Гагарин. Утром разные доклады. Был у меня гражданский губернатор Перовский за советом по делу «Вести», т. е. гр. Орлова-Давыдова [53]. Решение гр. Палена**, оправдывающее гр. Орлова-Давыдова и издателей «Вести», присуждающее только к тому штрафу, который от меня зависело наложить без суда, опротестовано губернским прокурором. Сей последний в своем протесте привлекает к делу московского губернского предводителя и входит в рассмотрение действий московского губернского дворянского собрания. Таким образом, дело, бывшее первоначально делом о преступлении печати, сделалось делом о преступлении слова и справок вследствие привлечения к нему гр. Орлова-Давыдова, а теперь и делом о поступках московского дворянского собрания и его председателя. Трудно было вести его безрассуднее. Я сказал Перовскому, что как министр внутренних дел я не вхожу в разбирательство дела, подлежащего судебному ведению, и не выскажу никакого о нем мнения. Но я воспользовался прогулкою пешком в сопровож-

---

* «Трогательно видеть,— сказала она герцогу Мекленбургскому, как все его любили. Я вижу, как плачет его кормилица и все плачут вместе с нею».— «Какая кормилица?».

** *Вместо* решение гр. Палена *написано:* решение уголовной палаты (*т. II, л. 152*).

дении Перовского, чтобы навести его при частном разговоре на тот взгляд, который считаю правильным.

30 апреля. Утром был у Зеленого, который кажется не на шутку больным, у Кауфмана, которого не застал, у Гернгроса и у гр. Пален. Потом заседание регентства. Гр. Адлерберг говорил, что мне надобно быть у цесаревича. По вопросу о присяге сегодня подписан журнал.

1 мая. Утром в Исаакиевском соборе на панихиде в 20-й день. Были все вел. князья, в том числе и новый цесаревич. Он похудел, побледнел и смотрит задумчиво. Что готовит ему будущность? Рядом стоял вел. кн. Владимир Александрович. Говорят, будто кем-то когда-то сказано, что ему, а не Александру Александровичу приведется царствовать. Приписывают это предвещание и покойному цесаревичу. Я смотрел на обоих и мысленно вопрошал судьбу в чертах их лица. Они мне не дали ответа. Потом заезжал во дворец к вел. кн. Александру Александровичу, но его не видел. Потом был в Департаменте законов, где слушалось дело о евреях, которого я не читал [54]. Ничего не помнил, но вывернулся, и этого не заметили.

2 мая. Утром у обедни. Выходил пешком. Работал. Ни минуты отдыха. Дело, и что хуже дела, люди, до меня имеющие дело, падают, как снег, на голову. Вечером у Т. Б. Потемкиной. Чтение о сибирских миссионерах.

3 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Пермское дело [55]. Около 3 часов пытка. Гр. Панин мне пособлял. Но его помощь до того своеобразна, что порою скорее мешает, чем пользует. Весь состав Комитета ненадежен. Отсрочил разрешение главного вопроса до следующего заседания, чтобы иметь время осведомиться о впечатлении, которое произведет то разрешение, которое теперь представляется возможным. Получил по телеграфу из Дармштадта переданное кн. Долгоруковым повеление внести на разрешение регентства безотлагательно вопрос о командировании на Волгу ген.-ад. Огарева [56] и об оставлении там на новых началах сенатора Жданова [57]. Кн. Долгоруков давно об этом мечтает. Эти командировки — sa panacée universelle*. В одной из моих дневных записок, к нему посылаемых, была речь о моем предположении дать это поручение на известных условиях Жданову и Огареву. Тотчас по получении этой записки кн. Долгоруков испросил полученное мною сегодня повеление.

4 мая. Утром не поехал в Комитет министров, где были пустые дела, но был в заседании регентства. Доклад о поручении, возлагаемом на Огарева и Жданова, представлен и утвержден с подчинением наблюдательному ведению Жданова и Казан-

---

* его универсальное средство от всех бед.

ской губернии. При бывших по сему предмету суждениях кн. Гагарин и гр. Панин высказали обычную наивность и изумительное, несмотря на то обычное* незнание самых существенных условий и приемов административной деятельности. Вечером по обыкновению дома[102].

5 мая. Утром доклады. Выходил пешком. Нового в городе нет. Получено из Дармштадта известие, что их императорские величества будут 12-го.

6 мая. Получены бумаги из Дармштадта (вчера вечером). Кн. Долгоруков пишет по делу Орлова-Давыдова с прежним поверхностным взглядом на него и с тою спокойною непредусмотрительностью, которая у нас в крови,— государственных сановников. Видеть небывалое и несбыточное в Нижнем и Самаре или Саратове и посылать туда Огаревых и Ждановых — дело другое, но видеть то, что есть, и предвидеть то, что должно быть в Петербурге, по-видимому, нельзя. Кн. Долгоруков спрашивает, какое впечатление произвел новый цесаревич. Воспользовался случаем, чтобы в ответе на этот вопрос высказать мое мнение насчет различия влияния среды и влияния элементарных учительских приемов. Принесет ли это пользу? Вряд ли. Но animam salvavi** и труда развития мысли не пожалел. Писал также и по делу гр. Орлова-Давыдова.

Позже был у меня здешний губернатор. Мой разговор с ним, по-видимому, подействовал. Гр. Орлов был у него и вследствие происходившего при том объяснения написал письмо, в котором отклоняет от себя всякое участие в противоцензурном напечатании его речи.

7 мая. Утром заседание регентства. Кончено дело о командировании Огарева и о поручении Жданову. День за работой.

8 мая. Утром прием, доклады и разные утомительные посещения. Вечером заходил к Здекауеру, который вернулся из-за границы.

9 мая. Утром у обедни. Был у Мещерских. Княгиня plus energumène que jamais***.

10 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Видел церемониал предстоящих похорон.

11 мая. Утром Комитет министров. Потом заседание регентства. После обеда был у меня Здекауер. Он передает интересные подробности о покойном цесаревиче и его братьях. Бред цесаревича был характеристичен. Он держал речь каким-то депутатам, в другой раз как будто брал Кексгольм приступом. Вообще смерть показала, сколько обещала его жизнь. Замечательно слово, сказанное им насчет нынешнего цесаревича.

---

* Так в тексте.
** спас душу.
*** еще более фанатична, чем когда бы то ни было.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА

«В нас *всех* есть что-то лисье, Александр один вполне правилен душой».

12 мая. Утром доклады. Вечером их императорские величества возвратились в Царское Село. С ними приехал и у нас остановился кн. Вяземский. Не виделся с ним более 3 лет. Перемены почти нет, но впечатление грустное. Влияние двора, озабочение двором, преобладание двора в его мыслях и жизни еще решительнее и очевиднее, чем прежде. На позднем вечере жизни — какая доля при его уме и после опытов этой жизни!

13 мая. Утром у обедни. Был у меня гр. Шувалов (Рижский); были кн. П. П. Гагарин и кн. Долгоруков. Впечатление самое тягостное. В особенности свидание с кн. Долгоруковым после более или менее продолжительного отсутствия всегда действует на меня, как струя холодной воды, как сырой туман, как гул невнятной речи. Озираешься, как бы ощупываешься, чтобы убедиться, что все это действительно так, что это наяву, не во сне, и что эта атмосфера нашей государственной жизни, область нашей государственной деятельности, условия настоящего и семена будущего. Кн. Гагарин был потому, что кн. Долгоруков его известил о высочайшем соизволении, чтобы дело гр. Орлова-Давыдова было рассмотрено под его председательством кн. Долгоруковым, министром юстиции, кн. Суворовым и мною.

Вообще с некоторого времени бремя забот более и более увеличивается. С разных сторон тучи, а из туч град, который режет лицо.

14 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь печален, похудел, обычное выражение лица изменилось. Он сказал мне, что я испытал то, что он чувствует. Общее впечатление, что он глубоко скорбит, но что скорбь не смягчила воззрений на меры, сопряженные со скорбью для других. Видал императрицу и был у нее довольно долго. Она изменилась более государя и более его наполнена предметом скорби. Она плачет. Она смягчилась, но она прежде была менее впечатлительна, податлива и мягка, чем государь. Она говорит почти исключительно о сыне. От нее слышал разные подробности, отчасти уже переданные мне Здекауером. Последними словами цесаревича были следующие: «*Стоп машина*!» Единственный признак сознания приближавшейся смерти было прощание со всеми окружавшими в субботу 10 числа и слова доктору Гартману: «Soignez la» *.

Видел Шувалова**. Он и сын, оба хлопочут об утверждении сего последнего***. Я это исходатайствовал при докладе.

---

* Позаботьтесь о ней.

** *Далее написано:* обер-гофмаршалом (*т. II, л. 155 об.*).

*** *Далее написано:* ген.-губернатором (*т. II, л. 155 об.*).

Вернулся в город в 3 часа. Целый день потом за работой.

15 мая. Утром надел медаль и вручил 500 руб. мещанину Калянину, совершившему в апреле месяце геройский подвиг человеколюбия вместе с прапорщиком Вульфом при спасении двух или трех крестьян, которых носило на льдине в заливе. Потом заседание Остзейского комитета. Потом совещание у кн. Гагарина по делу гр. Орлова-Давыдова. Результат неудовлетворительный. Кн. Суворову непременно хочется наказать гр. Орлова-Давыдова и он постоянно говорит о государе. Кн. Гагарин также постоянно говорит о «монаршем милосердии», покрывшем своим прощением дело московского собрания. Кн. Долгоруков не хочет, чтобы речь шла о государе, но ему также хочется, чтобы гр. Орлов-Давыдов не вышел сух из воды. Что же касается министра юстиции, то он, как всегда, бесцветен.

Обедал на скорую руку у Donon, потом вернулся домой для укладки бумаг, а в 8-м часу переехал на дачу, куда семейство перебралось еще утром. Был у всенощной, т. е. за концом всенощной. Разбирал бумаги. В 10 часов вечера получил записку гр. Адлерберга с статьею для газет, по случаю возвращения вел. кн. Александры Иосифовны. «Article commandé» * пишет гр. Адлерберг.

16 мая. Целый день на даче. Утром у обедни. Разбирался. Погода холодная. Кроме календаря, нигде нет мая, ни в природе, ни на душе.

17 мая. Утром Государственный совет. Заседание до $^1/_4$ 6-го. Большею частью дело американской компании [58]. Много прений, мало толку. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Михаилом Николаевичем и вел кн. Ольгой Федоровной. Государь и императрица были в Казанском соборе, приехав для сего из Царского Села. От эскадры адмирала Лесовского получено известие из Альзена. Следовательно, она может быть в Кронштадте не ранее 20 или 21-го. Вероятно, перевоз тела будет 22-го.

Целый день убит Советом, обедом и разными посетителями. Из губерний беспрестанные известия о пожарах. В Тамбове и Ярославле были поджоги. Козлов выгорел. В Скопине и Спасске, в Моршанске и Лубнах были пожары [59]. Кн. Долгоруков, который всегда видит спасение в командировке ген.-адъютантов, теперь направляет пустоголового Огарева в Тамбов.

18 мая. Вместо Комитета министров был у вел. кн. Ольги Федоровны, где видел и ее супруга. Потом у фрейлины Эйлер,

---

* Заказанную статью.

где застал род раута. К ней ездят дамы, ищущие поклонения вел. княгини. Вечером за работой на даче.

19 мая. На даче. Буря и наводнение. Около 7 часов вечера вода начинала выступать из берегов даже близ дачи, которая несколько выше соседних мест. Острова были частью залиты. К вечеру вода стала убывать. Езда через Литейный и Троицкий мосты прекратилась.

20 мая. На даче. Буря продолжалась целый день. Ночью она не позволяла спать от дребезжания окон и дрожания целого дома. В городе снесло несколько крыш и, между прочим, прорвана насквозь крыша на церкви лейб-гвардии Егерского полка. После обеда, невзирая на бурю, у меня был гр. Берг. Он предварил меня о предстоящем заседании Польского комитета. По вопросу о преобразовании губернских учреждений и переформировании губерний в Царстве гр. Берг желал удержать за собою роль, которую играет Н. Милютин. Сей последний после объяснения с гр. Бергом написал государю, что он просит его уволить от возложенных на него обязанностей. Государь сперва хотел призвать обоих к себе; потом решил предоставить Комитету разобрать дело.

21 мая. Утром в городе. Заходил в Михайловский и Константиновский дворцы, где приема не было. Эскадра с прахом покойного цесаревича прибыла в Кронштадт и государь туда ездил ее встречать или видеть; но перевоз тела в крепость отложен до 25-го, а погребение до 28-го. По этому случаю я не был с докладом в Царском Селе.

22 мая. Утром в Царском. Доклад. Возвратился к заседанию Польского комитета, которое застал только что начавшимся, и, несмотря на то, уже конченным или кончающимся. Дело получило с третьего дня другой оборот. Государь во избежание столкновения призывал к себе Берга, Милютина и кн. Гагарина. Роли распределены заранее. Берг разграничит территорию, Милютин начертит устав управления. Потом он должен сообщить этот устав Бергу и, наконец, все проекты поступят в Польский комитет. Alles löste sich im Wohlgefallen auf *. Берг, объясняя мне все это, не мог, однако же, скрыть своего замешательства. Avant-hier le verbe était haut; aujourd'hui c'était un filet de miel et de lait. Tutti siam d'accordo**. Гр. Берг, вообще, un grand blagueur, très satisfait de sa position***. В его речах и рассказах странная смесь не-

---

* Все окончилось к общему удовольствию.

** Третьего дня разговор был в повышенном тоне, а сегодня — сплошные любезности. Все мы пришли к соглашению.

Далее написано: по ироническому выражению Платонова (*т. II, л. 157*).

*** большой болтун, очень довольный своим положением.

мецкого себялюбия, европейского лоска и заимствованных по современной нужде квасных фраз о русском и польском элементах. Конек полонофобии и развития нашей народности à la Mouravieff *еще бойко ходит. Ген. Кауфман, наполнивший газеты своими речами в Вильно, Ковно и пр., преимущественно старается доказать, что он — не Кауфман, а Муравьев. Про него здесь сказали, что он — «купец из милютиных лавок». Он крепко натерт Милютиным и Муравьевым и, видимо, с первого шага хотел выполнить данную ему consigne **. Но между тем с первого же шага видно, что он до того нов в новом круге его деятельности, что ходит на чужих ногах. Потапов, который был у меня на днях и оставил мне предлинную и преплохую записку о мерах, подлежащих принятию в Западном крае, видимо, недоволен своим положе́нием и первыми приемами ген. Кауфмана, который, между прочим, собирался «взорвать Остробраму» [60]. Какой запас государственных мужей в нас!

23 мая. Pfingsten, das herrliche Fest war gekommen ***. Утром у обедни. Прекрасные молитвы превосходно читаны священником. В сердце у меня не праздник, но тому другие причины.

Обедал у кн. Кочубей. Скучный обед в честь, между прочим, кн. Франца Лихтенштейна, прибывшего сюда для присутствования при погребении покойного цесаревича.

24 мая. Утром у обедни. Обедал в городе у прусского посланника [61]. Обед в честь принца Альберта. Кажется, что он весьма приличен. Вечером дома. Перед обедом были у меня разные посетители, между прочим кн. Долгоруков. De l'eau claire quoi que non limpide****.

25 мая. Сегодня совершилось перевезение тела покойного цесаревича в крепость. Погода пасмурная, но тихая и без дождя. Печальное шествие от Английской набережной до крепости совершено в большом порядке, с большим великолепием и при огромном стечении народа. Я видел, как государь, вел. князья и помогавшие им принцы и генералы внесли в собор гроб, в котором покоится прах того, кто предназначался сперва быть виновником других торжеств. Зрелище было глубоко трогательное и потому именно, что в государе видно было отцовское чувство. Эта общая, глубокая, безмолвная скорбь, потому общая, что ее может ощутить всякий, потому глубокая, что чувства отцовской любви — одна из тайн человеческого естества, потому безмолвная, что нет для нее равносильных выражений

---

* в стиле Муравьева.
** директиву.
*** Пришла Троица, прекрасный праздник.
**** Вода чистая, хотя и не прозрачная.

на человеческих языках, потрясала и поражала более, чем гром пушек и все великолепие церемониала.

Вернулся на дачу в 5-м часу. Мне дня с два нездоровится. За работу принимаюсь неохотно.

Гр. Рибопьер скончался вчера почти внезапно. Сильный припадок febris recurrens * кончил жизнь его в 24 часа. Добрый и милый старец. Мир его праху.

26 мая. Вчера в полночь я вступил на дежурство при теле покойного цесаревича в Петропавловском соборе. Я сменил ген.-лейтенанта Озерова, меня в 2 часа утра сменил ген.-м. гр. Ламздорф. Со мною были на дежурстве ген.-ад. Толстой, свиты ген.-м. Штакельберг и положенное число других лиц разных званий. Народа, приходившего к гробу, было немного, по случаю позднего часа и дождливой погоды.

Утром с женою был на панихиде. Оттуда ездил в город. Был у вел. кн. Александры Иосифовны. Весьма благосклонный прием. Заметив, что я любопытствовал видеть ее дочь, о которой говорили, что она выросла и очень похорошела, она приказала позвать вел. княжну, которая действительно обещает быть красавицей. Вел. князь вошел, пока я был там, и засвидетельствовал вел. княгине, que nous avions fait très bon ménage, malgré que nous ne soyons pas toujours d'accord**. Оттуда в Комитет министров, где важных дел по обыкновению не было.

27 мая. Утром всеподданнейший доклад, внезапно назначенный вместо субботы. Государь очень печален. Он сегодня говорил мне: «L'impression que tout cela me fait, c'est comme si j'assistais à mon prorpre enterrement***. Никогда я не думал, «что я его переживу». Заезжал в дом, где были посетители и доклады. Потом на дачу.

28 мая. Утром в крепости. Происходило с обычным церемониалом погребение усопшего цесаревича. Прощание государя со смертными останками цесаревича было умилительно-трогательно, равно как и нежность, с которой он вслед за тем обнял и целовал нынешнего вел. князя наследника. Императрица не присутствовала. Она была только два или три раза в часы, не назначенные для панихид. Говорят, что когда в первый раз она увидела тело покойного сына, то плакала навзрыд так, что дежурные и караульные офицеры не могли удержаться от слез.

29 мая. Сегодня в 1-м часу пополудни в белой зале государь принимал депутации и разных лиц, прибывших из губернии,

---

* возвратного тифа.

** что у нас с ним очень хорошие отношения, хотя мы и не всегда согласны друг с другом.

*** «Все это производит на меня такое впечатление, словно я присутствую на собственных похоронах».

по случаю погребения цесаревича. Он вышел к ним с новым цесаревичем и сказал несколько слов, которые произвели сильное впечатление и, вероятно, будут напечатаны. Я видел слезы почти на всех глазах. C'est surtout l'ensemble de la situation et la simplicité véridique du langage qui produisaient l'impression *. Оттуда в Государственный совет, где до 5 $^1/_4$ часа происходило под председательством ген. Чевкина заседание комиссии, назначенной для рассмотрения отчета ген. Мельникова по Главному управлению путей сообщения. De l'eau clair au fond**, за исключением статьи о железных дорогах, в отношении к которым комиссия по настоянию Н. Милютина и отчасти моему, по крайней мере на бумаге, изложила несколько правильных соображений.

30 мая. Получил от государя разрешение публиковать его speech. Составил статью и написал speech, руководствуясь заметками А. П. Заблоцкого. Между тем кн. Долгоруков уведомил меня, что государь сам напишет текст своих слов, насколько его помнит. В ожидании присылки этого текста отправил в Царское Село мой — с проектом статьи.

Были у меня разные посетители, между прочим, барон Будберг, qui déploye un très considérable aplomb ***. Работал почти целый день и, между прочим, переделал проект Департамента полиции об уездных жандармских командах.

Тревожные и тягостные вести из-за границы. Лицевая сторона моей жизни не радужна, внутренняя еще пасмурнее. Пришло на мысль, что так может бывать часто и что для развития этой мысли можно бы написать роман под заглавием: «Подкладка».

31 мая. Утром Государственный совет. Долгие прения о том, дать или не дать титул светлости потомкам грузинского и имеретинского царственных домов. Вел. князь наместник, о том ходатайствовавший, присутствовал. Nos vieux boyards ****, князья Гагарин, Горчаков и Долгоруков, сильно ратовали против этого ходатайства. Оказалось 17 голосов за и 18 против. Государь, вероятно, утвердит мнение меньшинства. Я подал голос против. Потом заседание Главного комитета до $^1/_2$ 7-го. Пермское дело. После жарких прений преимущественно против ген. Чевкина дело, наконец, прошло без существенной порчи. Подобные заседания сильно подрывают здоровье. Мое — вообще надломлено. Хотел пить мариенбадскую воду. Погода не позволяет. Завтра 1 июня. Между тем листья еще

---

* В особенности производили впечатление вся обстановка в целом и искренний простой язык.

** В основном все ясно.

*** который говорит с большим апломбом.

**** Наши старые бояре.

не совсем распустились. Стоит на часах северный или северо-западный ветер и о тепле нет помина.

1 июня. На даче. Работал, предоставив товарищу удовольствие заседания в Комитете министров.

2 июня. Утром в городе. Заседание в Сенате. Потом доклады дома. Оттуда на дачу к обеду.

3 июня. На даче. Перед обедом прогулка по Елагину острову, куда ездил с дочерью. Зелень еще не распустилась. Несмотря на солнце, чувствуется лед в воздухе. Уныло и грустно.

4 июня. Поездка в Царское Село. Докладывал государю на железной дороге во время пути его величества в Петербург. Сделал новую попытку к исправлению дела гр. Орлова-Давыдова, с которым имел свидание у кн. Вяземского третьего дня и которого я нашел в раздражении, совершенно затемняющем его judicium* и без того не отменно ясный. Попытка имела только относительный или эвентуальный успех. Разрешено снова объясниться с кн. Долгоруковым. Вернувшись из Царского ранее обыкновенного, воспользовался этим, чтобы отдать некоторые визиты и чтобы быть первым у ген. Кауфмана. Предвидя разномыслие с ним по вопросам существенным, считаю полезным, чтобы всякий этикетный предлог был заранее устранен.

Раздумье насчет нашей будущности вообще и насчет моего прямого участия в деле в особенности продолжается в прежней степени. Ясно вижу признаки разложения. Останутся ли они только признаками, т. е. временным явлением? Лично я в положении почти безвыходном или, точнее, в невольно неподвижном и выжидательном. Я совершенно один. Привлечь некого, но и пристать не к кому. В наше время одни ненависти соединяют. Милютины и Зеленый заодно против поляков и немцев. Они же и Ахматов заодно против католиков. Чевкин, Милютины и канцелярия Главного комитета заодно против дворянства и помещиков [61а]. Ген.-адмирал заодно с ними в этом отношении, но не заодно в других. Разрушительные силы в ходу. Созидательных нет, кроме сосредоточенных в Буткове.

5 июня. На даче. Работал. Вчера вернулась из-за границы кн. Вяземская. Князь между тем замещает при государыне императрице гр. Шувалова на время его отсутствия по части представлений.

6 июня. Утром у обедни. Целый день на даче. Вечером был Потапов. Честолюбие его разбирает, самолюбие раздражено. Теперь ему не до посылки икон ген. Муравьеву, но и он пересоздает Запад в воображении вместо того, чтобы им управлять и с ним справляться.

---

* рассудок.

7 июня. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Важных дел не было. Не считаю важными незрелых предположений насчет управления евреев, которые в настоящее время зрелыми быть не могут и снова отложены ad calendas *.

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны на Каменном острове. Вечером дома.

8 июня. Утром Комитет министров, дело о соляных промыслах Новосельского [61б]. Жаркие прения, как всегда бывает по вопросам частным, и разногласия, как бывает почти всегда.

Обедал на Каменном острове у вел. кн. Елены Павловны. После обеда продолжительный разговор о нашем политическом положении и состоянии нашего управления. В сущности, redites qui ne mènent à rien **. Настоящие затруднения к перемене обретаются в той высшей сфере, до которой не восходят подобные разглагольствования. Они — облака, она — надоблачная лазурь. Но опасаюсь, что придет день, когда и эта лазурь помутится. Лишь бы не было тогда поздно рассеять тучи.

9 июня. На даче. Нового нет. Заботы старые. Получил для доклада государю цидулку кн. Долгорукова, при которой были приложены две цидулки кн. Суворова официального свойства, и одна неофициального. В последней сей рыцарский светлейший двоюродный братец сардинских королей [62] просит кн. Долгорукова повергнуть его ходатайство aux pieds de notre auguste maître***, приписывая, qu'en parler aux heures où il a le bonheur de voir sa majesté, serait une impiété **** и пр.

Ездил на Каменный остров к Рейтерну. Видел у него возвратившегося из-за границы Краббе и барона Николаи. Имел в виду объясниться с Рейтерном по вопросу о ходатайстве симбирского дворянства насчет земского банка и об устройстве поземельного кредита вообще, но объяснение не состоялось. Отчасти помешали присутствовавшие. Отчасти отбилась охота при видимой безрезультатности новой по этому предмету попытки. Эта безрезультатность становится осязательной при личной встрече с министром финансов, который только министр казначейства.

Mallieur, comme ministre du trésor, avait plus d'étoffe de finances, précisement dites, que Reutern qui est précisement ministre des finances *****.

---

* на неопределенное время.

** повторения, которые ни к чему не приводят.

*** к стопам нашего августейшего повелителя.

**** что говорить об этом в те часы, когда он имеет счастье видеть его величество, было бы кощунственным.

***** у Малье, управляющего казначейством, было больше понимания финансового дела в собственном смысле слова, чем у Рейтерна, который является именно министром финансов.

10 июня. Утром за работой. После обеда был у меня Зеленый и передал разные любопытные подробности о своих отношениях к государю. От него исходила мысль о рескрипте гр. Муравьеву, написанном кн. Гагариным. По делам прибалтийских крестьян его величество, очевидно, считает меня несколько односторонним и в Зеленом находит противовес и способы поверки. Насчет Головнина Зеленый ему прямо высказал самые резкие мнения и назвал его «подлецом». Все это было прошлой осенью, когда нас государь приглашал к взаимному уважению.

После Зеленого был Рейтерн. Результат объяснений по симбирскому ходатайству = 0, как и можно было ожидать.

11 июня. Утром с первым поездом в Царское Село. Доклад у его величества. Видел там цесаревича, насчет которого государь сказал, что он имеет в виду скоро принимать при нем доклады, и вел кн. Владимира Александровича, который вписан в Кавалергардский полк и которому сегодня при представлении офицеры полка поднесли белый мундир.

Вернулся в город к 12 часам. Был в общем собрании Сената, где по мариинскому делу (о рынке) [63] сенатор Жемчужников, возражая мне, дошел до самой явной грубости. Оно было так неожиданно, что я несколько смешался. Но ввиду лет Жемчужникова и его обычной несдержанности не вступил в пререкания, которые были бы и бесполезны и вредны для дальнейших отношений моих к Сенату. Оттуда отправился в заседание комиссии, рассматривавшей отчет Мельникова. Обедал у принца Ольденбургского. Вечером дома.

12 июня. На даче. Утром работал. Был у меня ген.-ад. Кауфман. Довольно длинный и откровенный с ним разговор, в котором я высказал главные статьи моего взгляда на западный вопрос. Надежда на успех слабая. Главное зло в отсутствии твердого центрального управления. Пока ген.-губернаторы не будут руководствоваться взглядами министра внутренних дел и каждый по своему толковать взгляды государя, разладица не прекратится.

После обеда был у Зеленого. Принимаюсь за составление давно задуманных метеорологических диаграмм.

13 июня. Видел ген. Синельникова. Дело работы арестантов на Южной железной дороге идет хорошо [64]. Был у обедни. Погода пасмурная, холодная и сырая. Как на небе, так и на душе.

14 июня. Утром в Государственном совете. Дело о проектах банков Френкеля и Эрлангеров [65]. Первый принят, второй отклонен до времени. Министр финансов принял в этих делах довольно трудно объяснимую роль одобряющего безучастия. Он внес оба проекта, не защищал ни одного и вообще как будто

считал себя в стороне. Зато другие члены ратовали pro et contra с некоторым жаром. Кн. Гагарин восставал против разрешенного уже Комитетом финансов с высочайшего утверждения приема кредитных билетов по курсу. Принц Ольденбургский требовал восстановления кредитной системы опекунских советов, гр. Панин с замечательным неведением и непониманием говорил о металлическом фонде поземельного банка и пр. После Совета Главный комитет. Продолжительные прения по вопросу о сроке пользования или времени прекращения пользования сверхнадельными землями, оставленными крестьянам на 5 лет [66]. Страсть гнуть на сторону крестьян взяла верх над логикой и справедливостью. Большинство, даже гр. Панин, гр. Адлерберг и кн. Долгоруков, решили предоставить крестьянам снятие 6-й озимой жатвы. Со мною остались только ген. Зеленый и Стояновский. Вечером был у меня Абаза и передал записки Комиссии по акцизному вопросу. Он себя держал в этом деле весьма хорошо.

15 июня. Утром Кавказский комитет в присутствии вел. князя наместника. Дело о Закавказской железной дороге, [67], по которому кн. Гагарин выказал государственное невежество еще большее, чем вчера гр. Панин по вопросу о банках. За неимением денег и несоставлением акционерной компании дело шло о сооружении на первый раз земляного полотна дороги при помощи войск. Кн. Гагарин предложил положить рельсы для укрепления полотна.

Потом Комитет министров. Вечером по обыкновению дома.

16 июня. Целый день на даче. Доклады. Вчера бывший у меня Потапов сообщил, что его прочат на Дон в помощники атамана с каким-то особо создаваемым для него и весьма самостоятельным положением.

Сегодня в первый раз степлело. Небо, воздух, зелень, даже капли мимоходом перепадавшего дождя были похожи на лето.

17 июня. На даче. Лето. Так, помнится, было в 1861 году, где погода установилась около тех же чисел июня. Ездил перед обедом в Старую Деревню к Талейрану, но не застал. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны с кн. Горчаковым. Très sémilliant *. Он говорил несколько раз о том, что стареет, что его время прошло, qu'il est de ceux qui s'en vont **. Герцог Мекленбургский отвечал: «Ce sont précisement ceux qui restent le plus longtemps»***.

18 июня. Утром в Царском Селе. Доклад. Передо мною были Рейтерн и Грот, первый по случаю отъезда за границу, второй — по случаю приема временного управления

* Было очень оживленно.
** что он из тех, которые уходят.
*** «Это как раз те, которые остаются дольше всего».

Министерством. Их аудиенция была довольно продолжительная. Смотря по выражению лица при выходе из кабинета, прием Грота был tiède *. По свойству наших воззрений полагаю, что причиною были Огрызко и Наржимский более, чем акцизные дела. Был у Вяземских. Не без печали видишь, сколько в каждом человеке таится дворцовых элементов, как они всплывают при известных обстоятельствах, и как под конец жизни, когда ослабевают силы самостоятельного действия, становится удобно и тепло при чужом свете в роли освещаемой или кружащейся близ света планетки. Вернулся в город в 3 часа. Принимал отъезжающую в Киргизию комиссию [68] и старика Гамалея. Как мало достоинства в человеке. Он давно ни на что не пригоден. Ему дана аренда в 2 тыс. руб. и пенсия в 1 $^{1}/_{2}$ тыс. Он получал только 2 тыс. Но о добавке 500 руб. и сегодня говорил несколько раз.

Во время доклада я сказал государю, что желал бы избавиться от дела церковных построек, которое, благодаря щекотливости ген.-губернаторов и г. Батюшкова, для меня постоянный источник затруднений. Разрешено переговорить об этом с новым обер-прокурором св. Синода. Вчера я предварил о сем Батюшкова, который до того ослеплен самолюбием, что рассыпался благодарностями в то самое время, когда я вежливо выпроваживал его за двери Министерства. Он мечтал о создании для него церковностроительной отдельной администрации, о примкнутии ее к I Отделению его величества канцелярии, о личном докладе государю, о звании статс-секретаря, он говорил мне эти мечты, и, прощаясь, снова душевно благодарил. Наконец, я от него избавляюсь.

19 июня. На даче. Утром работал. Вечером был Мезенцов. Странный склад у наших деловых людей. Есть и способности, есть и прилежание. Но образования не более, как на грош. Оттого они не умеют ни всмотреться поглубже, ни помыслить повыше, ни сделать пошире.

20 июня. Утром у обедни. Затем целый день на даче.

21 июня. Утром в городе. Государь едет на ночь в Красное Село, где завтра парад всем войскам. В среду двор переезжает в Петергоф. В нынешнем году все вел. князья и княгини налицо. Но словно нельзя этому продолжаться, и вел. князей Владимира и Алексея Александровичей отправляют по совету медиков, по крайней мере, в Старую Руссу.

22 июня. Утром Комитет министров. Заседал Грот, который вчера заезжал ко мне по обычаю. По делу об откупных расчетах Бернардаки [69]. Кн. Горчаков с обычным жаром защищал его интересы.

---

* прохладный.

У бедных Ленц умер младший ребенок. Всего пять раз они уже испытывали это горе. Неисповедимы судьбы божии. Для чего его милующая рука налагает на родительское сердце столь многие страдания?

23 июня. Целый день на даче. Работал. Переделывал статью для «Северной почты», заказанную мною по поводу министерского кризиса в Австрии. Был удобный повод высказаться против так называемых либеральных форм представительства и либеральных законов о выборах [70]. Трудно у нас вести всякое дело, а дела прессы в особенности. Нет ни навыка, ни такта, ни надлежащего образования в наших литераторах-публицистах. Между тем спесь и упрямство большие во многих. Поездка Ф. М. Толстого в Тулу не привела к сделке с г. Марковым. Он решительно отказался, что благородно с его стороны, но еще раз доказывает затруднительность приобретения деятелей для стороны правительственной.

24 июня. На даче. Не поехал в Польский комитет, где мне, собственно, нет дела. Погода стоит прекрасная.

Видел Батюшкова. Il y a quelque chose d'à moitié sot et d'à moitié insolent dans l'importance qu'il a la naiveté de se donner à propos du церковностроительное дело *. Надеюсь на днях окончательно от него избавиться.

У нас до сих пор не замечают в правительственной сфере, что множество затруднений крестьянской реформы и общая экономическая опасность для нашей будущности происходят оттого, что решительное и последнее слово в деле Положений 19 февраля принадлежало людям, из коих почти никто не был землевладельцем несколько значительным и не жил в деревне. Гр. Панин, Галаган, Самарин и кн. Сергей Голицын одни исключения, которые мне приходят на память. Кн. Долгоруков знает деревню только по Красному Селу и по Ропше. Мы продолжаем говорить об имениях, мы патриотически толкуем о приобретении русскими имений в Западном крае. Но где имения? Положения 19 февраля оставили после себя только земельные участки.

25 июня. Утром по железной дороге в Петергоф и потом прямо на пристань. Государь ехал в город. Докладывал на пароходе. Видел там всех вел. князей, кроме Николая Николаевича. Вел. кн. Михаил Николаевич говорил об армянском деле и о неприличии поступков кн. Горчакова, который по наущению Стремоухова, без всяких предварительных объяснений с наместником и министром внутренних дел обвинил того и другого в представленном государю докладе [71]. Вернулся довольно

---

* В той важности, которую он наивно придает себе, когда говорит о [церковно-строительном деле], есть нечто наполовину глупое, наполовину наглое.

рано на дачу. Государь говорил о записке Потапова и о возбуждаемом в св. Синоде вопросе о точном значении высочайшего повеления о смешанных браках. При каждом подобном объяснении слышится, что у его величества мысль естественно направляется по одному пути с моею мыслью, но, несмотря на то, не достигает цели. Ее отвлекают или отклоняют другие мысли. Вокруг его все думают иначе, а он держится системы невозможных диагоналей. Есть вопросы, по которым всякое усилие, а я их употреблял много, безнадежно. Например, по крестьянскому делу государь думает, что Положения 19 февраля удались вполне и что их успех, опровергнув возражения против них делавшиеся, в то же время доказал неосновательность и всяких других возражений по каким бы то ни было другим вопросам, его величеству предъявляемых. Между тем дело Положений 19 февраля далеко не кончено, и если бы их применял не я, то и настоящее положение этого дела было бы совершенно другое.

26 июня. На даче. Работал. С особым участием читал в «Times» дело лорда Вестбюри. Какое тяжелое положение, потому именно, что в деле подобную роль играет его сын. Какие глубокие и какие мучительные раны нанесены отцовскому сердцу.

27 июня. Утром у обедни. Ездил на Каменный остров к Штиглицу, которого встретил на дороге и с кем нужно было переговорить по делу Даншельмойра.

28 июня. Утром в городе. Принимал воспитанников строительного училища. Потом Комитет министров. Пустые дела. Кн. Гагарин был нездоров и его лицо мне крепко не понравилось. Кажется, перелом близок.

29 июня. У обедни. Кончаю питье мариенбадской воды. Грустные, но тихие думы. Печаль иногда имеет своего рода сладость, когда другие ее не видят. Жажда покоя усиливается. Моя служебная и общественная деятельность внушает мне все большее и большее отвращение. Есть в ней уничижение, которого я не заслуживаю, есть бессилие и беспомощность, которые недостойны. Надежда на улучшение день ото дня слабее, потому что хроническое свойство положения дел не подлежит более никакому сомнению.

Мысль о романе. Три любви. Любовь молодости, любовь отцовская, любовь христианская. Представительницею первой женщина, представителем второй мужчина — предмет первой любви, сначала ее недостойный, потом возвращаемый на добрый путь любовью к сыну. Представителем третьей или священник или мирянин, земным горем отрешенный от земного. Все три элемента допускают широкое и разнообразное развитие.

30 июня. Тревожная ночь. После полуночи было тихо и теп-

ло, хотя и пасмурно. Шедший вечером дождь перестал. Около часу поднялся западный ветер; барометр, понижавшийся с вечера, еще более и быстро понизился; в ½ 2-го ветер усилился до бури; с 2 и до 3 дул почти с силою урагана. В ½ 3-го барометр начал подниматься; но ветер хотя и начал стихать, но дул сильными порывами до 5-го и далее до 6-го часа. Вода поднялась, в 2 часа времени на 6 и местами более фут. Нева походила на бушующее море. Множество деревьев поломано или вырвано с корнями; все наводные мосты повреждены; множество барок и плотов разбито или потоплено. На взморье везде значительные опустошения, хотя до сих пор, к счастью, нет известий о погибели людей. В городе множество поврежденных зданий. Я выходил на берег после 3 часов, в то самое время, когда буря начинала стихать. Улица была устлана оторванными листьями; брызги от волн мглою ложились на противоположный берег реки. Сегодня утром ясно. Был в ботаническом саду, где часть лучших деревьев погибла.

Целый день на даче. Сообщение с городом возможно только через Николаевский мост.

1 июля. На даче. На топях погибло во время бури несколько людей. У нас в саду жалко смотреть на деревья. Где вчера еще была густа масса зелени, сегодня сучья виднеются, как в сентябре.

2 июля. Утром в Петергофе. Государь приказал докладывать на пароходе по случаю его поездки в Кронштадт для осмотра некоторых судов. Между тем меня ожидали в Михайловском для совещания с вице-канцлером по армянским делам. Нечего было делать. Предуведомил кн. Горчакова и отправился на пристань. Докладывал на пути до Кронштадта, а оттуда благодаря любезности Краббе вернулся один на его пароходе в Петергоф. Здесь на пристани не застал своей кареты, но взял какую-то дежурную пару и отправился к Вяземским, откуда послал за своим экипажем. Добрался до Михайловского в ¼ 3-го вместо 1 часа. Там происходило двухчасовое совещание, кончившееся признанием кн. Горчакова, что он ничего не знал о главных обстоятельствах дела. Из бережливости в отношении к нему вел. князь, а частию и я дали ему возможность приличного и более или менее даже маскированного отступления; но надеюсь, что в другой раз он не вверится слепо Стремоухову и не позволит себе тех неприличий, которыми отличаются представленные им государю по армянскому делу доклады. После заседания успел доехать с 4-часовым поездом (петербургским) в Ораниенбаум, где обедал у вел. кн. Елены Павловны. Видел там ее брата, принца Виртембергского * в прусской службе

* *Вместо:* Виртембергского *написано:* Августа (*т. II, л. 166*).

и гр. Эд. Келлера с дочерью, которая мила и напомнила мне мать в ее прежние, лучшие времена.

После обеда ездил с вел. князем и другими в Сергеевку и на ферму принца Ольденбургского, где пили чай (замечательно плохой). К нам присоединилось le monde du Palais Chinois *, т. е. вел. кн. Екатерина Михайловна, герцог Мекленбургский и бывшие у них гости. С последним поездом, который я захватил в Старом Петергофе, вернулся в город, а оттуда на дачу.

3 июля. На даче. Работал.

4 июля. Утром у обедни. Заезжал на Елагин к кн. Гагарину, которого здоровье сильно колеблется, потом в Старой Деревне к Вестману. Вечером Кубе и Дершау поставили у меня термограф и барометрограф, которых доселе я не видал.

5 июля. Утром в городе. Заседание Главного комитета. Вел. кн. Константин Николаевич неизменно следует мужикофильскому направлению. Чувства справедливости и уважения к правам собственности у нас теперь существуют только в старых книгах. Вернулся на дачу к обеду. Вечером был Здекауер с новостями о Старой Руссе. Il est trop plein de ce sujet à propos des grands ducs pour être l'homme supérieur que j'avais cru démêler en lui **.

6 июля. Утром в городе. Прием просителей в Министерстве. Потом Комитет министров. Потом Комитет польский. Замечательна падкость кн. Д[олгорукова] на мелкие дела. Редко слышится его голос по вопросу несколько общему или крупному. Но когда речь о наградных правилах, можно заранее быть уверену, что он скажет что-нибудь про Станислава 2-й степени или про медаль на владимирской ленте. Будущность! Что готовишь ты нам?

7 июля. На даче.

8 июля. На даче. Заезжал к Муханову, который давно хворает. Говорят, что с ним сделался ударообразный прилив крови к голове. Теперь ему лучше. Погода стоит прекрасная—24° в тени.

9 июля. Утром в Петергофе. Доклад. Был у Вяземских. Обедал в Ораниенбауме у вел. кн. Екатерины Михайловы en quatre avec m-lle Euler et m-lle Fronbat [?]***. После обеда поездка на ферму принца Ольденбургского, где пили чай. Вернулся с последним поездом. Новостей нет, кроме программы празднества по случаю предстоящей присяги цесаревича. Она назначена на 20-е. Двор будет на Елагином 19-го вечером, а 21-го вечером переедет в Ропшу, чтобы 22-е провести в боль-

---

* высшее общество из Китайского дворца.

** Он слишком полон темой о великих князьях, чтобы быть выдающимся человеком, каким он мне представлялся.

*** вчетвером с мадмуазель Эйлер и мадмуазель Фронба [?].

шем уединении. Вел. кн. ген.-адмирал уходит в море с эскадрою 23-го, предполагая прогуляться до Стокгольма, а, быть может, и до Киля.

10 июля. Вчера целый день 24° в тени. Сегодня 22 или 23. У меня был барон Талейран, вернувшийся из Архангельской и Олонецкой губернии, и, как говорит, отменно довольный своей поездкой. Между тем в Белое море приходил шведский пароход, и в том и другом посещении начинают предполагать отдаленные политические цели.

11 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

12 июля. Утром в городе. Заседание особого присутствия, подготовляющего введение судебной реформы [72]. Вопрос о слиянии или неслиянии мировых судей и посредников. Большинство членов комиссии (под председательством Буткова) и три министра — финансов, государственных имуществ и внутренних дел — были в пользу слияния, и их мнения изложены в печатных записках. Прения по этому вопросу в общем его виде происходили около часу без помехи со стороны председательствовавшего кн. Гагарина. Потом он объявил, что нам и рассуждать об этом нельзя, потому что присвоение мировым судьям обязанностей не чисто судебных противно «высочайше утвержденным основным началам». При этом кн. Гагарин, в субботу ездивший к государю, выразился так: «Я имел счастие слышать, что комиссия уклонилась от основных начал». Таким образом, совещание пришло к неожиданному концу, ибо импровизировать другого способа решения я, конечно, не предпринял, и мне предоставлено предпринять это с несколько большим досугом. Характеристичный способ ведения дел вообще и законодательных в особенности. Вернулся на дачу без всякого особого чувства огорчения. Каждый день обогащаюсь равнодушием. Первое движение — взрыв; потом улыбка, потом мысль спокойно переходит к чему-нибудь другому. Мы отданы в прекрасную школу для развития эгоизма.

Остальное время дня на даче один. Жена и Голицыны ездили в Петергоф по случаю дня рождения кн. Вяземского и вернулись не ранее 11 час. вечера.

13 июля. Утром в Министерстве. Вынужден был, хотя избегаю всяких церемоний, сделать род общего приема директоров и начальников отделений по случаю новых штатов. Гр. Сиверс * сказал мне благодарственное слово. Я держал ответный speech, в котором преимущественно благодарил за то, что Министерство не «ведомство» и что все чины всех отделов обнаруживают сознание солидарности государственных интересов и разных частей государственного управления. Про себя

---

* *Далее в скобках написано:* старший из них (*т. II, л. 167*).

я думал, что жертвую свежестью этого мотива во вред той речи, которую полагаю держать при прощании с Министерством; но найдутся и уже есть другие мотивы. А когда прощание? Думаю часто; но sœur Anne on ne voit encore rien venir *. Был в Комитете министров, где обсуживался, между прочим, по высочайшему повелению и в присутствии вел. князя наместника вопрос об упразднении Кавказского комитета. Мысль о том была заявлена при упразднении Комитета сибирского. Бутков хотел этим воспользоваться для создания министерства или статс-секретариата кавказских дел. Вел. князь подался на эту мысль. Вопрос обсуживался под председательством вел. кн. Константина Николаевича его братом наместником, кн. Гагариным и Бутковым. Кроме кн. Гагарина все были в пользу статс-секретариата, хотя и под маскированными формами, как будто en domino**. Государь не принял ни того, ни другого мнения (кн. Гагарин настаивал на упразднении Комитета с передачею его дел в Комитет министров) и приказал обсудить вопрос вновь. Сегодня не явились ни кн. Долгоруков, ни гр. Панин, ни военный министр, ни министр императорского двора. Явно было, что надлежало, по крайней мере, отвратить большее зло и для этого остаться при меньшем, т. е. прежнем***. Так мы и сделали. Комитет кавказский остается до времени, но министра статс-секретаря кавказских дел не будет и единству управления не будет нанесено этой новой язвы. Бутков s'est bien exécuté quand il a vu que la partie n'était pas gagnable****.

К обеду вернулся на дачу. Вечер, как всегда, дома.

14 июля. На даче. Доклады. В тени 20°, как во все эти дни.

15 июля. На даче. Дни в одно и то же время переполнены и пусты. Убегаю самого себя. Все живется, как будто на станции

16 июля. Утром доклад у его величества в Красном Селе. Ничего особенного, но мне как будто сдается, что какая-то мысль ложится тенью между государем и мною. Он не смотрит мне пристально в глаза. Придумывая объяснения, я не нахожу другого, как то, что государь догадывается, что я не могу быть доволен моей ролью, что он чувствует, до какой степени я чужд господствующему в разных делах направлению и знает, что я помню, сколько вопросов разрешается в противность моему мнению. За мною, собственно, нет никакой вины и трудно упрекать меня в чем-либо, кроме того, что я,

---

* сестра: Анна, пока еще ничего не видно.

** в домино.

*** *Далее] в скобках написано:* Потому что надежды на утверждение более правильного предложения кн. Гагарина не было (*т. II, л. 167 об.*).

**** покорился, когда увидел, что дело выиграть невозможно

именно я, а не кто другой. Конечно, я устал, менее надеюсь, чем прежде надеялся, многое мог бы делать лучше, но и делаемое делаю недурно. Мое управление — бег с препятствиями, и эти препятствия отчасти ставит сам государь и мои товарищи.

Видел кн. Долгорукова. Он в Красном и шеф жандармов, и начальник главной квартиры, и гофмаршал. В жаркой комнате, на солнце, на казенном жестком диване, перед казенным круглым столиком, на котором стоит казенный чай,— и вполне доволен. О дворцовая жизнь!

Кн. Суворов сочинил программу мнимо народных празднеств по случаю присяги цесаревича. На Каменноостровском проспекте строят три триумфальные арки для проезда высочайших особ с Елагина и на Елагин. У арок будут оркестры, которые будут играть «Боже, царя храни». Где-то будет помещен и оркестр Излера.

Нежносердный министр императорского двора [73] между тем у ног гр. Гендриковой. Он с нею ходит, с нею ездит верхом. «Какой шут»,— говорит кн. Долгоруков.

Государь сделал мне честь пригласить меня к обеду, но я отпросился в город. Несколько часов пропало бы в ущерб моему дню и еще более моей ночи. Вернулся на дачу в 3 часа.

17 июля. На даче. Грустные думы. Жизнь вечереет. Какая будущность для тех, кто мне близки, со мною доживут до рокового дня и меня переживут. Что оставлю им я? Чем обеспечу? Бедный Никс! Я смотрел на него сегодня вечером и сердце мое сжалось. Но...

Zage nicht: er ist die Liebe.
Sein Vaterauge fehlt dir nicht.
Und wird's um dich auch, noch so trübe,
So wird's um dich doch wieder Licht.
Er ist die Liebe: zage nicht *.

18 июля. На даче. Был на гонках яхт-клуба. Начинания. У нас везде пеленки.

19 июля. Утром в городе. Комитет министров вместо завтрашнего дня. Бутков едет за границу на 4 месяца. Еще один из совершающихся по временам подстольных или настольных переворотов. В комиссии по судебной реформе Бутков был недавно главной действующей пружиной. Теперь кн. Гагарин

* Не робей: он — любовь.
Его отцовский взор не покинет тебя.
И какая бы тьма тебя ни объяла,
Вокруг тебя снова засияет свет.
Он, — любовь: не робей.

ведет дело. Но кто ведет его с ним или за ним? Не знаю, но успею узнать. Торопиться не для чего. Знание не помогает.

В газетах напечатана неприличная программа предполагавшейся кн. Суворовым, обер-полицеймейстером, ген. Чебыкиным и К⁰ встречи их императорских величеств на Каменноостровском проспекте и Елагином острове и народного гулянья, по случаю предстоящего на завтра торжества присяги цесаревича. Там упоминается о шарманщиках, о музыке Излера и т. п. Три арки были построены на проспекте. Сегодня они сломаны. Императрица не пожелала встречи в этом роде. Между кн. Суворовым и кн. Долгоруковым происходила деятельная по этому предмету переписка.

Вечером видел в первый раз после ее замужества М. А. Малоствову. Мало переменилась, но подобрела и, к сожалению, походит на мать. Она здесь проездом. Отношения к матери такого свойства, что когда она была у нее, то ее даже не попросили сесть. Брат скрывается в Стрельне под предлогом болезни.

20 июля. Сегодня, по установленному церемониалу происходило торжество присяги цесаревича. Обе присяги — церковно-гражданскую и военную — он прочитал внятным и ровным голосом, но голос еще не сложился. Попечителем к нему назначен гр. Перовский, что многих изумляет. После присяги прием. Вел. князя заставили сказать по нескольку слов всем членам Государственного совета и всем сенаторам. Вероятно, еще и многим другим лицам военного звания. Тяжелая задача без надлежащей подготовки. Особое впечатление произвела на меня императрица во время военной присяги. Она стояла одна, перед троном, лицом к нам. Государь сошел и стал близ цесаревича. Императрица стояла неподвижно, не поднимая глаз и только как бы слегка шатаясь от усилия выдержать до конца. На лице то глубокое выражение страдания или скорби, которое заключается в отсутствии всякой подвижности впечатлений. Душа обращена во внутрь. Внешне безжизненна. Если бы я мог быть уверен, что при этом не было никакой aigreur *, я пожелал бы преклониться перед ней как пред иконой. В сильном и безмолвном страдании есть святость и повелительное обаяние.

Вечером было гулянье на Елагином, фейерверк и пр. Меня, конечно, там не было.

Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего [74]. Между тем по телеграфу получено от ген. Крыжановского на основании настояний Черняева требование заарестовать все бухарские караваны, товары и пр. Министерства финансов и военное недоумевают. Есть нечто эротическое во всем,

---

* чувства досады.

что у нас делается на отдаленной периферии империи. Амур, Уссура, теперь Ташкент.

21 июля. Утром на даче. Доклады. Потом на gala-обеде * в Зимнем дворце. Неприятное и почти тяжелое впечатление. Торжество, в котором все принимали участие как бы против воли. Ни одного не только веселого, но и довольного лица. Торопливость явная покончить с принужденным делом. Наш двор теперь не блистателен. Все звания уронены по множеству лиц, которые ими облечены. Камер-юнкеры, камергеры, церемониймейстеры, гофмейстеры, флигель- и генерал-адъютанты — все это как будто опошлело. Признаки упадка, болезненности, разложения везде и во всем видны.

Императрица не была на обеде. Я ее встретил, возвращаясь из города. Она ехала туда с Елагина. Сегодня же вечером их императорские величества отправляются в Ропшу, где проводят 22-е число.

22 июля. На даче.

23 июля. Утром в Красном Селе. Доклад его величеству. Ничего особого. Видел кн. Долгорукова, который полагает, что государь поедет в Москву около 14 августа на несколько дней. Вернулся на дачу к обеду.

24 июля. Утром в церкви. Потом в городе. Заседание Польского комитета. Всегда одно и то же тяжелое впечатление [75]. Платонову оно должно быть еще гораздо тяжелее, потому что части Н. Милютина прямо ложатся на него, между тем как я стою в стороне.

Все время на пути в город, в Комитет и на пути оттуда одна мысль, одно желание, как и когда избавиться от моей ноши.

25 июля. Утром у обедни. Ездил на Каменный остров и в Старую Деревню. Видел Штиглица, Талейрана и военного министра. Талейрана встретил на пути. Он шел avec son cousin, le duc de Montmorency**. Вероятно, тот, который недавно получил этот титул. Вечером по соседству у г. Гернгрос.

26 июля. Утром в городе. Комитет министров. Вернулся ранее обыкновенного. Вечером дома.

27 июля. На даче.

28 июля. То же.

29 июля. То же. Разные заботы частного свойства. Сегодня начинаются маневры. Наступающий отряд на сей раз за Невою, которую должен переходить против с. Рыбацкого по наведенному мосту, насчет прочности коего с разных сторон выражаются сомнения. Впрочем, погода благоприятная. Уровень воды низок и волнения нет.

---

* парадном обеде.
** со своим двоюродным братом, герцогом Монморанси.

30 июля. На даче.

31 июля. То же. Вечером у Гернгроса.

1 августа. Утром у обедни. В 2 часа проводили Голицыных на Московскую железную дорогу. Время течет и уносит. Оттуда на дачу. Сердце сжато, голова в тисках. Благодарю бога, что при этом в течение нескольких дней, по случаю маневров, лета и т. п., было привольнее обыкновенного, без езды и заседаний.

2 августа. Утром в городе. Заседание особого присутствия по делу о судебной реформе. Вопрос о слиянии мировых судей и посредников. Потом вернулся на дачу. Жалуются на то, что по случаю маневров и наведения понтонного моста под Рыбацким приостановили на 3 дня все судоходство по Неве.

3 августа. Утром Комитет министров. Между прочим обсуживалась в присутствии статс-секретаря у принятия прошений, кн. Долгорукова, поданная им государю записка о том, что им, кн. Долгоруковым, принято за правило при докладе ему дел, вызывать просителей, доклады принимать при них и их выслушивать, но что так как многих может не быть в Петербурге, то кн. Долгоруков полагал бы вызывать их через газеты и публиковать в них, что при докладе ему жалоб на решения *общих собраний Правительствующего сената*, он вызывает просителей присутствовать при этом докладе. Sic! * Все это накануне судебной реформы и пр. Разумеется, предложение кн. Долгорукова, обращенное государем в Комитет министров, было Комитетом отклонено. Кн. Долгоруков во время совещания заявил довольно значительную степень кретинизма. Оттуда на дачу. Вечером на soirée plus ou moins manquée ** у французского посла, в Старой Деревне, en l'honneur de la St.-Napoléon ***.

4 августа. Утром в Сенате. Потом заседание Главного комитета. Потом дома.

5 августа. На даче. Доклады и приготовления к докладу.

6 августа. Утром в Красном Селе. Всеподданнейший доклад. От большого обеда по случаю праздника преображенцев и артиллерии уклонился. Вернулся на дачу в 6-м часу. Вечером дома.

7 августа. На даче. Погода стоит холодная при пронзительных ветрах от востока и северо-востока. Дни идут. Каждый из них встречаю с опасением насчет известия из Франкфурта [76]. Но бог милует.

8 августа. Утром у обедни. День без событий, на даче.

---

* Так!

** на более или менее неудавшемся вечере.

*** в честь праздника св. Наполеона.

9 августа. Заседание Кавказского и Польского комитетов. Потом на даче.

10 августа. Утром в Министерстве. Потом заседание Комитета министров. Кн. Долгоруков более занят своей временной обязанностью походного гофмаршала, чем государственными делами.

11 августа. На даче.

12 августа. То же.

13 августа. Утром в Петергофе. Доклад у его величества. Видел кн. Горчакова, кн. Долгорукова и на железной дороге гр. Шувалова. Слышал от него, что вопрос о mariages mixtes * до сих пор не забыт императрицей. Она говорила, что если бы она была здесь, он не был бы разрешен так, как это без нее сделалось. Вел. кн. Александра Петровна также ратует против этого разрешения. Кн. Горчаков de belle humeur **, потому что bien en cour ***, но отзывается неутешительно об общем ходе дел. Кн. Долгоруков занят поездкою в Москву, куда государь отправляется завтра с цесаревичем, вел. кн. Михаилом Николаевичем и вел. кн. Владимиром Александровичем. Кн. Долгоруков стареет. Его взгляд суживается, приемы мельчают, мысль и слова становятся еще более бесцветными. Жаль. У нас вся энергия правительства, к сожалению, расходуется на меры строгости или на разрушение прошлого. Создавать органическое мы не горазды. А когда дело в том, чтобы миловать или управлять, то аллюры не широки.

Государь сегодня коснулся в разговоре ген.-ад. Анненкова. Он сказал, что им доказано много чувства и преданности в последнем прискорбном случае, когда он предложил себя для сопровождения смертных останков покойного цесаревича. Государь присовокупил с особым акцентом: «Ce sont des choses que je n'oublie pas ****.

Вернулся на дачу, проехал до Петербурга на пароходе к $5^1/_2$ часам. Обедал с нашими у Ленца [103].

14 августа. На даче. Государь и их императорские высочества выехали сегодня в 8 часов утра.

15 августа. Утром у обедни. Потом с женою в новом Адмиралтействе на спуске фрегата «Петропавловск». Кроме вел. кн. Александра Александровича, никого из высших лиц не присутствовало, исключая, разумеется, управляющего Морским министерством. Оттуда вернулся на дачу.

16 августа. На даче. Аристотель говорит: Γίγνονται οἱ στάσεις οὐ περὶ μικρῶν, ἀλλὰ ἐκ μικρῶν [76а]. Поводы к переворо-

---

* смешанных браках.

** в прекрасном настроении.

*** в милости при дворе.

**** «Эти вещи я не забываю».

там бывают малы, но перевороты велики. La Rochefoucauld dit qu'il y a toujours des îles à découvrir dans l'océan des amours propres*.

17 августа. Утром в городе. Прием в Министерстве. Потом Комитет министров. В Москве сделан государю, как всегда, блистательный прием. Масса народа, иллюминация, крики ура и пр. У нас слишком часто забывают две стороны дела. Энтузиазм уличный, а благодарения приносятся за ожидаемое не менее, чем за полученное. Ожиданиям есть предел, а улицы в государственной жизни мало.

18 августа. На даче.

19 августа. То же.

20 августа. Государь вернулся вечером из Москвы. Кн. Долгоруков пишет, что прием масс был «magnifique» **, но что на будущем дворянском съезде следует ожидать затруднений, подобных прежним.

Продолжаются пожары и повторяются случаи подбрасывания подметных писем, угрожающих поджогами. Некоторым из них (в Орле и Крестцах) дается форма декретов революционного комитета или правительства [77]. Подражание польским приемам и отчасти последствия разглагольствований нашей ультрапатриотической журналистики. Она твердит и подчас подсказывает.

Все эти дни проведены мною в мучительных опасениях частного свойства и в огорчениях самых тяжелых.

21 августа. На даче.

22 августа. Утром у обедни. День на даче.

23 августа. На даче.

24 августа. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Грустно. Оба горизонта, внутренний и внешний, покрыты мглою.

25 августа. На даче. Доклады.

26 августа. Ездил в город к Д. Г. Бибикову, который недавно лишился старшего сына. Был с женою в т. н. зоологическом саду, который, собственно, не зоологический сад, а размещенный в саду зверинец.

27 августа. Утром в Царском. Доклад у его величества. Между прочим, все вопросы о новом управлении по делам печати. Вчера я исполнил тяжкую обязанность объявления разным лицам о непринадлежности их к новому составу [78].

Обедал у их императорских величеств с возвратившимися на днях министрами финансов и путей сообщения. Императрица

---

* Ларошфуко говорит, что в океане самолюбий всегда можно открыть новые острова.

** «великолепен».

me bat froid *. Все то же, что прежде с присовокуплением дела о смешанных браках. Государь по поводу некоторых сведений, привезенных вернувшимся из-за границы Потаповым, говорил о Северо-западном крае. Сомнения насчет пригодности Кауфмана возникают. Я сказал, что, помимо рассказов Потапова, вижу, что ни самостоятельного направления, ни знания частностей администрации в Вильне не видно, но что одностороннее и не всегда удачное подражание или желание подражать системе ген. Муравьева несомненно. На этот раз, и вообще до времени, рано выражаться определительнее. Государь знает, что вся западная система не на мой лад. Он ее, тем не менее, до них поддерживал и одобрял. Если поднимать вопрос о Польше и Западе, то следует поднять его в полном объеме. Между тем государь едет на 2 недели в Ильинское [79], а из моих коллегов ни один мне помощи не окажет. Только испортишь дело, которое хотя и идет дурно, но окончательно еще не проиграно. Вернулся на дачу вечером.

28 августа. На даче. Работал. Был кн. Долгоруков с разными магнификованными мелочами.

29 августа. Утром у обедни. Обедал в Михайловском с военным министром, Грейгом и некоторыми другими. Обратный путь при сильном дожде. Канцелярские заботы по случаю указов и приказа на завтрашний день.

30 августа. Утром в Александро-Невской лавре. Обычная процессия под зонтиками. Прекрасное пение при литургии. Видел проезжающего из Бомбея в Лондон P[aisee?] с дочерью, не пригожею лицом, но приодетою золотой парчой. Леди Букан меня с ним познакомила. Он совершенно владеет английским и отчасти и французским языком. Политических новостей сегодня немного. Кн. Долгоруков 2-й назначен московским ген.-губернатором. Офросимов садится в Государственный совет [104].

31 августа. Утром в городе. Комитет министров. Заезжал к кн. Долгорукову, которого не застал. Вечером в 8-м часу их императорские величества отправились из Царского Села в Ильинское.

1 сентября. Утром в городе. Открытие Главного управления по делам печати. Молебствие. Журнал, подписанный, между прочим, и кн. Оболенским, приглашенным par courtoisie ** в память его председательствования в комиссиях, где составлялись проекты новых о печати узаконений. Потом краткий speech, обращенный к членам Совета. Оттуда в Министерство для приема докладов.

---

* холодна со мной.
** из вежливости.

2 сентября. На даче. Доклад. Отправление бумаг с завтрашним фельдъегерем в Ильинское.

3 сентября. Утром в городе. Ездил осматривать поступившее в мое ведение строительное училище.

4 сентября. На даче. Работал. Сегодня вышли в первый раз в С.-Петербурге две газеты без цензурного просмотра. «С. Петербургские ведомости» и «Голос». Замечателен лакейский тон. «Голос», чтобы обнаружить и доказать глубокое и серьезное удовольствие, говорит, что он не пойдет плясать в присядку, но... и т. д. Следовательно, прежде всего приходит на мысль, радуясь, пуститься в присядку [80].

5 сентября. Утром у обедни. Погода, по-видимому, устанавливается. Осеннее солнце на голубом небе. Желтые переливы на разреженной зелени дерев. Красота осенняя, но все-таки красота.

6 сентября. Утром в городе. Заседание Главного комитета, раздражительное и тягостное по несправедливости и пристрастию, обнаруживаемым вел. князем, Чевкиным, Бахтиным и Канцелярией во всех делах, где интересы крестьян не сходятся с интересами помещиков. Это шемякинский суд, обращенный в систему [81].

Перед заседанием продолжительное объяснение с царскосельским предводителем Платоновым по случаю предстоящего уездного земского собрания. По уклонению губернского предводителя и его криводушным действиям нужно было взяться за другого, и именно за того, кто из уездных наиболее крут и наиболее имеет весу.

Вечером на вечере у барона Штиглиц. Théâtre de société. Madame Wynce[...] * très bien **.

7 сентября. Утром в Министерстве, потом Комитет министров. Потом Комитет польский. Дела в первом из них о костеле Луцкого монастыря, по которому я резко постановил вопрос о неприличии передачи церкви из одного христианского исповедания в другое.

8 сентября. Утром у обедни. Работал. Бремя забот давит голову. Но неволя сохраняет свои права.

9 сентября. На даче. Доклады.

10 сентября. Утром на даче. Обедал в Павловском у вел. кн. Константина Николаевича.

11 сентября. На даче. Вечером возвратился из-за границы мой сын. Дай бог в добрый час.

12 сентября. Утром в церкви. День на даче.

---

* *Фамилия не разобрана.*

** Театральное представление для высшего общества. Г-жа Венс [?] очень хороша.

13 сентября. Утром в городе. Заседание Главного комитета, в котором Чевкин довел меня до выходки, в которой не было следов моего прежнего хладнокровия. Вообще я не выдерживаю того, что выдерживал прежде. Из меня выпилили терпение. Пора удалиться от случаев, когда оно нужно.

14 сентября. Заседание Комитета министров, и опять стычка с Чевкиным. Другая с Рейтерном по поводу кабаков и штофных лавок [82]. Потом заседание Польского комитета, в котором Н. Милютин настаивал на высылке из Царства епископа Ржевуцкого, а Чевкин хотел вдобавок выслать еще и епископа Шиманского. Они остались вдвоем при этом мнении. Польский комитет мне внушает омерзение.

15 сентября. Утром опять в городе. Заседание в Сенате. Заезжал к Зеленому, которого не застал. Он вчера вернулся из-за границы.

16 сентября. На даче. Целый день работа. Получаю письма кн. Долгорукова в ответ на мои письма. C'est toujours une dilution de quelque chose, mais jamais quelque chose *.

17 сентября. На даче. Мысль об оставлении нынешнего поприща более и более мною овладевает и созревает. Господи! Настави и направи мя!

18 сентября. На даче.

19 сентября. На даче. Утром у обедни.

20 сентября. Утром в Государственном совете. Судебная реформа [83]. Сегодня сделано распоряжение об объявлении в первый раз первого предостережения одной из здешних газет («С.-Петербургским ведомостям») по поводу статьи о залоге государственных имуществ [84] **. Начало дела в нашем несчастном бестолковом псевдопатриотизме. Мечта, что при нашем безденежье и безлюдье мы дадим «русским деятелям» средства скупать польские имения в западных губерниях, привела к несбывшимся ожиданиям и неисполненным обещаниям. Тогда ген.-ад. Зеленый задумал «доставить государю» нужные фонды посредством залога известных частей государственных имуществ в банке Френкеля. Он доложил об этом его величеству без должного соглашения с министром финансов. Воображали, что это секрет, который следовало и можно было на первое время утаивать. Ветрогон Френкель не сдержал обещанных золотых гор, но между тем разгласил по Европе якобы данное ему «финансовое» поручение. Между тем здесь встрепенулись, с одной стороны, щекотливость Министерства финансов, с другой — интересы мечтательного банка Тарасенко-Отрishкова и К°.

---

* Во всех этих письмах — слабый налет какого-то содержания, но отнюдь не самое содержание.

** *Далее в скобках написано:* в предполагаемом банке Френкеля под патронатством министра государственных имуществ (*т. II, л. 172 об.*).

Зеленый был за границей, а его замещал Гернгрос. Начали говорить, что он куплен Френкелем. В «Торговом сборнике» и «Биржевых ведомостях» появились статьи, пропущенные цензором Министерства финансов, в которых оспаривалось право правительства распоряжаться государственными имуществами, составлявшими якобы специальное обеспечение наших долгов, билетов, и пр. [85]. Гернгрос написал для «Северной почты» ответную заметку, в которой, несмотря на то, что я вычеркнул часть и несколько изменил другую, остались некоторые недостаточно обдуманные и взвешенные выражения [86]. «С.-Петербургские ведомости» напечатали ответ, в котором повторялся тезис «Торгового сборника» и «Биржевых ведомостей», а в публике pot-de-vin * Гернгроса тотчас дорос до суммы 300 тыс. руб., я сам явился с pot-de-vin ** в 200 тыс., а смысл статьи в «Северной почте» предположен тот, что правительство признает себя вправе располагать для уплаты своих долгов не только казенной, но и частной собственностью [87]. Вяземский (Павел Петрович) доставил мне скриптуру, в которой на четырех страницах об этом предположении расписывались и находили, между прочим, это «грустным» (Notre public est toujours prêt à calomnier et à ne pas comprendre. C'est don Basilio enté sur Jacrisse) ***. В Совете по делам печати возникла ради меня оппозиция против требованного мною предостережения [88]. Члены опасались, что на меня будут клеветать еще более и т. д. Я, конечно, не остановился из-за опасений этого рода, но вместе с предостережением приказал напечатать в «Северной почте» краткую передовую статью, имеющую целью рассеять те недоразумения, которые могли быть вызваны заметкой Гернгроса [89].

21 сентября. Утром в городе. Опоздал к заседанию Комитета министров, но просидел два бесполезных часа в Комитете польском, не дождавшись конца. Дело было так скучно и так нелепо, что когда я откланялся председательствовавшему кн. Гагарину, он громко сказал: «Je vous félicite» ****.

22 сентября. Да благословит бог новый год моей жизни. Закат приближается. Да будет он мирен и яснее предшедшего ему дня!

На даче. Доклады утром.

23 сентября. На даче.

24 сентября. Утром в Царском. Всеподданнейший доклад.

---

* взятка.

** со взяткой.

*** (Наша публика всегда готова клеветать и никогда ничего не понимает. Это сочетание дона Базилио с Жакриссом).

**** «Поздравляю вас».

Прежние впечатления. Видел в городе Долгорукова. Semper idem *.

25 сентября. На даче. Вчера вечером писал гр. Гейдену о сыне. Сегодня Гейден был у меня. Он берет сына в адъютанты. Если все так уладится, гора скатится с сердца. Странный случай. Молитва преподобного Сергия. Обет.

26 сентября. В последний раз в нынешнее лето у обедни в церкви на даче. Приготовляюсь переезжать на днях. Погода холодная и нездоровится.

Мысль об уходе мне постоянно сопутствует. Рассчитываю, когда настанет удобное время. Надлежит прежде покончить с отчетом, который еще не рассмотрен подлежащей комиссией. Извлечение из него, между тем, печатается. Оно в некоторых отношениях нужно для представления в истинном свете некоторых частей моей, по-видимому, доигранной роли. Нужно завершить и другие дела, между прочим, осуществить мысль о метеорологических картах. Соображая все, таким образом, нахожу, что 29 октября, докладной день, может быть днем объяснения моей просьбы государю. Но время еще может дать до тех пор другие указания. Да будет, что богу угодно.

27 сентября. Утром Государственный совет. Конец совещаний по судебной реформе. Потом на даче.

28 сентября. На даче. Приготовления к переезду. Возвращусь ли сюда? Да будет, что богу угодно. Тяжело, когда озираюсь. Легче, когда взор обращается к небу.

29 сентября. Переезд в город. Дай бог в добрый час.

30 сентября. Утром заседание комиссии, рассматривавшей мой отчет [90]. Finis coronat opus**. Год целый этот отчет не рассматривался. Сегодня Бахтин к нему привязывался с едкой и неприличной желчью. Прочие члены вотировали мне благоволение за крестьянское дело и медицинскую часть. И критика и благоволение не особо вески.

1 октября. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь озабочен недоразумением между министрами государственных имуществ и финансов по вопросу о залоге государственных имуществ. Он мне поручил участвовать в совещании между ними по этому предмету. Государь приказал быть этому совещанию для взаимного объяснения. По возвращении в город совещание под председательством кн. Гагарина между особо для сего назначенными министрами (кн. Горчаковым по ходатайству кн. Гагарина), Зеленым, Рейтерном, Мельниковым, Головниным, Толстым и мною по предмету доклада военного министра об ограничении числа поляков, служащих по его ведомству.

---

* Все такой же.

** Конец венчает дело.

Доклад татарский или китайский. Прения, каких при составе присутствия можно было ожидать. Результат, что в военное ведомство не вмешиваться, а в других предоставить начальству действовать по своему усмотрению. Я один высказался резко в обычном смысле, но говорю с глухими. Результат только потому недурен, что от крайностей Милютина и другие отшатнулись [105].

2 октября. Утром работал. Были у меня один за другим Зеленый и Рейтерн по предмету назначенного между нами совещания. Вечером я отправился к Рейтерну, куда вслед за мной приехал Зеленый. При некоторой помощи с моей стороны дело уладилось довольно ладно. Зеленый уже приостановил действия Френкеля. Теперь он ему поручает окончательно прекратить переговоры. Рейтерн, с своей стороны, предлагает другие средства воспособления покупки имений в Западном крае «русскими деятелями». Вечером же я написал государю о результате совещания. Всего прискорбнее для меня роль Гернгроса в этом деле. Условия, данные Френкелю, были, смотря по толкованию выражения en monnaie russe*, или невыполнимы или безрассудно для него выгодны. Зеленый, очевидно, не понимал их. На Гернгроса ложится тень, что он их понял и воспользовался этим для частной сделки с Френкелем. Рейтерн, очевидно, так думает. И нужно очень знать Гернгроса и очень ему верить, чтобы так не думать.

3 октября. Утром у обедни. Был у меня Оболенский, который неистово бранит Главное управление по делам печати за его действия. Все дело в том, что он считает себя его родителем и удивляется, что дитя ходит по-своему, не спросясь у него. Вечером видал Гернгроса, за которым я посылал. Объяснение с ним не оставило мне удовлетворительного впечатления. Жаль.

4 октября. Утром в Государственном совете. Зеленый откровенно объяснился со мною насчет Гернгроса. Он его внутренно обвиняет и передал мне некоторые прискорбные подробности. Жаль. Грустно видеть близкую гибель. Дай бог, чтобы сомнения и их последствия устранились. После Государственного совета Главный комитет. Все то же шемякинское направление.

5 октября. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Дело Таганрогской железной дороги [91]. Министр финансов и министр путей сообщения сегодня были заодно тормозами и повторяли избитые зады аргументов, давно опровергнутых. По вопросу о том, допускать ли гарантию с действительной стоимости дороги вместо гарантии ее стоимости версты заранее определенной, они остались втроем или четвером с Чевкиным и Зеленым, который на этот раз не счел удобным отде-

---

* в русской валюте.

литься от Рейтерна. Потом Комитет кавказский о деле Закавказской железной дороги [92]. Присутствовал гр. Левашев, адъютант наместника, отлично выполнивший свою роль. Решительного заключения не постановлено.

6 октября. Целый день дома за работой. Заезжал Зеленый из Царского. Государь его принял отлично и звал на охоту в Гатчино назавтра. Был также Огарев, вернувшийся с нижегородского воеводства. И это воевода! Кн. Суворов теперь в дружбе с Муравьевым! Видно «граф» завез ему визитную карточку.

7 октября. Утром за работой. Заезжал к старухе Озеровой, которая желала меня видеть по какому-то делу. Печальный вид. Полуживая, полуслепая, кругом печать одиночества и нужды; на стенах портреты, свидетельствующие о прежнем достатке и почившем семействе.

Вечером, как всегда, работа.

8 октября. Утром в Царском. Доклад. Обедал у их императорских величеств. Опять прежние впечатления. Государь не подозревает, что мысль об уходе — мой вечный спутник. Ее величество продолжает показывать холодность. За обедом она сказала, в ответ на что-то мною замеченное о гр. Бисмарке: — «On est heureux d'avoir Bismarck; il y a lieu d'en féliciter la Prusse» *. Смысл, по акценту, очевидно был: nous n'en avons point **. Ее величество забыла, que nous ne voulons pas en avoir ***. Бисмарк — первый министр и там есть министерство. У нас есть министерства.

9 октября. Заезжал утром в английское посольство. Желал почтить «визитом de condoléance» **** память почившего Пальмерстона. Отдал затем визит новому члену Государственного совета Офросимову. Мало-помалу теперь съезжаются наши patres conscripti *****.

Анненков здесь, Ливен здесь, Офросимов здесь. Гр. Сумароков здесь. Можем заснуть спокойно.

10 октября. Утром у обедни. Заезжал к гр. Крейц и к Анненкову, которого не застал.

11 октября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. День по обыкновению.

12 октября. Вместо Комитета министров отправился в Министерство, где после приема просителей заседал в Медицинском совете при обсуждении вопроса о холере [93]. Целью было

---

* «Иметь Бисмарка — счастье, и Пруссию можно только поздравить с этим».

** у нас такого нет.

*** что мы его и не хотим.

**** «выражающим соболезнование».

***** сенаторы.

парализировать стремление признавать холеру заразительной, в чем и успел. Доклады. Вернулся в 6-м часу.

13 октября. Утром в Сенате.

14 октября. Дома за работой. Перед обедом заезжал к Ленцу, чтобы поздравить его жену с днем рождения. Вчера был у меня приехавший сюда на несколько дней ген. Кауфман. Он добросовестно убежден в своей дальновидности и зоркости и честнейшим образом ошибается. Его, верно, выписал сюда Милютин, чтобы свиданием с государем изгладить следы доходящих до его величества сведений.

15 октября. Утром в Царском. Доклад. Я не ошибся насчет впечатления, произведенного ген. Кауфманом. Он кажется правым, потому что он brave et honnête homme *. Между тем он холит и гладит и чувствительные струны строгости под фирмой энергии, административного произвола под фирмой предусмотрительности и всякого рода принуждений, под фирмой русского патриотизма. Я вынужден был ограничиться заявлением своих сомнений и, таким образом, оставить себе открытый путь для будущего. Когда будет оно? Будет ли для меня? Во всяком случае настаивать теперь, значило бы портить дело. Сила, как самый элементарный и простой способ разрешения правительственных затруднений и вопросов, вообще нравится. Варшавская администрация, склонная обходиться с епископами, как с поручиками и с поручиками, как с епископами, решила испросить высочайшего повеления на высылку в Астрахань варшавского епархиального администратора Ржевуцкого, т. е. гр. Берг, имевший на то полномочие, желал прикрыться именем государя и вообще решился на высылку по настояниям кн. Черкасского. В Польском комитете все члены, кроме Милютина и Чевкина, были против высылки по высочайшему повелению. Милютин на ней настаивал, а Чевкин хотел вместо одного епископа выслать двух. Государь решил в пользу высылки Ржевуцкого.

Видел кн. Вяземского. Он снова как будто заболевает. Печальная развалина, освещаемая царскосельским солнцем.

Возвратившись в город, был у Кауфмана для отдания визита. В то самое время, как он уверял меня в неосновательности разных слухов и несуществовании разных злоупотреблений, вошел ген.-ад. Корф (В. С.) и с свойственной ограниченному уму наивностью начал жаловаться на злоупотребления власти, указывать на факты, называть свидетелей и т. д., не замечая, какую услугу он оказывал виленскому воеводе. Я воспользовался этим incident ** и удалился.

---

* порядочный и честный человек.

** инцидентом.

Сюда приехали и приезжают по вопросу о судебной реформе [94] ходатаи и представители Прибалтийского края. Кн. Ливен и барон Пален здесь. Рижский бургомистр Миллер должен быть сегодня. Барон Рекке, вероятно, будет на днях. Гр. Шувалов энергически преследует реформаторские цели. Ему нужно не только сделать что-либо хорошее, но и сделать что-либо поскорее, представляющееся хорошим. Его цель — не Рига и Балтика. Они его предмет в виде средства. Он торопит и жмет. Между тем прибалтийцы не только не разделяют его взглядов, но и не сумели до сих пор различить необходимое и неизбежное от того, что может быть обойдено или избегнуто, и подчиняться правильным требованиям времени и государственной пользы. Они обращаются ко мне не только как к министру внутренних дел, но и как к человеку, знающему край и не увлекающемуся ни теориями «Московских ведомостей», ни желанием блеснуть русицизмом. Я и здесь в средине между крайностями и враждебными лагерями и опять один.

16 октября. Утром работа. Обедал у принца Ольденбургского.

17 октября. Утром у обедни. Выходил пешком. Даже газеты не успеваю просмотреть. Все официальные чтения и писания.

18 октября. Государственный совет. Потом совещание с кн. Долгоруковым, гр. Паниным, обер-прокурором св. Синода и кн. Урусовым по особому высочайшему повелению о мерах в отношении к прибывшим в Москву из Белой Криницы раскольникам [95]. Потом Польский комитет. Не дождался конца. Невыносимо тяжело.

19 октября. Комитет министров. Обедал у английского посла.

20 октября. Утром Совет министров по вопросу о Таганрогской железной дороге и о допущении или недопущении начала гарантии с суммы действительно произведенных расходов. Результат = 0.

21 октября. Доклад в Царском Селе вместо завтрашнего дня, потому что государь уезжает сегодня на охоту. Окончательно разрешено назначить Платонова председателем здешнего губернского земского собрания. Заезжал к нижегородскому епископу Нектарию. Во время доклада я сказал государю: «On dit que m-r Aksakoff se marie *. (За него выходит кислая и горькая Анна Тютчева). Государь отвечал: «On me l'a dit aussi ** и прибавил «Je n'en serai pas fâché» ***.

---

* «Говорят, что г. Аксаков женится».
** «Мне это также говорили».
*** «Я на это сердиться не буду».

22 октября. Утром нас собирали в Кавказский комитет по делу о Кавказской железной дороге [96]. Но министр путей сообщения неизвестно почему не явился. Продержав нас $1^1/_2$ часа и расстроив наши утренние дела, нас распустили до воскресенья.

23 октября. Тяжелое утро от множества посетителей. Впрочем, день как все другие дни.

24 октября. Утром у обедни. Потом в заседании Кавказского комитета, где по вопросу о концессии Закавказской железной дороги министр финансов опять держался системы отрицания наравне с министром путей сообщения. Я остался при своем мнении и ко мне пристал гр. Панин по случаю участия в деле его зятя, гр. Левашева.

25 октября. Заседание Государственного совета. Потом заседание Главного комитета, где кн. Долгоруков, чтобы доказать, что он не под моим влиянием, опять подал несогласный со мною голос по делу, в котором он внутренно вполне со мной соглашался.

26 октября. Не поехал в Комитет министров, чтобы не быть в назначенном после него Польском комитете. Весь день убит посетителями или наполнен работой.

27 октября. Доклады. Заезжал к Щербинину, Скарятиной и Тройницкому. Мысль о невозможности продолжать нестерпимо тяжелую мою роль меня сопровождает безотлучно.

28 октября. Утром заезжал к Гернгросу, который оставляет Министерство вследствие всех толков по френкелевскому делу и отчасти вследствие собственного неосмотрительного образа действий. Потом был у Э. Странная повесть. Ее лучше хранить в памяти.

29 октября. Утром в Царском. Доклад. Вернулся в 3. Сегодня приехала Ольга [97] с детьми. Курский эпизод развязывается, и новое бремя у меня на руках. Между тем сердце обливается горечью и грустью по другому поводу. Внутренний плач и внутренняя молитва непрерывны. Тяжело, больно, невыразимо горько. Исхода нет. Ни одного луча отрады. Я чувствую, что провидение меня гнет и перегибает. Я имею ощущение физической боли. Я съеживаюсь под гнетом и страданием. Господи! буди ми милосерд!

Рядом с этой личной, частной грустью тянется вереница служебных трудов и забот.

Что и кто теперь Россия? Все сословия разъединены. Внутри их разлад и колебания. Все законы в переделке. Все основы в движении. Оппозиция и недоверие проявляются везде, где есть способность их выказывать. Трехсотголовое земство поднимает свои головы, лепечет критики, скоро будет вести речь недружелюбную. Половина государства в исключительном

положении. Карательные меры преобладают. Для скрепления окружности с центром употребляется сила, а эта сила возбуждает центробежные стремления.

Один государь теперь представляет и знаменует собой цельность и единство империи. Он один может укрепить пошатнувшееся, остановить колеблющееся, сплотить раздвоившееся. Он призван умиротворить умы, утешить страсти, воссоединить воли, указав им общую цель и открыв пути к этой цели. Он призван быть нравственным собирателем земли русской, как Иоанн III был ее собирателем материальным. Угодно ли ему будет уразуметь и исполнить это призвание?

Царское солнце ярко озарило и обогрело наши долы 19 февраля 1861 г. С тех пор оно неподвижно, как будто вновь остановленное Исусом Навином. Пора ему осветить и согреть наши вершины и окраины.

30 октября. Утром выходил пешком. Вечером видел Э. Новые разоблачения отвратительных фактов.

31 октября. У обедни. Потом на юбилее Вольного экономического общества. Речи, адресы, программа разных посещений и совещаний для депутатов. Присутствие вел. кн. Николая Николаевича, принца Ольденбургского и нескольких министров. Полная европейская подражательная обстановка. В речах продолжение игры на струне освобождения крестьян, которых г. Ходнев, секретарь Общества, назвал «самодействующими (ante factum) * машинами». Раздался гром рукоплесканий. Милые дети! Из них гр. Орлов-Давыдов говорил предлинную речь, которая была бы недурна, если бы не была длинна и чересчур направлена к доказательству продолжающегося значения дворянства и его сочувствия к «меньшей братии».

Видел вернувшегося из Одессы ген. Серебрякова. Он хвалит дорогу Унгерна.

1 ноября. Утром особое заседание Кавказского комитета по вопросу о железной дороге или, точнее, о редакции журнала прежнего заседания. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. Танеев поспешил сообщить мне о благосклонной ко мне отметке государя на журнале комиссии, рассматривавшей мой отчет [98].

2 ноября. Комитет министров. Потом Комитет польский. Вечером был у английского посла.

3 ноября. Утром доклады. Обедал у прусского посланника.

4 ноября. Утром несколько визитов. Был у Вяземского. Его квартира похожа на лавку и я его нашел занятым продажей каких-то вещей, каким-то marchands de bric-à-brac **.

---

* преждевременно.

** торговцам старыми вещами.

5 ноября. Утром в Царском. Доклад. Обедал у их императорских величеств с Рейтерном. Вечером у французского посла.

6 ноября. День как все дни. Печально.

7 ноября. Утром у обедни. Был у Э. Странно. Трудно исследовать, насколько она лжет.

8 ноября. Утром заседание Государственного совета. Вместо великого князя председательствовал кн. Гагарин. Заседание пустое. Титов держал maiden speech *. Не блистательно. Странно, что у нас все выходят в люди пустые люди. После Государственного совета какое-то заседание в соединенных Департаментах законов и экономии. Потом заседание Польского комитета.

Новая частная и печальная забота. Два года тому назад здесь умер Кух. Теперь очередь, по-видимому, за его женою. Быстро развивающаяся чахотка ее уносит. Предстоит присутствовать при ее агонии. Затем нужно призреть ее детей.

9 ноября. Утром Комитет министров. День как все дни.

10 ноября. Утро в Сенате. Работа. Вечером глубокое новое огорчение. Силы истощаются.

11 ноября. Тяжелое утро. Тяжелый вечер.

12 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Глубоко прискорбное впечатление. Нет надежды на перемену взгляда на дела Запада. Система грубой силы и всякого рода принудительных мер проповедуется с успехом вокруг трона. К этой проповеди склоняется державное ухо. Она проще, чем другая, и обещает скорейший успех. Но в чем успех? Это обещание — ложь. Не только успех, но и досуг не настанет.

Вечером в реформаторской новой церкви на свадьбе д-ра Кубе.

Дни идут, дела текут. Я в них участвую, но мысленно читаю им отходную. Перетянулась струна. Частное горе пособило не частному. Последние надежды израсходованы. Да будет божия воля.

13 ноября. Нездоровится. Не выходил, но работал. В Комитет финансов не поехал.

14 ноября. Утром у обедни. Целый день дома.

15 ноября. Не был в Государственном совете. Целый день дома.

16 ноября. То же. Не поехал в Комитет министров.

17 ноября. Дома. Разные доклады. На днях ген. Зеленый передал мне, что в Комитете финансов ген. Чевкин, Татаринов и председательствующий вел. князь восстали против кредитов 5 млн., испрашиваемых для ссуды русским покупателям польских имений в Западном крае. Постановили после долгих пре-

---

* свою первую речь.

ний в присутствии героя Вильны, гр. Муравьева, испросить прямое высочайшее повеление отпустить 5 млн. и тогда не рассуждать, а покориться.

18 ноября. Утром выезжал. Был у возвратившейся из-за границы вел. кн. Елены Павловны. Вечером у митрополита [99], на совещании по возбужденному обер-прокурором св. Синода вопросу об изменении порядка пересмотра решений Синода. Теперь он сам их пересматривает в случае всеподданнейшей жалобы. Гр. Толстой предлагает пересмотр посредством рассылки печатных записок более или менее значительному числу архиереев, что некоторым образом подходит под понятие о соборах и под каноническое правило о превосходстве большего собора перед меньшим. К совещанию были призваны по высочайшему повелению гр. Панин, барон Корф, кн. Долгоруков, министр юстиции кн. Урусов, гр. Толстой и затем члены Синода, из числа коих оказались налицо оба митрополита, нижегородский епископ Нектарий, Бажанов и Рождественский. В пользу основной мысли обер-прокурора высказались все, кроме Панина, Корфа и двух белых духовных [100]. Последние боятся исключительного влияния монашествующих. Гр. Панин и Корф вообще не желали перемены, чуя присутствие некоторого духа свободы в соборном начале, и отзывались о Синоде как о духовной управе благочиния [101], хотя и в весьма почтительных выражениях. Очевидно, что мысль о достоинстве или значении, или призвании, или правах церкви их нисколько не занимала. Выходя, Корф сказал мне: «Il faut bien que vous ayez une arrière pensée. Je ne la démêle pas» *.

19 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Semper idem **. Между прочим, речь о московских выборах, которые на днях кончились скорее и проще, чем ожидали. Губернским предводителем выбран снова кн. Гагарин. Насчет адреса постановлено, что так как из рескрипта на мое имя от 28 января видно, что о содержании прошлогоднего адреса доведено до сведения его величества, то в нынешнем году нового не представлять. Довольно ловко. Дворяне, прошлого года не допущенные, допущены на основании сенатского указа, признанного якобы за позднейший закон. Катков напечатал по этому поводу две весьма искусно составленные передовые статьи [102]. Часть первой из них я приказал перепечатать в «Северной почте», отчасти потому, что она мне вообще подходила под мысль, отчасти же, чтобы не позволить статьям «Московских ведомостей» принять как бы значение оппозиционное. Усвоение их себе официальным органом устраняло это предположение.

---

* «У вас, несомненно, есть какая-то задняя мысль. Я не могу ее угадать».

** Все то же самое.

Обедал у французского посла. Вечером дома.

20 ноября. Целый день дома. Капитан Шпаковский производил у меня перед обедом опыты с изобретенными им лампами [103]. Замечательные результаты. Посредством прибора, напоминающего паяльные трубки и туалетные пульверизаторы, он достигает при сожигании скипидара столь высоких температур, что плавит сталь. Эти лампы им приспособлены для нагревания котлов небольших пароходов.

21 ноября. Утром у обедни. Выходил пешком. Переписывался с кн. Долгоруковым насчет московских выборов и по этому поводу насчет общего положения дел. Не в первый раз. И едва ли с надеждой на больший успех.

22 ноября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Действительно, успеха с кн. Долгоруковым немного.

23 ноября. Утром Комитет министров. Потом Комитет польский, в котором на этот раз присутствовал ген.-лейтенант Гецевич. Н. Милютин говорил с обычным против поляков остервенением. Дело шло о платежах по ликвидационным листам [104]. Я должен был напомнить, что всякое правительство имеет двоякое призвание карательное там, где надлежит наказать преступление против власти, общества или частных лиц, и льготное, призревающее, воспособляющее, обеспечивающее там, где вопрос касается потребностей и нужд управляемых. Эти слова произвели свое действие, и заключение постановлено без крайних полонофобных увлечений. Обедал у Скарятиных.

24 ноября. Утром по случаю Екатеринина дня у вел. кн. Елены Павловны, затем дома за докладами и другой работой.

25 ноября. Утром совещание у его величества по западным вопросам в Царском Селе. Кн. Гагарин, кн. Долгоруков, гр. Панин, обер-прокурор св. Синода, министр финансов, министр военный, министр государственных имуществ, ген. Кауфман, Н. Милютин и я. Ген. Зеленый впоследствии прежних грез о покупке русскими польских имений в Западном крае развил в предлинном докладе неуклюжие предположения русских патриотов фон Кауфмана и Безака. Он дошел до чудовищных результатов. Например, он предлагал во всем пространстве Западного края запретить полякам, католикам и немцам (?) покупать имения; заставить продать свои имения в известный срок не только поляков, у которых имения секвестрованы, но и всех высланных по подозрениям и т. п. Н. Милютин предлагал вместо запрещения католикам покупать имения, обложить имения процентным сбором в 10, 20 или 50%. Зеленый, Кауфман и военный министр распространялись насчет вероломства поляков и необходимости с ними покончить. Гр. Панин находил «соблазнительным» (sic) предложение Н. Милютина, но восставал, в честь ему будь сказано, против неразборчивого

карания людей, коих виновность не была доказана. Кн. Гагарин предлагал какую-то ренту вместо капитальной стоимости имений. Кн. Долгоруков невпопад сожалел о системе покойного государя и уверял, что если бы поближе присматривать и построже держать, то все было бы ладно. Гр. Толстой держал себя весьма правильно и, вмешиваясь в совещание только касательно вопросов о духовенстве, затронутых в письмах ген.-ад. Безака (которые его величество изволил прочитать in extenso *), указал на то, что дурно у нас, и не предлагал давать чужое. Государь, к сожалению, к глубокому и душевному моему горю, часто повторял фразы, ему нашептанные и насвистанные Милютиным, Зеленым и К° от слова до слова. Он себе их уже усвоил. Рейтерн все время молчал и проговорился только, чтобы мимоходом сказать слово против Черновицкой железной дороги. Подвиг, достойный лошака. Одним словом, все впечатление было невыносимо тяжело, прискорбно и унизительно. Это уровень нашей государственной мудрости! Это спасители России! Это наше великодушие, будто бы долго нас ослеплявшее, и, наконец, протрезвившееся и нам разверзшее Милютины, Зеленые и Кауфмановы очи! Это наперсники и сподвижники царские! Это мужи совета и дел государственных и народных! Н. Милютин коснулся газетным языком и т. н. «общества». Он покадил при случае государю под предлогом крестьянского дела и сказал, что, найдя «тысячи посредников и кандидатов», мы найдем и тех русских, которые должны обрусить Волынь, Подолию, Самогитию и т. д. Я скорбел глубоко, приходил внутренно в отчаяние, молился, но молчал до конца, чтобы воспользоваться одним намеком государя на то, что если вопрос требует ближайшего обсуждения, то можно и не решать его тотчас. Когда все высказались вдоволь, я оперся на этот намек и в доказательство необходимости отсрочки привел несколько доводов, по-видимому, поколебавших государя. Я упирал на противоречие между желанием водворять в крае русских и насильственным понижением ценности имений, ныне русским уже принадлежащих, вследствие стеснительных мер, предлагаемых в отношении к поземельной собственности вообще. Я указал на другое противоречие, между последствиями этих мер и их влиянием на экономический быт страны и финансовыми интересами государства, в то самое время, когда покупатели имений рассчитывают на казенные ссуды. Я сказал, что главное не вводить самого себя в заблуждение и не тешиться мечтами, что нужны не русские люди в этом деле, а русские рубли, и что его величество мог спросить министра финансов, есть ли у него наготове эти рубли. Насчет невозвращения

---

* полностью.

высланных я заметил, что не вижу от того пользы, ибо все невысланные числом в сто раз больше, одушевлены одинаковыми чувствами, и что мне казалось невозможным употребить в дело высочайшее имя, чтобы усилить, по прошествии двух лет, наказание, произвольно определенное ген.-губернаторами. Наконец, я сказал, что вообще считаю необходимым ближе рассмотреть дело и что я отвергаю предположения ген. Кауфмана и Безака «не потому, что они не хороши, а потому, что они невозможны». Государь кончил тем, что приказал нам обсудить дело предварительно под председательством кн. Гагарина, а затем, буде окажется нужным, вновь и в его присутствии.

Вернулся в город, думая об одном: отстоять вопрос в предстоящем совещании, а затем, как надежды на лучший ход дел иметь нельзя, от них удалиться.

26 ноября. Утром в Царском, чтобы тотчас вернуться с государем и докладывать ему на железной дороге. Обычное явление. Самый ласковый привет. Напоминание о вчерашнем совещании; полуоборот в моем направлении; но при всем том явное присутствие впечатлений, постоянно воспроизводимых, с одной стороны Милютиным и К°, а с другой — собственным пылом раздраженного непокорностью * и вероломством самодержавия. Настолько кротости и ласки, чтобы трудно было уйти, и настолько жестокого произвола и самоослепления, чтобы нельзя было оставаться!

Вчера скончался после кратковременной болезни (воспаления в легких) ген.-ад. Анненков. Мир его праху. Он был добрый, честный и благородный деятель. Уменья и сил было дано ему немного; но за это он отвечать не мог. Присутствовал сегодня на панихиде при его теле. Он умер в Hôtel de France, почти накануне переезда на нанятую им здесь постоянную квартиру. Его жена и дочери здесь. Сына ждут сегодня из Варшавы.

27 ноября. Утром на панихиде у Анненковых. Потом доклады. Работа и тяжкое частное горе.

28 ноября. Утром на выносе тела покойного Анненкова. Опоздал и только следовал по Невскому за печальной процессией. Потом выходил пешком. Работал и продолжал внутреннюю тайную борьбу с горем.

29 ноября. Не поехал в Государственный совет. Но с 2 до 7 сидел в предуказанном нам в Царском Селе совещании по западным делам. Тот же состав под председательством кн. Гагарина, minus обер-прокурор Синода. Пятичасовая борьба о чем! О том, чтобы не дозволять возвращения в Западный край всем высланным оттуда административным порядком лицам и чтобы найти средство выгнать оттуда тысяч 6,7 или 10 поль-

---

* *Вместо* непокорностью *написано:* неискренностью (*т. II, л. 181*).

ских помещиков! Не говорю о безрассудности предприятия, мне нестерпимо то хладнокровие, с которым они тасуют людей, верования, правила, как карты, которые можно изорвать и бросить под стол по произволу. Я бы десяти собак не выгнал. Они думают выгнать 10 тыс. семейств. Можно убить бешеную собаку, но если не убивать, то следует признать небешеной и накормить. Его величество призван управлять своими подданными и пещись о них, а не предпринимать водворение Калуги в Киеве и Вологды в Вильно подобными элементарными насилиями. Результат совещания — разногласия. Кн. Долгоруков, гр. Панин, Рейтерн и по одному вопросу кн. Гагарин подали голоса со мною. Вернулся домой с тем же чувством ожесточенного отчаяния, с которым заседал в четверг в Царском Селе. Пора! Да свершаются без меня печальные и кровавые судьбы, которые, как тучи, нависли над Россией.

30 ноября. Не поехал в Комитет министров. За работой и с печальными думами.

1 декабря. Утром в Сенате. Между прочим, дело о жалобах министра финансов на орловского губернатора по акцизным делам. Хотя гр. Левашев сначала и не был прав, но так как обвинения министра финансов пошли гораздо далее правды и акцизное дело вообще велось отвратительно, то нетрудно было при общем сочувствии сенаторов оставить одного товарища министра финансов, участвовавшего в заседании, при своем мнении. Заезжал к Анненковой. Даже в людской печали есть место декоративному элементу.

2 декабря. Думаю о завтрашнем докладе. Мне говорят, что двор переедет в город и что это будет моею последнею поездкой в Царское Село. Действительно. Думают — до весны. Я думаю вообще последняя по званию министра внутренних дел.

Кауфман три раза заезжал ко мне. Я его ни разу не принял. К чему? Завтра или послезавтра я буду иметь возможность прямее высказаться.

3 декабря. Утром в Царском Селе. За неделю пред сим я ехал туда с А. Н. Мальцовой. Дорогой, говоря о Женеве, где она жила долго, я полушутя осведомлялся об этом городе и присовокупил, что сам думаю скоро туда перебраться. Потом более серьезным тоном продолжал говорить о настоящем положении дел и о том, как невыносимо тяжело не встречать более в кругу правительства, за исключением одного государя, ни одного справедливого, кроткого или благородного чувства. Упоминаю об этом потому, что, по-видимому, она передала нечто из этого разговора императрице, а императрица — государю.

Таким образом, его величество был в некоторой мере предварен насчет предстоявшего с моей стороны объяснения. Впро-

чем, о моей решимости объясниться именно в этот раз я не говорил решительно *никому*, ни из домашних, ни из товарищей.

Государь назначил мне доклад вместо 12-го часа в 1-м, т. е. после завтрака, что уже означало или могло означать предусмотрение продолжительности. Когда я вошел, и он поздоровался, был во всем оттенок менее спокойно ласковый, чем обычно. Это обозначало присутствие посторонней мысли. Затем он начал с вопроса, почему так многие на меня нападают и даже в Москве так многие против меня ожесточены. Эти сведения были заимствованы из частных рассказов, толков и писем. Государь указал на два или три примера. Я спокойно отвечал, что толки и пр. происходят от тех, кому я мешаю, и в свою очередь объяснил один из указанных примеров. Затем я перешел к докладу. Быть может, государь имел в виду вызвать объяснение сразу или некоторым образом наступательный оборот предпочитал оборонительному. Как бы то ни было, я пошел своей дорогой. В течение доклада государь заговорил о западном вопросе и снова упомянул о взгляде ген. Кауфмана и западных губернаторов. Я опять уклонился от прямого изложения моего взгляда и продолжал доклад. После последней бумаги я встал и сказал, что имею в заключение принести просьбу и прошу его величество принять оную благосклонно. Государь прервал меня словами: «Прежде всего не угодно ли тебе сесть». Явно было, что он знал или догадывался. Я занял свое прежнее место и, продолжая свою речь без других оговорок, прямо просил увольнения от должности, основываясь на том, что у меня руки обломались, что я не имею лично того значения и влияния, которые должны при нынешних обстоятельствах принадлежать министру внутренних дел, и что, следовательно, я далее могу быть только вредным, а не полезным в этом звании.

Продолжая объяснение с некоторым жаром, я высказал государю, что я сознательно претерпел множество незаслуженных мною уничижений, что я очень хорошо знаю толки о моем недостатке энергии и стойкости и легко объясняю себе эти толки незнанием обстоятельств и предположением, что, не имея состояния, я дорожил своим местом, что, несмотря на то, я неуклонно держался избранного мною пути, и в настоящий день засвидетельствую мою стойкость; что я ни на волос не подался бы ни в одну сторону, ни в другую при всех усилиях тех, которые меня затрудняли и мне мешали; но что я должен был исполнять его волю, что под напором этой воли моя воля сгибалась и перегибалась, как пружина, пока не надломилась, что мои мнения не менялись и не гнулись, что все записки его величеству, представленные при стольких случаях, с Ливадии 1861 г. по недавно представленную записку о письме ген. Бе-

зака о том свидетельствуют, и все одного цвета, что я без малого пять лет не знал ни минуты отдыха или покоя, всегда был наготове, невзирая на частное горе, от которого сердце нередко обливалось кровью, что с этим израненным и перераненным сердцем я всегда был в распоряжении кн. Долгорукова для справок и т. п., что я сознательно был, так сказать, чиновником особых поручений кн. Долгорукова, который неоднократно и, не замечая того, оскорблял во мне чувство благородной гордости, что я ему не говорил этого, но скажу теперь, что пока близорукие судьи и ценители воображали, что я ищу в кн. Долгорукове поддержку пред его величеством, я искал в нем только союзника, потому что в нем одном видел или думал видеть человека и преданного государю, и любящего Россию цельно, а не по частям; что мои старания были, однако же, напрасны и что теперь, прося увольнения от должности, я не оставляю после себя ни одного сожаления, кроме сожаления об отношениях к его величеству, почти ни одной привязанности, и что еще хуже, почти ни одного чувства уважения; что я знаю, что его величество мне доверяет, но что это доверие ко мне лично, а не доверие к министру; что я знаю также, что я это личное доверие заслуживаю, что я его величество не продам, не выдам, не воспользуюсь ускользнувшим от него словом или почерком карандаша; что я не фехтую его резолюциями; что я никому не сообщал самой для меня драгоценной из них, на записке от 7 августа 1864 г. [105] (именно по западному же вопросу), чтобы не обнаружить некоторой непоследовательности во взглядах его величества; но что при всем том далее так идти дело не может; что в наше время нужно правительство твердое; что массы чувствуют, что оно теперь может быть крутым, но не может быть твердым, и что это происходит от разномыслия и различия направлений, которые устранены быть не могут. Я напомнил его величеству совещание, происходившее при нем в предпрошлый четверг, и вкратце упомянул о другом совещании без него в прошлый понедельник. Я сказал, что меня обдает холодом при звуке речей подобных тем, которые я слышал; что вообще в его советах я два года не слыхал ни одного благородного слова, когда он сам в них не присутствовал; что в нем звучит всегда эта струна благородных чувств, но что без него она безмолвствует в наших совещаниях, кроме редких случаев, когда у кн. Долгорукова или кн. Горчакова вырвется какое-либо ей соответствующее слово. Я упомянул о высказанном Н. А. Милютиным убеждении, что из Западного края нужно вытеснить тысяч 7, 8 или 10 польских помещиков. Я сказал, что это 10 тыс. семейств, которые, таким образом, были бы выброшены из своих отцовских домов; что я, между тем, не выгнал бы и 10 собак на

улицу, не накормив их; что бешеную собаку следует убить; но что небешеную нельзя ни убивать, ни выгонять по произволу. Я сказал государю, что он помазанник божий, поставленный над нами, чтобы править нами, чтобы карать и миловать по вине или безвинности, и что подобные суровые и безжалостные приемы управления мне казались несогласимыми с его великодушием и благосердием. Я также упомянул и о том, что давно уже готовлюсь к сдаче Министерства; что со мною и на сей раз есть полный перечень всех важнейших в нем ныне производящихся дел с обозначением положения каждого из них; наконец, что я именно решился просить увольнения сегодня, не ожидая решения его величества по разногласиям, которые вызвали последние совещания, чтобы еще более тем доказать, что моя просьба есть последствие твердого убеждения в невозможности вести вверенное мне дело, а не результат минутного огорчения, и что насчет принесения этой просьбы я ни с кем не объяснялся и не советовался, и о моей решимости ее принести никого не предварял, ни из моих домашних, ни из товарищей и сослуживцев.

Государь слушал меня благосклонно. Раза два он был тронут до того, что слезы навернулись на его глаза. Когда я назвал свою 4-летнюю работу «умственно-арестантскою» и упомянул о разных перенесенных мною страданиях, он сказал, что знает, что моя жизнь была точно страдальческой. Он удостоверял меня в своем доверии, в своем пренебрежении к моим клеветникам. Он сказал, что вполне меня понимает, что на моем месте сказал бы совершенно то же самое, за что я его благодарил. Но он два раза требовал, чтобы я сам вошел в его положение и признал, что меня некем заменить. Я отвечал, что дело не в том, чтобы меня заменить сегодня или завтра, но что меня заменить можно. Я сказал: «Возьмите гр. Шувалова. Он имеет имя, связи, деньги; он способен и деятелен. Разве ваше величество думаете, что он влюблен в Ригу? Он прямо глядит в Министерство внутренних дел и потому только так деятелен в Прибалтийских губерниях, что готовится занять мое место. Ваше величество изволите знать Шуваловых: неужели вы не замечаете того, что так видно?»

Мне показалось, что указание на Шувалова подействовало. При прощании, весьма ласковом, государь разрешил призыв гр. Шувалова в Петербург *, но вменил мне в обязанность сохранить между нами до времени все, что произошло [106].

Возвращаясь в свои комнаты в церковном флигеле, я остановился, быть может, в последний раз на церковных хорах

---

* *Далее в скобках написано:* где он вообще имел надобность быть по другим делам (*т. II, л. 185 об.*).

и помолился тепло и спокойно. Рядом со мною стоял кн. Горчаков, который шел тою же дорогой и, конечно, не воображал, что в это время имело место в моей молитве. На пути в город мы ехали в одном вагоне и он, при кн. Вяземской, шутя предлагал мне быть послом в Лондоне или Париже. Я отвечал, также в виде шутки, что, быть может, воспользуюсь его предложением ранее, чем он думает.

4 декабря. Утром заходил или заезжал к Скарятиным. Вечером за работой.

5 декабря. Утром у обедни. Выезжал на короткое время. Потом дома. Кн. Долгоруков писал мне, que l'empereur avait été peiné de voir que mon humeur portait le cachet de l'affliction *. Следовательно, его величество не высказался или не приказал говорить, что он высказался. Полагаю первое более вероятным и думаю, что государь приуготовляет почву для введения в дело Шувалова.

6 декабря. Выезжал утром. Позже был у меня кн. Долгоруков. Кажется, что государь, действительно, ему не передал нашего разговора.

Вечером был Френкель, приехавший из-за границы. Aussi fanfaron que jamais **. Говорит o son cher ami ***, но хорошо делает, что за него заступается горячо.

7 декабря. Утром Комитет министров. 4 часа безрезультатных прений о концессии Орловско-Витебской железной дороги [107]. Кн. Гагарин, вероятно, подстрекаемый г. Перазио, восставал против нее. Кн. Горчаков невпопад примешал к ней Черновицкую и тем усложнил совещание. Разошлись с тем, чтобы собраться снова завтра, в 1 час. Так убивается время.

Вчера написал к ген. Безаку длинное письмо, в котором высказал еще раз мои взгляды по западному вопросу.

8 декабря. Утром доклады. Потом Комитет министров, где нас держали до 5 часов и где кн. Гагарин и Чевкин были невозможны.

9 декабря. Утром доклады. Несколько скучных посетителей по обыкновению после обеда.

10 декабря. Доклад государю****. Особенно легко и удачно, по моему личному впечатлению. Государь не сказал ни слова о предшедшем разговоре, но осведомился, когда я ожидаю гр. Шувалова. Я, со своей стороны, докладывая об учреждении при Министерстве юрисконсульства и об основании официозной газеты [108], сказал, что то и другое может быть весьма

---

* что государь видел, что мое настроение носит отпечаток скорби, и это его огорчило.

** Он еще больший бахвал, чем был раньше.

*** о своем дорогом друге.

**** *Далее в скобках написано:* в Петербурге (*т. II, л. 185 об.*).

полезным для моего преемника. Я также предложил государю приказать рассмотреть вопрос о железных дорогах во всем его объеме, для того, чтобы покончить с постоянно возобновляющимися общими затруднениями в никогда не собирающемся Комитете железных дорог с приглашением в него на этот раз не только членов комиссии, рассматривавшей отчет министра путей сообщения, но и экспертов, между прочим, действ. стат. сов. Абазы. Я предложил, кроме того, поручить Комитету в этом составе рассмотреть и доложить государю, что сделано вследствие доклада комиссии, рассматривавшей реченный отчет. Государь одобрил мысль и сказал, что он отдаст нужные о том приказания.

При прощанье государь объявил мне, что по журналу о западных вопросах он утвердил те мнения, которых я не разделял. Он сказал, что ему прискорбно принимать подобные меры, что они противны его чувству; но что он принимает их по «*глубокому убеждению*» и т. д. При этом встретились все мне давно знакомые фразы Милютиных, Кауфмана и К°. Я отвечал, что этого мнения не разделяю, но, что видя, что его величество к нему склоняется, я на днях высказал кн. Долгорукову желание, чтобы государь решил вопрос против нас, дабы путем полного опыта убедиться, на чьей стороне ошибка.

Я забыл отметить, что в среду вел. кн. Константин Николаевич призывал меня по делу о судебной реформе в Прибалтийском крае и при этом случае спросил, si ce n'était pas indiscret*, правда ли, что я и здоровьем расстроен и духом упал (découragé). Видно, что государь ему сказал то же, приблизительно, что и кн. Долгорукову. Я отвечал, что никакого женственного упадка духа нет, но что безнадежность на успешное продолжение моей роли есть, и, указав вкратце на некоторые обстоятельства, оправдывающие это ощущение, уклонился от более полной исповеди. Вел. князь выразил особое ко мне расположение и предложил свою поддержку во всех случаях, когда я бы в ней мог нуждаться.

Из дворца заезжал к кн. Горчакову, который, рассуждая о положении дел, высказался вообще в моем смысле, но при этом заметил: «Si la brèche n'était pas si forte et si large, je m'en irais. Mais je n'en ai pas le droit» **. Я это знал заранее. Тем лучше для меня. Я уйду один, а это когда-нибудь припомнится.

С.-Петербургское земское собрание в разгуле. Оппозиционный дух проявляется во всех формах от серьезного до

---

* Не будет ли нескромным задать вопрос.

** «Если бы прорыв не был столь велик и широк, я бы ушел. Но на это я не имею права».

ребяческого [109]. Beau monde ездит слушать, и кн. Трубецкая мне сегодня говорила: «La chambre» a décidé etc...*

11 декабря. Работал. В 3 часа Комитет финансов, где принц Ольденбургский и его famulus** Свечин $1^1/_2$ часа сряду доказывали, что они не умеют применять 4 начальных правил арифметики. Буквально так. Речь шла о кредите на 1866 год для IV Отделения и спор касался *итогов*, которые принц и Свечин вычисляли по-своему. Характеристично. Это правительственные лица в эпоху земских собраний. Кн. Горчаков à propos *** собраний, говорит про гр. Андрея Павловича Шувалова, qu'il a jeté son bonnet par-dessus le moulin****. На него многие смотрят, как на агитатора, решившегося идти далеко.

Государь вчера сказал, также à propos*** земского собрания, что следует сообразить, не должно ли ввиду заявлений о центральном земском собрании принять меру, вроде рескрипта на мое имя, данного в прошлом январе месяце, вследствие событий на московском дворянском выборном съезде. Я отклонил эту мысль, сказав, что удобнее не вводить в дело высочайшее имя, ибо предложение о центральном собрании на этот раз отклонено самим губернским собранием; но что можно по этому поводу высказаться в газетах. Государь приказал это сделать и даже повторил о том в продолжении доклада. Я сказал, что нужно будет только выждать закрытия здешнего собрания.

12 декабря. Утром у обедни. Видел приехавшего из Киева ***** Демидова, который жалуется на Безака и говорит, что он до невероятности боится прессы. Демидов — судья недальний, но насчет газетобоязни он прав. Не один Безак одержим этой болезнью. Был у гр. Бобринской. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером на pseudo-бале у Тройницкого. E l'ultima sera era questo******.

13 декабря. Государственный совет. Потом Главный комитет. Кн. Долгоруков преимущественно занят неприличными выходками мелких газет и пропуском к представлению на французской сцене пиэсы «Mimi Bombache».

14 декабря. Дома за работой.

15 декабря. Утром в Сенате. Потом в Департаменте экономии. Смета Министерства внутренних дел.

16 декабря. Утром дома. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича.

---

* «Палата» решила и т. д.

** помощник.

*** по поводу.

**** что он пренебрег мнением общества.

***** *Далее написано:* полковника (*т.II, л. 186 об.*).

****** И этот вечер был последним.

17 декабря. Доклад у его величества. Грустно. Государь настоял на том, чтобы я остался. Я так мало ожидал этого настояния после приезда Шувалова, что был им застигнут врасплох. Впрочем, оно было в таких формах, что после моего царскосельского объяснения я принужден был выбирать одно из двух: т. е. сказать *не хочу вам служить*, или сказать: *повинуюсь*. Мой тезис был *не могу и не должен*. Государь его устранял не только ласковой обязательностью речи, но и настоянием *до времени*. Следовательно, я жертвовал не принципом, а собою, не делом, а личными выгодами для меня от выхода именно в это время. Я выпросил, однако же, разрешение сказать некоторым товарищам, что я уходил, но был вынужден остаться. Однако же, я не скажу о том ничего до будущей пятницы. Государь, вероятно, сам скажет кое-кому, чтобы меня предупредить или чтобы узнать, что я говорил, и, таким образом, он сам первый огласит то, что мне нужно [106].

18 декабря. Утром за работой. Вечером в цирке. Мне теперь везде скучно. Вчера после доклада был на совещании у кн. Горчакова с кн. Долгоруковым, ген. Зеленым по вопросу о принятии в Россию добруджанских раскольников [110].

Третьего дня умер гр. А. Д. Гурьев. Он давно уже жил полужизнью. Обломок прежнего времени, он был и обломком самого себя.

19 декабря. Утром у обедни. Заезжал к Вяземским. Работал. Сердце сжато. Мои планы и надежды на покой рассеялись. Между тем тяжелая насущность гнетет по-прежнему.

20 декабря. Утром Государственный совет. Кн. Горчаков показывал мне текст циркулярной депеши, отправленной им к нашим главным представителям за границу по поводу мер в Западном крае. Здешние иностранные дипломаты переполошились. Сочли нужным предупредить их отзывы или заготовить на них возражения. Гр. Адлерберг сообщил другое и весьма неожиданное. Государю угодно, чтобы мы сообразили вопрос о восстановлении у нас ордена св. Иоанна Иерусалимского [111]. После Совета заседание Главного комитета по вопросу о передаче государственных крестьян в ведение Министерства внутренних дел.

Вечером был у меня гр. Шувалов. Между прочим, он рассказал недавний разговор с военным министром, который на замечание, что в публике удивляются стойкости государя, жертвующего всей своей популярностью сохранению на нынешних местах его самого, военного министра, его брата и ген. Зеленого, отвечал, что государь их никогда не уволит, потому что они имеют перед их противниками двойное и великое преимущество: во-первых, в том, что они знают, чего хотят, и готовы высказать это на Адмиралтейской площади, чего другие (т. е.

мы) не сделают; и, во-вторых, в том, что государь знает, что они поддерживают его полновластие во всей целости, а другие (т. е. опять мы) будто бы желают его ограничить. Последняя мысль, действительно, верна в том смысле, что его величество так именно думает и что эту думу в нем заботливо поддерживают.

21 декабря. Утром Комитет министров. Ген. Зеленый, Чевкин и Жуковский пытались добыть мою подпись к сочиненному ими дополнению журнала заседания Главного комитета, в котором поручалось министру государственных имуществ и мне сообразить вопрос об общественном переустройстве прибалтийских государственных крестьян *на началах Положений 19 февраля 1861 г.* Заветная мысль г. г. Бахтина, Жуковского и К⁰. Я наотрез отказал. После обеда мне прислали другой проект, где вместо Положений 19 февраля была речь о Главном комитете. Я опять отказал, объяснив, что он неразрывно связан с Положением 19 февраля. Маневр был до того сочинен в видах обмана моего внимания, что о прибалтийских губерниях не было и речи в проектах. Они назывались «губерниями и областями на особых правах», хотя таковых губерний и областей по отношению к крестьянскому делу нет, кроме именно прибалтийских.

22 декабря. Утром доклады. Потом совещание у вел. кн. ген.-адмирала по вопросу о судебной реформе в Прибалтийском крае или, собственно, о так называемом «Wahlrecht»*. Его высочество, кн. Гагарин, гр. Панин, барон Корф, министр юстиции, кн. Урусов, гр. Шувалов и я. Прения продолжались с 2 часов до $5^1/_2$. Общие впечатления и результаты следующие.

Из всех членов о Прибалтийском крае думали только двое — Корф и я. Тамошний ген.-губернатор говорил о нем, но думал о себе.

Дело говорили о деле только барон Корф, гр. Панин, кн. Урусов и я. Гр. Шувалов говорил в пользу дела, но обращался к страстям или предубеждениям собеседников, в особенности вел. князя, и потому преимущественно настаивал на предоставлении местному населению права совокупного выбора кандидатов во имя взаимной вражды составляющих это население сословий, их исключительности и односторонности, хотя в то же самое время выхвалял нынешние суды, забывая, что они составлены из этих же элементов. Как бы то ни было, вел. князь именно на эту удочку наиболее подавался. Мысль, что владычество рыцарей разрушается, господство Рижского магистрата списывается со счета и на этот счет заносятся латыши и эсты, для его высочества особенно привлекательна.

---

* «избирательном праве».

Кн. Гагарин имел всего одну мысль, ничего не допускать отдельного для Прибалтийского края. В конце концов мнения разделились, так что в пользу представления кандидатов местным населением (не предрешая, как и каких) независимо от тех назначений, кои могли бы последовать по непосредственному высочайшему благоусмотрению, были вел. князь, Корф, Урусов, Шувалов и я. Кн. Гагарин, гр. Панин и министр юстиции (жалкую роль игравший) заявили себя в пользу кооптационной прерогативы судов. Сего достаточно, чтобы убедиться, как хромает то, к чему мы пришли, и как хромали все на пути к этому результату. Даже между согласными между собою членами множество резких различий в мотивах, понимании, ожиданиях и цели. Уходя, я сказал кн. Гагарину, que l'on pouvait faire six volumes sur les divergences d'opinion de six personnes qui descendaient à la fois l'escalier, malgré que 4 sur 6 avaient voté de même *. Совещание шло извилисто, неискренно. Мне казалось, что мы походили на игрушки, называемые «serpents de pharaon» **.

23 декабря. Утром доклады. Был у меня кн. Долгоруков. Был также Шувалов, который утром видел государя по вопросу о применении Положений 19 февраля к прибалтийским крестьянам. Его величество высказался довольно неопределительно, хотя вообще против применения.

24 декабря. Утром доклад у его величества. Государь озабочен земским делом. Он объявил мне, что соберет нас в будущий четверг для совещания по этому предмету. Послал кн. Долгорукову мою записку от 26 ноября 1863 [112]. Что я тогда предсказывал, теперь сбывается. В 3 часа заседание Комитета финансов. Бесплодное. Вечером — елка, но в нынешнем году с примесью еще бóльших, чем прежде, забот и в скромных по возможности размерах. Я живу как будто накануне неведомого и еще более трудного, чем мои трудовые дни. Долго тянется этот канун.

25 декабря. Утром у обедни. Заезжал к Вяземским. Тяжелый день. Ольга, видимо, опускается в могилу. Моя бедная жена страдает при этом печальном зрелище и это страдание отзывается на ее собственном здоровье.

26 декабря. Дома. Раздумье. Приготовление материалов к совещанию, предстоящему на 30-е число о земских учреждениях.

27 декабря. Выезжал утром. Работал над вышереченными материалами. Начинаю говорить немногим лицам о том, что

* что можно было бы написать шесть томов о расхождении во мнениях шести человек, одновременно спускающихся по лестнице, хотя 4 из 6 голосовали одинаково.

** «фараоновы змеи».

я просил увольнения от должности. Говорил о том третьего дня рижскому Шувалову, не упоминая о предложении его кандидатуры. Он довольно характеристично для внутренней его мысли заметил среди других приличных фраз, что я этим поступком еще более утвердился на своем месте в глазах государя. Через Скарятина дал знать отцу Шувалова не только о просьбе, но и о кандидатуре. Эффект произведен и чадолюбивый отец будущего министра не слышит земли под ногами.

По прибалтийскому делу журнал подписал вчера и сегодня представлен государю вел. кн. ген.-адмиралом. Важность, придаваемая этому делу, имеет свой комизм.

28 декабря. Утром в Михайловском дворце. Вел. кн. Елена Павловна нездорова и сама не принимала; но вел. кн. Екатерина Михайловна принимала за матушку par procuration *. Воспользовался встречей с разными великими лицами, чтобы передать нужное об эпизоде 3-го числа кн. Гагарину, кн. Долгорукову и гр. Панину. Государь, по-видимому, не говорил о том никому. Кн. Гагарин заметил, что «я мог это сделать, потому что я знаю, что я человек нужный, притом полезный и пр. и пр.» Гр. Панин значительно и одобрительно покачал четвероугольной головой и сказал что-то также одобрительное, но разговор наш был внезапно прерван. Кн. Долгоруков заметил среди разных объяснений couleur neutre, que du train dont vont les choses, malgré tout le dévouement qu'on porte à l'empereur, on serait tenté de suivre mon exemple**.

29 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Он присылал за мною, во-первых, чтобы сообщить, что государь утвердил мнение большинства по вопросу о балтийской судебной реформе; во-вторых, чтобы переговорить о предстоящем на завтра заседании или совещании у его величества по земскому делу. Из слов вел. князя, который смотрит на вопрос довольно правильно, нетрудно было еще более убедиться в том, что Милютины и К° выдают меня за радетеля и возбудителя земства и на эту тему разыгрывают вариации на известной струне неприкосновенного самодержавия. Как будто я — заговорщик и как будто в моей ноябрьской записке 1863 года я не объяснил и не предсказал того, что теперь случается. Возвратясь, послал эту записку его высочеству.

В течение дня видел несколько приезжих лиц, между прочим гр. Александра Браницкого. Видел также австрийского посланника [113]. Весь здешний дипломатический мир смущен мерами, принятыми для Западного края. Недружелюбные

---

* по доверенности.

** бесцветных, что при таком ходе вещей, несмотря на всю преданность государю, ему придется последовать моему примеру.

к нам пожимают плечами. Дружелюбным как будто за нас совестно. Избегаю тех и других.

30 декабря. Утром совещание у государя. Присутствовали вел. кн. ген.-адмирал, кн. Гагарин, гр. Адлерберг, гр. Панин, кн. Долгоруков, кн. Суворов, министр финансов, министр государственных имуществ и я. Предмет совещания — действия земских собраний, стремление к конституции, выражающееся в заявлениях насчет центрального земского собрания, и меры, которые надлежало бы принять против всего этого. Совещание началось, как начало грозы. Несколько полусуровых слов его величества. Грохотанье думных старцев в разных полуфразах, выражавших убеждение в необходимости остановить поток. Нападки на земство со стороны министра финансов mezza voce * и со стороны столпа самодержавия ген. Зеленого fortissimo **. Предложение гр. Панина сделать Платонову за его председательство здесь «*внушение*» и впредь его не утверждать предводителем. Сочувствие этому предложению со стороны кн. Долгорукова. Все это походило на гул дальнего, но приближающегося грома. Вел. князь сказал несколько умеренных слов, но, посматривая на меня, иногда морщился, как бы предвещая недобрый исход. Государь обратился к кн. Гагарину, который сказал, что полагает услышать что-нибудь от меня. До тех пор я молчал и спокойно выжидал подобающего времени, ограничиваясь отрывочным исправлением некоторых неверностей в приводимых другими цифрах. Вызванный словами кн. Гагарина, я начал свои объяснения, без особого труда восстановил вопрос в надлежащей форме, указал на ту роль, которая выпала на мою долю по этому делу с 1862 года, и кончил моей хладнокровной программой дальнейших со стороны Министерства распоряжений. Небо прояснилось, дальний гром замолк, программа одобрена. В заключение государь весьма ласково меня благодарил, вел. князь меня поздравил, и занавес на сей раз опустился. Я оказался вдруг как будто бенефициантом. Histoire! On t'écrit, parfois, étrangement, mais l'on te fait plus étrangement encore ***.

Припоминая то, что я сегодня видел и слышал, во мне остается впечатление чего-то цинического, совершенно недостойного государственной деятельности. Государь созвал мужей Совета. Он был прав. Он предложил им вопрос на обсуждение. Но что сказали они, и как обсуживали они этот вопрос? Не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина. К коим струнам

---

* вполголоса.

** во весь голос.

*** О, история! Тебя, иногда, странно пишут, но делают тебя еще более странным образом.

человечески-монаршего сердца обращались они? Как всегда, к слабейшим и низшим, а не к благородным и возвышенным. Что проповедывали они? Ограничения, прощения, взыскания, безмолвие и боязнь. Ни в одном слове не выразилось сознание, что и они, мужи Совета, чинодержатели и звездоносцы, граждане государства, что они имеют первенство над другими, но и долг предстательства за других. Конечно, нужно воздерживать, исправлять и указывать, но нужно также и ободрять, и направлять, и голубить. Для них русский мир — фольга, русский люд — декорация, вся Россия только подножие для их призрачного величия. Эксплуатация в больших размерах и притом такая наивная, частью бессознательная, частью беззастенчивая, грубая, жесткая, печальная и смешная![107]

31 декабря. Утром доклад в Зимнем дворце. Государь еще раз благодарил за вчерашнее заседание и при прощании, желая доброго нового года, вновь удостоверял меня в своем полном доверии, благодарил за труды и заявил намерение меня поддерживать?!?

Был в Михайловском дворце на экзамене учеников музыкальной консерватории. Великая кн. Екатерина Михайловна меня там удостоверила в своих sympathies*. Зашел к вел. кн. Елене Павловне, которая еще нездорова, вследствие выраженного чрез фрейлен Раден желания меня видеть. Она намекала на мой уход и также удостоверяла в своем расположении. Довольно продолжительный разговор, в котором я отделывался по возможности от вызовов на неуместную откровенность. Между прочим, она намекала на то, почему бы нам не сойтись с Милютиным (Н.), который будто бы меня ценит. Я воздал и ему приличное, но указал на разномыслие по польским делам. Я мог бы указать вообще на различие стремлений демократических и аристократических (русская аристократия так скромна и неаристократична!), но об этом я счел более удобным на сей раз смолчать.

Вечером заседание Комитета железных дорог у гр. Строганова. Дело о Черновицкой дороге [114]. Три с половиной часа прений. Результатом пока только то, что признано нужным ближе всмотреться в предложения Офенгейма. Абаза и Грейг, новоназначенные члены, присутствовали в первый раз. Абаза весьма полезен и толков. Он отличный debater**.

---

* симпатиях.

** спорщик.

1866 год

*1 января**. Утром у обедни. Выхода и приема во дворце не было. Выезжал перед обедом, затем дома.

Новостей немного. Государственный совет приобрел нового члена в лице ген.-ад. Веригина. Гр. Гейден назначен начальником Главного штаба его величества [115], ст.-секретари приобрели г. Гулькевича, ст.-секретарь Жуковский украсился лентами Белого Орла. Гр. Толстая, бывшая двора вел. кн. Марии Николаевны, назначена фрейлиной и заменяет при вел. кн. Марии Александровне желчную А. Ф. Тютчеву.

2 января. Утром у обедни. Затем дома. Заезжал только перед обедом к кн. Кочубей.

3 января. Государственного совета не было. Заезжал к кн. Долгорукову, гр. Панину и Головнину. Известия о моем полувыходе из Министерства и о заседании по вопросу о земстве распространились по городу. Катков из Москвы уже осведомляется об этом заседании. Послал туда Безака для того, чтобы предупредить неверные толки и дать Каткову некоторые верные сведения.

4 января. Дома за работой над статьями для «Северной почты» о земских учреждениях [116].

5 января. Дома за работой.

6 января. Утром у обедни. Обедал у английского посла [117] с бельгийскими приезжими по случаю нотификации восшествия нового короля на небольшой престол [118].

Утром заходил к Ольге. Она, очевидно, умирает. Вид ее страшен. Вместо 28 или 29 лет кажется будто ей за 50. Дикий и пытливый взгляд выражает старание отгадать на лице дру-

---

* *1 января 1866.* Полночь. Новый год. В С.-Петербурге. В церкви дома министра внутренних дел с женою, Петром и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

гих впечатление, которое она производит, и предположения, которые это впечатление возбуждает.

7 января. Ольга скончалась во втором часу пополудни. Мир и упокоение бедной страдалице. Я был там через час после ее смерти. Уже черты лица приняли другое выражение. Преждевременная старость исчезла. Борьба прекратилась. Лицо покрылось тем глубоким загадочным спокойствием, которое обыкновенно выражается в чертах всех недавно умерших.

Перед тем утром был у государя с докладом. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома.

8 января. Утром дома. Вечером перевезли тело покойной Ольги в Jesuskirche. Во гробе, окруженная цветами, она казалась еще моложе и еще покойнее, чем вчера. Это выражение спокойствия меня всегда трогает и поражает. В нем есть тайна. В нем как будто доказательство бессмертия души. Но почему это глубокое духовное выражение принимается плотью именно после разлуки с духом? Какая сила приводит мускулы в это как будто нормальное положение покоя и дает лицу выражение во внутрь обращенного созерцания?

Неприятные телеграфические вести из Рязани. Губернский дворянский съезд заявил сочувствие московскому дворянству за действия его на последних выборах, хотя губернатор признал за нужным официально обратить внимание председателя съезда на рескрипт 29 января прошлого года [119]. Отношение губернатора, при котором была препровождена копия с рескрипта, принято дворянским собранием к сведению. Не захотел послать полученных депеш к государю, но отправил их к кн. Долгорукову, который завтра докладывает и их представит.

9 января. Утром у обедни. В 2 часа совещание у его величества по рязанскому делу. Кн. Гагарин, гр. Панин, кн. Долгоруков, вел. кн. Константин Николаевич и я. Повелено объявить рязанскому дворянству неудовольствие его величества, а собрание закрыть и его действия признать несостоявшимися. Кн. Долгоруков хотел административной рассылки по деревням главных виновников проделки. Я желал выждать подробных сведений, но когда я сообразил взгляд кн. Долгорукова, то предпочел принятую меру, которая была предположена самим государем и отчасти испрашивалась губернатором.

10 января. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Перед тем был на похоронах Ольги. Ровно два года без одного месяца пред сим мы сопровождали по той же дороге тело покойного ее мужа.

11 января. Утром Комитет министров. Потом Комитет польский. Вчера я обедал у их императорских величеств. Ничего

особого. Сегодня дописал урывками четвертую и последнюю статью по земским учреждениям * [120].

12 января. Утром доклады. Обедал у Веневитиновых.

13 января. Утром принимал разных лиц. Доклады. Дома.

14 января. Утром доклад у его величества. Заезжал к вел. кн. Константину Николаевичу, к гр. Хрептовичу и к Анненковым. Обедал у цесаревича. Три министра — Мельников, Рейтерн и я wurden abgespeist **. Все довольно прилично. Его высочество — добрая, но малообработанная почва.

15 января. Утром доклады. Выходил пешком. Вечером принимал прибывших из Рязани т. н. депутатов, т. е. губернского предводителя ***, ген.-м. Дивова, полк. Шишкова и уездного предводителя Хрущова. Их объяснения и извинения в сущности заключались в том, что они не знают русской грамоты и не ведали, что творили, что и постановление, и телеграммы дворянства **** неправильно редактированы, что они не думали идти наперекор рескрипту и имели в виду только последний, а не предшедший московский съезд и т. п. В заключение они выражали огорчение дворянства и просили представить государю удостоверение в их преданности, в сознании ошибки и в сожалении о ее последствиях. Реткин все время утирал пот с лица. Дивов туп и более упорен. Шишков казался искренним. Хрущов молчал. Мне было нетрудно опровергнуть все их аргументы. Впрочем, я принял на себя довести о их объяснениях и извинениях до сведения государя и вечером же написал и отправил к его величеству краткий очерк данной мною аудиенции. Очевидно, что дело затеяно в Москве.

16 января. Утром в Зимнем дворце. Совещание по рязанскому делу в прежнем составе. Положено отрешить от должности губернского предводителя Реткина. Мне поручено составить проект высочайшего повеления. Приятная обязанность.

17 января. Утром в Государственном совете. Потом Главный комитет. Послал к государю проект высочайшего повеления, предварительно сообщив оный в Государственный совет вел. князю и прочим членам вчерашнего консилиума.

18 января. Утром Комитет министров. Потом дома. Вечером совещание у обер-прокурора св. Синода с архиепископом Платоном и гр. Шуваловым.

19 января. Утром в Сенате. Преимущественно земские дела. Заезжал к г-же Володкович. Потом за работой.

---

* *Далее написано:* для «Северной почты» (*т. III, л. 1 об.*).

** были накормлены обедом.

*** *Далее написано:* Реткина (*т. III, л. 1 об.*).

**** *Далее в скобках написано:* об изъявлении сочувствия московскому (*т. III, л. 1 об.*).

20 января. Утром доклады. Выходил пешком. До 11° мороза без снега. Зимы нет, т. е. зимнего пути, снега и морозов. Сегодня низкая температура — изъятие*.

21 января. Утром доклад у его величества. Государь позвал меня при окончании доклада министра финансов и при нем приказал мне прочитать высочайшее повеление, сообщенное кн. Гагариным по одесскому делу [121]. Рейтерн настаивает на доставлении ему гласного удовлетворения по поводу неуместной и оскорбительной речи гр. Строганова. Государь поручил нам переговорить о том с кн. Гагариным. Продолжение разговора** его величества было неудобно. Не понимаю Рейтерна. Никогда в подобном случае я бы не обратился к высочайшей защите.

Обедал во дворце. Большой обед в 60 кувертов в честь английского и французского послов. Государь напомнил мне о предстоящем совещании с кн. Гагариным и Рейтерном[108].

22 января. Утром был у кн. Гагарина с Рейтерном, который весьма раздражен. Кн. Гагарин с своей стороны, смотря на вещи по-старому, утверждает, что сословные председатели — представители правительства и что нельзя в сословных собраниях толковать о действиях министров. Странно было создавать земства и городские общие думы при подобных взглядах. Повторяю, что для себя я не желаю никакой обороны со стороны царской власти против выходок, вроде строгановской. Был у кн. Кочубей. Вечер, как всегда, дома.

23 января. Утром у обедни. Несколько визитов. Получил от кн. Гагарина копию объявленного им министру юстиции высочайшего повеления о напечатании в «Сенатских ведомостях» известия о выговоре гр. Строганову и объявления неудовольствия кн. Воронцову [122]. Формы редакции весьма жесткие и неточные и мера, сама по себе, крайне нерассудительная и прискорбная.

Обедал у гр. Панина. Видал там кн. Долгорукова, который присутствовал при докладе кн. Гагарина государю. В проекте кн. Гагарина предполагалось объявить и замечание ген.-губернатору Коцебу. Государь это вычеркнул. Кн. Долгоруков говорит: «Il faut se préparer à une suite de mesures violentes. Une fois que le régime est inauguré, on ne peut plus s'arreter»***.

Вечером на свадьбе Варпаховского в домовой церкви Т. Б. Потемкиной. Он женился на девице Шлихтинг.

---

* Так в тексте.

** *Далее в скобках написано:* с Рейтерном (*т. III, л. 2*).

*** «Необходимо подготовиться к жестким мероприятиям. Раз принят определенный порядок, то ему надо следовать».

24 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Влияние комитетской канцелярии на вел. князя до крайности неприятно и неудобно.

Мне пришло на мысль остановить публикацию в «Сенатских ведомостях» по одесскому делу, предложив государю другой исход, а именно, несколько комплиментарный рескрипт министру финансов. Переговорил с кн. Долгоруковым, который заявил мало надежды на успех с министром финансов, который охотно согласился, и с кн. Гагариным, который вышел из себя, пытался меня напугать тем, что государь высочайшим карандашом исправлял его редакцию и кончил объявлением, что я потрясаю императорскую власть и что он не останется на своем месте, если государь со мною согласится. Тем не менее написал записку для его величества, изложил в ней мнение кн. Гагарина, дал ее ему прочитать, приложил проект рескрипта и отправил к государю из Государственного совета. В $5^1/_2$ часов записка ко мне возвратилась с отметкой, в которой мне поручалось приостановить печатание в «Сенатских ведомостях» впредь до дальнейшего распоряжения и приказывалось быть в Зимнем дворце завтра в 11 час. для нового обсуждения дела в присутствии его величества.

Вечером на бале у кн. Кочубей.

25 января. Утром в Зимнем дворце. Были кн. Гагарин, кн. Долгоруков и я. Государь принял известное мне строгое выражение лица и с первых же слов заявил свое мнение против моего предположения. Кн. Гагарин тем патетичнее защищал свое мнение. Кн. Долгоруков вяло и нерешительно говорил в пользу моего. Неотразимый аргумент, что публикация делалась, так сказать, в угоду министру финансов, ибо если она была нужна для дела, то следовало приказать о том 20-го числа по первому докладу кн. Гагарина, а не 23-го — по второму, не произвел никакого впечатления. Государь просто отвечал, что он из своего неудовольствия не делает секрета, как будто публикация в «Сенатских ведомостях» была простым последствием состоявшегося выговора. Решено привести высочайшее повеление 23 января в исполнение, и я в Зимнем же дворце написал о том министру юстиции. Есть что-то роковое во всем этом. Очевидно, государю не приходит на мысль, что есть какой-либо предел его произволениям. Конечно, нет его de jure, но есть de facto. Приличия, совокупность современных понятий и его собственных реформ установляют этот предел. Он — русский император, но не шах персидский и не бухарский эмир. Неосторожно так явственно обнаруживать, что крепостное право отменено только для крестьян в отношении к помещикам, но не отменено для тех и других в отношении к монарху.

Часто приходит мне на мысль известный dictum: quem deus perdere vult, prius dementat*.

Часто вспоминаю также и слова покойного Жуковского.

Позже был в Комитете министров. Опять дело об Азовской железной дороге [123]. Потом заседание Кавказского комитета. Между прочим, дело о Мингрелии [124]. Кн. Дадиани de jure владетель Мингрелии в январе 1867 года достигнет совершеннолетия. Вопрос в том, быть ли ему владетелем de facto, и как достигнуть того, чтобы он им не был. Вечером у английского посла.

26 января. Утром в Сенате. Потом работа дома. Вечером у гр. Орловой-Давыдовой.

27 января. Утром доклады. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома.

28 января. Утром доклад у его величества. Ни слова об одесском деле. Заезжал к кн. Горчакову, который более и более твердит о том, qu'il ne jouit plus d'aucun crédit**. Принимал разных посетителей, в том числе гр. Кушелеву-Безбородко, которая ведет тяжбу с мужем пред кн. Долгоруковым и кн. Суворовым.

29 января. Утром доклады. Обедал у Головнина. Ученый обед с академиками в честь Кемецы и отчасти в честь моих метеорологических упражнений. Оттуда к гр. Строганову. Комитет железных дорог, дело о Бессарабской дороге. Все те же приемы со стороны Чевкина, Рейтерна и Мельникова и прежняя разноголосица [125]. Заехав домой и посмотрев бумаги, отправился к Moira. Теперь вошло во всеобщий обычай приезжать на вечера после полуночи.

30 января. Утром видел приехавшего из Одессы Шидловского. У обедни. Визиты. Был на бегу, где видел новых замечательных своею резвостью лошадей г. Кашина. Обедал у гр. Хрептовича. Вечером на вечере у вел. кн. Елены Павловны, которая нездорова и не могла с нами остаться дольше $10^1/_2$ час. Soirée plus ou moins manquée***.

31 января. Утром Государственный совет. Потом был на короткое время на странном музыкальном утре m-me Scholtz. Вечером дома.

1 февраля. Утром Комитет министров. Дело о Таганрогской железной дороге [126]. Мало надежды на лучший ход нашего управления. Удивительно, как все держится.

2 февраля. Утром у обедни. Работал. Обедал у кн. Трубецкой. Вечером заседание духовного присутствия в Невской

---

* Пословица: кого бог захочет погубить, того прежде всего лишает разума.

** Что он более не пользуется ни малейшим влиянием.

*** Более или менее неудавшийся вечер.

лавре. Видел там витебского архиепископа Василия. Необещающая физиономия.

3 февраля. Целый день дома. Работал. Читал. Становлюсь неспособным к дельной работе. Кроме утомления, нет поддерживающей надежды на успех, нет определенной цели. Как врачи при неясности болезни действуют симптоматически и употребляют средства не против недуга, а против его признаков, я действую большею частью не по своему к определенной цели направленному произволению, а по указаниям обстоятельств, мешая там, подсобляя здесь, справляясь с текущим как бы впредь до времени. Постоянный provisorium*. Между тем время течет, а жизнь уходит.

4 февраля. Утром доклад у его величества. Из Оренбурга получены сведения, что в Бухаре задержано посольство, отправленное туда из Ташкента ген. Черняевым без высшего разрешения [127]. Государь сказал мне, что туда командируется генерал с тем, чтобы в случае надобности заменить Черняева, и что с этим генералом посылается флиг.-ад. гр. Воронцов, который с полною готовностью принял сделанное ему по этому предмету предложение. Государь при этом сказал: «Voilà les aristocrates comme je les aime»**. Он прав. Паскевич от всего уклонялся.

Вечером на бале у французского посла. Beau bal***. Лет тридцать тому назад в том же доме, в тех же комнатах я бывал на балах гр. Воронцовой. Вспоминаю ее и весь ее тогда окружавший мир. Живых свидетелей и участников еще много, но при всем том между тогдашним и нынешним почти ничего нет общего. Как будто совершилась революция между двумя эпохами. Наши борзописцы толкуют о 19 февраля. Нет, не отмена крепостной зависимости крестьян, сколь ни велико это дело, составляет главную грань между настоящим и прошлым. Падение крепостной зависимости духа — вот что их разделяет. Взгляды и понятия изменились. Сила тяготения к центральному солнцу власти уменьшилась. Каждый начинает смотреть на самого себя, как на самостоятельную единицу. Вполне ясного сознания еще нет; уменья и подготовки еще менее, но повеяло ветром, который со временем сметет противупоставляемые ему преграды. Вопрос в том, сметет ли он только дряблое и отжившее или усилится до бури, которая поломает и живое. Зависит от правильности наблюдений и взгляда в Зимнем дворце [109].

---

* временные меры.

** «Вот таких аристократов я люблю».

*** Прекрасный бал.

5 февраля. Выезжал утром. Был у В. И. Анненковой. Elle pose toujours*.

6 февраля. Утром у обедни. Был на dejeuner dansant** у кн. Трубецкой. Потом дома.

7 февраля. Целый день дома. Холод держится, целую неделю около 15°. Снега почти нет. Езда неприятна. Мне, впрочем, никуда и не хочется ехать.

8 февраля. Не поехал в Комитет министров. Холод продолжается и мне нездоровится. Работаю нехотя. На долго ли? С какою пользою? В Михайловском дворце меня прочат на место кн. Горчакова. Другие отправляют послом в Париж. Кн. Кочубей уверяет, что мне надлежит быть послом в Англии. Все как будто более верят в будущность, чем я.

9 февраля. Не выходил и не выезжал. Государь утвердил по вопросу о maximum для концессии Таганрогской железной дороги мнение меньшинства, что, кажется, в противоречии со всем предшедшим направлением дела [128]. Кн. Гагарин смущен. Ему это, впрочем, здорово. Пусть он испытывает на себе преимущества известной системы. Кн. Долгоруков заезжал ко мне утром и, между прочим, рассказывал, что сегодня, когда при его докладе государь по обыкновению просил у него прощения по случаю говения, он отвечал, что пред ним его величество, конечно, без греха, но что он опасается, чтобы того не могли сказать жертвы крутых мер, принимаемых на Западе. Государь сослался на прискорбную необходимость. Кн. Долгоруков заметил, что дело совести его величества взвешивать вопрос о действительных размерах необходимости. Ce ne sont pas les mots, mais c'est le sens. D'ailleurs, l'entretien a eu lieu en français***.

Вечером был у меня по моему желанию председатель московской губернской управы Наумов. Неприятная, прижимистая личность. Мне стоило некоторого труда не обнаружить производимого им на меня впечатления. Вчера я видел одного из симбирских уездных председателей кн. Волконского. По-видимому, полоумный. Нужно выдерживать свою роль [110].

10 февраля. Работал утром. Выходил пешком. Потом опять за работой и за глубоким, постоянным, скрываемым мною горем и огорчением.

11 февраля. Доклад у его величества. Потом был у кн. Долгорукова. Он озабочен вестями из Сибири и боится тех самых поляков, которых туда сослали. Потом Остзейский комитет.

---

* Она все время рисуется.

** завтраке с танцами.

*** Это не [подлинные] слова, а смысл [сказанного]. Впрочем, разговор происходил по-французски.

Почтенный Гринвальд забавен как председатель. Он командует в Комитете докладчиком, как эскадроном.

12 февраля. Утром дома. Прием, доклады, бумаги. Из Бухареста получено сведение, что кн. Куза арестован своим народом и что временное правительство провозглашает или желает провозгласить гр. Фландрского [129]. Вечером Комитет финансов. Дело о новом лотерейном займе [130]. Le ministre des finances continue à n'être qu'un ministre du trésor *.

Известие о прекращении действия закона «habeas corpus»** в Ирландии подвергается здесь странным толкованиям. «Посмотрите,— говорят наши полутатары,— что делает мнимо либеральная и конституционная Англия!» Эти господа не замечают, что эта Англия в минуту кризиса только приводит Ирландию в то положение, в котором спокон века находился и ныне благополучно и всеподданнейше пребывает С.-Петербург.

13 февраля. Утром у обедни. Был на бегу на $^1/_2$ часа. Читал «Смерть Иоанна Грозного» гр. Толстого. Это чтение расшевелило во мне давно неподвижные, подавленные чувства. Было время, когда я горячо любил русскую многострадальную землю, когда я верил в ее будущность, благополучие и славу. А теперь? Избито сердце, пригнута мысль, опускаются руки. Сила не идет в дело, а потребляется на ношение ноши. Отвращение от всего, меня окружающего, меня одолевает.

Бедная Россия! Что вытерпела она при Иоанне Грозном! Сравнивая нашу историю с другими историями, нельзя не остановиться на некоторых азиятских чертах. Жестокость еще свирепее и беззастенчивее, чем на Западе, терпение и покорность еще безответнее. Неисповедимые тайны промысла! Для чего нужно было столько страданий и столько крови?

14 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Потом Комитет остзейский. Торопливость по остзейским делам необычайная. Гр. Шувалов brûle le pavé des réformes***. Кн. Ливен справедливо замечает, que nous pratiquons le pas gymnastique en matière de législation ****.

Вечером был на рауте у кн. Горчакова. M-me Akinfieff faisait les honneurs de la porte***** и кн. Горчаков при входе дам, с нею незнакомых, говорил: «Ma nièce»******. Дипломатические сердца тают. Кн. Горчаков не на шутку влюблен в «sa nièce»*******. Барон Будберг влюблен в кн. Оболенскую и ради

---

* Министр финансов продолжает быть только министром казначейства.

** Закон о неприкосновенности личности.

*** мчится во весь опор по пути реформ.

**** что в области законодательства мы бежим, как скороходы.

***** Гостей принимала г-жа Акинфиева.

****** «Моя племянница».

******* в «свою племянницу».

ее под предлогом дел приехал сюда из Парижа. Гр. Гольц в Париже влюблен в императрицу Евгению и т. д.

Вчера видел Будберга у гр. Хрептович, где также был на вечере. Пытка. Мне не до вечеров.

15 февраля. Утром Остзейский комитет. Потом Комитет министров. Дело Новосельского [131]. Обедал у английского посла.

16 февраля. Утром дома. Доклады. Обедал у гр. Шувалова (Андрея Петровича). Обед в честь балтийских предводителей, его сына и меня. Ich wurde aufgenommen, als Minister des Herren Sohnes und künftiges zu seiner gunsten Erblasses*. Графиня не обедала, хотя и явилась после обеда, но дочь и невестка присутствовали. Кроме балтийцев, были: кн. Горчаков, Крейц, Грейг, гр. Александр Адлерберг, гр. Алексей Павлович Бобринский. Кн. Горчаков затеял спичи, которые заключилось тостом в его честь со стороны кн. Ливена. Отвечая на этот тост, кн. Горчаков упомянул об отношениях Прибалтийского края к России, между прочим, в следующих выражениях: «les deux pays»**. Если бы это мог услышать Катков! Вот как у нас государственные люди владеют словом. Эти выражения сорвались с вице-канцлерского языка, и, хотя не я один ими был изумлен, кн. Горчаков сам едва ли заметил свой lapsus linguae***. Обед был, конечно, очень хорош. Гр. Павел Шувалов, воздав должную честь разным винам, оказался после обеда в несколько напряженном состоянии и горячо уверял меня в своей преданности, предлагая для моей защиты в случае надобности Семеновский полк, которым он командует. In vino veritas****. Следовательно, он говорил искренно, и я должен быть ему благодарным.

17 февраля. Заседание Совета министров по делу о Бессарабской железной дороге [132] и по совокупленному с ним неизвестно почему вопросу об устройстве у нас казенного рельсового производства [133]. Заседание неутешительное, но зато одно из самых поучительных, в которых мне привелось участвовать. *Поучение 1-е.* Совет министров решительно потерял всякое значение. Государь, очевидно, собирает его для формы или разве только на случай каких-либо неожиданных выдумок или придумок со стороны тех, чье мнение он уже разделяет. *Поучение 2-е.* Близорукость некоторых членов Совета изумительна. Они не только верят еще в силу своих аргументов при начале совещания, но и не замечают полной решимости

---

* Он принял меня, как министра, у которого служит его сын, как человека, который передает ему в наследство свой пост.

** «обе страны».

*** обмолвку.

**** Истина в вине.

его величества даже и в то время, когда он ее явно обнаруживает. *Поучение 3-е.* Кн. Горчаков умственно слабеет. Он сегодня вздумал читать составленную кем-то записку вместо того, чтобы довольствоваться изустными объяснениями. Записка была плоха по содержанию, читана, не знаю почему, по черновым отрывкам, причем кн. Горчаков беспрестанно терял нить читаемых фраз, подыскивал листы и т. п. Государь дремал во время чтения, но кн. Горчаков продолжал оное avec un héroisme digne d'une meilleure cause*. *Поучение 4-е.* Государь решительно не замечает недобросовестности и наглости, с которыми подбирают подходящие аргументы Чевкин всегда, а Рейтерн иногда. *Поучение 5-е.* Государь поддался под любимую мечту ген. Мельникова насчет постройки железных дорог правительственными средствами и решительно не соображает финансовой части дела. *Поучение 6-е.* Рейтерн решился скорее вредить делу и держать союз с Чевкиным и пр., чем уступить чьему бы то ни было мнению и какому бы то ни было аргументу. Первое — поставить на своем, остальное и остается вторым. *Поучение 7-е.* Государь раздражается критикою нашего финансового управления и управления Министерством путей сообщения и поддерживает тем упорнее и то, и другое. *Поучение 8-е.* Рейтерн и Мельников не прочь от канцелярских маневров для влияния на государя, и государь им поддается. Проект устройства рельсового производства в Донецком бассейне**, более или менее эскамотированный из представленных по этому предмету кн. Васильчиковым предположений, сегодня имел целью выказать заботливость двух министров о деле железных дорог вообще и, таким образом, убедить государя в его дальнейшем успехе. *Поучение 9-е.* Ничье мнение не имеет веса перед государем. Сегодня были в пользу Бессарабской железной дороги председатель Комитета железных дорог гр. Строганов, вице-канцлер иностранных дел кн. Горчаков, председатель Комитета министров кн. Гагарин, местный ген.-губернатор и местные сословия, затем военный министр, управляющий Морским министерством и министр внутренних дел. Гр. Панин также высказался в ее пользу. Даже вел. кн. ген.-адмирал, прежде к ней нерасположенный, сегодня, по-видимому, перешел на нашу сторону. Против нас говорили только Чевкин, Рейтерн и Мельников. Кн. Долгоруков пристал к ним и сказал, что он приехал в Совет с таким мнением, но еще более убедился в его правильности всем тем, что он слышал. После этого не весьма к нам любезного комплимента государь заявил то же, что кн. Долгоруков, и присовокупил, что он

* с героизмом, достойным лучшего применения.

** *Соответствующему тексту дано примечание под строкой:* Он оставлен затем, конечно, без последствий (*т. III, л. 8 об.*).

утверждает мнение большинства Комитета железных дорог, т. е. мнение об отказе г. Офенгейму в испрашиваемой им концессии. Государь сказал это с некоторым жаром и, прибавив, что просит не сетовать, но что у него есть свои убеждения, быстро встал с своего места, забыв, что предназначалось к слушанию другое дело. Потом его величество, однако же, вспомнил о нем и снова сел. Совет воссел по его примеру, но ненадолго. Не было о чем спорить. Мнимое второе дело уже разыграло свою роль при предварительном докладе его величеству. *Поучение 10-е.* Государь нам заявил по собственному произволению, что по делу об Азовской железной дороге он утвердил мнение меньшинства Комитета министров в надежде, что лица, испрашивавшие концессии (ген.-ад. гр. Баранов и К°), *от нее откажутся* и что этот важный путь останется в *наших руках.* Это неожиданное заявление — урок разным членам Совета. Кн. Гагарину, гр. Панину, кн. Долгорукову, ген. Милютину в особенности. Они все были со мною на стороне большинства. Между тем гр. Баранов и пр. не отказались. Кто-то заметил, что теперь им нельзя уже отказать со стороны правительства. Тогда мысль о возможности дальнейших отрицаний и помех сладострастно покоробила ген. Чевкина. Все члены его неуклюжей фигуры пришли в судорожное движение и он, ухмыляясь, доложил его величеству, что еще по разным подробностям не состоялось решения и он заявит о том свои мнения. На этой перспективе приятно остановиться.

Вернувшись домой и отправляя некоторые бумаги к кн. Долгорукову, я в записке к нему высказал несколько слов о тех приемах, которыми отличилось наше заседание. Он отвечал: «Le tableau que vous tracez de la nature humaine est parfaitement juste. Je la connais depuis longtemps et suis si convaincu qu'elle ne peut être autre, que je l'envisage avec philosophie»*.

Получил по одесскому делу письма от ген. Коцебу и кн. Воронцова. Они извиняются, первый — официозно на французском диалекте, второй — официально на русском[111].

18 февраля. Утром доклад у его величества. Выезжал к Зеленому, который болен. Видел там Краббе и кн. Долгорукова. Вчерашний отзыв государя об Азовской дороге произвел впечатление не на одного меня [134].

19 февраля. Утром заезжал к И. М. Толстому, который болен. Потом дома. В городе много толков о займе.

20 февраля. Утром у обедни. Был на бегу. После обеда приходил Мундт, который не знает, как справиться с первыми передовыми статьями своего будущего журнала.

---

* «Картина человеческой натуры, которую вы рисуете, совершенно верна. Я знаю ее давно и настолько убежден, что она не может быть иной, что отношусь к ней философски».

Ни к чему не льнет ум. Вопрос, на долго ли? Везде ходит со мною и садится против меня за письменным столом.

21 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Музыкальный вечер. Потом у французского посла. Idem*.

22 февраля. Не поехал в Комитет министров. Сегодня был парад на Марсовом поле и за отсутствием военных членов в Комитете было заседание еще более пустое, чем обыкновенно бывает. Ко мне заезжал барон Будберг. Beaucoup d'assurance, peu de portée**.

23 февраля. Утром доклады. Обедал у кн. Горчакова. La nièce fait les honneurs***. Ума нет, и даже красоты немного. Странно, что при уме кн. Горчакова он себя ставит в смешное положение. Его тщеславие становится еще более ребяческим, чем прежде. Вообще, какой жалкий у нас горизонт. Куда ни оглянись, вспоминаешь о фонаре Диогена. Видел у кн. Горчакова бывшего нашего посланника в Константинополе кн. Лобанова. Мне сдается, что ему быть товарищем министра иностранных дел.

Вчера утром был по желанию вел. кн. Александры Иосифовны на выставке лотереи приютов. Все семейство Мраморного дворца было там. Вел. княгиня сама заведывала продажею билетов. Посетителей множество. Род выставки высоких особ рядом с выставкою лотерейных выигрышей. Вел. кн. Екатерина Михайловна мне говорила третьего дня, что она этим приемам не сочувствует; но что это ihre private Meinung****.

Вечером же вчера был у меня гр. Алексей Павлович Бобринский с своим проектом поземельного банка. Считаю осуществление его, хотя и не в данном виде, не невозможным; но характеристично для нашего времени и порядка делание таких дел, что именно накануне обсуживался в Государственном совете проект обновления такого же предприятия барона Френкеля.

24 февраля. Утром дома. Несколько визитов перед обедом.

25 февраля. Утром доклад у его величества. Государь упоминал о разговоре с гр. Шуваловым перед его отъездом. Шувалов говорил о возрастающем нерасположении к правительству и о том, что отсюда действуют или стараются действовать на земские собрания.

Позже был в Невском монастыре.

26 февраля. Целый день дома.

---

* Все то же самое.

** Много самоуверенности, мало толку.

*** Гостей принимает племянница.

**** ее частное мнение.

27 февраля. Утром у обедни. Выезжал. Был у гр. Бобринского. Вечером у Алябьевой.

28 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Затем дома.

1 марта. Не был в Комитете министров. Видел Безака. Полон собою и своими делами. Сегодня в собрании дворянства кн. Щербатов провел en coup de main* предложение о всеподданнейшем прошении в 4 пунктах, из коих 1-й требует законодательного исхода всякого законодательного ходатайства дворянского и земского собраний; 2-й — рассмотрения в Сенате по 1-му департаменту всякого ходатайства не законодательного; 3-й — распространения на земства права выбора депутатов по своим ходатайствам и 4-й — права заседания и голоса для этих депутатов в Государственном совете и Сенате. Спора почти не было. Возражали только гг. Соломирский и Вуич. Предложение выбаллотировано 180 голосами против 10 в общей форме, а текст прошения — 150 против 50 [135]. Обедал у гр. Орлова-Давыдова.

2 марта. Утром в Сенате. Обедал у австрийского посланника. Оттуда заезжал к кн. Долгорукову, который был с государем в Гатчине и оттуда телеграфировал о желании меня видеть по возвращении в город. Это извещение, конечно, обозначало, что вчерашние события в дворянском собрании доведены до высочайшего сведения. Результат разговора с кн. Долгоруковым по обыкновению не осязаем. Нечто вроде тумана. Je subis cela plus que je n'y prends part**.

Завтра после Совета министров его величество предложит нам к обсуждению вопрос о том, что делать.

3 марта. Совет министров. Дело Новосельского и министра финансов [136]. Потом государь оставил у себя для отдельного совещания кн. Гагарина, гр. Панина, кн. Долгорукова, министра юстиции, вел. кн. ген.-адмирала и меня. Кн. Гагарин хотел не допустить прошение дворянства до государя. Обычное непонимание явлений, обычная ссылка на статьи, будто бы неполные и неясные, повторялись, но мое мнение взяло верх и решено вместо бесплодно насильственных мер поручить кн. Суворову словесно объявить собранию при его закрытии, что его ходатайства, как выходящие из пределов закона, будут оставлены без последствий. Впрочем, решение только предварительное. Завтра положено собраться снова.

4 марта. В 10 часов совещание у его величества по вчерашнему делу. К составу нашему прибавлены кн. Горчаков и кн. Суворов. Сегодня кн. Гагарин заявил, что обстоятельства

---

* очень быстро.

** Я скорее терплю это, чем принимаю в нем участие.

будто бы изменились, потому что прошение дворянства доставлено в флигель-адъютантскую комнату в 7 часов вчерашнего вечера (!?), и предложил вместо предположенного объявления чрез кн. Суворова признать выборы несостоявшимися, отрешить кн. Щербатова, одним словом, сделать то же, что по рязанскому делу. Вел. кн. Константин Николаевич поддержал это мнение, а мудрый министр юстиции предложил взыскать с собрания 150 руб. штрафа по применению к известной ст. Устава о выборах. Прочие члены совещания остались при вчерашнем взгляде, и государь его разделил. Кн. Суворов уехал с собрания, Замятнин отправился в Сенат, где, не знаю почему, сегодня назначено присутствовать (*при*, а не *в* заседании) его высочеству цесаревичу, а мы еще задержаны его величеством для совещания о некоторых других вопросах: удерживать ли в силе конкордат с римским двором и не принять ли инициативу формального разрыва с Римом, которым будто бы угрожает папа? Что сделать для успокоения и умиротворения дворянства? И, наконец, какие меры принять в связи с вопросом об экономическом быте дворянства для улучшения вообще нашего финансового положения? Первый из этих вопросов положено обсудить особо под председательством кн. Гагарина. По 2-му гр. Панин предложил раздать отставным офицерам и мелкопоместным дворянам конфискованные имения в Западном крае (sic)*. По 3-му он же предложил учредить какую-то опекунскую коллегию над министром финансов. Вместо этого я подал мысль возложить на Комитет финансов обязанность обсудить общий вопрос о финансовом и экономическом положении России. Тут позвали министра финансов, который ожидал в приемной очереди для доклада. При нем повторилось вкратце мое предложение, и затем совещание кончилось. После него мой доклад. Выходя из кабинета, я встретил министра финансов, который мне сказал: «Je vais lui dire de suite que s'il ne veut pas être gêné dans les dépenses qu'il ordonne,— tout comité quasi — de surveillance est impossible»**. Вот как всегда употребляются argumentum ad hominem***.

После доклада вернулся домой, надел мундир и отправился снова во дворец для представления прибывшей в среду в Петербург королевы Виртембергской [137]. Нас собралось человек до 12 или 15. Выходя для прогулки, королева нас всех обошла и каждому сказала несколько слов. Она переменилась, но все еще мила и притом во всех приемах — королева. Я за-

---

* Так.

** «Я ему сейчас же скажу, что если он не хочет испытывать затруднений в расходах, которые он же предписывает, то ни о каком контрольном комитете не может быть речи».

*** аргумент, основанный на интересах убеждаемого.

метил, что она всем кивала головой при окончании разговора и улыбалась совершенно одинаково. Сборки на левом виске, наклонение головы, шаг вперед — все это, как оттиски одной и той же корректуры. Привычка — своего рода типографский станок.

Кандидатами в губернские предводители выбраны гр. Орлов-Давыдов и гр. Иван Апраксин, после того как от выбора отказались кн. Щербатов, Шуваловы, Паскевич, Бобринский и Карамзин. Я говорил кн. Гагарину, гр. Панину и кн. Долгорукову, что, по моему мнению, следовало бы утвердить гр. Орлова-Давыдова. Встретил везде отрицательные отзывы.

5 марта. Утром доклады. Несколько визитов. Потом дома.

6 марта. Не поспел к обедне, благодаря разным записочкам кн. Долгорукова и кн. Суворова, распоряжениям о недопущении в печать речи кн. Щербатова и т. п. Выезжал. Потом дома.

7 марта. Утром Государственный совет. Вечером на рауте у гр. Апраксина, который просил моего участия, чтобы избавиться от предводительства. В городе толки о том, кого утвердят. Утверждению гр. Орлова-Давыдова не верят. Королева спрашивала гр. Андрея Петровича Шувалова: «Croyez-vous qu'il soit confirmé?»*

Он отвечал: «Mais je ne le pense pas, madame, puisque vous en doutez»**.

Кн. Долгоруков завтра спросит государя, угодно ли ему, чтобы я испросил его приказания в следующий доклад, т. е. 11-го, или же, чтобы я представил доклад письменно завтра же до отъезда его величества на охоту в Лисино.

8 марта. Государь приказал быть к нему сегодня же утром. Дело устроилось без всякого затруднения. Когда я вошел, государь сказал мне: «Dolgorouki m'a dit votre avis, et je vous dirai franchement que je le partage»***. Итак гр. Орлов-Давыдов утвержден. В Комитете министров я сегодня не был.

9 марта. Целый день дома.

10 марта. Утром на панихиде по умершем священнике министерской церкви. Оттуда в заседание Польского комитета.

11 марта. Доклад у его величества. Ничего особенного. Заезжал к гр. Орлову-Давыдову, который был у меня третьего дня. Он уже в правительственном настроении духа и критикует действия кн. Щербатова. Забавно его беспокойство насчет предстоящего представления государю. Он все говорит о своей

---

* «Вы думаете, что его утвердят?»

** «Если вы в этом сомневаетесь, сударыня, я этого не думаю».

*** «Долгоруков сообщил мне ваше мнение, и скажу откровенно, что я его разделяю».

неловкости, неумении быть при дворе, неуверенности в присутствии духа и пр. и пр.

12 марта. Утром в заседании Департамента законов по вопросу о наказе судебным следователям по раскольничьим делам [138]. Потом дома. Много работы и много забот. Обер-церемониймейстер Хитрово пойман в Ницце на обмане в карточную игру. На днях получено о том официальное известие. Сегодня рассказывают, что он страдает умопомешательством.

13 марта. Утром у обедни. Выходил пешком. Потом дома.

14 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером раут у кн. Горчакова. Были там и королева, и принцесса Мария Максимилиановна Баденская, с которою я свиделся в первый раз после ее переселения в Баден.

15 марта. Утром Комитет министров. Читал отчет ген. Безака. Он и ген. Кауфман присутствовали, и ген. Безак почти неприлично пытался подвергать ответу министра финансов, а отчасти и меня по некоторым вопросам, где мы не разделяли его мнений. Кн. Гагарин сердился в этом случае за нас. Я заранее дал себе слово не сердиться и его сдержал.

Вчера или третьего дня ген. Кауфман был у меня для разных объяснений и сильно упрекал в несочувствии к западной администрации и в публичности этого несочувствия. Я ему сказал, между прочим, что желал бы ошибаться и найти возможность поверить, «что в Гродне со временем будет Тамбов, а в Вильно — Переяславская пустынь». «И будет»,— отвечал ген. Кауфман. Этого ответа довольно.

16 марта. Утром по желанию кн. Горчакова был у него. Из Рима барон Мейендорф привез известие о совершенном разрыве с папою, известие, которое ему следовало передать по телеграфу, чтобы не оставить кн. Горчакова целые две недели в неведении о настоящем положении дел на месте. Кардинал Антонелли сказал Мейендорфу, что папа признает дальнейшее пребывание нашей миссии излишним [139]. Кн. Горчаков ожидает возвращения государя с охоты, чтобы послать ему проект ответа оставшемуся в Риме секретарю нашей миссии Капнисту. Ответ заключается в приказании снять герб с дома посольства и заявить кардиналу Антонелли, что наше правительство отклоняет от себя ответственность за последствие разрыва.

Возвратясь, видел ген. Семякина. Кажется, он пустой болтун по делам администрации, хотя и может быть хорошим строевым генералом и добрым человеком вообще. Потом доклады до $6^1/_2$ час. Обедал у Moira. Вечером на двух вечерах у двух вел. княгинь — Александры Иосифовны и Елены Павловны. В городе много толков о моем уходе. Уверяют, что на мое место выписывают Тимашева, и т. п. Кому охота это распускать, не

знаю. Фрейлина Раден сказала мне, que mes amies colportent et commentent toutes mes paroles. Кто mes amies?* Мне помешали ее о том расспросить.

17 марта. Утром работа. Потом совещание у кн. Гагарина по приказанию государя о тех мерах, которые могли бы быть приняты в интересах помещиков или дворянства, чтобы произвести несколько благоприятное на него впечатление. Результата, конечно, не могло быть. Участвовали кн. Долгоруков, гр. Панин, ген. Зеленый и министр финансов; Н. И. Гауэр играл роль докладчика.

Вечером в Зимнем дворце. Довольно многочисленное собрание в золотой гостиной. Чтение («Le lion amoureux»)** и музыка. Как бы наперекор толкам о моем уходе я очутился sur le premier plan***, сидев часть вечера подле вел. кн. Александры Иосифовны, другую часть — подле императрицы и ужинав — снова подле вел. княгини. Познакомился с m-me Naptal и m-r Lagrange.

18 марта. Утром доклад у его величества. Потом заседание в соединенных Департаментах законов и экономии. Вечером на короткое время у гр. Хрептовича. Раут. Орлов-Давыдов был у меня и передал не только некоторые подробности своего свидания с государем и императрицей, но и разговор с кн. Долгоруковым. В этом разговоре он будто сказал кн. Долгорукову обо мне: «M. W. est plus libéral que M. Milutine. Celui-ci n'a voulu que l'émancipation. L'autre veut l'émancipation et ses suites».— «Qu'est ce que ces suites?» — спросил кн. Долгоруков. «Je vous les laisse à déviner»****.

19 марта. Целый день дома.

20 марта. Утром у обедни. Потом совещание у кн. Горчакова по римско-католическим делам вследствие вопросов, возбужденных отчетом ген. Безака [140]. Двое западных ген.-губернаторов, кн. Гагарин, Платонов, Н. Милютин, обер-прокурор св. Синода, вице-канцлер и я. Производителем или секретарем — Жуковский. Колорит один и тот же.

21 марта. Утром у обедни. Свидание с кн. Щербатовым у Скарятина для восстановления прекратившихся год тому назад личных отношений. Желание было первоначально им заявлено Скарятину.

---

* что мои друзья — дамы разглашают и комментируют каждое мое слово. Кто мои друзья?

** («Влюбленный лев»).

*** на первом плане.

**** «Г. В[алуев] либеральнее, чем г. Милютин. Тот хотел только освобождения [крестьян], а этот хочет и освобождения, и его последствий».— «Что это за последствия?»— спросил кн. Долгоруков.— «Я предоставляю вам самим догадаться».

22 марта. Комитет министров. Между прочим, дело о предположениях министра юстиции в отношении к преобразованию 1-го департамента Сената [141]. Нетрудно было их опрокинуть. Татаринов мне сказал, que j'avais été trop dur*. Жаль, если так.

23 марта. Дома за работой. Утром и вечером в церкви.

24 марта. Удостоился святого причащения.

25 марта. Доклад у его величества. Государь сказал мне, что в городе снова много толков о моем выходе из Министерства. Я отвечал, что они доходили и до меня, но что после данного мне его величеством приказания, я теперь не считаю себя вправе возобновлять просьбу об увольнении. Государь улыбнулся и сказал, что и он не считает себя вправе меня увольнять. Сегодня великая пятница совпадает с благовещением и с полковым праздником конной гвардии. Государь по этому случаю пожаловал кн. Суворову мундир конно-гвардейского полка, в котором он начал службу. Я видел, как лицо кн. Суворова просияло настоящей радостью. Настоящая радость так редка. Говорил при докладе о моей решимости дать, наконец, предостережение «Московским ведомостям» [142]. Нужно было предупредить его величество насчет могущих последовать за тем толков. Все так боятся Каткова, что в Совете по делам печати только два голоса — председателя и Фукса — были поданы в пользу предостережения и из них первый подан только потому, что Щербинин, зная мой взгляд, не решился подать его в другом смысле. Государь одобрил мой взгляд.

26 марта. Выезжал утром. Потом за работой.

27 марта. День св. пасхи. Был в Зимнем дворце на заутрени. Много праздничных наград, но особенно замечательных награждений и назначений, кажется, не было. Гр. Шувалов и Альбединский получили генерал-адъютантские аксельбанты. Сын Безака сделан флигель-адъютантом. Отец всех спрашивает о том, читали ли его отчет. Барон Корф не получил чаемой голубой ленты. Военный министр произведен в полные генералы.

Со мною говорят о празднике, о наградах и т. д. Никто не знает, как надрывается мое сердце, как измучен я и какие грустные думы на мне лежат свинцовым бременем. На дворе солнце. Есть жизнь, движение, есть что-то действительно праздничное. Внутри меня одно только отрадное чувство, что бог видит мое горе и что перед ним оно не пропадает.

28 марта. Выезжал утром. Затем дома.

29 марта. Выходил пешком. Тяжелые думы. Обедал у королевы с М. Т. Пашковою. Вечером дома.

---

* что я был слишком суров.

30 марта. Утром за работой. Заходил к гр. Левашову, который сидит дома с разбитым лицом вследствие того, что был выброшен из перекладной под Серпуховом. Вечером заседание Комитета железных дорог у гр. Строганова.

31 марта. Утром Комитет министров. Читались в присутствии членов комиссии рассматриваемый отчет военного министра, его антикритика на их критику [143]. Комиссия состояла из гр. Сумарокова и генералов Игнатьева, Гринвальда, Плаутина. Критика была жалкая, антикритика довольно резкая. Генералы выслушали и уехали. Трудно объяснить, для чего государю угодно было наложить на них эту эпитимию.

Обедал в коммерческом клубе, купеческое собрание тож. Из honoratiores * были кн. Суворов, А. Л. Княжевич, я и американский посланник Клей. Кн. Суворов приехал, как на гулянье, в сопровождении обер-полицеймейстера, двух полицеймейстеров, правителя канцелярии и двух адъютантов. Президировал Утин. В собрании смесь приличия и невежества. Арсеньев читал речь самую нелепую, которую кончил вторичным тостом в честь кн. Суворова. Когда стали по этому случаю раскланиваться с его светлостью, вдруг раздалось громовое «кукареку». Все остолбенели. Оказалось, что некто г. Прибытков, полоумный или полуспятивший с ума, желал почтить память генералиссимуса и после «кукареку» произнес нескладные стихи, которые заключил третьим тостом в честь внука «знаменитого деда». Клей говорил речь на английском языке. Потом меня просили ему выразить благодарность собрания, что я исполнил на французском диалекте. Мое здоровье было также чествовано, как и здоровье Княжевича, своим порядком. Вечером дома.

1 апреля. Утром пушечная пальба возвестила о рождении вел. кн. Александра Михайловича. Доклад у его величества. Потом был у вел. кн. Константина Николаевича, который присылал за мной. Оказалось, что он замышляет о приведении в исполнение моей мысли о призыве сюда депутатов от земства. Но он желает рядом с ними иметь и съезд депутатов от дворянства. Таким образом, при Государственном совете были бы две небольшие депутатские камеры. Вел. князь не знает моего проекта 1863 г., но сам дошел до некоторых из моих предположений, например, до председательствования в съездах коголибо из членов Государственного совета, но он не полагает предоставить в общем собрании Государственного совета права голоса известному числу депутатов, а соглашается их допустить туда только с совещательным голосом. Вообще любопытно, что теперь он сам идет к тому, что прежде находил невозмож-

* почетных гостей.

ным, и сегодня прямо мне высказал, что рано или поздно без «конституции» нельзя будет обойтись. Я по обычаю тотчас устранил бумажную идею конституции и поставил на ее место идею представительства. Видно, что вел. князь занят мыслью сделать что-нибудь вроде opus grata * и сам сделаться persona grata **. Кто подбивает его? Думаю, вел. княгиня. Быть может, на него подействовали грезы его адъютанта Киреева или разговор с гр. Алексеем Павловичем Бобринским. Его высочеству, видимо, желалось, чтобы я редактировал его предположения. Но я, конечно, уклонился, предоставив ему предварительно испросить высочайшее на то соизволение государя. По словам вел. князя, он говорил об этом только с кн. Урусовым, который будто не разделяет его мнения [144].

Из Мраморного дворца отправился в заседание, где обсуживались предположения о разных льготах польским каторжным, сосланным и высланным, на предстоящее 16 апреля ***. К сожалению, мелкая монета милосердия. Я предложил государю сегодня нечто более практическое, а именно, закрытие всех второстепенных следственных комиссий в Западном крае и прекращение всех второстепенных следственных дел. Конечно, я мог предложить это при данных обстоятельствах только в форме идеи, которая должна быть сообщена на заключение ген.-губернаторов, но в этой форме государь дал испрашивавшееся разрешение и позволил заявить о том в совещании, что мною и сделано. В совещании участвовали кн. Гагарин, гр. Панин, барон Корф, кн. Долгоруков, министр юстиции, министр государственных имуществ, министр финансов и я.

2 апреля. Утром работа. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с королевою ****, герцогом Мекленбургским [145], гр. Паниным и гр. Хрептовичем etc. Поэтому не был на обеде в Английском клубе. Обед был без особых происшествий.

3 апреля. Утром у обедни. Заходил к Скарятину, который болен.

4 апреля. Покушение на жизнь государя по милости божьей тщетное. При выходе из Летнего сада, в ту минуту, когда государь хотел сесть в коляску, злодей выстрелил в него почти в упор [146]. Крестьянин, бывший в толпе, которая по обыкновению ожидала выхода государя из сада, говорят, толкнул руку убийцы [147], которого тотчас схватили. Государь спросил его: русский ли он и за что стрелял в него? (Вероятно, спросил, не поляк ли он). Убийца отвечал, что русский и что государь

---

* важное дело.

** важной персоной.

*** *Далее в скобках написано:* «Серебряная годовщина бракосочетания их императорских величеств» (*т. III, л. 16 об.*).

**** *Далее в скобках написано:* Виртембергскою (*т. III, л. 17*).

слишком долго будто бы нас обманывал. Другие говорят, что он сказал, что государь обделил землею крестьян. Еще другие, что, обратясь к толпе, он сказал: «Ребята, я за вас стрелял». Эта последняя версия подтверждается с разных сторон. Хотя я видел нескольких очевидцев или лиц, тотчас бывших и собиравших сведения на месте,— толки крайне разноречивы. В минуту преступной попытки с государем были герцог Лейхтенбергский * и княгиня или принцесса Мария Максимилиановна. Они прямо оттуда приехали в Государственный совет, где только что кончилось заседание и часть членов уже уехала. Они приехали, чтобы найти вел. кн. Константина Николаевича. Увидя их, я в первую минуту не мог объяснить себе повода к их внезапному появлению, но был поражен их смущенными лицами. Потом я услышал слова: «on vient de tirer sur l'empereur» **. Кн. Долгоруков уехал ***. Прочие члены Совета, предводительствуемые кн. Гагариным, отправились в большую церковь Зимнего дворца для отслужения благодарственного молебия, а оттуда к государю, который, между тем, возвратился во дворец, заехав на пути в Казанский собор. Государь к нам вышел, благодарил за обнаруживаемые чувства и сказал: «Бог спас меня, доколе я ему буду нужен, он будет меня охранять. Если его воле угодно будет меня взять, это свершится». В эту минуту вошли или, точнее, вбежали вел. кн. цесаревич и вел. кн. Владимир Александрович, которые только что возвратились во дворец и еще не видали отца. Государь их обнял. Свидание было трогательное. Во дворец начали съезжаться генералы, офицеры гвардии, разные другие чиновные лица. Государь, по словам И. М. Толстого, тогда только вошел к императрице, которая отдыхала перед обедом, и сказал ей: «Il vient de m'arriver un accident»****. Она отвечала: «Un attentat» *****. Вся императорская семья отправилась в Казанский собор. Потом государь принимал собравшихся во дворце разных лиц и в присутствии их при криках ура! возвел в дворянское достоинство находившегося там же крестьянина Комиссарова, который отвел руку убийцы. Он уроженец Костромской губернии, как Сусанин. Массы народа наполнили Дворцовую площадь. В церквах совершались молебны. Восторг был общий.

Об убийце пока ничего достоверного неизвестно. Ему от роду лет 25. Говорит чисто по-русски. Расследование производится в III Отделении.

---

* *Далее в скобках написано:* Н. М. (*т. III, л. 17*).

** «в государя только что стреляли».

*** *Далее в скобках написано:* В III Отделение, куда государь отправился с места покушения (*т. III, л. 17 об.*).

**** «Со мной произошел несчастный случай».

***** «Покушение».

До заседания Государственного совета за мною присылал вел. кн. Константин Николаевич. Он говорил государю о своей мысли созвать при Государственном совете съезды депутатов от земства и дворянства. Государь не отверг этой мысли и разрешил вел. князю изложить ее развитие на бумаге. Вел. князь просил меня и кн. Урусова, присутствовавшего при объяснении, этим заняться. Работал до поздней ночи. Пришлось в третьем часу утра пересоставлять статью для «Северной почты» о сегодняшнем событии.

5 апреля. Утром в Исаакиевском соборе. Молебствие. Потом в Зимнем дворце прием депутатов от дворянства и города или, точнее, всех сословий, потому что было до 600 человек налицо. Гр. Орлов-Давыдов очень хорошо произнес свою речь. Крики ура! были самые искренние, которые мне привелось слышать. Статья для «Северной почты», мною написанная, верна.

Потом Комитет министров. Потом дома. Мои недруги нашли теперь себе новый конек в эпизоде Каткова [148]. Я прав кругом. Но достаточно ли быть правым?

6 апреля. Утром доклады. Обедал в Английском клубе. Вечером дома. Ничего положительного о цареубийце не открыто.

7 апреля. Утром прием разных приезжих. Вечером заседание Комитета железных дорог.

8 апреля. Доклады. Потом прием московских депутаций. После приема государь позвал меня к себе, чтобы сказать, что кн. Долгоруков просил его величество уволить его без прошения от должности, что на его место назначается гр. Шувалов. На место гр. Шувалова государь прочит ген. Черткова. Вечером был на свадьбе кн. Щербатова, лейб-гусара, женившегося на Бутурлиной. Оттуда заехал к кн. Долгорукову, к которому еще перед обедом после свидания с гр. Шуваловым написал теплую прощальную записку. При свидании меня по обыкновению обдало холодом. Кн. Долгоруков поступил правильно и весьма благородно. Ему стоило на то решиться. Государь сказал мне, что он плакал. Но взгляд его на вещи ярко выражается в следующих им мне высказанных словах: «Certainement, il m'aurait été fort agréable de rester encore dix on quinze ans, choyé comme je l'étais». Choyé! ... Dix ou quinze ans! Comme chef de la gendarmerie et avec la vie qu'il menait! *

Гр. Муравьев назначен председателем следственной комиссии над преступником. Я видел его во дворце. Он еще не был в кабинете государя, но один факт, что за ним послали, что его сочли нужным, изменил его снова и во внешних приемах

---

* «Конечно, мне было бы очень приятно провести еще десять или пятнадцать лет, окруженным лаской, как было до сих пор».—Лаской!.. Десять или пятнадцать лет! На посту шефа жандармов и при той жизни, которую он вел!

и в настроении духа. Он иначе ходил, иначе садился, командовал рейткнехтами, сердился, что его заставляли ждать, и пр. Эта благородная природа обнаружилась во всей своей пластичной красоте.

9 апреля. Утром заседание соединенных Департаментов законов и экономии. Потом работал. Обедал в Английском клубе, где в честь Комиссарова, приглашенного гостем, было до 300 человек,— тосты, речи, стихи и музыка. Я в первый раз видел Комиссарова. Небольшой, бледный, тщедушный, но с спокойным и разумным выражением лица. Бесконечные овации ему не вскружили головы и не сбили с толка. Во всех приемах скромность. Кроме русского крестьянина, никто бы не выдержал подобного опыта.

Вообще все у нас теперь как будто в чаду. Всякого рода демонстрации повторяются без конца. Везде благодарят бога, и Русь молится. Эта прекрасная черта русского народа, который без молитвы как будто не был бы русским, ярко и везде проявляется. Но, кроме молитвы, есть во многом другом излишества. Пересол, как видно, в нашей натуре. Смотрю со стороны и удивляюсь, как никто не думает о завтрашнем дне, о реакции после чрезмерного напряжения. Ездить в театры, чтобы слушать, как публика требует гимна «Боже, царя храни!» — значит уже переставать быть членом этой публики. Раз — благородное движение. Несколько раз — уже род спектакля. С высокими и глубокими чувствами не следует обращаться легкомысленно. Не следует также делать героя из Комиссарова. Я считаю его добродетельным и благочестивым, потому что бог именно его избрал орудием своего благого промысла. Ему выпало великое счастье на долю! Я бы готов был ему принести искренний поклон, просить его помолиться за меня, но поить его шампанским не мое дело. Кроме того, il ne faut pas trop faire mousser l'homme auquel un souverain doit ou quelque peu, ou la vie,— lorsque cet homme n'a pas donné sa vie pour l'autre *. Какое будет положение Комиссарова лет через десять?

Вечером у меня был Дурасов. Он уверяет, что карточку убийцы признали лица, которых он им не назвал на первый раз, но которых он собирается назвать завтра. Если он не полоумный, то, может быть, тайна раскроется. По словам Дурасова, преступник был в Гейденберге в 1862 г. и, действительно, тогда называл себя Владимировым [112].

10 апреля. Утром у обедни. Потом заседание Польского комитета при гр. Берге. Вопрос об отношениях к римскому

---

* не следует слишком превозносить человека, которому монарх обязан чем бы то ни было, даже жизнью, если этот человек не отдал своей жизни за монарха.

двору и о конкордате [149]. Нечто вроде предварительной беседы без заключения. Потом обед в дворянском собрании, данный по подписке петербургскими обывателями московским депутациям. Комиссаров присутствовал в дворянском мундире. Много спичей и тостов. По желанию гр. Орлова-Давыдова, председательствовавшего на обеде по званию губернского предводителя, я предложил тост в честь присутствовавших губернских предводителей внутренних губерний. Их было налицо 9, и я при этом случае сказал краткую речь, в которой коснулся моих отношений к предводителям. Слышал в первый раз Голохвастова, whom it was in some way intended to against me*. Имеет замечательное дарование и со временем еще более усовершенствуется. Другие спичи, кроме первого, гр. Орлова-Давыдова, были весьма плохи. Гр. Муравьев, которого здоровье пили с громкими «ура», сказал в ответ, что он счастлив, что поставлен «в главе того учреждения, которое должно раскрыть виновных в покушении против государя, и что он ляжет костьми, но это дело сделает». Он может в комиссии сесть, но не лечь костьми. Общий зуд говорить и бестактность, с которою говорят, замечательны. В каждом слове слышится, что это еще упражнение в слове, и упражнение большей частью весьма неудачное, но не употребление слова. Внимание заслуживают разные оттенки претендентов на это орудие. Близорукие ультра-дворяне, как гр. Орлов-Давыдов, дворяне с аристократическими притязаниями и демагогическими приемами, как гр. Андрей Шувалов, чистые демагоги, как Крузе, люди с желчным честолюбием, ищущие преимущественно личного значения, как кн. Щербатов, квасные патриоты, играющие на балалайке русско-народных фраз, как Чижов, и т. д. Есть нечто столь дикое в совокупности и сопоставлении всего этого, что можно бы отчаиваться насчет нашей будущности. В сущности у нас везде оптический обман. И сила, и единство, и верноподданническая преданность и покорность, все более кажется, чем есть. Теперь обнаруживается, до какой степени огромная Россия более сколочена, чем сплочена в одно целое.

11 апреля. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Обедал с московскими дворянскими депутатами у гр. Орлова-Давыдова. Вечером дома. Ген.-м. Огарев сообщил, что, по показанию арестованного в Москве Ишутина (адрес которого нашли в бумагах покушавшегося на жизнь государя преступника), звание и имя злодея открыты. Он — сердобский дворянин Каракозов. До сих пор это сохраняется в тайне.

---

* которому предписывалось намерение, так или иначе, выступить в согласии со мной.

12 апреля. В Комитет министров не поехал по нездоровью. Ко мне два раза заезжал Шувалов. С Муравьевым у него уже были стычки. Статью в газеты об имени и звании преступника Муравьев должен послать государю на цензуру.

13 апреля. В 4 часа утра меня разбудили с корректурою вышеупомянутой статьи, присланной для «Северной почты». Государь два раза ее возвращал к Муравьеву, который хотел непременно упомянуть о западных губерниях, хотя до сих пор нет ни одного нерусского имени между привлеченными к делу. Кн. Долгоруков приезжал утром и был несколько потеплее, чем намедни.

14 апреля. Выезжал утром. Приехал фельдмаршал кн. Барятинский. Ген. Трепов назначается обер-полицеймейстером. Министр народного просвещения вместо Головнина обер-прокурор Синода гр. Толстой *.

15 апреля. Утром доклад у его величества. Государь говорил мне, что решается назначить прибалтийским ген.-губернатором ген.-ад. Альбединского. Множество разного рода депутаций из губерний убивают мое время.

16 апреля. Сегодня их императорские величества праздновали в семейном кругу серебряную свадьбу. Разные щедрости оказаны прежней maison **. Розданы табакерки и земли. Толстой возведен в графы. К сожалению, все это после событий 4-го как будто оттенено тучей.

Выезжал утром. Был у Вяземских, у Щербатова и у Мальцовой. Чувствую, что мне нигде не под стать.

17 апреля. Утром выход. Прием депутации. Зимний дворец полон. On dirait qu'on se bat les flancs pour bien fêter la fête ***. Вечером усиленная иллюминация. Но туча висит по-прежнему над дворцом, съездом и огнями иллюминации. Что-то теснит душу. Везде брожение.

Был у принцессы Баденской [150]. Она говорила долго о положении дел и, подобно мне, чувствует, что сердце как будто прищемлено или отдавлено. Перед обедом был у меня фельдмаршал. Продолжительный разговор без отчетливого результата. Заметно, что он давно здесь не был.

18 апреля. Утром не поехал в Государственный совет. Гр. Шувалов был у меня, чтобы сказать, что государь согласился упразднить здесь должность ген.-губернатора, чтобы тем облегчить подчинение полиции шефу жандармов, и что главные черты этого преобразования будет поручено определить

---

* *Далее в скобках написано:* с сохранением и этой должности (*т. III, л. 21*).

** свите.

*** Можно сказать, что люди изо всех сил хлопочут, чтобы лучше устроить празднество.

кн. Долгорукову, кн. Шувалову и мне. В Прибалтийский край назначен ген.-губернатором гр. Баранов, а в Финляндии — гр. Николай Адлерберг.

Вечером большой бал в Зимнем дворце. Поехал туда, скрепя сердце. Что-то чуялось недоброе. Но дело обошлось не только благополучно, но даже хорошо. Бал был великолепен. На нем присутствовали все депутаты из дворян и купцов. Их императорские величества были к ним внимательны. Они остались очень довольны. Общее впечатление благоприятное. Видел там кн. Долгорукова, назначенного вчера обер-камергером при военном мундире, чего не было со времени императрицы Екатерины. Он, по-видимому, доволен.

19 апреля. Утром не поехал в Комитет министров. Видел Шувалова, который говорил, что вопрос об увольнении кн. Суворова и упразднении ген.-губернаторства окончательно решен в мысли государя и что нам завтра придется по этому поводу собраться для предварительного совещания. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером дома.

20 апреля. Утром в Сенате, потом совещание в III Отделении с кн. Долгоруковым и гр. Шуваловым по вопросу * о здешнем ген.-губернаторстве. Вечером видел московского ген.-губернатора кн. Долгорукова, который завтра туда возвращается. Тяжкие заботы. Не знаю, как угодно будет богу указать им предел.

21 апреля. Утром доклады. Вечером за работой.

22 апреля. Утром доклад у его величества в Царском Селе. Государь сказал мне, что он нас соберет в четверг для совещания об общем положении дел, и поручил сообразить к тому времени вопрос о том, что надлежало бы сделать, ввиду современных обстоятельств. В совещании должны участвовать гр. Муравьев, кн. Гагарин, гр. Панин, кн. Долгоруков, гр. Шувалов, гр. Толстой и я. Обедал в Царском у их императорских величеств. Вечером, как всегда, дома.

23 апреля. Утром был в Мраморном дворце по случаю именин вел. княгини [151]. Потом по желанию гр. Муравьева был в III Отделении для свидания с ним. Разговор более часа на общих фразах об общем благе. Он несколько раз касался вопросов польского и о печати, но я старался от них уклониться, ибо ввиду предстоящего на четверг совещания нужно преимущественно иметь в виду то, на чем можно сойтись, а не то, на чем согласиться невозможно. Вечером дома. Тяжело то, что вся моя официальная жизнь, все мои трудовые дни пронизаны частным горем. Сердце постоянно в тисках.

---

* *Далее написано:* об упразднении здешнего ген.-губернатора (*т. III, л. 21 об.*).

24 апреля. Утром у обедни. Выходил пешком. Работал.

25 апреля. Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером видел Шувалова, который заботится о предстоящем на четверг совещании.

26 апреля. Утром разные приемы. Потом Комитет министров. Выходил пешком. На Невском догнал меня Шувалов и привез обратно в мою квартиру, где нас ожидал военный министр. Тому и другому, только что вернувшимся из Царского Села, приказано было государем составить при моем участии проект указа об упразднении С.-Петербургского ген.-губернаторства. Указ написан. Потом я занялся составлением записки по поводу предстоящего совещания. Кончил работу поздно ночью, потому что обычное течение других дел постоянно меня отрывало.

27 апреля. Отправил записку к государю. Был в Сенате.

28 апреля. Утром совещание у государя. Кн. Гагарин, гр. Муравьев, гр. Панин, кн. Долгоруков, министры: военный, государственных имуществ и народного просвещения, гр. Шувалов и я. Читалась записка гр. Шувалова, весьма хорошо составленная. Ее смысл тот, что нужно поддержать дворянство, собственность, восстановить власть, улучшить полиции и закрыть Главный комитет [152]. Впечатление было удовлетворительное. От лица новоназначенного прошло без толчка и указания на Главный комитет. Ввиду этого я даже и не упомянул о моей записке, мне государем возвращенной сегодня утром. Но вообще я не могу быть довольным общим ходом совещания. Большей частью были толки о делах прессы и о «Московских ведомостях». Гр. Муравьев и Зеленый их горячо отстаивали. Гр. Панин, всегда неожиданно безрассудный, предлагал их снова отдать под цензуру. Кн. Гагарин хотел отмены закона о печати и какого-то манифеста, воспрещающего всем и каждому говорить и писать об общественных делах. Нам поручено всем вновь собраться и затем заключение свое представить государю.

29 апреля. Утром в Царском Селе. Доклад. Видел кн. Долгорукова, который говорил, что Рейтерну нельзя оставаться, и, между прочим, даже осведомился не приму ли я Министерство финансов. Вопрос об упразднении здешнего ген.-губернаторства решен окончательно. Вчера государь поручил кн. Долгорукову сообщить кн. Суворову проект указа по этому предмету. Кн. Суворов назначится ген.-инспектором пехоты и останется председателем попечительского совета [153]. Государь сначала хотел, чтобы мы отправились к кн. Суворову втроем, т. е. кн. Долгоруков, Шувалов и я, но потом решили иначе. Я опасался сцены между кн. Суворовым и Шуваловым.

30 апреля. Целый день дома. Работал. Вечером был у меня кн. Урусов для объяснения по поручению, возложенному на нас вел. князем. Сообщил ему мои записки и проект 1863 г.

1 мая. Утром у обедни. Был у Головнина. Получил письмо от Урусова по поводу вчерашнего разговора. Отвечал. Эта переписка составит в свое время ряд исторических документов. Взгляд Урусова хорош, но робок и склонен к суживанию вопроса. Он отделяет государя от России. Для меня это невозможно.

2 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером в Александровской лавре. Заседание духовного присутствия.

3 мая. Заседание Комитета министров. Потом полузаседание особого Комитета об устройстве быта польских ссыльных. Затем под председательством кн. Гагарина заседание другого комитета de rei publicae* по записке гр. Шувалова. На первый раз, конечно, результат=0. Кн. Гагарин с неистовством восставал против так называемых либеральных тенденций в среде самого правительства и как будто прямо относился в этом ко мне, извиняясь в том, что должен говорить откровенно. Ему хочется, чтобы государь высказался, если не в манифесте, то в рескрипте насчет того, что он самодержавен и не допустит ни дум, ни депутатов ниже какого-либо представительства и т. п. Таким образом, при совещании о нуждах и пользе государству, ввиду революционно-социальной пропаганды, которая дошла до попыток цареубийства, и ввиду раздражения и волнения высшего сословия, тупого колебания среднего и тупой готовности на резню со стороны низшего, председатель Комитета министров прежде всего старается связать не только руки, но и язык министру внутренних дел за то, что он видит, думает и порою говорит то, что видит и то, что думает. Гр. Панин** avec sa parole sonore et creuse*** говорил, как дворецкий большого барина. Кн. Долгоруков ничего не сказал определительного, Зеленый ограничился общими местами в смысле поддержания власти. Шувалов выступил открыто в пользу дворянства и прав собственности, а военный министр отозвался, что большинство «нации» не подготовлено к этому воззрению на дело. Гр. Толстой не приехал. Оставалось высказаться гр. Муравьеву и мне. На этот раз можно было идти почти по одной дороге с ним. Он слишком умен и слишком сам себе на уме, чтобы плестись за Гагариным или за Паниным. Покончили

---

* государственных дел.

** *Далее написано:* кн. Долгоруков и ген. Зеленый ограничились общими отзывами в смысле поддержания власти (*т. III, л. 23 об.*).

*** своими громкими и пустыми словами.

пока тем, что гр. Панин принял на себя составление проекта рескрипта. Предлагали писать его на мое имя, но я не довольно уверен в пригодности его содержания и потому предложил с моей стороны, чтобы он был написан на имя председателя Комитета министров.

Гр. Муравьев говорил сегодня, будто Ишутин, товарищ Каракозова, признался в том, что мысль о покушении на жизнь государя подана из Женевы[113] [154].

4 мая. Дома. Обычные доклады.

5 мая. Вознесение. Не успел даже быть у обедни. Целый день приемы или работа.

6 мая. Утром доклад у его величества в Царском. Обедал у их императорских величеств. Вечером масса бумаг.

7 мая. Утром прием саратовской депутации и разных других inévitables *. Из Царского Села ко мне заезжал Шувалов, который, между прочим, сказывал, что между государем и им была речь о назначении нового министра финансов. Видно, что Рейтерн сам говорил о своем увольнении и предлагал на свое место Н. Милютина. Шувалов выразил разные опасения. Государь не без досады отозвался, что другого нет, и прекратил разговор. Возвратясь в свою квартиру, Шувалов написал несколько строк его величеству, высказывая в них свои мысли насчет впечатления, которое было бы произведено этим назначением. Государь возвратил ее с надписью, изъявляющую благодарность за откровенность и выражающую, что он только назвал Милютина, но на его выборе не остановился[114].

8 мая. Утром у обедни. Потом совещание у кн. Гагарина. Панин представил свой проект. Мы рассуждали три часа и порешили передать проект мне для дополнения, а частью для сокращения и перекройки. Дополнение должно было заключаться ** в призыве содействия здравых *** консервативных сил общества. Общее впечатление, как всегда, безотрадное. Ген. Зеленый — не муж Совета и вообще не министр. Кн. Гагарин и гр. Панин — анахронизмы. Еще хуже то, что настоящей заботливости о благе России не проявляется.

Вечером совещание у министра юстиции по вопросу о судопроизводстве по делам печати.

Распоряжение о 2-м и 3-м предостережении «Московским ведомостям» сделано мною третьего дня [155].

9 мая. Утром заседание особого Комитета по вопросу о конкордате и т. п. Кончил переделку панинского проекта до заседания. Сообщил по принадлежности.

---

* неизбежных

** *Далее написано:* по моему предложению (*т. III, л. 25*).

*** *Далее написано:* охранительных общественных сил (*т. III, л. 25*).

10 мая. Утром был у гр. Муравьева по его желанию. Речь о проекте рескрипта. Потом Комитет министров. Потом заседание* особой Комиссии под председательством кн. Гагарина. Проект рескрипта окончательно одобрен. Сидели 3 часа. Ничего другого не сделали. Вечером дома.

11 мая. Утром Государственный совет. Дело об Обществе взаимного поземельного кредита чуть-чуть не отложено до осени, вследствие замечаний некоторых членов и равнодушия остальных. Министр финансов с свойственным ему безучастием к известным интересам на то согласился. Я должен был вступиться, и дело возвращено только на несколько дней в Департамент экономии [156].

Потом был Комитет финансов по особому вопросу, возбужденному государственным контролером [157]. Гр. Муравьев настоял на том, чтобы, вместо письменного журнала по заранее приготовленному тексту, было заседание; и в нем обратился к общему положению наших финансов и государственного хозяйства вообще. Рейтерн жестко отказался от сообщения какого бы то ни было по этому предмету отзыва, по-видимому, вследствие нежелания поддаться гр. Муравьеву и подчиниться Комитету. Не понимаю этих приемов. Покончили тем, чтобы, кроме принятия общей мысли государственного контролера о пересмотре частных смет разных ведомств вообще, довести до сведения государя, что для уравновешения нашего бюджета нужны другие более радикальные меры.

Вечером получил от министра народного просвещения уведомление, что вследствие ходатайства попечителя Московского университета [158] по случаю другого ходатайства г.г. Каткова и Леонтьева о передаче газеты «Московские ведомости» в другие руки, государь приказал рассмотреть дело в комитете из гр. Строганова, гр. Толстого и меня [159]. Характеристично. И доклад гр. Толстого **, и высочайшее повеление хорошо обозначают ход наших дел.

12 мая. Утром работа дома. Вечером заседание у Зеленого между им, Рейтерном, Н. Милютиным*** и мною по вопросу о поземельном устройстве государственных крестьян и в особенности, по оценочной системе [160]. Милютин был уступчивее, чем я ожидал [115].

13 мая. Спал всего два часа, потому что принужден был ехать в Царское Село с первым поездом. Доклад у его величества. Государь уже успел усвоить себе некоторое предубежде-

---

* *Далее написано:* комитета под председательством кн. Гагарина (*т. III, л. 25*).

** *Далее написано:* без предварения меня (*т. III, л. 25 об.*).

*** *Далее написано:* на основании постановления Главного комитета (*т. III, л. 25 об.*).

ние по делу «Московских ведомостей». Для меня это не ново. Совет министров, в котором прочитан и после кратких суждений и подписан известный рескрипт [161].

Вечером совещание у гр. Строганова с министром народного просвещения по делу «Московских ведомостей». Нетрудно было доказать неверность его взгляда и настоять на том, чтобы разрешение продолжать издание под временною редакцией было дано не иначе, как с соблюдением должных условий. Конец вечера провел у Анненковой.

14 мая. Утром приемы и доклады. Обедал у принца Ольденбургского. Вечером дома.

15 мая. Утром у обедни. Pfingsten, das herrliche Fest *. Давно не встречал этого дня в городе. Где для меня праздники? По вчерашнее число в 14 дней 17 заседаний или совещаний, по 18-е их будет 22.

16 мая. Утром в Царском Селе. Заседание Польского комитета в присутствии государя с приглашением кн. Горчакова по вопросу о назначении или неназначении нового польского министра ст.-секретаря на место уходящего Платонова. Преемником ему назначен Н. Милютин, который желал преобразовать ст.-секретариат в V Отделение собственной его величества канцелярии. Решено назначить его ст.-секретарем по делам Царства. Вернулся к обеду[116].

17 мая. Утром Комитет министров. Потом заседание нашей особой комиссии **. Вопрос о Главном комитете. Кроме гр. Панина и Милютина (военного министра), по разным причинам согласных, все в пользу упразднения Комитета. Окончательного заключения не составилось. Гр. Шувалов говорил мне, что есть указание на какой-то другой заговор против жизни государя. Арестования продолжаются по муравьевской комиссии; по новым указаниям к ним еще не приступлено в ожидании приезда подозрительных лиц из Москвы.

18 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вел. кн. Константин Николаевич объяснялся со мною довольно холодно по поводу заседаний и направления нашего Comité du salut public ***. Он опасается реакции и упомянул о том, что поручил Грейгу объясниться по этому поводу с Шуваловым и со мною. Я отвечал, что не вижу признаков неудобной реакции, и воспользовался случаем, чтобы заявить свое мнение насчет упразднения Главного комитета. Cela a été peu goûté comme de raison ****.

---

* Троица, прекрасный праздник

** *Далее написано:* или комитета под председательством кн. Гагарина (*т. III, л. 26*).

*** Комитета общественного спасения.

**** Это, как и полагалось, пришлось не по вкусу.

19 мая. Утром доклады. В 3 часа и до 6 заседание Комитета du salut public у кн. Гагарина, который вчера ездил в Царское Село, чтобы поставить флюгер и посмотреть, куда дует верховный ветер по вопросу о Главном комитете. Оказалось, что ветер дует со стороны отрицания, и нам объявлено, что до поры до времени этому вопросу следует оставаться вне круга наших суждений. Затем рассуждали о циркулярном сообщении по всем министерствам вследствие рескрипта 13 мая. Постановили, что следует быть циркуляру.

20 мая. Утром отправился в Царское с первым поездом, спав опять не более 2 час. в предшедшую ночь. Государь назначил докладу быть в 10 час., но отложил*, ограничившись кратким объяснением по вопросу о Главном комитете. Его величество изволил сказать, что будет неладно, если слишком передадимся на сторону дворянства, что это возбудит массы, которые и без того уже возбуждены, и т. д. Известная тема. Я отвечал, что желаю упразднения Главного комитета в интересах дела и самого вел. князя и что по сравнению того, что Комитет делает теперь, с тем, что он делал прежде, государь сам** . . . . ⟨может убедиться в малой нужде его дальнейшего существования. Я указал на то, что по окончании дел о поземельном устройстве государственных крестьян и бессарабских царан Комитету, собственно, не будет предстоять никаких постоянных занятий. Государь взялся за мысль о временном, по крайней мере, сохранении Комитета и даже упомянул о каком-то кавказском положении для Мингрелии или Кахетии. Как будто Комитет когда-либо, что либо делал по кавказским вопросам. Явно, что государь ищет мотивов в его пользу, и не менее явно, что закулисная деятельность вел. князя и г. г. Жуковского и К° имеет успех. Кн. Гагарин между тем кривит душою по обычаю. Он говорил Жуковскому о наших толках насчет Комитета и передал ему, что в пользу Комитета было 2 голоса, а против него 6, и что он, кн. Гагарин, сильно старается его отстоять. Жуковский сказал о том Корнилову, который, по желанию кн. Гагарина и с высочайшего разрешения, присутствует при наших совещаниях.

По возвращении в город был на обеде в честь столетнего юбилея торгового дома Кусова. Кусов возведен по этому случаю в баронское достоинство. Другой барон, Штиглиц, заставил нас сегодня просидеть 3/4 часа, пока удосужился прибыть

---

* *Далее написано:* до поездки в Петербург по железной дороге (*т. III, л. 26 об.*).

** *Далее вырвано два листа. Вместо них на вклеенном листе автором написано:* «Два листа мною уничтожены по случаю некоторых неудобных для воспоминаний частностей. Тагерпзес. 8/XI — 1868». *Последующий текст за 21 мая восстанавливается по «Отрывкам»* (*т. II, лл. 26—27*).

на обед. Были министр финансов, государственный контролер, А. М. Княжевич и около 130 гостей.

21 мая. Утром в Павловском (сегодня Константин и Елена), где исполнил обязанность поклона высочествам. Оттуда на Каменный остров, где исполнил ту же обязанность пред ея высочеством. На пути в Павловск и затем на Каменном виделся с Шуваловым. Он передал мне, во-первых, что Грейг будет назначен товарищем министра финансов, «et cela pour deux mois» *,— прибавил Шувалов, следовательно, будет преемником Рейтерна, и, во-вторых, что он, Шувалов, при докладе имел жаркое объяснение с государем насчет Главного комитета...〉 и что государь допускал мысль об обсуждении этого вопроса в его присутствии, предоставив, впрочем, себе назначить к тому время. Так как их императорские величества 25-го числа выезжают в Москву, а оттуда в Ильинское, то, вероятно, это сбудется не ранее конца июня или начала июля. Шувалов идет живо и верно по избранному пути. Желаю ему успеха и охотно содействую. Ему многое легче, чем мне.

Обедал у Скарятина. Вечером переехал на дачу, куда наши переселились уже утром. Быстро идет время. Давно ли, кажется, я еще был там. Настало новое лето. Деревья приодеваются новою зеленью. Та же Нева, та же церковь с сияющими на солнце золотыми главами. Я за тем же столом, с теми же думами и заботами. Да благословит бог наше здесь пребывание. Да ниспошлет он в мою душу отрадный луч солнца!

22 мая. Утром у обедни. День на даче. Разбирал бумаги. Покоя нет. Будет ли? Не надеюсь.

23 мая. Утром в городе. Государственный совет. Потом заседание комиссии du salut public. Вопрос о прессе. Так и хочется некоторым членам найти меня виноватым. Кроме того, почти никто из них не замечает, в чем дело. Нельзя кроить печать как вицмундир. Насилие, приказания и т. п. не производят хорошей прессы и не могут прекратить дурной. Наши заседания безотрадны. Смешна и печальна наивность, с которою мы воображаем, что, потолковав 3 или 4 часа и никогда ни в чем не столковавшись, мы сделали путное дело. Все наши силы потребляются бесплодно на это тарабарство. Поговорят, составят журнал, поднесут под высочайшее «исполнить» — и только. Что же «исполняется?» Какие-нибудь отрывчатые полумеры, сегодня в одном направлении, завтра в другом. Разношерстная упряжка плохо везет государственную колесницу матушки России.

Обедал у прусского посланника. Судя по речам Талейрана и Буканана, не миновать войны, и Наполеон непременно будет на стороне Италии [162].

---

* «и это на два месяца».

24 мая. Утром на даче. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Фрейлина Стааль меня приглашает с ней сблизиться. Avant tout m-me la gr. duchesse est femme. Faites lui la cour. Prenez la par le côté féminin*. Оттуда поехал к английскому послу, где я должен был обедать и где обедала моя жена. Видел там англиканского bishop of Maray**. Вернулся домой в 10-м часу. Между тем накопились бумаги.

25 мая. В городе утром. Сенат. Потом заезжал к гр. Борх и к Анненковым. К обеду вернулся на дачу.

Погода прекрасная. Ясные теплые дни. Я как будто не вижу солнца и не ощущаю тепла. Зачем же остаюсь я? Зачем продолжаю быть звеном правительства, когда почти ничем не доволен, почти ничему не сочувствую и почти ни на что не надеюсь. Я связан, опутан. Я не могу сдвинуться с той точки постоянных колебаний, на которую судьба меня поставила.

Сегодня утром их императорские величества выехали в Москву. Сегодня вечером в Москве разные овации, крики «ура», напор толпы, движение масс, тревожная суетливость разных начальств. Сколько мечтаний в человеческой природе!

26 мая. На даче. Разные посетители и разная работа.

Пересол разных верноподданнических заявлений становится утомительным. Местные власти их нерассудительно возбуждают канцелярскими приемами. Так, могилевский губернатор разослал эстафеты, чтобы заказать адресы от крестьян. Тот же губернатор задерживал и затруднял адресы от дворянства. Фразы о «чудесном» спасении жизни его величества доходят до смешного. Как будто не замечают, что спасение жизни Бисмарка [163] еще гораздо «чудеснее». Стихотворное верноподданничество производит стихи, вроде следующих:

Рука всевышнего спасла отца России
И мужа сберегла жене его, Марии ...

27 мая. На даче. Развязка европейского кризиса приближается. Вероятно, через неделю раздастся первый выстрел. Чем это все отзовется для нас, предугадать нельзя. Полагаю, что для нас критическая минута настанет тогда, когда заговорят о мире. Между тем наше положение и в отношении к иностранной политике характеристично. Наш представитель кн. Горчаков обладает неоспоримыми дарованиями. Но трудно вообразить себе человека, который менее его бы знал Россию и менее имел верное понятие о том и тех, кого он представляет.

---

* Вел. княгиня, прежде всего, женщина. Ухаживайте за ней. Играйте на ее женской струне.

** епископа Марейского.

Вечером у меня было второе совещание по вопросу о поземельном устройстве государственных крестьян с Зеленым, Рейтерном и Н. Милютиным. Зеленый, между прочим, рассказывал, что кн. Гагарин уговаривал Н. Милютина выйти из Главного комитета и что Шувалов, по соглашению с вел. кн. Константином Николаевичем, хочет посадить туда членом гр. Орлова-Давыдова. Странно, что Шувалов мне об этом не сказал, если оно действительно так, но я сомневаюсь. Зеленый говорил также, что государь ему положительно сказал, что он никогда не согласится на упразднение Главного комитета.

Назначение Грейга становится известным [164]. Сегодня Небольсин говорил о том моему товарищу [165]. Рейтерн не сказал ни слова.

28 мая. На даче. После обеда заезжал к Рейтерну. Упрекал его в том, что он не предварил меня о назначении Грейга. Он отвечал: «Je ne pensais pas que cela pût vous intéresser»*, и опять не сказал ни слова о предстоящих последствиях этого назначения.

29 мая. Утром у обедни. Целый день на даче. Писал циркуляр, который мы обязаны издать по положению Comité du salut public** на основании рескрипта 13 мая [166].

30 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Между двумя заседаниями было совещание по вопросу, как производить суд над Каракозовым. В нем участвовали кн. Гагарин, гр. Муравьев, Панин, барон Корф, министр юстиции и возвратившийся из Москвы Шувалов. Ничего положительного не постановили. Кроме того, кн. Гагарин имел совещание с вел. князем. Предметом оного было, по-видимому, странное желание вел. кн. председательствовать в суде над преступником, посягнувшим на жизнь его брата. Указ о назначении Грейга получен.

31 мая. В городе утром. Комитет министров. Потом Comité du salut public**. Читаны проекты разных министерских циркуляров***. Мы немного походили на гимназистов, которым была задана тема сочинений. Заседания наши бесконечны, а дела делается сравнительно немного. Вечером был Грейг. Il porte très convenablement son nouveau titre****.

1 июня. Утром в Сенате. Потом доклады. К обеду вернулся на дачу.

2 июня. На даче.

---

* «Я не думал, что это может вас интересовать».

** Комитета общественного спасения.

*** *Далее в скобках написано:* в последствии рескрипта 13 мая (*т. III, л. 29*).

**** Он очень прилично носит свое новое звание.

3 июня. Утром в городе. Заседание Кавказского комитета и Комитета du salut public. Заседание последнего довольно бурное. Вопрос о последствиях судебной реформы для администрации [167]. Кн. Гагарин, которого Зеленый обыкновенно называет «анафемой», считает себя идентификованным судебными уставами, которые проводит чрез Государственный совет на почтовых, не допуская возражений под фирмою предварительно утвержденных высочайшею властью основных начал. Вообще люди покроя его и гр. Панина воображают, что в подобных комиссиях или совещаниях они призваны наставлять министров, между тем как они должны обсуждать вопросы, возбуждаемые министрами. Есть в этом взгляде трудновыносимая доля бессознательной и глупо-наивной грубости. Они воображают, что, раз в неделю собираясь на три часа, они тотчас прозревают то, чего не досмотрели министры, каждый по своей части в течение непрерывного ряда дней, месяцев и годов и экспромптом находят разрешение задач, во все это время неразрешенных, а самое разрешение, по их мнению, заключается не в каких-либо * мерах, а в подтверждениях, разъяснениях и внушениях.

4 июня. На даче утром. Перед обедом ездил в город на краткое и ненужное заседание Остзейского комитета. Гр. Баранов не горазд до сих пор. Вечером был у меня гр. Толстой. Он собирается в путь для осмотра Казанского учебного округа. Он полон намерений и ожиданий. Все эти господа имеют какую-то веру в долгую будущность, которая мне давно сделалась чуждою.

5 июня. Утром у обедни. Работал и писал письма. Перед обедом ездил на Крестовский к кн. Кочубей, которая вернулась из-за границы и по обыкновению сильно озабочена европейскими делами. Впрочем, теперь они могут и всякого озаботить. Сегодня получено известие, что прусские войска вступили в Саксонию. Вечером совещание у меня с гр. Шуваловым и ген. Зеленым при кн. Багратионе, Мансурове и Китицыне «о способах к восстановлению административной власти». Шувалов — запевала, Зеленый басом, я как будто, имел партию второго голоса. Странное дело мы делаем или странно мы делаем дело. Незрелость и неопытность Шувалова явны, но умение и решимость есть. И он верит в продолжительную будущность. Желал бы верить — не могу.

Получил из Саратова и сообщил Муравьеву и Шувалову здесь и кн. Долгорукову в Ильинское сведения о показаниях, сделанных одним из лиц, арестованных в Петровском уезде. По этим показаниям, заговор существовал давно и несколько

---

* *Далее написано:* положительных (*т. III, л. 31 об.*).

лиц бросили жребий, кому стрелять в государя, кому в императрицу, кому в наследника. Выстрел в государя достался Каракозову [168].

6 июня. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. К обеду вернулся на дачу.

7 июня. На даче. Приемы. Доклады. Письма.

8 июня. На даче. Доклады.

9 июня. На даче. Утром совещание у ген. Зеленого с Шуваловым для окончательной редакции предположений об усилении губернаторской власти и значения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с Грейгом. Шувалов сообщил мне по приказанию государя письмо Каткова к его величеству [168а]. Письмо написано умно, ловко, но несколько подло. Катков выезжает на том, что родился в один год с государем, начал издавать «Русский вестник» в год его воцарения и т. д. Вся эта параллель, в которой немало самолюбия, изложена в самой всеподданнейшей форме и рассчитана на впечатлительность государя. Далее Катков довольно наивно говорит, что ему нужно было поработать еще год или два, чтобы окончательно устроить общественное мнение. Государь написал на письме, что поручит ген.-губернатору кн. Долгорукову объяснить Каткову, что продолжать свою деятельность он может только под тем условием, чтобы подчиниться закону.

В Европе война, хотя сражений еще не было [169]. Пруссия распорядилась энергически и в три дня заняла Ганновер, Кассель и Дрезден и, таким образом, три династии вытеснила, хотя, быть может, и временно из их резиденций.

10 июня. На даче.

11 июня. Утром в городе. Заседание соединенных департаментов Государственного совета по вопросу о тюрьмах при мировых судах [170]. Потом на даче.

12 июня. Утром у обедни. Дочитывал давно не прочитанные №№ «Times».

13 июня. Утром в городе. Государственный совет. Потом Главный комитет. К обеду вернулся на дачу.

Ген. Муравьев, узнав, что в Каракозове проявляются признаки набожности, вздумал отслужить вчера обедню в комендантской церкви, за которою присутствовали он, гр. Муравьев и Каракозов. Потом он допрашивал Каракозова в надежде на большую откровенность, но Каракозов, по словам ген.-м. Огарева, от которого я имею эти сведения, наговорил ему одни небылицы.

14 июня. Утром в городе. Комитет министров. Потом заседание Комиссии du salut public.

Кн. Гагарин за нашею спиною сообщил составленные нами предположения секретно министрам финансов и юстиции,

прося помощи их возражений для противодействия нашему посягательству на самостоятельность других ведомств. Это посягательство заключалось в предположенном усилении губернаторской власти и значении. Потом нам были предъявлены ответные записки Рейтерна и Замятнина. Это новый способ возбуждения единодушия между министрами. Заседание было довольно бурно и привело к разногласию, которое будет представлено на высочайшее разрешение [171]. К обеду вернулся на дачу. Гр. Панин старался сводить к уравнительному нулю различествовавшие мнения, но без успеха. Под конец он заявил себя вместе с кн. Гагариным и военным министром в пользу законодательного рассмотрения возбужденных нами вопросов. Гр. Муравьев, Зеленый, Шувалов и я считали возможным их разрешение в порядке административном *.

15 июня. На даче. Работа и разные посетители. Шувалов едет завтра в Москву. Он был вчера у вел. кн. Константина Николаевича в Павловске. Там ему сообщена длинная записка, представленная вел. князем государю в защиту Главного комитета. Записка, по словам Шувалова, весьма ловко составлена, обращается ко всем cordes sensibles ** государя, вызывает на сцену память Ростовцева, заключает в себе полный панегирик Главного комитета и приводит всевозможные аргументы в пользу его дальнейшего существования. Всего этого нельзя было не ожидать.

16 июня. На даче. Заботы. Работа. Нездоровье. С некоторого времени повторяются известия из Северо-западного края, рисующие тамошние дела в отвратительном цвете. Может ли все, что там допускается, пройти даром тем, кто это допускает? Конечно, нет. Возмездие придет pede claudo *** быть может, но придет несомненно. Когда я сравниваю условный словарь известных выражений с тем, что творят те, до кого эти выражения относятся, невольно вскипает кровь.

17 июня. Утром в городе. Заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу об устройстве отставных нижних чинов [172]. Потом на даче. Вел. кн. Елена Павловна сообщила мне телеграмм о блестящих успехах прусских войск. Между тем у нас в правительственных сферах довольно явно обнаруживаются симпатии к австрийцам.

18 июня. На даче. Был утром у фрейлины Раден, потом у вел. кн. Елены Павловны. Вчера объявлена помолвка цесаревича с принцессою Дагмарою. Кн. Долгоруков пишет из Москвы,

---

* *Далее написано:* т. е. Комитет министров вместо Государственного совета (*т. III, л. 32 об.*).

** чувствительным струнам.

*** с запозданием [буквально: прихрамывая].

т. е. из Ильинского, qu'on est dans la joie *. Между тем вел. княгиня мне передала разные подробности о неохоте, с которою цесаревич ехал в Копенгаген, о его любви к кн. Мещерской, о том, что он будто бы просил государя позволить ему отказаться от престола, и пр. и пр.

19 июня. Утром у обедни. Был на Елагином у Муравьева, но его не застал. Острова людны и пусты. Прежний мир исчез. Новый — ужины, концерты и пр.— мне незнаком. Деревья, солнце, река те же, но одушевляющая их душа изменилась. Работал. Без охоты и без надежд.

20 июня. Утром в городе. Заседание соединенных департаментов Совета. Дело о военных нижних чинах и бесконечное разглагольствование Бахтина. Из Москвы получил чрез Шувалова требование о телеграфическом с моей стороны отзыве насчет возобновления «Московских ведомостей» под редакцией Каткова. Пребывание в Ильинском должно было этим кончиться, и я нисколько не заботился в предвидении ныне случившегося разрешением вопроса о том, кому передадутся «Московские ведомости» после междуцарствия профессора Любимова. Шувалов пишет, qu'on a beaucoup travaillé, l'empereur et surtout l'impératrice, et que Tolstoi a très chaleureusement poussé l'affaire **. Придумали заключить новый контракт между Университетом и Катковым. Это маскирует слабость правительства и в сущности мое отступление. Я отвечал, что не встречаю препятствия, если контракт будет напечатан в первом №, но что я нахожу излишним в этом случае всякое высочайшее повеление. Вероятно, что, тем не менее, оно будет дано.

21 июня. Утром в городе. Заседание Комитета министров, Комитета польского, Комитета, кавказского и комиссии du salut public. Кроме того, было еще особое совещание, в котором я не участвовал, по вопросу о том, как и кому судить Каракозова. Весь этот калейдоскоп комитетов и комиссий до того жалок и до того отвратителен, что я почти сам себя презираю по поводу моего в них участия. Но могу ли иначе? Напрасно жду того знака судьбы, который меня должен направить. Другим не видно частностей моего положения. Еще сегодня вечером я мысленно себе ставил вопрос: пора ли? Передо мною был живой ответ: рано.

22 июня. Кажется, знак подан. В деле Каткова состоялось решение, не выждав моего отзыва. Государь лично принял Каткова. Он ему лично объявил разрешение издавать «Московские ведомости» и хотя это и прикрыто формально моим публичным разрешением, но на деле выходит, что вопрос решен по предмету

---

* что все рады.

** что государь и особенно государыня много поработали и что Толстой с большим жаром продвинул это дело.

моего ведомства без меня и что решение состоялось не только по влиянию ее величества императрицы, но и при содействии министра народного просвещения, до которого дело прямо не относилось.

Обедал у кн. Кочубей. Видел там Талейрана, Буканана и Редерна, который так мало обрадован торжеством пруссаков, что походит на австрийского, а не на прусского посланника.

Перед обедом был у Шувалова. Впечатление нерозовое. Свершаются судьбы России [117].

23 июня. На даче. Работал по обыкновению. Мысль о том, что мне предстоит сделать, установилась.

Видел ген. Кауфмана. Все тот же. Старался говорить с ним как можно менее о Западном крае * и как можно более о германской войне.

24 июня. Утром отправился в Царское Село с решимостью просить увольнения от должности, но снова наткнулся на камень преткновения. Когда, после доклада других дел, я приступил к задуманному объяснению по делу Каткова, государь не дал мне даже высказать моей мысли или просьбы, но прервал меня словами: «Во-первых, на милость нет образца; *я его простил.* Во-вторых, мне принадлежит право миловать. Я сказал Каткову то и то. *Я твою власть вполне поддержал и пр.*» Что же оставалось делать? Я не мог оспаривать droit de grâce **. Начинать спор об уместности его применения в данном случае не подобало. Дело осталось несделанным. Я вышел из кабинета, как выходил так часто, недовольный всем, в том числе и собою, и с тем фаталистическим настроением мысли, которое увольняет от всякой логики. Обедал у его величества, между прочим, с Тимашевым, который из По съездил в Оренбург и теперь возвращается в По. На пути в Царское я говорил с ним о Пиренеях и мыслью туда уже переносился. На обратном пути я бы мог сказать, как Людовик XIV: «Il n'y a plus de Pyrénées» ***. Вечером вернулся на дачу.

25 июня. На даче. Доклады. Заботы. Томящее, глухое и немое горе.

26 июня. Утром у обедни. День на даче. В виде исключения мало докучливых посетителей и бумаг.

27 июня. Утром молебен у нас по случаю холеры. Потом в городе. Заседание соединенных департаментов по вопросу об отставных военных чинах. Шувалов передал мне, что в нашей иностранной политике совершился второй внезапный переворот. Мы сперва сочувствовали Австрии. Потом, при успехах прус-

---

* *Вместо:* о Западном крае *написано:* о Северо-Западном крае (*т. III, л. 35*).

** право на помилование.

*** «Пиренеев больше нет!»

ского оружия, отшатнулись от Австрии и льнули к Франции. Третьего дня мы были приглашены императором французов к общему посредничеству для положения предела угрожающему напору Пруссии и были спрошены: готовы ли мы поддержать наше посредничество силою оружия? Французский посол сильно настаивал на изъявлении этой готовности. Здесь мы заколебались и секретно предупредили Пруссию. Быть может, что это сообщение склонило Пруссию к принятию с своей стороны предложенного ей императором Наполеоном посредничества. Как бы то ни было, политический горизонт хмурится. Восточные и польские вопросы могут со дня на день быть снова подняты. Между тем мы ни к чему не готовы и со времени польского мятежа ничего не исправили. Замечательно, что военный министр при таких обстоятельствах ничего не знает о наших видах и действиях и ничего не знал и о том, что мне сообщено Шуваловым. Вечером у Зеленого. Совещание с министром финансов и Н. Милютиным по вопросу о поземельном устройстве государственных крестьян. Потом видел Грейга. Он вступил в управление Министерством по части текущих дел. Рейтерн говорит, что предпринимает, между тем, работу, которая требует досуга, а именно, общее обозрение нашего финансового положения. Таким образом, он начинает сходить со сцены.

28 июня. Утром в городе. Комитет министров. Потом Comité du salut public, в котором гр. Муравьев и Шувалов два битых часа портили кровь кн. Гагарину. Вопрос шел о соглашении с новым судебным устройством действий следственной комиссии или следственных комиссий вообще по политическим делам. Очевидно, что при нынешнем строе управления их согласить нельзя. Наоборот, если бы в правительстве было единство и если бы министром юстиции была не отрицательная, а положительная их величина, то согласить то и другое было бы возможно. С другой стороны, гр. Муравьев, так громко начавший речь о результатах веденного им следствия, теперь по обыкновению понизил голос и вообще обратился к попятной системе. Сначала он хотел весьма многое напечатать в газетах; потом он пожелал напечатать поменьше; теперь почти ничего печатать не хочет.

29 июня. Утром у обедни. Целый день на даче.

30 июня. На даче. Зеленый, бывший вчера с докладом в Царском Селе, говорил мне сегодня, что государь был с ним нелюбезен и как бы с упреком напомнил ему, что, говоря о единстве и единодушии, он сам его не обнаруживает. Зеленый не знает, чему приписать это, и заметил, что лицо государя как будто вдруг переменилось, когда он, Зеленый, заговорил о кн. Гагарине.

Холера, по-видимому, развивается. Число больных возрастает.

1 июля. Утром в Петергофе. Перед докладом получено известие о приближении яхты «Штандарт» с возвращающимися из Копенгагена вел. князьями. Государь отправился в море навстречу им и взял с собою нас. Присутствовал при встрече и свидании. Все в хорошем духе и довольны. Свита вел. князей весьма довольна пребыванием в Дании. Много расспросов и рассказов. Казалось, ни в Европе, ни в России нет туч пред зарею будущей свадьбы. Глядя со стороны, впечатление другое. Возвращаясь в Петергоф, встретили вел. кн. Константина Николаевича, который также вышел со своим пароходом навстречу цесаревичу. Нежные лобзания и беззаботно сытный завтрак. По прибытии в Петергоф — доклад. К обеду отправился в Ораниенбаум. Оттуда возвратился на дачу в первом часу ночи и, конечно, заплатил за поездку тем, что должен был за бумагами просидеть до 4-го часа утра. У вел. кн. Елены Павловны видел после обеда английского посла и леди Буканан. Продолжительный разговор с вел. княгиней после обеда вращался по обыкновению около наших дел. Ей явно хочется, чтобы я сошелся с Николаем Милютиным. Подобные беседы до крайности утомительны. Так как я постоянно думаю свою тяжкую думу рядом со всем, что делаю или говорю с другими или для других, то всякие разговоры есть усилие. Я всегда только половина самого себя и потому опасаюсь, qu'il ne m'arrive de faire du rabâchage*[118].

2 июля. На даче. Работал. Также непрерывное принуждение и усилие. Мне не до работы. Господи! Когда дано мне будет вздохнуть свободно! Годы идут, сердце в тисках, голова под непрерывным гнетом. Если бы я мог выпрямиться, широко вздохнуть, поднять голову, оглянуться свободно и досужно, кажется, что весь мир показался бы мне иным и силы нашлись бы во мне иные.

3 июля. Утром у обедни. Был потом у гр. Муравьева. La Pénélope administrative est en pleine activité **. Он затеивает, отстает, делает, переделывает и т. д.

4 июля. Утром в городе. Заседания Комитета польского, Кавказского и Главного. Потом совещание с Шуваловым и Зеленым по поводу предстоящего на завтра в Комитете министров рассмотрения тех предположений, которые нами были внесены в Комитет du salut public [173]. Какая вереница коллегий и как мало от всех их прока!

Зеленый занят проектом своего банка для воспособления русским покупателям имений в Западном крае [174]. Дело хромает; те, которые его затеяли, его не разумеют. Между тем го-

---

* чтобы мне не пришлось переливать из пустого в порожнее
** Административная Пенелопа на полном ходу.

сударь назначил по этому поводу особое совещание в своем присутствии на будущий четверг.

Что делаю я среди всего этого? Разве я министр внутренних дел? Разве я вообще министр? Но разве мне дозволяют быть тем и другим? Разве не потому именно мне связываются руки, что во мне заметно стремление быть и тем и другим на иной лад, чем другие? Разве я могу уйти? Пренебрежение к тому, что меня окружает, до того велико, что порою даже приходит на мысль, что не стоит для этого и из-за этого уходить[119].

5 июля. Утром в городе. Заседание Комитета министров и Комитета du salut public. Первое бурное и пока безрезультатное. Военный министр и министр финансов неприличным образом нападали на губернаторов, как будто повсеместное ослабление правительственного авторитета было их виною. Я отвечал, что у нас повторяется сказанное когда-то во Франции, qu'on laisse en repos ceux qui mettent du feu et qu'on tombe sur ceux qui sonnent le tocsin * и что я в «Колоколе» Герцена не встречал таких обвинений против губернаторов. Милютин принял близко к сердцу этот ответ, и после заседания мы письменно, впрочем весьма дружелюбно, объяснились. Разлад высшего правительственного синклита снова обнаружился в полном блеске. Внесенное нами предположение, т. е. предположение, внесенное, так сказать, по приказанию и притом не заключавшее в себе ничего чрезмерного, принято просто, как нападение на разные отдельные ведомства и как желание себе присвоить неуместное на их дела влияние.

6 июля. Тяжелые горькие частные заботы. Целый день на даче. Доклады, разные посетители, между прочим, гр. Баранов (весьма плохо прививающийся к своему месту) и Зеленый, возвратившийся из Петергофа, куда ездил с докладом. Он говорит, что государь уже извещен о вчерашнем совещании в Комитете министров и о его неудовлетворительном результате. Мучительна эта официальная жизнь рядом с тою грустною думой, которая меня постоянно терзает.

7 июля. Утром в Петергофе, куда ездил и откуда вернулся на пароходе «Нева» с министром государственных имуществ, кн. Гагариным, министром финансов, Грейгом и ген. Кауфманом. Совещание у его величества по вопросу о невозможном содействии невозможной покупки имений в Западном крае «русскими деятелями». Оговорясь, что я считаю дело решенным и отношусь только к исполнению и что ни слова не говорю об успехе этой меры, я указал на допустимость предположений ген.

---

* что оставляют в покое поджигателей и нападают на тех, кто бьет в набат.

Зеленого * с общей точки зрения их возможного влияния на государственные фонды и их кредитной состоятельности. В совещании участвовал Н. Милютин. Кончилось, чем только и могло кончиться,— передачею дела в Комитет министров.

Вернулся к обеду. Остальную часть дня на даче. В прискорбном частном эпизоде жизни поворот. Дай бог добрых последствий [120].

8 июля. Утром в Петергофе. Доклад. Потом был у императрицы. Государь пригласил меня обедать. Потом последовал отказ, и императрица объяснила, что у них обедает кн. Суворов, на меня сердитый, и она опасается встречи с ее fougeux ami **. Был в Ораниенбауме вследствие переданного кн. Долгоруковым желания вел. кн. Екатерины Михайловны меня видеть; но, не застав ни ее, ни герцога, обедал снова у вел. кн. Елены Павловны. Вечером вернулся на дачу.

9 июля. Утром доклады. Потом был в городе. Заседание комиссии du salut public. Три часа битых для различного пустословия. Несносно. Вечером на даче. Шувалов сказал мне, что государь получил письмо от императора Наполеона [175], в котором предлагается согласиться по поводу германских дел и при этом случае положить конец охлажденному состоянию наших отношений к Франции. Условия те, чтобы не умалять территории Австрии, за исключением Венецианской области, Пруссии предоставить главенство в Северо-германском союзе, а на юге Германии создать другую конфедерацию, но без Австрии. Шувалов говорит, что государь вообще согласен на эти условия, кроме исключения Австрии из южного союза германских государств. Он послал за Горчаковым. Не знаю, как выполнит в этом случае свою роль г. вице-канцлер.

10 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

11 июля. На даче. Доклады. Нечто вроде конференции с Шуваловым и Левашовым, qui fait des embarras ***, по случаю назначения его сюда губернатором.

12 июля. Утром в городе. Пятичасовое заседание Комитета министров. Наши предположения насчет предоставления некоторых прав губернаторам прошли во всем существенном без разногласия, но не без прений [176]. Кн. Гагарин заручился присутствием Н. Милютина, но не рискнул разногласия, потому что не был уверен в мнении государя.

13 июля. Утром в Сенате. Принимал доклады в городе. Потом на даче.

14 июля. На даче.

---

* *Далее в скобках написано:* оспариваемую министром финансов (*т. III, л. 37 об.*).

** запальчивым другом.

*** который создает затруднения.

15 июля. Утром доклад его величеству в Петергофе. Видел кн. Горчакова и кн. Долгорукова. Первый из них надеется на конгресс. Я в нем сомневаюсь. Обедал у их императорских величеств с вел. кн. Еленой Павловной, вел. князьями, кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, кн. Григорием Гагариным и четою Moira. Возвратился на дачу вечером.

16 июля. На даче. Не состоялся Остзейский комитет по вопросу о водворении на казенных землях православных батраков. Слышал от гр. Баранова, что государь, как я догадывался, внушал Каткову не разглагольствовать о Прибалтийском крае. Сегодня ген. Рихтер едет в Копенгаген для приглашения принцессы Дагмары приехать сюда в сентябре месяце. Сначала думали отложить бракосочетание цесаревича до весны. Потом передумали. Вчера я убеждал гр. Перовского отклонить фельдъегерскую поездку цесаревича по России, и, вместо слабой и поспешной копии с поездки его покойного брата, посоветовать предпринять эту поездку после брака вместе с будущею цесаревною.

17 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

18 июля. Утром заседание Комитета по остзейскому вопросу о водворении православных батраков [177]. Вся постановка и все способы разрешения вопроса безрассудны. Несмотря на это, в видах приручения ген. Зеленого приискал для него нечто вроде соглашения. Рассчитываю на невозможность исполнения и на выигрыш времени. Потом заседание Главного комитета. Там по вопросу об изменении порядка вычета банковых ссуд при выкупе ген. Зеленый решился подать голос со мной [178]. Вот на что пригодились остзейские батраки. И мы — министры одного государя, и притом самодержавного!

19 июля. Утром Комитет министров. Читались «резолюции» по прошедшему заседанию.

20 июля. Утром на даче. Доклады. Обедал у кн. Кочубей. Видел там гр. Редерна. Слышал от него, что император Наполеон сказал посланному в Париже принцу Рейсс: «Je ne veux point m'allier à un cadavre» *. Трупом называл он Австрию. Гр. Муравьев заезжал ко мне и рассказывал по-своему подробности докладной аудиенции у государя в прошлую субботу. Он представил в четверг дело о Каракозове на 3 тыс. листах учрежденному для рассмотрения его Верховному уголовному суду. Начали с того, что до субботы никто не принимал дела. Председатель (кн. Гагарин) отсылал его к министру юстиции, а министр юстиции — к председателю. Полагаю, что и в дальнейшем ход дела не обойдется без затруднений. Следствия, производимые

* «Я не хочу заключать союз с трупом».

гр. Муравьевым, непригодны для суда по правилам нового судопроизводства [179].

21 июля. На даче.

22 июля. Утром в Петергофе. Выход, парад, без-мен [180] и пр. Потом доклад у его величества. Ездил в Петергоф и обратно на пароходе «Нева». Собирался в Ораниенбаум, но глазная боль заставила отказаться от этой поездки.

Не видал кн. Горчакова. Он болен или при дворе сказывается больным. Настояния императрицы вследствие настояния Дармштадта и Штутгарта клонят нашу политику к вмешательству в германские переговоры. Между тем Франция и Англия от них устранились, а Пруссия вмешательства отклоняет. Кн. Горчаков поставлен в неловкое положение. Думаю, впрочем, что дело не в одних настояниях императрицы, но и в собственной его ошибке. Кн. Горчаков желал конгресса и на него с уверенностью рассчитывал. Между тем дело обходится без конгресса и, по-видимому, Пруссия никогда на него не заявляла согласия.

Шувалов сообщил мне корреспонденцию, посланную в «Indépendance belge» о том заседании Комитета министров, где произошла стычка между военным министром и мною. Все умышленно искажено и направлено исключительно против меня с умолчанием о Шувалове и прочих соучастниках наших предположений. Этот корреспондент всегда пишет в этом роде и систематически на меня лжет. Au fond, c'est un compliment *. Я — главная загвоздка. Но едва ли не придется скоро уступить наше поле внутренних сражений. Я только выигрываю время, но ни на одно мгновение не верю в окончательный успех без того intermezzo, которое будет состоять в моем уходе.

23 июля. На даче.

24 июля. Утром у обедни. День на даче.

25 июля. На даче. По неожиданному стечению обстоятельств ко мне почти никто не приезжал между 12 и 5. Я до того отвык от возможности свободно располагать своим временем, что почти затруднился досугом.

Всякое правительство и всякое управление должны быть основаны на каком-нибудь принципе. Они должны руководиться какою-нибудь главной идеей. У нас теперь принцип и идея тождественны. Они состоят в ограждении власти. Положение оборонительное. Власть рассматривается не как средство, но как цель или право, или имущество. Все наши колебания происходят, собственно, оттого, что время требует новых форм, а мы желаем удержать прежние. Мы требуем повиновения, но во имя чего требуем мы его? Только во имя обязанности повино-

---

* По сути дела, это комплимент.

ваться и права повелевать. Между тем следует доказывать, что то и другое полезно, что приказания, с одной стороны, и покорность — с другой, обеспечивают благоденствие отечества. Это доказывать тем труднее, что без новых форм это благоденствие обеспечено быть не может. Таким образом, мы вращаемся в неправильном круге и из него исхода найти не хотим.

26 июля. Утром в городе. Комитет министров. $5^1/_2$ часов, благодаря толкам о проекте банка ген. Зеленого и о деле гр. Тышкевича [181]. Невыносимо. Вечером дома.

27 июля. На даче. Утром не поехал в собор на молебствие по случаю царского дня; вечером, конечно, не ездил на елагинский фейерверк и пр. Есть нечто фальшивое во всем, что у нас делается в делах и в празднествах, во всей сути и во всей обстановке. При закате жизни, какая печальная заря! А кн. Вяземский, еще более меня вечереющий, еще пишет многие стихи во многих строфах о Кремле и о селе Ильинском!

28 июля. На даче. Доклады.

29 июля. Утром в Петергофе. Доклад у его величества. Вчера приехал ген. Мантейфель [182]. Видел его у кн. Долгорукова. Он уже приглашен на маневры, которые будут 2, 3 и 4 августа. Я сказал ему, что из действительности он перейдет в фикцию. Да, отвечал он, а затем, может быть, из фикции в действительность. Горизонт хмурится и для Пруссии. Император Наполеон заговорил о ректификации своих границ. Мантейфель здесь, собственно, по желанию кн. Горчакова, который после неудавшегося конгресса изобрел это средство показать вид нашего участия в деле. Средство придумано недурно. Приезд ген. Мантейфеля имеет вид внимания к нам. Он вчера совещался с кн. Горчаковым в течение более 2 часов. Результата не знаю. Я уехал в Ораниенбаум, где обедал с английским послом у вел. кн. Екатерины Михайловны. После обеда обычная поездка к катальной горке и пр. Вернулся на дачу после полуночи.

30 июля. Утром в городе. Был на званом luncheon * у американского посланника [183] в честь прибывшей сюда для принесения государю поздравлений (по случаю 4 апреля) американской депутации. Ее здесь принимают с большими frais **. Это правильно, но в frais есть нечто дикое. Мы ни в чем не знаем меры, не соблюдаем приличий и не подчиняемся порядку. Всякий делает на свою руку, что придумает. К обеду на даче.

31 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

1 августа. На даче.

---

* завтраке.

** расходами.

2 августа. Утром в городе. Комитет министров. Потом на даче.

3 августа. На даче.

4 августа. На даче. Погода во все эти дни стояла прекрасная. Сегодня теплый юго-восточный ветер шумел в листьях деревьев против моего балкона. Я вслушивался и вспоминал родной шум рощи села Никольского. Глубоко грустное, но тихое воспоминание! Сколько лет минуло с тех пор? Сколько пережито! Тогда открывался предстоявший путь. Теперь он большей частью пройден. Что сделал я? Чего ожидаю и на что могу надеяться? Если бы я мог теперь перенестись к этой роще, к тем крайним деревьям, которые стояли против моих окон, я бы обнял их, я бы приклонился к земле и поцеловал бы траву у их корней. Я слушал бы шорох ветвей и листьев, я плакал бы и молился. Молюсь и теперь. Да будет моя молитва услышана.

5 августа. Утром в Петергофе. Всеподданнейший доклад. Видел кн. Долгорукова и кн. Горчакова. Утешительного мало. Ходил туда и обратно на пароходе «Нева».

6 августа. Утром у обедни. День на даче.

7 августа. Утром у обедни. День на даче.

8 августа. На даче. Работал. Вечером на полчаса у Громова, который угощал американцев.

9 августа. Утром в городе. Прием просителей. Комитет министров. Потом Комитет польский. Оттуда на дачу.

10 августа. На даче.

11 августа. То же.

12 августа. Утром в Петергофе. Доклад у его величества. Видел кн. Долгорукова и кн. Горчакова. Ехал туда с кн. Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским, возвратившимся с Урала. Вернулся на пароходе. Государь принимал присланного королем Ганноверским ген. Кицебека. Mission posthume *.

13 августа. На даче. Доклады.

14 августа. Утром у обедни. Целый день на даче. Видел Шувалова и Зеленого. Вчера гр. Муравьев был у государя и испросил ряд широких, по выражению Шувалова, наград всем своим сотрудникам по следственной комиссии.

Текущие дела текут обычным током. Глядя на все, что происходит над этим током, меня постоянно томит одна мысль: надолго ли? Я чую, что развязка близится. Но откуда и в какой форме последует роковой толчок?

15 августа. Утром у обедни. Был у гр. Шувалова. Продолжительный разговор по поводу разных дел, и в особенности по поводу его записки о введении в земские собрания нового правительственного элемента в виде назначаемых от короны ми-

---

* Посмертная миссия.

ровых судей [184]. Насчет этой записки теперь не распространяюсь, но в изустных объяснениях гр. Шувалова еще резче, чем в составленных под его фирмою писаниях, выразилась мысль, что главное для исполнения воли государя есть защита верховной власти от будущих притязаний и нападений земства. На этой струне, т. е. на струне оберегательства, прежде всего и превыше всего, не только прав, но и форм проявления автократической власти, гр. Шувалов играет пред его величеством. Оно ловко и верно рассчитано, но надолго ли и с каким окончательным исходом? Разве финансы выдержат применение этой системы? Самодержавие должно остаться неприкосновенным, но формы его проявления должны обновиться. Организм государств развивается или ослабевает, середины нет. Управлять исключительно при помощи следственных комиссий и жандармов невозможно. Мы повинуемся, но обанкрутимся. Велика слава * и польза царю от покорности банкротной массы. Но здесь окажется не только финансовая, но и нравственная и умственная несостоятельность. В наш век не довольно быть героем покорности. Самостоятельная мысль и находчивый ум тупеют от упражнения в измене самому себе по мере надобности и приказаний. Чуство достоинства, сила убеждений, вера в будущность несогласимы с системою покорности, безгласны. Весь вопрос в этом. Россия будет повиноваться попрежнему, но молчать по-прежнему она уже не способна. Опасно не сознавать этой истины и, таким образом, давать повод врагам общественного порядка постоянно твердить, что вся неурядица происходит у нас оттого, что интерес многих противен интересу одного.

Я не вошел в спор с Шуваловым. Я только сказал ему, что его понимаю. Пока он говорил, я, конечно, менее его слушал, чем думал о том, что мне делать теперь и после. На первый раз я предложил Шувалову сообщить свои мысли в Москве, куда он на днях едет с государем, кн. Гагарину (московскому губернскому предводителю) и Каткову. Странно будет, если тот и другой не окажут мне в этом случае невольные услуги.

16 августа. На даче. Работал нехотя, читал нехотя, ходил, играл в кегли — все нехотя. Шувалов поручил моему товарищу, бывшему за меня в Комитете министров, мне сказать, что Левашов торгуется снова насчет своего назначения сюда и толкует о каком-то вопросе по устройству строительной части. Он, т. е. Шувалов, просил дать ему знать о моем мнении. Я написал, что из слов Тройницкого я только наполовину мог понять, в чем дело, но что я очень хорошо понимаю, что личные притязания, вроде левашовских, не могут послужить к

---

* *Вместо:* Велика слава *написано:* Не велика слава (*т. III, л. 41 об.*).

укреплению правительственной власти, о чем теперь так много толков.

17 августа. На даче. Написал кн. Долгорукову, что я прошу его воспользоваться удобным случаем во время поездки в Москву, куда он отправляется с государем, чтобы доложить его величеству, что с каждым днем необходимость назначения мне преемника становится более и более настоятельною, что я устал донельзя, что я не могу вытерпеть надолго настоящего положения дел среди людей, которые, с одной стороны, воображают, что они делают изумительные открытия, а с другой — предполагают, будто каждый из них спасает Россию. И Трепов, и гр. Муравьев, и гр. Шувалов, и ген.-губернаторы и гр. Левашов — все спасают отечество. Пусть спасают без меня.

18 августа. Государь уехал в Москву сегодня утром. Его сопровождают военный министр, гр. Шувалов, Зеленый, Мельников и кн. Долгоруков. От сего последнего я не получил еще ответа. Императорский поезд отправился со станции Варшавской железной дороги по объездному пути. Мельников просил об отправлении со станции Николаевской дороги, но государь настоял на том, чтобы отправиться с варшавской станции, хотя для этого нужно было передвинуть значительную часть подвижного состава на двух станциях, а его величеству все-таки приходилось сесть в коляску, чтобы от петергофской станции доехать до варшавской. Целый день на даче.

19 августа. На даче утром. Обедал у кн. Кочубей. Видел там Талейрана, который уезжает в Париж. Он спрашивал кн. Горчакова косвенно, не пожелает ли государь видеть его перед отъездом. Кн. Горчаков также косвенно отклонил аудиенцию («Je ne demande pas à voir sa majesté parce que etc... L'empereur regrette parce que etc...»)*. Странно. В такое время кн. Горчакову даже при нежелании государя следовало бы настоять на приеме посла. Вся наша политика, по-видимому, преимущественно озабочена Виртембергом и Дармштадтом [185]. Кн. Горчаков в настоящее время пользуется весьма малым значением в мнении иностранцев. Это проглядывает во всех их разговорах.

20 августа. На даче. Вчера умер помощник управляющего делами Комитета министров Гауер. Он был при мне назначен. Добрый человек при ограниченном уме. Печальная развязка некоторых честолюбивых замашек. Он хотел быть гофмейстером и был им. Теперь придворный мундир положится в сырую землю. Утром был у меня Трепов. Он занят приготовлением 11 виселиц, повозок, палачей и пр. Все это по высочай-

---

* («Я не прошу свидания с его величеством, потому что и пр.— Государь сожалеет, потому что и пр...»).

шему повелению. Непостижимо! Суд еще судит. Всего 11 обвиненных и уже 11 виселиц, и эти господа вплетают в дело заплечного мастера высочайшее имя! Разве можно о том докладывать государю, разве можно в подобном деле испрашивать от него указаний? Царское право — милость. Устраивать казнь — дело тех, кому вверены суд и расправа.

21 августа. Утром у обедни. Целый день на даче.

22 августа. На даче. Кн. Горчаков отправляется, говорят, в отпуск и собирается в Биарриц в сопровождении de sa nièce *. Для управления Министерством в его отсутствие имеет возвратиться Муханов!!

23 августа. Утром в городе. Прием просителей. Потом Комитет министров. Дело о римско-католической Каменецкой епархии [186]. Н. Милютин по обычаю высказывал свои свирепые взгляды. На этот раз споры были лишними, и я от них по возможности уклонился. Дело вернется. Потом Комитет польский. Получил письмо от кн. Долгорукова. Он прочитал государю мое письмо от 17 [187]. Он пишет, что на этот раз может только сказать, que la lettre a produit une impression pénible **.

24 августа. На даче. Доклады.

25 августа. На даче. Сегодня государь возвратился из Москвы. Видел приехавшего с ним ген. Зеленого.

26 августа. Утром в Царском. Доклад, прерывавшийся по случаю обедни, развода и завтрака. Государь говорил о моих письмах кн. Долгорукову [188] и предложил вместо увольнения отпуск на 2 или 3 месяца для отдыха. Не в отдыхе дело. Я говорил, что желал бы уйти не для себя, а для пользы дела, что нужен министр внутренних дел, которого бы более боялись, что я не имею этого преимущества, и пр. Однако же, я на этот раз не распространялся. Повторять 3 декабря не следовало. Государь знает содержание моих писем к кн. Долгорукову. Если он не хочет понять их смысла, то объяснения бесполезны. Между тем, когда он мне сказал: «Que puis je faire si ceux sur qui je compte m'abandonneront»***, мне становилось невозможным настаивать... Итак, еще раз безрезультатная попытка. Прав ли я в том, что уступаю? На первый взгляд, не прав, но если ближе всмотреться и сообразить, как шатко и гнило все, что меня окружает, как может со дня на день настать кризис, который облегчит мне мою задачу и как теперь невыгодно круто ставить вопросы о Западном крае, о земстве и о крестьянском деле, т. е. именно о существенных предметах

---

* своей племянницы.

** что письмо произвело тягостное впечатление.

*** «Что мне делать, если те, на кого я рассчитываю, покинут меня».

моего разномыслия с почти всеми моими товарищами, то, кажется, я прав.

27 августа. На даче утром. Видел Шувалова, который долго сидел у меня и толковал о моем намерении уйти. Государь два раза говорил ему о моих письмах к кн. Долгорукову. Шувалов, по-видимому, не ожидал, чтобы я теперь просил увольнения. Он умен, но близоруко смотрит на дело и не видит, что власть ускользает от правительства, в то самое время, когда оно жертвует благосостоянием государства, чтобы ее удержать, и потому именно, что оно им жертвует для этой цели.

Обедал в Английском клубе в честь американцев [189]. Уехал до речей, потому что имели в виду меня заставить говорить. О чем и для чего? Кн. Горчаков должен был держать речь и, твердя ее мысленно, уже в половину обеда был красен, как кошениль, и глянцеват лицом, как будто у него сделалась рожа. После его речи было много других, говорят, весьма плохих. Ораторы большею частью были пьяны, и ген. Мельников кончил свою речь тем, что поцеловал руку у г. Фокса! Мордва, черемисы, а не европейцы. Какой уровень и какую он обещает будущность!

28 августа. Утром у обедни. Целый день на даче.

29 августа. Утром на даче. Обедал у кн. Горчакова в честь американцев. За обедом получено известие по телеграфу о скоропостижной смерти в прошлую ночь гр. Муравьева. Он умер в своей лучшей деревне, куда выехал на несколько дней. Конец этому поприщу. Таким образом, он прежде Каракозова предстал в загробном мире и действительно «лег костьми» в здешнем.

30 августа. Утром в лавре. Обычная церемония. Особых пожалований и назначений не было. Тотчас после обедни вернулся на дачу, не заходя на толпливый завтрак у митрополита.

31 августа. На даче.

1 сентября. Утром сопровождал государя в Шлиссельбург по случаю торжества открытия нового Ладожского канала. Поездка туда и обратно на императорском пароходе «Александрия». Были вел. князья, цесаревич и Владимир Александрович, министры: военный, финансов, императорского двора, путей сообщений и почт, шеф жандармов, кн. Долгоруков, гр. А. Адлерберг, гр. Перовский, Краббе и еще несколько лиц. В первый раз ездил вверх по Неве. Видел разрастающийся пригород разных заводов и фабрик. Побольше жизни, свободы, и разрастание его было бы еще быстрее. Видел приневские усадьбы ген. Зиновьева, Чаглокова и кн. Лобановой (Чернышевой). При этом обычная дума о сельском уединении. Если бы бог дал мне приют, который я мог бы назвать своим! Видел Шлиссельбургскую крепость и за нею синюю полосу вод

Ладожского озера. Думал об узниках крепости. Их немного, но какая участь! [190] «Lasciate speranza voi ch'entrate» *. В Шлиссельбурге мы были встречены разными властями и собравшимся там купечеством. Молебствие, краткая проездка по каналу в катерах, пропуск первой барки в Неву, завтрак и обратный путь. Все было весьма прилично и, надобно отдать справедливость Мельникову, без всякого шарлатанства. На пути в Шлиссельбург государь принимал доклады, в том числе и мой. Не входил с ним в задуманные объяснения. Место и время были неудобны. Кроме того, par indolence **, я был не прочь от отсрочки.

Вернувшись в город, присутствовал при закладке часовни у Летнего сада [191]. Довольно много народа. В числе лиц, участвовавших в церемонии, был Комиссаров. Он стоял подле своего изобретателя ген. Тотлебена [192]. Он украшен разными иностранными орденами, что дает ему вид чиновника, совершившего заграничные поездки в свите высоких особ. Стечение обстоятельств. Сегодня закладка часовни, завтра похороны Муравьева, послезавтра казнь Каракозова. Смотрел на толпу или толпы присутствовавших. Видел лица царедворчески и нецаредворчески умиленные, видел лица задумчивые и множество лиц с выражением глазеющего тупоумия. Есть что-то как бы надломанное в нынешнем строе России и во всем, что ежедневно у меня под глазами.

2 сентября. Утром в Александровской лавре. Похороны гр. Муравьева. Государь, вел. князья и принцы были. Для этого, вероятно, и привезли сюда тело покойного. Его вдова только и спрашивала ген. Зеленого о том, будет ли государь, были ли такие и такие-то, поведет ли ее государь под руку к могиле, и т. д. Я видел издали ужимки этой змеи. Я видел, как она старалась плакать, подходя в последний раз ко гробу. Зеленый сказал мне, что я видел верным глазом. И дочь, Шереметева, теперь в матушку. Вернулся на дачу прямо из лавры.

3 сентября. На даче. Сегодня в 7 час. утра на Смоленском поле совершена казнь Каракозова. Стечение народа было большое. Толпа вела себя чинно. Вместе с Каракозовым был окончательно судим один Кобылин, врач из Медико-хирургической академии. Ген. Муравьев его обвинял, но, по мнению членов следственной комиссии и суда, без основания. Он оправдан и освобожден [193]. Рассказывают, что когда ему объявляли оправдательный приговор, все судьи и все канцелярские их

---

* «Входящие, оставьте упованья». *К соответствующему тексту дано примечание под строкой:* «В начале этого года государь мне говорил с чувством удовольствия, что теперь там уже никого нет. Участь последних облегчена переводом в другие места жительства» (*т. III, л. 44*).

** из апатии.

пособники громко плакали. Один Кобылин не показал никакого чувства. Нахожу это естественным. Пять месяцев в каземате притупляют способность ощущений. Он мог быть почти в бессознательном состоянии. Но о чем так плакали судьи и канцелярия, мне менее понятно. Говорят, что председатель развивал мысль о царской милости и о посвящении дальнейшей жизни Кобылина оправданию этой милости. И этого не понимаю. Кобылин виновен или не виновен. Если виновен, не следовало оправдывать; если не виновен, нет умилительной и умиляющей милости.

4 сентября. Утром у обедни. День на даче. Сердце и ум в тисках.

5 сентября. На даче.

6 сентября. Утром в городе. Заседания Комитета министров и Главного комитета.

7 сентября. На даче. Обычные доклады.

8 сентября. Утром у обедни. Продолжительный разговор с Шуваловым, который заезжал ко мне, об общем положении наших дел и о предстоящем для меня объяснении с его величеством. Доказывал ему не в первый раз, что одной силой, толками о власти и мерами взыскания цель не достижима. Обедал у принца Ольденбургского. Он много толковал перед обедом о деле Верховного суда, коего он состоит членом. Жаль, но еще более скучно, чем жаль.

9 сентября. В Царском. Доклад у его величества. Передо мною докладывал по обыкновению Рейтерн, сегодня представивший ту записку, над которою он трудился все лето [194]. Кажется, что он не был вполне доволен своею аудиенцией, судя по его лицу при выходе из кабинета и по выражению лица государя при моем входе. Когда мой доклад окончился, я встал и, обращаясь к изъявленному мне за две недели пред сим согласию отпустить на время для отдыха, объяснил его величеству, что я просил увольнения не по усталости или временному упадку духа, но по безнадежности успеха вверенного мне дела вообще при тех условиях, в которые оно поставлено. Это не мои точные слова, но точный смысл. Я имел в виду сказать государю, что он идет к земскому собору двумя прямыми путями; финансовыми затруднениями и потворством всем диким свойствам нашей природы под фирмою народности и православия, и, действительно, высказал ему это прямо и категорически в отношении к первому пути. В отношении к второму я счел более удобным ограничиться на этот раз несколькими общими словами с присовокуплением, что я по этому предмету не распространяюсь теперь потому только, что он будет обсужен во всей подробности при рассмотрении в Комитете министров представления ген. Кауфмана о военном положении в Северо-западном крае.

Я счел это более удобным потому, что мои слова, по-видимому, производили достаточное впечатление. Между тем императрица уже ожидала государя к завтраку. Задерживать или даже утомить его, значило испортить дело, вместо того чтобы его довершить.

Обедал у их императорских величеств с кн. Урусовым, кн. Вяземским и Альбединским. Вернулся на дачу к 9 час. вечера.

10 сентября. На даче.

11 сентября. Утром у обедни. Целый день на даче.

12 сентября. На даче.

13 сентября. Утром в городе. Заседание Департамента законов. Потом Комитет министров. Потом краткое и бестолковое заседание du Comité du salut public. Затем доклады. Вечером на даче.

14 сентября. Утром у обедни. Слышал гром пушечных салютов в честь приезда принцессы Дагмары. У нас три дня италианское небо, италианское солнце. Торжественное вступление на русскую почву словно благословляется небом. Светло, тепло, тихо, кротко и мирно на небе и на земле. Да будет это предзнаменованием и да исполнится предзнаменование. Много слез на Руси, много скорби и грусти. Да будет Дагмара им утешительницей и миротворицей. Мысленно призываю на нее благословение божие, память слов спасителя ко всем труждающимся и обремененным и молитвы и помощь богоматери всех скорбящих.

15 сентября. На даче. Все вчерашние торжественные встречи в Петергофе и Царском удались, как по заказу.

16 сентября. Утром в Царском. Доклад у его величества. Записку министра финансов повелено рассмотреть в Комитете финансов в присутствии его величества. Мне кажется, что положение Рейтерна укрепилось, а Грейг поднимается на воздух. Видел многих. У всех речь о завтрашнем торжественном въезде.

Вечером читал записку министра финансов. Она гораздо лучше, чем я ожидал, хотя синтетическая часть, как почти всегда, гораздо слабее аналитической.

17 сентября. Утром в Зимнем дворце. Торжественный въезд состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу. Впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица. Прекрасные стихи кн. Вяземского под стать той милой Дагмаре, которой и наименование он справедливо называет милым словом.

18 сентября. Утром у обедни. Вечером spectacle gala * в Большом театре. Двойной скандал: вместе с билетами была ра-

---

* парадный спектакль.

зослана повестка о запрещении аплодировать. Публика приняла это за воспрещение всякого громкого изъявления чувства и потому вместо криков: ура! встретила императорское семейство и принцессу Дагмару при входе их в царскую ложу безмолвным поклоном. Раздался гимн «Боже, царя храни!» То же молчание. Кончился. То же. Его сменил датский гимн. То же самое. Все молча заняли свои места, словно 20° мороза обуяло залу. Поднялся занавес и первый акт «Африканки» (почему именно «Африканки»?) начал тянуться перед оледенелым собранием. В императорскую ложу были между тем вызваны гр. Александр Адлерберг и ген. Альбединский. Государь был вне себя от гнева. «Африканка» закрылась занавесом после финала первого акта, и тогда несколько голосов потребовали гимна. Заиграли гимн, и на сцене явился весь театральный персонал, дамский, в белых платьях, и с левой стороны запел гимн. Но государь вышел из своей ложи со всем семейством и свитой, а в ложе остался один министр двора, который самыми ожесточенными телодвижениями, махая руками и своим кепи, старался дать понять публике непонятные приказания прекратить гимн. Некоторые, ближе к царской ложе, начали понимать и решились вполголоса шикать, другие смотрели в остолбенении на загадочную противоположность между императорскою труппою, очевидно, с разрешения и по приказанию императорской дирекции поющую на сцене, и министром императорского двора, усиливающимся из императорской ложи заставить замолчать эту же самую труппу. Между тем гимн кое-как допели. Раздался слабый, полузамирающий крик: ура! потом все затихло, и 3000 людей начали в недоумении посматривать друг на друга, как будто все вместе и каждый из них в особенности внезапно сотворили огромное неприличие.

Оказалось, что гр. Александр Адлерберг пытался вторичным пением гимна дать случай поправить безмолвную встречу, но что государь не захотел подогретого блюда, а гр. Владимир Федорович Адлерберг, совершенно растерявшись, разыграл в ложе ту непостижимую роль, в которой мы все его в изумлении видели. Настоящий виновник всего — гр. Шувалов. Он придумал повестки.

19 сентября. Утром в Государственном совете. В нем присутствовал в первый раз цесаревич. Ему еще не предоставлено участие в решении дел и он сидит возле государственного секретаря или докладчика. Он и весь Совет были в лентах. Все обошлось благоприлично. После заседания председатель и члены Совета отправились вверх, чтобы записаться у его высочества.

Вел. кн. Константин Николаевич передал мне собственноручную записку, в которой он изложил свои мысли по предме-

ту созыва при Государственном совете особых съездов депутатов от дворянства и земства [195]. Он желал, чтобы я прочитал ее во время заседания и затем высказал свое мнение. Я заявил по прочтении, что не имею ни одного возражения против содержания записки. Тогда вел. князь передал ее кн. Урусову для редакторской разработки. Заезжал к министру финансов, чтобы постараться согласить его на отпуск дополнительных денег, требуемых ген. Треповым на устройство с.-петербургской полиции. Толку добился только наполовину. Рейтерн от природы туп и неприятен.

20 сентября. Не поехал в Комитет министров. Объяснялся с ген. Треповым. И с этой стороны трудно добиться толкового результата.

21 сентября. На даче. Доклады.

22 сентября. Да благословит бог новый год моей жизни. Еще один. Да будет легче предшедших.

Утром в Исаакиевском соборе. Благодарственное молебствие по случаю прекращения холеры в присутствии цесаревича.

23 сентября. Утром в Царском. Доклад его величеству. Между прочим о разных западных делах, рисующих положение края. При этом случае в первый раз некоторый успех и удовлетворительные впечатления. Я сказал государю, что западные дела внушают мне не отвращение, а омерзение, и, продолжая речь по-французски, присовокупил: «Permettez-moi de vous dire que je sens que j'aime moins mon pays... je méprise mes compatriotes...» Государь кивнул головой и сказал: «Je le sens aussi; je ne le dis pas à d'autres, mais je vous le dis, je fais comme vous». Я продолжал: «Je commence à me faire l'idée de m'expatrier. Autrefois l'idée de vivre à l'étranger, m'était insupportable; à présent il me semble que je serais prêt à me faire bourgeois d'Amsterdam» *. Государь выразил убеждение, что понадобится вызвать ген. Кауфмана и ему определительно указать направление, которому он должен следовать. Я отвечал, что давно думаю, что необходимо или его направить или заменить. Я преднамеренно не настаивал на мысли о замене и старался перейти к другим делам. На этот раз уже много было сделано. Надлежало не повредить успеху лишним старанием его обеспечить. Вернулся в город в три. Совещание с министром двора по высочайшему повелению о том, кого считать

---

* «Позвольте мне сказать Вам, что я чувствую, что меньше люблю свою родину... Я презираю своих соотечественников...» Государь кивнул головой и сказал: «Я чувствую то же самое; я не скажу этого другим, но вам я скажу: я чувствую то же, что и вы». Я продолжал: «У меня начинает появляться мысль покинуть страну. В прежнее время мысль о жизни за границей была для меня невыносимой, а теперь мне кажется, что я готов стать гражданином Амстердама».

теперь имеющими приезд ко двору из членов разных сословий. Купечество с некоторого времени приглашалось, но о дворянах не упоминалось, и гр. Орлов-Давыдов поднял этот вопрос. Кроме того, теперь есть земства и организованные городские сословия, которых прежде не было.

К обеду на даче [121].

24 сентября. На даче. Вечером приехал Шувалов. Он сегодня имел доклад в Царском и со своей стороны говорил государю в том же духе, как и я, о западных делах. Государь упомянул о вчерашнем разговоре со мною и также высказался насчет вызова или замены ген. Кауфмана. Шувалов настаивал на последнем [196]. Тогда государь сказал, что он остановился на выборе в таком случае ген.-ад. гр. Баранова и разрешил Шувалову мне о том передать и меня уполномочить объясниться с гр. Барановым, у которого Шувалов уже был и который решительно отказывается. Мы согласились, что я завтра поеду к гр. Баранову и употреблю все усилия, чтобы его уговорить, а в случае успеха напишу о том государю.

25 сентября. Утром у обедни. Потом в городе у гр. Баранова. Целые полтора часа я употреблял все возможные аргументы, чтобы убедить его, что при данных обстоятельствах принятие предполагаемого назначения есть для него долг перед богом, Россией и государем. Кажется, я успел не только поколебать его, но даже и наклонить в желаемую сторону. Возвратясь на дачу, написал о том его величеству.

26 сентября. Утром в городе. Государственный совет. Потом Главный комитет. Оттуда на дачу.

27 сентября. Утром заходил к ген. Зеленому, ввиду предстоявшего рассмотрения в Комитете министров представления ген. Кауфмана о военном положении в Северо-западном крае. По поводу всегдашнего нашего разномыслия по западным делам я желал заранее смягчить впечатление, которое должно было быть произведено моим мнением. При этом случае ген. Зеленый сказал мне, что он знает о вызове сюда ген. Кауфмана, с тем чтобы не возвращаться в Вильно, и что он намерен завтра, если в Вильно будет назначен один из предполагаемых кандидатов, просить государя об увольнении от службы. Следовательно, государь уже сказал о своем намерении военному министру, а военный министр — Зеленому.

В Комитете обсуждение предположений ген.-губернатора отложено до его приезда. Происходила только предварительная стычка двух противоположных мнений. Братья Милютины с ожесточением заступаются за ген. Кауфмана. После заседания был с Шуваловым у гр. Баранова для совещания по некоторым остзейским делам. Гр. Баранов сообщил нам, что он вынужден был принять назначение в Вильно. Дай бог,

в добрый час. Я этому душевно радуюсь. К обеду вернулся на дачу [122].

28 сентября. На даче. Доклады.

29 сентября. На даче утром. Потом Комитет финансов в Зимнем дворце. Записка Рейтерна [197]. Он сам был ниже всякой критики. Докторален, длинен, самоозабочен и самоуверен, нетерпелив к возражениям, груб до нельзя в отношении к Татаринову, которому он сказал, что дело не в сведении цифр на бумаге и что бухгалтерия не поможет. Грейг также был ниже всякого ожидания, быть может, стесненный своим двойственным положением. Результат = 0. Будет еще Совет министров по тому же поводу. Я настаивал на обсуждении вопроса о подоходном налоге и на составлении комиссии из 4 министров * для исследования вопроса о возможности сокращения механизма администрации **. То и другое принято [123].

30 сентября. Утром в Царском. Доклад у его величества. Третьего дня Шувалов лично передал мне, по приказанию государя, записку, представленную его величеству министром юстиции насчет наших с ним столкновений по делам прессы [198]. Записка составлена весьма недобросовестно, и притом неловко. Нетрудно было доказать государю, что Замятнин подписывает, но не пишет. Эта записка окончательно его подкосит. Государь говорил о его замещении и называл кандидатами Делянова и гр. Палена. Государь говорил также о замещении ген. Кауфмана и присовокупил, что ждет его приезда завтра. Все это пока благополучно. Вернулся в город в 3 часа, а на дачу к обеду.

1 октября. Утром у обедни. В первый раз слышал акафист богоматери преосвященного Иннокентия. Молился о принятии под ее покров моих и меня. Переезд в город, куда приехал к обеду. День ясный. До конца в этом году погода как будто благословляла наше пребывание на даче.

2 октября. Утром у обедни. Получил от государя письменное извещение о том, что он переговорил с Кауфманом и объявил ему о намерении его заместить и приказание немедленно вызвать из Риги гр. Баранова, на несколько дней туда выехавшего, что исполнил по телеграфу. Видел Головнина, который жалуется на болезненность, ген. Трепова, ген. Куцинского, который привез груду записок об управлении ген. Кауфмана, и, наконец, гр. Шувалова, который вернулся из Царского. Там уже объявлено о назначении в Вильно гр. Баранова, в Ригу — ген. Альбединского и на место сего последнего ген. Рихтера.

---

* *Далее в скобках написано:* финансов, государственных имуществ, внутренних дел и государственного контроля (*т. III, л. 49 об.*).

** *Далее в скобках написано:* и сопряженных с ним расходов (*т. III, л. 49 об.*).

Аудиенция Кауфмана, по словам Шувалова, была весьма краткая. Он был принят в 10 час. и уже к 11-часовому обратному поезду поспел на извозчике. Sic transit gloria *.

3 октября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Известие о виленской перемене распространилось. Милютины и Зеленый были мягки, как бархат. Вечером заседание Комитета железных дорог у гр. Строганова. Опять предложение Офенгейма, опять прежние доводы и прежнее разногласие.

4 октября. Утром Комитет министров. Длинное заседание, преимущественно наполненное прениями о содержании манифеста по поводу предстоящего бракосочетания наследника престола. Вечером, по обыкновению, дома.

5 октября. Утром в Сенате. Заезжал к кн. Ливену. Видел вытребованного мною сюда виленского губернского предводителя Домейко. Поручил ему передать своим, чтобы по поводу перемены ген.-губернатора они держали ухо остро и вели себя осторожно. Видел будущего ген.-губернатора Западной Сибири ген.-лейт. Хрущова.

6 октября. Утром Совет министров в Зимнем дворце **. Препирательства между военным министром и министром финансов [199], новое развитие тезиса нашей несостоятельности министром финансов и ген. Чевкиным, неловкая докторальная диссертация Грейга насчет хороших и дурных финансов, Пруссии и Австрии, войны и мира, безуспешная с моей стороны попытка привести к какому-нибудь согласительному исходу и предупредить взрыв нетерпения государя, наконец, этот взрыв — и затем отрубистое прекращение заседания, несмотря на то, что на очередь назначено было еще другое дело. Впечатление общее — весьма безотрадное. Нам всем вменено в обязанность к 20 октября сообщить министру финансов предположение о сокращении наших смет. При той неурядице, которая выразилась во всем ходе заседания, мне оставалось заранее сгладить путь для дальнейших сношений с министром финансов, который решительно остается при обнаруженной малоспособности Грейга. Чтобы сгладить этот путь, нужно было отделиться от прочих одним из тех приемов, к которым я иногда прибегаю. Для этого мои предположения о сокращении смет Министерства были составлены сегодня же вечером и отправлены к министру финансов.

7 октября. Утром в Царском. Доклад у его величества. Записался у приехавшего вчера принца Александра Гессенского. Государь и министр финансов меня благодарили за вчерашнее сократительное предположение. Цель достигнута.

---

* Так проходит слава.

** *Далее в скобках написано:* записка министра финансов (*т. III, л. 51*).

8 октября. Утром заседание Департамента законов. Видел гр. Баранова, который снова колеблется. Увы! Какие у нас пособники!

9 октября. Утром у обедни. Потом экстраординарное заседание Комитета министров по вопросу о манифесте, имеющем быть изданным в день бракосочетания цесаревича [200]. Гр. Баранов приехал к этому заседанию, потому что военный министр и ген. Зеленый его напугали насчет льгот, которые будто бы предполагались для западных мятежников. Гр. Шувалов предлагал снять военное положение и возвратить нескольких ссыльных. Баранов, очевидно, имел повод отказаться от нового назначения и упросил государя отсрочить до конца сегодняшнего заседания утверждение приказа и подписание указов. По соглашению с Шуваловым я заявил, что мы отстраняем всякий вопрос, который мог бы касаться Западного края. Таким образом, Баранову оставалось одно: уехать в Царское Село, что он и сделал. Хорошо положение дел. Государь решается на новые назначения, сам их оглашает и затем вынужден приостановиться исполнением, потому что некоторые из его министров сбивают с толка то лицо, которое им назначено.

10 октября. Указы и приказ о виленских переменах, наконец, состоялись. Ген. Кауфман увольняется по болезни в 11-месячный отпуск. Видно, военный министр упросил государя не назначать ген. Кауфмана членом Военного совета. Государь сам мне сказал 6-го, что ген. Милютин просил о назначении членом Государственного совета, но что он, государь, на это не соглашался. Заседание Государственного совета. Потом заседание Главного комитета.

Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности, к чувству приличий нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но нисколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы забираем храмы, конфискуем имущество, систематически разоряем то, что не конфискуем, ссылаем десятки тысяч людей, позволяем бранить изменою проявление человеческого чувства, душим, вместо того чтобы управлять, и, рядом с этим, создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати. Мы — смесь Тохтамышей с герцогами Альба, Иеремией, Бентамом. Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европе. И мы толкуем о величии России и о православии!

11 октября. Утром в Комитете министров. Дал предостережение «Вести» по поводу неуместной статьи о ген. Кауфмане

[201] и дал его весьма кстати, потому что наши государственные татары уже приписывали ее моему влиянию. Сегодня двор переехал в город из Царского.

12 октября. Утром в Зимнем дворце. Миропомазание принцессы Дагмары, отныне благоверной кн. Марии Федоровны. Слишком 25 лет тому назад видел в той же церкви совершение того же обряда над нынешнею императрицей. Не только мои тогдашние глаза, но и зрелище было другое. Мария-Дагмара — неразгаданная загадка. Ее осанка и все приемы во время обряда были безукоризненны. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершается только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в ее чертах. Какая мысль? В металлических звуках ее голоса слышалась сила. Куда направится и как отзовется эта сила? Во время литургии она стояла неподвижно и напоминала мне другое видение, в другой местности и при совершенно противоположной обстановке. Отчего могла она мне его напомнить? Кругом меня толпились другие зрители. Внимание всех было сосредоточено на том, что и предо мною, как и перед ними происходило. Но я глубоко чувствовал, что я думал иначе, чем они думали. Exoriare ultor *.

Восприемницею или свидетельницею по чину обряда была на сей раз сама императрица. Черной игуменьи — символа земного ничтожества среди земного блеска — не было на том месте, где в 1841 г. я видел бородинскую игуменью М. М. Тучкову [202]. Императрица стояла возле принцессы. Она же подводила ее к иконам и к святому причастию. Величава, печальна, но мягко любезна и почти нежна. Я смотрел на нее с грустным чувством. Она походила на осенний день, ясный, тихий, но дышащий прошлым, а не будущим, и носящий ту прощальную печать, которая ложится на вечер года, как на вечер жизни.

13 октября. Утром в Зимнем дворце. Обряд обручения цесаревича и его невесты. Все благополучно, людно, блестяще. В $1^{1}/_{2}$ 5-го торжественный обед. Idem **. Вечером полонезный бал, слишком по существу скучный, чтобы быть блестящим. С 12 час. утра до 10 вечера я не снимал белых inexpressibles *** с галунами. Довольно.

14 октября. Утром в Зимнем дворце. Доклад его величеству. Мельком видел приехавшего сегодня вел. кн. Михаила Николаевича.

15 октября. Утром работа. Выходил пешком. Вечером совещание у министра государственных имуществ с министром фи-

---

* Появится мститель.

** То же самое.

*** «невыразимых».

нансов и Н. А. Милютиным по вопросу о государственных крестьянах. Министр финансов как будто расцвел и раздобрел вследствие состоявшихся высочайших повелений о сокращениях по сметам и об испрошении через него всех экстраординарных кредитов. Не к добру, мне сдается, это раздобрение. Рано садиться на лавры. Все это казначейская часть, а не финансы. Все признаки нашей хронической болезненности. Нет бойкого, размашистого, твердого и доверие внушающего движения. Взгляд узок, понятия мелки. Нравственная сила отсутствует. Смотрю с опасением не только в дальнюю, но и в близкую будущность.

16 октября. Да благословит бог новое лето жизни. С утра работа. Даже не успел быть у обедни. Обедал у министра народного просвещения.

17 октября. Утром Государственный совет. Между прочим, дело о невычете банковых долгов из выкупных ссуд [203]. Значительное большинство отвергло мои предположения, что при данных обстоятельствах и составе Совета не удивительно. Но могло бы удивить то, что кн. Гагарин, столько раз вызывавший меня вновь поднять это дело, подал голос против него. Меня, впрочем, и это не удивило. Потом краткое заседание Главного комитета.

18 октября. Комитет министров. Дело о чрезвычайном кредите для с.-петербургской полиции [204]. Провел свое предположение, несмотря на всякого рода препятствия. Вице-канцлер становится жалким. У него будто запираются одно за другим головные покои. Из прежних изрядных апартаментов его ум переезжает в малые.

Вчера вел. князь говорил мне, что он сказал государю о своем проекте выборных дворянских и земских комиссий при Государственном совете. Государь как будто не помнил. И здесь не изумляюсь.

Отправляюсь с божьей помощью в Новгород.

20 октября. Вернулся из Новгорода сегодня в 8 час. утра*. Все там обошлось добропорядочно. Но утомителен день, проведенный таким образом между двумя дорожными ночами. Сегодня Совет министров, чтобы выслушать чтение отчетной записки министра народного просвещения по поводу совершенной им поездки [205]. Записка составлена весьма хорошо, но, тем не менее, несет признаки хронического младенчества наших государственных мужей. Гр. Толстой в ней испрашивает разных разрешений по учредительным и сметным вопросам, которые никогда не могут быть разрешаемы правильно без

---

* *Далее в скобках написано:* я ездил туда по приглашению земства, чтобы присутствовать при открытии переустроенных им благотворительных заведений (*т. III, л. 53*).

коллегиального обсуждения в Комитете министров или Государственном совете. Подобная вера в единоличное экспромтное решение дел государем обозначает точку зрения тех, кто не замечает невозможности в наше время и при усложненных условиях администрации правительствовать без системы по одному вдохновению или быть живою системою и для последовательности распоряжений опираться на одну память. Pour le césarisme pur il faut César*. После чтения государь благодарил гр. Толстого, протянул ему руку через стол, и гр. Толстой через стол поцеловал эту руку.

21 октября. Утром в Царском. Доклад у его величества. Видел Огарева, который вернулся из Нижнего и хлопочет о том, чтобы создать себе прочное генерал-губернаторство на Волге. Шут.

22 октября. Утром совещание Польского комитета по римскому вопросу [206]. Предварительный «разговор». Обычные оттенки. Ген. Чевкин опять заговорил об утрехтских католиках [207], предполагая, что и наших можно устроить на утрехтский лад. Прежде Комитета был в лютеранской Петропавловской церкви на свадьбе дочери ген. Кубе, после в заседании Остзейского комитета, где Шувалов и я встретились с возвратившимся из добровольной ссылки в деревню кн. Суворовым. Потолковали, кое-что не совсем нужное постановили и разъехались. Il n'y a rien à dire, nous sommes un fameux gouvernement **.

23 октября. Утром у обедни. Город полон приезжими к бракосочетанию цесаревича. Нет покоя от предводителей и губернаторов. Заезжал к вел. кн. Елене Павловне. Но у нее был датский кронпринц [208], и я только записался. На днях прибудут принц Валлийский [209], кронпринц Прусский [210], герцог Веймарский [211]. Гр. Берг здесь. Кн. Барятинский (фельдмаршал) не только будет, но и будет жить на счет двора. Вообще весь этот блеск по случаю бракосочетания цесаревича странно противоречит сокращениям бюджета и упразднению Черноморской, Каспийской и Сибирской флотилий. «Кронштадтский вестник» напечатал неловкую об этих упразднениях статью [212], и кн. Горчаков вступил post factum в политически сентиментальную переписку с министром финансов и управляющим Морским министерством. Тот же кн. Горчаков по поводу римско-католического вопроса мне говорил вчера, qu'il faut bismarquer et qu'il veut bismarquer ***. Что он называет «bismarquer» ****, окажется в следующем заседании Поль-

---

* Для настоящего цезаризма нужен Цезарь.

** Нечего сказать, мы славное правительство.

*** что надо поступать по-бисмарковски и что он намерен так поступать.

**** «поступать по-бисмарковски».

ского комитета по римско-католическому вопросу. Отчего этот вопрос вовсе не исключительно польский, а имперский обсуживается в этом Комитете? Так, потому что папа в аллокуции упомянул о «Pologne». Отчего в Комитете велено заседать обер-прокурору св. Синода? Так, потому что дело о вере, духовенстве и отношениях к духовным властям, хотя и иноверным. Отчего все это как-то сплетается и переплетается случайно и как будто зависит не от нас, а от других? Не скажи папа аллокуции, не было бы и совещания, как будто не было бы давно присущего, а со времени разрыва с Римом и насущного вопроса. Nous faisons nos affaires à l'aventure *. Увы! Везде признаки упадка, распадения и разложения. Предстоящие празднества бракосочетания почти походят на эпилог.

24 октября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Несколько визитов и бесконечный прием приезжих.

25 октября. Комитет министров. Министр юстиции внес по высочайшему повелению, состоявшемуся 30 сентября, ту записку [213], которая им была представлена государю императору и его величеством мне в то время сообщена. Я тогда просил у государя, если он хочет, чтобы для министра юстиции последовали неприятные объяснения, направить записку в Комитет. Прошел месяц, и я забыл про нее. На днях я узнал, что в Министерстве юстиции советовались с кн. Оболенским насчет какой-то записки. Вчера вечером я получил извещение, что она внесена и назначена к докладу. Самого министра юстиции в заседании не было. Была сделана попытка спустить записку в Департамент законов, где будет рассматриваться вопрос о порядке судопроизводства по делам печати, но я настоял на том, чтобы она была рассмотрена, согласно с высочайшею резолюциею, в Комитете. Тогда ее прочитали, и затем в присутствии товарища министра юстиции я высказал свое мнение насчет самой записки и насчет приемов министра юстиции при ее составлении и представлении. Окончательного заключения Комитета не состоялось, потому что некоторые члены заметили, что нельзя осуждать действия министра в его отсутствие. Дело решится в будущий вторник.

Затем заседание Комитета по римско-католическому вопросу [214]. Были приглашены в оное гр. Берг, гр. Баранов и ген. Безак. После долгих и по обыкновению полудиких прений о католицизме вообще и о папе и Польше в особенности, обнаружилось то, что кн. Горчаков называет «bismarquer» **. Он предложил, считая конкордат упраздненным, оставить за правительством все прежние, доконкордатские права по делам,

---

* Мы вершим наши дела как придется.

** поступать по-бисмарковски.

касающимся правительственных интересов, и предоставить по всем делам частным право непосредственного обращения к Риму епископам и частным лицам. Гр. Толстой и Милютин горячо восстали против этого предложения. Гр. Берг заявил себя в длинной и довольно складной речи в пользу мысли кн. Горчакова, с тем чтобы переписка проходила через руки администрации. Я сделал дополнительное предложение, чтобы вместо этой цензуры в оба пути требовалось только правительственное утверждение или разрешение для присвоения какого-либо законного значения всякому ответу, полученному из Рима. Со мною согласились гр. Берг и Сольский. Кн. Горчаков остался при своем, а прочие приняли мнение гр. Толстого и Милютина о том, чтобы сношение с Римом производить через одну из наших миссий в местах, где есть нунциатуры.

26 октября. Целый день дома за работой. С 9 час. утра по 11 час. вечера, кроме обеда и $^3/_4$ часа после обеда, я, по выражению одного из елецких депутатов, «священнодействовал». С какими чувствами и с какою пользою? Было время, я работал более и, несмотря на то, охотнее и свежее. Я тогда более думал о деле и менее озирался на самого себя. Я более ожидал, более надеялся. Страдательной деятельности было менее. Страдательная деятельность — опасное упражнение. Она отрешает от многих привычных или усвоенных понятий, ослабляет многие узы, обращает многие чувства привязанности в чувства равнодушия или вражды. Она отталкивает от того, что прежде привлекало. Она внушает и воспитывает эгоизм. Стоит ли всю свою жизнь приносить в жертву, выбиваться из сил, не знать ни днем, ни ночью покоя, страдать физически и нравственно, тешиться неосуществимыми надеждами и преследовать недостижимые цели? Не лучше ли брать из данного положения то, что наиболее пригодно, и по возможности уменьшить размеры того, что тягостно или неудобно? Окончательный результат в том и другом случае почти одинаков. Знаю все это, но тем не менее я мало им пользуюсь. Борьба возбуждает и напрягает силы. И я не научаюсь равнодушию.

27 октября. И сегодня я это обнаружил. В Совете министров, где обсуживался при председателе Комитета железных дорог гр. Строганове и при двух ген.-губернаторах — Коцебу и Безаке — вопрос о новых предложениях Офенгейма насчет южной железной дороги от Черновиц* [215], мне следовало молчать. Несмотря на очевидную правильность воззрений нашей стороны, столь же очевидно было, что государь станет на противной стороне г. г. Рейтерна, Мельникова и Безака. Я, од-

---

* *Далее в скобках написано:* о ее продолжении на Одессу *(т. III, л. 55).*

нако же, высказал свое мнение. Конечно, напрасно. Никто, кроме вышепоименованного trio, не говорил против нас. Мнение решительного большинства членов Совета явно было за нас. Тем не менее государь весьма жестко решил дело в противном нам смысле. Он даже не поберег своего брата, наместника кавказского, который решился, покраснев от обычной застенчивости, заявить себя в пользу взгляда кн. Горчакова, ген. Коцебу и пр. Государь почти перебил вел. князя и, сказав: «А я решительно другого мнения», заключил заседание. К подобным развязкам я давно привык, но не могу привыкнуть к той недобросовестности, с которой министр финансов излагает свои тезисы, и к тем натяжкам, которые он употребляет для уловления высочайшей воли. Его победы — Пирровы победы. Они дорого стоят. Придет день, когда сведется итог.

Под кровом Зимнего дворца теперь обитают три будущих короля: принц Валлийский, кронпринц Прусский и кронпринц Датский. Их сопровождают представители трех образованных наций. Они знали, что всероссийский император сегодня созывал Совет своих министров. К счастью, они не узнали, что Мельников, Рейтерн и Безак втроем были сильнее Совета.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны en tête à tête *. Она говорит, что цесаревич до сих пор не принимал иностранных принцев и не видал их свиты, что нелюбезно. Пруссаки этим обижены, потому что с кронпринцем приехали некоторые из героев последней войны, в том числе ген. Штейнмец, полк. Трихов и др. Вообще вел. княгиня, по-видимому, peu édifiée de ce qu'elle a vu **.

Вечером неожиданно получил извещение, что я произведен в действительные тайные советники.

28 октября. Утром в 10 час. доклад у государя. Он сказал мне, qu'il avait voulu me faire voir et faire voir aux autres qu'il appréciait mes services ***, и вообще был любезен.

Гр. Берг произведен в фельдмаршалы. Ген. Коцебу и Безаку даны андреевские ленты, ген.-адъютанты Граббе и Литке возведены в графское достоинство, и первый из них посажен в Совет. Членами Государственного совета, кроме его, назначены государь цесаревич, ген. Дюгамель, адмирал Новосильский, кн. Вяземский, Н. Муханов, гр. Александр Адлерберг и кн. Орбелиани.

Кн. Вяземский, кроме того, пожалован вместе с Веневитиновым в обер-шенки [216]. После доклада остался во дворце до выхода в комнатах Комитета министров, где успел пометить все свои доклады. В начале 2-го часа состоялось по обычному

* наедине.

** мало разбирается в том, что она видела.

*** что он хотел показать мне и другим, что ценит мою работу.

чину бракосочетание цесаревича и новой цесаревны. Венцы держали над ним вел. князья Владимир и Алексей Александровичи, над нею — кронпринц Датский и Николай Максимилианович Лейхтенбергский. Все обошлось чинно и благополучно, и порядок соблюден настолько, насколько при массе людей было возможно. Никогда я не видел дворца (за исключением бывалых маскарадов 1 января) так наполненным. Одна императорская семья состояла сегодня из 8 вел. князей, 6 вел. княгинь, 3 * вел. княжен (считая невесту), 5 принцев и 1 принцессы, а всего с их императорскими величествами 25 особ. Кроме того, принц Валлийский, принц Прусский, принц Датский, принц Гессенский и принц Веймарский. Всего 30. Считая их свиту и дипломатический корпус, который также был беспримерно в полном составе, общий итог лиц, занявших места в церкви, кроме духовенства, Государственного совета, Сената, военной свиты и прочих, доходил по крайней мере до 150. В залах было более дам, губернаторов, предводителей и в особенности представителей городских сословий, чем я когда-либо видел.

Принца Валлийского и кронпринца Прусского я видел в первый раз.

Le premier a du renard dans sa physionomie et quelque peu la tournure d'un jeune roué. Le second semble porter un reflet de Königgrätz [217] et le vouloir porter sans trop de jactance. Le prince royal de Danemark fait tout simplement l'effet d'un jeune homme qui est prince royal et m'a rappelé le roi de Grèce **.

В 5 часов обед в Николаевской зале. Все великолепно и в большем порядке, чем в день обручения. Да благословит бог новую чету.

Вел. кн. Марию Федоровну я сегодня в первый раз видел утомленную и как будто утратившую временно ту силу воли, которая до сих пор брала верх над всем, что она испытывала.

Вечером не поехал на бал. Видел из окон моего дома дальний блеск того церемониального поезда, который в 11 часов вечера из Зимнего дворца следовал в Аничков.

29 октября. Утром заседание соединенных Департаментов — законов и гражданских дел — по вопросу о судопроизводстве по делам печати [218]. Почти комическое совещание и комический результат. Барон Корф, которому дано было высочайшее указание направить дело скоро и настоятельно в правительственном смыс-

---

* *Вместо:* 3 *написано:* двух (*т. III, л. 55 об.*).

** Физиономия первого имеет лисье выражение и он, отчасти, производит впечатление молодого повесы. Второй как бы несет на себе отпечаток Кениггреца, но хочет, чтобы это не слишком бросалось в глаза. Наследный принц датский производит впечатление просто молодого человека с титулом наследного принца и напоминает мне греческого короля.

ле, в точности исполнил возложенные на него поручения. Была небольшая passe d'armes * аргументов, но я старался, по возможности, не тратить на этот раз своего запаса. Вопрос должен быть вполне обсужен не в департаментах, а в общем собрании Совета и в Комитете министров. Кончилось тем, что на основании того самого высочайшего повеления 27 августа 1865 г. [219], которое Министерством юстиции не исполнялось и признавалось неисполнимым, департаменты признали, что, собственно, и не предстояло вопроса к разрешению и что надлежало только сделать то, чего я требовал. Министр юстиции не заявил разногласия, и, таким образом, дело получило на первый раз исход, неожиданный для суфлеров и для Государственной канцелярии, которая постоянно держит сторону судебного ведомства.

30 октября. Целый день дома. Нездоровье. Весьма некстати. Но счастливо, что именно теперь, а не двумя или тремя днями ранее.

31 октября. По нездоровью не был в Государственном совете, где цесаревич первый раз заседал на правах члена и где Титов, по общему отзыву, был еще скучнее, чем по обыкновению.

1 ноября. Не был в Комитете министров. Видел у себя гр. Шувалова и гр. Баранова. Последний весьма нестоек и весьма небоек, но, по крайней мере, он — добропорядочный человек.

2 ноября. Выезжал утром. Был у кн. Василия Андреевича Долгорукова и у министра финансов, который третьего дня приглашал меня на секретное заседание Комитета финансов у вел. кн. Константина Николаевича. Я догадывался, что речь шла о новом займе за границей [220]. Так и есть. Ожидается объявление оного в будущий понедельник.

Видел у себя трех ген.-губернаторов: киевского, одесского и рижского [221]. $3^1/_2$ часа времени, и большей частью без пользы и надобности.

3 ноября. Целый день дома.

4 ноября. Утром доклад у его величества. По возвращении из Зимнего дворца должен был ехать в Мраморный. Вел. кн. ген.-адмирал присылал за мною по делу о банке Общества взаимного кредита. Его подбивает гр. Бобринский при помощи Киреева и Тенгоборского. Они уверяют, что вел. князь переменился, что он готов встать в голове консерваторов и пр. и пр. Что-то неясно для меня во всех этих проделках.

5 ноября. Множество посетителей и много бумаг. При этом боль в челюсти, которая не позволяет говорить без страданий. Несмотря на то, обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Видел там Киреева, который просил высказаться и высказываться прямее с вел. князем. Я отвечал, что инициатива может

* столкновение.

принадлежать только вел. князю, если предмет объяснения выходит из круга моих обиходных занятий. Мне кажется, что из всего этого ничего путного не выйдет и все эти приемы мне не совсем по вкусу.

6 ноября. Утром у обедни. Выезжал. Был, между прочим, у гр. Бобринского (Алексея Алексеевича), недавно сюда приехавшего. C'est un des porte-voix dont on peut se servir *. Выходил пешком. Перед обедом долгий визит Шувалова, который все бьет на меры крутого насилия. Потом еще более продолжительное посещение гр. Алексея Павловича Бобринского, который приезжал сообщить, что вел. князь решился при первом случае со мною прямо и вполне объясниться. Не нравится мне все это. Увидим.

Третьего дня Замятнин (министр юстиции) поручил моему товарищу осведомиться, приму ли я его? Я отвечал утвердительно. Он был у меня вечером и обещал впредь держать своих прокуроров в подчинении. Тогда я сказал, что согласен не настаивать на двух делах, для него весьма щекотливых, которые предстояло рассмотреть Комитету министров, и о прекращении коих сильно заботился кн. Гагарин из опасения, что при этом случае обнаружены будут его промахи в судебной реформе.

7 ноября. Утром принесение поздравлений цесаревичу и цесаревне в Аничковском дворце. Довольно странно, что министр внутренних дел и почти все другие министры в первый раз представлялись наследнице престола, но оно так. В первый раз видел ее лицом к лицу. Она кажется умна, но моложе, чем мне показалось в день обручения.

Потом Государственный совет. Пред тем еще краткое заседание Польского комитета по римско-католическому вопросу [222]. Потом Главный комитет, где Чевкин и министр финансов два раза выводили меня из терпения, первый цепкостью за мелочи, второй чрезвычайно заносчивым и притом недобросовестным оборотом речи. Вел. князь все прежний, и Бобринский с его мечтами мне показался жалким.

8 ноября. Утром был у вел. кн. Михаила Николаевича по случаю его именин. Видел там разных принцев, между прочим, принца Александра Гессенского. Il me semblait l'entendre siffler comme jadis **. Оттуда в Комитет министров. За ним Комитет польский. В $^3/_4$ часа обсужены проекты переустройства администрации Царства [223].

Вечером в Большом театре. Spectacle-gala ***. На этот раз все благополучно. Ура при встрече и прощании. Гимны рус-

---

* Это один из тех людей, которыми можно пользоваться, как рупорами.

** Мне показалось, что он свистит, как свистал и раньше.

*** Парадный спектакль.

ский, английский и датский, ура за гимнами. Принцы Валлийский и Датский должным порядком кланялись публике. Одним словом, кроме жара в зале и путаницы карет при разъезде, все в порядке.

Принц Валлийский, говорят, весьма доволен петербургским пребыванием. Он ужинал у Дюссо с la belle Helène, m-lle Devéria* и, как гласит молва, вернулся домой только на другой день утром.

9 ноября. Утром доклады. Вечером большой бал во дворце. Ужин был накрыт на 1900 гостей. Уехал, когда за него садились.

10 ноября. Утром принимал городскую депутацию, которая домогалась возвращения городу дома обер-полицеймейстера. В объяснения не входил, но отделался приличным спичем, которого депутаты, вероятно, не предусмотрели. Был в заседании кассационного департамента Сената по двум делам, в которых по новым уставам требовалось мое присутствие. Впечатление нового порядка судоговорения вообще благоприятное. Публика составляет предмет, заслуживающий наблюдения. Прокурор (г. Дервиз) знает свое дело и говорит хорошо.

После Сената несколько визитов. Затем дома.

Нет дня, в который я бы не чувствовал, до какой степени я чужд окружающей меня среде. Не только заседания наших разноименных коллегий, текущие дела и вся официальная обстановка моего положения, но и балы во дворце, весь церемониальный и нецеремониальный обиход моей жизни мне доказывают, что я думаю и чувствую не то, что думают и чувствуют другие. Я вижу иначе, я домогаюсь иного, я огорчаюсь иным, я опасаюсь не того, чего боятся другие, я предвижу, или предчувствую не то, что они, по-видимому, предусматривают или предчувствуют. В блеске брачных торжеств, в наружной пышности двора, в участии близких и дальних, в разного рода демонстрациях, устраиваемых или устраивающихся по этому поводу, я вижу болезненные признаки и чую предстоящие кризисы. То, что есть, далее быть не может. Но как изменится оно и чем заменится.

11 ноября Государь уехал на охоту с иностранными принцами и потому отложил доклад до завтра. Ездил к вел. кн. Константину Николаевичу по его требованию. Это должно было быть тем объяснением, о котором говорили Бобринский и Киреев. Вел. князь начал с того, что будто бы я желал с ним объясниться. Я отвечал, что ожидал инициативы от него. Затем я сказал, что Бобринский и Киреев, мне казалось, ошибались, предполагая в нем перемену взгля-

---

* с прекрасной Еленой, мадмуазель Деверия.

дов, и что доказательством тому служило прошлое заседание Главного комитета. Premier mouvement * в подобных случаях имел особое значение, а premier mouvement его высочества всегда был на стороне тех, чьи мнения я не разделяю. Завязался довольно продолжительный разговор. Вел. князь развивал следующие темы: не он изменился, а люди, как Бобринский. Вместо пустых демонстраций на выборах и конституционных грез, они изыскивают другие пути к охранению консервативного начала. Почему им в этом не помочь? Не он, вел. князь, в них нуждается, а они в нем. Он готов им помогать, и дело поземельного кредита — та почва, на которой союз может быть закреплен. Я говорил, что не они одни, а и он, изменились, и что приобретение им полезного для службы государя и России влияния зависит от свойства его premiers mouvements**. Вел. князь упомянул о том qu'il avait écarté la question des personnes, celle de messieurs Milioutine et Joukowski ***. Он сказал, что в личном вопросе он требует полной свободы. Я сказал только, что ему известно, что есть в среде правительства люди, с которыми никогда у нас не будет единомнения, что нас можно взболтать, как масло и воду, но соединить нельзя, и что я предоставляю ему самому обсудить, может ли быть прочная умственная и духовная связь между ним и людьми, которые в такой мере расходятся с ним в западном вопросе. Наконец, я спросил, не предварит ли вел. князь государя о своих сношениях с гр. Бобринским. Он выразил желание сделать это тогда, когда вопрос о его участии в делах поземельного банка точнее определится. Вы знаете, сказал он, что государь мнителен. Я отвечал, что государь себе предложит вопрос, почему ему не сказано было о том ранее, и, следовательно, повод к мнительности не устранится. На этом, в сущности, разговор кончился. Доложили о вел. княгине и завтраке, и я уехал. Из всего вижу, что и Бобринский, и Киреев, и вел. князь не вполне говорят правду. Они желают выставить совершавшуюся в нем перемену в более крупных и положительных чертах, чем оно на деле есть. Вел. князь желает играть роль, в которой не признается или которую сам еще недостаточно себе уяснил. Быть может, обе стороны не вполне друг друга понимают. Замечательно, что вел. князь при этом случае снова говорил о своем предположении созывать депутатов от дворянства и земства и при этом выразился положительно в пользу *представительных*, но *неконституционных* форм правления, делая при этом то же различие, которое в подобающих случаях делаю я, т. е.

* Первое движение.

** первых движений.

*** что он устранил вопрос о личностях, о господах Милютине и Жуковском.

устраняя начало господства большинства и признавая за самодержавным государем право решать по своему усмотрению, как в пользу большинства, так и в пользу меньшинства, выслушав то и другое.

Вечером спектакль в Эрмитаже. Перед представлением на гр. Орловой-Давыдовой загорелось платье (от странной выдумки ставить по углам конфорки с духами и зажженным спиртом). Она не потерялась и села или легла на пол. Пламя, которое в первую минуту поднялось выше ее головы, тотчас потушили. Одним из деятельнейших тушителей был тесть графини гр. Владимир Петрович, который в первую минуту не знал, на ком он тушит платье, и только потом увидел знакомое лицо своей невестки. Ужин в прекрасно освещенных картинных галереях. Я от него уехал, но успел видеть общий coup d'oeil *.

12 ноября. Утром доклад у его величества. Меня беспокоила мысль о моей роли между вел. князем и гр. Бобринским и К°. Она неудобна при моем положении министра государя. Я решился, предварив о том Шувалова, который более или менее знаком с делом, сказать несколько слов государю о совершающейся вокруг вел. князя работе. Конечно, я выразился так осторожно, что выгородил обе стороны и сказал только то, что нужно было, во-первых, знать его величеству, а во-вторых, высказать мне для сохранения правильного в отношении к нему положения.

После доклада несколько визитов. Потом работа до вечера. Вечером бал для двора у кн. Кочубей. Кроме императрицы и вел. кн. Елены Павловны, были все члены императорского дома и все иностранные принцы с их свитами. Сын хозяйки, кн. Белосельский, вообще во всем неуклюжий и неприветливый, отказался танцевать с цесаревной по неуменью. Он сказал, что готов броситься из окна на улицу, но танцевать не может. Не знаю, было ли это просто проявлением его дикости или желанием досадить матери. Герцог Мекленбургский сказал мне: «Quel avenir pour cette maison qu'un pareil maître. Il attendra longtemps avant qu'il ne lui arrive de refuser une seconde fois l'invitation d'une césarevna de Russie» **. Английский посол представил меня принцу Валлийскому. Вернулся домой довольно рано, не дождавшись ужина, к которому остались, кроме государя, все высокие гости.

13 ноября. Утром у обедни. Ездил записаться у принца Валлийского. Выходил пешком. Остальное время за работой.

---

* картину.

** «Какого будущего для этой семьи можно ожидать от подобного хозяина. Он будет долго ждать, пока ему придется вторично отказаться от приглашения российской цесаревны».

14 ноября. Утром ездил записаться в Аничковом дворце по случаю дня рождения цесаревны. Приема нет, потому что дворцовая церковь не готова.

У меня был гр. Бобринский. Из его слов должно заключить, что вел. князь со мною говорит осторожнее, чем с ним. Бобринский уверяет, что он спрашивал наставления у гр. Шувалова, который, подумав, посоветовал ему настойчиво продолжать начатое дело. Шувалов этого мне не сказал. Бобринский говорит также, что во время его объяснения с вел. князем несколько раз присутствовала и принимала в них участие вел. княгиня. Это тем вероподобнее, что третьего дня на бале она подозвала меня к себе, чтобы сказать: «Le grand duc est très content de son entretien avec vous, et je vous engage à insister et à persévérer» *.

Все это, тем не менее, неприветливые для меня признаки. И вверху и внизу раздвоение и колебания. Радикальная и пагубная ошибка, заключающаяся в стремлении сплотить Россию силою, сохраняет полное свое значение и влечет за собою неизбежные последствия. Еще немного, и поворотить будет уже поздно. Весь окружающий нас в настоящее время блеск брачных празднеств меня не ослепляет. Опасаюсь их чада для других. Вспоминаю об Эрфурте и его parterre des rois **. За Эрфуртом был Асперн, потом Ваграм, потом Бородино и Ватерлоо. И для нас еще возможен Ваграм, но еще возможнее Асперн, а затем Ватерлоо или Кёниггрец с обрусением России на лад московского царства и с возвращением в большей или меньшей мере в его пределы.

Был в Государственном совете. Потом Главный комитет. Вел. князь сказал мне, что он предварил государя о своих отношениях к Бобринскому и что государь очень хорошо принял это сообщение.

Вечером на бале у английского посла. Принц Уэльский и Мориц Бландфорд были в шотландском костюме. Кроме императрицы и вел. кн. Александры Петровны, были все высокие гости.

15 ноября. Утром Комитет министров. Четыре битых часа, из коих три по делам Министерства внутренних дел [224]. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с кронпринцами и их свитой. Принц Валлийский, несмотря на малый рост, a un très grand air et les allures d'un grand seigneur ***.

16 ноября. Утром в Сенате. Потом доклады. Вечером раут в Мраморном дворце.

---

* «Вел. князь очень доволен беседой с вами, и я советую вам настаивать и проявлять упорство».

** ассамблея королей.

*** имеет очень внушительный вид и величественные манеры.

Тяжелое горе. Никто не знает, какие опасения меня давят. Год тому назад я писал, что чувствую физическое страдание под влиянием страдания нравственного. Это вторично сбывается.

17 ноября. Целый день за работой. Вечером на посольском приеме герцогини д'Осунна. Мрачные думы пронизывают все это. Завтра, послезавтра, каждый день, каждый час может разразиться новым ударом.

18 ноября. Утром доклад у его величества. Заезжал к гр. Бобринскому, который на днях получил известие о смерти его жены, скончавшейся в Париже. Заезжал к министру финансов по поводу статьи «Московских ведомостей» об операциях банка [225]. Застал его в совещании по этому именно предмету с бароном Штиглицем и Шамшиным и уехал.

Вечером fête * у вел. кн. Елены Павловны. Говорю fête *, потому что были и театр, и музыка, и бенгальские огни иллюминаций дворца снаружи, и три электрических солнца для освещения лестницы внутри его, и ужин, продолжавшийся до $\frac{1}{2}$ 3-го час. утра. На сердце у меня не праздник.

19 ноября. Утром совещание под председательством его величества у кн. Горчакова, который болен подагрой, по римско-католическому вопросу. Результат = 0, после обычных назойливых и нерассудительных разглагольствований патриотов, покроя Н. А. Милютина, гр. Толстого и К°. В заключение ген. Безак попытался выхватить высочайшее повеление для развязки вопроса о Каменецкой епархии, говорил о высылке епископа Баровского, епископа Фиалковского и т. п. Кое-как я отпарировал эту попытку, но выходя, я до того был взбешен, что сказал гр. Баранову, que ces messieurs étaient un tas de gredins et que le seul sentiment qu'ils m'inspiraient était la haine de leur cause et le mépris pour mon pays **.

При совещании присутствовал или в нем сиденьем участвовал новый фельдмаршал гр. Берг. Ни он, ни Баранов не разверзли своих уст и их никто ни о чем не спрашивал. Такова роль мужей Совета.

Потом заседание Департаментов экономии и законов по делу об учреждении уездных жандармских команд [226]. Опять неладная мера, но современный поток ее наносит.

Вечером видел кн. Орлова, ген. Огарева, ген. Потапова, прокурора судебной палаты Чемадурова и т. д.

20 ноября. Утром ряд посетителей, которых я не мог избегнуть и которые даже не позволили мне быть у обедни. Выхо-

---

* празднество.

** что эти господа—негодяи и что единственное чувство, которое они мне внушают,— это ненависть к тому, что они делают, и презрение к моей родине.

дил пешком перед обедом. Вечером за работой. Печальные думы.

21 ноября. Утром Государственный совет. До отъезда туда, вспоминая о заседании 19-го числа, об общем положении наших дел и о нездоровье Н. А. Милютина, заметном в то заседание, мне пришло на мысль, что, может быть, ему суждено путем болезни сойти с его нынешнего поприща. Войдя в Совет, первое, что я услышал, было известие о приключившемся с Милютиным ударе. У него отнялся язык, левая часть тела парализована; удар считается нервическим или проистекающим от ожирения сердца. Странно! Жалею о человеке, который обладал не только замечательными способностями, но и многими хорошими и приятными свойствами. Не жалею о государственном деятеле, которого считаю вредным.

После Государственного совета Главный комитет по кавказским делам [227]. Затем Комитет кавказский по вопросу, между прочим, о железной дороге [228]. Характеристические черты нашего делания дел все налицо. Когда в Комитете речь шла о компании, министр финансов был за казенное сооружение. Теперь речь о продолжении казенных работ, а министр финансов говорил о компаниях. Кн. Гагарин тормозил, сколько мог, по каким-то ему ближе известным побуждениям. Наконец, в 5 час. нас распустили с перспективою вновь собраться завтра после Комитета министров. Меня, конечно, не будет. Вечером на бале в дворянском доме [229]. Бал в честь высоких новобрачных. Mundus vult decipi *. Собственно, бал по подписке и с продажею билетов, устроенный петербургскими дворянскими предводителями, но вовсе не дворянством. Однако было полезно поддержать в настоящем случае обычай и мысль, лежащую в основе обычая. Для этого бал устроен и для этого он принят.

Видел там гр. Берга, который уже утром был весьма озабочен вопросом о назначении Милютину преемника. Удар постиг Милютина вчера в 8 час. вечера. В 12 ночи кн. Черкасский уже испрашивал по телеграфу разрешения приехать. Берг не отвечал. Но вечером государь уже сам поручил ему дать испрашиваемое кн. Черкасским разрешение. Вел. кн. Елена Павловна была утром у больного Милютина, наставила г-жу Милютину написать письмо к государю (вероятно, от имени мужа) и сама отвезла это письмо к его величеству. Берг морщится, но покорится.

Отзывы о болезни Милютина до цинизма к нему не сочувственны. Большинство радуется. И, действительно, кроме ярых сподвижников его в Империи и в Царстве, кроме подведомых этим сподвижникам чиновников и кроме «Московских ведомо-

---

* Мир жаждет обмана.

стей», едва ли кто-либо о нем будет сожалеть, как о государственном деятеле [229а]. Государь пожалеет, но государь смотрит на дело особым взглядом, который принадлежит ему, и, кроме его, разве весьма немногим.

22 ноября. Не поехал в Комитет министров. Выходил пешком.

23 ноября. Утром заезжал к кн. Горчакову. Слышал от него, что кн. Черкасский не будет назначен на место Милютина. Кн. Горчаков сказал, que la chose avait été bien et habilement menée*. Вызывают Платонова из Парижа. Между тем уже вчера поручено гр. Шувалову временно заведывать делами польской канцелярии [230]. Кн. Горчаков заметил, что вел. кн. Елена Павловна нерасчетливо приняла прямое участие в деле. Это прямое участие не встречает благосклонности.

24 ноября. Сегодня нет приема в Михайловском дворце. Был у меня гр. Берг. Он подтвердил сказанное кн. Горчаковым о вызове Платонова. Выезжал утром. Несколько визитов. Нового нет.

Перелистываю по временам эти заметки. Факты изложены верно. В моих взглядах встречаются или образуются оттенки, но оттенки несущественны. Когда впоследствии будут читать то, что я рассказываю, какой суд произнесут над мною и над другими? Разве я молчал, когда мне надлежало говорить? Разве я отступал от тех коренных начал, которые несколько лет сряду руководили не только моими действиями, но даже моими помыслами? Разве я виновен в том, что до сих пор остаюсь на моем месте и сотням людей помог, в частности, не имея возможности пособить им вкупе? Разве я не держал и не держу до сих пор распущенной хоругви тех начал, которых я защитник и проповедник? Пристанут ли к ним? Восторжествуют ли они? Увидим или увидят; или же exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor **.

25 ноября. Утром доклад у его величества. Государь сказал в разговоре, que la maladie de Milioutine l'embarrassait fort ***. Я отвечал, que je le pense bien ****, но далее ни его величество, ни я не развивали темы. Позже заседание соединенных Департаментов законов и экономии и заседание Кавказского комитета. Вечером большой бал у французского посла. Насколько я видел, все хорошо и с надлежащим блеском. Весь императорский дом, даже императрица были на бале. Герцог Мекленбургский [231] говорил мне, что он забавляется, следя за усилиями двух противоположных сторон по вопросу о замещении Н. Милю-

---

* что дело велось хорошо и ловко.

** из нашего праха поднимется мститель!

*** что болезнь Милютина создает для него большие затруднения.

**** что я это хорошо понимаю.

тина, что он советовал Бергу не предлагать государю кандидата, но выждать предложения со стороны государя и что он Шувалову дал другой совет — остерегаться и не слишком натягивать струн при разномыслии с его величеством. Revenir à la charge lundi, mardi, samedi, mais ne briser pas les vitres *. Шувалов со своей стороны говорил мне утром, что кн. Гагарин уже подносил государю проект указа о временном назначении Жуковского, но указ остался неподписанным.

26 ноября. Утром у вел. кн. Михаила Николаевича по его желанию. Потом у министра государственных имуществ. На георгиевском — праздничный выход; не поехал. Вел. князь говорил вообще о положении дел управления. Насчет Шувалова он выразил опасение, что зазнается. Странно, что все, не исключая членов императорской семьи, приписывают ему более влияния, чем на деле есть или по крайней мере, чем я замечаю. По ходу дел мне это должно быть видно. Ключ к влиянию не только в свойстве места, но и в разыгрываемой Шуваловым роли absolutiste quand même **.

27 ноября. Второе воскресенье не поспеваю к обедне, благодаря разным посетителям. Между прочим, видел гр. Бобринского, который продолжает рассчитывать на вел. кн. Константина Николаевича по вопросу о поземельном банке. Ездил в Польский комитет, но уже не застал заседания, хотя и застал членов. Продолжительный разговор с Шуваловым, который все толкует о предстоящих, по его мнению, неизбежных coups d'Etat *** в отношении к прессе, к земству и к судебной реформе. Отвечал, что при известных условиях считаю возможным только первый, другие же два признака решительно невозможными, и обратил его внимание на то, что я назвал systhème viager ****.

28 ноября. Утром в Государственном совете. Потом Главный комитет. Видел Шувалова в весьма сильном раздражении. Государя убедили в том, что Н. Милютин поправляется и что если он узнает, что польская канцелярия временно поручена Шувалову, то его постигнет второй и, конечно, смертельный удар. Из сего выведено заключение, что канцелярию следует передать в ведение Жуковского; кроме того, заявлено его величеству, что кн. Черкасский и Соловьев, сегодня ему представляющиеся, будут просить увольнения от должностей. Государь поколебался и, по-видимому, был готов согласиться. Шувалов говорит, что он имел решительное объяснение с его величеством

---

* Возобновлять попытки и в понедельник, и во вторник, и в субботу, но при этом вести себя осторожно.

** непреклонного сторонника самодержавия.

*** переворотах.

**** пожизненной системой.

и что ему удалось приостановить дело. Завтра он опять увидит государя после аудиенции Черкасского и Соловьева и надеется окончательно отложить высказанное предложение. Как все это шатко, слабо, ненадежно!

Между тем идут со мною переговоры о займе из сумм Министерства для уплаты долгов гр. Александра Адлерберга. Уплата неизбежна ввиду новых судов. Остается изыскать к тому средство без нарушения казенного интереса, т. е. с обеспечением возврата занимаемых сумм и с соблюдением нужной тайны.

29 ноября. Утром у государя с гр. Адлербергом (министром двора) и министром народного просвещения по вопросу о разных милостях семейству Карамзиных к предстоящему юбилею в память историографа. И в этом у нас пересол. Три дня в программе.

Перед тем у принца Гессенского, которому жалуются у нас земли и который со мной желал советоваться об ожидаемом даре. Потом Комитет министров.

Шувалов передал мне, что вчера кн. Черкасский имел продолжительное объяснение с государем и решительно объявил, что он уходит. Он сказал государю, что его с жандармами не заставят возвратиться в Царство и что Н. Милютин то же в польском деле, что был Ростовцев в крестьянском, но что его величество на этот раз не найдет Панина, чтобы довершить дело.

30 ноября. Утром в Сенате. Потом дома за работой. Шувалов писал, что Набоков назначен [232]. Следовательно, Черкасский уходит и вся декорация нашей политической деятельности переменяется. На какой же почве стоим мы, если такие перемены так возможны?

1 декабря. Утром в Академии наук. Карамзинский юбилей. Многочисленное собрание. Были вел. князья Александр, Владимир и Алексей Александровичи, герцог Лейхтенбергский, почти все министры и до 1000 человек служителей обоего пола. Все прилично. Я не остался до конца и не слыхал большей части речи Погодина, в которой, конечно, известная записка Карамзина о Польше [233] играла надлежащую роль и вызвала громкие рукоплескания. Государь осыпал милостями семейство Карамзиных или, точнее, Мещерских, как их представителей [124].

2 декабря. Утром доклад у его величества. Разные назначения, в том числе увольнение Щербинина от дел печати. Государь говорил о польских делах и о своем объяснении с кн. Черкасским. После доклада краткая аудиенция у императрицы, которая передала мне проект доктора Шульца об учреждении повивальной части в селениях. Потом множество дела и посетителей у меня на дому. Обедал у их императорских величеств с кн. Гагариным, гр. Бергом, графом и графиней Шуваловыми, князем и княгиней Гагариными (Академия художеств). Вече-

ром опять посетители и работа. Были, между прочим, ген. Безак и Коцебу. С первым я имел объяснение по поводу последнего заседания у кн. Горчакова.

Кн. Горчаков сильно занемог. Он кажется мне весьма непрочным.

3 декабря. Выезжал утром, после утомительного приема просителей и пр. Был в заседании Департамента экономии. Потом дома за работой.

«Московские ведомости» продолжают желчные на меня нападки [234]. Молчу и выжидаю.

Самая опасная черта нашего нынешнего переходного и временного положения заключается в том, что продолжительность его окончательно разлагает все элементы охранительных сил. Начинаю терять надежду и на возможность того способа разрешения нашей участи, который так долго мне казался если не вполне удобным, то по крайней мере верным. Общество более и более расшатывается и распадается. Неудовольствие и недоверие укореняются. Prestige правительства, давно бледнеющий, окончательно потухает.

4 декабря. Утром у обедни. Заезжал к Скарятину и Паскевичу, который от нечего делать выходил на Мон-Блан и отморозил себе ноги. Он еще ходит в войлочных сапогах. Перелистывал свои записки.

5 декабря. Утром в Государственном совете, куда приехал при закрытии краткого заседания. Дел было немного и председатель спешил на панихиду в крепость по случаю завтрашнего дня [235]. Потом дома. Читал кн. Вяземскому отрывки из моих записок и мою всеподданнейшую записку 13 апреля 1863 [236].

6 декабря. Утром в Комитете министров. Обедал у английского посла. Кн. Гагарин и военный министр делают, что могут, чтобы затруднить развязку по польским делам. Между тем Кошелев представил государю записку по тем же делам, в высшей степени рассудительную и весьма метко осуждающую метод милютинского управления [237].

7 декабря. Утром за работой. Потом заседание или совещание у гр. Берга. Кн. Гагарин, он, Шувалов и я. Вопрос о скорейшем приведении в исполнение давнишней мысли государя и предположения Н. А. Милютина о присоединении разных частей управления Царства Польского к главным соответствующим частям общего управления империей. Шувалов настаивал на скорейшем исполнении. Гр. Берг старался сберечь, что мог, и в виде отступного предлагал иноверное исповедание. Почти каждая фраза с его стороны завершалась словами «mais les cultes» *. Другие не довольствовались передачей «cultes» **,

---

* «но вероисповедания».

** вероисповеданий.

и, таким образом, вроде стансов с однообразным refrain * совещание длилось два часа.

8 декабря. Совещание у его величества по тому же предмету. Налицо государь, цесаревич, гр. Берг и члены Польского комитета. Решено предложить всем министрам согласиться с наместником насчет передачи в их ведение разных отраслей местного управления Царства. В городе по поводу болезни кн. Горчакова снова толки о его уходе и о моем переходе в иностранные дела.

9 декабря. Утром доклад у его величества. Потом у государыни императрицы по интересующим ее вопросам об устройстве повивальной части в селениях, о старорусских водах и пр. Она поговаривает о лечении кумысом в течение лета. Потом несколько удачных визитов, никого не застав дома. Заезжал к кн. Горчакову, которого видел и который, к счастью, поправляется. Он в постели, слаб, но бранит барона Будберга. Следовательно, нормальное состояние восстановилось.

10 декабря. Утром в заседании Департамента экономии. Обедал у Анненковых. Вчера вечером были у меня гр. Берг, потом Шувалов. Они озабочены скорейшим испрошением высочайшей подписи на указах об увольнении кн. Черкасского и назначении на его место тайн. сов. Брауншвейга.

11 декабря. Утром опоздал к обедне. Выезжал. Был у меня гр. Берг, потом Брауншвейг. Fifficus **.

Кн. Вяземский предварял меня вчера о том, что против меня возбуждается или обнаруживается un mouvement hostile ***, что гр. Шувалову приписывается стремление овладеть моим местом и пр. Между тем я почти желаю, чтобы mouvement hostile *** увенчался успехом, а Шувалов занял мое место. Чтобы принести пользу, мне нужно не оставаться, а, быть может, вернуться.

12 декабря. Утром вместо Государственного совета, отложенного до четверга по случаю полкового праздника лейб-гвардии Финляндского полка, Польский комитет в присутствии цесаревича. Обычное впечатление.

13 декабря. Не поехал в Комитет министров. Целый день дома.

14 декабря. Тоже дома. Работа и тревожные ожидания по частным заботам. Никто не знает, до какой степени они меня гнетут. Тяжело вести мою трудовую жизнь под этим непрерывным гнетом.

15 декабря. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером дома.

---

* припевом.

** Пройдоха.

*** враждебное направление.

16 декабря. Утром доклад у его величества. Заезжал к кн. Горчакову. У него должно было происходить после меня в присутствии государя совещание по восточному вопросу с министром финансов и, вероятно, с министрами военным и морским. Кн. Горчаков направляет вопрос к тому, чтобы, не уклоняясь от выгодного нам в настоящее время принципа невмешательства, тем не менее оградить наше значение и влияние на Востоке требованием автономии для христианских племен, ныне состоящих под владычеством Турции [238].

Вечером был у меня Обухов. Грезы с его стороны об организации охранительной партии.

17 декабря. Утром прием. Доклады. К сожалению, уже пробивается в публику слух о предназначении денег, занятых из римско-католического фонда.

18 декабря. Утром у обедни. Выезжал. Видел приехавшего из Иркутска ген. Корсакова. Слава богу, вести не так дурны, как я опасался.

19 декабря. Утром в Государственном совете. Сцена между вел. князем и кн. Гагариным. По поводу одного неважного дела, касающегося земских учреждений [239]. Вел. князь, постоянно помышляющий о восстановлении своей популярности учреждением при Государственном совете особых съездов или комитетов из депутатов от дворянства и земства (см. мысль, заявленную мне 4 апреля), предложил мне взять обратно мое представление, с тем чтобы осведомиться по ближайшему моему усмотрению о взгляде самого земства на предлежавший вопрос. Ген. Чевкин, почуяв довольно верно, с какой стороны и какой поднимался ветер, начал возражать, но мягко. Кн. Гагарин в свою очередь сказал, что он в этом видит конституционное начало. Вел. князь вышел из себя, перерезал речь кн. Гагарина и, сказав ему: «Я вам это припомню», кончил объявлением, что подобных предположений в Государственном совете нельзя выражать. После заседания он объявил мне, что немедленно едет жаловаться государю.

Характеристичны отзывы по этому предмету некоторых членов Совета. «Ce serait une bonne affaire,— сказал Шувалов,— d'être délivré de tous les deux à cette occasion» *. «Жаль, что они не сцепились,— заметил Зеленый,— анафема (кн. Гагарин) здоров, он бы потрепал соседа». «Что ж он так горячится? — сказал мне гр. И. М. Толстой про вел. князя.— Разве не в бровь, а в глаз? На воре шапка горит». Татаринов, которому я указал на желание вел. князя приобрести значение и популярность, отвечал: «Il n'obtiendra jamais ni popularité, ni estime» **.

---

* «Хорошо было бы,— сказал Шувалов,— освободиться при этом случае от обоих».

** «Он никогда не добьется ни популярности, ни уважения».

После Государственного совета Комитет польский. Потом заседание Департамента законов по вопросу о раскольниках [240]. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером в италианской опере в английской ложе. В пользу кандиотов [241] устроен или устраивается бал bal en «allegri»* под покровительством довольно странным, без разрыва с Турцией, императорской фамилии. Иностранцы называют этот бал вместо bal des Crétois — bal des crétins **.

20 декабря. Утром Комитет министров. Потом дома.

21 декабря. Утром в Сенате. Потом доклады.

22 декабря. Утром работа. Обедал у испанского посла. Видел там Шувалова, который уже страдает головокружениями от усиленной работы!

23 декабря. Вел. кн. Константин Николаевич присылал за мной до доклада государю, чтобы предварить о том, что его величество, вероятно, заговорит о поданной вел. князем записке и о его стычке с кн. Гагариным [242]. Государь при докладе не сказал ни слова ни о том, ни о другом. Из слов вел. князя видно, что государь не одобрил горячность его высочества и вообще отозвался о сцене в Государственном совете на основании дошедших до него другими путями сведений. Эти пути — Шувалов и гр. И. М. Толстой.

24 декабря. Кроме обычной работы, у меня теперь на руках особое затруднение, возбуждаемое нерассудительностью и противуправительственным настроением более или менее значительной части земства. Последним тому предлогом служит закон 21 ноября, оградивший торговлю и промышленность от произвольных «ударов» по карману [243], которые некоторые земские собрания признали удобным средством для уравновешения своих бюджетов.

Утром был у Муханова. Заседание особой комиссии по делу князя и княгини Радзивилл. К счастью, я скоро отделался. Вечером обычная елка. Не без грустных дум и воспоминаний.

25 декабря. Утром у обедни. Целый день дома.

26 декабря. Выезжал утром. Вечером за работой по земскому вопросу.

27 декабря. Утром дома. Работа и разные посетители. Вечером у французского посла. Représentation des fières. Ennuyeux et stupide ***.

28 декабря. Утром совещание у меня по высочайшему повелению относительно вопроса о привлечении Общества взаимного поземельного кредита к участию в деле распространения русского землевладения в Западном крае. Гр. Бобринский,

---

* бал с лотереей.

** вместо бала критян,— бал кретинов.

*** Изображение гордых. Скучно и глупо.

добиваясь некоторой правительственной поддержки, наставил гр. Баранова представить государю записку по этому предмету. Записка весьма нерассудительная, ибо в ней речь о покупке имений на сотни миллионов и о покупке даже городских недвижимостей, хотя и на негородские мало охотников и еще менее капиталов, представлена с месяц тому назад. После разных колебаний и попыток сладить дело с министром государственных имуществ состоялось, наконец-то, повеление, о котором выше сказано. При начале совещания, в котором участвовали, кроме меня, министры государственных имуществ и финансов, гр. Шувалов, оба западных ген.-губернатора и гр. Бобринский, Рейтерн обнаружил обычную раздражительность и неуступчивость. Под конец все как будто согласились на ублюдочном, по моему мнению, непрактическом способе разрешения задачи. Бобринский один достиг своей цели. Другие воображают, что достигнут своей, а министр финансов, что он отстоял свое мнение. Я сделал то, что мог, чтобы не испортить дело теперь и сохранить возможность поворота впредь, когда и если взгляд на этот вопрос отрешится от настоящей гражданской и политической дикости. Вчера состоялось при посредстве государя и в его присутствии примирение председателя и вице-председателя Государственного совета. В воскресенье у обедни государь обошел кн. Гагарина всевидимо. Кн. Гагарин просил увольнения. За сим позвали его и вел. князя, и мир заключился.

29 декабря. Утром был у гр. Стенбок. Потом вторичное у меня заседание вчерашнего комитета. Мне удалось провести предварительно согласованную с гр. Бобринским редакцию. Затем я известил государя о результате и отправился обедать к вел. кн. Константину Николаевичу. Дорогою я думал и догадывался о цели приглашения именно в этот день. Он, во-первых, хотел пересказать о мировой с кн. Гагариным, преимущественно, в виде принятого от него извинения и, во-вторых, имея в виду, что я завтра докладываю государю, желал подбить меня принять на себя дальнейшую заботу о переданной им государю, но государем доселе не возвращенной, записке. Вел. князь даже выразился так наедине после обеда: «Нам следует провести дело или убраться». Нам? Солидарности с ним я вовсе не добивался и теперь ее не желаю. Мы по временам можем сходиться, но наши взгляды и приемы различны. Он теперь под влиянием Киреева, который бредит земством или, по выражению его высочества, «земщиной», потому что там разыгрывает роль, но этой роли разыграть не умеет. Он и Грейг обедали с нами сегодня. Пятый был вел. кн. Николай Константинович. За обедом я не преминул высказать Кирееву весьма горячо и резко мое мнение о толках московского собрания насчет ст. 9 и 11 временных правил [244] и закона 21 ноября.

Ко мне приезжал министр юстиции и сообщил о высказанном ему государем желании, чтобы на место Стояновского поступил гр. Пален.

30 декабря. Утром доклад у его величества. Государь выразил мне также желание назначить гр. Палена товарищем министра юстиции и, когда я отвечал, что считаю его весьма полезным, то сказал, что он останавливается окончательно на этой мысли, и приказал мне передать о том Замятнину к исполнению. Перед входом в кабинет государя переговорил с Рейтерном насчет вчерашнего совещания и затем испросил высочайшего разрешения дать делу дальнейший ход, официально поручив гр. Бобринскому сообщить наши предположения Обществу взаимного кредита и нам передать его отзыв. Государь страдает уже дня два ревматическою болью в ноге. Во время доклада он почувствовал спазмодическую боль в груди, захватывавшую дыхание, он побледнел, я приостановился. Потом боль прошла, но на меня эта минута произвела сильное впечатление. Что было бы, подумал я, если бы его жизнь действительно подверглась опасности? Что наступило бы тогда для России? На этот вопрос трудно дать ответ.

Сегодня кандиотский маскарад в Большом театре. Он открыто патронируется императорской фамилией. Странно. Патронатство даст лишних тысяч 20 руб. Лучше было бы дать эти 20 тыс., чем патронатство. Что значит оно без разрыва с Портой и когда этот разрыв для нас нежелателен? Государь говорил, что он вызывает сюда ген. Крыжановского, что для Туркестана нужен особый ген.-губернатор, что туда пригоден бы ген. Хрущов, а на место Хрущова можно бы назначить кн. Багратиона. Я отвечал, что Багратион по своим свойствам пригоден для дел с разными сословиями у нас, и предложил ген. Черткова.

31 декабря. Утром заезжал в Зимний дворец узнать о здоровье государя, хотя и знал уже, что он вчера был в маскараде. Встретил там депутацию от купечества, которую императрица благодарила за пожертвования в пользу кандиотов. Был потом у вел. кн. Елены Павловны на испытании воспитанников ее консерватории. Замечательные результаты. Особенно поразила меня игра 16-летней девицы Терминской. Силы и мягкости почти столько же, сколько у ее учителя Рубинштейна.

Гр. Пален назначен. Замятнин был у меня на обратном пути из Зимнего дворца, где государь подписал указ.

Завершается год. Он пережит, нелегко было бремя, но благодаря богу оно перенесено или вынесено. Смотрю назад с благодарением, вперед с молитвою и упованием [125, 126].

1867 год

1 января *. Утром в Зимнем дворце. Малый выход. Праздничных новостей немного. Бутков и Павел Муханов — дейст. стат. советники. Урусов и Набоков украшены новыми звездами. Выезжал перед обедом. Потом дома. Видал приехавшего из Пскова Палена.

2 января. Утром видел опять Палена, который непременно хочет отказаться от новой должности [245]. Предупредил о том государя, к которому Пален должен был ехать. Государь его уговорил принять должность хотя на время, чтобы себя испытать. Был в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета.

3 января. Комитет министров. Неприятное дело о симбирских судебных следователях [246], в котором Шувалов немилосердно налегал на министра юстиции, а министр юстиции обнаружил обычное отсутствие всех министерских свойств. Сегодня открыто здешнее губернское земское собрание. Вечером на $^1/_2$ часа на бале у английского посла.

4 января. Работал. Начал составление [127] записки о земских учреждениях для государя [247]. Вчера открыто здесь губернское земское собрание. Сегодня в нем читался отчет управы, большею частью направленный, как и доклад председателя Крузе, против меня [248].

5 января. Утром за работой. Доклады. Обедал у гр. Хрептовича.

6 января. Утром доклад у его величества. Потом дома. Страдал сильно лицевою болью. Кроме того, раною на ноге от какого-то ушиба.

7 января. Дома. Работал.

---

* *1 января 1867 г.* Полночь. Новый год в С.-Петербурге. В церкви дома министра внутренних дел с женою, Никсом, Маковым, Вакульским, Фелькерзамом и Колошиным. С молитвою, благодарением и упованием.

8 января. То же. Утром у обедни. Кончил записку и отправил ее к государю.

9 января. Государь возвратил записку и предоставил быть у него для объяснений, буде пожелаю, сегодня или завтра. Он, видимо, доволен запиской, что, между прочим, выразилось и немедленным приглашением к обеду. Я нездоров и потому извинился, написав государю, что надеюсь иметь возможность выехать завтра. Не был в Государственном совете. Оттуда приехали ко мне кн. Долгоруков и ген. Дюгамель.

10 января. Утром у государя. Потом у императрицы по делам, ее интересующим. Государь благодарил за мою записку, которую еще вчера приказал внести в Совет министров на 12 число, а между тем сообщить вел. князю, гр. Шувалову, Рейтерну и Зеленому.

11 января. Дома за работой.

12 января. Совет министров по вопросу о земских учреждениях [249]. Одно из тех заседаний, после которых ум съеживается и предстоящая будущность кажется еще туманнее. После чтения моей записки, прерванного по приказанию государя прочтением отчетов III Отделения о двух последних заседаниях земства, кн. Гагарин, военный министр и недавно вернувшийся из-за границы гр. Панин высказались против всякого существенного изменения в законе. Гр. Шувалов рисовал заседания земства, действительно здесь весьма неприличные, ввиду революционной пропаганды, и находил необходимым прекратить публичность заседаний и подробную печатную гласность прений. Государь заявил о толках в городе насчет его мнимых конституционных стремлений и сказал, что сочинителями конституционного проекта называют вел. кн. ген.-адмирала и кн. Урусова. Этот намек на известную великокняжескую записку [250] произвел видимое впечатление на вел. князя. Затем завязался запутанный обмен более или менее запутанных мышлений, и все кончилось высочайшею полугневною аллокуцией, в которой государь высказал свое мнение, что сидеть сложа руки нельзя, что пора действовать и что направление земства достаточно ясно. Засим приказано гр. Шувалову, Рейтерну, Зеленому и мне вчетвером сообразить мою записку и наше заключение вновь внести в Совет министров.

Вечером в Мариинском театре «Смерть Иоанна Грозного» гр. Толстого. Странное впечатление. Картина до цинизма правдивая. Это — древняя Русь. Кроме кн. Сицкого, который исчезает после первой сцены, боярина Захарьина, который добр и прямодушен без порыва, и Годунова, который мгновениями становится выше других под влиянием честолюбия, все прочее или зверское, или низкопоклонное варварство. Дума бояр — вылитая сходка. Теория господства Иоанна — едкая насмешка

над всяким человеческим чувством. Одно лицо по внешним приемам и речам благороднее — хохол Гарабурда, посол польского короля. Странная свеча, поставленная допетровскому патриотизму,— и в императорском театре в присутствии государя странный комментарий к тезису автократизма!

13 января. Утром доклад у его величества. Государь отозвался с укором о предположении, вчера высказанном кн. Гагариным и некоторыми другими, теперь не принимать никаких законодательных мер. Впрочем, доклад был бесцветный. Ни дело земского собрания, ни вчерашнее зрелище «Иоанна Грозного» не произвели прочного впечатления; последнее, кажется, даже никакого. Заезжал потом, по требованию вел. князя, к нему. Он беспокоится насчет реакционарных стремлений Шувалова и спрашивал меня, какими путями на него можно действовать. Я назвал графиню, самого вел. князя и гр. Бобринского. Он присовокупил имя Грейга. Оттуда заехал к Шувалову. Условился, чтобы первое наше заседание было завтра. Я еще был у него, когда приехал ездовой от вел. князя звать его обедать.

Заходил перед обедом к кн. Кочубей. Même les dames sont obtuses *.

14 января. Утомительный прием. Потом доклады. Потом наше первое заседание. Род предисловия, но тяжелое предисловие. Рейтерн ниже критики, Зеленый себе верен, т. е. не выше самого серединного уровня; Шувалов — sur les grands chevaux de l'autocratie **. Все рассуждают, comme s'il y avait pas de lendemains ***. Мое положение почти невыносимое. Всю остальную часть дня я ставил себе внутренние вопросы. На них нет ответа, потому что нет решительного указания в данной обстановке. Я знаю, что есть lendemain ****, и потому колеблюсь.

Перед нашим заседанием был еще в другом — Департамента экономии. Там другие текущие дела, беззаботно льющие свои чернильные и словесные потоки, как будто бы других не было.

Вечером опять ряд утомительных посещений, между прочим кн. Владимир Андреевич Долгоруков. Мудрый воевода.

15 января. Вчерашнее заседание земского собрания было столь же неприлично, как и предшедшие [251]. Вследствие возбужденного ген. Зеленым вопроса я счел не лишним испросить разрешение государя обсудить независимо от общего вопроса о земстве и частный вопрос о том, что следовало бы сделать со здешним. Государь отвечал, что признает это необхо-

---

* Даже дамы тупы.

** с громкими фразами о самодержавии.

*** как будто завтрашнего дня не будет.

**** завтрашний день.

димым и сам хотел это приказать. Тогда я остановился на давно уже задуманном мною распущении здешнего собрания с отрешением от должности председателя губернской управы и передачею на рассмотрение Сената отчета и доклада управы. Я был уверен, что к тому настало время и что другие или пожелают идти еще дальше, или бросятся в личные преследования, высылки и т. п. Действительно, оказалось, что захотели в нашем сегодняшнем совещании обратиться прежде всего к мерам взыскания против гр. Андрея Шувалова, Крузе и Обольянинова. Когда я заявил о своем предположении, то мысль о закрытии собрания немедленно приняли, но Шувалов предложил вместо временного закрытия, распущения нынешнего собрания и созыва нового совершенно приостановить в С.-Петербургской губернии действие закона о земских учреждениях. Рейтерн, который и сегодня был до крайности неприятен, немедленно пристал к Шувалову. Зеленый долго держался моей мысли, но затем также к ним присоединился. Я настоял, чтобы оба предположения были заявлены государю и затем тут же редактировал и шуваловское предположение. (Эти господа не горазды на грамоту.) Шувалов принял на себя сегодня же вечером доложить об этом государю. Это сделано, и нас сзывают в Зимний дворец к $10^1/_2$ час. утра на завтра. Кроме нас, будут вел. кн. ген.-адмирал, кн. Гагарин и гр. Панин. Моя личная цель достигнута. За мною должен оставаться оттенок. Хотя бы государь и предпочел мысль Шувалова, не останется безызвестным, что я предлагал способ менее крутой и более регулярный по форме. Утром был у обедни. Потом выезжал.

Роль Шувалова несколько определительнее очерчивается. Его называют Алексеем Андреевичем или Pierre IV. После «Смерти Иоанна Грозного» его можно назвать и «ближним боярином». Оно полезно. Быть прочным «ближним» теперь еще нельзя. Быть им на вид не стоит, быть на время или скачками до скачка падения непригодно. Между тем кому-нибудь быть этим следует. Вовсе не имею здесь в виду личных интересов или стремлений. Слежу только за процессом линяния нашего быта. Моя мысль exoriare aliquis nostris ex ossibus victor, vel ultor *.

16 января. Утром совещание у его величества. Кн. Гагарин и гр. Панин по обыкновению были невозможны и предлагали невозможные меры. С гр. Паниным вышел у меня род сцены, когда он предложил, вместо рассмотрения отчета и доклада губернской управы в Сенате, поручить рассмотрение оных особому комитету из назначенных его величеством лиц, например, барона Корфа, ген. Чевкина и т. п. Я сказал, что сожалею о

* из нашего праха поднимается победитель или мститель.

том, что лица, участвующие в случайных совещаниях, так мало принимают во внимание взгляды лиц, на себе несущих бремя постоянного труда и непрерывной ответственности, и что я в своих действиях готов отвечать перед Сенатом, потому что это законно, но — не ответчик перед ген. Чевкиным и бароном Корфом, и всякое с их стороны разбирательство счел бы немилостью государя. Гр. Панин сначала смолчал, потом с некоторым жаром сказал, что он меня всегда поддерживал, но что он не может быть рабом ничьего мнения и что совещение г.г. Корфа, Чевкина и пр. можно было бы устроить на таких основаниях, на которых оно было бы для меня нещекотливым. В общем итоге дело кончилось принятием предположения о закрытии собрания с приостановлением на время действия закона о земских учреждениях. Я, впрочем, не настаивал на своем первоначальном предположении ограничиться закрытием и распущением собрания, а только заявил о нем, приняв вообще на себя доклад обоих. Возвратясь, я послал за гр. Левашовым и лично передал ему письменное высочайшее повеление к исполнению.

Вечером в 8 часов собрание закрыто и высочайшее повеление ему объявлено. Все обошлось спокойно. Говорят, что впечатление было сильное и что неожиданность принятой меры произвела свое действие[128].

17 января. Утром в Комитете министров. Шеф жандармов объявил сегодня Крузе о высылке его в Оренбург на 4 года, а гр. Шувалову (Андрею Павловичу) о предоставлении ему на выбор ехать туда же или за границу на 3 года. Обольянинову (одному из ярых ораторов собрания) это еще не могло быть объявлено потому, что его не застали. (Оказалось, что сведения III Отделения были неточны. Его оставили в покое) *. Шувалов отозвался, что он действовал dans le sens monarchique et dinastique, que la mesure d'hier était une faute, celle d'aujourd'hui une faute plus grande, que c'était le commencement d'une révolution rouge etc.., etc... **. Крузе просил отсрочить выезд в Оренбург по семейным обстоятельствам. (Он казался пораженным.) В городе разные толки. Шувалов показался мне сегодня озабоченным. Государь, несмотря на 20° мороза, уезжает в Гатчино на охоту. Обедал у Скарятина.

18 января. Дома. Доклады. Потом совещание по вопросу о земстве. Были на этот раз приглашены гр. Бобринский и кн. Лобанов. Оба предъявили готовые полупроекты изменения закона. Говорю полупроекты, потому что в этих писаниях своя доля наивности. Прямого результата совещание не имело. При

---

* *Фраза в скобках написана на полях.*

** в монархическом и династическом духе, что принятая вчера мера была ошибочной, а сегодняшняя — еще более ошибочна, что это начало революции красных и т. д..., и т. д...

Бобринском и Лобанове нельзя было вести его между нами. В городе вообще одобряют меру закрытия собрания и осуждают меры личного взыскания.

Для меня настоящее положение дела имеет особую важность. Оно обозначает поворот в моей системе. Оказывается, что после непринятия в свое время моих предположений 1863 г. [252] ввиду направления, обнаруженного земством и при лично против меня направленном настроении того или части того разряда людей, которых я старался привлечь на сторону правительства, нельзя далее идти к цели прежним путем и держаться прежнего способа действий.

19 января. Утром Государственный совет вместо понедельника. Потом Главный комитет. Обычные впечатления. Первые известия из губернии насчет того впечатления, которое произвело закрытие С.-Петербургского земского собрания вообще удовлетворительны. Здесь криков много. Вечером был у меня сенатор Любощинский, которому приказано подать в отставку [253]. Он просил моего заступничества. Направил его к Шувалову и постараюсь завтра сказать о нем государю при докладе.

20 января. Утром всеподданнейший доклад. Попытка помочь Любощинскому не удалась. Государь отклонил ее довольно мягко, но решительно. Шувалов ее возобновит. Позже у меня заседание по земскому вопросу. Вечером видел гр. Александра Адлерберга, которому желал забросить мысль о соединении в лице Шувалова званий шефа жандармов и министра внутренних дел. В этой форме мне скорее, быть может, удастся сойти с нынешней сцены.

21 января. Целый день дома. Сильная стужа продолжается несколько дней сряду. Притом мне никуда и ни к кому не хочется. Видел гр. Орлова-Давыдова. Он одинаково неразумен и ожесточен. В городе продолжаются толки и демонстрации. В пользу Крузе состоялась довольно значительная подписка. Кн. Щербатов, кн. Васильчиков и кн. Воронцов заявили, что они выходят из Общества взаимного поземельного кредита.

22 января. У обедни. Выезжал. Затем один дома с неутешительными и, что хуже всего, неясными думами. Я в раздумье, более чем думаю. Я внутренне как будто погнулся или пошатнулся. Я в страдательном настроении. Самое отчетливое впечатление, ощущение или чувство во мне — чувство тягости, утомления, безнадежья, возрастающего от длинного ряда охлаждений равнодушия. Я совершенно один, и к этому одиночеству привели меня труды и заботы, наполнившие 20 лет моей жизни! Какой приговор или надо мною, или над другими! Быть может, так должны были исполняться судьбы. Тот гнет, под которым я постоянно работал, та внутренняя сдавленная жизнь, которой, быть может, многие во мне не подозревали, то

непрерывное сопутничество разных огорчений, забот, уязвлений чувств самолюбия и некоторой мне присущей гордости, которые меня преследовали, то отсутствие солнечного луча, проблеска счастья, свободного дыхания, свободной мысли и свободной воли, с которым я почти сроднился,— вот что поломало мои силы, поколебало во мне решимость и стойкость и сделало меня почти робким.

23 января. Утром Государственный совет. Потом у меня совещание по земскому вопросу. Результатов мало.

24 января. Утром прием. Потом Комитет министров. Гр. И. М.Толстой замечает, что председатель особенно предупредительно относится к Pierre IV. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с кн. Оболенским и фрейлен Раден. Вел. княгиня говорила о земстве и о том, что государь утомлен делами и желает уехать отдохнуть за границу. Перед обедом был у Тройницкого, который болен, и у кн. Кочубей, у которой третьего дня был в доме пожар.

25 января. Утром в Сенате. Потом за работой.

26 января. Утром в Совете министров. Чтение записки военного министра о преобразованиях по военному ведомству [254]. Затем дома.

27 января. Утром доклад у его величества. Обедал у министра народного просвещения. Невероятны отношения государя к редактору «Народного голоса» [255] и к другому мазурику, ex-иезуиту Джунковскому. Печальный признак. Самодержавие, опускаясь до такого уровня, само умаляет свое обаяние и понижает свое значение. Перед обедом заседание у меня по земскому вопросу. Кроме Лобанова и Бобринского, на этот раз был приглашен председатель Новгородской губернской земской управы Качалов. Он всех их рассудительнее, и его слова подействовали на Шувалова.

28 января. Утром заседание соединенных Департаментов гражданских дел и законов по предположениям гр. Панина о мерах против социалистических стремлений и неправильных действий сословных собраний [256]. Потом работа дома.

29 января. Утром в Зимнем дворце. Малый выход по случаю присяги кн. Евгения Лейхтенбергского. На короткое время на бегу. Вечером в Большом театре. Видел Гранцову. Мое появление в театре удивило моих знакомых. Гранцова имеет замечательные способности.

30 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером у гр. Стенбок, против английского катка, на котором был праздник при весьма живописном освещении. Государь и некоторые члены императорской фамилии были на вечере. За недостатком других участвовал в партии его величества. К ужину не остался.

31 января. Утром Комитет министров. Неприятные затруднения по делам прессы [257].

1 февраля. Утром доклады. Потом совещание у меня новой изобретенной гр. Барановым комиссии по делам Западного края [258].

2 февраля. Выходил утром. Был у меня Шувалов с разными предварениями о готовящихся демонстрациях по делам городской думы. Это происходит отчасти от беспокойного характера и честолюбивых проделок гр. Левашова, который ездит к Шувалову сетовать на мое мнимое равнодушие. Вечером в Большом театре. Тот же «Конек Горбунок». Я желал, чтобы Гранцову видели мои домашние.

3 февраля. Утром доклад у его величества. Потом совещание у министра юстиции по вопросу о порядке следствий о подделке кредитных бумаг [259]. Затем другое совещание у гр. Баранова по делам Западной комиссии. Мы входим в эту новую форму ведения этих дел, как в лес. Шувалов и Баранов имеют в виду заставить разработать прикосновенные вопросы несколько частных лиц, разыгрывающих роль волонтеров, а именно гр. Алексея Бобринского, Ржевского, кн. Лобанова, гр. Комаровского, гр. Зубова и Киреева. Они называют все это учреждением «редакционной комиссии». Никто из них не имеет определительного понятия о том, к чему он идет и чего он добивается. Я участвую, потому что нельзя не участвовать, ибо гр. Баранов выманил два-три отдельных на то высочайших повеления, и потому что на мою долю приходится роль балласта для придания нашему кораблю устойчивости и роль рулевого, чтобы не допускать слишком неудобных уклонений.

Вечером на бале у испанского посла.— In fiocchi * по случаю присутствия высочайших особ.

В городе множество нелепых толков. О дворе по обыкновению все рассказывается превратно. Например, государь хочет ехать за границу, а императрица не хочет. Говорят наоборот.

4 февраля. Дома. За работой, несмотря на больной глаз.

5 февраля. Дома. Работа. Вечером неожиданный частный эпизод, вызвавший сильное раздумье. Перед обедом принимал членов новой редакционной комиссии, импровизированной гр. Барановым и гр. Шуваловым, а именно, гр. Бобринского, кн. Лобанова, гр. Комаровского, гр. Зубова, Ржевского и Киреева. Невероятно, но оно так. Этим отчетливо характеризуется мое положение. Я — министр внутренних дел! Я не могу перестать быть министром внутренних дел. И, несмотря на это, я, как министр внутренних дел, бессилен. Кругом меня играют в управление кто с детскою, кто с старческою самоуверен-

---

* В парадном мундире.

ностью. Я связан. Тот, кто мне развязать мог бы руки, их не развязывает и меня задерживает.

6 февраля. Дома. Не поехал в Государственный совет, но целый день, несмотря на больной глаз, работал над циркуляром губернаторам по поводу закона 21 ноября [260].

7 февраля. Утром в Комитет министров для предъявления, согласно высочайшей воле, циркуляра губернаторам конфиденциального свойства, мною проектированного по поводу закрытия с.-петербургских земских учреждений [261]. Он возбудил разные сомнения и подвергся разным сокращениям. При происходивших о том суждениях одни члены говорили, как будто циркуляр предназначался для газет, другие,— как будто он не исходил от министра внутренних дел к губернаторам, третьи, в том числе гр. Панин,— как будто собрание закрыто за несоблюдение закона 21 ноября, и т. д.

Обедал у бельгийского посланника.

Долго ли, долго ли мне суждено терпеть, ждать и не перетерпеть, и не дождаться *.

8 février. Travaillé toute la journée malgré un mal d'yeux croissant. Achevé un projet de circulaire sur la loi du 21 nov.

9 février. Etat des yeux empiré. Travail direct impossible.

10, 11, 12 février. Mal des yeux continue. Pas allé travailler avec l'empereur. Travail par intermédiaire de dictées. Schouvaloff insiste pour que je parle de mon voyage à l'empereur. Il tient probablement à éclaircir ses propres projets. Vu du monde chez moi, entre autres le p-ce Basile Dolgorouki. Encore plus menue monnaie que jadis. Son langage est pur gazouillement.

13 février. Eté chez l'empereur malgré mon mal d'yeux et 15 deg. de froid. Quelques affaires pressées. Parlé voyage. Assentiment préalable **.

14 février. Etat des yeux s'améliore. Travail continue sans peine grâce au concours qu'on me prête. Fait la connaissance d'un oculiste agréable, docteur c-te Magawly.

---

* *Далее в скобках написано:* по 17 февраля, по болезни глаз только некоторые отрывочные продиктованные заметки (*т. III, л. 80).*

** *8 февраля.* Несмотря на усиливающуюся боль в глазах, работал весь день. Закончил проект циркуляра о законе 21 ноября.

9 февраля. Состояние глаз ухудшилось. Работа без посторонней помощи невозможна.

10, 11, 12 февраля. Болезнь глаз продолжается. Не работал с государем. Работа при помощи диктовки. Шувалов настаивает, чтобы я переговорил с государем о моей поездке. Вероятно, ему надо определить собственные планы. У меня были посетители, среди них кн. Василий Долгоруков. Он еще ничтожнее, чем был раньше. Его разговор — лепет.

13 февраля. Был у государя, несмотря на боль в глазах и 15° мороза. Было несколько срочных дел. Говорил о поездке. Получил предварительное согласие.

15 février. Inquiet au sujet de mon adjoint, malade depuis longtemps et dont l'état s'aggrave. Vu beaucoup de monde ce matin, entre autres le c-te Stackelberg, notre ministre à Vienne dont les opinions sur l'Autriche ne sont pas rassurantes et le g-l Krijanovsky tout plein d'Orenbourg, de Taschkent etc.*

16 февраля. Состояние глаз улучшилось. Дома. Посетители. Работа.

17 февраля. Доклад у его величества. Говорил о почти безнадежном положении Тройницкого и предложил вместо его кн. Лобанова. Государь сказал, что он думал о гр. Владимире Бобринском, но согласился на Лобанова. Пока секрет. Из дворца заехал к Тройницкому и нашел его лучше. Приостановился вызовом кн. Лобанова из Орла. Остальное время дня дома.

18 февраля. Утром заседание соединенных Департаментов законов и гражданских дел по вопросу об охранении порядка в сословных собраниях [262], т. е. об изобретении задвижки, которая бы не впускала в них или не выпускала из них конституционные заявления. Обычный хаос понятий и слов. Кончилось тем, что на меня возложен труд перередактирования произведений гр. Панина и снова выражено опасение, что дело замедлится. Ближний боярин** сказал, что дело следовало бы кончить до окончания сессии Государственного совета. Заезжал к Тройницкому. Ему лучше.

19 февраля. Утром у обедни. Принимал разных лиц. Потом заседание у меня по вопросу о земстве. Эксперты нового призыва — кн. Волконский рязанский, Тургенев из Самары, Лилиенфельд петербургский. Первый доволен нынешним бытом земства, второй — так же с оттенком волжского низовья и аксаковской старины, третий проповедует систему английского мирового института. Шувалов и Зеленый слушали. Чем более они слушают, тем менее определительны их взгляды.

Вечером составил тот проект изменений разных Paniniana, о котором в Департаментах законов и гражданских дел выражалось опасение проволочки дела до закрытия заседаний Государственного совета. Не в первый раз делаю эти tours de force*** в своем роде. Единственное их значение — то неприятное впечатление, которое они производят на этих господ.

---

14 февраля. Состояние глаз улучшается. Работа продолжается без труда, благодаря оказываемой мне помощи. Познакомился с приятным окулистом, доктором гр. Магавли.

**15 февраля*. Беспокоюсь о моем помощнике, который давно болен и здоровье которого все ухудшается. Видел сегодня утром многих, среди них гр. Штакельберга, нашего посланника в Вене, мнения которого об Австрии вызывают беспокойство, и ген. Крыжановского, полного впечатлений об Оренбурге, Ташкенте и т. д.

** *Вместо:* Ближний боярин *написано:* гр. Шувалов (*т. III, л. 80 об.*).

*** фокусы.

20 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный Комитет. Видел возвратившегося из-за границы и опять надувшегося кн. Суворова. Передал барону Корфу мой проект. Заезжал к Тройницкому. Вечером у гр. Толстого (министра просвещения). Должно было происходить чтение новой драмы другого Толстого (А. К.), но он не приехал по случаю опоздания поезда железной дороги, и вечер обратился в вечер без raison d'être.— J'ai vu là une des dames qui me sourient, mais auxquelles je fais malheureusement ombrage. Ombrage par ricochet, s'entend, grâce aux messieurs leurs maris *.

21 февраля. Не поехал в Комитет министров. Был в Министерстве, которое обошел по всем частям. Обедал и вечером дома.

22 февраля. Утром доклады. Обедал у австрийского посланника.

23 февраля. Утром выезжал. Обедал у Скарятина. Вечером бал в Эрмитаже. Их императорские величества любезны, et j'ai de nouveau fait ombrage **. Императрица упрекала меня во 2-м предостережении «Москве» [263] и при этом случае выразила свое убеждение, qu'il faut être strict pour les principes, mais qu'on peut glisser sur les faits, и сказала, qu'elle ne protège aucun journal, ni la «Москва», ni celui de Katkoff ***. Видел на бале гр. П. П. Шувалова. Дружелюбная встреча. Видел кн. Воронцову. Она пожаловала мне самый сердечный shakehands ****, несмотря на все, что она говорит у меня в тылу. Видал князя, и он меня видел, но мы с ним не видались.

24 февраля. Утром доклад у его величества. Испросил предварительное согласие на назначение Тройницкого членом Государственного совета и на вызов Лобанова, в предположении им заменить Тройницкого.

Вечером бал в Аничкином дворце. Их императорские высочества упражнялись в искусстве faire les hommages de chez-eux *****. Видно, что это для них дело еще новое.

25 февраля. Утром заседание Департамента экономии по делу о рижских торговых сборах [264]. Не без комизма. Затем дома за работой.

До заседания ездил в Невский монастырь [265]. Снежный саван покрывает могилы.

---

* без смысла. Я встретил там одну из дам, которые мне улыбаются, но у которых я, к сожалению, вызываю недовольство. Конечно, недовольство отраженное, исходящее от господ их мужей.

** и я снова вызвал недовольство.

*** что в принципах следует быть строгим, но к фактам можно относиться терпимо,— и сказала, что она не покровительствует ни одной газете: ни «Москве», ни газете Каткова.

**** рукопожатие.

***** вести прием.

26 февраля. У обедни в Аничкином дворце для принесения поздравлений его высочеству. В первый раз в этой церкви. Поцеловал руку цесаревны, но все-таки не слыхал от нее ни единого слова. Она даже прошла бы мимо меня без процедуры рукolобызания, если бы вел. кн. Елена Павловна, шедшая за нею, не сказала ей: «Voici encore un ministre qui vous attend» *. Министр внутренних дел действительно до сих пор незнаком с супругою наследника престола. Таковы наши обычаи.

К обеду отправился к кн. Кочубей, где происходила на этот раз la folle journée **. Настоящий царский праздник. Для чего? Из чего? Вечером там же. Государь пригласил меня в свою «партию». Очевидно, с целью показать любезность. Видел там нового прусского посланника принца Рейсс. Про него гр. Хрептович говорит, que c'est Bismarck II, qu'il annexe les coeurs ***.

27 февраля. Выезжал утром. Нездоровится.

28 февраля. Дома. Сегодня утром 19° мороза. Видел вызванного мною из Орла кн. Лобанова. Имел с ним предварительное объяснение. Играю в азартную игру. Ставлю на нем карту, не зная, будет ли она дана или убита. Но здесь есть возможность выиграть. Другие мне ближе известные карты явно проигрышные.

1 марта. Утром по нездоровью не был в Сенате. Вечером совещание у министра финансов по вопросу о Николаевской железной дороге. Министры почт и народного просвещения, шеф жандармов, государственный контролер, Грейг, Абаза и я. Цель — установить нечто вроде предварительного соглашения ввиду назначенного на завтра Совета министров. Жалкое совещание. Рейтерн по обыкновению доктрален, самоуверен, узок во взглядах, не совсем добросовестен в выборе доводов и между доводами более всего любит угрозы, т. е. пророчит всякого рода бедствия.

2 марта. Утром Совет министров. В пользу отчуждения Николаевской дороги [266] были только или высказались только министр финансов, гр. Шувалов и я. Моему мнению я дал особый оттенок тем, что устранял всякие бюджетные соображения, всякие мелочные расчеты и всякое принуждение, допуская продажу в случае выгодных условий и исключительно для развития дела железных дорог вообще. Государь колебался и кончил тем, что поручил обсудить вопрос во всей подробности в Комитете финансов. Следовательно, вопрос решен утвердительно. Во время заседания ген. Зеленому сделалось дурно. Его вывели. Потом он оправился.

---

* «Вот еще один министр, который вас ждет».
** безумный день.
*** что он Бисмарк II, что он завоевывает сердца.

3 марта. Утром доклад у его величества. Вопрос о назначении кн. Лобанова решен [267]. Разговор о вчерашнем заседании, при котором мною еще раз высказан мой взгляд на дело. Между двумя половинами доклада, прерванного обеднею (государь говеет), успел написать по его поручению письмо к гр. Бергу по вопросу о присоединении к ведомству Министерства внутренних дел некоторых частей администрации Царства Польского. Государь вообще настаивает на этих преобразованиях, а гр. Берг их по возможности отсрочивает. Заезжал к Тройницкому, чтобы подготовить его к перемене в его положении.

4 марта. Утром выезжал. Визиты. Вечером Комитет финансов у вел. князя. Вопрос о Николаевской железной дороге решен единогласно в смысле моего мнения. Ген. Чевкин, называвший в Совете министров продажу «бедствием», здесь согласился, по мнению Татаринова, не только вследствие pression * со стороны вел. князя, но и по нежеланию быть заодно с Княжевичем и Броком, которые готовились пристать к его мнению и которые пристали к противуположному, когда того не оказалось. Вообще впечатление вроде прежних.

5 марта. Утром у обедни. Все эти дни сильно озабочен опасною болезнью Якова [268]. Выезжал утром. Написал записку по некоторым финансовым вопросам, более или менее относящимся к делу Николаевской железной дороги и к происходившим в Совете министров и Комитете финансов совещаниям, и отправил ее к государю без подписи [269], объяснив ему в другой записке, что это сделано на случай, если его величество пожелает передать записку министру финансов.

6 марта. Утром Государственный совет. Paniniana о «сообществах» прошла почти без возражений. У членов Совета не хватило духа. Потом Главный комитет. Во время Совета получил ответ государя на мою записку, а министру финансов при мне доставлена от его величества самая записка. Он мне тотчас сказал, qu'il me soupçonnait d'avoir envoyé un mémoire à l'empereur **, присовокупив, после перелистывания записки, que le mémoire était bien fait et qu'il y avait des choses vraies ***. Обедал in fiocchi **** у французского посла.

7 марта. Утром в Комитете министров. Заезжал к Вяземским. Вечером дома.

8 марта. Утром в Сенате. Слышал от Альбединского, что государь едет в Париж на выставку с вел. князьями. Это держат пока в секрете. Между тем императрица собирается в

* давления.

** что он подозревал, что я послал государю докладную записку.

*** что записка хорошо написана и что в ней много верного.

**** в парадном мундире.

Оренбургский край, в так называемую «кочевку», для питья кумыса, а потом в Крым. Впрочем, все эти планы так часто меняются, что до сих пор ничего нельзя считать окончательно решенным.

По лифляндским церковным делам произошел вследствие посланий архиепископа Платона и его письма в рижскую газету род личного кризиса [270]. Платон переводится архиепископом в Новочеркасск. На этом согласились гр. Толстой, обер-прокурор св. Синода, гр. Шувалов и ген. Альбединский, и я, конечно, не имел повода тому противиться.

9 марта. Утром в кассационном департаменте Сената. Обедал у их императорских величеств. Государь говорил про мою записку и спрашивал, догадался ли министр финансов, кто ее сочинитель.

10 марта. Утром доклад у его величества. Видел в Зимнем дворце haut-relief repoussé * работы Сазикова, предназначенный для парижской выставки. Вчера подписан указ о назначении Тройницкого, сегодня — указ о назначении Лобанова. Был у Тройницкого. Потом в Министерстве, где по случаю назначения кн. Лобанова собирал директоров и держал аллокуцию в смысле приглашения их к хорошим отношениям и содействия новому товарищу министра.

Чувствую сильную усталость. Я деятелен только урывками. Но напрасно допрашиваю судьбу. Нет признаков перемены.

11 марта. Утром прием по обыкновению. Заседание в Департаменте законов. Доклады. Вечером у Moira.

12 марта. Утром у обедни. Выезжал. Обедал у американского посланника. Вечером дома.

13 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. После обеда заседание Комитета железных дорог у гр. Строганова.

Неисповедимы судьбы людей. Одного условия постоянно недоставало во всей моей жизни для того, чтобы хотя на одно мгновение спокойно вглядеться в нее и в самого себя. Работа, тревога, забота, гнет — так проходили дни, так протекли годы.

14 марта. Утром Комитет министров. Потом Польский комитет. Туда приезжал ко мне Альбединский, чтобы передать, что статьи «Москвы» о прибалтийских делах [271] встревожили императрицу и что она выразила желание, чтобы в прессе, в особенности, если можно, в «Русском инвалиде», была предпринята оборона правительства. Вернувшись домой, написал о том военному министру, конечно, от себя, не упоминая об императрице. Ген. Милютин отвечал, что «Инвалид» охотно сделает желаемое, если получит полное убеждение в неосновательности нарека-

---

* чеканный горельеф.

ний, так тревожащих весь русский люд, и пр. и что редактор «Инвалида» ко мне явится за документами. Характеристично, что в вопросах подобного рода один министр как будто не знает, что делают другие.

15 марта. Утром в Министерстве, где с кн. Лобановым обходил все департаменты и принимал доклады. Все это продолжалось до $^1/_2$ 7-го, что для него может послужить задатком будущности. Вечером на рауте у гр. Орлова-Давыдова.

16 марта. Утром у вел. кн. Константина Николаевича по вопросу о новом ходатайстве гр. Бобринского по делам Общества взаимного кредита. Заезжал к Шувалову. Потом в Управление по делам печати и в Строительный комитет с кн. Лобановым. Вечером дома.

17 марта. Утром доклад у его величества. Днем работа, усталость, раздумье.

18 марта. Утром был у императрицы по прибалтийскому делу. Доложил ей о моем сношении с военным министром и пр. Настроение и отзывы довольно умеренные и удовлетворительные. Она говорила также о кн. Лобанове. Заезжал к Тройницкому, который так доволен своим новым положением, что быстро выздоравливает.

Потом у меня совещание особого Комитета по западному вопросу. Рейтерн, Шувалов, Зеленый и гр. Бобринский. Три часа с результатом, равным нулю. Я ограничивался страдательным участием и сказал Рейтерну, что я был sitting against time *, т. е. выдерживал заседание до обеденного времени, которое должно было, наконец, меня избавить от созаседавших. Кто-нибудь из нас слеп. Или я, или они. Они верят в полное и безусловное исполнение закона 10 декабря [272] и в обрусение Запада их полицейско-татарскими мерами. Я убежден в противном. Я повинуюсь царской воле, но с полным сознанием ее неисполнимости. Я повинуюсь и продолжаю действовать только под влиянием надежды, что это сознание, наконец, разделится другими и вокруг меня, и выше. Я выжидаю шансов спасения. Но я не вижу его признаков. Никого нет, кроме меня, кто бы смотрел на дело с точки зрения общечеловеческой и с памятью об обязанностях правительства в отношении к правительствуемым. Неужели в России все добропорядочные люди вымерли? Неужели остаются только близорукие и короткоумые невежды, которые воображают, что они могут по своему произволению создавать или пересоздавать данные стихии государства? Четыре года уже длится вивисекция Западного края. Никакого результата не добыто. Они сами сознают это и полагают продолжать вивисекторские упражнения еще на десяток или десятки лет!

---

* отсиживал положенное время.

Они верят в возможность их продолжения. Я не верю. Время принесет за собой какой-нибудь неожиданный кризис. Неужели распадение России так близко? Одно из двух: или распадение, или обновление, а если обновление — то переворот.

19 марта. Утром у обедни. Выезжал. Был у министра народного просвещения. Вечером завершил, как следовало, тот неожиданный эпизод, о котором упомянуто несколько недель перед сим.

20 марта. Принимал депутацию из Туркестана (киргизы, сарты и бухарцы), которую сопровождали ген. Романовский и старшина Серов [273]. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. Встретил похороны покойного Евграфа Петровича Ковалевского. Редеют ряды прежних деятелей в Государственном совете. Славы они оставили немного. Немного оставят и нынешние.Видел в Совете военного министра. Он кисло отозвался о лифляндском деле. Значит, мои бумаги произвели свое действие, т. е. оказались не по шерсти. Видел гр. Толстого. Архиепископу Платону велено ехать в Новочеркасск прямо, не заезжая в Петербург и Москву. Говорят, что прусский король писал конфиденциально гр. Ферзен (Раух) о своем предположении принять титул немецкого императора.— It is a feeler *.

21 марта. Утром Комитет министров. Потом Польский комитет. Шувалов говорил, что им представлено государю письмо гр. Бобринского о новой льготе кредитному обществу и что это письмо передано его величеством в Комитет финансов. Вел. князь со своей стороны прислал ко мне с этим сведением своего адъютанта Киреева и просил совета, не доложить ли этот вопрос в предстоящем на сегодняшний вечер заседании Комитета. Я отсоветовал ввиду раздражения министра финансов, чтобы дать времени обнаружить свое обычное влияние, и в Комитет не поехал.

Шувалов говорит также о предстоящей перемене двух министров. Полагаю, что речь о Рейтерне и Мельникове. Лишь бы не пришло на мысль мне предложить Министерство финансов.

22 марта. Утром доклады. Вечером раут у гр. Кушелевой. Получено известие об уступке нами наших американских владений Соединенным Американским Штатам за 7 млн. долларов [274]. Никто из нас об этом не знал, кроме кн. Горчакова, министра финансов и Краббе. Странное явление и тяжелое впечатление. В то самое время, когда из-за предполагавшейся уступки Люксембурга чуть-чуть не восстановилась вся Германия, мы втихомолку продаем часть своей территории и оказываем плохую услугу Англии, которой канадские владения

---

* Это — пробный камень.

теперь еще исключительнее противопоставляются доктрине Monroe.

23 марта. Утром работа. Потом заседание у меня нашей безгласной Западной комиссии. Semper idem*. Высидел до обеденного времени. Обедал у обер-церемониймейстера кн. Ливена. Его первый дипломатический обед. Хорош, длинен. Какая обуза для хозяина. Как мало удовольствия для гостей.

24 марта. Утром доклад у его величества. Государь говорил мне, между прочим, как о собственной своей, доселе никому не сообщенной мысли, о соединении управления делами иноверных исповеданий с управлением синодального обер-прокурора. Я отвечал, что не разделяю этой мысли, что обер-прокурор будет или был бы поставлен в положение, часто соответствующее известному «non possumus**», и что если его величеству угодно вспомнить о некоторых предместниках гр. Толстого, то он мог бы себе представить, каким рукам были бы вверены интересы иноверных исповеданий. Затем я уклонился от дальнейших по этому вопросу объяснений. Будет другой случай и на первый раз довольно.

Позже заседание у министра юстиции по вопросу о следствиях над фабрикаторами фальшивых денежных знаков [275] и вообще о неудобствах, встречаемых при новом следственном порядке. Много толков по делу Протопопова, который освобожден от наказания здешними присяжными на том основании, что он ударил гр. Коскуля в припадке умоисступления [276].

25 марта. Разные дела и разные посетители не позволили мне поспеть к обедне. Шувалов заезжал из дворца, чтобы сказать, qu'il avait monté l'empereur et qu'il m'apportait l'invitation de la part de sa majesté de donner un troisième avertissement à la «Москва»***. Я повторил прежние свои возражения и сказал, что подумаю до вечера. Шувалов сказал, что заедет еще раз. Между тем я написал государю и по возвращении Шувалова, вечером, сообщил ему мою записку, в которой выражалась та же мысль, которая была мною уже лично высказана его величеству, а именно, что я считал неудобным давать предостережения по делам прибалтийским или церковным, когда каждый понедельник и каждый вторник, в Государственном совете и Комитете министров, я мог слышать то же самое, что говорил Аксаков. Шувалов просил меня изложить на бумаге и его возражения и отправить их к государю вместе с моею запиской, что я и сделал, присовокупив, что собственно не было в настоящем

---

* Все одно и то же.

** «не можем».

*** что он настроил государя и принес от него предложение сделать «Москве» третье предупреждение.

случае соперничества мнений, а только два взгляда на один предмет [129].

26 марта. Государь возвратил мои записки и решил, что третье предостережение «Москве» имеет быть дано, не выжидая другого случая [277].

Выезжал утром. Остальное время дня дома. Работа и раздумье.

27 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером раут у кн. Горчакова. Возникший как будто невзначай люксембургский вопрос [278] занимает умы. Между тем в доме вице-канцлера разыгрывается драма. Его страсть к pseudo племяннице Акинфиевой в полном разгаре. Сыновья уезжают после разных неприятных объяснений и сцен. В то же самое время развивается или продолжается роман той же самой героини с герцогом Н. М. Лейхтенбергским. Весь город знает, что он хотел на ней жениться, что она сама предупредила о том государя в Летнем саду, что будто бы с нее взято обещание не ездить на выставку в Париж, где теперь находится герцог, но что в то же самое время она, по-видимому, с ним переписывается.

28 марта. Не поехал в Комитет министров. Работа. Вечером раут и музыкально-драматический вечер у французского посла.

29 марта. Утром дома. Доклады. Вечером раут у гр. Орлова-Давыдова, которого дразнят в дворянском собрании и который намерен завтра отказаться от председательства и предводительства.

30 марта. Утром в Сенате. Вечером раут у гр. Хрептовича. Гр. Орлов-Давыдов действительно заявил о желании оставить свою должность, но вследствие нескольких вежливых procédés* со стороны собрания решился на время остаться.

31 марта. Утром доклад у его величества. При докладе присутствовал в первый раз цесаревич. Государь поручил мне позаботиться о предприятии полк. Новосильцова насчет таманских и кавказских нефтяных промыслов. Странно, т. е. могло бы быть странным, если бы не был министром финансов Рейтерн, что государь это возлагает на меня, когда министр финансов каждую пятницу до меня входит в его кабинет. Послал за Новосильцовым. Выезжал перед обедом. Был, между прочим, у леди Буканан, где при гр. Блудовой долго беседовали о православной и англиканской церквах по поводу приезда сюда и приема государем английского reverend'а Douglas**.

Вечером сильно захворал, вероятно, простуда, что неудивительно. Канун апреля при снеге, ветре и 6° мороза [130].

---

* действий.

** священника Дугласа.

1 апреля. Дома, по нездоровью отправил в Департамент законов за себя кн. Лобанова. Видел Новосильцова. Он просил ссуды у министра финансов, который признал важность и пользу предприятия, но отказал, потому что при затруднительных обстоятельствах времени он «не знает, как прокормить войска!»

2 апреля. Дома. Некоторые посетители. Работа. Радуюсь нездоровью, потому что благодаря ему не буду присутствовать на послезавтрашнем торжестве. Освящается часовня 4 апреля [279]. Не только увековечивается это событие, по исходу благополучное, но по существу гнусное и позорное, но и соблюдается при этом совершенно неуместный церемониал. Разосланы повестки от двора и из Главной квартиры. Войска будут в сборе. Крестный ход пойдет от Казанского собора к площадке у Летнего сада. Весь сановный синклит будет там в парадных мундирах. Даже статс-дамы и фрейлины призваны там присутствовать. Государь пройдет по рядам войск (пешком) и свите приказано за ним следовать (т. е. человек сто будут рысцой протираться и толпиться за ним). Потом будет церемониальный марш на Суворовской площадке. Все это на снегу, на берегу Невы, вероятно, при морозе и для увековеченья 4 апреля!

3 апреля. Дома. Не поехал в Государственный совет. Бесцветный день. Ни к работе, ни к досугу нет охоты.

4 апреля. Дома. Торжество освящения часовни совершено при пасмурном небе и перепадающем снеге. Были, говорят, все, кому быть надлежало, между прочим, и дипломатический корпус. У меня другие думы. Тяжелые вести с Востока [280]. Я постоянно под ударом, и по временам меня потрясают удары. Я внутренно погнусь под ними и долго перевожу дух. Снаружи не видать их. Они моя тайна. Я даже легкомысленно или легкодумно отвожу от них мысль. Если бы предаться этой грусти и этой боли и погрузиться в них, я бы не выдержал обиходной ноши. Что я? Где я? Я не вполне в сфере своих дел. Мое сердце говорит о другом, моя мысль к другому стремится. Я и не в домашней семье. Я ее мало вижу и многое от нее скрываю. Я и не вполне там, куда уносится мысль и куда прислушивается сердце, потому что они попеременно обращаются в три разные области: в грустное прошедшее, в неведомую будущность и в ту даль, откуда по временам прилетают острые стрелы нового горя.

5 апреля. Дома. Доклады. Не поехал в заседание Комитета финансов по делу Бобринского [281]. Бесполезно, и нездоровье представляло удобный предлог.

6 апреля. Утром в заседании особой Комиссии у министра двора по вопросу об отношениях административных ведомств к новым судам [282]. Затем дома.

7 апреля. Утром доклад у его величества. Уладил новосильцовское дело. Почти кончил несносные наградные доклады. Заезжал к герцогу Мекленбургскому и к Вяземским. Герцог рассказывает, что кн. Горчаков теперь dans la position d'un père noble avec une fille à marier* и хлопочет об устройстве женитьбы герцога Лейхтенбергского на Акинфиевой. «C'est singulier,— прибавляет он,— de voir la peine qu'on se donne pour empêcher ce mariage. Ailleurs, quand il y a un mari, on est tranquille. Ici on ne pense pas à m-r Akinfieff. Il n'y a qu'a le laisser vivre»**. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Музыка, между прочим, Литтольфа.

8 апреля. Утром работа. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. По-видимому, предположения о поездке государя в Париж возобновились. Герцог говорит, что государь и король прусский получили официальные приглашения, и прибавляет: «Je voudrais deux choses: que l'empereur n'allât pas à Paris sans y gagner quelque chose, et qu'il n'y allât pas en même temps que le roi de Prusse».— Et j'imagine que ni l'un, ni l'autre de ces désirs ne sera réalisé.

Hic ille est Raphael, quo sospite, vinci, metuit rerum alma mater, et moriente mori.

Questo est quel Raphaello, cui vivo, esser vinto credena natura, e morto estinta (Bembo).

Conditio tua sit stabilis, nec tempora pavra.
Vincere hic te sinat Deus omnipotens ***.

9 апреля. Утром у обедни. Выезжал.

10 апреля. Утром заседание Польского комитета по вопросу, между прочим, о римско-католических делах [283]. Кн. Гагарин воспользовался пребыванием здесь кн. Черкасского, чтобы пригласить его в заседание и даже предоставить ему право голоса. Конечно, об этом им было доложено государю. Обычные взгляды и обычный результат.

11 апреля. Целый день дома. Не поехал в Комитет министров. Говорят, что поездка государя в Париж дело решенное.

---

* на положении благородного отца, имеющего дочь на выданье.

** «Странно,— прибавляет он,— наблюдать, как стараются помешать этому браку. К тому же, когда есть муж, становится спокойнее. Здесь не думают о г-не Акинфиеве. Надо только не мешать ему жить».

*** «У меня два желания: чтобы государь не ездил в Париж без выгоды для себя и чтобы он не ехал туда одновременно с прусским королем». Но я думаю, что ни одно из этих пожеланий не осуществится.

Это тот Рафаэль, при жизни которого благая мать всего сущего боится оказаться побежденной, а в случае смерти погибнуть (Бембо).

Прочно здесь твое положение; бог всемогущий
Даже плохим временам не даст тебя погубить.

12 апреля. Дома. Говею. Как? Бог милостив и простит. Слышал от Шувалова, что поездка государя за границу предстоит на вторую половину мая. Берлин — Париж — Штутгарт—Варшава—Вильно—Рига. Таков маршрут. Государь очень сердит на французского посла за несвоевременную передачу приглашения в Париж. Талейран не передал его, по словам герцога Мекленбургского, вследствие неуверенности в удовлетворительном отзыве, и, по словам Шувалова, который говорит, что слышал это от государя, потому что не считал этого сообразным с интересами своего правительства, ввиду нерасположения к Франции всех, начиная с государя, и ввиду особого нашего кокетничанья с Пруссиею. Будберг написал о том из Парижа, и государь, несколько дней напрасно ожидавший приглашения, ибо знал о получении оного королем прусским, приказал кн. Горчакову спросить, наконец, Талейрана. Шувалов присовокупляет, que l'empereur était décidé, dès l'hiver, à aller à Paris, qu'il avait fait sonder le roi de Prusse sans en avertir Gortschakoff et qu'à présent il a fait écrire à Budberg qu'il eut à prévenir m-r de Mouttier que pour avoir de bonnes relations avec nous il fallait ne pas être présenté par Talleyrand*. Теперь приглашение передано, ибо Мутье телеграфировал о том Талейрану в то самое время, когда Горчакову было поручено с ним объясниться, и принято. Кн. Горчаков и Адлерберг были с самого начала против поездки; Шувалов, по его словам, будучи уверен в том, что она состоится, держал себя в стороне. Теперь он думает о том, как самому успеть съездить в Киссинген. Вероятно, все это доведет мою поездку до $1/2$ июля.

13 апреля. Удостоился св. причащения. Целый день дома, кроме поездки к больному Вакульскому.

14 апреля. Доклад у его величества. Заезжал к Вяземским и к Потемкиной. Позже у меня заседание непостижимой коллегии по западным вопросам. Тяжело, прискорбно, возмутительно и неизбежно.

15 апреля. Дома. Работа. Подписывание бумаг по бесчисленным наградам. Рядом с этим грустные думы, тревожные заботы. Светлый праздник наступает. Несветло и непраздннично на душе. Другая жизнь, воскресение, утешительная мысль! Если бы путь к той жизни не пролегал чрез тяжелые разлуки в нынешней!

16 апреля. Светлое воскресенье. Ночью в Зимнем дворце. После принесения поздравлений государю вернулся домой, потом на $1/2$ часа у кн. Кочубей. Кн. Урусов заступает место

---

* что государь еще с зимы решил съездить в Париж, что он зондировал прусского короля, не сообщив об этом Горчакову, и что теперь он велел написать Будбергу, чтобы тот предупредил г-на де Мутье, что для хороших отношений с нами надо, чтобы Францию представлял Талейран.

гр. Панина во II Отделение и временно принимает Министерство юстиции. Гр. Панин на прощанье уносит алмазы св. Андрея [284], а Замятнин—алмазы св. Александра[285].Гр. Пален утвержден товарищем министра с производством в тайн.советники. Кн. Лобанов — тоже. Барону Корфу дана голубая лента [286] в счет, впрочем, его юбилея, как значится в рескрипте, Краббе получил александровскую, Татаринов — синюю ленту [287]. Рейтерн обойден, что и виднелось на его лице. Кн. Гагарин ожидал, говорят, 1-го класса[288], но не дождался, что равным образом отразилось на его несимпатичной физиономии. Зеленый украшен синею лентой, а гр. Шувалов — звездою св. Владимира 2-й ст. Пасхальные выходы в дворце с каждым годом становятся, или кажутся мне, менее торжественны и даже менее чинны. Походят на биржу.

Выходил пешком перед обедом. Кроме обычной цели, заходил к Скарятину. Погода не пасхальная. Холодно, ветер. Петербург некрасив:

«Скука, холод и гранит».

17 апреля. Утром в Зимнем дворце. Принесение присяги вел. кн. Владимиром Александровичем.Полтора года тому назад присутствовал при таком же обряде. Тогда присягал нынешний цесаревич. Обстановка была в то время печальная, ибо незадолго перед обрядом сошел в могилу его старший брат. Сегодня все было как следует, церемониально, чинно, торжественно, хотя и холодно. Ни в ком из участников или зрителей я не видел теплого чувства или даже признаков особого сочувствия. Только в чертах государя отражались ощущения сердца, а на челе императрицы снова царила грусть, хотя и менее глубокая, чем за полтора года пред сим. Она опять стояла одна перед троном, взор был опущен к земле, воспоминания, очевидно, сопровождали звуки настоящего, но время, всесокрушающее и всеобъемлющее время, уже отдалило печальное прошедшее и как будто просветлило его печальные тени.

Остальную часть дня — дома. Сколько элементов неволи в человеческой жизни! После обеда, ходя взад и вперед в моем кабинете, я спрашивал сам себя, в чем, кроме внешности, он отличается от темницы? Я чувствую себя то под ключом, то как будто в оковах. Свобода, воля, простор, независимость, где вы?

18 апреля. Несмотря на третий день пасхи, заседание Комитета министров. Потом Кавказский комитет. Обедал у Скарятина. Вечером дома.

19 апреля. Дома. Заседание западной коллегии.

20 апреля. Сегодня утром в 8 часов государь император с цесаревичем и цесаревной, вел. кн. Владимиром Александрови-

чем и многочисленною свитою отбыл в Москву. Завтра будет там торжественный въезд. Государя сопровождают, между прочим, военный министр, министры путей сообщения и государственных имуществ, шеф жандармов, кн. Василий Андреевич Долгоруков, гр. Адлерберг.

Выезжал. По возвращении домой видел гр. Палена. C'est dommage, le chemin commence à monter la tête*.

21 апреля. Дома. Работа и раздумье. Вера в нашу политическую или государственную будущность еще не утрачена, но уверенности насчет каких-либо форм или какого-либо времени не осталось вовсе. Все, что меня окружает, все, что на моих глазах делается и предпринимается, кажется мне временным, мимоходным, непрочным, бесплодным.

22 апреля. Выезжал утром. Затем дома.

23 апреля. Утром у обедни. Потом у вел. кн. Александры Иосифовны по случаю ея тезоименитства. Затем дома. Писал письма и разбирал накопившиеся на столах бумаги. Развивающийся во мне недуг меня озабочивает.

24 апреля. Утром в Государственном совете. Сольский в первый раз исправлял должность государственного секретаря, а кн. Урусов заседал в числе членов. После Совета Главный комитет. Вернувшись, я уложил себя в постель.

25 апреля. В горизонтальном положении. Так продолжал отправлять свои бумажные обязанности.

26 апреля. Встал, чтобы ехать в Сенат, где слушалось дело об отчете и доклад здешней земской управы [289]. Вернувшись, опять слег. Дело в Сенате прошло без затруднений, согласно с выраженными мною по этому предмету мыслями [131].

27 апреля. В постели весь день.

28 апреля. Утром, оставаясь в постели, участвовал в совещании с гр. Барановым и с разными другими лицами по вопросу о разверстании в Северо-западном крае [290]. Вечером выехал по случаю Комитета финансов у вел. кн. Константина Николаевича. Дела о ходатайстве Общества взаимного поземельного кредита и о моей записке (представленной государю без подписи) [132].

29 апреля. Горизонтально. Бумаги по обыкновению.

30 апреля. То же. Сюда прибыл король Греции, нареченный жених вел. кн. Ольги Константиновны. Из Москвы вестей мало.

1 мая. На дворе ноябрь, а не май. Я в постели. Все прочее teinte neutre**.

2 мая. Сегодня государь с их императорскими высочествами возвратился из Москвы. Там рассыплен наградный град.

---

* Жаль, дорога начинает мутить голову.

** бесцветно.

Впечатления вывезены благоприятные, но все крайне поверхностно.

3 мая. Видел Шувалова. Продолжаю пребывать горизонтальным. Мне даже не жаль этого. Никуда и ничего не хочется.

4 мая. Сегодня король эллинов [291] окончательно сосватан. Гром пушек возвестил это столице и майскому параду.

5 мая. Утром доклад у его величества. Перед входом в кабинет его величества видел министра финансов, который говорит, что в кассах правительства 2 млн., а одна Московская казенная палата требует 4 млн. и что он вечером будет соображать, как делу помочь. Странное положение дел, когда оно так тянется и продолжается. Ощущаю нередко в кругу официальной моей деятельности чувство, похожее на морскую болезнь. Ко всему делаешься равнодушным. Все постыло, все возбуждает отвращение.

Видел во дворце гр. Николая Адлерберга. Это ген.-губернатор в Финляндии в наше время!

6 мая. Утром в греческой церкви. Молебствие в присутствии государя, короля эллинов, его невесты и других членов императорского дома, кроме императрицы и вел. кн. Елены Павловны. Был в первый раз в этой церкви. Она очень хороша. Служба и пение тоже. Вообще вся церемония весьма благоприличная. Затем обедал во дворце. Большой обед в честь короля и его невесты. Кувертов 90, и, несмотря на то, по многочисленности свиты разных высоких особ не было из министров никого, кроме кн. Горчакова, кн. Урусова, ген. Краббе, гр. Шувалова и меня. Мой товарищ кн. Лобанов был, что мне для него было * тем приятнее.

Странные условия нашего правительственного обихода, между прочим, видны из следующего. Я министр внутренних дел и, кроме значения этого звания, пользуюсь и некоторым личным почетом, даже сегодня моим присутствием на обеде свидетельствуемым, но из уст цесаревны, будущей императрицы всероссийской, я еще не слыхал ни одного слова, хотя она уже более полугода цесаревничает. Точно так же я пролежал 10 дней в постели, хотя и продолжал в это время управлять министерством, и государю мое нездоровье осталось неизвестным.

Кн. Лобанов говорил мне, будто акции барона Будберга сильно опустились и будто Шувалов (Pierre IV) метит в послы в Париж. Понимаю, что этого хочется гр. Шуваловой, но весьма сомневаюсь, чтобы государь отпустил так легко своего шефа жандармов. На эту должность не так легко найти кандидата.

Лобанов передал барону Будбергу, по моему поручению, сведения о нынешнем положении римско-католического вопроса,

---

* *Так в подлиннике.*

чтобы, на случай переговоров во время пребывания государя в Париже, он мог принять эти сведения к руководству.

7 мая. Опоздал к обедне. Выходил пешком. Начинает теплеть. Затем целый день дома. К труду нет охоты. К чтению мало. Пасмурные думы. Обращаюсь к прошедшему и везде, почти во всем, встречаю печаль. Кто знает, какое впечатление производит на меня всякий раз кавалергардский мундир, мундир стрелков императорской фамилии, адъютантский мундир? Сколько их в Петербурге и как часто занывает мое сердце! Кто знает, с каким чувством я вскрываю письма или телеграммы? Все устало и наболело во мне.

Давно в Дуббельне, когда прошлых печалей было менее, а будущности более, я написал на ставнях дома стихи:

Я в гору шел, и путь мой солнце
озаряло,
Шел по горе, там след
мой бурей занесло.
Теперь я под гору иду стопой
усталой,
И на прощанье мне вновь светить
солнце стало,
И ясно на душе, и тихо, и тепло.

Прошли годы, много бог мне с тех пор ниспослал милостей, мною, конечно, не заслуженных, но мог ли бы я написать эти стихи теперь? Увы!

Есть в тайнике души бессменное светило,
Любовь к тому, что есть, любовь к тому, что было.

Мне кажется, что время растит любовь «к тому, что было».

В настоящем вне домашнего тесного круга кого и что любить? Весь окружающий меня мир преисполнен отталкивающими чертами. Меня отталкивает даже родная земля с ее Аксаковыми и Катковыми, с Зелеными, Кауфманами, Титовыми, Милютиными, Щербатовыми и tutti quanti*; где наше прошлое в сравнении с Западом? Память страданий, следы слез и крови. Памятников почти нет. Мы наследовали исполинскую раму, но в ней еще нет картины. Картину должна вставить будущность. Но, судя по живописцам моего времени, не скоро напишется эта картина!

8 мая. Утром в Государственном совете. Потом Главный комитет. Сольский уже начинает забирать в руки вел. князя и играть новую роль в своем звании. Вел. князь остановил дело о порядке делопроизводства в общественных и сословных собра-

---

* и прочими.

ниях, чтобы предварительно совещаться по этому предмету с некоторыми членами Совета, и сказал гр. Шувалову и мне, что ему вообще неудобно председательствовать без прямого предварительного участия в подготовке или рассмотрении дел. Это совершенно новый взгляд на положение председателя Совета, не председательствующего в Комитете министров.

9 мая. Утром Комитет министров. Потом Комитет кавказский. Обедал у Анненковых. Простился с Рудницким, который уезжает завтра в Одессу после продолжительного здесь пребывания. С 1845 г. судьба постоянно нас сводит.

10 мая. Утром в Сенате. Здесь теперь гостит славянская депутация [292]. Странное явление. Она имеет немалое значение для будущности и имела бы еще большее, если бы мы были подготовленнее и вообще пригоднее и пригожее. Все эти славяне — австрийские или турецкие подданные, и между тем как будто игнорируют свои посольства. Была речь о приеме их государем, но кн. Горчаков должен был ответить, что прием может быть испрошен только чрез помянутые посольства, а славяне к ним обращаться не желают. Всякое официальное участие в гостеприимстве устранено, но между тем публичность этого гостеприимства и число гостей сами по себе имеют свойства некоторой официальности. Государь, по-видимому, смотрит на это не без удовольствия. Он сказал ген. Трепову, спрашивающему, какие демонстрации можно допускать: «Чем больше, тем лучше». — A bon entendeur salut*. Вечером совещание у вел. князя по вопросу о делопроизводстве общественных и сословных собраний. Его высочество, Сольский, гр. Панин, гр. Шувалов, барон Корф и я.

Шувалов был сегодня в Царском Селе и при настоятельных напоминаниях о сохранении тайны сообщил мне, что лагерь Милютина, Зеленого и пр. хлопочет о проведении в состав высшей администрации кн. Черкасского, что министр государственных имуществ желает вверить ему управление своим злополучным банком, что для позолоты этого поручения просили государя назначить кн. Черкасского сенатором или членом Польского комитета, но получили отказ, что затем стараются ему сочинить положение в министерстве финансов, имея в виду назначение его на место Рейтерна, о чем даже Николай Милютин проговорился самому Рейтерну, сказав ему полоумно при прощании перед отъездом за границу: «Ведь мы хотим сделать Черкасского министром финансов». Шувалов очень изумился, когда я первый назвал ему Черкасского, как кандидата на правительствование зеленовским банком. Мне о том проговорился сам Зеленый, auquel je suggère, de temps à autre, des écarts de franchise **.

---

* Имеющий уши да слышит.

** в котором я, время от времени, вызываю порывы искренности.

Шувалов теперь хлопочет о соединении колечного банка Зеленого [293] с полуколечным гр. Бобринского [294]. Он при мне говорил о том вел. князю. Главное покончить с зеленовским, если окажется это возможным.

11 мая. Выходил пешком. Погода начинает теплеть. Сегодня большой публичный обед в честь славян. В стихах Тютчева и в речи серба Пилата прямая постановка всеславянского вопроса. Характеристично все это и в отношении к времени, и к нашим правительственным приемам*.

12 мая. Утром в Царском. Доклад у его величества. Государь сам говорил мне о кн. Черкасском, которого Зеленый предложил в сенаторы, а кн. Гагарин — в члены Польского комитета или в ст.-секретари по Департаменту экономии и насчет которого государь советовался с кн. Урусовым. Мой отпуск за границу окончательно разрешен. Видел в Царском кн. Горчакова, которого государь туда вытребовал по случаю неприятных известий из Берлина и Парижа. Император Наполеон a décommandé le roi de Prusse pour le moment**. Сперва он сказал прусскому послу гр. Гольцу, что королю нельзя остановиться в Тюильри, а когда король приказал отвечать, что он остановится в другом помещении, то император послал в другой раз за Гольцем и сказал, qu'il était embarrassé de trouver suffisamment de vaisselle*** или нечто в этом роде. Очевидно, on fait avaler des couleuvres pour le Luxembourg****. Все это, конечно, весьма ерошит короля и действует неприятно на нас. Предполагалось, что совокупная поездка в Париж совершится при других условиях и другом настроении.

Сегодня при докладе представил государю счет сумм, секретно мною отпущенных из средств Министерства на уплату долгов гр. А[длерберга] [295], на поддержку банка гр. Бобринского и полк. Новосильцову. Всего 1 млн. 260 тыс. руб. до сих пор. Ни министр финансов, ни государственный контролер ничего не подсмотрели.

Обедал у их императорских величеств. Государыня императрица, по-видимому, в изрядном здоровье и хорошем настроении духа. Она едет в Крым на Тамбов и Воронеж в конце июня.

Кн. Горчаков, qui était dans son beau dire*****, мне формально предложил быть послом в Лондоне и обещал, qu'au bout de six mois de ces conseils je marcherai tout seul******.

---

* *Далее в скобках написано:* Министр народного просвещения гр. Толстой играл первенствующую роль на обеде *(т. III, л. 94 об.).*

** в данный момент отменил визит прусского короля.

*** что он затрудняется найти достаточное количество посуды.

**** это делается в отместку за Люксембург.

***** которому хотелось поболтать.

****** что после того, как он будет меня консультировать шесть месяцев, я смогу работать самостоятельно.

13 мая. Выходил пешком. Работал, но мало. Не работается.

14 мая. Утром у обедни. Выходил пешком. Много посетителей по делам. Дела по обыкновению неприятные.

15 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Прусский король решительно едет в Париж, хотя и позже несколькими днями, чем государь.

16 мая. Утром Комитет министров. Потом Комитет польский. Обедал у английского посла.

Вчера у меня были Палацкий и Ригер. Я дал им с намереньем повод быть у меня до их отъезда в Москву. Там они услышат толки разного рода, между прочим, и о членах высшей администрации. Пусть слушают, сперва услышав меня. Палацкий — муж науки. Ригер — агитатор нашего времени.

17 мая. Утром у обедни. Хор певчих греческой церкви под управлением Ламакина. Надеюсь к осени составить хор в этом роде для нашей церкви. Потом в Сенате. Остальное время дня дома, кроме поездки в Мраморный дворец для первого заседания регентства.

18 мая. Работал. Выходил пешком. Первый теплый день. Вечером получил от Шувалова из Вержболово высочайшее повеление о прекращении и не вчинании вновь следственных дел по мятежу в Царстве Польском и Западном крае, и о разрешении лицам, высланным оттуда административным порядком, возвратиться или переселиться в Царство, кроме лиц духовного звания. Я знал об этой мере, которой бесполезно добивался два года, но государь хотел принять ее по приезде в Варшаву. Гораздо лучше так, как теперь сделано после личного объяснения с гр. Бергом в Вержболове. Иначе ее приписали бы влияниям или настояниям парижским или берлинским. Исполнительные распоряжения немедленно мною сделаны.

19 мая. Выезжал утром. Затем дома.

20 мая. Выезжал и выходил пешком. За работой.

21 мая. Утром в Михайловском и в Мраморном дворцах. Вел. кн. Елена Павловна приняла меня в спальне. Она чрезвычайно изменилась в последнее время. Жизненные силы потухают. Выходил потом пешком. Был у кн. Кочубей и у Нелидовой. Вечером «Орфей» Глюка в Михайловском дворце. Замечательное представление. Оркестр и все участники были составлены из воспитанников устроенной и поддержанной вел. княгиней консерватории. Г-жа Лавровская (Орфей) имеет замечательные дарования и может иметь блистательную будущность.

22 мая. Утром Кавказский комитет, потом Государственный совет, потом Главный комитет. Затем дома.

23 мая. Комитет министров, потом Комитет польский, затем заседание регентства у вел. князя. В Комитете министров при рассмотрении отчета государственного контролера. Военный

министр назвал этот отчет *доносом*. Председатель не сделал никакого по этому поводу замечания*.

24 мая. Дома. Работа и усталость. В пору я уеду. Долго еще продолжать этой жизни не могу. Нужен перерыв.

Военный министр, министр государственных имуществ и similes** весьма недовольны вержболовским декретом 17 мая. Они называют это высочайшее повеление «корреспонденцией из Вержболова». Ген. Милютину приписывают еще выражение «неосторожная глупость». Ген. Зеленый мне говорил об уходе а покой и т. п. Странно, что Грейг также критикует декрет. Впрочем, быть может, это и не странно. В Грейге часто проглядывает теперь la révolte de l'homme coulé et qui cherche à ne pas l'avouer ni se l'avouer à lui-meme***.

25 мая. Вознесение. Но я не поспел к обедне. Сегодня уехали за границу Маковы, Буйницкая и Вакульский. Был у военного министра на совещании по вопросу об охранении интересов казны при новых формах судопроизводства. Вечером Комитет финансов у вел. князя. Положено выпустить 35 млн. кредитных рублей вместо возвратившихся из обращения билетов казначейства, т. е. то самое, что я предлагал в моей записке и что тогда было как будто сочтено недоразумением. Я, конечно, о том не напомнил. Рейтерн был несносно болтлив и докторален****. Вечером в $11^1/_4$ часа, одеваясь, чтобы ехать к кн. Трубецкой, получил телеграмму из Парижа от гр. Адлерберга о покушении, благодаря бога тщетном, на жизнь государя. Хотя в депеше и говорится только о выстреле на экипаж, в котором находились оба императора, но очевидно, что он был по адресу нашего. Уже второй раз! Едва минул год после 4 апреля. Какое впечатление среди парижских торжеств, какое впечатление здесь и какое влияние на будущность, если убийца, который схвачен, но не разузнан, поляк!

Телеграфировал в Павловск к вел. князю, поехал к кн. Трубецкой, где сказал о полученном известии только кн. Гагарину и гр. Григорию Строганову, и, узнав по возвращении, что вел. князь вернулся в город на ночь, написал ему и телеграфировал в Париж от имени de ceux de nos collègues que j'avais vu *****. Не

---

* *Далее в скобках написано:* Достаточно характеристично в отношении к достоинству наших совещаний и к условиям, в которые были поставлены те члены коллегий, которые не употребляли словаря ген. Милютина и не были вооружены мягкосердием г. Татаринова *(т. III, л. 96)*.

** и им подобные.

*** бунт человека, потерпевшего крушение, который стремится не показывать это другим и не признаваться в этом самому себе.

**** *Слова:* «Вечером Комитет финансов ...болтлив и докторален» *написаны на полях*.

***** тех из наших коллег, которых я видел.

получив отзыва от вел. князя, распорядился напечатанием телеграммы в особом прибавлении к «Северной почте» на завтра.

26 мая. Сильное впечатление в городе. В 2 часа молебствие в Исаакиевском соборе. Весь дипломатический корпус, чиновный синклит и много народа. Затем молебствие для военных в Преображенском соборе. Перед тем заседание регентства. В 4-м часу экстренное заседание Государственного совета для отправления от его имени поздравительной телеграммы к государю. Такие же телеграммы отправлены от армии и флота. Последнюю, по желанию вел. князя, я должен был редактировать, как и советскую [296]. На улицах второе издание 4 или 5 апреля [297]. Чувство искренно. Напрасно начальство вывело хоры музыки на перекрестки. Вообще предвижу, что опять не обойдется без нашего родимого пересола, который портит лучшие чувства и движения, придавая им вид бессознательности, а иногда и комические черты. Меня поражает также некоторая грубость нашего общественного чувства. Например, никто кроме «Северной почты» не упомянул об опасности, которой подвергся император Наполеон. Между тем теперь известно, что преступник — поляк (Березовский, уроженец волынский, ремесленник), и все говорят о том, как тяжело для императора Наполеона покушение на жизнь его державного гостя, но никто не вспоминает, что и государю не очень приятно то обстоятельство, что благодаря его присутствию и его коронованный хозяин подвергся выстрелу наравне с ним.

Опасаюсь впечатления, произведенного этим событием на государя. Система Милютиных и Зеленых никогда не приведет к другим результатам, а между тем выстрел из рук поляка им как будто под стать.

Обедал у Варпаховских с герцогиней Оссуна и т. д. После обеда заседание Комитета железных дорог у гр. Строганова.

27 мая. Судя по сведениям из Парижа, выстрел 25-го есть дело отдельного фанатика.

Утром в Царском, куда ездил с женой для принесения поздравлений императрице. Она приняла меня вместе с кн. Гагариным, военным министром, ген. Зеленым и гр. Гейденом. Сожалею об отсутствии той мягкости и той возвышенности, которые в таких случаях так украшают женскую корону. Ее величество жестко отзывалось об императоре Наполеоне. Быть может, это естественно, но все-таки я сожалею. Государь телеграфировал, что он не изменяет своего маршрута и не желает перемены в маршруте императрицы. Она неохотно едет в Варшаву и о Царстве отзывается также не мягко, но весьма рассудительно прибавила: «Ils n'étaient pas plus dignes il y a quinze ans qu'à

présent de la visite de l'empereur et n'en sont pas plus indignes parce qu'il s'est trouvé un énergumène qui a commis un crime*.

Зато ген. Зеленый, докладывавший его величеству после нашей аудиенции по делам председательствуемого им Общества попечения о раненых, воспользовался случаем, чтобы доказывать императрице, как он мне сам говорил, что все поляки одинаково преступны.

По возвращении в город был в заседаниях Департамента законов и экономии и Департамента экономии отдельно. Заезжал к Набокову. Вечером отправил бумаги к государю, написав ему, между прочим, что я желаю, чтобы бог охранял его благосердие от впечатлений, производимых злодеяниями и неблагодарностью.

Приложил записку, в которой обращаю внимание его величества на журнал Комитета финансов, которым испрашивается разрешение выпустить 35 млн. кредитных билетов взамен билетов Государственного казначейства.

Нездоровится. Я замучен телеграммами и разного рода заботами и распоряжениями. Еще вчера в соборе затеяли послать к государю телеграфическую просьбу от его «народа» на тот конец, чтобы он изволил скорее вернуться восвояси. Мне говорил об этом, между прочим, художник Микешин [298], один из faiseurs** по разным демонстрациям. Я отклонил эту идею давать государю советы от имени миллионоголовой няньки.

Ген. Трепов сегодня уехал в Варшаву, где он будет ожидать государя, и ген.-м. Слепцов временно заступил его место.

28 мая. Выходил пешком. Сегодня императрица принимала в Царском Селе Государственный совет, сенаторов, высших чинов двора и депутации от сословий. Завтра она примет дипломатический корпус.

29 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Замечательных вестей не было ни вчера, ни сегодня.

30 мая. Утром Комитет министров. Потом заседание регентства. Обедал у Алябьевых. После обеда переехал на дачу. В седьмой раз. Быстро течет время. Кажется, будто я не уезжал с Аптекарского острова. Листьев еще нет. Идет дождь. Словно осень, и зимы еще не бывало. В этом году наше пребывание здесь, вероятно, будет непродолжительное. Да благословит бог нас и здесь, и на предстоящем отсюда пути!!

31 мая. На даче.

1 июня. До вечера на даче. Работал и ходил в раздумье по не обзеленевшему еще саду. Вечером заседание у вел. князя.

---

* И пятнадцать лет тому назад они не были более достойны посещения государя, чем сейчас, но не стали более недостойными теперь из-за того, что нашелся фанатик, совершивший преступление.

** устроителей.

Финансовый комитет. Вопрос о мертворожденном банке ген. Зеленого. Впечатление несколько тягостное, потому что над ним как будто исполнялся приговор. Мечты 10 декабря разлетаются, но поздно.

2 июня. Утром в городе. Заезжал к гр. Шуваловой. Она говорит, que son mari, à en juger par ses lettres, est tout à fait démoralisé, et qu'elle lui a gagné un pari de 100 roubles, parce que l'empereur a été au bal Mabille*. Гр. Шувалова умна, бойка и имеет положительное влияние на своего мужа. Жаль, что ей недостает образования. Оттуда поехал к вел. князю. Заседание регентства. Потом вернулся на дачу.

3 июня. Утром в городе. Заседание Департамента экономии. Потом на даче. Кн. Лобанов переехал к нам на Аптекарский остров и, надеюсь, теперь еще полнее вступит в свою роль. Вечером у всенощной.

4 июня. Утром в Царском Селе. У обедни в дворце, потом завтрак и прощальная аудиенция у императрицы. Она была довольно любезна и говорила, между прочим, что в Варшаве будет хлопотать о том, чтобы греко-униаты были подчинены св. Синоду, а не Министерству внутренних дел. Я сказал, что опасаюсь, что эта мера скорее отдалит, чем приблизит их воссоединение. Были в Царском со мною кн. Гагарин, военный министр и министр народного просвещения. Императрица сегодня в 5 часов выехала в Варшаву.

5 июня. Утром у обедни. День на даче.

6 июня. Утром Комитет министров. Потом заседание регентства. Из Мраморного дворца вернулся на дачу.

7 июня. На даче. Первый летний солнечный и теплый день. Наконец, принялся за работу по записке, заключающей в себе результат наших январских и февральских совещаний по вопросу о земских учреждениях [299].

8 июня. Кончил вышесказанную записку. День на даче. Их императорские величества в Варшаве, и там, по-видимому, дела идут довольно ладно.

9 июня. Утром в городе. Был у барона Корфа по случаю его юбилея. Оттуда в Мраморном дворце. Заседание регентства. Получил вчера весьма любезную записку от вел. кн. Елены Павловны по поводу участия, мною принятого, в деле музыкальной консерватории.

10 июня. На даче. Обедал у кн. Лобанова.

11 июня. Утром у обедни. Целый день на даче. Получил от ген. Трепова письмо из Варшавы, в котором проглядывает

---

* что ее муж, судя по его письмам, совершенно деморализован и что она выиграла у него пари в 100 рублей, так как государь был на балу Мабиль.

упадок духа. Он говорит, что государю сделан блистательнейший прием, но что государь exténué de fatigue et que cela ne lui fait aucune impression*.

О гр. Берге он говорит, qu'il est usé et qu'il n'a plus la force d'arriver à ces fins**.

12 июня. Дни идут. Проявления энтузиазма, по преимуществу подражательного, по поводу 25 мая продолжаются. Смотрю на них холодно, потому что вижу, сколько в них полуподдельности и полубессознательности. Между тем они производят свой вред. Приобыкают на них смотреть, как на звонкую монету, а они только кредитные билеты. Фразы, вроде сказанной кн. Гагариным, когда мы недавно были у императрицы в Царском Селе,— «un aussi grand souverin que le nôtre»***— принимаются за аксиомы. Боюсь, что история произнесет о нынешнем царствовании суждения более строгие, чем современники. Она сведет счет отрицательному и положительному добру. Она разберет мотивы разных дел и, записывая сделанное, отметит и поводы к сделанному и оттенки или тени, которых можно было избегнуть. Я опасаюсь всех упоений, потому что упоение походит на сон, а за сном следует пробуждение.

13 июня. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Сегодня я не поехал в Комитет министров, но был у юбиляра кн. Горчакова, пожалованного канцлером иностранных дел. Ему поднесен альбом его ведомством, перо с стихами**** кн. Вяземского дамами***** и т. д. Он мельком сказал мне, que le voyage à Paris n'a pas été stérile et qu'il m'en dirait une autre fois les détails******. Он прибавил, что всем, что сделалось мы обязаны не ему, а au charme et prestige personnel de l'empereur******* и что он сам сказал это его величеству. Потом был в заседании регентства. Слышал от Рейтерна, который там был по одному из своих дел, что государь утвердил по вопросу о банке ген. Зеленого мнение большинства Финансового комитета. Следовательно, этот банк пребудет недоноском.

14 июня. Утром в Сенате. Из писем Шувалова и гр. Адлерберга вижу, что они всмотрелись в дела Царства и западных губерний. Они видят, sous les lampions et les dehors de l'enthousi-

---

* крайне устал и что это не производит на него никакого впечатления.

** что он истощен и что у него более нет сил для достижения своих целей.

*** «столь великий монарх, как наш».

**** Так в подлиннике.

***** *Вместо:* дамами *написано:* дам *и в скобках поставлен?* (*т. III, л. 99 об.*).

****** что поездка в Париж была не бесплодной и что в следующий раз он расскажет о ней подробно.

******* обаянию и личному престижу государя.

asme, une situation très tendue et des opinions extrêmes*. Я никогда не видал там ничего другого. Шувалов, кроме того, конфиденциально просит поспешить объявлением решения о банке Зеленого, опасаясь перемен и шаткости близорукого виленского воеводы [300], который, по настоянию Зеленого, готов был просить государя о пересмотре дела.

15 июня. На даче. Тяжело бремя. Начинаю считать дни до отъезда за границу. Тогда избавлюсь от обиходных служебных забот, хотя и там дух не будет свободен. Главное — отсутствие надежды на улучшение. Мы — хроники. Опыт не лечит. Меня в особенности поражает грубость наших соображений и приемов в государственном деле. Les combinaisons sont grossières et les procédés ne le sont pas moins. Quand nous ne sommes pas grossiers, notre habileté et notre savoir faire tournent sur le point d'une aiguille. Le prince Gortschakoff m'a communiqué son rapport à l'empereur sur un entretient avec le cardinal Chighi à Paris.— C'est un petit petard de phrases creuses, sans aucune portée réelle et même sans respect pour la précision du langage et de l'exposé des faits**. Утром заезжал на Каменном острове к Рейтерну и Татаринову.

16 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Самое пустое и, к счастью, весьма непродолжительное.

17 июня. На даче.

19 июня. У обедни. Потом в Царском Селе для встречи государя. Его величество прибыл в $5^1/_2$ часов. Обычные впечатления. Похвальная и полезная бессознательность большинства. Стремление считать свое присутствие необходимым и предполагать, что отсутствие будет замечено. Прилипчивость порывов энтузиазма и настоящая, хотя не весьма прочная искренность. Различные оттенки мужского и женского честолюбия. Ожидание, наступление решительной минуты, вид медленно изгибающегося при въезде на станцию поезда. Различные группы знакомств, от механика на паровозе и служащих на станции до ген.-адъютантов в поезде и ген.-адъютантов на платформе. Щегольство остановления поезда на данной точке с подножкою царского вагона у данного ковра. Различие в общей осанке приезжающих и ожидающих, какое-то выражение превосходства в первых, напоминающее: «мы были, мы пахали». Ура! Пестрота толпы, смятение решительного момента, потом постепенное успокоение,

---

* за иллюминацией и за энтузиазмом кроются весьма напряженное положение и крайние мнения.

** Комбинации грубы, не менее грубы и методы. Когда же мы не грубы, наша ловкость и наше понимание жизни как бы вертятся на кончике иглы. Кн. Горчаков познакомил меня со своим докладом государю о беседе с кардиналом Киги в Париже. Это — хлопушка, начиненная пустыми фразами, не имеющими никакого реального значения и в которых нет стремления ни к точности языка, ни к точному изложению фактов.

редение массы, умолкание кликов, дальний гул чего-то, что продолжает происходить, но чего уже не видно, наконец, какое-то возвращение в себя всех и каждого после напряженного устремления во внешность, и рядом с этим обращение во внутрь,— весьма нередко и в весьма многих — нечто похожее на разочарование.

Государь показался мне похудевшим, усталым. Шувалов говорит, что он недоволен его здоровьем. Шувалов показался мне озабоченным. Кн. Василий Андреевич Долгоруков столь же любезен, невозмутим, безукоризненно правилен и осторожен, как до Парижа.

Вернулся в город с тем самым поездом, который привез государя. В 8-м часу был дома на даче.

На днях у кн. Лобанова нашего военного агента в Константинополе полк. Франкини. Кажется, восточный кризис неотразим. Мы мало к нему приготовлены и, по-видимому, даже не уверены в его неотразимости.

19 июня. Сегодня въезд государя в столицу. Прибыли разные депутации, между прочим, из Астрахани, Самары, Твери и т. п., не говоря о московских, дворянской и городской. Были разные предводители и многочисленные представители здешнего городского общества. Еще до возвращения его величества шли толки и хлопоты о формах и порядке приема. Я испрашивал приказаний чрез Шувалова. Мне отвечено, что депутации должны ожидать его величество на станции Царскосельской железной дороги. Я догадывался, что произойдет, и потому не был намерен сам ехать на станцию, но вчера кн. Долгоруков сказал мне, что государь verra les députations*, и настоятельно советовал быть. Я был и не без некоторого труда разместил всех. Поезд прибыл, государь вышел из вагона, надел каску и, проходя, подал руку мне, кн. Долгорукову московскому, кн. Гагарину, кн. Щербатову (московским) и, не сказав никому ни слова, прошел к коляске, сел в нее с греческим королем и уехал в собор**.

При всем том прием был весьма теплый и радушно-искренний. Громкое ура провожало государя до собора, который был полон. Оттуда до Зимнего дворца то же ура и то же искреннее участие народа. В личности государя есть действительно нечто привлекательное и к нему привязывающее.

Из собора, куда я последовал за государем, поехал в Государственный совет, где надлежало подписывать последние журналы, как его, так и регентства. Оттуда домой, потом на дачу.

Вечером у Лобанова полк. Франкини читал составленную им для военного министра записку о положении дел на Востоке [301]. Записка заслуживает полного внимания и сводится к

---

* примет депутации.

** *Вместо:* собор *написано:* в Казанский собор (*т. III, л. 101 об.*)

дилемме: решиться на прямое участие в разрешении вопроса, хотя это дело не без риска и опасностей, или отказаться от дальнейшей роли на Востоке, хотя подобный отказ невозможен без нарушения нашего достоинства и отречения от всего того, что до сих пор было нами же на Востоке сделано.

20 июня. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. Потом на даче.

21 июня. На даче.

22 июня. То же. Видел Зеленого, который вчера был в Царском Селе с докладом. Он, по-видимому, успокоился насчет своего банка. Он говорит, что нашел государя до того утомленным, или рассеянным, или упавшим духом, что не решился предпринять предполагавшегося с ним объяснения. Видел Бобринского, который в переговорах с Грейгом и Шуваловым насчет условий принятия Обществом поземельного кредита наследства банка Зеленого. Третьего дня после Комитета министров было у нас продолжительное об этом объяснение с Грейгом, Шуваловым и Бобринским. Мало ожидаю успеха и во всем этом участвую, так сказать, безучастно. При данной обстановке ни в чем не может быть большой и прочной пользы. Je me borne à subir le rôle qui m'est imposé par la force des choses *.

23 июня. Утром в Царском. Доклад у его величества. Действительно, есть перемена не только во внешности, но и в настроении. Государь похудел, несколько бледен и, очевидно, под влиянием мысли или ряда мыслей, которых не высказывает. Он доклад слушал довольно рассеянно, не говорил о Париже, но сказал несколько слов о Вильне и Риге, и, кроме того, à propos** банка Зеленого, высказал решимость не колебать закона 10 декабря. О колебании его нет и речи. Вообще прием и выражение лица благосклонны. Он приглашал Рейтерна и меня к обеду, но мы уклонились по случаю предстоявшего заседания Главного комитета, мною для выиграния времени и в предвидении приглашения, которое задержало бы в Царском до 8 часов, именно на этот день испрошенного у вел. князя.

По возвращении из Царского, заседание Главного комитета в Мраморном дворце. Вопрос о проекте гр. Баранова насчет разверстания имений в Северо-западном крае [302]. Обычные явления. Некоторая заботливость о помещиках и некоторое стремление к справедливости обнаруживались в проекте. Его немедленно забраковали. Недостатки проекта, принадлежащие общей системе и приемам гр. Баранова, мне помешали его упорно отстаивать. Положено, по приезде сюда на днях гр. Баранова, вновь собраться и сообщить ему взгляд Комитета.

---

* Я ограничиваюсь тем, что исполняю роль, навязанную мне обстоятельствами.

** по поводу.

24 июня. На даче.

25 июня. То же.

27 июня. Утром в Царском. Обручение короля эллинов и вел. кн. Ольги Константиновны. Прием государем некоторых депутаций. Потом приезд итальянского королевича и принца Умберта. Государь ездил встречать его на станцию железной дороги. Я встретил их на возвратном пути в парке. Принц вовсе не так неблаговиден, как о нем отзывались, а его свита весьма благоприятна и благообразна. Обед в Павловском, неизвестно почему там именно данный государем. После обеда без мен вел. княжны и рукопожатие короля. Оттуда назад в Царское Село. Переоделся и с $7^3/_4$ поездом отправился обратно. Кн. Горчаков, мой сосед в Царском, долго рассказывал свои объяснения с императором Наполеоном и снова говорил о предназначаемой им мне роли посла. Никто не заглянул мне в душу. Не мне быть послом в это время.

27 июня. Утром в городе. Комитет министров. По вопросу о билетном полицейском сборе в Петербурге [303]. Я не сохранил должного хладнокровия. Терпение разрывается, как ветхая ткань. Пора отсюда.

28 июня. На даче утром. Вечером в Мраморном дворце два заседания: первое — Главного комитета с гр. Барановым по поводу его проекта разверстания и другое — Комитета финансов о займе под видом облигаций Николаевской железной дороги [304].

29 июня. Утром в Царском. Совет министров, вопрос об изменении тарифа [305]. Совсем ненужное заседание. Одна из привычек министра финансов. Он вызывает их, чтобы, так сказать, покрасоваться à peu de frais*. Потом там же заседание Комитета финансов по вопросу о передаче банку гр. Бобринского роли покойного банка Зеленого. Разногласие. Тупое упорство Рейтерна и Грейга, обычное малоумие гр. Баранова, обычный serinage** вел. князя и его последствия.

30 июня. Утром в Царском. Доклад у его величества. Гладкий. Государь был в мягком, почти меланхолическом расположении духа. Он сказал мне, со слезами на глазах: «Je ne sais pas ce qui m'arrive, mais je suis comme je n'ai jamais été et me sens changé. Rien ne me fait plaisir. Autrefois, le camp, les rennes étaient pour moi une jouissance. J'y vais encore, mais rien ne m'y touche»***. Мне хочется проситься в отставку.

---

* без больших затрат.

** наивная болтовня.

*** «Я не знаю, что со мною произошло, но таким, как теперь, я не был никогда и чувствую, что изменился. Ничто меня не радует. Раньше лагерь, олени доставляли мне удовольствие. Я еще бываю там, но ничто на меня не производит впечатления».

Испросил у государя разрешение вновь вводить в действие земские учреждения в С.-Петербургской губернии*. Оттуда вернулся за его величеством, который ехал на морской смотр в Кронштадт. К обеду на дачу.

1 июля. Целый день на даче. Работал и писал письма.

2 июля. На даче. Утром у обедни.

3 июля. На даче.

4 июля. Утром в городе. Комитет министров. Потом на даче. Вчера, найдя в присланном ко мне для подписания журнале Комитета финансов недобросовестный пропуск некоторых обстоятельств и искажений нашего (гр. Шувалова, гр. Баранова и моего) мнения, я подписал его с оговоркой и приложил нужное объяснение. Посмотрим, остановится ли на этом внимание государя.

Вопрос о восстановлении здешнего земства разрешился так удовлетворительно только потому, что я не спешил и действовал осторожно без предварительных разговоров.

5 июля. Целый день на даче. Приготовляюсь к отъезду.

6 июля. На даче.

7 июля. Утром доклад у его величества в Красном Селе с кн. Лобановым. Я откланялся перед отъездом. Государь был утомлен и рассеян частию вследствие кавалерийского ученья, частию вследствие доклада министра финансов. Разногласие по вопросу о банковых операциях в западных губерниях ставило его величество в явное затруднение. Он высказывал это несколько раз, призвав меня перед выходом Рейтерна из кабинета и сочинив некоторым образом очную ставку между нами. Я, наконец, предложил принять мнение большинства, которое государь готовился утвердить, в отношении с $^4/_5$ к залогу казенных оброчных статей, и наше мнение по статье о 5 млн. Так дело и состоялось. Но что будет далее — не знаю.

Был у кн. Д[олгорукова], у гр. Адлерберга, видел Шувалова и Бобринского. Из Красного отправился в Лигово к английскому послу, встретившись с женою на Лиговской станции. После обеда мы ездили в Сергиевскую пустынь и в Стрельну. Вернулись на дачу в 12 часу вечера.

8 июля. Сегодня повеление о восстановлении земских учреждений в С.-Петербургской губернии напечатано в «Северной почте». Этим я удобно завершаю мои действия перед отъездом. Распоряжения по сдаче Министерства кн. Лобанову сделаны сегодня же и об этой сдаче будет напечатано завтра.

Целый день на даче. Утром видел гр. Баранова и Бобринского, который теперь заявляет решимость отказаться от 5 млн. ввиду

---

* *Слова:* Испросил у государя... в С.-Петербургской губернии *написаны на полях.*

невозможности без $^4/_5$ и пр. пособить русским покупщикам на Западе и невозможности пред сильно возбужденным общественным мнением воспользоваться льготою без соответствующих обязанностей. Два часа убито на разные по этому предмету разглагольствования. Ездил к министру финансов, который между тем уже успел втихомолку уехать в разрешенный ему 6-недельный отпуск и которого я не застал. Был у Зеленого, который на словах мне разъяснил отчетливее ту мысль, которую он развивал в своем особом мнении и которою, по-моему, можно воспользоваться. Написал о том гр. Баранову и Бобринскому, уезжающему на несколько дней в Тулу.

9 июля. На даче. Утром у обедни.

10 июля. На даче. С удовольствием вижу, как мимо меня разные посетители отправляются к кн. Лобанову и с удовольствием отсылаю к нему, не распечатывая, приносимые мне конверты. Ни малейшего любопытства, ни малейшего желания участия. Hypersaturatus*. Укладываюсь, разбираю бумаги.

11 июля. Сегодня утром был в городе и даже заседал в Польском комитете. Нельзя было от него уклониться при замашках кн. Гагарина. Затем на даче.

12 июля. На даче.

⌈Скоро в Петербурге останутся из царской семьи только вел. кн. Николай Николаевич с своею вел. княгиней, из министров — только кн. Горчаков и кн. Урусов. Все прочие уедут или уже уехали. За них будут заседать их locum tenentes **. Затишье. Перед непогодой.

13 июля. На даче.

14 июля. То же. Ездил на Елагин к Шувалову. В Вильно будет, вероятно, назначен гр. Баранову coadjuto cum futur *** Чертков или кн. Дондуков.

15 июля. Утром у обедни. Помолились перед дорогой. Да благословит бог наш путь.

15 октября. Благодарение богу. Поездка совершилась и завершилась благополучно. Жена и Никс возвратились 10-го, а я, получив в Берлине телеграфическое **** повеление быть в Варшаве,— 13-го числа. Вчера ездил в Царское Село и видел государя, с которым вернулся в город. Сегодня у обедни, потом выезжал и видел кн. Гагарина. Вечером бракосочетание короля эллинов с вел. кн. Ольгою Константиновною. Был во дворце на этом торжестве, которое, быть может, по настроению моего духа, мне не показалось торжественным. Король эллинов в русском генеральском мундире, королева — полуребенок,

---

* Сыт по горло.

** заместители.

*** помощник в будущем.

**** *Вместо:* телеграфическое *написано:* высочайшее (*т. III, л. 104*).

обремененная диадемой и порфирой, ее умиленные родители, вел. кн. Александра Петровна и кн. Евгения Максимилиановна, как представительницы женской части августейшего дома, государь, по-видимому, не совсем здоровый, несколько похудалый, как будто утомленный или «ennuyé» *, толпа красных от жара сановников, малочисленность присутствовавших дам, возрастающий легион неизвестных или новых церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров, отсутствие всякого видимого участия со стороны всего присутствовавшего собрания, неприятный голос Бажанова, качающаяся голова епископа Ульмана, совершавшего протестантский обряд, утомительный польский «Куртаго» при скудости женской красоты и даже женского пола вообще — все это как будто носило на челе какой-то отпечаток упадка. Двор — не то, чем он был прежде. Россия — не та, которая была в прежнее время. Одно правительство почти не изменилось. Только его внутренний разлад виднее. Между тем буревые тучи поднимаются на европейском Западе и у нас самих стоит непогода. Неурожай тяготеет над многими губерниями. Финансы более и более расшатаны. Неудовольствие и недоверие возрастают или крепнут. Не в легкий час возвращаюсь я к своей доле в общем коловороте наших судеб.

16 октября. Утром по желанию кн. Гагарина весь Совет ездил поздравить вел. князя председателя, но trouva visage de bois**, ибо его высочество вместе с другими членами августейшего дома соизволил неожиданно отправиться в Царское Село к пребывающей там по нездоровью и по интересному положению цесаревне. В заседании Совета я не был, не поехал также на торжественный обед во дворце. Довольно и без меня алчущих. Вечером дома. Все по-старому, будто я не был три недели тому назад в Лондоне, потом в Париже, Берлине, наконец, Варшаве.

17 октября. Утром разные посетители. Потом участвовал в принесении поздравлений королю и королеве в Зимнем дворце и был в Комитете министров, где имел удовольствие в продолжение 3 часов быть свидетелем затруднений, с которыми борются ревнители и исполнители закона 10 декабря. Вечером дома. У меня были московский и прибалтийский ген.-губернаторы. Вчера и третьего дня видел гр. Баранова и его нового помощника ген. Черткова. Разные праздные толки, потому что при данной обстановке путного ничего быть не может.

18 октября. Целый день дома. Работал. Принимал доклады. Тяжелое чувство. На будущность нет определенных надежд. Если я не совершенно безнадежен, то только потому, что в моей

---

* «скучающий».

** встретил там холодный прием.

официальной жизни есть доля азартной игры. Вероятно, проиграю, но, может быть, выиграю. А между тем моя игра —игра России. В этом нет ни самообольщения или заносчивости. Мое *я* здесь нисколько не присваивает себе особого значения. Не я имею значение, а те вечные начала справедливости, человеколюбия, сострадания, уважения к правам и чувствам человечества, на стороне которых я стою. Не я, а эти начала выиграют или проиграют. Если же они проиграют, то и Россией будет проиграна ее историческая партия. Говорю, что игра азартная, потому что правительство, действующее, как наше, не имеет права уповать на бога. К нему прямо применимы слова Евангелия: «Всуе чтут устами... сердце же далеко отстоит». Все, что мы делаем на Западе, совершенно бессовестно, возмутительно, омерзительно. И я остаюсь министром! Но если бы я не оставался министром, разве шансы игры увеличились бы? А между тем сколько пострадало бы от того *частных* интересов, которых я представитель или защитник!

19 октября. Выезжал утром. День, как все мои дни.

20 октября. Утром доклад у его величества в городе. Заезжал к Рейтерну и Шувалову. Затем дома.

21 октября. Заседание Кавказского комитета. Нефтяное дело [306]. Государственный канцлер кн. Горчаков хотел обратить нефть в регалию и сказал, sans ironie*, а с свойственною ему во всех неиностранных делах невежественною наивностью, что при расстройстве наших финансов следует надеяться на провидение, которое может исправить их обильными нефтяными источниками.

22 октября. Утром у обедни. Выходил перед обедом. Вечер дома.

23 октября. Утром Государственный совет и Главный комитет. Затем дома.

24 октября. Утром страдальческий прием просителей. Невыносимо, особливо при той примеси, которая иногда в этих приемах всплывает. Потом Комитет министров. Потом Комитет польский. В первом из них отсрочили дальнейшее обсуждение вопроса о 10 декабря. Одни желают выиграть время, другие n'y voient que du feu**. Я не противился отсрочке по другому соображению. Мне выгодны все эти колебания. Когда-нибудь подведется им итог.

25 октября. Выезжал утром. Доклады, работа, заботы, раздумье.

26 октября. Совет министров. Чтение записки Морского министерства о его деяниях за пять лет [307].

---

* без иронии.

** ничего в этом не понимают.

27 октября. Утром доклад у его величества в Царском Селе. Частный вопрос об остзейцах в связи с делом 10 декабря, возбужденный нашими ultras*, решен государем в точном смысле текста закона. Обедал у его величества, вернулся в город в 9-м часу, нашел наинеприятнейшее известие о Ф. Вынужден положить этому конец [133].

28 октября. Прием. Доклады. Вечером на панихиде в доме кн. Суворова по умершей княгине. Эта кончина возвратила многих к этому дому. Между прочим, произошло примирение кн. Суворова с Шуваловым, который, конечно, по этому поводу приехал к панихиде**.

29 октября. Утром у обедни. Потом на выносе тела кн. Суворовой. Вечером был у Шуваловых.

30 октября. Не поехал в Совет. Целый день работа и прием разных лиц по разным делам. Лихорадочное чувство от постоянно возобновляющихся частных огорчений и забот. Этот нравственный гнет отзывается не только нравственно, но и физически. Мне холодно, ощущаю боль во всех сочленениях и по временам прилив крови к сердцу.

31 октября. Не был в Комитете министров. Выезжал для некоторых визитов. Затем дома.

1 ноября. Утром доклады. Вечером дома.

2 октября. Целый день много дела. Обедал у С[. . .?]*** со Скарятиным.

3 ноября. В Царском Селе утром. Доклад у его величества. Потом был у императрицы, которая на днях возвратилась из Крыма. Вернулся в город перед обедом. Вечером у Шуваловых. Je commence à les cultiver***. Он чрезвычайно правильно направляет свою деятельность. Желательно упрочить это направление. Оно весьма на него влияет.

Государь «заказал» мне статью для газет (официальных) по прибалтийскому вопросу. Нелегко исполнить заказ. Другие подняли вопрос, еще другие его растравили. От меня требуется ладный очерк неладного дела.

4 ноября. Выезжал утром. Нездоровится, и мой больной глаз начинает меня беспокоить.

На днях по поводу данного «Голосу» [308] предостережения много толков и ядовитая статья в «Московских ведомостях» [309]. Скучно даже описывать подробности этих эпизодов [134].

5 ноября. Утром у обедни. Ездил к возвратившейся из-за границы вел. кн. Елене Павловне, но ее не видал, потому что

---

* крайними.

** *Далее в скобках написано:* Разрыв продолжается со дня увольнения кн. Суворова от звания здешнего ген.-губернатора (*т. III, л. 106 об.*).

*** *Фамилия не разобрана.*

**** Я начинаю поддерживать с ними отношения.

столкнулся с вел. кн. Александрой Иосифовной. Видел Egérie R[...?]*. Перед тем у меня был строитель Воронежской железной дороги Поляков с предложением принять участие в учреждении акционерной компании для приобретения от казны Николаевской железной дороги. Вчера меня уже предупреждал об этом Стремоухов. Вечером в Михайловском театре. La dame aux camélias**.

6 ноября. В Государственном совете и Главном комитете утром. Обедал у вел. кн. Елены Павловны en tête à tête***. В разговоре обычные темы. Нового только то, что она мне поведала о М-ме Stahl.

Был в заседании Совета по делам печати. Я назначил оное для надлежащей нотации Совету после его последних проделок. Нотация дана, но мягче, чем я предполагал. Толстые губы дейст. стат. сов. Петрова и комическое выражение как его, так и других лиц меня обезоружили****.

7 ноября. Утром Комитет министров. Потом Кавказский комитет. Писал заказанную мне его величеством статью для «Северной почты» о прибалтийских делах [310]. Вечером она обсуживалась у меня Шуваловым и Альбединским. Будет ли прок? Сомневаюсь.

8 ноября. Статья, которую я посылал к государю, возвратилась одобренною. Будет напечатана завтра»*****, и мною сообщается кн. Горчакову и военному министру желание его величества, чтобы она была перепечатана в «Journal de St.-Pétersbourg» и в «Инвалиде».

Целый день за работой. Вечером на $^1/_2$ часа у Шувалова [135].

9 ноября. Целый день дома. Работаю неохотно. Мало верю в успех окончательный. Главное препятствие остается в прежней силе. Но день придет:

Не избежит оно суда мирского,
Как не уйдет от божьего суда.

10 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад у его величества. Нездоровится. Отказался от обеда под предлогом заседания Комитета железных дорог. Вечером действительно был в Комитете. Vanitas vanitatum ******. Удивительно, как все так и наталкивает на самый сухой эгоизм. Только то и бывает впрок, что

---

* *Фамилия, написанная по-французски, не разобрана.*
** «Дама с камелиями».
*** наедине.
**** *Слова:* «Был в заседании... меня обезоружили» *написаны на полях.*
***** *Далее написано:* в «Северной почте» (*т. III, л. 109*).
****** Суета сует.

когда-нибудь задумаешь для себя. Коль скоро дело общее — голубчики затормозят.

11 ноября. Утром в Департаменте экономии. Ген. Чевкин болен. По этому случаю заседание продолжалось недолго. Потом совещание у меня с гр. Шуваловым, гр. Паленом и кн. Урусовым об известном примечании к ст. 62 [311]. Вечером поздно Шувалов опять приезжал со статьею «Москвы», предлагая дать за нее предостережение. Я это отклонил по недостаточности к тому поводов.

12 ноября. Утром у обедни. Потом несколько визитов. Обедал у кн. Горчакова с армянским католикосом. Вчера кн. Горчаков был у меня по поводу римских дел. Он думает, в случае съезда предположенной Францией конференции назначить нашим комиссаром кн. Лобанова. О восточных делах он отозвался в том смысле, que le ministre de la guerre fait à présent quelque chose et que si l'Autriche entre en Bosnie, nous entrerons en Galicie*.

Об известном мне другим путем соглашении между Сербией, Черногорией и Грецией и о присутствии в Петербурге болгарских депутатов или агентов кн. Горчаков не упоминал, но сказал, что если я к нему зайду в докладной день из Зимнего дворца, он мне сообщит toutes les pièces de son dossier**.

13 ноября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Затем дома.

14 ноября. Утром прием. Комитет министров и Комитет кавказский. Тяжелые вести. Среди официальных забот продолжается ряд других еще более тяжких, мне одному известных забот.

15 ноября. Утром был в Сенате. Потом доклады. Обедал у принца Ольденбургского. Вечером дома.

16 ноября. Совет министров. Еще раз чтение. Предметом была записка министра народного просвещения, заключающая в себе его impressions de voyage***. Тон ее, между прочим, усматривается из того, что, говоря о надобности дать Одесскому университету медицинский факультет, гр. Толстой выражает надежду, что его величеству благоугодно будет «не оставить университет своими милостями». На поле состоялась высочайшая резолюция: «разумеется».

Обедал у французского посла. Вечером дома.

17 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад у его величества. Ничего особенного. Уже в третий раз ожидаю повода, но его не ищу, потому что рано высказаться вполне о западных делах.

---

* что военный министр теперь кое-что делает и если Австрия вступит в Боснию, мы вступим в Галицию.

** все документы своего досье.

*** впечатления о поездке.

Обедал у их императорских величеств. Министр финансов мне говорил, что он с трудом отстоял от притязаний кн. Суворова какой-то золотоносный прииск в Восточной Сибири и теперь отстаивает от вел. кн. Николая Николаевича * два других прииска в Амурском крае. Приятный dessous de cartes ** наших дел. Так подмывается авторитет и prestige *** правительства и к правительствам вообще особенно применимо английское изречение: «nobody is ridden down but by himself» ****. По возвращении в город был у гр. А. К. Толстого на чтении новой драмы Островского «Иоанн Грозный», переделанной из другой драмы Гедеонова. Слышал только 3-е действие. Язык правилен, но общий колорит мне приторен. Зверское ханжество Иоанна уже достаточно обрисовано в драме гр. Толстого, а гостинодворское наречие в устах бояр и цариц мне не по вкусу. Оттуда заезжал к Шуваловым.

18 ноября. Целый день дома. Работал. Читал.

19 ноября. Утром у обедни. Неприятные вести из Риги, где ландтаг постановил обратиться к государю с адресом об изменении закона 1850 г. ***** [312] После недавнего благоприятного поворота в прибалтийских делах это постановление в высшей степени безрассудно. Ген.-губернатор сообщил по телеграфу предварительные о нем сведения. Отвечал по соглашению с Шуваловым, что надлежит употребить все влияние ген.-губернатора, чтобы постановление было отменено путем вторичного рассмотрения дела. Телеграфировал о том же Эттингену, который в значительной мере участник и виновник в этой непростительной и нерассудительной демонстрации. Обедал у Шуваловых. Вечером дома. Сегодня скончался московский митрополит Филарет. Кончина, достойная архипастыря. Он отслужил обедню в домовой церкви и во 2-м часу пополудни умер без борьбы и страданий от апоплексического удара. Почитаю его память, но о нем не жалею. Он давно перестал быть деятелем и был только препятствием.

20 ноября. Утром не поехал в Государственный совет. Выезжал для нескольких визитов и работал.

21 ноября. Утром у обедни. Потом Комитет министров. Потом Комитет польский. В первом прошли без особых затруднений дела о зимней перевозке арестантов [313] и о преобразовании церковно-строительной части [314].

---

* *Далее в скобках написано:* не для него, а для каких-то protégés (*т. III, л. 124*).

** оборотная сторона.

*** престиж.

**** «никто так не вредит человеку, как он сам».

***** *Далее в скобках написано:* об официальном употреблении русского языка (*т. III, л. 124 об.*).

22 ноября. Целый день дома. Работал. Читал. Лифляндский эпизод оканчивается тем, что адреса пока не будет, но ландмаршалу поручено наперед andere loyale Mittel * употребить к достижению цели. Вечером на бале у кн. Долгорукова (В. А.).

23 ноября. Утром выезжал. Был у гр. Толстой и Головнина. Вечером дома.

24 ноября. Утром всеподданнейший доклад в городе, куда их императорские величества переехали вчера, а цесаревич и цесаревна третьего дня. Был у вел. кн. Елены Павловны по случаю Екатеринина дня.

Принц Александр Ольденбургский женится на Евгении Максимилиановне. Это сделалось известным третьего дня, но я забыл упомянуть об этом «событии».

25 ноября. Целый день дома. Приготовления к отъезду в Моршанск для присутствования по приглашению учредителей при открытии Ряжско-Моршанской железной дороги.

26 ноября. Утром у обедни. В 4 часа выезжаю.

30 ноября. Поездка благодаря бога совершена благополучно. Вернулся сегодня в 1-м часу пополудни. Тотчас по приезде обычное течение дел, посетители и бумаги.

1 декабря. Утром доклад у его величества. «Москва» приостановлена на 4 месяца [315] по распоряжению моего товарища, которое, однако же, я позволил привести в исполнение только по предварительном удостоверении, что государь, его одобрив без меня, не изменил и не изменит своего взгляда на дело. Заезжал к Шувалову и к патриарху, потом к возвратившейся из-за границы вел. кн. Марии Николаевне, но ее не застал.

2 декабря. Выезжал утром после разных приемов, между прочим прощального визита патриарха. Заезжал к гр. Строганову и к Морицу. Императрица не только сетует на меня за упразднение, наконец, проведенное чрез Комитет министров, церковностроительной администрации г. Батюшкова, но и за какие-то невозможности по обители кн. Дондуковой-Корсаковой. Я думал, что отделаюсь, прося для Батюшкова звания почетного опекуна. La mauvaise humeur ** выразилось тем, что государь мне объяснил вчера, что просить этого звания нельзя, потому что он и ее величество предоставляют себе жаловать реченное звание кому заблагорассудят.

3 декабря. Утром у обедни. Потом совещание у кн. Горчакова по греко-униатскому вопросу. Заезжал к Гернгросу, гр. Левашову и Тройницкому. Вечером в Михайловском театре. Bien joué, bien écrit, mais toujours force d'invraisemblances ***.

4 декабря. Утром Государственный совет. Потом Главный

---

* другие законные средства.

** Дурное настроение.

*** Хорошо сыграно, хорошо написано, но много неправдоподобного.

комитет. Несколько визитов, между прочим, m-me Moira и кн. Трубецкая.

5 декабря. Комитет министров. Потом Польский. Вечером за работой.

6 декабря. Утром доклады. Обедал у гр. Орлова-Давыдова.

7 декабря. Утром работа. Вечером недолго на бале у кн. Долгорукова.

8 декабря. Утром доклад у его величества. Ничего особого. Потом продолжительное совещание с гр. Барановым и ковенским губернатором [316]. Вечером дома. Сильный мороз. Выезды затруднительны.

9 декабря. Утром заседание соединенных Департаментов — законов и экономии. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Потом в Михайловском театре. Laide, mais habile étude des moeurs*.

10 декабря. Утром у обедни, был у вел. кн. Екатерины Михайловны и у герцога. День за работой.

11 декабря. Утром Государственный совет. Продолжительное заседание. Гр. Пален — не оратор.

12 декабря. Комитет министров. Отчет ген. Безака [317], при чтении которого я воздал ему должное в такой полной мере, что председатель счел невозможным заняться в этот день делами Польского комитета.

13 декабря. Утром в Сенате. Вечером на рауте у гр. Орлова-Давыдова.

14 декабря. Доклады утром. Обедал у Кохуна.

15 декабря. Утром доклад у его величества. По новосильцовскому делу должен был испросить новое пособие. Неприятно и ответственно, но необходимо. Вечером у Шуваловых и у Баратынской.

16 декабря. Утром дома. Обедал у Трубецких. Забыл упомянуть о том, что вчера у меня было, по желанию гр. Баранова, совещание с ним по крестьянскому делу в его крае. Совещание происходило при двух его и четырех моих подчиненных, что не помешало гр. Баранову сделать панегирик непослушанию подчиненных вообще и заявить, что он не уважает людей, которые не действуют по своим убеждениям. Дело здесь не в убеждениях, а в системе. Начальник не может предоставить тремстам убеждениям отступать от той системы, которую он проводит.

Сегодня было у меня совещание с гр. Толстым и Набоковым по вопросу о подчинении греко-униатских дел Царства Министерству народного просвещения. Вопрос был в сущности предрешен государем. Мечта обращения греко-униатов лежит в основании. Мне невыгодно было упереться из опасения слишком рановременного возбуждения вопроса о передаче вообще дел иностранных исповеданий в Министерство народного просве-

---

* Некрасиво, но характеристика нравов сделана искусно.

щения. Теперь время и люди не довольно надежные и притом министр народного просвещения — Синода обер-прокурор.

17 декабря. Утром в Строительном училище юбилей 25-летнего существования. Священник сказал весьма хорошую речь, вроде проповеди. Вечером на бале у Скарятиных.

Вчера были у меня приехавший из Парижа наш тамошний посол барон Будберг и новый министр почт и телеграфов Тимашев. От первого слышал некоторые любопытные подробности о положении дел в Париже и о нашем Министерстве иностранных дел. Второй обнаруживает всю горячность начинающего.

18 декабря. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Заезжал к Д. Г. Бибикову и к кн. Львовой. Затем дома.

19 декабря. Утром Комитет министров. Потом Комитет польский и кавказский. Заезжал к Лаубе. Вчера и сегодня распорядился напечатанием в «Северной почте» статей по делам римско-католической церкви и законодательств о печати [318], которые вызывались обстоятельствами.

Читал на днях записки Панаева [319]. Любопытны. Явно правдивы. Какое различие между его временами и нашими!

20 декабря. Утром краткое и, как всегда, пустое заседание в кассационном департаменте Сената и доклады. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером дома. На днях в кабинете государя была стычка вел. кн. Марии Николаевны с кн. Горчаковым à propos de madame Akinfieff *. Говорят, что беседа была довольно крупная, что государь вспылил и сказал кн. Горчакову, qu'il se rendait ridicule, que l'on évitait sa maison et que le corps diplomatique, qui ne pouvait pas l'imiter, se trouvait dans une fausse position **. Вел. княгиня спросила князя, s'il épousait ou non ***. Он вообще отзывался тем, que sa vie privée n'appartient qu'à lui etc. **** Между тем герцог Лейхтенбергский продолжает ездить к Акинфиевой и пр. и пр.

Другое бурное объяснение происходило между государем и военным министром [320] по поводу записки, поданной гр. Бергу местными военными начальниками и писанной ген. Карцевым. В ней порицаются распоряжения Военного министерства и выставляется в беспомощном виде положение армии. В Варшаву послан ген. Гейден для разбирательства. Записка передана государю гр. Шуваловым.

---

* по поводу г-жи Акинфиевой.

** что он ставит себя в смешное положение, что люди не хотят посещать его дом, что дипломатический корпус, который не может ему подражать, находится в ложном положении.

*** женится он или нет.

**** что его частная жизнь есть его личное дело и т. д.

21 декабря. Вчера вечером был у меня приехавший из Риги ген. Альбединский. Он в разрыве с Эттингеном, который перехитрил. Кажется, что и гр. Шувалов здесь не без хитрости и пособил разрыву. Эттинген под рукою двигал эпизодом лифляндского адреса, здесь жаловался на ген.-губернатора, там ссылался на государя и Шувалова. Шувалов здесь защищал Эттингена, а туда писал в другом смысле.

Утром была новая сцена между государем и военным министром [321], который жаловался на Шувалова. Ген. Милютин дошел до слез, государь — до разных резких выражений. Он передал это Шувалову, а Шувалов мне. Потом Совет министров по делу о Николаевской железной дороге [322]. Рейтерн, отстаивавший Главное общество, сначала превосходно излагал дело, потом, когда встретил противоречие, по обыкновению рассердился и говорил с меньшим толком. Шувалов, насвистанный Бобринскими, приводил их проблематические цифры и на основании этих цифр заявлял себя в пользу предложений нескольких московских купцов. Предложения Полякова, им самим из боязни перед своими соучредителями (кн. Гагариным московским и гр. Левашовым) опрометчиво и неловко измененные, устранялись сами собою. Ген. Мельников по обыкновению выражался нерешительно и в смысле отсрочки, ген. Чевкин также по обыкновению — в смысле разных отрицаний и опасений. Ввиду этих отзывов и шуваловских цифр государю трудно было решиться на что-либо окончательное. Я предложил отсрочить решение недели на две, а между тем разъяснить возникшие сомнения. Так и положено. Дело обратится в Комитет министров по крайней мере для определения программы условий окончательной продажи * дороги тому или другому предлагателю.

Вечером дома.

22 декабря. Утром доклад у его величества. Государь был в одном из настроений, где трудно достигать какой бы то ни было цели. Сколько раз повторяется опыт напрасного обдумывания того или другого, что могло бы пригодиться при докладе, и, несмотря на этот опыт, я продолжаю иногда обдумывать.

Обедал в Аничковском дворце с кн. В. А. Долгоруковым, гр. Паленом и кн. Урусовым. Кроме вел. князя и вел. княгини, был вел. кн. Владимир Александрович. Впечатление вообще благоприятное. Я не ожидал того, что видел и слышал. Но первые впечатления, цесаревною вызванные и более года тому назад здесь записанные, не повторяются и не оправдываются.

23 декабря. Выезжал утром. Приготовления к елке. Вечером дома.

24 декабря. Утром у обедни. Потом на Выборгской стороне для осмотра новой тюрьмы в «винном городке». Потом заседание

---

* *Вместо:* продажи *написано:* передачи (*т. III, л. 128*).

у кн. Горчакова по делу о записке гр. Баранова по римско-католическим делам. Были: кн. Урусов, гр. Шувалов, гр. Толстой и два западных ген.-губернатора *. Обычные явления. Гр. Толстой читает лекции о Риме. Он настаивал вместе с гр. Барановым и ген.-ад. Безаком на упразднении Минской римско-католической епархии. Стремоухов tenait la plume**. Казначеев присутствовал по приглашению гр. Баранова ***. Мне показалось, что кн. Горчаков приберегает свои отношения к гр. Толстому, быть может, во внимание к его синодальному званию и к разводным претензиям г-жи Акинфиевой.

Вечером у всенощной. Потом по обыкновению домашняя елка.

25 декабря. Утром у обедни. Выезжал. Между прочим, был у гр. Литке по случаю избрания моего в почетные члены Академии наук. Придет время, меня не будет. Сыновья, быть может, и другие будут читать эти заметки или часть их, если я успею их привести в порядок, развить и дополнить. Что подумают тогда частью обо мне, частью о моем положении в связи с общим положением дел? Многое, что могло бы пояснить мою роль, мною не досказано. Но многое угадать нетрудно. Ни малейшего самообольщения я за собою не знаю. Я сознаю свою пассивность. Я даю себе полнейший отчет в ничтожности моего влияния, в ограниченности результатов моего немалого, но ныне большею частью механического труда. Вспоминаю слова Бисмарка: Was ich errungen, habe ich mehr als Kammerherr, wie als Minister errungen****. Я не способен irgend etwas als Kammerherr zu erringen*****, а это важный, огромный недостаток. Государственный человек должен сообразоваться с данною обстановкой. Зачем же остаюсь я? Этот вопрос — мой внутренний, неугомонный спутник. Извиняю себя тем, что обстоятельства сложены так, что, не оставаясь, я бы не достиг никакого результата. Я все жду einen Wink des Schicksals ******, знака судьбы, который, как два года тому назад, меня бы побудил к принятию какой-либо решительной меры. Но прав ли я в том, что все ожидаю?

26 декабря. Целое утро дома. Обедал у кн. Львовой. Вечером дома.

27 декабря. Утром опять не выезжал. Обедал у кн. Ливена с Шуваловыми. Должен был обедать и барон Будберг, но его

---

* *Вместо:* два западных ген.-губернатора *написано:* гр. Баранов и ген. Безак (*т. III, л. 128 об.*).

** вел запись.

*** *Далее в скобках написано:* Он ничего не сказал кроме того, что гр. Баранов не точно на него сослался относительно его объяснений с тельшевским епископом Волончевским (*т. III, л. 128 об.*).

**** То, чего я достиг, я достиг скорее как камергер, чем как министр.

***** достичь чего-либо в качестве камергера.

****** указания судьбы.

отозвали к вел. княгине. Утром заезжал Шувалов после доклада у государя. В Зимнем дворце продолжают буреваться объяснения по делам Акинфиевой. На предстоящий по случаю бракосочетания кн. Евгении Максимилиановны бал ее приказано не звать, а так как зовут по чинам, то приходится или 2 тыс. человек звать поименно, или ей поименно объявить, что она не приглашается.

Шувалов говорит, что императрица на днях сказала о нем: «Il ne faut aucun talent pour faire ce qu'il fait. Il suffit d'exploiter les côtés faibles d'un caractère» *.

28 декабря. Утром дома. Обедал у Анненковой. Вечером на двух танцевальных вечерах у Тройницких и Родоконаки. У первых прежние невозможные лица и новые под стать прежним.

29 декабря. Утром доклад у его величества. Краткий, бесцветный. Затишье. Долго ли будет еще лежать на мне это бремя пятниц? Вечером на бале у барона Штиглица.

30 декабря. Целый цень дома. Работал. Гр. Шувалов заезжал, чтобы передать высочайшее повеление обсудить совместно с гр. Барановым и министром финансов вопрос о необходимости уменьшения % сборов в Северо-западном крае. Он говорил также, что кн. Горчаков très à bas **. Вчера я к нему заезжал и этого не заметил. Вероятно, случилось что-нибудь новое или приезд ген.-ад. Игнатьева, которого ее величество, говорят, pousse au ministère ***, его встревожил [136].

31 декабря. Утром у обедни. Выезжал. Потом у меня совещание с гр. Барановым и Рейтерном по вышеупомянутому вопросу. При некоторых более или менее мне давно известных приемах удалось их привести к единогласию со мною. Я принял на себя также вследствие давно испытанных удобств изложение некоего общего заключения. Вечером ездил на ½ часа к кн. В. А. Долгорукову, который вздумал ознаменовать кончину года балом. Вернулся домой в 12 часу и по обычаю встретил новый год в церкви. Потом работал до ½ 5-го утра над составлением записки. в которой должно было выразиться наше единодушие с Рейтерном и гр. Барановым. Почти окончил эту работу и лег спать с чувством особого удовлетворения. Нельзя было лучше вступить в новый год, как с принесением полезному делу усиленного труда, и притом труда единоличного, совершенно свободного и от моего произволения истекшего. Я мог не только вовсе не делать того, что сделал, но и сделать, если бы захотел делать, не в эту ночь, а когда бы вздумалось.

---

* «Для того, что он делает, не нужно никакого таланта. Достаточно использовать слабые стороны людей.

** очень упал духом».

*** продвигает в министры.

1868 год

1 января *. Утром у обедни. Выезжал, но только в Казанский собор и к больному барону Велио. Сегодня во дворце не было выхода ни большого, ни малого. Особых «grâces» ** также, сколько мне сделалось известным, не оказано. Кн. Гагарин не поступил в первоклассные. Генерал-адъютантские аксельбанты пожалованы только приехавшему вчера из-за границы кн. Витгенштейну. Неизвестно, за что они даны. Тотчас после обедни я дописал свою записку по делу о % сборе, отправил ее к Рейтерну и гр. Баранову для подписи (в которой трудно было отказать при виде 11 страниц folia моей руки) и затем, присоединив к их подписи мою, отослал записку к его величеству. Записка вернулась вечером с обычным: «исполнить».

2 января. Утром прием. Потом Комитет министров. Потом Польский.

3 января. Утром доклады. Вечером на рауте у гр. Орлова-Давыдова.

4 января. Целый день за работой. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Кн. Горчаков болен. Отчасти подагрою, отчасти Игнатьевым. В Министерстве иностранных дел разыгрывается imbroglio***. Теперь оказывается, что канцлер, барон Будберг и Игнатьев совершенно одного взгляда и духа. Между тем прежде говорилось, что Игнатьев непоследователен и клонит дела к разрыву. Теперь Игнатьев утверждает, что он всегда ограждал мир et que c'est le ministère qui poussait à la guerre ****. В городе разные толки au sujet de la blonde *****. Приписывают

---

* *1 января 1868.* Новый год. В домовой церкви министра внутренних дел с женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

** милостей.

*** путаница.

**** и что в войну вовлекало Министерство.

***** по поводу блондинки.

разные сплетни г-же Мальцовой. Не в первый раз. Из чего трудится?

5 января. Утром доклад у его величества. Потом в церкви у обедни и вечерни. Работал. Вечером отрыван всенощной. Перед обедом был Игнатьев, который у меня встретился с кн. Лобановым. Игнатьев умен, но поздравляю того, кто ему верит.

Министр финансов говорил мне сегодня утром, что он опять помышляет уходить. Военный министр сообщил ему на новый год о новых расходах, 20 млн. на артиллерию, в том числе 6 млн. в этом году, и $7^1/_2$ млн. надбавки по случаю возвышения цен.

6 января. В прошлую ночь или почти вчера вечером, в исходе 12-го, скоропостижно скончался кн. Василий Андреевич Долгоруков. Меня эта весть истинно потрясла. Я искренно уважал покойного и был ему искренно благодарен. Все небольшие его недостатки исчезают при воспоминании о его добрых, благородных, даже высоких свойствах. Он не был государственным мужем, но он сам никогда себя и не считал им. Всякое самообольщение и всякая недобросовестность ему были чужды. Он никому не делал и никому не желал зла. Я никогда не встречал человека менее злопамятного, а в душе более скромного. Он много сделал добра, еще более желал, но не успевал или не умел его сделать. Его преданность государю и его самоотвержение на службе теперь уже не встречаются в этой мере и в этих формах. Мир его праху и его тени!

Вечером был на панихиде. Уже лицо покойного изменилось. Сочувствие общее и тем более равное, что у кн. Долгорукова как бы не было семейства. Его сын мало любим. Племянницы и племянники не составляют объекта утешения, как вдова, или родители, или дети. Всякий, так сказать, сам по себе огорчен и сам по себе заявляет свои чувства, мало заботясь о приближенных покойника. На панихиде присутствовали государь, государыня императрица и все вел. князья, кроме цесаревича.

7 января. Утром у обедни. Потом снова на панихиде по кн. Долгорукову. Государь был опять и на этот раз с цесаревичем. На место покойного, вероятно, будет назначен обер-камергером кн. Суворов или гр. Андрей Петрович Шувалов.

Гр. Строганов (С. Г.) говорил мне сегодня, что кн. Долгоруков негласно продолжал принимать большое участие в делах, хотя и казался от них удаленным, что государь о всем с ним совещался и сообщал ему все записки гр. Шувалова. Полагаю, что это только отчасти точно. Кн. Долгоруков действительно знал о многом, но многого он положительно не знал. Шуваловских записок он потому не читал, что их, сколько мне известно, вообще было весьма немного, если они порою и представлялись государю.

Вечером в Зимнем дворце. Бракосочетание принца Ольденбургского (Александра) с кн. Евгениею Максимилиановною. Обычный обряд со всеми церемониальными принадлежностями. Принцу даны андреевская лента и полковничьи эполеты. Это признавалось весьма значительным. Видел при этом случае старшего брата принца * и Николая Максимилиановича, которого нигде не встречаю с тех пор, как он акинфиевствует. Он показался мне весьма похудалым.

Шувалов (Pierre IV) мне показался несколько беспокойным. Вообще он не так sûr de son fait **, как предполагают. Вчера после панихиды я видел, как он объяснялся с гр. Адлербергом. Бережливо, без уверенности.

8 января. Утром в Александро-Невской лавре. Погребение кн. Долгорукова. Не слишком людно, чинно. Государь, все вел. князья, кроме Николая Николаевича, и вел. кн. Александра Иосифовна были. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. Довольно бурное заседание, в котором вел. кн. ген.-адмирал был весьма correct***, потому что речь шла об однодворцах Западного края [323].

9 января. Утром прием. Потом Комитет министров. Вечером большой бал во дворце. Государь, встретившись со мною, между прочим, сказал: «Удивляюсь, как я на тебя наткнулся». Эти слова потому несколько характеристичны, что обозначают, как мало в таких случаях я стараюсь вращаться вблизи высочайших особ. Весьма немногие в этом отношении придерживаются моей системы.

10 января. Утром доклады и совещание у меня с гр. Шуваловым, гр. Паленом, кн. Урусовым и кн. Лобановым по царанскому вопросу [324]. Бессарабский предводитель Крупенский участвовал в нем по нашему приглашению насколько было нужно. К сожалению, много времени тратится напрасно.

11 января. Утром дома. Обедал у гр. Орлова-Давыдова. Вечером на бале у принца Ольденбургского. Скучный эпизод, à propos **** избрания гр. Андрея Шувалова в здешние гласные.

12 января. Утром доклад у его величества. Государь сам сказал мне, что по разногласию об упразднении Минской епархии он утверждает мнение гр. Баранова, ген. Безака и гр. Толстого *****. Это может послужить гр. Шувалову доказательством того, насколько действительно улучшилась почва по западным

---

* *Далее в скобках написано:* в первый раз прибывшего в Петербург после его женитьбы (*т. III, л. 132 об.*).

** уверен в прочности своего положения.

*** корректен.

**** по поводу.

***** *Далее в скобках написано:* в противность заключению кн. Горчакова, гр. Шувалова, моему и пр. (*т. III, л. 133*).

делам. Вчера в конце нашего совещания о царапах я говорил вообще о делах печати и моем личном положении. Я ссылался на то, что мне настает пора ухода, а Шувалов опровергал меня, между прочим, оптимистическими аргументами насчет перемены во взглядах государя. Я не вижу этой перемены ни в его взглядах, ни в настроении, ни в привычках, наклонностях и приемах.

Вчера или третьего дня вечером скоропостижно умер Moira. Бедная жена его почти в помешательстве. Заезжал сегодня. Видел ее. Она с исступленною живостью повторяет всем и каждому рассказ о последних мгновениях жизни мужа, которого апоплексия поразила у ее постели в то время, когда он читал ей новейший роман гр. Толстого. Он упал, захрипел, закрыл глаза и уже не размыкал их. Бедная женщина рассказывает все это, как могла бы говорить талантливая актриса на сцене. Иногда в сценических явлениях подражание кажется истиной. Иногда в жизни истина приводит на память подражание. Естественно, потому что, к счастью, мы чаще встречаемся с драматическими явлениями на сцене, чем в жизни.

Вечером на бале у французского посла. Официальный бал по случаю бракосочетания принцессы Евгении. Между тем за 27° мороза. Мы остались с женою только до первой возможности уехать, т. е. до приезда государя и до очищения лестницы от поджидавших его чинов посольства.

Сегодня заезжал из Зимнего дворца по уговору к Будбергу. Он читал мне свой mémoire sur la situation *. Записка весьма рассудительна, отчетливо и хорошо написана. Будберг говорил мне, что и записка ген. Игнатьева [325], хотя от других положений исходящая, приводит к тем же заключениям, т. е. к миролюбивой и осмотрительной политике. Что же случилось нового? Почему же мы только теперь убеждаемся в необходимости этой политики и для чего как будто нужным оказалось заставлять Будберга и Игнатьева писать записки? [137]

13 января. Целое утро дома. Обедал у прусского посланника.

14 января. Утром у обедни. Был у меня фельдмаршал гр. Берг. По его словам, состояние нашей армии до крайности неудовлетворительно по части вооружения и запасов [326].

15 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером в италиянской опере. Don Giovanni, signora Anna, Volpini, Gulitini. Страдаю глазом.

19 janvier **. Une inflammation à l'oeuil m'a fait disconti-

---

* докладную записку о положении дел.

** Записи за 19, 22, 23, 24, 27 января, 2 и 5 февраля занесены в дневник женой П. А. Валуева.

19 января. Воспаление глаза заставило меня прервать мой дневник. В понедельник 15-го я еще присутствовал в Совете. Надо было принять участие в обсуждении дела о Елизаветграде. Бахтин, по своему обыкно-

nuer mon journal. Lundi 15 j'ai encore été au Conseil. Il fallait prendre part à la discussion sur l'affaire d'Elisabethgrade[327]. Bachtine a fait un discours anti-gouvernemental selon son habitude. Titoff en avait fait un dans son genre. Sur 45 membres présents ils n'ont réuni que 4 voix. Le ministre de la guerre avait d'abord voté avec eux, mais il s'est revisé et a fait transposer son vote. Après le Conseil — Grand-Comité. Diné chez les Scariatine. Le soir à l'opéra. Don Juan. Le lendemain

---

вению, произнес антиправительственную речь. Титов сказал речь в своем жанре. Из 45 присутствовавших членов они собрали лишь четыре голоса. Военный министр сначала голосовал с ними, но потом одумался и переменил свой вотум. После Совета — Главный комитет. Обедал у Скарятиных. Вечером в опере. Давали «Дон Жуана». На следующий день, 16-го, я уже совершенно выбыл из строя. Я не пошел в Комитет министров. Тимашев пришел ко мне и, между прочим, рассказал мне историю характерных помет покойного государя, сохранившихся в делах III Отделения. Среди политических заключенных в крепости находился один, давно содержавшийся секретно. Он приехал из Варшавы; фамилия его, кажется, была Налепинский. Он был арестован по причинам, которые, по-видимому, знали лишь государь и фельдмаршал кн. Паскевич. В эпоху, когда, по словам Тимашева, оказывались милости, ко времени бракосочетания теперешнего государя, кн. Орлов, в то время шеф жандармов, решился представить записку, в которой он просил о смягчении участи Налепинского. Государь написал на записке: «Об нем забыть» — и отослал ее обратно. Другая помета была найдена на письме, которое написал государю Штейнгель — один из приговоренных по делу 14 декабря. Штейнгель провел уже свыше 10 лет в Сибири. Он написал государю не для того, чтобы ходатайствовать о помиловании, и не затем, чтобы снискать какую-либо милость, но чтобы сказать, что по своей юношеской заносчивости он принял на себя бо́льшую вину, чем был виновен на самом деле, и что в то время он говорил вещи, о которых сожалеет, и просит простить его за них. Государь написал на письме: «Я им давно простил». Прощение не помешало тому, что Штейнгель и другие оставались в Сибири до конца царствования.

В среду 17-го и в четверг 18-го безуспешная борьба с моей болезнью. 19-го мой помощник заменил меня в работе с государем. Сегодня, 20-го, я вынужден прекратить всякое участие в делах. Пока что в Министерстве иностранных дел какая-то неурядица. Восточный вопрос осложняется. В то время как барон Будберг в Париже придерживается мирного тона, в Константинополе ген. Игнатьев как будто ведет дело к войне. Кн. Горчаков, поддерживающий в Петербурге мирный тон, заставлял гр. Штакельберга говорить в Вене воинственным языком. Наши офицеры разъезжали по Сербии, туда посылалось оружие. Вообще в Министерстве иностранных дел чувствовалось два течения. Канцлер говорил фразы о мире и о восточных христианах. В то же время Азиатский департамент переписывался с нашими консулами в Турции и говорил с ними языком, весьма мало пригодным к тому, чтобы успокоить возбуждение христианского населения. Все наши политиканы женского пола волновались или высказывались в духе г-на Стремоухова. Кн. Горчаков осуждал то Игнатьева, то Будберга. Тем временем оба посла приезжают в Петербург, и канцлер, вынужденный высказаться в категорической форме, оказывается, разделяет мнения и того, и другого. Будберг и Игнатьев также, как кажется, придерживаются одинаковых мнений. Чтобы выяснить все это, государь требует от каждого из них по докладу и заявляет, что пригласит обоих, чтобы обсудить в их присутствии проблему нашей политики. Игнатьев

16 j'étais tout à fait hors de combat. Je ne suis plus allé au Comité des ministres. Timacheff est venu me voir et il m'a conté entre autres l'histoire de deux annotations caractéristiques de feu l'empereur conservées dans les dossiers de la 3-ème Section. Parmi les détenus politiques à la forteresse il y avait un tenu au secret depuis longtemps. Il était venu de Varsovie, s'appelait, je crois, Nalépinsky et avait été incarceré pour des motifs que l'empereur et le maréchal, prince Paskévitsch, seuls semblaient connaître. A une époque où l'on accordait des grâces, selon Timacheff, lors du mariage de l'empereur actuel, le p-ce Orloff, alors chef de la gendarmerie, s'avisa de présenter une note dans laquelle il sollicitait un adoucissement au sort de Nalépinsky. L'empereur écrivit sur la note: «Об нем забыть», et la renvoya. L'autre annotation fut trouvée sur une lettre écrite à l'empereur par Steingell, l'un des condamnés du 14 Décembre. Steingell avait déjà passé plus de dix ans en Sibérie. Il écrivit à l'empereur, non pour solliciter sa grâce ni une faveur quelconque, mais pour lui dire que par forfanterie de jeunesse il s'était fait passer pour plus coupable qu'il ne l'était, qu'il avait tenu alors des propos qu'il regrettait et dont il lui demande pardon. L'empereur mit sur la lettre: «Я им давно простил». Le pardon n'empêcha pas Steingell et les autres de rester en Sibérie jusqu'à la fin du règne.

Mercredi le 17 et jeudi le 18 lutte infructueuse contre mon mal. Le 19 mon adjoint me remplaça pour travailler avec l'empereur. Aujourd'hui 20 je suis forcé d'abandonner presque toute part aux affaires. En attendant une espèce de péripétie se déroulé au ministère des affaires étrangères. La question d'Ori-

---

и Будберг написали свои доклады. Я читал доклад Будберга — он очень хорош. Кн. Горчаков ограничился комментированием обоих докладов. Сегодня государь пригласил этих господ, но я еще не знаю результата совещания.

22 января. Я по-прежнему не могу работать Мне рассказали о совещании кн. Лобанов, который видел Будберга, и сам Будберг, бывший у меня вчера. Кажется, что, несмотря на весьма обширные комментарии канцлера, его апломб и ораторскую ловкость, оба посла сумели постоять за себя, и государь был на их стороне. Государь заявил, что он хочет прекратить нашу дипломатическую болтовню, одним словом, чтобы мы замолчали и держали себя спокойно. По словам Будберга, ген. Игнатьев хорошо защищал свои положения и откровенно указал на некоторые легкомысленные действия кн. Горчакова. Например, по поводу одного мемуара о реформах, которые следует провести в Турции или которые нужно предложить турецкому правительству, мемуара, который канцлер направил послу. Как бы в порядке инструкции, Игнатьев сказал государю, что, если бы его величество завоевал Турцию и назначил бы его ген.-губернатором, то он был бы не в состоянии осуществить там программу кн. Горчакова. Верные сторонники Министерства иностранных дел говорят в городе, что канцлер очень доволен результатами совещания. Например, Эверс говорит, что оно упрочило положение кн. Горчакова. После долгих лет его правления и при его самоуверенной манере держать-

ent se complique. Pendant que le Baron Budberg à Paris maintenait des allures pacifiques, le g-al Ignatieff, à Constantinople, semblait pousser à la guerre. Le p-ce Gortchakoff, pacifique à St. Pétersbourg, faisait tenir au c-te Stackelberg un langage belliqueux à Vienne. Nos officiers parcouraient la Servie et l'on y envoyait des armes [328]. En général, deux courants différents se faisaient sentir au ministère des affaires étrangères. Le chancelier faisait des phrases sur la paix et sur les chrétiens d'Orient. En attendant le département asiatique correspondait avec nos conseils en Turquie et leur tenait un langage peu propre à calmer l'effervescence des populations chrétiennes. Tous nos faiseurs de politique féminins s'agitaient ou parlaient dans le même sens que M-r Stremoouchoff. Le p-ce Gortchakoff blâmait tantôt Ignatieff, tantôt Budberg. Sur ces entrefaites les deux ambassadeurs viennent à St. Pétersbourg, et le chancellier, mis endemeure de se prononcer catégoriquement, se trouve être du même avis que l'un et que l'autre. Budberg et Ignatieff ont également l'air de professer les mêmes opinions. L'empereur, pour en venir au clair, demande à chacun d'eux un mémoire et annonce qu'il les réunira pour les faire discuter en sa présence le problème de notre politique. Ignatieff et Budberg ont fait leurs mémoires. J'ai lu celui de Budberg qui est très bien. Le p-ce Gortchakoff s'est borné à commenter les deux pièces. Aujourd'hui l'empereur a appelé ces messieurs mais je ne sais encore le résultat de la conférence.

22 Janvier. Mon impotence personnelle continue. Eu des nouvelles de la conférence par le p-ce Lobanoff qui avait vu Budberg et par Budberg lui même qui est venu me voir hier. Il paraît que malgré les commentaires assez volumineux du chancelier, son aplomb et sa dextérité de langage, les deux ambassadeurs lui ont tenu tête et ont eu l'empereur de leur côté. L'empereur a déclaré qu'il voulait que l'on mit un terme à nos élucubrations diplomatiques, en un mot qu'on se tût et se tint tranquille. Le g-l Ignatieff, au dire du b-n Budberg, a très bien maintenu ses thèses et a relevé nettement certaines legèretés

---

ся — признание, что ему нужно было упрочить свое положение, имеет немалое значение. Я спросил Будберга, было ли у канцлера очень красное лицо; он ответил: «да»; кончик воротника его рубашки глубоко врезался в его щеку, а у него это является характерным признаком волнения.

Мирные намерения государя или, вернее, ясность и решительность, с которыми он о них говорит, связаны, с одной стороны, с указаниями, которые он получает от своих родственников из Германии, а с другой стороны, с некоторой неурядицей — я надеюсь, временной,— которая царит в нашей армии. Производство новых видов огнестрельного оружия подвигается медленно; все виды необходимого снабжения недостаточны, а уменьшение численного состава в соответствии с наличием кадров, которые формируются теперь почти только из молодых солдат, создает

du p-ce Gortchakoff. Par exemple, à propos de certain mémoire concernant les reformes à introduire en Turquie ou à proposer au gouvernement turc, mémoire envoyé par le chancelier à l'ambassadeur quasi à titre d'instructions, Ignatieff a dit à l'empereur que si s. m. avait fait la conquête de la Turquie et l'y avait nommé gouv. gen. il se serait trouvé dans l'impossibilité de réaliser le programme du p-ce Gortchakoff. Les fidèles du ministère des affaires étrangères disent en ville que le chancelier est très satisfait des résultats de la conférence. Evers p. ex. dit qu'elle a consolidé la position du p-ce Gortchakoff. Après la longue durée de son administration et ses allures assurées, c'est beaucoup avouer que de reconnaître ce besoin de consolidation. J'ai demandé à Budberg si la figure du chancelier avait été très rouge: il m'a dit «qu'oui» et la pointe de son col de chemise pénétrait profondément dans la joue, ce qui constitue en effet chez lui un symptôme caractéristique d'émotion.

Les dispositions pacifiques de l'empereur ou plutot la netteté et la résolution avec lesquelles il en parle, tiennent d'une part aux avis qu'il recueille dans ses correspondences de famille avec l'Allemagne et de l'autre à l'espèce de désarroi, passager je l'espère, dans lequel se trouve notre armée. La fabrication de nouvelles armes à feu avance lentement; tous les approvisionnements nécessaires font défaut; et la réduction de l'effectif aux proportions des cadres, lequels eux-mêmes ne sont presque plus formés que de jeunes soldats, rend toute mobilisation impossible sans y mettre plus de temps qu'on n'en laisserait probablement à notre disposition, en cas de guerre. Hier a eu lieu à notre chapelle la noce de Jacques. A cause de l'état de mon oeil je n'ai pu assister qu'à la fin de la cérémonie.

23 Janvier. Hier a paru dans un supplément à «l'Invalide» une espèce de manifeste ou de proclamation, signalant, dans

---

положение, при котором всякая мобилизация будет невозможной: на нее придется потратить много времени, которого, в случае войны, вероятно, не окажется в нашем распоряжении. Вчера в домовой церкви происходило венчание Жака. Из-за болезни глаза я пришел только к концу церемонии.

23 января. Вчера в приложении к «Инвалиду» было напечатано нечто вроде манифеста или прокламации, сообщавшей в напыщенном тоне и крайне многословно об открытии благотворительной подписки в пользу населения, страдающего от голода в северных губерниях империи. В этой прокламации объявлено, что подписку возглавляют вел. князь наследник престола и цесаревна и что они получили на это разрешение государя. Прокламация подписана: «кн. Владимир Мещерский». Этот кн. Мещерский, являющийся герольдом высочайшей воли и благотворительных намерений их императорских высочеств и который по этому случаю предается упражнениям в более чем сомнительной реторике,— молодой человек весьма ограниченных способностей и с весьма большим тщеславием, прикомандированный к министру внутренних дел и терпимый им на этой работе из уважения к семьям Вяземских и Карамзиных. Ни я,

un ton emphatique et dans des formes verbeuses, l'ouverture d'une souscription de bienfaisance dans l'intérêt des populations qui souffrent de la disette dans les provinces septentrionales de l'Empire [329]. Cette proclamation fait savoir au public que le m-r le g. d. héritier et m-me la césarevna se sont mis à la tête de la souscription et qu'ils y ont été autorisés par l'empereur. Le tout est signé: «князь Владимир Мещерский». Ce p-ce Мещерский, qui se trouve le héraut d'une autorisation suprême et des intentions charitables de l. l. a. a. impériales et qui se livre à cette occasion à des exercices d'une rhétorique plus que douteuse, est un jeune homme de très médiocres capacités et d'une assez grande vanité, attaché à la personne du ministre de l'intérieur et toléré de lui dans ses fonctions par égards pour la famille Wiasemsky et Karamsine. Ni moi, ni d'autres n'ont été prevenus de la publication de cette pièce. J'avais seulement appris il y a trois jours par le maire de la ville que l'ouverture d'une souscription analogue, décrétée par la municipalité, avait été arrêtée ou suspendue par lui à la suite d'un message verbal transmis par un aide-de-camp du g.-duc., et signalant l'intention de son altesse de patroniser lui-même cette oeuvre charitable. Et hier au Conseil, le g.-duc avait demandé à mon adjoint, si une office du c-te Adlerberg au sujet d'une souscription à ouvrir sous les auspices de son altesse m'était parvenu. Le p-ce

---

ни другие не были предупреждены о напечатании этого документа. Только три дня тому назад я узнал от городского головы, что такая подписка, которую постановила объявить городская управа, была им приостановлена или отменена после устного сообщения адъютанта вел. князя. В сообщении указывалось, что его высочество намерен лично возглавить это благотворительное дело. Вчера на Совете вел. князь спросил моего помощника, получил ли я уведомление о готовящейся подписке под патронажем его высочества. Кн. Лобанов дал отрицательный ответ, и, в самом деле, я до сего часа не получил никакого официального уведомления подобного рода. Я отмечаю этот факт с некоторой точностью, потому что он характерен. Всякие комментарии были бы излишни. Тем не менее нелишне пояснить неожиданную роль в этом деле кн. Мещерского. Это — бывший сотрапезник молодых вел. князей, который сохранил право запросто ходить в Аничков дворец. Только что вышел от меня гр. Берг. Он отказался от всякого участия в обсуждении дел Царства Польского по вопросам о Комиссии по внутренним делам и по Управлению церковными делами, пока я не буду в состоянии присутствовать на заседаниях. Он хочет отделаться от г-на Соловьева и от некоторых других гостей, присутствие которых в Варшаве не особенно приятно. По своему обыкновению он хитрит со всеми и понемногу всем лжет.

После гр. Берга пришел Александр Адлерберг. Государь поручил ему договориться со мной о проекте рескрипта, который должен быть адресован государем и императрицей, за их подписями, цесаревичу, рескрипта, касающегося вышеупомянутой подписки. Разрешение основать комитет помощи под почетным председательством вел. князя будет объявлено кому следует. Оказывается, императрица сама задумала проект мероприятий благотворительного характера. Сначала она придумала

Lobanoff avait répondu négativement, et en effet même à cette heure je n'ai reçu aucun office de cette nature.

Je signale ce fait avec quelque précision parce qu'il est caractéristique. Tout commentaire serait superflu. Il n'est pas inutile néanmoins d'expliquer le rôle inattendu du p-ce Мещерский. C'est un ancien commensal des jeunes g.-ducs qui a conservé de petites entrées au palais Anitchkoff.

Le c-te Berg sort de chez moi. Il a refusé toute participation aux délibérations du Comté de Pologne sur les questions de la Commission de l'intérieur et de l'Administration des cultes, tant que je ne serais pas en état d'y être présent. Il cherche à se débarrasser de m-r Solovieff et de quelques autres hôtes peu agréables à Varsovie. Il finasse, selon son habitude, avec tout le monde et ment un peu à tout le monde.

Alexandre Adlerberg est venu après le c-te Berg. L'empereur l'a chargé de s'entendre avec moi au sujet d'un projet de rescrit qui doit être adressé par l'empereur et l'impératrice sous double signature au césarévitsch, concernant la souscription sousmentionnée. L'autorisation d'instituer un Comité de secours, sous la présidence honoraire du g.-duc sera notifié à qui de droit. Il se trouve que l'impératrice ruminait elle-même un projet de manifestations de bienfaisance. Elle avait d'abord inventé un bal dans le genre de celui de l'année dernière au profit des Crétois. Elle est vexée d'avoir été gagnée de vitesse par le palais Anitchkoff et s'y attendait d'autant moins que malgré que le secrétaire des commandements de la césarevna eut officiellement sollicité, soit disant par son ordre, l'autorisation d'instituer un Comité et d'ouvrir une souscription, le g.-duc et la g.-duchesse se sont trouvés l'autre jour au théâtre, tous deux complètement hors d'état de donner la moindre explication sur ce projet.

устроить бал вроде того, который был устроен ранее в пользу жителей Крита. Она была раздосадована тем, что Аничков дворец забежал вперед; она тем менее ожидала этого, что, хотя секретарь управления делами цесаревны официально, якобы от ее имени, просил разрешения основать комитет и открыть подписку, вел. князь и вел. княгиня, которые были на днях в театре, оба были совершенно не в состоянии дать какие бы то ни было объяснения по поводу этого проекта. Мне не раз приходила мысль, что неестественно, что французский язык стал у нас языком более или менее влиятельных людей. Нам гораздо больше подходил бы китайский язык. Жалею, что не знаю его. Он прекрасно подошел бы нам, если судить по тому, что я знаю о Китае, и по тому, что я здесь вижу, нашим потребностям, нашим идеям и даже нашим страстям. Я уже долгое время обдумываю материал для четырех докладов, которые я должен, или, вернее, обязан представить государю. Темой одного из них является положение в целом и те новые элементы, которые вносятся в жизнь земскими учреждениями и судебной реформой, а также бесспорным воздействием этих элементов. Другой доклад должен дать картину современного положения аграрного вопроса и влияния законодательства 1861 года на сельское население. Третий будет посвящен делам Запада; наконец, четвертый — делам и пробле-

Il m'est plus d'une fois venu à l'esprit qu'il n'est pas naturel que le français soit devenu chez nous la langue du monde plus ou moins influent. Le chinois nous conviendrait beaucoup mieux. Je regrette de ne pas le savoir. Il doit s'accorder à merveille, à en juger par ce que je sais de la Chine et ce que je vois ici, avec nos besoins, nos idées et même nos passions. Je rumine depuis longtemps la matière des quatre mémoires que je devrais, ou plutôt, que je dois présenter à l'empereur. L'un se rattacherait à la situation en général et aux nouveaux éléments introduits par les institutions provinciales et la réforme judiciaire, ainsi qu'à l'action irrécusable de ces éléments. Un autre mémoire présenterait le tableau de l'état actuel de la question agraire et de l'influence de la législation de 1861 sur la population rurale. Le troisième serait consacré aux affaires de l'Ouest; enfin le quatrième aux affaires et à la question de la presse. Ce sont quatre quadres de proportions assez larges. J'espère avec l'aide de dieu parvenir à les remplir. Il est plus que probable que ma peine sera perdue et qu'aucun de mes mémoires n'aboutira à un résultat positif. Mais j'aurai accompli ma tâche, aurai maintenu mon rôle, et aurai constaté et documenté, d'une manière irrécusable, la continuité de ce rôle. Cela me sera peut-etre utile un jour, et si cela ne m'était pas ou ne m'était plus utile, cela pourra servir à ceux qui liront, dans un autre temps, l'histoire du nôtre.

24 Janvier. Mon mal va mieux, mais mon impotence continue. Le rescrit au g.-duc. est inséré dans la «Poste du Nord» [330] d'aujourd'hui. En attendant, j'envoie au «Голос» un communiqué réfutant un article tendancieux et alarmiste au sujet de la famine

---

мам печати. Это — четыре темы довольно широкого охвата. Я надеюсь, что с божьей помощью мне удастся выполнить это. Более чем вероятно, что мой труд пропадет и что ни один из моих докладов не даст положительных результатов. Но я выполню мою задачу, сыграю свою роль, и документально докажу необходимость этой политики. Может быть, когданибудь я извлеку из этого пользу, а если этого не будет, если для меня это уже не будет полезно, это может сослужить службу тем, кто будет в другое время читать историю нашего времени.

24 января. Моя болезнь проходит, но бессилие продолжается. Рескрипт на имя вел. князя напечатан сегодня в «Северной почте». Пока что я шлю в «Голос» сообщение, опровергающее тенденциозную и паникерскую статью о голоде. Это сообщение неизбежно становится косвенным опровержением пасквиля М щерского и даже императорского рескрипта. Другое, более прямое опровержение касается балов, которые будет давать двор. Сегодня государь на охоте, и все дела остановились. Я велел проверить продолжительность пребывания гр. Баранова в губерниях, которыми он управляет, за истекший год. Он пробыл там шесть месяцев из двенадцати, а из этих шести месяцев ни государь, ни большинство министров не провели в Петербурге даже и полных трех месяцев. Однако эти губернии, где их главный управитель не считает нужным пребывать, находятся постоянно на осадном положении.

[331]. Le communiqué devient nécessairement une réfutation indirecte du factum Мещерский et même du rescrit impérial. Une autre réfutation, plus directe, gît dans les bals que va donner la grande cour. Aujourd'hui l'empereur chasse et les affaires chôment.

J'ai fait vérifier la durée des sejours du c-te Baranoff dans les provinces qu'il gouverne pendant l'année qui vient de s'écouler. Il y est resté six mois sur douze, et encore sur ces six mois ni l'empereur, ni la plupart de ses ministres ne se sont trouvés à Pétersbourg pendant trois mois entiers. Ces provinces, où leur principal administrateur a si peu besoin de résider, sont cependant maintenues en état de siège.

Je fais réunir et imprimer, en un nombre restreint d'exemplaires mes annotations sur les protocoles du Conseil de la presse. Cet opuscule constatera la part que j'ai prise à ses affaires, la peine que je me suis donnée et la nature ingrate de cette peine.

Le tort n'en est pas seulement au Conseil, malgré son incapacité; il appartient principalement aux conditions générales de notre situation, et c'est cette situation qui m'a determiné à ne pas m'embarrasser du soin de réorganiser le Conseil. En attendant je fais reproduire dans la «Poste du Nord» la partie essentielle des débats sur la nouvelle loi de la presse en France. On refait en ce moment, dans le Corps législatif, la série si connue de phrases en l'honneur de la liberté de la pensée. Sous ce voile convenable on cherche à assurer l'impunité de toute agitation politique et de tout dénigrement prémedité du pouvoir. Les orateurs du gouvernement refont de leur côté la vielle série

---

Я собрал и велел напечатать в небольшом количестве экземпляров мои заметки к протоколам заседаний Совета по делам печати. Эта маленькая книжка свидетельствует об участии, которое я принимал в делах Совета, о том труде, которого это мне стоило, и о неблагодарном характере этого труда. Несмотря на бездарность Совета, вина за это ложится не на него одного. Главная причина — в общих условиях нашего положения, и именно вследствие этого я решил не затруднять себя заботами о реорганизации Совета. Пока что я напечатал в «Северной почте» основную часть дебатов о новом законе о печати во Франции.

В законодательном собрании сейчас снова провозглашают столь известные слова в честь свободы мысли. Под этим благопристойным покровом делаются попытки обеспечить безнаказанность всяческой политической агитации и всяческого сознательного дискредитирования правительства. Ораторы, защищающие правительство, со своей стороны, повторяют старые аргументы против двусмысленных формулировок, которые стремятся совместить понятие некоторой свободы печати с ее распущенностью, а свободу мысли со свободой использовать ее, с целью вызвать брожение в массах и опрокинуть или расшатать правительство.

Существуют две крайне ложные концепции, ложность которых, однако, люди, по-видимому, упорно стараются не признавать. Одна из них состоит в том, что можно установить такой закон о печати, который сможет удовлетворить самую печать, если только бессилие, неясность и бессодержательность этого закона не освободят печать от всякой узды и от всякой реальной ответственности в борьбе политических теорий и страстей.

d'arguments contre les équivoques qui tendent à confondre une certaine liberté de la presse avec sa license, et la liberté de la pensée avec celle de s'en servir pour remuer les masses et pour culbuter ou ébranler les gouvernements.

Il est deux conceptions éminement fausses, et de la fausseté desquelles, cependant, on semble s'obstiner à douter. L'une, c'est qu'il puisse exister une loi sur la presse, dont la presse elle-même soit satisfaite, à moins que l'impuissance, le vague ou l'inanité de cette loi n'affranchisse la presse de tout frein gênant et de toute responsabilité réelle dans l'arène des théories et passions politiques. L'autre, c'est qu'un gouvernement quelconque puisse compter sur la presse et n'y pas voir un adversaire naturel. Tant que ce gouvernement n'est pas un gouvernement national, représentatif, armé de la parole publique contre la parole publique, et tant que n'ayant pas derrière lui un parti dont il est le représentant, il ne peut même pas avoir pour lui les reflêts de ce parti dans le monde multicolore, mobile et changeant de la presse.

27 Janvier. Toujours la même impotence. Je dirige de vive voix les principales affaires. Les préoccupations de famine, si subitement proclamées à son de trompette, font surgir toutes sortes d'embarras. Le pain et le potage que font ou veulent faire distribuer ici le p-ce Troubetzkoï et la p-sse Volkonsky, ont donné à l'impératrice l'idée de provoquer l'organisation de semblables secours dans d'autres villes. Le c-te Adlerberg est venu de sa part requérir mon concours. Aujourd'hui j'ai vu Schouvaloff et Budberg. Le premier m'a fait part des incidents de son travail avec l'empereur qui désapprouve non seulement la proclamation Мещерский mais encore une bonne part des conséquences de son propre rescrit. Le second m'a conté des détails

---

Другая концепция полагает, что любое правительство может рассчитывать на прессу и не видеть в ней естественного противника. Поскольку такое правительство не является национальным, представительным, способным бороться своей прессой с прессой противников, не имеет за собой партии, представителем которой оно бы являлось, такое правительство не может рассчитывать на голоса своей партии в пестром, текучем и меняющемся мире печати.

27 января. Все то же бессилие. Наиболее важные дела я справляю устно. Тревога о голоде, столь внезапно провозглашенная при трубных звуках, вызвала всевозможные трудности. Хлеб и суп, которые здесь распределяют или хотят распределять кн. Трубецкой и кн. Волконская, дали императрице идею вызвать к жизни организацию такой же помощи в других городах. Гр. Адлерберг пришел по поручению императрицы просить меня о содействии. Сегодня видел Шувалова и Будберга. Первый рассказал мне о своей работе с государем, который относится отрицательно не только к прокламации Мещерского, но и к большей части последствий, вызванных его собственным рескриптом. Второй рассказал о невероятных, хотя и подлинных, фактах легкомыслия, с которым ведутся дела в Министерстве иностранных дел, и о том, как там не умеют хранить секретов.

incroyables, quoi que authentiques, sur la légèreté avec laquelle on mène les choses au ministère des affaires étrangères, et sur les indiscrétions qui s'y commettent.

2 февраля. Я еще болен, не могу ни писать, ни читать и продолжаю изустно направлять дела. Каждый день, тем не менее, вижу множество разных лиц. Вчера был Совет министров. Читалась отчетная записка военного министра [332]. В ней откровенно изложены, по словам гр. Берга, все недостатки армии. Изготовление скорострельных ружей подвигается медленно. Парки не устроены. Запасов мало. Не могут отыскать нужных пяти миллионов, а я знаю, как их можно найти и отпустить завтра. Между тем продолжает развиваться внезапно обуявший высшие сферы порыв благотворительности. Императрица озабочена устройством благотворительных кухонь à la princesse Трубецкой и предполагает создать какое-то центральное по этому предмету управление, подобное тому, которое заведывало во время севастопольской осады попечением о больных и раненых. Тогда средств было много, а пункт один. Теперь наоборот. Но это обстоятельство имеет мало весу при благотворительной гонке за популярностью между Аничковским и Зимним дворцами. Вел. кн. Николай Николаевич на стороне Зимнего и кует деньги, нажимая цены на билеты в Большом театре, где устроен на сегодняшний вечер маскерад-аллегри. На дворе 20 градусов мороза. Это не помешает нескольким тысячам друзей человечества побывать в театре за добрым делом, за удовольствием толпления и подражания, а может быть, и за какою-нибудь лихорадкой. В Аничковском дворце продолжаются заседания комиссии, председательствуемой в присутствии цесаревича бестолковым ген. Зиновьевым. Комиссия открылась под влиянием убеждения, что необходимо без замедления спасать Архангельскую губернию [333]. Оказалось, что и спасать не нужно и комиссии ее спасти нельзя. Неприятно было в этом убедиться, но делать было нечего и потому решено по крайней мере раздать там 20 тыс. рублей, для чего отправляют ген.-м. свиты гр. Бобринского и флиг.-ад. Головачева. В Москве предполагается учредить другую комиссию, подведомую здешней, но насчет оснований ее устройства еще не составили себе определительного понятия.

Нынешние толки о голоде вообще порождены газетными статьями и усердною услужливостью некоторых придворных, но нужда действительно есть, и во многих местах весьма тягостная. Возможные меры приняты и продолжают приниматься без вредного треска Министерством внутренних дел, но будущность возбуждает немалые опасения. Всего хуже то, что внимание высшего правительства мало сосредоточивается на истинных причинах современных явлений. Законодательство 19 февраля не

ограничилось отменою крепостного права. Оно уменьшило производительность страны, в особенности в средних и северных полосах империи и даровало неподготовленным крестьянам такой простор самоуправления, каким не пользуется никакое другое сословие и который им несомненно обратился во вред. Таким образом, растрачены ими в шесть лет шесть миллионов четвертей разного хлеба из сельских запасных магазинов [334]. Совпадение новой акцизной системы с крестьянскою реформою и особенности этой системы немало способствовали обеднению части сельского населения и к отвлечению его от производительного труда. С другой стороны, меры, принятые в Западном крае, не ограничились подавлением мятежа, но разорили значительную часть этого края. При таких условиях весьма естественно возвышение цен на предметы продовольствия и еще естественнее, что в случае повторения неурожая надлежит ожидать действительного голода и ожидать его в таких размерах, при которых уже не будут учреждаемы комиссии под председательством генералов Зиновьевых.

*5 février**. Mon état s'est beaucoup amélioré, mais je n'ai pas encore pu recommencer à lire et à écrire. Je fais des affaires à vive voix, je vois beaucoup plus de monde que je n'en voudrais voir et j'ai eu avant-hier, 3, une séance du Comité de Pologne. Le maréchal y a été aussi nul, le p-ce Gagarine et le g-al Tchevkine aussi désagréables que d'habitude. Il s'agissait de la suppression de la commission de l'intérieur dans le Royaume et la position de

---

* *5 февраля.* Мое состояние стало гораздо лучше, но я еще не могу снова начать читать и писать. Я решаю дела устно, встречаюсь с гораздо большим количеством людей, чем хотел бы; третьего дня, 3-го, у меня состоялось заседание Польского комитета. Фельдмаршал был там столь же ничтожен, кн. Гагарин и ген. Чевкин столь же противны, как всегда. Обсуждался вопрос о ликвидации Комиссии по внутренним делам в Царстве и о позиции, которую занимает мой представитель по отношению к администрации по делам вероисповеданий. По этому последнему пункту — разногласие. На одной стороне были фельдмаршал, Набоков и я, на другой — все остальные, включая министра финансов и государственного контролера. Пока что благотворительная лихорадка продолжается. Императрица поручила ген. Синельникову заняться раздачей супов. Гр. Владимир Бобринский послан комитетом Зиновьева в Архангельск. Все это приводит к резкому увеличению переписки и переговоров.

Мне читают новейший роман гр. Толстого «Война и мир». Он меня очень интересует. Там есть места, проникнутые мощной мыслью; в других чувствуется тонкость и изящество. Длинноты и лишние рассуждения кажутся мне менее длинными и менее лишними, потому что у меня, как у больного, есть свободное время. Я часто нахожу [в романе] азиатские черты нашей страны, и они напоминают мне то, что я встречаю и в нашей теперешней жизни. Именно прошлое объясняет настоящее.

Я сказал, что у меня, как у больного, есть свободное время. Я иногда пользуюсь им, чтобы создавать и разрушать, снова и снова взвешивать, принимать, отвергать и опять принимать некоторые решения, к которым моя мысль постоянно меня приводит.

mon délegué pour l'administration des cultes [335]. Sur ce dernier point — scission. D'un côté le maréchal, Nabokoff et moi, de l'autre tout le reste, y compris le ministre des finances et le controleur général. En attendant la fièvre de charité continue. Le g-l Sinelnikoff a été appelé par l'impératrice a s'occuper de la distribution des potages. Le c-te Vladimir Bobrinsky est envoyé à Archangel par le Comité Zinoview.

Tout cela donne un grand surcroît d'écriture et de pourparlers.

On me fait lecture du roman du jour: «Война и мир» par le c-te Tolstoï. Il m'inspire beaucoup d'intérêt. Il y a des choses vigoureusent pensées, d'autres finement ou gracieusement touchées. Les longueurs et les superfétations me paraissent moins longues et moins inutiles parce que j'ai les loisirs d'un malade. Les traits asiatiques de notre pays s'y retrouvent souvent et me ramènent à ceux que j'y rencontre de nos jours. C'est surtout le passé qui explique le présent.

J'ai dit que j'avais les loisirs d'un malade. J'en profite quelquefois pour former et défaire, peser et repeser, prendre, rejeter et reprendre certaines résolutions auxquelles ma pensée me ramène sans cesse.

*8 февраля**. Слава богу, глаз поправляется и я начинаю вновь понемногу читать и писать.

Подробностей странного хода дела о продовольственных нуждах не записываю. Было бы слишком много труда. Они не забудутся.

Все колебания прекратились. Путь ясно указан. Да поможет мне бог.

Занимаюсь составлением задуманных четырех записок. Одна — о печати [336] мною продиктована. Для других — материал подготовлен[138].

12 февраля. Все эти дни я был дома. 9-го числа у меня происходило совещание с гр. Шуваловым, Рейтерном и гр. Бобринским по предмету командировки сего последнего в Архангельск. Толки о голоде, о комиссии его высочества, о Министерстве внутренних дел и т. п. продолжаются. Кончил и вторую записку о положении губернского управления [337]. Вчера по поводу невозможной статьи «Москвича» послал государю записку, в которой испрашивал разрешения представить Комитету министров о прекращении этой газеты [338]. Разрешение получил.

13 февраля. Комитет министров согласился на прекращение «Москвича» [339] после жарких прений, в которых военный министр, ген. Чевкин, Бутков и отчасти ген. Зеленый были

---

* *Далее в скобках написано:* писано моею рукою (*т. III. л. 141 об.*).

оппонентами *. Шувалов держал себя двусмысленно. Он жаждет своей инициативы, не любит чужую и не подозревает, что на сих днях я сделаю **. Комитет принял только другие мотивы, признав «Москвича» замаскированною «Москвою». Это для меня безразлично, а для Аксакова хуже, потому что уличает его в подлоге. Выезжал. Работал.

14 февраля. Дома. Работал. Кончал записку по крестьянскому делу [340].

15 февраля. Выезжал. Работал.

16 февраля. Доклад у его величества. Прием любезный. И здесь не предугадываются мои намерения. Заезжал к Тимашеву. У него в кабинете еще пахнет свежестью. Он на новоселье. Если он выживет мое семилетие, обстановка и колет изменятся.

17 февраля. Утром заседание Комитета финансов у вел. кн. ген.-адмирала. Сводка бюджета и некоторые неважные записки. Цесаревич первый раз присутствовал ***. Затем дома. Совещание трех губернских предводителей — орловского, тамбовского и сар[атовского] с дейст. стат. сов. Свечиным по вопросу об институтах.

18 февраля. Утром у обедни. Кончил и четвертую записку по делам Западного края [341], третьего дня начатую. Теперь я готов.

Неприятные заботы по письмам от Ш. З. Сделал то, что надлежало, хотя делать это крепко не хотелось.

Получено известие о личном оскорблении, нанесенном барону Будбергу в Вервье Рудольфом Мейендорфом. Каждый из нас может каждый день тому подвергнуться. Приятная перспектива.

Заезжал к Вяземским.

Ген. Синельников, который ездил в Олонецкую губернию по поручению их императорских величеств, привез сведения, мне совершенно пригодные, но не пригодные голодоманам.

19 февраля. Выезжал утром. Работал. Вечером у вел. кн. Елены Павловны tête à tête для расспроса меня о разных современных делах. Кн. Лобанов передал мне, что на телеграмме о произведенном в Вервье нападении на посла барона Будберга [342] государь положил следующую резолюцию: «Je savais que Meyendorff est aliéné. Pauvre mère ****. Характеристично. Будберг может поблагодарить за участие.

20 февраля. Утром Комитет министров. Мое представление по продовольственной части [343] прошло, как следовало, и

---

* *Далее в скобках написано:* Кн. Лобанов заседал вместо меня (*т. III, л. 142 об.*).

** *Слова:* Шувалов держал себя... я сделаю *написаны на полях.*

*** *Далее в скобках написано:* в звании члена (*т. III, л. 142 об.*).

**** Я знал, что Мейендорф сумасшедший. Бедная мать.

никто не мог на мои изустные дополнения ничего возразить. Только вопрос о Смоленской железной дороге [344] отклонен ввиду упорного сопротивления министра финансов. Обедал у их императорских величеств, которые были любезны. В настоящее время при моих видах это меня смущает.

21 февраля. Утром у вел. кн. ген.-адмирала. Совещание с бароном Корфом и государственным секретарем по предмету предстоящего на завтра в Государственном совете дела о бланках на обывательские подводы [345]. Дело затеяно, т. е. совещание, Сольским без надлежащего основания. Результат — ничто. Весь оттенок в том, чтобы вместо изменения текста одной статьи подтвердить мнением Государственного совета сенатское разъяснение этой статьи.

22 февраля. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Затем дома. Разбираю и привожу в порядок бумаги.

Передал государю мои четыре записки.

23 февраля. Утром всеподданнейшие доклады. Заезжал к Шувалову. Я ожидал сегодня гр. Адлерберга по условию с ним для сообщения ему моих видов. Он не мог приехать. Дело отложено до завтра.

24 февраля. Утром соединенное заседание Департамента законов и экономии в Государственном совете. Потом был у Адлерберга *. Мне показалось, что он догадывался, о чем будет речь, и что не он один догадывался. Приличные фразы были с обеих сторон высказаны. Посмотрим, что далее будет.

Гр. Баранов уходит. Государь уже третьего дня согласился на его увольнение и вчера мне об этом говорил, предполагая его заменить ген.-ад. Потаповым. О ген. Черткове еще прежде меня Шувалов отзывался отрицательно, а я сказал государю, что считаю его невозможным. Сегодня решение состоялось, и государь прислал ко мне с этим известием Потапова. Потапов, конечно, говорит о Новочеркасске **, как о земном рае. Все это в порядке вещей.

Начинаю думать, что факт моего выхода предвиден, что меня заменит Тимашев и что он очистит место для Альбединского. Счастливого пути им всем.

25 февраля. Утром у обедни. Выезжал. Работал. Вечером у гр. Орлова-Давыдова. Кн. Волконская объясняла подробности своих благотворительных кухонь. Дело, кажется, идет ладно и приносит пользу. Вообще похвально это участие светских женщин в добрых делах. Не знаю, почему все это все-таки

---

* *Далее в скобках написано:* с которым условился видаться еще вчера, но который по случайному обстоятельству вчера не мог ко мне заехать (*т. III, л. 143 об.*).

** *Далее в скобках написано:* теперь им оставляемом (*т. III, л. 143 об.*).

производит впечатление какого-то «genre» * более, чем христианской благотворительности или евангельской благотворительности самарянина.

26 февраля. Утром в Аничкином дворце. Съезд довольно значительный. Был там, чтобы быть виденным. Меня видели, и я уехал не оставаясь после обедни для завтрака. Государь осведомлялся о состоянии моих глаз. По выражению его лица нельзя было догадаться, передавал ли ему гр. Адлерберг о моей просьбе или нет. Скорее да, чем нет, тем более, что Адлерберг сам мне не сказал ни слова, хотя имел бы к тому возможность, если бы ее поискал.

В 2 часа заседание Польского комитета. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны с Потаповым. Государь на журнале Комитета министров по продовольственному вопросу решил brevi manu ** вопрос о земляных работах на смоленско-московской линии будущей железной дороги. Для министра финансов это должно быть чувствительным назиданием.

27 февраля. Утром в Комитете министров. Гр. Адлерберг сказал мне, что он исполнил мое поручение, que l'empereur était très abassourdi, qu'il avait vivement exprimé ses regrets tout en réconnaissant que ma position était lui très désagréable, et qu'il avait dit qu'il m'en parlerait lui-même***. Шувалов подошел и прервал наш разговор.

Все, что я вижу и слышу, меня еще более утверждает в убеждении, что пора уходить. Около вел. кн. цесаревича группируется новый кружок оппозиции и вмешательства, и притом кружок малоспособный и малоразумный. Признаки разложения множатся [139].

28 февраля. Доклады. Выезжал. Видел у себя Потапова и Баранова. Они не подозревают, что мне до них уже мало дела. Получил от Адлерберга записку, в которой он сообщает, что государь очень справедливо и верно оценил мое анормальное положение и поводы к моему уходу и что его сожаление весьма искренно. Тем лучше. Я только и желаю дружелюбного расставания. Между тем комиссия в Аничковском дворце продолжает свои подвиги, и в них, за кулисами одну из главных ролей играет Качалов. Комиссии дан заимообразно миллион из казначейства, и она закупает секретно хлеб, не говоря пока, куда оный предназначается. Оригинально то, что сам цесаревич заявил желание, чтобы «Северная почта» не печатала сведений Министерства из опасения повредить благотворительной подписке.

---

* «жанра».

** наскоро.

*** что государь был ошеломлен, что он искренне высказал свое сожаление, признав, однако, что моя позиция ему очень не нравится, и заявив, что он об этом сам переговорит со мной.

Таким образом, с одной стороны, Министерство упрекают в безмолвии, а с другой — его же просят безмолвствовать[140].

*2 Mars**. Je resouffre des yeux. Jeudi 29 Fév. j'ai encore pris part à une séance du Conseil de l'Empire et j'y ai défendu le projet du c-te Tolstoï au sujet de nouveaux registres ou documents de l'état civil [346]. Vendredi, 1-er Mars, j'eus mon travail habituel avec l'empereur, et après le travail, mon explication de retraite. Tout c'est bien passé. L'empereur a été affable et cordial. Il m'a témoigné ses regrets, m'a dit que pendant sept années il avait trouvé en moi un aide (помощник) zélé, consciencieux et véridique, mais il a reconnu ne plus pouvoir me refuser le repos que je sollicitais. Il m'a parlé de deux candidats pour ma succession, le c-te Timacheff et le g-l Potapoff, mettant le premier en première ligne. Je n'ai pas différé d'avis. Deux heures plus tard le g-l Timacheff est venu chez moi. Non seulement il accepte, mais il garde les postes par dessus le marché. Après son départ j'ai fait venir un à un les chef des divers départements du ministère pour leur annoncer moi-même ma retraite et la désignation de mon successeur. Tous ont été convenables. Aujourd'hui j'ai été prendre les ordres de l'empereur au sujet de l'époque de la signature de l'oukase relatif au g-l Timacheff et le canal par lequel il devait être présenté. L'empereur m'a dit d'en écrire au ministre de la guerre. Il n'a pas

* *Записи за 2, 7, 8, 9, 10, 16 марта занесены в дневник женой П. А. Валуева.*

2 марта. Снова болят глаза. В четверг, 29 февраля, я еще принимал участие в заседании Государственного совета и защищал проект гр. Толстого о новых регистрах или актах гражданского состояния. В пятницу 1 марта работал, как обыкновенно, с государем, а после работы говорил об отставке. Все прошло хорошо. Государь был приветлив и сердечен. Он высказал свое сожаление, сказал, что в течение семи лет он имел во мне ревностного, добросовестного и искреннего помощника, но что он признает, что не может дальше отказывать мне в отдыхе, о котором я прошу. Он говорил мне о двух кандидатах на мое место — ген. Тимашеве и ген. Потапове, отдавая предпочтение Тимашеву. Я не возражал. Два часа спустя ген. Тимашев пришел ко мне. Он не только принимает [мое место], но сверх того сохраняет за собой [министерство] почт. После его ухода я вызвал к себе по одному начальников различных департаментов Министерства, чтобы сообщить им о моей отставке. Все держали себя, как следует. Сегодня я был у государя, чтобы определить, когда будет подписан указ о ген. Тимашеве и где он должен быть опубликован. Государь поручил мне написать об этом военному министру. Ничего не было сказано об указе относительно меня самого, и я остерегся упомянуть о нем. Из дворца я пошел к ген. Тимашеву, а от него к Потапову; потом я вернулся, чтобы внести неизбежные изменения в переписку и сменить компрессы, столь же неизбежные, принимая во внимание состояние моих глаз. Моя отставка, без сомнения, является событием. Я вижу довольно много людей, которые говорят мне приблизительно одно и то же, а я говорю то же самое и им. Наиболее ясное чувство, которое я пока испытываю, это нечто вроде смеси удовольствия от того что я покончил со всем этим, и огорчение, которое мне причиняют горе и неудобства, вытекающие из моей отставки для тех, кто связан со мной различными узами. Мой преем-

tales. Timacheff a eu l'air d'etre stupéfait et presque épouvanté en apprenant ce qui s'y était passé. Potapoff, qui nous est arrivé muni de son gros mémoire qu'il y a trois ans, est un fameux emplâtre. Après que l'on eut discouru pendant plus de deux heures sans arriver et même sans pouvoir arriver à un résultat appréciable au point de vue de la pratique, le c-te Baranoff et le g-l Potapoff s'en fûrent ailleurs, et le c-te Schouvaloff, le g-l Timacheff et moi nous discutâmes la question soulevée par mon successeur au sujet des affaires de la presse. Il cherche à s'en débarrasser à tout prix. Réunissant les postes aux vastes attributions du ministère de l'intérieur, il met en avant la nécessité d'en distraire une partie. Il est aisé de comprendre qu'il préfère les avantages du cabinet noir aux incovénients multiples et incessants qui se rattachent aux affaires d'une presse irrégulièrement affiliée aux antichambres de tous les palais et aux bureaux de tous les ministères. Ici encore la discussion n'a pas abouti et ne pouvait guère aboutir. Je n'y ai pris parti que pour la forme. Nos points de vue sont essentiellement différents. Je veux les affaires de presse au ministère de l'intérieur, malgré leurs incovénients, parce qu'elles lui appartiennent par leurs essence. Le g-l Timacheff veut s'en débarrasser, malgré qu'elles lui appartiennent parce qu'elles offrent des incovénients.

8 Mars. Eu mon dernier travail avec l'empereur. Le g-l Timacheff y assistait. Je souffrais beaucoup de mon oeil et j'ai eu de la peine de venir à bout de ma tâche. J'avais un bandeau sur l'oeil malade et celui qui ne l'était pas me servait mal parce que je l'avais fatigué la veille. La matière principale

---

стали обсуждать поднятый моим преемником вопрос о делах прессы. Тимашев стремится во что бы то ни стало избавиться от этих дел. Объединяя в своих руках ответственнейшие функции Министерства внутренних дел, он выдвигает необходимость отделить от Министерства часть этих функций. Легко понять, что он предпочитает преимущества, которые дает Черный кабинет, тем многочисленным и беспрестанным неудобствам, которые связаны с делами прессы, примыкающей с черного хода к прихожим всех дворцов и к приемным всех министерств. И здесь также дискуссия не привела, да и не могла ни к чему привести. Я принимал в ней лишь чисто формальное участие. Наши точки зрения радикально расходятся. Я хочу, чтобы дела прессы находились в ведении Министерства внутренних дел, несмотря на все связанные с ними трудности, потому что они принадлежат этому Министерству по самой своей сущности. Ген. Тимашев хочет отказаться от них, потому что они неудобны, несмотря на то, что они входят в его ведение.

8 марта. В последний раз работал с государем. Присутствовал ген. Тимашев. Глаз причинял мне сильную боль, и я с трудом закончил свое дело. Больной глаз был забинтован, а здоровый плохо мог мне служить, потому что я его переутомил накануне. Главной темой обсуждения были ходатайства в пользу некоторых из моих бывших подчиненных. Впрочем, я затронул и вопрос о сектантах, который мне так и не удалось своевременно разрешить до конца, хотя уже в 1864 году я получил по этому вопросу принципиальное решение. Я затронул также и вопрос о некомпетентности

du travail consistait en requêtes dans l'intérêt de quelques uns de mes anciens subordonnés. J'ai touché cependant à la question des sectaires que je ne suis point parvenu à pousser à bout malgré que dès 1864 j'en ai obtenu la solution en principe. J'ai touché aussi la question de l'incompétence du «Grand comité» à l'égard des affaires agraires des provinces baltiques non sans rencontrer les préventions habituelles de l'empereur en faveur de ce sacré collège. Timacheff se hâta de son côté de mettre sur le tapis trois thèmes qui le préoccupent singulièrement: celui d'un «Moniteur», à substituer aux diverses feuilles gouvernementales qu'il suppose d'exister et dont au fond il n'existe que deux: «l'Invalide» et la «Poste du Nord»; celui de la séparation des affaires de la presse du reste des attributions du ministère de l'intérieur; et celui d'une nouvelle situation à créer à ces adjoints, celui qui existe pour le ministère et celui qu'il veut obtenir pour l'administration des postes. Le gén. Timacheff propose de leur donner siège et vote au Comité des ministres pour discourir à sa place sur les affaires qu'il n'aurait pas eu le loisir d'étudier, selon ses expressions «изучить по-адвокатски». A cette occasion mon successeur fit observer à sa majesté la faiblesse de son gosier. Toute cette combinaison extraordinaire lui a été soufflée, m'a-t-il dit, par Schouvaloff. L'empereur m'a semblé un peu abasourdi de ces débuts inventifs de son nouveau ministre. Il a dit que tout cela lui semblait fort bien, et qu-il n'y avait pas lieu de se hâter

---

«Главного комитета» в области аграрных отношений в прибалтийских губерниях, впрочем, не без обычных заявлений государя в пользу этого проклятого учреждения. Со своей стороны Тимашев поспешил выдвинуть три темы, которые его особенно занимают: о «Вестнике», который должен заменить существующие, по его мнению, различные правительственные газеты, из которых в действительности имеются только две: «Инвалид» и «Северная почта»; о выделении печати из остальных дел, находящихся в ведении Министерства внутренних дел; о создании нового положения для товарищей министра — для того, который существует в Министерстве внутренних дел, и для того, назначения которого он добивается в администрации почт. Ген. Тимашев предлагает предоставить им право заседать и голосовать в Комитете министров, чтобы они вместо него обсуждали дела, которые он не имел времени, по его выражению, «изучить по-адвокатски». При этом мой преемник указал его величеству на слабость своего горла. Вся эта необычная комбинация была, как он мне сказал, внушена ему Шуваловым. Государь, как мне показалось, был несколько удивлен этим своеобразным первым выступлением своего нового министра. Он сказал, что все это очень хорошо, но что спешить не нужно и что это можно обсудить на Совете. В общем, довольно оригинально, что мой преемник с такой поспешностью выдвинул такие незрелые проекты, которые к тому же трудно осуществить на практике. Что это за комитет, где многих министров будут сопровождать их товарищи, так как сами министры, по их признанию, некомпетентны обсуждать некоторые дела? Что это за дела, которые надо изучать, как изучают спорные судебные дела? Что это за товарищи министров, которые выступают в ролях адвокатов и которые по обязанности должны обладать более совершенными гортанями, чем гортани их министров? Что это за деление государственных

et qu'on pourrait le discuter en Conseil. En somme il n'est pas mal singulier de mettre en avant avec tant de précipitation des projets aussi peu mûrs et par suite aussi difficiles à réaliser en pratique. Qu'est ce qu'un Comité où plusieurs ministres seront flanqués de leurs adjoints et le seront à titre d'incompétence avouée à discuter certaines affaires? Qu'est ce que ces affaires qu'il s'agit d'étudier comme des causes en litige? Qu'est ce que ces adjoints qui sont chargés d'un rôle d'avocats et censés posseder d'office un larynx mieux conditionné que celui de leur ministre? Qu' est ce que cette division des affaires de l'Etat en deux classes, dont l'une, nécessairement présumée moins importante, aurait besoin de plaidoiries d'adjoints tandis que l'autre, plus importante, pourrait s'accommoder des moyens de défense propres aux gosiers enroués des ministres. Qu'est que cette préoccupation du Comité des ministres et cet oubli du Conseil de l'empire et d'autres innombrables collèges où l'on manipule nos affaires. Le ministre ira-t-il partout flanqué de ses adjoints ou bien n'y aura-t-il qu'un seul lieu où il aura le privilège d'une extinction de voix? A propos d'affaires de presse le g-l Timacheff a tout simplement proposé de les passer au c-te Tolstoï, non en raison de son larynx, ni de son titre de ministre de l'instruction publique, mais en raison de ses qualités personnelles. C'est encore une singulière façon de trancher des questions organiques. A qui passerait-on la presse si demain une colique aigue emportait le c-te Tolstoï et ses qualités. Mes adieux avec l'empereur fûrent gracieux et même cordialement affectueux de sa part. En sortant de son cabinet j'ai trouvé du monde dans la salle d'attente. J'analysais d'un regard les physionomies de ce monde et je

---

дел на две категории, из которых одна, как предполагается, менее важная, потребует выступления помощников, а другая, более важная, может приспособиться к хриплым глоткам министров? Что это за особая забота о Комитете министров и забвение Государственного совета и прочих бесчисленных коллегий, где обделываются наши дела. Что же, министр будет ходить повсюду, окруженный своими товарищами? Или существует всего одно учреждение, где он может пользоваться привилегиями, которые дает ему потеря голоса? Что касается дел печати, то ген. Тимашев предложил просто передать их гр. Толстому, не потому, что у того здоровое горло, и не потому, что Толстой — министр народного просвещения, а из-за его личных качеств. Это также весьма своеобразный способ решать основные вопросы. А в чье ведение передадут прессу, если завтра Толстой со всеми его личными качествами заболеет острыми коликами? — Прощанье государя со мною было благожелательным и даже сердечным и теплым. Выйдя из его кабинета, я увидел людей в приемной. Я мельком рассмотрел лица этих людей и понял, что они видят во мне павшую власть. Мое падение было налицо, но власти у меня никогда не было. Но, наряду с этим впечатлением, у меня столь же отчетливо создалось и другое. Я видел, что внушаю им определенное уважение к себе, как к человеку. Мне это больше по душе, чем почтительность, которая проявляется к министру.

vis que j'étais considéré comme un pouvoir déchu. La déchéance y était, le pouvoir n'y fût jamais. Mais à côté de cette impression j'en recueillis tout aussi distinctement une autre. Je vis que je commandais un certain respect qui s'adressait à l'homme. J'aime mieux cela que les égards que l'on aurait pu témoigner au ministre.

L'impératrice était souffrante. Cependant je demandai à la voir, mais elle me fit dire qu'elle regrettait de ne pouvoir me donner audience.

J'allai plus tard au ministère prendre congé des employés de tous les départements dont pendant sept ans j'étais demeuré le chef. Je leur dis quelques paroles d'adieu et j'y trouvai une réception si cordiale et si visiblement sincère, que j'en fus très touché. Le p-ce Lobanoff, dont toute la conduite et tous les procédés m'ont inspiré beaucoup d'estime et une véritable amitié, m'adressa au nom des autres quelques mots très affectueux. Enfin je partis et avant de monter en voiture je fis encore mes adieux à ce vieux portier qui a vu défiler et redéfiler devant lui plus de vingt ministres de l'intérieur.

9 Mars. Ma pénible impotence continue. Le mal a empiré et on va me pratiquer une nouvelle saignée. J'ai reçu ce matin un rescrit gracieux et les insignes en diamants de l'ordre de st. Alexandre. L'oukase qui me délie de mes fonctions est signé. Le g-l Timacheff est venu me voir dans la soirée et m'a parlé de mes quatre mémoires. J'ai oublié de noter hier que l'empereur me les avait rendus pour les lui passer. Il n'a fait aucune annotation sur les mémoires relatifs à la presse et à la question de l'Ouest. J'aurais du m'y attendre. Cependant il m'en a remercié et a observé que probablement c'était en vue de ma retraite que j'avais entrepris tout ce travail.

Императрица была нездорова. Тем не менее я просил у нее приема, но она велела мне передать, что, к ее сожалению, она не может дать мне аудиенцию.

Позже я отправился в Министерство, чтобы попрощаться с сотрудниками всех департаментов, главою которых я был в течение семи лет. Прощаясь с ними, я сказал несколько слов и увидел, что слова эти были приняты так сердечно и с такой явной искренностью, что я был очень тронут. Кн. Лобанов, все поведение и действия которого внушали мне большое уважение и подлинную дружбу, обратился ко мне от имени всех остальных с очень теплыми словами. Наконец, я вышел и, раньше чем сесть в экипаж, попрощался со старым швейцаром, перед глазами которого прошло и ушло более двадцати министров внутренних дел.

9 марта. Мое тяжкое состояние продолжается. Болезнь ухудшилась, и мне должны сделать еще одно кровопускание. Сегодня утром я получил милостивый рескрипт и орден св. Александра с бриллиантами. Указ, освобождающий меня от должности, подписан. Вечером у меня был Тимашев и говорил со мной о моих четырех записках. Я забыл отметить, что император вернул их мне для передачи Тимашеву. На записках о прессе и о западном вопросе он не сделал никаких пометок. Я должен был этого

10 Mars. Mon mal continue. Aujourd'hui j'ai définitivement résigné mes fonctions. Vu du monde dans la journée. Ma pensée se reporte en arrière. Elle embrasse un long volume divisé en sept rudes chapitres. Ce volume est fermé. Aucun des chapitres ne m'inspire des regrets et j'en remercie dieu. Je ne regrette pas, également, d'avoir vu se fermer le volume. Je me sens en paix avec le passé malgré que j'ai pris l'habitude de dire que j'ai fait ma guerre de sept ans. Je voudrais pouvoir aussi paisiblement considérer l'avenir.

16 Mars. Encore six jours passés dans les tenèbres ou le clair-obscur.— Pas d'événement. J'ai vu néanmoins beaucoup de monde et il m'est revenu nombre de détails sur l'épisode de Budberg. Meyendorf qui, selon Schouvaloff et la pensée de l'empereur lui-même, doit finir par une nouvelle nomination pour Paris, sur la surprise que ma retraite a causée à mes collègues, sur le malin plaisir que l'empereur aurait resseni et montré d'avoir fait un ministre de l'intérieur à l'insu de Schouvaloff, sur le rôle tragi-comique dévolu au c-te Berg, qui de tout le prestige de sa lieutenance ne garde réellement que la direction des théâtres, sur le voyage du p-ce Napoléon à Berlin où, selon Bismark, il n'aurait pas dit un mot à propos de la Pologne, sur les premiers débuts de mon successeur, dont on discute le discours d'avènement, sur les soirées de ballet données par la direction des théâtres pour amuser, d'une façon conforme au

---

ожидать. Тем не менее он поблагодарил меня за них и заметил, что я сделал эту работу, вероятно, имея в виду мою отставку.

10 марта. Болезнь продолжается. Сегодня я окончательно отошел от моих функций. Днем кое-кого видел. Моя мысль уходит в прошлое. Она охватывает обширный том, разделенный на семь утомительных глав. Теперь эта книга закрыта. Ни одна из глав не будит во мне сожалений, и я благодарю за это бога. Я также не жалею, что эта книга закрылась у меня на глазах. Я чувствую себя в мире с прошлым, хотя я и говорю по привычке, что это была моя семилетняя война. Я хотел бы столь же мирно размышлять о будущем.

16 марта. Еще шесть дней прошли во тьме или в полутьме.— Не было никаких происшествий. Тем не менее я видел много народа и узнал немало подробностей об эпизоде с Будбергом, о Мейендорфе, который, по мысли Шувалова и самого государя, получит в конце концов новое назначение в Париж, об удивлении, которое моя отставка вызвала у моих коллег, о злорадстве, которое государь ощущал и высказывал, назначив министра внутренних дел без ведома Шувалова, о трагикомической роли, выпавшей на долю Берга, который, несмотря на престиж своего лейтенантства, в действительности сохранил за собой только управление театрами, о путешествии принца Наполеона в Берлин, где он, по словам Бисмарка, не сказал ни одного слова о Польше, о первых шагах моего преемника, вступительная речь которого обсуждается, о балетных спектаклях, организованных дирекцией театров для увеселения на масленице государя, вел. князей и небольшого круга избранных, в котором кн. Вяземский фигурирует рядом с адмиралом Краббе и т. д., и т. д.— Я ограничиваюсь только [названиями] глав. Придет, может быть, день, когда к этим главам

carême, l'empereur, les g-ds ducs et un petit cercle d'élus où le p-ce Wiasemsky figure à côté de l'amiral Krabbe, etc., etc.— Je me borne à énumerer ces têtes de chapitre. Un jour viendra peut-être où je ferai de queues. En attendant les détails financiers de ma retraite sont arrêtés. Je suis zamiatinisé ou golovnénisé. J'ai dit ce matin à Solsky qui se recréait à ce sujet, que je ne m'en plaignais point et que je considérais cela comme un mandat que l'on m'autorisait à tirer sur l'avenir.

On a recommencé à me lire «Война и мир» dont le 4-ème volume vient de paraître. A propos d'un passage sur l'adoration personnelle dont l'empereur Alexandre I était l'objet pour une partie de son entourage, je me suis souvenu de bien de choses que j'ai vues ou entendues sous deux autres règnes. Je me demande quel est le véritable degré de sincérité de ces adorations. Je le crois bien minime. Je n'ai presque jamais vu un adorateur qui ne fût pas très intéressé à l'être ou à le paraître. Les uns y gagnent, d'autres espèrent y gagner; d'autres encore s'y laissent aller par habitude d'imitation ou répétition et se croient grandir ou illustrer eux-mêmes en grandissant ou illustrant leurs idoles. Ils font l'éffet de brahmanes parlant de Brahma en public. Peut-être réussissent-ils à s'enivrer de leur propre encens et a croire eux-mêmes à la plupart des exagérations qu'ils débitent. Il y a quelque chose de pénétré, d'onctueux, de chroniquement solennel dans leurs paroles. C'est comme le langage d'une espèce d'office dévin. Cette liturgie des cours m'a toujours parue riche en dissonances. Je le répète, je crois peu à la sincérité des des-

---

я сделаю добавления.— Пока что решены финансовые вопросы, связанные с моей отставкой. Я замятнизован или головнизован. Сегодня утром я сказал Сольскому, который шутил по этому поводу, что я не жалуюсь и смотрю на это как на некий вексель, который мне выдан на будущее.

Мне снова начали читать роман «Войну и мир», четвертый том которого только что вышел из печати. По поводу одного места, в котором говорится о том, что император Александр I был предметом обожания для части окружавших его придворных, я вспомнил об очень многих вещах, которые я видел или о которых слышал во время двух предшествовавших царствований. Я хотел бы знать действительно степень искренности подобных обожаний. Полагаю, что она весьма мала. Я не видел почти ни одного обожателя, который не был бы заинтересован в том, чтобы быть или казаться обожателем. Одни выигрывают на этом, другие надеются выиграть, третьи обожают по привычке к подражанию или повторению и полагают, что возвеличение и прославление их идолов прославит и возвеличит их самих. Они производят впечатление браминов, говорящих перед толпой о Браме. Может быть, они опьяняются собственным фимиамом и верят сами большинству тех преувеличений, которые исходят из их уст. В их словах есть нечто проникновенное, елейное, постоянно торжественное. Это словно какой-то церковно-обрядовый язык. Эти придворные богослужения всегда казались мне крайне фальшивыми. Повторяю: я мало верю в искренность служителей культа. Но они знают свои роли и играют их лучше римских авгуров. Я не видел на их устах улыбок, когда они встречаются друг с другом.

servants. Mais ils savent et jouent leur rôle mieux que les augures romains. Je ne les ai pas vu sourire quand ils se rencontrent.

19 марта *. Благодаря богу, могу вновь пользоваться глазами. Сегодня выезжал. Был у их императорских величеств, у вел. кн. Константина Николаевича и у вел. кн. Елены Павловны. Везде благосклонные аудиенции. Государь еще раз выразил ожидание и желание, чтобы поправление моего здоровья позволило мне вновь обратиться к более деятельному участию в делах. Он говорил о несостоявшемся желании ген. Тимашева отстранить от себя заведывание делами печати и выразился в смысле признания необходимости осуществить другое его предположение насчет учреждения *исключительно одного* органа правительственной прессы. Императрица, которой я сказал, что прошу благосклонной памяти и сожалею, что часто не приобретал ее «suffrages» **, отвечала, que si elle n'était pas toujours juste, elle le regrettait sincèrement ***.

Вел. княгиня находила, что я напрасно вышел, и между прочим сказала, que si je lui avais demandé conseil, elle m'aurait dit de rester****. Она то же самое сказала жене, которая ответила, qu'elle pensait au contraire qu'après m'avoir écarté, son altesse m'aurait conseillé d'agir comme j'avais fait*****.

Ген.-адмирал выразил также сожаление о моем уходе и спрашивал о направлении моего преемника. В общем итоге меня везде сопровождало одно и то же впечатление. В моем уходе более видят перемену лица, чем перемену умственной и нравственной единицы, имеющей свое значение по свойственным ей отличительным признакам. Впрочем, это естественно. Главный из этих признаков никогда не мог обнаруживаться явно и потому остался полунезамеченным. Я был министром на европейский лад, никогда не признававшим правильности начала stat pro ratione voluntas ******, и никогда не стремившимся к безусловному сохранению известных условий нашего государственного быта. Я один так думал, чувствовал и действовал. Не в первый раз замечаю, что это осталось частию недосмотренным потому только, что считалось слишком неправдоподобным. Точно так же никто не заметил, по-видимому, главного различия между другими министрами и мною. Я мог бы завтра быть министром в любом европейском государстве, пожалуй, плохим министром, но все-таки я бы мог им быть. Никто из моих товарищей не мог

---

* *Далее в скобках написано:* писано моею рукою (*т. III, л. 148 об.*)

** одобрения.

*** что если она не всегда бывала справедливой, то она искренне сожалеет об этом.

**** что если бы я спросил ее совета, она предложила бы мне остаться.

***** что, наоборот, она считает, что ее высочество, после того, как она меня отстранила, посоветовала бы мне поступить так, как я и поступил.

****** вместо разума — желание.

бы со дня на день быть министром, хотя бы в Виртемберге или Бадене. Им пришлось бы перевернуться наизнанку, мне нужно было бы только сбросить часть внешней оболочки.

20 марта. Обедал у их императорских величеств с ген. Тимашевым и гр. А. Адлербергом. Это, между прочим, характеризует добрые отношения между моим преемником и мною. Обыкновенно преемник не внушает большой симпатии, но при тех обстоятельствах, при которых я очистил свое место, мне вполне возможно и даже естественно относиться сочувственно к ген. Тимашеву. Остальную часть дня дома. Укладываюсь.

21 марта. Был у Тимашева для передачи разных бумаг. Он, по-видимому, не переедет в дом министра внутренних дел. В почтовом доме ему гораздо удобнее и наряднее. Я один мог выжить 7 лет в моем нынешнем помещении без больших расходов на перемены и убранство. На днях ожидается известие об исходе предстоящей между бароном Будбергом и Мейендорфом дуэли. Странно,но намек на то дан Будбергу отсюда. Вообще Министерство иностранных дел действовало в отношении к нему весьма неприлично, а государь относился к этому с некоторым равнодушием. Адлерберг мне говорил вчера, что кн. Горчаков находит уместным в настоящее время представлять его величеству тривиальные журнальные статейки, в которых порицается обхождение парижских посольства и консульства с приезжими русскими.

22 марта. Выезжал утром. Между прочим, был у Карамзиных, с которыми мои отношения восстановились после двухгодичного перерыва. Продолжаю укладываться.

23 марта. Утром дома. Обедал у принца Ольденбургского. Один из его обычных бесповодных и бесцветных обедов.

24 марта. Утром у обедни. Заезжал утром к канцлеру, к министру финансов и к гр. Крейц. Укладываюсь и начинаю лепить.

25 марта. Утром у обедни. Ген. Зеленый заезжал ко мне, чтобы сообщить, что по его докладу государь особенно охотно и любезно увеличил мою аренду на 3500 руб. Я не упомянул в свое время о подробностях моего финансового положения при увольнении от должности. Государь назначил только 12 тыс., хотя кн. Суворову и Чевкину было сохранено все содержание, а мне после семилетнего труженичества по разным другим уважениям и, между прочим, после передачи через мои руки 670 тыс. руб. на уплату долгов гр. А. Адлерберга можно было предоставить то же самое преимущество. Как бы то ни было, я смолчал, а сегодня, конечно, отправился в Зимний дворец, чтобы благодарить. Государь был особенно любезен и самым радушным образом повторил, que ses sentiments à mon egard n'étaient pas de nouveau pour moi, qu'il comptait sur moi comme sur un homme dévoué et sûr, qu'il éspérait me voir reprendre un rôle

plus actif etc…, etc…* Еще раз в кабинете государя и при выходе из этого кабинета я испытал то повторявшееся сто раз впечатление, которое можно бы назвать колеблющим вопросительным знаком или рядом колеблющих вопросительных знаков. Что в государе постоянное и что мимоходное, что природное и что напускное или искусственное, что преобладает и как преобладает, по степени силы или по учащению проявлений, по внутреннему влечению или по влиянию внешней обстановки, по силе привычки или по господству какой-либо общей мысли, общей цели, или общего опасения? Когда в нем проявляется теплое и, по-видимому, искреннее чувство, нельзя ему не поддаться. Когда видишь, как упорно иногда безмолвствует это чувство, нельзя не ощутить словно обдания холодом, не съежиться и не упереться.

Из Зимнего дворца отправился к вел. кн. Николаю Николаевичу, где записался, и к вел. кн. цесаревичу (недавно вернувшемуся из Ниццы), которого я видел. Прием любезный. Разговор минут с 20 на разные темы, кроме голода.

Вечером видел кн. Лобанова, который решился уходить. Новый министр внутренних дел не только избирает себе второго товарища, в лице псковского губернатора Обухова без всякого предуведомления о том кн. Лобанова, но и предполагает делить занятия между своими товарищами не по ведомствам Министерства внутренних дел и почт, а по предметам, что практически невозможно. В Министерстве внутренних дел есть единство, обусловленное взаимною связью предметов, которого нарушать нельзя. Товарищи, из которых один заведывал бы одними департаментами, а другой другими или одной так называемой текущей частью, а другой делами разных коллегий, были бы обер-директорами или чиновниками особых поручений. В сущности, вместо двух товарищей ген. Тимашев не имел бы ни одного. Все это происходит от его незнания дела, от желания наивозможно меньшей доли труда, от стремления ограничиваться тем, что эти господа называют «la haute politique» **, и в особенности от влияния гр. Шувалова. Пока не разберу, что руководит сим последним, желание ли потопить ген. Тимашева и сесть на его место, чего будто желает весьма влиятельная графиня, или просто зуд влияния советничества, вожачества и верхоглядная уверенность в своей изобретательности?

26 марта. Выезжал утром. Был у гр. Андрея Петровича Шувалова, у г-жи Петерсон для распоряжений по задуманному

---

* что его чувства ко мне не новы для меня, что он полагается на меня, как на преданного и верного человека, и надеется, что я буду играть в будущем еще более активную роль, и т. д…, и т. д…

** «высокой политикой».

пребыванию в Тегернзее [347], у баварского посланника и у ген. Зеленого. Длинное с ним объяснение насчет моей мнимой антинациональной фибры и моего пренебрежения к зарождающемуся у нас общественному мнению. К какому? Затем дома.

27 марта. Целый день дома. Кн. Лобанов был вечером и передавал подробности своего объяснения с министром внутренних дел. Пока оно не имело решительного результата.

28 марта. Удостоился св. причащения. Да помилует и наставит и укрепит, и сохранит и охранит меня господь!

Перед обедом заезжал к кн. Гагарину, к гр. Бергу, к военному министру и пр.

29 марта. Выезжал утром.

30 марта. Был у кн. Урусова. Заезжал к Е. П. Эйлер, вновь поселившейся в Михайловском дворце. Не застал Шувалова. Мои прощальные визиты скоро окончатся.

31 марта. Ночью в Зимнем дворце на заутрене *. Назначение Обухова товарищем ** министра внутренних дел состоялось. Гр. Пален утвержден министром юстиции. Министру финансов дана александровская лента, военному министру — владимирская. Гр. Шувалов казался пасмурен отчасти по случаю этой ленты, отчасти потому, что для него самого не сделано пока изъятия из обычного срока. По крайней мере я вычитал это в его чертах. Во дворце было людно. Кажется, я, наконец, увидел там кн. Долгорукову. Понимаю, что она может нравиться. Вернулся домой тотчас после заутрени. Выезжал перед обедом. Был у Вяземских и у Павла Вяземского, дом которого видел в первый раз. Он походит на музей [141].

1 апреля. Выезжал утром. Был у Набокова и Тимашевой. Вечером у Анненковых. Чтение новой драмы гр. Толстого «Федор Иоаннович». Высидел только три первых действия. Меньше удачных стихов и вообще менее эффектов, чем в «Иоанне Грозном», но драматический узел, кажется, удачно связан и есть верный колорит. Впрочем, как и в «Иоанне», слишком гостинодворски верный, т. е. до нехудожественности. Находят разные намеки на прежнее и нынешнее царствования в обеих пиэсах. Не вижу их в таком количестве и столь якобы ясных, как мнят другие, но некоторые действительно есть или могут действительно предполагаться. Мне постоянно возвращается в таких случаях мысль о драматическом изображении Петра Великого. Исполню ли когда-нибудь задачу, этою мыслью мне предлагаемую?

Вчера послал к Тройницкому в запечатанном конверте и

---

* *Далее в скобках написано:* пасхальной (*т. III, л. 150 об.*).
** *Далее в скобках написано:* вторым (*т. III. л. 150 об.*).

для хранения до времени некоторые заметки по делам Министерства. Предвижу последствия первых распоряжений ген. Тимашева. Не мешает доказать, что они были предвидены.

7 апреля. Несколько дней опять должен был беречь глаза и не писать своих заметок.

В четверг 4-го обедал у Скарятиных, 5-го у вел. кн. Елены Павловны. Выезжал ежедневно для прощальных визитов. Был 5-го вечером у Е. П. Эйлер и у Шуваловых. Вчера утром у Грейга, у киевского митрополита [348], у гр. Бобринской и в Академии художеств, где видел замечательную работу М. Н. Анненковой — медальон меццорелиеф, изображающий ее отца. Читал официальные бумаги по делу барона Будберга, который стрелялся в Мюнхене с Мейендорфом и, как повествует телеграф, легко ранен [349]. Все действия Министерства иностранных дел самого непристойного свойства. Напротив того, Будберг не заслуживает никакого порицания. Сегодня после обедни кн. Вяземская говорила мне, что он уже получил совершенное увольнение от службы. Он просил его в следующих выражениях: «Je comprends que je ne puis pas rester ici après avoir été obligé d'abriter mon caractère officiel derrière ma personne et je ne vous dissimulerai pas (т. е. кн. Горчакову) que l'appui peu énergique que j'ai trouvé auprès du ministère impérial ne peut pas ne pas réagir sur ma situation officielle ici etc., etc. * Предвижу, что хотя кн. Горчаков и может на первый раз остаться, но он уже остается ненадолго. Не понимаю даже, каким образом можно его оставлять на своем месте и теперь, т. е. не понимаю умом, а понимаю знанием данной обстановки.

В Министерстве внутренних дел обрисовывается несколько новых оттенков. Я еще не видел Обухова, но знаю от Мансурова, что он готовится плыть на всех парусах. Сам Мансуров не без флюгерства направляется по тому же ветру. Маков, согласно с его благородным и честным характером, идет прежним путем и начинает смотреть на все с саркастической точки зрения. Велио смотрит в лес, и уже уходил, но министр обещал ему, qu'il n'aurait aucun point de contact avec Obouhof **. Кн. Лобанов уйдет, etc., etc.

9 апреля. Я обедал 7-го у кн. Трубецкой, вчера, 8-го, у английского посла. Сегодня с божией помощью отправляюсь в Штейниц. Увольнение барона Будберга еще не состоялось.

---

* Я понимаю, что не могу оставаться здесь, после того как я был вынужден лично защищать свое официальное положение. Я не скрою от вас (т. е. от кн. Горчакова), что слабость поддержки, которую мне оказало Министерство, не могла не отразиться на моем здешнем официальном положении, и т. д., и т. д.

** что у него не будет никакого соприкосновения с Обуховым.

Вероятно, что оно последует осенью, если сам Будберг не будет настаивать на скорейшей развязке. Кн. Горчаков опирается, и с основанием, на том, что Будберг относился непосредственно к гр. Шувалову, и более, чем к нему, кн. Горчакову. Это было важною ошибкой Будберга, который, как и многие другие, a pris trop au sérieux le rôle de Pierre IV *. Неприятно это и Шувалову.

13 апреля. Вернулся сегодня, благодаря бога, благополучно. Застал вести, возобновившие прежние тяжелые думы. Как я сказал когда-то, чувствую, что я сгибаюсь и долго перевожу дух.

14 апреля. Утром у обедни. Выезжал. Видел министра финансов. Дело Николаевской железной дороги еще тянется [350] и завтра мне еще придется принять участие в заседании Комитета финансов. Предложения московских купцов поддерживаются по преимуществу влиянием цесаревича, который не так давно (в конце поста) на обеде у себя приглашал военного министра, ген. Мельникова и патриотически витийствовавшего ген. Зеленого стоять за то, чтобы Николаевская железная дорога не перешла в руки иностранцев, а осталась в доморощенных, à la Kokoreff **. С тех пор происходило несколько совещаний, и со стороны московских предлагателей употреблено несколько откупщичьих приемов для успеха своего дела; в прошлое заседание гр. Строганов выходил, как слышно, даже из пределов приличия при изъявлении своего негодования, но ген. Чевкин, l'infaillible mauvaise fée de tous nos contes officiels***, продолжает льнуть к доморощенной кабакомудрой сторонке. Припоминаю стихи:

Для новых дел на лад старинный
Сколочен их заветный скит.
Там большаком на бочке винной
Блаженный Кокорев сидит.
Пред ним коленопреклоненный,
И сам не чуждый откупов,
Кадит усердно муж почтенный,
Отец «Беседы» — Кошелев.
И воскадит ему он паки,
Пока ему не сломит рог
Кабакомудрый Бернардаки,
Продавший дважды Таганрог [351].

Между тем совершились судьбы Будберга. Он уволен. Кн. Горчаков торжествует, и сегодня в «Северной почте» напеча-

---

* принял слишком всерьез роль Петра IV.
** вроде Кокорева.
*** неизбежная злая фея всех наших официальных сказок

тана объяснительная и оправдывающая действия барона Будберга статья, в «Journal de St. Pétersbourg» известие об увольнении его от должности. Signa temporis multiplicantur et crescunt * [352].

Герцог Лейтхенбергский уехал за границу, а г-жа Акинфиева в Москву. Они, вероятно, сговорились встретиться за границей, но ей секретно запрещено выдавать туда паспорт.

15 апреля. Днем дома. Разные посетители. Между прочим, Обухов. Разговор с ним довольно продолжительный. Впечатление удовлетворительное, но с Лобановым дело не сладится. Вечером у вел. кн. Константина Николаевича. Заседание Финансового комитета cum adjunctis ** по делу Николаевской железной дороги [353]. Цесаревич не был по случаю зубной боли. К сожалению, я оказался полезным. Без меня, вероятно, заседание не было бы последним и, наверное, голос военного министра был бы утрачен. Странно, что ни вел. князь, ни министр финансов не имеют того temper ***, который в таких случаях необходим для сглаживания сгладимых оттенков. Гр. Григорий Строганов и Кербедз были приглашены для некоторых объяснений от имени Главного общества. В пользу Общества окончательно заявили себя вел. князь, гр. Строганов (Сергий), военный министр, Брок, Рейтерн, Грейг, Штиглиц и я. За московских предлагателей — Чевкин, Мельников, Заблоцкий, Княжевич, Татаринов и Пален, первые четыре по предвзятому решению, последние двое — по добросовестной спотыкливости о разные мелочи.

Утром видел приехавшего из Москвы сенатора Мансурова. Разговор с ним об общественном мнении по западным делам. Его теория сводится к тому, что татарское направление этого мнения exerça une pression sur l'empereur **** и что оно должно быть руководным, потому что неотразимо. Ошибка двоякая. Если бы это направление потребовало «Вече», il n'y aurait pas de pression *****. И если бы попытались его не поддерживать правительственно, то скоро увидели бы, как легко с ним справляться.

16 апреля. Утром в Медицинском совете, где желал воспользоваться правами почетного членства, Советом мне присвоенными. Потом у английского посла, чтобы узнать о здоровье герцога Эдинбургского, подстреленного фением в Сиднее, и чтобы поздравить с абиссинскими успехами. Потом у вел. кн. Елены Павловны, желавшей узнать от меня некоторые

---

* Знамения времени умножаются и возрастают.

** с товарищами министров.

*** сдержанности.

**** оказало давление на государя.

***** то давления не было бы.

подробности касательно дамского тюремного комитета [354], который Т. Б. Потемкина оставляет и просит вел. княгиню принять под свое попечительство. Затем несколько других визитов, между прочим, у Тимашева, который здравствует и готовится, по-видимому, здравствовать далее, но тем не менее мне не представляется прочным, и у Вяземских vieux et moins vieux * для поздравления со сосватаньем кн. Кати за гр. Шереметева. Ладная чета, и я радуюсь ей. Видел гр. Гендрикову, qui trouve le service de cour plus «élégant» que celui du ministère de l'intérieur où son mari veut tout de même prendre pied.— Pauvre femme, où plutôt pauvre poupée **. Видел гр. Строганова (Сергея Григорьевича), который наговорил мне много комплиментов насчет моих записок, но, очевидно, вовсе не знает государя, к которому он так был и пребывает близок.

Мансуров передал мне некоторые частности разговора государя с его братом насчет Москвы, газеты «Москвы», Аксакова и пр. Его величество по-прежнему соизволяет считать г. Аксакова за «enfant terrible» *** и за честного человека. Вдобавок государю даже угодно было его как-то назвать «рыцарем». Есть вопросы для государей, по-видимому, неразрешимые. Аксаков не «enfant» **** и не «честен», в неденежном значении слова, но он мог бы быть честным при его взглядах, убеждениях и направлении. Рыцарем он быть не может. Демократы могут быть добродетельны, честны, преисполнены самопожертвования и скромности до цинциннатизма и преисполнены решимости и стойкости до кинжала Брута и до речей Катона, но рыцарство им по естеству чуждо. Даже между дикарями, например, могиканами, нравы и понятия, похожие на рыцарские, встречаются или встречались только при известной примеси аристократизма. Демократизм и рыцарство несовместимы и потому не совместились в истории. Впрочем, нельзя не признаться, что вообще все «рыцарское» для нас стало пустозвоном. Остались или сохранились, не говорю, собственно, у нас славян, не имевших организованного рыцарства, но во всей Европе, только дуэль и некоторые понятия о чести при отношениях к дамам. Если кто в этом усомнится, пусть задумается над любою орденскою лентой.

17 апреля. Утром на малом выходе во дворце. Кажется, никаких особых новостей нет. Цесаревич (не бывший по болезни) пожалован ген.-адъютантом, видел все, столько раз

---

* старых и помоложе.

** которая находит придворный персонал более «элегантным», чем персонал Министерства внутренних дел, где, однако, ее муж намерен обосноваться. Бедная женщина, или, вернее, бедная кукла.

*** «озорной ребенок».

**** «ребенок».

уже виданное. Кроме того, видел гросгерцога Веймарского и его сына, считаемого, говорят, будущим женихом вел. кн. Марии Александровны.

Шувалов утверждает, что главным поводом к увольнению Будберга был не разлад с Горчаковым, а гнев самого государя, и гнев не за официальную деятельность посла, а за недостаток официальной любезности к одной даме. Я видел эту даму намедни и, вероятно, увижу сегодня вечером.

День дома. Тяжелая дума меня гнетет постоянно. Так живу я годы. Все под ударом. Каждое письмо, каждая телеграмма походят на грозовые облака. Как ни устраивай и ни вычисляй здесь, оттуда внезапно может нагрянуть весть, нарушающая всякое устройство и опрокидывающая всякое вычисление. Это зловещее memento * стоит рядом со всеми занятиями, трудами, заботами или утешениями моей жизни. Работать при этом трудно, думать трудно, утешаться трудно, наслаждаться невозможно.

Вечером на бале в Зимнем дворце в концертном зале. Откланивался там цесаревне, которая танцевала все кадрили, хотя на сносе своей беременности (в 9-м месяце). Цесаревич не был по нездоровью. Бал, как все придворные балы, без особых событий. Видел еще раз веймарцев. Le gr.-duc est raide, le prince héréditaire laid, mais avec de l'esprit et une éducation **, не по нашему. Видел le manège habituel ***.

19 апреля. Видел приехавшего из Варшавы (по случаю обнаруживающегося умопомешательства кн. Лобановой, рожденной Паскевич) доктора Мяновского. Принимал депутации чиновников Министерства по случаю составленного по подписке особого капитала моего имени в пользу канцелярских чиновников. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны.

19 апреля. Утром в Зимнем дворце. Откланивался государю. Любезен и благосклонен. О Министерстве ни слова. Передо мною был мой преемник, и я с умыслом выбрал нынешний день для откланиванья, чтобы с ним встретиться. Il me fallait le rapprochement tacite. Le silence même prouve qu'il n'a point manqué ****. Не видал императрицы по нездоровью. Был у вел. кн. Константина Николаевича, у вел. кн. Александры Иосифовны и у вел. кн. Елены Павловны. Везде подобающая любезность.

Перед обедом заходил Скарятин, чтобы сообщить, что он

---

* напоминание.

** Вел. герцог чопорен, наследный принц некрасив, но остроумен и хорошо воспитан.

*** обычные манеры.

**** Мне надо было, чтобы мы встретелись молча. И само молчание доказывает, что наша встреча была такой, как нужно.

расстается с вел. кн. цесаревичем. Я давно был убежден, что дело тем кончится. Обедал у гр. Орлова-Давыдова.

20 апреля. Выезжал утром. Вечером в Александринском театре. «Faust» с Дерингом в роли Мефистофеля. Он и «Gretchen» (Frahen). Хорошо. С наслаждением слышал знакомые прекрасные мысли и мыслей преисполненные стихи. Глубоко назидательный эпизод Маргариты производит всегда на меня сильное впечатление. Гр. Бобринская (Шувалова) заметила, что Фауст так изобилен мыслями, что как-то не верится, чтобы он был написан одним человеком. Он кажется произведением множества мысливших людей. Странное противоречение поразило меня в роли Фауста. Он силою креста заставляет Мефистофеля обнаружиться. Он, многознающий и многомыслящий, не может не дать себе отчета в значении крестной силы. Как же может он не веровать и в разговоре с Маргаритой отзываться, как он отзывается?

Видел Скарятина два раза. Он очень взволнован переменой своего положения и обнаруживает, к сожалению, те признаки волнения, которые свойственны большинству людей, сходящих с какого-нибудь служебного небезвыгодного поприща.

21 апреля. Утром у обедни. Выезжал. Вечером в Михайловском театре. Видел «La belle Hélène» *, о которой мне три года твердили. Непонятное удовольствие. Следовало просто для охотников поднять занавес, показать m-lle Devéria спереди, сзади и с двух боков, попросить ее пропеть: «Il me faut de l'amour» ** и «O Venus, quel plaisir trouves-tu à faire cascader ma vertu»*** и затем опустить занавес. Быть может, следовало бы еще показать les cuisses en tricot de m-lle Lotar ****, но все остальное решительно лишнее и пригодно только для балаганов на масленице.

22 апреля. Дома. С утра день отравлен известными делами. Кроме того, докучают разные просители. Я вне дел, но на меня еще полагаются, как на ходатая, и эксплуатационные попытки повторяются.

Сведения, доходящие до меня, о ходе дел в Министерстве неотрадны. Тимашев не справится. Он думает о себе и своем положении. Этого мало. Кругом его разлад уже гнездится в разных частях управления. Между гр. Шуваловым и им доброе согласие, уже теперь по преимуществу наружное, не удержится. Мои семь лет вспомнят. Я их помню и помню, как они были оценены.

---

* «Прекрасную Елену».
** «Мне нужна любовь».
*** «О Венера, неужели тебе приятно играть моей добродетелью?»
**** обтянутые трико бедра мадмуазель Лотар.

Сегодня первый акт гусарского праздника в Царском Селе по случаю 50-летнего гусарства государя императора. У нас завелся юбилейный недуг. Ко всему привязываются, чтобы отпраздновать 25 или 50 лет, как будто эфемерность всего нашего обихода до того сделалась общеощутительнее, что мы изумляемся всему, что простояло $^1/_4$ или $^1/_2$ века. Сегодня парад. Прочие части праздничной программы отложены на неделю по случаю нездоровья императрицы. Haec quoque temporaris signa *.

23 апреля. Выезжал утром и после обеда выходил пешком. Видел Потапова, кн. Лобанова и еще кое-кого. Выезд мой замедляется некоторыми непредусмотренными обстоятельствами. Пребывание здесь меня тяготит. Но там будет полегче и лучше. Вчера составил для министра финансов несколько заметок по делу Николаевской железной дороги [355].

В Аничковском дворце положительно образуется политическое оппозиционное гнездо. Mutatis mutandis ** Гатчина последнего столетия. Желал бы верить в прочность даже этой гатчинской будущности, но не верится. Что будет, не знаю, но поворот или переворот будет. Вовремя я удалился от этой сцены. Слушая теперь разные отзывы о бывшей моей деятельности, я иногда изумляюсь наивности, с которой меня упрекают в том, что я делал, и в том, чего не сделал. Следовало бы меня упрекать только в одном, а именно, что я не ушел ранее. Но на это были весьма уважительные причины. Сделать же мною несделанного было нельзя. Доказательством послужит то, что сделается, и то, что не сделается, при моем преемнике.

24 апреля. Выезжал утром. Был у гр. Строганова и у Тимашева. Его стол уже завален бумагами. Он возбудил во мне чувство, походящее на соболезнование. Он не знает еще того дела, за которое он взялся. Он бодр, но надолго ли? Он явно располагает быть прочным, но насколько ошибается или не ошибается он?

25 апреля. Разные обстоятельства меня задерживают. Между тем в чащу забот и огорчений почти каждый день вливается новая струя. Я внутренно робею. Я становлюсь боязливым, пугливым под этими непрерывными ударами. Даже эта будущность временного отдохновения за границею становится неопределенною и мрачною.

Видел гр. Штакельберга, нашего нового посла в Париже. Он едет туда неохотно, по крайней мере так говорит он. Он отзывается о деле Будберга в моем смысле. Вообще все его суждения неутешительны в отношении к нашей будущности.

---

* Это также знамения времени.

** Иначе говоря.

26 апреля. По желанию гросгерцога Веймарского был у него сегодня утром. Любезные фразы и приглашения заехать в Эйзенах. Вероятно, ему говорил обо мне герцог Мекленбургский, который и передал приглашение. Веймарский замечателен тем, что, когда он говорит, у него движется одна нижняя челюсть. Он умен и образован. Но, говорят, скучен.

Обедал у Гернгроса. После обеда у кн. Трубецкой, где видел гр. Штакельберга moins à son avantage *, чем у меня. Он имеет стихотворный недуг и монотонно декламировал целые $^3/_4$ часа плохие французские alexandrins **.

27 апреля. Сегодня в Царском Селе гусарский праздник. Разные театральные и трапезные потехи. Опасаюсь, что не обойдется без fautes d'orthographe ***. Боюсь милостей. Время прошло, когда царская власть могла быть изобретательна на милости и жаловать по благоусмотрению, что угодно, кому угодно и за что угодно. Власть и право сохранились, но взгляд со стороны другой. Милости прежде принимались с поклоном, теперь с поклоном и критикою. Пытливый ум публики дошел до различия между тем, что государь жалует на счет сметы Министерства двора, и тем, что он жалует на счет государства. Сегодня будет пожалована ежегодная прибавка 300 тыс. руб. к содержанию гвардейских офицеров. Армия, вероятно, найдет, что и ей прибавка не менее нужна, чем гвардии. Вообще в наше время требуется уже некоторая осторожность при игре на струне придворных и лично царственных торжеств и празднеств.

Барон Будберг приехал. Его видел барон Велио, который говорит, что нашел его настроение раздраженным, но приличным и сдержанным. То, что в отношении к нему правительством сделано, подняло его на пьедестал в Париже, вызвало в пользу его разные манифестации, дало повод к самым неблагоприятным толкам насчет нашего правительства и весьма затруднит положение его преемника. Император Наполеон поручил ему сказать государю, что он крайне сожалеет о несостоявшемся соглашении по восточному вопросу. Est-ce un épilogue ou une préface? **** Думаю — последнее.

Во всей Европе общественное мнение или настроение приобрело положительные права и значение и составляет положительную силу. Мы имеем дело с Европою. Мы не можем обойтись без сил, которыми пользуются другие. Общественное мнение есть уже и у нас, но оно не имеет организованной основы и потому именно, что этой основы нет, оно колобродит и может

---

* в менее выгодном положении.

** александрийские стихи.

*** промахов.

**** Что же это, эпилог или предисловие?

только мешать, а помогать и служить не может. Нужна организация этой силы. Для этого нужны представительные учреждения вроде моих предположений 1863 года. Начало самодержавия остается неприкосновенным, но вводится начало общественной речи, обращенной к правительству. И теперь слышится гул толпы. Нужно, чтобы этот гул мог приобретать склад правильной речи.

28 апреля. Выезжал утром. Вчера на гусарском празднике; наконец, дан мундир полка бывшему полковому командиру Татищеву, теперь уже оставившему службу. Гр. Воронцову дана лента, гр. Толстой, сын Фазана, назначен флигель-адъютантом и пр. За ужином Прозоровский-Голицын, несмотря на лета, тучность и астматическое состояние, плясал вприсядку.

Замечательная статья в «Москве» о полицейской охране церкви [356] и о применении к делам церкви изречения: «Кесарево кесареви и божее богови». Совершенно то, что я постоянно говорил и продолжаю высказывать в подобающих случаях.

Вечером у Шуваловых. Прощался. Вероятно, свидимся в Киссингене. Они видали Будберга. По словам Шувалова, он весьма сдержан, по уверению графини, aigre et caustique*. Шувалов говорит, que l'empereur a pris l'habitude de maltraiter Gortchakoff et qu'il le pousse jusqu'à l'invective **.

29 апреля. Выезжал. Был в Александро-Невской лавре. Посетил митрополита Исидора, который становится весьма хворым.

30 апреля. Принимал утром депутацию от Общества поземельного кредита по случаю избрания меня им в почетные члены. Выезжал утром. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны с гросгерцогом Веймарским. Видел кн. Лобанова и гр. Палена. Первый скоро решится оставить свое место, к чему Пален его торопит. О гр. Пален!

---

* кислый и желчный.

** что государь привык дурно обращаться с Горчаковым и доходит даже до брани.

1869 год

23 октября *. В С.-Петербурге. Возобновляю свои дневные заметки. Полтора года проведены мною за границей, кроме краткого временного пребывания в Петербурге в июле и августе месяцах этого года. Благодарю бога за отдых, за спокойствие по крайней мере относительное, за свободу, за мирные путевые наслаждения, которыми сопровождалась моя жизнь вне России. Теперь я снова дома. Обстановка изменилась для меня лично, но в окружающей меня среде не изменились прежние стихии. Я член Государственного совета, но вместе с тем сделался и председателем правления Учетного банка. Принятие этого звания мне было нужно в одном отношении и пригодно в другом. Мое положение представляет многие удобства. Знаю и вижу, что происходит в официальном мире, но не несу ответственности, не обязан к усиленному труду и не возбуждаю прежней вражды.

Мы приехали 12-го. В среду 15-го я был в Царском Селе для представления государю. Прием весьма милостивый и радушный. Государь напомнил мне весьма любезно, что не переставал и продолжает на меня рассчитывать. Подразумевалось принятие служебных обязанностей более деятельных, чем обязанностей членов Государственного совета, когда к тому представится случай или в том встретится надобность. Из рассказов разных лиц видно, что меня считают кандидатом на место кн. Горчакова. Гр. Шувалов передавал мне даже ipsissima verba**, слышанные от государя, и разговор императрицы с кн. Горчаковым в Фридрихсгафене в прошлом году ему, Шувалову, государем сообщенный. На всем этом не останавливаюсь, и осуществления при данных обстоятельствах не могу

* Новый год. В Риме, Via delle Tre Canelle 102, Pallazzo Campanari с женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.
** точные слова.

желать. Обедал у его величества, но успел вернуться в город к вечернему заседанию правления банка.

Видел многих до поездки в Царское Село. В городе много толков о виленских делах. Неудачный циркуляр ген.-губернатора Потапова возбудил бурю в «Московских ведомостях» и Главном комитете [357]. Ген. Потапова обвиняли в преднамеренном неисполнении и искажении высочайшей воли. Главный комитет, в котором председатель и некоторые члены, в особенности ген. Зеленый, позволили себе самые неприличные выходки против ген.-губернатора, принял на себя в отсутствие государя потребовать ген. Потапова к ответу. Ген. Тимашев, вообще мало защищающий все свои дела, не протестовал, но довольствовался тем, что вызов ген.-губернатора принял на себя, вместо прямого упоминовения о том в журнале Комитета. Этот журнал был послан к государю как бы для сведения и с тем же самым фельдъегерем ген. Тимашев отправил к гр. Шувалову частное письмо о проделках Комитета. Письмо было предъявлено его величеству и произвело надлежащее впечатление. Государь возвратил журнал без всякой пометы и по приезде дал, как говорят, un bon savon * своему августейшему брату и ген. Зеленому, который ездил в Царское Село в один день со мною, вышел из кабинета государя с пожелтевшим лицом и не был позван к обеду, хотя обыкновенно к нему приглашаются министры в первый докладной день по возвращении государя из продолжительной отлучки.

В четверг 16-го был общий парад гвардейским войскам на Царицыном лугу. В пятницу я объехал все великокняжеские дворцы, не исключая и дворца принца Ольденбургского. Вел. кн. ген.-адмирала я видел. Прием приветливый. Вел. князь говорил о виленских делах немного, но зато много о делах прессы. Министр внутренних дел, следуя обычной системе не подвергаться неприятностям без прямого к тому принуждения, придумал возложить пересмотр или дополнение закона о печати [358], о чем с 1866 г. производится переписка, на особую комиссию, под председательством особо назначенного к тому лица. Это передвижение дела с больной головы на здоровую ген. Тимашев произвел на следующей белой нитке. Он заявил, что, будучи призван к применению власти, ему неудобно испрашивать ее усиления или расширения. Вел. князь находит это рациональным. Не знаю, как взглянул на это государь, но знаю, что он согласился, избрав только председателя комиссии от себя, помимо предложенных ген. Тимашевым лиц. Выбор государя пал на кн. Урусова, и сегодня в докладной день

---

* хорошую головомойку.

Урусова должно было состояться по этому предмету окончательное высочайшее повеление.

Нового министра путей сообщения гр. Бобринского я видел мельком. Он уезжает в Крым для сопровождения государыни императрицы на обратном пути в Петербург. Он пытался вместо себя предложить своего предместника ген. Мельникова, сопровождавшего императрицу на юг, по ее особому желанию, но государь отозвался, что ему следует ехать и что это — его «прямая обязанность».

В прошлое воскресенье обедал у вел. кн. Елены Павловны. Она теперь живет в нижнем этаже своего дворца по случаю каких-то переделок в верхнем. Любезна по обыкновению, но стареет.

Ровно год тому назад $\frac{\textit{4 ноября}}{\textit{23 октября}}$ мы приехали в Рим. В тот же день при сиянии римского солнца мы были в соборе св. Петра, в Пантеоне и в Колизее. Сегодня при сером небе, с которого ниспадали и дождь, и снег, ездил к Храповицкому мосту.

5 ноября. Пробел с 23-го происходит оттого, что я еще не «втянулся» в дела и притом на новоселии не устроился.

Виленский вопрос в следующем положении: г.г. Батюшков и Шестаков уволены от должностей, первый без содержания с посажением в Совете министров, а второй без свитских аксельбантов с зачислением во флот. В Главном комитете было заседание, в котором ген. Потапов дал себя сбить с толку и почти признался виноватым в непонимании закона. Но составленный по этому поводу журнал, опрометчиво фабрикованный в известном смысле г.г. Жуковским и К°, дал случай исправить неловкости ген. Потапова в другом заседании, где не состоялось никакого определения, потому что вел. князь не хотел разногласия, а, между тем, некоторые члены (гр. Пален, кн. Урусов, гр. Шувалов и ген. Тимашев) настаивали на мнении, которого вел. князь не хотел принять. Дело отложено до следующего понедельника. Вел. князь играл жалкую роль в заседании, а после заседания при личном объяснении с кн. Урусовым выходил из себя от гнева, ворочал стульями и т. п. [359].

Об увольнении г. г. Батюшкова и Шестакова много толков. Оба интриговали против ген.-губернатора и оба до приезда государя были единственными гостями цесаревича, приглашенными из Петербурга на бал в Царском Селе.

Рескрипт кн. Урусову напечатан вчера в «Правительственном вестнике». В состав Комиссии назначено до шести сенаторов. Увидим. Обедал вчера у английского посла с кн. Урусовым и двумя английскими туристами-писателями:

M-r Dixon (Holyland, New America) и sir Charles Dilhs (Gr. Britain). Третьего дня обедал у вел. кн. Елены Павловны, которая после обеда долго увещала гр. Палена и меня в смысле прежнего разговора со мною в Траунштайне в июле месяце этого года.— «C'est dans la famille, — между прочим сказала она,— à un certain âge la fatigue vient et on cesse de vouloir. Cela a été le cas avec l'empereur Alexandre I, avec l'empereur Nicolas, avec le gr. duc (Michel). Il s'agit de leur venir en aide. Il faut soutenir, encourager, ne pas faire voir tout sous un aspect sombre, chercher et saisir une corde qui fasse plaisir» *...

7 ноября. Вчера вечером императрица возвратилась в Петербург. Путь из Одессы был направлен на Киев, Орел, потом Смоленск по случаю разрыва Мстинского моста, Витебск и Динабург. На пути от станции Варшавской железной дороги была устроена подобающая иллюминация.

На днях прибыл новый французский посол ген. Флери. Он корчит un vieux troupier **, и тон его речей действительно пахнет казармами. Он с Парижа довольно коротко знаком с гр. Павлом Шуваловым. На днях он сказал ему: «Mon bon ami, il n'y a qu'une politique, c'est de tenir le pot de chambre à l'homme au pouvoir, et de le lui verser sur la tête quand il n'y est plus» ***. Нечего сказать, c'est un langage d'ambassadeur! ****

По остзейскому вопросу происходило у государя в прошлый вторник или в прошую среду (3-го или 4-го) особое совещание. Участвовали ген. Тимашев, ген. Альбединский и гр. Шувалов. Основанием служили записки ген. Альбединского [360]. По словам Шувалова, результат умеренный и удовлетворительный. Ген. Альбединский должен быть в ходу, потому что министр внутренних дел за ним сам ухаживает.

14 ноября. Опять пробел. Мысль озабочена и время убивается делом, до которого посторонним нет дела.

Виленский вопрос тянется от одного заседания Главного комитета к другому. Жалки фазисы, жалка среда, пасмурна обстановка и пасмурно будущее.

21 ноября. Дни идут. Я страдаю непрерывно и потому писать могу только с особым усилием.

---

* «Это свойство семьи,— между прочим сказала она,— в известном возрасте наступает усталость и пропадают желания. Так было с императором Александром I, с императором Николаем, с вел. князем (Михаилом). Надо им помогать. Надо их поддерживать, ободрять, не давать им видеть все в мрачном свете, искать и найти струну, которая могла бы дать им наслаждение.

** старого солдата.

*** «Мой добрый друг, существует только одна политика: это — держать ночной горшок перед человеком, находящимся у власти, и вылить этот горшок на его голову, когда он лишается власти».

**** это язык посла!

Виленский эпизод, наконец, разрешился компромиссом. В журнале Главного комитета будет изложено бесцветное заключение, отчасти дающее место настояниям ген.-губернатора, отчасти опровергающее его распоряжения. В соображениях, предпосылаемых этому заключению, будет исключена вся желчь г.г. Жуковского и К°. Таким образом, в этом отношении верх остается за министрами, поддерживавшими ген. Потапова. По существу вопрос более отсрочивается, чем разрешается. Во всяком случае то обстоятельство, что вел. князю и его обычным клевретам по Главному комитету не удалось порешить дело, как они того хотели, уже имеет само по себе немалое значение. Главным сочинителем компромисса был кн. Урусов. Главною, т. е. не явною, но тем не менее преобладавшею силою, было настроение государя. На него опирался кн. Урусов, перед ним обратились вспять порфирородный председатель и его пособники.

Между тем и давно плавающий в официальном воздухе вопрос о «Московских ведомостях» получает, по-видимому, определительное разрешение. Министр внутренних дел, следуя обычной своей системе по делам печати, направил этот вопрос в Совет министров. Вчера состоялось по этому поводу заседание Совета [361]. Вечером я видел гр. Шувалова, который мне сказал, что всем членам Совета воспрещено особо настоятельно и категорически проговориться о результатах совещания. Это значит, что против «Московских ведомостей» решено принять меру, которой министр внутренних дел не желал взять на свою ответственность. Дня через два или три она будет известна. Впрочем, быть может и то, что решено только принять такую меру при первом ее могущем вызвать случае.

24 ноября. Страдание не только продолжается, но усиливается.

Вчера ген. Тимашев говорил мне, что si jamais le pr. Gortchakoff a pataugé, c'était jeudi dernier et que lui (le g-l Timacheff) n'avait aucun lieu de regretter d'avoir provoqué la discussion, parce que l'empereur s'était exprimé très catégoriquement*.

Это может навести на мысль, что мое второе предположение ближе подходит к истине, чем первое. Возможно также, что ничего не решено для будущего, и только государь изволил высказаться и преподать своим советникам нотацию.

Сегодня закладка памятника императрице Екатерине. Я не поехал. Главное действующее лицо после государя —

* если кн. Горчакову когда-нибудь приходилось садиться в лужу, то это было в прошлый четверг, и что он (ген. Тимашев) никоим образом не жалел, что вызвал дискуссию, так как государь высказался очень категорически.

и. д. министра путей сообщения гр. Бобринский. По крайней мере, так говорят, потому что по церемониалу можно бы разуметь и и. д. министра двора гр. А. Адлерберга. Замечают, что, таким образом, два правнука закладывают памятник [362]. На вечер государю угодно было заказать «La belle Hélène»* в Немецком театре.

Вчера напечатан в газетах высочайше утвержденный церемониал празднества св. Георгия по случаю орденского юбилея [363]. Юбилейный и праздничный недуг в силе. Разные церемонии обнимают три дня. Есть и выходы, и парад, и обеды, и spectacle-gala **. Знаки ордена, впервые возложенные на себя учредительницею ордена императрицей Екатериною, будут положены во время молебствия на особый аналой, перед аналоем, на котором будет находиться св. евангелие (!) и т. д.

К празднеству прибыли вел. кн. Михаил Николаевич, которого я видел на днях, и фельдмаршал гр. Берг, который semper idem ***, был у меня вчера. Кн. Барятинский рассудил иначе и не приехал.

---

* «Прекрасную Елену».
** парадный спектакль.
*** как обычно.

1872 год

С.-Петербург, 12 марта *. Меня часто упрекают мои домашние, а из недомашних — кн. Лобанов в том, что я более не веду дневника. Причин молчания немало. Впрочем, попытаться можно. Обстоятельства несколько настоятельнее к тому вызывают. Но как восстановить связь между 1868 и 1869 годами и 1872-м? Кое-что заслуживает упоминовения. Буду вставлять эпизодические заметки, когда и где удосужусь.

Вчера утром совещание у государя по делу г. Катакази. Записка, представленная г. Катакази en vue de sa réhabilitation **, была рассмотрена по высочайшему повелению гр. Адлербергом, гр. Шуваловым и мною [364]. Вопрос, нам поставленный, был двоякий: допустить ли, как просил Катакази, оглашение записки? и что делать с самим Катакази? Решено записки не оглашать, а Катакази оставить с en disponibilité ***, назначив ему негласно содержание, чтобы из него не вышло за границей второе издание кн. Долгорукова [365], чего, по-видимому, очень опасаются. Кн. Горчаков присутствовал при докладе нами государю нашего заключения. Перед тем мы встретились в приемной с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Кн. Горчаков сказал ему, обращаясь ко мне: «Voilà un de mes juges» ****,— и присовокупил: «Contemplez de Bayard l'abaissement auguste» *****.

Баярда в деле нет и нет ничего величественного в принижении кн. Горчакова. Нет также со стороны государя никакого желания его унизить или огорчить. Рассмотрение вопроса,

* Новый год. В Петербурге, в Стремянной № 8, д. Самойлова. С женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.
** в целях своей реабилитации.
*** в резерве.
**** «Вот один из моих судей».
***** «Посмотрите, как унижают высокое имя Баярда».

прямо касающегося Министерства иностранных дел, тремя лицами, к нему не принадлежащими, конечно, представляет совершенно анормальное явление, но кн. Горчаков, пользуясь большим почетом, давно перестал пользоваться большим уважением. Притом здесь отражаются последствия прежнего его благоволения к г. Катакази и непростительного назначения его посланником в Америку, несмотря на троекратный предварительный отказ со стороны государя.

13 марта. Вчера поздно вечером у гр. Адлерберга с гр. Шуваловым по делу Катакази. Решили изложить на письме содержание наших государем одобренных предположений и сегодня, призвав Катакази, ему оное объявить, что и исполнено в кабинете гр. Шувалова. Катакази вел длинную речь о своем «pouvoir» * и «deshonneur», об «intrigue dont il est la victime»**, о выборе между «mendicité ou ignominie» ***, который будто бы несомнителен, о том, qu'il ne lui restait plus qu'aller en Amérique brûler la cervelle à Fish ****, о том, что ему надобно по крайней мере пожаловать ленту, которую он письменно обяжется не носить (как будто он не чувствовал, что скорее можно было поступить наоборот), и т. п. Все эти фразы, конечно, остались без последствий.

Затем обычный ежегодный обед у Грейга с вел. кн. ген.-адмиралом. На этот раз были, кроме вел. князя и хозяина, принц Рейсс, Шувалов, Тимашев, Абаза, Краббе и я. Большая веселость. Все en train *****. Мне не до веселости.

14 марта. Сегодня в 10 часов утра государыня императрица выехала в Крым. За ней едут в пятницу государь и королева Ольга, которой пребывание здесь внезапно сокращено болезненным состоянием императрицы. О свойстве и степени болезни трудно иметь точное понятие при множестве разноречивых толков. Кажется, однако же, что легкие действительно поражены и что доктор Гартман не заметил зла своевременно и его запустил. Доктор Боткин определил болезнь и поездка в Крым предпринята по его настоянию.

15 марта. Утром разные поездки; между прочим, осведомлялся о бывшем товарище министра внутренних дел Обухове, который опасно болен. Бедный Обухов сделался жертвой неудачного назначения. Он мог губернаторствовать, но когда гр. Шувалов и ген. Тимашев, [...?] ****** сделали его товарищем

* «власти».
** «бесчестии», об «интриге, жертвой которой он является».
*** «нищетой и подлостью».
**** что ему остается лишь поехать в Америку, чтобы размозжить голову Фишу.
***** веселы.
****** *Одно слово, написанное по-французски, не разобрано.*

министра, оказалось, что ему эта должность была не под мерку. После двухлетнего невозможного и несносного положения в Министерстве его, наконец, выпроводили и так бесцеремонно, что даже не назначили содержания по сенаторской должности.

Вечером блистательный полураут у гр. Хрептович в честь королевы Виртембергской. Были и она, и государь, и принц Баденский, герцог Мекленбургский, и simplement des dames *, и послы и посланники. Lord Lophtus говорит, что у нас des trésors de pêche que nous ignorons et qu'il y a, pour exploiter ces trésors, prendre une maison de campagne sur la route d'Helsingfors ou de Wiborg **.

Говорят, будто флиг.-ад. кн. Голицын командируется в Ташкент по особым уважениям кругосветного свойства.

Товарищем министра путей сообщения назначается Селифантов из Комитета министров. Выбор недурной, потому именно, между прочим, что в нем нет закваски зеленой опушки [366] и фантазий гр. Бобринских.

22 марта. Государь выехал в Ливадию в прошлую пятницу 17-го вечером. Вчера получено известие, что их императорские величества благополучно отплыли из Одессы. Королева Ольга с ними. Из обычной свиты сюда возвратится гр. Шувалов, которому государь сказал, qu'il était plus tranquille en le sachant ici ***.

Третьего дня в Государственном совете прошел временный закон по делам печати [367], предоставляющий министру внутренних дел право задерживать без судебного преследования вредные книги и журналы. В Департаменте законов прибавлено, что министр доводит об этом до сведения Комитета министров, который докладывает государю только в случае разномыслия. Мысль об этом законе предварительно была обсужена в Совете министров и, когда на троекратный вопрос государя: все ли с нею согласны, г.г. министры отозвались молчанием, его величество изволил сказать: «Так прошу поддерживать это и в Государственном совете». Вследствие этого указания не было толков о существе дела, но Головнин прочитал длинный plaidoyer apologétique **** в пользу литературы, кн. Горчаков отпустил несколько фраз о свободе мысли, и затем пустились в разноречия о добавке, сделанной Департаментом законов. Я подал голос в ее пользу, во-первых, потому, что

---

* просто дамы.

** рыбные богатства, которые нам неизвестны, и, чтобы использовать эти богатства, надо нанять дачу на пути в Гельсингфорс или Выборг. *Далее в скобках написано:* к Выборгу и Финляндии (*т. III*, *л. 160*).

*** что ему спокойнее, когда он знает, что Шувалов здесь.

**** апологетическую речь.

желательно закрепить за всеми г.г. министрами солидарность с министром внутренних дел по делам прессы, во-вторых, потому, что таким образом отрезан путь еще гораздо более неудобному восхождению дел до 1-го Департамента Правительствующего Сената, которому могли бы быть приносимы жалобы на распоряжения министра внутренних дел.

Я теперь три года заседаю в Государственном совете, но почти никогда не принимаю участия в возникающих в нем прениях. Оно было бы бесполезно. Кроме того, неприятно обращаться к председателю, когда у него написано на лице, что он меня слушает неохотно.

1873 год

1 января *. Новый год начинается понедельником. Следовательно, по званию министра государственных имуществ я был у государя с докладом. Никакого выхода не было. Государь показался мне несколько озабоченным. Военный министр, которого я видел позже, говорит, однако же, что никаких неблагоприятных известий не получено. Гр. Шувалов ожидается через неделю.

Крупных событий в официальном мире не произошло.

9 января. Сегодня скончалась почти внезапно и неожиданно после трехдневной болезни вел. кн. Елена Павловна. Последняя представительница предшедшего царственного поколения угасла. Вместе с нею и в ее лице угас блистательный умственный светильник. Вторая половина жизни покойной вел. княгини была ознаменована разнообразными видами деятельности и многочисленными оттенками разных влияний. В ее дворце происходил тот роковой разговор императора Николая с английским посланником (Гамильтоном-Самуром), который оказался предисловием к Восточной войне. В том же дворце пребывала несколько лет сряду Адулламская пещера известнейших деятелей Редакционных комиссий по крестьянскому делу Н. Милютина, кн. Черкасского, Ю. Самарина. В нем влиял гр. Киселев и находил подкрепляющую помощь С. С. Ланской. Но в этом же самом дворце пользовались любезным вниманием ** вел. княгини лица других направлений. В нем иногда сосредоточивались, иногда встречались представители всех главных стихий петербургского мира от членов императорского дома до приезжих литераторов и

* *1 января 1873 г.* Новый год. В Петербурге. В доме министра государственных имуществ. С женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

** *Вместо:* вниманием *написано:* влиянием (*т. III, л. 161*).

артистов. Вел. княгиня осуществляла на деле латинское изречение: nil humani a me alienum*. Ни одна из областей человеческих знаний и искусств ей не была чуждою. Она покровительствовала многому и создала многое. Но я несколько раз призадумывался над вопросом: насколько было в ее разнообразной, кипучей и блистательной деятельности долей ума и сердца, искренности и преднамеренности? Теплом от нее не веяло. Она сама несколько раз мне говорила, как первые годы ее жизни у нас на нее подействовали и должны были подействовать сжиманием и обледенением. Быть может, ее влияние было бы еще значительнее и знаменательнее, если бы она не подверглась гнету этих первых лет. Во всяком случае немногие могли бы вынести из-под него тот гибкий ум и те проблески чувства, которые ей до конца были свойственны.

6 февраля. Не лежит сердце к записыванию. Кроме моментов борьбы за какое-нибудь мне сродственное начало, моментов, когда кровь по-прежнему вскипает, я ко всему почти равнодушен.

Дела председательствуемой мною Комиссии ** веду настойчиво. Здесь есть цель, потому что известные начала затрагиваются.

Много толков об эпизоде Дурново — Лямин [368]. Первый из них срезался на первом шагу. Это хорошо, потому что выясняет, чего от него следует ожидать. Легкая карьера и деньги вскружили голову. Следовательно, голова ненадежная. Не мешает воспользоваться этим уроком и тем г.г. министрам, которые думают, что авторитет правительственной власти может быть восстановлен или поднят фразами или внешностями без внутреннего содержания.

Гр. Алексий Бобринский говорит мне, что он заявил государю о невозможности оставаться министром. Государь отозвался, что пока не имеет в виду, кем его заместить. Еще один из нетупых, но неумелых.

Англо-хивинский вопрос разрешен пока удовлетворительно [369]. Поездка гр. Шувалова в Лондон была там приятна. По-видимому, он достиг и другой цели. Впрочем, всякое в том сомнение устранится в непродолжительном времени.

20 февраля. Отвращение от дел и внутреннее отдаление от людей до того сильны, что всякое записывание того, что я вижу или знаю, мне в тягость. Вчера при докладе государь заявил мне о желании, чтобы «хозяйственная часть» перешла из Министерства внутренних дел в Министерство государственных имуществ. Что значит «хозяйственная часть»? Эту же мысль

* ничто человеческое мне не чуждо.

** *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «по исследованию сельского хозяйства» (*т. III, л. 161 об.*).

мне заявил дня три тому назад гр. Шувалов, который затем подсказал ее государю. Какой повод к этой заботе о расширении моей задачи? Неужели гр. Шувалов действительно метит в Министерство иностранных дел, будто бы мне предназначенное, и старается выкроить для меня такое ведомство, из которого затем было бы неудобно меня взять? Неужели он думает, что я желаю быть наследником кн. Горчакова?

Вчера вечером совещание у гр. Адлерберга по делу о всеобщей воинской повинности. До невероятности легко, поверхностно и самоуверенно относятся к таким трудным и сложным делам некоторые из наших государственных полумужей. Были министр внутренних дел, гр. Шувалов, гр. Пален, кн. Урусов и Набоков. Первый и последний оказались самыми рассудительными. Этого довольно в отношении к прочим.

24 февраля. После совещания у гр. Адлерберга было на другой день новое совещание у гр. Шувалова насчет предположений министра путей сообщения об установлении нового порядка выдачи концессий на железные дороги. Мысль гр. Бобринского состоит в том, чтобы выдавать концессии не известным лицам для образования затем акционерных обществ, а предполагаемым компаниям, которые имели бы образоваться по подписке, после предназначения им концессии. После чтения весьма длинной записки и некоторых суждений о ее содержании со стороны других участников совещания (гр. Шувалова, гр. Палена и А. Е. Тимашева) гр. Бобринский обратился ко мне, заметив, что я дотоле молчал, но, вероятно, выскажу свое мнение. Я спросил, каким способом он предполагал привлечь капиталы к подписке. Он ответил, что акции будут гарантированы и что акционерам он обеспечит 6-процентный доход. Тогда я заметил, что он, вероятно, повысит поверстную стоимость сооружения, дабы покрыть все доэксплуатационные расходы и все издержки управления. Оказалось, что по этим предметам гр. Бобринский вовсе не имел в виду определительных вычислений, а прочие члены совещания никаких определенных понятий. Суждения прекратились, и пока дело стало на том, что гр. Бобринский предварительно переговорит с министром финансов, ген. Чевкиным и гр. Строгановым.

Третьего дня ко мне заезжал гр. Шувалов, чтобы передать, что государь хотел сам заявить ген. Тимашеву о своих предположениях насчет передачи «хозяйственных» дел в Министерство государственных имуществ. «Voilà, — сказал мне гр. Шувалов, — comme on s'apprоpriе les idées» *. Забавно, как гр. Шувалов спешит закрепить эти «idées» **. Он

---

* Вот как присваивают себе чужие идеи.

** идеи.

представлял государю перечень департаментов Министерства внутренних дел, чтобы доказать невозможность справляться с столь разнородными частями, и уже спросил меня, будет ли место новым частям в здании Министерства государственных имуществ или нужно будет мне завладеть этажом в здании Министерства внутренних дел. Успеем.

Вчера и сегодня более или менее утомительные заседания Комиссии. Дело идет, но труда очень много.

25 декабря. Меня постоянно убеждают мои домашние вновь приняться за мою хронику. Еще раз пытаюсь.

С лишком пять лет тому назад гр. Шувалова просила меня дать *ряд* ответов на «questions et réponses» *. По статье: «disposition générale d'esprit» ** — я тогда написал: «dégoût» ***. Это слово и сегодня резюмирует мое умственное настроение.

Но одно в уме, несколько другое на деле. Я правлю Министерством, участвую в разных совещаниях, вижу людей, хотя и не езжу в так называемый свет и т. п.

Гр. Шувалов на первом плане политической сцены. Он — не фаворит, он еще менее играет фаворита и не только не оскорбляет никого внешними признаками надменности, но даже добродушен и любезен в своих приемах. У него не может быть системы и в нем нет рабочей силы, но есть мысли, есть сметливость и чутье, есть подвижность и есть уменье.

Гр. Шувалов сериозно практикует «ministère des idées» ****. Так, я раз назвал роль, которую он связывает с ролию шефа жандармов. Около него группируются благороднейший, добрейший, но малоумелый гр. Пален, постоянно меняющий своих излюбленных сотрудников и переполняющий своими разочарованиями «Правительствующий» Сенат, трудолюбивый и желчный гр. Толстой, оказавший большую заслугу преобразованием гимназий, но в частностях нередко портящий свое собственное дело, и малотолковый, малоправдивый гр. Бобринский, о котором, как о министре путей сообщения, я затрудняюсь что-либо сказать, потому что не знаю, чему менее верю, ему или в него. Quadrigium ***** графов образует самую сплоченную долю министерской коллегии. Гр. Бобринский исключительно держится гр. Шуваловым, гр. Толстой на него опирается и, кроме того, единится с ним своими антипатиями, гр. Пален к нему льнет, хотя ему не подчиняется. Гр. Шувалов сознает свое превосходство над всеми тремя и оказывает

---

* «вопросы и ответы».

** «общее настроение».

*** «отвращение».

**** «министерство идей».

***** Четверка.

им appui tutélaire *, но без всякого тщеславия. К четырем графам примыкают с разными оттенками ген. Тимашев и кн. Урусов. Первый не слишком доволен гр. Шуваловым, который и на его счет отзывается небережливо, но это не мешает тому и другому быть заодно по вопросам общим. Кн. Урусов стоит правою ногою в шуваловском лагере, т. е. он большею частью старается с ним ладить, но другую ногу он держит по возможности в Мраморном дворце или в Государственной канцелярии, и это эквилибристическое положение влияет на его речи, мнения и поступки. Наконец, я состою седьмым в консервативном конклаве, и гр. Шувалов меня иногда называет «le doyen» ** или «notre doyen» ***. К сожалению, когда конклав в сборе, он менее занимается делом, чем толками о своих противниках и праздными фразами о своих принципах.

На днях были два совещания в присутствии государя. Одно в ограниченном составе по вопросу о Медико-хирургической академии, другое — в полном составе Совета министров по вопросу о наблюдении за народными училищами. В первом из этих совещаний военный министр позволил директору академии Козлову прочитать бестактную записку и произнести бестактную речь, которыми как будто вновь возбуждался вопрос о классическом и реальном образовании. В ответ после нескольких возражений со стороны гр. Шувалова и гр. Толстого последовало высочайшее повеление рассмотреть другой вопрос о передаче самой Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения [370]. Я не воспользовался случаем для поднятия, согласно тому, что я говорил государю в Ливадии, общего вопроса о современном строе наших высших училищ. Рассмотрение этого вопроса возложено на меня при содействии гр. Толстого, министра финансов и министра путей сообщения. В Совете министров было предложено гр. Шуваловым по предварительному соглашению с гр.Толстым и министром внутренних дел передать наблюдение за народными училищами дворянским предводителям. Для этой цели представлен проект рескрипта на имя министра народного просвещения, сочиненный Катковым. Поводом были обнаруженные в разных местах попытки революционной пропаганды чрез посредство училищ, разные затруднения, возникшие между министром народного просвещения и самодурящим земством, и замечательно быстрое возрастание в последние три года политических, следственных и судебных дел. Гр. Шувалов докладывал весьма отчетливо и спокойно, гр. Пален и гр. Толстой его поддержали, кн. Урусов выразился

---

* поддержку опекуна.

** «старшина».

*** «наш старшина».

в эквилибристическом смысле, вел. кн. ген.-адмирал — в смысле отрицательном. Государь обратился ко мне, и я тогда весьма определительно высказался в пользу предложения трех министров. Кн. Горчаков пожелал только смягчения рескрипта, конечно, не без ущерба в ясности мотивировки предположенной меры. Государь вызвал цесаревича высказаться. Его высочество сделал это в смысле отрицательном, сказав: «Из этого ничего не выйдет». Но государь вслед за тем утвердил предположение трех министров, оговорив с настойчивостью, что он поступает так в противность «мнению сына и брата» по чувству долга и притом ради будущности («для тебя и твоего сына, — сказал он, обратившись к цесаревичу, — гораздо более, чем для себя»), а насчет редакции рескрипта поручил кн. Горчакову, гр. Шувалову, гр. Толстому и мне ее пересмотреть [371]. Министр внутренних дел по болезни в этот день не присутствовал. После заседания произошла в большом коридоре сильная prise de bec * между вел. кн. ген.-адмиралом и гр. Шуваловым. Первый сказал: «C'est une façon malhonnete de capter l'opinion de l'empereur» **, второй схватил первого за руку и сказал: «Retractez ces paroles, Monseigneur, ou allons de suite chez l'empereur» ***.

Вел. князь взял назад сказанное и кончил выражением желания иметь дальнейшее подробное объяснение с гр. Шуваловым, причем присовокупил, что его напрасно оттирают, напрасно заподозревают, что он желал бы действовать заодно с министрами, что существенного разномыслия между ними нет и т. п.

27 декабря. Рескрипт напечатан вчера. Вчера же гр. Шувалов передал мне подробности объяснения с вел. князем, состоявшегося накануне. Вел. князь настаивает на попытке согласованного способа действия. Гр. Шувалов сказал, qu'il ne peut pas engager ses collègues sans les avoir prévenus et consultés ****. Вел. князь выразил готовность предварительно совещаться с четырьмя: гр. Шуваловым, гр. Паленом, Тимашевым и мною. Насчет гр. Толстого и гр. Бобринского он считал прочное соглашение невозможным. Шувалов сказал, qu'il était prêt à faire un essai loyal *****. На этом теперь мы стоим. Отдаю полную справедливость Шувалову. Он невиновен в своих «shortcommings» ******. Что он может делать, то делает

* перепалка.

** «Это бесчестный способ склонять на свою сторону государя».

*** «Возьмите обратно эти слова, ваше высочество, или немедленно пойдемте к государю».

**** что он не может возложить на своих коллег ответственность, не предупредив их и не посоветовавшись с ними.

***** что он готов сделать лояльную попытку.

****** «недостатках».

умно и ловко. Он de facto создал un demi-cabinet, un demi-ministère* в смысле солидарности. Ему же надлежит приписать предстоящее назначение ген.-ад. Грейга государственным контролером на место Абазы, который будет председателем Департамента экономии. Лагерь Государственной канцелярии и вне шуваловских министров прочил других кандидатов, между прочим, Заблоцкого и Грота. Набоков прочил самого себя и сегодня имел в Государственном совете мрачную физиономию. Сольский также считал себя controleur général en herbe **. Грот как будто для того, чтобы наметить себя отрицательным знаком, произнес сегодня в Государственном совете à propos *** бюджета совершенно несвоевременную речь о неудобствах подушной подати, никем не оспариваемых, и при этом даже забыл о различии между подушною податью в точном смысле и оброчною податью с бывших государственных крестьян.

Принц Альфред, нареченный жених вел. кн. Марии Александровны, уже здесь с прошлого воскресенья, но я еще не видал его.

29 декабря. Обедал у их императорских величеств и там видел принца ****, которому государь меня представил. Он напоминает брата принца Валлийского, лицом красив, невысок ростом, но с осанкою не без достоинства и изящества. Вел. княжна хорошеет и становится грациозною под влиянием счастья.

Обедали сегодня два вел. князя — Владимир и Алексей, кн. Горчаков, гр. Берг, гр. Шувалов, гр. Пален, кн. Гагарин (академический) с женою и фрейлина Бартенева. Золотая гостиная преобразилась под руководством вел. кн. Марии Николаевны и превратилась, благодаря разным картинам, статуям и перестановке мебели, в весьма изящный салон.

Бремя дел и множество частных ходатайств до крайности тяжело.

31 декабря. Утром доклад у государя, который был очень ласков и благодарил за мои труды, прибавив: «Vous savez que je ne suis pas un phraseur; quand je vous le dis, je le pense» *****. Потом заседание Государственного совета. После заседания вел. князь председатель позвал меня в свой кабинет и при двух ассистентах, Краббе и Сольском, упрекал меня в участии в деле рескрипта гр. Толстому и напомнил (хотя некстати) о моей теории «очных ставок». Я отвечал, что никто, насколько мне было известно, не имел намерения утаить дело от его

---

* полукабинет, полуминистерство.
** будущим генеральным контролером.
*** по поводу.
**** *Далее написано:* Альфреда (*т. III, л. 164*).
***** «Вы знаете, что я не фразер, раз я вам говорю, я это думаю».

высочества до заседания Совета министров, и что, впрочем, я имею повод предполагать, что вследствие его объяснений с гр. Шуваловым впредь не предстоит повода ожидать таких случаев. Все объяснение имело мягкий и даже ласковый оттенок. Впрочем, я не без удовольствия приветствовал его окончание, потому что не могу безусловно одобрять всех приемов гр. Шувалова. Des allures de mystère conspirateur sont tout a fait superflues en pareille matière, et nous jouons quelquefois au «cabinet», comme les земства jouent à la «chambre»*.

Был в Министерстве. Поздно вечером мне прислан орден в. Владимира 1-й степени.

---

* Таинственные заговорщические приемы в таком деле совершенно излишни, и мы иной раз играем в «правительство», как земства играют в «палату депутатов».

1874 год

1 января *. Утром у государя, благодарить. Видел во дворце трех новых ст.-секретарей — Каханова, Лонгинова и Островского, нового председателя Департамента экономии, произведенного в дейст. тайн. сов. Абазу, нового государственного контролера Грейга, нового члена Государственного совета Делянова, нового полного генерала Кауфмана и нового секретаря вел. кн. Марии Александровны Колошина. Был у дворцовой обедни и затем на обычном завтраке,на сей раз в Малахитной зале. Государыня императрица не выходила по нездоровью. Все прочие члены императорской фамилии были налицо. Виделся там с вел. кн. Марией Николаевной в первый раз после ее возвращения из-за границы. Заезжал в разные дворцы записываться, потом выходил пешком и был у Тимашева, который нездоров. Он вчера передал мне в Государственном совете записку, mal digerée **, об упразднении в Москве должности гражданского губернатора. Я старался ему доказать, что таких мер нельзя принимать потому только, что Дурново не ладит с кн. Долгоруковым и что Дурново вообще оказался несостоятельным. Сегодня я застал Тимашева над заметками о том, что следует передать из Министерства внутренних дел другим ведомствам, чтобы облегчить управление этим Министерством. При этом тотчас обнаружились обычные приемы лиц, у которых свое *я* невольно становится на первом плане. Тимашев считал возможным передать дела печати снова в Министерство народного просвещения. Не говоря о совершенной несбыточности такой передачи при нынешней двойственной роли гр. Толстого по Министерству и Синоду,

* *1 января 1874*. Новый год. В Петербурге. В доме министра государственных имуществ. С женою и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

** плохо продуманную.

нисколько не менее обремененной, чем роль самого министра внутренних дел, я сказал ген. Тимашеву, что печать по существу и политическому значению непременно должна оставаться атрибутом Министерства внутренних дел и что он, Тимашев, обязан удержать ее, не ради себя, а ради своих преемников.

С сегодняшнего дня я считаюсь начальником горного ведомства [372]. Я долго старался отклонить от себя эту новую ношу, но под конец пришлось покориться.

2 января. Утром в Министерстве. Обедал у принца Рейсса. Вечером несколько минут на рауте у гр. Толстого, а затем до $^1/_2$ 2-го утра у гр. Шуваловой, благодаря нескончаемым прениям между гр. Бобринским и Шуваловым по железнодорожному вопросу. Бобринский невозможен.

3 января. Утром был в Горном департаменте, где видел всех чинов ведомства. Заезжал в институт и Алекс[андровский] дом.

На днях внезапно уехал английский консул Мичелл, назначенный первоначально состоять при принце Альфреде. Об этом много толков в городе. Говорят, что Мичелля выслали, что велели выехать в 24 часа и т. п. Приписывают высылку то неблагоприятным для России произведениям пера г. Мичелля, то неблагоприятным изустным отзывам в присутствии русских офицеров, состоящих при принце. Истина, по-видимому, в следующем. Газетные статьи г. Мичелля давно возбуждали неудовольствие кн. Горчакова. Он сказал о том государю, а государь лорду Лофтусу. При этом было указано на выбор Мичелля для состояния при принце и на противоречие между заверениями и действиями английского правительства. Лофтус передал о том Мичеллю, а последний, уже огорченный тем, что ему во дворце не отвели места, не приглашали к гофмейстерскому столу, сам просил ему безотлагательно дать курьерское отправление.

Сегодня прибыли принц и принцесса Вельские [373]. Ничего о подробностях встречи и приема до сих пор не слыхал.

5 января. Вчера был вечером на совещании у министра внутренних дел с гр. Шуваловым и ген.-ад. Потаповым по поводу предполагаемых облегчительных мер политическим ссыльным по случаю бракосочетания вел. княжны. Ген. Тимашев, которого я видел утром в Совете министров * у государя, показался мне озабоченным. Я вышел вместе с Шуваловым и узнал от него, что до Совета министров при докладе министра внутренних дел у него было неожиданное и тяжелое объяснение с государем. Его величество сказал ему, что в звании мини-

* Совещания касались учреждения особого присутствия по делу военной повинности [374]. (*Прим. автора.*)

стра и ген.-адъютанта не подобает «tenir dans les salons des propos à son détriment» *. На самые настоятельные вопросы Тимашева о том, в каких «propos» ** он обвинялся, государь отвечал только, qu'il n'avait pas d'explications à lui donner ***. В 5 часов пополудни Тимашев послал к его величеству письмо, в котором, находя свою честь затронутою, он просил увольнения по болезни от должности и от службы. До вечера ответа не было. Сегодня Тимашев был у меня и, рассказав сам вчерашнее событие, показал и свое письмо государю, возвращенное сего числа в 11 часов утра с следующею отметкою: «Ты напрасно считаешь свою честь затронутою тем, что я счел долгом тебе высказать. Поэтому прошу тебя не торопиться никакими решениями. Если ты хочешь отдыха, я готов тебя уволить от Министерства, но во всяком случае не ранее отъезда всех иностранцев». Государь воспользовался словами «по болезни» в письме Тимашева. На увольнение от Министерства он согласен: это не произведет толков, но об увольнении от службы он умалчивает, потому что оно, наоборот, возбудило бы множество толков. Тимашев 30 лет носит вензеля. Все бы захотели узнать, почему он их сложил. Источник сплетни неизвестен. Быть может, кн. Д[олгоруков?], быть может, ген. Трепов, нерасчетливо болтающий, быть может, вел. кн. Владимир. Так, между прочим, думает сам Тимашев. Прискорбно для него, прискорбно для государя. В этой форме участь министра не должна подвергаться таким судьбам.

6 января. Не был во дворце. Сегодня скончался фельдмаршал гр. Берг. Я его видел уже больным 1-го в дворцовой церкви. Его трудно заменить, хотя он сам только по имени и воспоминаниям занимал свое место. Военные говорят о другом событии. Государь на выходе был в шарфе [375].

7 января. Утром разные дела. В Государственном совете не был, но был в больнице и в институте. Большой обед во дворце. Все английские гости. Принцесса Валлийская мне показалась очаровательною. Принц потолстел с 1866 года, но при всем том имеет чрезвычайно приятную наружность. Вся свита также весьма благообразна, хотя дамы lady Suffield, lady Emily King, lady Stanly — не красавицы.

8 января. Утром на погребальной церемонии в Patrikirche. Государь и все вел. князья и иностранцы были. Государь сопровождал колесницу верхом часть пути. Принц Валлийский ехал по правую руку его величества.

Я забыл отметить, что вчера я имел доклад у государя. Ничего особенного, кроме речи о замещении гр. Берга.

---

* «вести в салонах компрометирующие его разговоры».
** «разговорах».
*** что он не намерен давать ему объяснения.

Государь считает еще необходимым соединение гражданской власти и военного начальства в одних руках, что чрезвычайно затрудняет выбор.

Вечером в Английском клубе, где были в качестве почетных гостей принц Валлийский, кронпринц германский, принцы Альфред и Артур с их свитами и вел. князья цесаревич и Владимир Александрович. Редкий случай почета для какого бы то ни было клуба. Одним разом три наследника первых в Европе престолов. Дело обошлось довольно ладно. При некоторой хронической необтесанности нашей публики можно было чаять более толпления около гостей, еще более шума и еще более табачного дыма, чем на деле оказалось. Жаль только, что принц Альфред, пристрастившийся к кеглям, остался за 3 часа ночи, несмотря на все косвенные мои усилия ранее покончить. Я вынужден был остаться до 4 часов утра, потому что в качестве старшины нес некоторую ответственность.

9 января. Утром после записки * у двух принцев был на совещании по вопросу о народных училищах у министра народного просвещения. Conventicule** по системе гр. Шувалова. Из министров были он, Тимашев и я, из предводителей — человек десять. Здешний — гр. Шувалов гораздо рассудительнее и менее словоохотлив, чем я ожидал. На первый раз обмен мыслей насчет способов применения высочайшего рескрипта. Положено вновь съехаться в воскресенье.

Шувалов говорит, что мало надежды на то, чтобы тимашевский эпизод уладился, и что он предвидит, что за мною в одно прекрасное утро пошлют, чтобы приказать быть преемником моего преемника. Не верю, но начинаю опасаться.

10 января. Был в Горном институте. Впечатление вообще более благоприятное, чем я ожидал. Вечером у Шуваловых. Небо для Тимашева проясняется, следовательно, быть может, и для меня. На место гр. Берга назначен варшавским ген.-губернатором ген. Коцебу. Одесское генерал-губернаторство будто бы упраздняется. Пока не верю. Увидим.

11 января. Сегодня происходило, согласно с стародавним церемониалом, бракосочетание вел. кн. Марии Александровны с принцем Альфредом. Я никогда еще не видал Зимнего дворца так полным и переполненным. Из августейших лиц присутствовали, кроме государя и императрицы, и цесаревича, и цесаревны, десять вел. князей, четыре вел. княгини, кронпринцы прусский [376] и датский [377], принц Валлийский, принцесса Валлийская, кронпринцесса прусская [378], принцесса М. М. Баденская, принцесса Ольденбургская, принц

---

* Так в подлиннике.

** Совещание.

Артур Великобританский, герцог Кобургский [379], три принца Ольденбургских и принц Александр Гессенский. Иностранцев разных свит до 50. Многочисленность наших придворных чинов со дня на день становится неудобнее. От них нигде нет места. Я должен был выйти из церкви и потому не присутствовал при бракосочетании по нашему обряду, но я хорошо видел и слышал английский обряд, совершавшийся в Александровском зале деканом Вестминстерским. Выражение лица императрицы во время этого обряда было до того страдательное нравственно и физически, что при каждом взгляде на нее мои глаза тускнели от приступа слез, и я вынужден был обращать их на других лиц. Вел. княжна, несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В 5 часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случалось, чтобы обедавших за один раз было более 560. Во время обеда г-жа Патти превзошла самую себя и покрыла своим голосом не только оркестр, но и шум 600 тарелок с вилками и ножами и движение 400 официантов. Вечером «куртаг». Все по- обычному. Государь показался мне в добром духе. Разным лицам оказаны разные милости. Гр. Адлербергу дана андреевская лента, гр. Шувалову — бриллианты к александровской, гр. Толстому — аренда в 3 тыс. на 50 лет. Кроме того, несколько обер-чинов придворных, несколько «кокард» дамам [380] и несколько чинов и вензелей по придворной конторе. Увы! Multiplicatione non virescunt *.

12 января. Утром в Министерстве. Первый доклад Горного департамента. Обедал у Грейга с Шуваловым, кн. Ливеном, Абазой, бароном Штиглицом, Ломанским и двумя Ротшильдами из Парижа.

13 января. Утром у обедни. Был у кн. Горчакова, который подробно рассказал эпизоды «фески» турецкого посла во дворце 11-го числа и его протеста по случаю присутствия черногорского представителя в ряду с дипломатическим корпусом. Оттуда к гр. Толстому, где вынужден был высидеть $3^1/_2$ часа в conventicule ** с предводителями. К концу не пришли. Я намедни сглазил гр. Андрея Шувалова. Сегодня он был тяжел. Сам гр. Толстой не многим легче. Вечером у меня был ген. Коцебу. Он озабочен и не без причины.

14 января. Утром доклад у государя. Вечером conventicule ** до 2 часов ночи у гр. Толстого. Была минута, когда казалось, что дело, затеянное на тему сближения с дворянством, приведет к разрыву с его наличными представителями.

---

* От увеличения числа не прибавляется бодрости.
** совещание.

Гр. Андрей Шувалов пустился в глаголы о самостоятельности, о неподчинении коллегий произволу одного лица (т. е. министра просвещения), о Сенате и пр., сопровождая эти глаголы ударениями в грудь десною ладонью. Гр. Толстой со своей стороны начал твердить: *я* не допускаю, *я* не допущу и т. п. Добродушно тупой Минин и недобродушно тупой Струков стали вторить Шувалову. Другой гр. Шувалов, видя неблагоприятный оборот речей, старался приурочить училищные советы по части инстанционного подчинения к порядку, установленному для губернских присутствий крестьянских дел. Наконец, мне удалось определить более или менее удобную диагональ и на меня возложена «редакция» совместно с представителем министра народного просвещения по званию докладчика Георгиевским.

Сегодня был общий парад войскам в честь иностранных принцев. Кажется, удачно.

15 января. В Комитете министров. Обедал у кн. Горчакова с иностранными свитами и послами. Вечером раут у английского посла. Весь город, и, кроме того, Васильевский остров.

16 января. Утром во дворце. Принесение поздравлений новобрачным. Дамы и дипломатический корпус поздравляли вчера. Все прочие сегодня. Вечером théâtre-gala *, но жена и я не поехали. Мы только видели, как мимо нас все туда направлялись. Все, как мне сказали, обошлось благополучно и парадно.

17 января. Утром в родовспомогательном заведении, в институте и в Министерстве. Вечером большой бал во дворце. Люднее, чем когда-либо. Ужинали 1900, чего не бывало. Мы, конечно, не были в числе 1900 и вернулись домой в начале 1-го. Я почти ничего и никого (из высших) не видал, избегая по обыкновению толпления в верхней части залы.

18 января. Утром в Сенате и в реальном училище. Сегодня бал у цесаревича, но из министров приглашен один военный министр, и тот без жены, что не слишком вежливо. Многие этим недовольны. На этот раз напрасно, потому что при множестве иностранных гостей и обязательном при них приглашении подлежащих чинов дипломатического корпуса в Аничковском дворце решительно нет места.

19 января. Утром в Министерстве. Вечером на бале, данном дворянством. Зала обновлена и украшена. Все с надлежащим блеском.

20 января. Утром у обедни. Выезжал. Большой обед во дворце в концертной зале в честь кронпринца прусского. Государь и все вел. князья в прусских мундирах.

---

* парадный спектакль.

21 января. Утром доклад у государя. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером бал у английского посла, не вполне удавшийся. Хозяйка дома внезапно занемогла. Дочь по непривычке и, кажется, по характеру не особенно любезно ее заменяла. Перед обедом был у кронпринца германского по его желанию. Он представил меня вошедшей к нему кронпринцессе, которую, вопреки общим толкам, я нашел чрезвычайно любезною. Говоря об Англии, она даже была хороша, благодаря живому взгляду и отменно приятной улыбке. В ночь после бала он и она отправились в Москву, откуда прямо возвратятся в Берлин.

22 января. Утром Комитет министров. Сначала жаркие прения по вопросу об окончательном прекращении конфискационных дел, согласно с общим смыслом высочайшего повеления 11 мая 1873 г. [381]. Были разные толки о государственных интересах, но, как скоро гр. Шувалов и я согласились выгородить разных лиц, которым были обещаны доли конфискованных имений, все эти толки прекратились и оказалось, что tutti d'accordo*. При этом министр внутренних дел говорил об интересах лиц, проливавших кровь за отечество, запамятовав ради удобства, что конфискационными прибытками воспользовались сенатор Катакази, гр. Блудова, а желают воспользоваться г.г. Победоносцев, Токарев и пр.

Вечером бал у вел. кн. Николая Николаевича. Блистательно удавшийся, благодаря отменному радушию вел. княгини, которая с 9 часов вечера до двух утра любезно занималась своими гостями. Ночью и утром завтра отправляются в Москву три экстренных поезда с государем, новобрачными, английскими принцами и пр.

25 января. Сегодня возвратился из Ташкента благодаря бога благополучно П. [382].

Два минувшие дня прошли без светских тревог вследствие отсутствия двора. Сегодня был в Сенате и Опекунском совете.

26 января. Утром в Министерстве. Вечером у Грейга.

28 января. Утром Государственный совет и Главный комитет. Государь и другие августейшие путешественники возвратились из Москвы.

Столкновение между министром финансов и путей сообщения по поводу новой системы выдачи концессий на железные дороги продолжается. Гр. Бобринский маловозможен. Думаю, что, как подобно двоюродному его брату, безвозвратно сойдет с официальной сцены.

1 февраля. Приезд императора австрийского. Государь по нездоровью полагал не выезжать навстречу августейшему

---

* все согласны.

гостю, хотя это ему было до крайности неприятно, но сегодня он, тем не менее, решился и поехал до Гатчины. Оба императора прибыли в Петербург в $2^1/_2$ часа пополудни. Въезд не имел внешней торжественности, потому что они ехали по нездоровью государя в карете, и ген. Трепов ехал не впереди, а сзади, так что многие недоумевали, кто в карете. При императоре Франце-Иосифе многочисленная и блестящая свита.

Вчера за мною присылала вел. кн. Мария Александровна. Я не догадывался и не мог догадаться о причине призыва «герцогинею Эдинбургскою». Оказалось, что неугомонный барон Ропп, чрез посредство принца Александра Гессенского, успел заявить новую просьбу о бесплатном владении арендуемою им мызою Тадайкт. Я мало что видел наглее и подлее этой просьбы. Вел. княгиня, не зная дела, конечно, n'y a vu que du feu *. Она передала мне письмо Роппа к принцу. В эту минуту вбежал Озеров, говоря: «Государыня императрица идет». Действительно, ее величество вошла и, увидав меня, спросила: Le «Fußfall» a-t-il eu lieu? ** Я отвечал, que s'il s'agissait du mien à son égard, il était permanent ***. Она ответила: «Je sais que les hommes polis sont aux pieds des dames, mais je parle de ce pauvre Ropp».— «Le pauvre Ropp, en effet»! **** Придется испросить, если не то, чего он хочет, то сложение недоимки. Императрица мне сказала, между прочим, что она надеется, что я что-нибудь сделаю «en vue de l'heureux événement» *****.

2 февраля. Сегодня бог, видимо, спас меня. Я ехал от гр. Гейдена к арке Главного штаба, лошадь понесла почти с подъезда Гейдена, перенесла на другую сторону площади и, круто повернув у тротуара близ Горного департамента, опрокинула сани. Я стоял в санях и с размаху ударился о тротуар, но, за исключением общего сотрясения и легкого ушиба руки, остался совершенно невредим, кучер мой был менее счастлив и сильно расшиб лицо. Случившийся вблизи Шампин дал мне свои сани, чтобы вернуться домой. Лошадь поймали близ дворца, а кучера после первой перевязки в участке тотчас отправили в больницу.

3 февраля. Утром у обедни. Потом председательствовал в Обществе взаимного поземельного кредита. Большой обед в Зимнем дворце в концертном зале, после которого все министры были государем представлены императору Францу-

---

* ничего в этом не поняла.

** «челобитная» была?

*** что если речь идет о моем отношении к ней, то я всегда у ее ног.

**** «Я знаю, что вежливые мужчины всегда припадают к дамским стопам, но я говорю об этом бедном Роппе».— «Действительно, бедный Ропп»!

***** «по случаю счастливого события».

Иосифу. Текст двух императорских тостов в газетах. Видел гр. Андраши, гр. Беллегарда и других notabilités austro-hongroises *. Вечером у гр. Шуваловой с гр. Андраши, принцем Рейссом, кн. Ливеном и Грейгом. Впечатление, произведенное на меня гр. Андраши, благоприятно. Много говорили о его внешности. В этом отношении похвалы более чем преувеличены: il a l'air usé ** и выражением глаз напоминает мне Ленского. Но он говорит свободно и хорошо, выражается метко и касается щекотливых вопросов, avec une aisance de bonne compagnie qui n'appartient qu'à ceux qui ont l'habitude de s'y trouver en première ligne ***.

Любопытны были его отзывы о кн. Бисмарке и о католическом вопросе. После ухода принца Рейсса Шувалов с обычною своею indiscrétion **** прямо вызывал эти отзывы, и меня поразило, что гр. Андраши не сказал ни одного лишнего или как бы рискованного слова, но в то же время ни одного раза не обнаружил признака какой-нибудь réticence *****. Он говорил то по-французски, то по-немецки, но одинаково метко на том и другом языке, между прочим, так правильно diplomatiquement ******. по-французски, что наши русские собеседники предположили, qu'il n'a pas une grande habitude de français *******, потому что они сами привыкли к нашим петербургско-французским оборотам речи. Мне показалось верным следующее выражение мысли по католическому вопросу.— «Il y a dans la question catholique certains éléments insaisissables. Ich habe Bismarck gesagt, daß ich befürchte, er wolle fassen was nicht greifbar ist. Ich habe ihm gesagt: «Wenn Sie die Finger zusammenziehen und die Hand öffnen, wird nichts drin sein» ********.

4 февраля. Утром доклад государю. Был в Министерстве и у гр. Гейдена. Вечером бал в Аничковском дворце. Блистательный, насколько позволяют условия местности. Вчера на бале кн. Белосельской ********* вел. кн. Мария Николаевна за ужином несколько раз приводила в большое затруднение

---

* австро-венгерских сановников.

** у него изношенный вид.

*** с легкостью людей из высшего общества, свойственной только тем кто привык находиться в его первых рядах.

**** нескромностью.

***** намеренного умолчания.

****** в дипломатическом стиле.

******* что у него нет большого навыка к французскому языку.

******** «Некоторые элементы в католическом вопросе неуловимы. Я сказал Бисмарку, что я боюсь, что он хочет объять необъятное. Я сказал ему: « Если вы сложите пальцы и раскроете руку, то в ней ничего не окажется».

********* *Вместо:* Белосельской *написано:* Кочубей *и дано примечание под строкой* или Белосельской в том же доме (*т. III*, *л. 169 об.*).

принца Рейсса, сидевшего напротив ее, своими отзывами о его gouvernement * и кончила, сказав Терезии Максимилиановне **: «Prenons une santé, vous savez laquelle: celle de Ledachowsky» ***.

Я забыл отметить, что 1 февраля вечером у нас был шуваловский «conventicule» **** у Тимашева. Речь шла о тех мерещящихся Шувалову комиссиях, которые должны выработать «законопроекты» по поводу доклада моей прошлогодней комиссии [383]. Шувалов хочет, чтобы в таких комиссиях заседали *все* председатели губернских управ и некоторые губернские предводители. Ему возражали, что это похоже на начало Земского собора. Я настаивал на всех предводителях в случае призыва *всех* председателей, но указывал на разные неудобства этого неопределенного и незрелого предположения. Какие законопроекты? Как их будут вырабатывать 60 или 80 разношерстных членов собрания? Какую роль будет играть коронная власть? и пр. Но я преимущественно заботился о том, чтобы ничего не решать окончательно. Надумаются.

5 февраля. Утром в Горном институте, где император Франц-Иосиф осматривал музей. Он и его свита с участием отнеслись к достопримечательностям музея. Затем Комитет министров. Обедал у их императорских величеств с кн. Орловым, ген. Игнатьевым (послом) и гр. Мойра. Австрийское посланничество здесь и наше в Вене преобразуются в посольства.

6 февраля. Утром в Сенате. Обедал у Половцевых с кн. Орловым. Познакомился там с Новиковым, который был отозван к обеду в Зимний дворец, но оттуда приехал.

7 февраля. Выезжал утром, несмотря на нездоровье. Вечером на бале в концертном зале. Сегодня состоялся парад в честь австрийского императора. Погода довольно благоприятная и парад удачный.

8 февраля. Нездоровье (последствия сильного внутреннего сотрясения при падении 2-го числа) ***** продолжается. Несмотря на то, был на обеде в честь гр. Андраши у принца Рейсса. Прежнее впечатление, произведенное на меня гр. Андраши, не изменилось. Были гр. Шувалов, Игнатьев, Новиков, кн. Орлов, Лангенау, гр. Беллегард и еще кое-кто. У ген. Игнатьева непосольские приемы.

---

* правительстве.

** *Вместо:* Терезии Максимилиановне *написано:* Терезии Петровне Ольденбургской (*т. III, л. 169 об.*).

*** «Выпьем за здоровье,— вы знаете, за чье: за здоровье Ледаховского».

**** совещание.

***** *Далее написано:* воспаление надкостной реберной плевы (*т. III, л. 170*).

9 февраля. Нездоровье осилило. Не поехал в Ботанический сад, в котором был сегодня император Франц-Иосиф. Целый день дома.

14 февраля. Не выезжал с 9-го. Между тем период официальных празднеств завершился. Австрийский император уехал в Москву. Принц и принцесса Валлийские уезжают завтра. Герцог и герцогиня Эдинбургские послезавтра.

Пребыванием императора Франца-Иосифа здесь, по-видимому, все остались довольны: и они, и мы. В отношении к гр. Андраши случились некоторые неловкости. Между прочим, ему дана табакерка. Он приехал к гр. Шувалову с сетованиями и сказал: «Je suis content et reconnaissant des bons procédés que l'on a eu pour moi; mais pourquoi me donner quelque chose qui me brûle les doigts. Je n'ai jamais reçu de boîtes»*. Государь для поправления дела пожаловал Андраши свой портрет с надписью и просил в обмен его портрет, но кн. Горчаков, убеждая гр. Андраши не возвращать табакерки, сказал: «Si vous le voulez, dites a votre empereur de me donner une boîte de son côté. Nous serons quittes» **.

18 февраля. Утром у государя. Доклад. Мне разрешено по нездоровью не ехать в Лисино, где его величество 20-го охотится. Поедет кн. Ливен. Ему это новость.

19 февраля. Заседание Комитета министров при вел. кн. ген.-адмирале. Шуваловская идея комиссии из земских и дворянских представителей для разработки «законопроектов» в виде короллариев моей сельскохозяйственной комиссии. Три часа толков без результата, кроме обнаружения всеобщей разноголосицы, несмотря на то, что гр. Шувалов все время говорил «мы», как будто несколько из нас действительно в чем-либо или на что-либо согласились. Как на предварительном совещании у министра внутренних дел 1-го числа, я указывал на бесповоротное значение призыва *всех* вместо нескольких председателей и предводителей. Кн. Горчаков и министр финансов со мною соглашались. Военный министр по вопросу о найме рабочих попытался призвать их самих к законодательствованию [384]. Председатель предъявил заранее написанное им «окончательное мнение». Вел. князь попробовал эскамотировать дворянских предводителей, хотя на бывшем у него предварительном совещании (к счастию, без меня по нездоровью) гр. Шуваловым и Тимашевым о том придатке к «земцам» его высочеству было заявлено. Гр. Пален высказался

---

* «Я доволен и благодарен за хорошее отношение ко мне; но зачем мне дали вещь, которая обжигает мне пальцы. Мне никогда не дарили коробок».

** «Если вам угодно, скажите вашему императору, чтобы он со своей стороны также подарил мне табакерку, и мы будем квиты».

в пользу призыва *всех*, Абаза — тоже, Грейг — против, Толстой, кн. Урусов и Краббе отмолчались, принц Ольденбургский и министр финансов были в пользу призыва «экспертов». Одним словом, полнейшая пестрота и неясность предположений, мнений, желаний и убеждений. Я ничего не сказал о министре внутренних дел. Он говорил несколько раз, но из того, что он говорил, решительно нельзя было заключить о том, что он думал. Наконец, мы отложили и разъехались.

22 февраля. Заседание военного присутствия в Мраморном дворце. Разногласия министров военного и народного просвещения по мелочным вопросам [385]. Обычная узкость взгляда гр. Толстого. На этот раз и гр. Шувалов с невероятною поверхностностью и самоуверенностью предполагал устранить встреченные затруднения импровизированным им способом. Но этот способ оказался противоречащим только что изданному закону, несогласным с собственными мнениями гр. Шувалова при обсуждении этого закона и до того основанным на пренебрегающем неведении всякой терминологии, что духовные училища назывались семинариями, а вольноопределяющиеся 3-го разряда смешивались с вольноопределяющимися 1-го и 2-го. Le tout doublé d'un aplomb presqu'impertinent *. Мне удалось указать диагональный исход из этих запутанностей. Этим исходом присутствие вышло и разъехалось.

23 февраля. Утром посетитель за посетителем и доклад за докладом. Тяжело при других тяжких заботах. Вечером spectacle de société ** у кн. Паскевич. Она обладает замечательным талантом. Но при всем этом как абсурдны эти удовольствия!

24 февраля. Утром на бегу по настоятельному желанию кн. В. Д. Голицына. Вечером conventicule *** у министра внутренних дел все по тому же вопросу. Оказалось, что несколько бегло мною редактированных пунктов привели нас к общему знаменателю. Тимашев о том просил меня на днях, и я отправил к нему означенные пункты безотлагательно. Tous ces messieurs du «разговор» n'avaient pas essayé de prendre la peine de mettre leurs dires sur papier et de voir la mine que ces dires auraient après les avoir juxta-posès ****. Вчерашнее совещание благодаря этому было непродолжительное. Замечательна добродушная наивность, с которою некоторые из г.г. министров относятся к крупным органическим вопросам. Они готовы

* Все это с апломбом, граничащим с наглостью.
** светский спектакль.
*** совещание.
**** Все эти господа, участвовавшие в «разговоре», не потрудились изложить свои высказывания на бумаге и посмотреть, как они будут выглядеть при их сопоставлении.

верить их сознательному, последовательному двиганию. На деле выходит, что они могут подвигаться только случайными толчками, и почти всегда бессознательно со стороны главных участников движения.

25 февраля. Утром доклад у государя. Потом Государственный совет и Главный комитет. Обычное ощущение насчет председателя. Он и я не вяжемся и ничем не свяжемся.

26 февраля. Утром Комитет министров и Кавказский комитет. В первом разрешился, наконец, вопрос о «комиссиях» гр. Шувалова [386]. И как легко и дешево на этот раз! Моя редакция принята единогласно и почти без всяких предварительных прений! Мне удалось выгородить неудобнейшие части чужих предположений, а свои собственные отгородить. Перед Комитетом был в Аничковском дворце по случаю дня рождения цесаревича.

Обедал с женой у нового австрийского посла (т. е. прежнего посланника) — in fiocchi * и весьма прилично. Из министров были гр. Адлерберг, гр. Пален, гр. Толстой и я. Из других высших чинов кн. Суворов, барон Будберг и кн. Ливен.

27 февраля. Целое утро за работой. Председатель Комитета министров приезжал меня благодарить! Все за редакцию! Правда, что в сущности здесь было более, чем одна редакция.

2 марта. Остзейский комитет. Гр. Шувалов теперь уже находит излишним обсуждение журнала Комитета министров (по докладу Сельскохозяйственной комиссии) в Совете министров. Прежде только о том и была речь. Les jours portent conseil **. Теперь не слишком хочется возбуждать в присутствии государя вопрос о призыве *всех* председателей управ и предводителей.

4 марта. Утром доклад у государя à propos *** собственноручного письма, написанного мною гр. Бобринскому вместо официального канцелярского отношения, по вопросу о южных каменноугольных дорогах, государь сказал: «Il faut avouer que Bobrinski...il a du bon, mais...» **** в эту минуту вошел цесаревич, и фраза осталась с точками. Потом заседание Государственного совета и Главного комитета. В Государственном совете дело о раскольниках [387]. Гр. Толстой, министр народного просвещения и обер-прокурор св. Синода, безмолвствовал, зато Делянов высказал самое крутое отрицание в отношении к предположенной мере. Победоносцев повторил еще раз все то, что уже два раза говорил в соединенном при-

---

* в парадном мундире.

** Время учит.

*** по поводу.

**** «Надо признать, что Бобринский... у него есть достоинства, но...»

сутствии. Кн. Оболенский, кн. Урусов и гр. Пален тоже повторили свои зады. Я старался не принимать бесполезного участия в словопрениях, где, очевидно, все были убеждены заранее и всякий решился не убеждаться вновь. Гр. Шувалов, очевидно же, движимый полусмутным сознанием своего значения и некоторым прогрессивно усиливающимся зудом прилагать свою печать к важнейшим современным делам, внезапно предложил изменение 1-го § в смысле признания духовных обрядов сектаторов. Все старания разных редакторов целые десять лет были направлены к официальному игнорированию этой стороны дела à tort ou à raison *, так было. Понятно, что эта внезапная перемена в общей постановке вопроса возбудила новые толки. Сам гр. Шувалов, очевидно, не имел полного сознания всех последствий своего предложения. Доказательством служит, что, предваряя меня о том несколько дней тому назад, он говорил только о замене слов «*брачные сопряжения*» словом «*браки*». «Обряды» приросли сами собою в его мышлении. Результатом была отсрочка дела до будущего заседания, и между тем назначение большого «conventicule» ** у Тимашева на пятницу. Должны съехаться все члены бывшего соединенного присутствия и будет сам председатель Государственного совета. Увидим.

7 марта. Вчера я послал кн. Урусову несколько заметок в виде «amendements» *** к обсуждаемому проекту. Быть может, и здесь удастся, как в Комитете министров, избежать этим путем неудобных усложнений. Заезжал утром к Шувалову по этому же делу. Обедал у Юсуповых. Блеск при каком-то полубарском неуменье.

8 марта. Утром заседание у вел. кн. ген.-адмирала по вопросу о канализации одного из устьев Волги. Вечером у Тимашева, куда вел. князь, надоумясь, не приехал. Дело кончилось действительно принятием моих предложений, но три часа времени убито, хотя с самого начала видно было, что все со мною согласятся. На этот раз виною проволочки был Шувалов, которого умственный коэффициент в моих глазах понижается. Он как будто теряется в спокойном созерцании своего собственного мышления, не замечая его недостатков и видов отношения к нему других мышлений. Его так терпеливо и даже как будто почтительно слушают, что он не замечает, как 20 или 30 человек сидят только для того, чтобы ему дать высказываться. Безрезультатность высказывания его не поражает. Что касается гр. Палена, то ограниченность его ума и в этом случае, к сожалению, обнаружилась. Он старался поставить point

---

* правильно или нет.
** совещания.
*** поправок.

d'orgue * на духовном значении раскольничьих обрядов и старался в интересах общего верного начала свободы совести, но не замечал, что невыгодно развивать теорию этого начала à propos ** всех раскольничьих толков, и что ему, лютеранину, в глазах многих членов Государственного совета как-то неудобно принимать слишком видное участие в деле, которое этими членами признается за internum *** нащей церкви.

9 марта. Утром на экзамене в родовспомогательном заведении. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома. Обычная жизнь: работа и заботы.

10 марта. Утром у обедни. Затем дома. Печальные думы. Отворачиваюсь от забот и огорчений частных. Стараюсь отвлечься и развлечься официальными. Они не грызут сердца. Притом их не так много. Жаль только, что они невозбуждающего свойства. Ничто не вызывает к борьбе, а борьба оживляет. Нельзя бороться с почвой, на которой стоишь, с окружающим воздухом, с облаками над головой. Можно только ощущать, видеть, сознавать и терпеть. Чтобы поднять или двинуть что-нибудь, нужна точка опоры. Где она? Припоминаю былое. Обстановка меняется, она во многом изменилась, но сущность та же. Бить стекла? К чему? Это мимолетный и притом небольшой треск, а не дело. Ворвется струя того самого воздуха, в котором так легко немеешь, вставят другие стекла — и только.

В наш век личная сила дает большею частью только спорадические, фрагментарные результаты. Нужны организованные собирательные силы. Их около меня нет. Предпринять их организование или собирание было бы юношескою мечтою. Для этого также нужна точка опоры. Ясно, что для меня ее нет. Следовательно, я должен ограничиваться спорадическим и фрагментарным. Так я и делаю.

Третьего дня я упоминал о гр. Шувалове и гр. Палене. Сегодня я видел Тимашева и Шидловского. Министр и товарищ министра. Кроме России, они нигде не были бы прочны. Кстати, зачем был у меня Шидловский? Не догадываюсь.

Перелистывал мартовскую книжку «Русской старины». Воейков, Булгарин, Греч [388] и т. д. Странно. Везде много зла, и у других не меньше, чем у нас, но разных гадостей у нас больше.

11 марта. Утром доклад у государя. Статс-секретарство кн. Ливена состоится 30 августа. Ему это покажется долгим сроком. Нетерпение возвышаться и отличаться у нас теперь составляет общий и интенсивный недуг.

---

* ударение.
** по поводу.
*** внутреннее дело.

Потом заседание Государственного совета и Главного комитета. В Государственном совете прошло дело о раскольниках [389], и я не сказал ни слова. Другие machten dies breit *. Заслуживает внимания не это, а то, что Breitmachen ** осталось как будто незамеченным. Вопрос был десять лет в дороге. Мухи налетели при въезде на двор.

Обедал у их императорских величеств. Государь очень доволен ответною телеграммой императора Вильгельма (которого поздравляли вчера по случаю дня рождения). Прусским полкам, коих мундир государь носит, дано шитье на обшлагах рукавов, и притом шитье 1-го нашего Гвардейского стрелкового баталиона. Эта любезность куплена, и государь при мне говорил о том цесаревичу сегодня утром.

14 марта. Целый день дома по нездоровью. Кн. Барятинский и кн. Вяземская вернулись из Лондона и в восхищении от приема. Mutantur tempora ***. Русская грамота делается известною в Англии, и в «Graphic» напечатано русскими буквами: «Милости просим».

Сегодня должна была здесь начаться подписка на Фастовскую и Оренбургскую железные дороги по новому порядку [390]. Министр финансов определил подписную норму al pari ****. Почему, для чего — не знаю. Это разъяснится на днях. Странно участие председателя Департамента экономии Абазы в фастовском деле по званию одного из владельцев Николаевской (южной) линии.

16 марта. Тимашев приезжал ко мне от государя. При его докладе была речь о комиссии из «земских деятелей» по вопросу о правилах для найма рабочих. При этом заявлено Тимашевым, qui ne voit que du feu *****, мысль о предварительном conventicule ****** для какой-то программы, а когда разговор коснулся назначения председателя, то государь назвал меня. Этого недоставало. Впрочем, быть может, удастся отделаться.

18 марта. Утром доклад у государя. Он заговорил о комиссии, но не упомянул о председательстве, потому что я отпарировал, так сказать, равнодушным указанием на то, что инициатива во всем деле принадлежит гр. Шувалову и что с проектом правил о найме рабочих я не вполне ознакомлен. Пока разговор на этом и стал.

Вчера вечером вел. кн. ген.-адмирал присылал за мною. Застал у него Сольского. Речь была о предстоящем упразднении

---

* старались раздуть его значение.
** придание важности.
*** Времена меняются.
**** по номинальной стоимости.
***** который в этом ничего не понимает.
****** совещании.

мировых посредников. Проект, внесенный министром внутренних дел после бесконечной переписки с другими министрами, был назначен к обсуждению в Главном комитете на сие число. Между тем вел. князь, с одной стороны, гр. Шувалов — с другой, внезапно придумали существенные amendements *: первый, как всегда с точки зрения антикоронной насчет выбора предположенных временных членов губернских присутствий при участии земских собраний, второй, с точки зрения всеобъемлющей поверхностности насчет ближайшего надзора за крестьянским самоуправлением чрез особые уездные присутствия. Тот и другой сговорились, согласились, насколько они соглашаться способны, но министру внутренних дел ни тот, ни другой не сказали ни слова. Вел. князь имел в виду предупредить с моей стороны оппозицию против примеси выборного начала. Проект министра внутренних дел слаб. Он — сколок разных плохо взвешенных и переваренных предположений его директоров, гр. Палена и самого гр. Шувалова. Мысль вел. князя и мысль гр. Шувалова пригодны с некоторыми дополнениями и изменениями. Но зачем дождались они последней минуты для их заявления и как могли они не предупредить министра внутренних дел? Это характеризует и значение сего последнего, и my désinvolture **, с которою гр. Шувалов более и более вмешивается в дела всех ведомств, где он не предусматривает отпора. Вел. князь просил меня предупредить министра внутренних дел, а сам остался, по-видимому, очень доволен тем, что я не возражал по существу против предположенных amendements ***, хотя я и мотивировал свое заключение с совершенно другой точки зрения [391]. Из дворца поехал прямо к ген. Тимашеву и сообщил ему, что мне было сказано вел. князем. Он был, конечно, très ébouriffé ****. В Государственном совете он объяснялся с Шуваловым, которому, видимо, стало неловко. Перед заседанием Главного комитета вел. князь позвал меня и Сольского. Я предупредил его о намерении министра внутренних дел отстаивать свой проект и предложил на этот раз ограничиться заявлением amendements *** с тем, чтобы министру внутренних дел дать время их сообразить. Так и сбылось, хотя вел. князь не мог и в этом случае воздержаться от своих обычных неловкостей мысли и речи. Вечером я положил на бумагу или, точнее, изложил на бумаге, т. е. письменно, свои мысли по предмету проекта и amendements *** и отправил это к Тимашеву. Потом был на soirée *****,

* поправки.
** бесцеремонность.
*** поправок.
**** ошеломлен.
***** на вечере.

для государя у М-м Moira. Между прочим, secrétaire*, в котором участвовали разные кавалеры и дамы и который произвел несколько удачных остроумий. Например. Quel est le plus grand bonheur? — Celui que nos envieux nous supposent. Qu'est ce qu'une femme incomprise? — Celle qui comprend la vie autrement que son mari. Quand un crocodile veut-être aimable, que fait-il? — Il mord, mais sans tuer. Qu'est ce qu'une grande symphonie? — L'éléphant de la musique. Pourquoi la terre tourne-t-elle autour du soleil? — Par curiosité **.

19 марта. Утром три комитета. Кавказский. Министров и Польский. Затем дома.

20 марта. Утром в Сенате. Потом до обеда в Министерстве. Доклады. Разработка amendements*** вел. князя и Шувалова поручена quatuor'у ****, составленному из *Татаринова* (Главный комитет), *Шмидта* (III Отделение), *Барыкова* (Министерство внутренних дел) и *Безроднаго* (Министерство юстиции). После моего ухода в понедельник положили было возложить эту работу на двух: Татаринова и Шмидта (!!), но по настоянию гр. Палена, который мне это рассказал, присоединили к ним двух остальных.

21 марта. Обедал у Танеева. Кн. Урусов, которого я там видел, сообщил мне, что сегодня он, гр. Адлерберг и гр. Пален были призваны к совещанию по вопросу о вступлении в брак вел. кн. Владимира Александровича без предварительного принятия православия его невестою. Императрица не только участвовала в совещании, но даже изложила и предложила вопрос. Речь о принцессе Рейсс или племяннице принца Рейсс. Императрица не возражала с точки зрения догматической, но выражала политические сомнения. Окончательного решения не состоялось. Государь был готов решить вопрос утвердительно, но императрица выразила желание еще подумать.

22 марта. Утром во дворце на высочайшем осмотре картографических работ Генерального штаба инженеров и морских гидрографов. Потом в соединенном присутствии департаментов Государственного совета по вопросу о гминных судах Царства Польского [392]. Я знал дело крайне поверхностно, но обе спорящие стороны — гр. Пален и Набоков — были так слабы, что, когда председательствовавший вел. кн. ген.-ад-

---

* игра в секретер.

** Что есть наивысшее счастье? То, которым, по мнению завистников, пользуемся мы. Что такое непонятая женщина? Та, которая понимает жизнь иначе, чем ее муж. Как поступает крокодил, когда желает быть любезным? Он кусает, но не до смерти. Что такое большая симфония? Это музыкальный слон. Почему земля вращается вокруг солнца? Из любопытства.

*** поправок.

**** квартету.

мирал меня вызвал к выражению моего мнения, я мог удовольствоваться указанием на недостатки обоих тезисов и выбором наименее, по моим соображениям, неудобного. Оказалось, что вслед за тем состоялось соглашение в указанном мною смысле, при помощи одного amendement *, т. е. признания установляемого для гминных судей ценза временным. Во все время совещания прискорбно высказывалась умственная ограниченность гр. Палена. Обычные симптомы, податливость взгляду и влиянию подчиненных, склонность давать им себя раздразнивать, склонность выводить из временных и случайных явлений выводы, соответствующие явлениям постоянным, и, наконец, улыбающаяся самоуверенность при встрече с противоречением — все было налицо.

Вечером на рауте у гр. Пушкина. Перед тем у Шуваловых. Гр. Шувалов начинает горчаковствовать. Фимиам приятен и воспринимается бессознательно. По вопросу о раскольниках бывшая там сестра гр. Шувалова гр. Бобринская спросила меня: «Comment a fini cette affaire?»**. Я отвечал: «Votre frère vous le dira: on a suivi son avis» ***. Гр. Бобринская сказала, обращаясь к нему: «En effet, on dit que tu a très bien parlé» ****. Он то и другое проглотил с улыбкою.

25 марта. Утром доклад у государя. Испросил отпуск кн. Ливену. Государь читал мне стихи кн. Вяземского, ему присланные. Речь о бывших в прежние масленицы репетициях или представлениях в театральной школе.

. . . .

Печать молчанья на устах,
Но есть поэзия в улыбке,
И есть поэзия в ногах,
и т. д.

Кн. Вяземскому за 80 лет? Печально.

31 марта. Ночью был на заутрене в Зимнем дворце. Больших наградных событий не было, кроме производства Грейга в полные генералы и пожалования Краббе ордена св. Владимира 1-й ст. Государь особенно любезно обошелся со мною при так называемом христосовании. Есть оттенки, весьма заметные даже в продолжение полминуты. Из дворца поехал в институт. Оттуда домой. Сегодня не выходил и не выезжал. Холодно, сыро, giboulées de mars ***** и, кроме того, у меня пасмурно на душе от других giboulées ******, немартовских.

---

* поправка.
** «Как окончилось это дело?»
*** «Это скажет вам ваш брат; мы поступили соответственно его мнению».
**** «В самом деле, утверждают, что ты говорил очень хорошо».
***** мартовская непогода.
****** непогод.

1 апреля. Утром доклад у государя. Речь о предполагаемых летних поездках. Государь выразил желание, чтобы я его видел в Варшаве на его возвратном пути из Эмса после осмотра мною польских горных округов. Выходил перед обедом. Видел у Тимашева весьма удачно исполненный им бюст принцессы Валлийской.

2 апреля. Утром на совещании у министра внутренних дел по вопросу о мировых посредниках [393]. Два раза не выдержал нужного temper *. С одной стороны, возрастающий aplomb Шувалова раздражителен при слишком длинном его проявлении. Всякий aplomb я охотно готов спускать, но, когда я при этом должен высиживать час или два лишних, терпенье рвется. С другой стороны, раздражительны продолжительные рассуждения Сольского, который вводится во все такие совещания Шуваловым, и никогда ничем не управлявший, никаким опытом, кроме канцелярского, не обладая, толкует о частностях администрации, как будто он их знает по пальцам. И здесь я готов терпеть, что угодно, но недолго. Как скоро дело тянется часы, моя кровь вскипает.

Перед тем в Зимнем дворце. Обычный прием Опекунского совета.

3 апреля. Вечером у министра внутренних дел conventicule ** по редакции мнений большинства по делу о раскольниках. На этот раз дело не слишком длилось и разглагольствований было немного.

5 апреля. Вчера я обходил, по своему обычаю, департаменты Министерства. Сегодня заседание у вел. кн. ген.-адмирала по вопросу об упразднении мировых посредников. $3^1/_2$ часа. Вел. князь до крайности бережлив с Шуваловым. Обошлось без разногласия.

Один из дней, которые в моей частной жизни омрачены самыми темными тенями.

Вечером, несмотря на эти тени, у кн. Паскевич: spectacle d'amateurs: «Valerie» et «Les diners à 32 sous». Quel battement des flancs pour si peu de plaisir! ***

8 апреля. Утром доклад у государя. Он заявил мне, что ген. Гринвальд уходит и что мне надлежит принять коннозаводство. Должен повиноваться, но преимущественно потому, что вел. кн. Николай Николаевич желает этой части, а всякое великокняжеское управление в принципе вредно. Государственный совет, потом Главный комитет. Обедал у барона Штиглица. Вечером совещание у меня с гр. Шуваловым Pierre IV

---

* сдержанности.

** совещание.

*** любительский спектакль: «Валерия» и «Обеды за 32 су». Сколько хлопот из-за такого ничтожного удовольствия.

et André Paul по вопросу о народных училищах. Надлежало удовлетворить щепетильности последнего.

9 апреля. Утром совещание с военным министром, шефом жандармов, министром внутренних дел и ген. Тотлебеном по вопросу о меннонитах. Ген. Тотлебен командируется государем на юг, чтобы постараться успокоить меннонитов, намеревающихся оставить Россию вследствие издания закона о всеобщей воинской повинности [394]. Потом Комитет министров, потом Комитет кавказский. Был у ген. Гринвальда. Он передал мне памятную книжку ведомства, в которой, по его выражению, все есть, и члены Совета, и жеребцы.

15 апреля. На прошлой неделе я вытерпел всего 9 заседаний. Сегодня утром доклад у государя. Перед его отъездом последний. Определено время моей поездки и ее направление. Обедал у их императорских величеств. Был до того в Государственном совете, где состоится указ о передаче мне 17-го [апреля управления коннозаводством. Был у вел. кн. Николая Николаевича, который желает объехать конские заводы и вообще очень суетливо озабочивается этою частью. Когда я приехал во дворец в 10 часов утра, у государя был уже Трепов. Дело с пропажею разных вещей из комнат императрицы [395]. Sapienti sat *.

Брак вел. кн. Владимира Александровича с принцессою Мекленбургскою решен. Говорят, что из литургии исключится большая царская эктиния, вероятно, потому что будущую вел. княгиню нельзя будет называть «благоверною».

17 апреля. Вчера вечером conventicule ** у Тимашева по вопросу о комиссии для правил найма рабочих. Председателем, как и следовало ожидать, назначаюсь я. Нет на русском языке слова для понятия résignation ***.

Сегодня утром в Зимнем дворце. Малый выход, grâces **** не слишком много. Ген. Гринвальду дана голубая лента. Набокову, Танееву ***** и кн. Долгорукову — александровские. Указ о коннозаводстве состоялся. Позже заседание соединенных департаментов Государственного совета по училищному вопросу. Государь едет 19-го вечером.

Вел. кн. Николай Константинович арестован. Поводом обозначают его имущественные сделки с известною англичанкою или американкою, угрожающие разными затруднениями удельному ведомству.

20 апреля. Государь выехал за границу вчера вечером

* Умный поймет.
** совещание.
*** покорность судьбе.
**** милостей.
***** *Вместо:* Танееву *написано:* Тимашеву (*т. 111, л. 173 об.*)

в 8 часов. При нем вел. князья Алексей Александрович и Константин Николаевич. Путь: Берлин, Штутгарт (бракосочетание вел. кн. Веры Константиновны), Флессинген, Англия, Эмс. Кн. Горчакову хотелось в Англию, но он едет только до Штутгарта.

Вчера вечером сообщены некоторые подробности по делу вел. кн. Николая Константиновича.

Сегодня вступил в управление коннозаводством. Заботы неофициальные до того тяжки, что мне не до ведения дневника.

28 апреля. Затишье в официальном мире. Записывать нечего. Отсутствие государя, а частию и отсутствие гр. Шувалова отзываются устранением спешного и неожиданного. Цесаревич разрешает текущие доклады, дела идут, насколько идти способны, курьеры развозят пакеты. И только.

5 мая. Опять пробел. Те же поводы. Чувствую, что я внутренно разбиваюсь.

Государь опоздал прибытием в Англию на целый день. При выходе из Флессингена его яхта села на мель. Говорят, что опоздали выходом, что «Держава» сидит слишком глубоко для Флессингена и т. п. Императрица, у которой я имел честь обедать третьего дня, говорит, что виноват лоцман. Одним словом, вместо приезда в Гравесенд, где ожидал его величество отряд военных судов и где приезд должен был совершиться при свете дня, государь прибыл в Дувр—и вечером. В Виндзор его величество приехал в 1-м часу ночи. Воображаю, какая пасмурность царила в «Державе».

15 мая в 5-м часу утра. Я еще не ложился. Заботы, гнетущие сердце, меня удаляют от сна.

Все эти дни не до писания дневника. Впрочем, событий нет. Заседания есть.

Сегодня (т. е. 14-го) в Комитете министров должен был рассматриваться вопрос о Медико-хирургической академии, внесенный по высочайшему повелению вследствие несостоявшегося соглашения между министрами военным, внутренних дел и народного просвещения. При озлобленном настроении Милютина и злобном Толстого надлежало ожидать весьма неприятной сцены. Удалось ее устранить или отсрочить предложением поручить особой комиссии под председательством одного из членов Комитета ближе разработать и пояснить вопрос. Грейг принял на себя этот нелегкий и малоприятный труд [396].

Сегодня же положено утвердить торга на Березовские золотые рудники за полк. Асташевым, предложившим высшую цену [397]. Вел. кн. Константин Николаевич непременно хотел утверждения за Базилевским, потому что он брат кн. Суворовой, и даже собирался приехать в Комитет, но министр

финансов и отчасти я отговорили его вчера после заседания Государственного совета. Он мне долго не забудет того, что я отказался принять на себя утверждение Б[азилевского], хотя мне был предоставлен выбор по положению Комитета министров. Я не мог признать удобным этим правом воспользоваться.

Вчера докладывал лично цесаревичу. Гладко.

19 мая. Троицын день. Pfingsten, das herrliche Fest. Для меня нет herrliches Fest *.

5 июля. На Аптекарском острове. Вернулся вчера с продолжительной официальной поездки. Был в Царстве Польском, даже в Силезии, в южных степях и на конских заводах. Между тем государь возвратился, и сделалось гласным назначение гр. Шувалова послом в Лондон [398]. Его заменяет Потапов (!?), Потапова — Альбединский. Все, по-видимому, озадачены. Я несколько озадачен Потаповым. Впрочем, не за кого взяться, если государь не пожелал взять Тимашева, и его величеству, быть может, благоугодно было показать, кем он может обходиться на месте «Pierre IV». Недаром, видно, я говорил ланд-маршалу Бокку недель шесть тому назад: «Überschäten Sie nicht was von gewißer Seite für Sie geschehen kann» **.

Первое положительное извещение о предстоявшей перемене получено мною еще до отъезда во внутренние губернии. Гр. Шувалов писал мне из Эмса, qu'il me parlerait de choses qui le regardaient personnellement ***. Нетрудно было догадаться. Я тогда же предупредил министра внутренних дел и говорил о том Грейгу, который также получил письмо с намеком на перемены. Сожалею, по многим причинам, об удалении гр. Шувалова из нашей среды. Сожалею не потому только, что наши личные отношения были благоприятны и во многом мы действительно сходились, но и потому, что он вообще был полезен и делал много добра в разных частных случаях. В предшедших заметках неоднократно упоминалось о гр. Шувалове, и притом часто не без критической оценки. Но нельзя не признавать, что хотя он лично многого не умел делать или доделывать, то по крайней мере умел мешать другим делать и доделывать в направлении с его взглядами несогласном. Без него было бы просторнее и привольнее вел. кн. ген.-адмиралу и пр. и пр. Что будет теперь, увидим. Не пытаюсь предугадывать. Мне все постыло.

---

* Троицин день — прекрасный праздник. Для меня нет прекрасного праздника.

** «Не придавайте большого значения тому, что может с вами произойти».

*** что он мне расскажет о вещах, которые касаются его лично.

Я еще не видал Шувалова. Одни говорят, что он очень доволен, другие говорят противное. Думаю, что есть и то, и другое. Он до того léger de gôuts et de tête *, что мысль о посольствовании, о Лондоне и о «ladies» ** его занимает и забавляет. Притом зимнедворцовствование и вся петербургская обстановка ему успели наскучить. С другой стороны, его должна задевать за живое легкость, с которою совершается перемена. Он был столь многим в глазах столь многих. И его может заменить крошечный ex-атаман, ум которого так часто прозывается канареечным!

Меня озабочивает другая мысль. Опасаюсь, что гр. Шувалов по характеру, образованию и привычкам не вполне пригодным будет на английской почве. В моей заметке от 3 февраля я упомянул о его обычной «indiscrétion» ***. Это свойство особенно неудобно для посла его величества в Лондоне.

7 июля. Гр. Бобринскому сказано, что его благодарят и увольняют. Это сделано 4-го в Царском Селе. На его место назначается адмирал Поссиет. Думаю, что это тупое и тяжелое орудие. Вчера видел кн. Ливена (обер-церемониймейстера) и гр. Палена. Уход гр. Шувалова на них произвел то впечатление, которого следовало ожидать. Гр. Пален объяснил его целым рядом недоговоренных, по его привычке, положений, т. е. подлежащими без сказуемых или без глаголов. Кажется, что гр. Шувалов даже не просил на этот раз назначения в Лондон. Инициатива принадлежит государю, который напомнил ему желание, когда-то высказанное зимою, и сам предложил заместить гр. Бруннова.

8 июля. Вчера вечером Шувалов заезжал ко мне. Самое симпатичное впечатление. Неприятный suraplomb **** улетучился. Остались любезные свойства и формы. Он подтвердил сказанное мне насчет инициативы государя, который его спросил: «Préferez vous Londres?» ***** Гр. Шувалов отвечал утвердительно, и никакого объяснения затем не было. Императрица настаивала на замещении его Тимашевым, но с той точки зрения, qu'il ne pouvait pas rester à l'intérieur et que son rôle y était un scandal******. Государь не согласился, говоря, что будет слишком много перемен, если и министр внутренних дел будет новый.

---

* легкомыслен в своих вкусах и суждениях.

** «дамах».

*** «болтливости».

**** преувеличенный апломб.

***** «Вы предпочитаете Лондон?»

****** что он не может оставаться в Министерстве внутренних дел и что его роль там была скандальной.

Гр. Шувалов спрашивал меня, соглашусь ли я принять на себя три отдельные, по высочайшему поручению им исправлявшиеся обязанности: 1. Особое попечение о прибалтийских делах на основании программы 1869 г. 2. Сношения с немецкою заграничною прессой, ныне производимые чрез посредство г. Фукса. 3. Особого рода сношения с Катковым? [399] Я отвечал, что я согласен на случай, если государем это будет на меня возложено.

Сегодня доклад государю на поезде Царскосельской железной дороги. Государь приезжал сюда для открытия Адмиралтейского сада и я ездил в Царское Село, чтобы с ним оттуда вернуться. Государь мне показался озабоченным и даже не совсем здоровым. Быть может, его уже предуведомили о том, будто при открытии сада в него намерены стрелять какие-то два поляка [400]. Сведение получено кн. Лобановым. Все обошлось, благодаря бога, благополучно. Насчет прибалтийских дел государь сам предложил мне роль гр. Шувалова. Я ее принял, но с тем, чтобы только говорить мое мнение его величеству или обращать его внимание на то или другое дело, но не входить в прямые сношения и объяснения с другими лицами, как то мог делать шеф жандармов. Государь, конечно, это одобрил. Вообще он был любезен по обыкновению. Я ему откланялся и теперь могу назначить день выезда. Видел также на железной дороге вел. кн. Константина Николаевича и с ним простился, по его выражению, «до октября». Он говорил мне, что предлагал в министры путей сообщения, вместо адмирала Поссиета, адмирала Унковского (ярославского губернатора).

10 июля. Гр. Шувалов был у меня. Все три поручения, о которых была речь 8-го числа, на меня возложены. Кроме того, предстоит назавтра по приказанию государя совещание между гр. Шуваловым, кн. Лобановым и мною по вопросу о преследовании лифляндских пасторов за совершение треб для православных латышей и эстов. Дело, конечно, в том, чтобы не преследовать.

13 октября. Вернулся в ночь с 11 на 12-е. Без Никса, который остался в Лейпциге. Три месяца за мной. На этот раз отдыха было мало. Я пересоставил в Тегернзее проекты игнатьевской комиссии и Министерства внутренних дел по вопросу о найме рабочих [401]. Мои черновые перебелялись и печатались здесь и я там же успел просмотреть корректуры, так что на другой день по приезде я разослал подлежащим министрам экземпляры моей работы.

Сегодня был у вел. князей Николая Николаевича и Константина Николаевича. Последний говорил о комиссии, назначаемой по высочайшему повелению, для определения

дальнейших мер относительно вел. кн. Николая Константиновича. Тяжелое и печальное дело.

Вчера видел Потапова. Сегодня кн. Лобанова. Множатся аресты по поводу пропаганды «в народе» [402]. Теперь упрекают Шувалова в том, что он не видал зла. Прежде его упрекали в том, что он преувеличивал зло и «запугивал» государя. Но тогда его боялись, теперь он в Лондоне. Кстати, удивляются как будто пропаганде. Чему же дивиться? Можно только себе приводить на память все фразы о том «народе», в который «пошли» агитаторы. Ведь эта самая добродушная, но тупая и слепая масса считалась гранитным пьедесталом престола и самодержавия. Отчего же агитаторы пошли в гранит?

1875 год

3 января * Не писал здесь, потому что письма к сыну заключали в себе дневник. Не писал, пока он был здесь, потому что как-то не писалось.

1 января прошло без особо замечательных событий. Событиями нельзя назвать андреевской ленты на плече Фундуклея и посажения в Государственный совет г.г. Заблоцкого, Стояновского и Торнау. Это дела вел. кн. ген.-адмирала. Совет был полусановным призраком. Вел. князь силится обратить его в сановную канцелярию. Едва ли второе лучше первого. Призрак может иметь кое-какой «prestige», канцелярия — никакого.

Есть заметки, которых, однако же, нельзя помещать в письмах, вверяемых почте. Сюда относятся разные подробности о гр. Шувалове, которого fiasco в Лондоне, по-видимому, совершилось даже ранее моих ожиданий или опасений. Тот самый опрометчивый и самоуверенный aplomb, о котором я упоминал в марте и апреле прошлого года, помешал ему пораздумать и остеречься. Нашим конькобежцам нет глубоких вод. Все по колено. Здесь можно было первенствовать в кружке товарищей и влиять на другие круги, опираясь на троекратный в неделю доклад государю, не говоря уже о личном уменье и знании почвы. Но в Англии и почва другая, и круг дел другой. Никакой подготовки не оказалось. Затем и уменья, по-видимому, не обнаружено. Гр. Шувалов как будто свысока взглянул на свой теперешний пост и слегка к нему отнесся. Впечатление, произведенное там, — впечатление человека любезного, но не имеющего понятия о деле, которое ему вверено, впечатление, производимое здесь, — впечатление неожиданного недочета.

---

* *1 января 1875 г.* Новый год. В Петербурге. В доме министра государственных имуществ. С женою, Петром и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

Или нет депеш или в депешах нет ничего амбассадориального. Вспоминаю замашку «faire travailler les autres» *. Затвердив из объяснения с полк. Франкини летом название города Мерв на пути из Хивы и Бухары в Кабул, т. е. такого именно пункта, на который с крайнею ревностью обращен взгляд англичан, гр. Шувалов, едва ли не при первом свободном беседовании с лордом Дерби, закинул ему имя «Мерв» за пазуху, comme un des points que nos militaires trouvent nécessaire d'occuper **, или нечто в этом роде. Сам гр. Шувалов это рассказал в Париже кн. Алексею Лобанову. Понятно, как это подействовало. С гр. Шуваловым, видно, много не объяснялись, но писали сюда лорду Лофтусу, а Лофтус не мог добиться толка от Вестмана, и до сих пор тревога не улеглась. «Ils sont fous à Londres à propos de Merve,— сказал мне на днях кн. Горчаков,— quoi qu'ici, avec moi on ne se permette pas d'en parler... Avec moi...» ***,— быть может, но Вестману Лофтус недавно сказал, что если он не получит изустных успокоительных объяснений, то представит ноту и пр. Государь, сколько я мог заметить, избегает говорить о гр. Шувалове. При моих докладах я раза три к тому подавал повод, но он промолчал. «Flachheit» **** гр. Шувалова теперь достаточно обнаружилась, и, несмотря на то, я часто сожалею о его выбытии из нашей среды. Он приносил в делах мало положительной пользы, но приносил отрицательную. Его боялись и те, кого я мог бы назвать противником, и те, кого я должен бы считать пособниками, а для меня боязнь этих последних была важнее, чем боязнь первых. Гр. Шувалов, по крайней мере, содержал между ними некоторую дисциплину и то понукал одного, то пособлял другому. Теперь от гр. Палена ничего не добьешься, кроме грамматически неправильных восклицаний. Кн. Урусов окончательно непроизводителен, а ген. Тимашев менее осторожен, чем был доселе. Почему боялись или остерегались,— другой вопрос. Предполагали за гр. Шуваловым более силы и более влияния, чем он действительно имел. Ошибка была в оценке, но это не мешало результату.

23 марта. Завален делом. Жизнь невольника телом и умом. На днях было заседание в Комитете министров по поводу конфиденциального письма ***** гр. Палена чинам судебного ведомства о социальной и революционной пропаганде [403]. В по-

---

* «заставлять работать других».

** как один из пунктов, которые наша армия считает нужным оккупировать.

*** «В Лондоне сходят с ума из-за Мерва, хотя здесь они не позволяют себе говорить об этом со мной... Со мной...»

**** «Ничтожество».

***** *Вместо:* письма *написано:* циркуляра (*т. III, л. 175 об.*).

дробности не вхожу. Известны результаты расследования, про изводимого ген. Слезкиным [404]. Председатель напрасно взмусировал дело приглашением двух вел. князей. Цесаревич не приехал. Но ген.-адмирал, конечно, явился. Произошло, что всегда происходит. Внутренний разлад в мнениях Главного комитета выразился в неверном и раздражительном приступе к делу. Боясь коснуться его по существу, попробовали отделаться фразами. Заговорили об оглашении социальных программ, как о лучшем средстве призвать на выручку здравый ум мужика, и т. п. Кн. Горчаков дошел до того, что в пропагандистах нашел «лучших союзников правительства». Когда я сказал, что важно не призыв к так называемому общественному мнению, а исследование почвы, на которой семена пропаганды разбрасываются и всходят, то передернулись черты лица у вел. князя, у ген. Милютина и у Абазы. Им тотчас показалось, что я заношу святотатственную руку на Положение 19 февраля или укоряю русских, потому что в западных и прибалтийских губерниях те семена не всхожи. Я, конечно, рассердился и далее не рассуждал о существе дела, но в тот же вечер написал вел. князю, что при данном составе и настроении Комитета я своей мысли не развивал, но что я считаю русскую почву беззащитною, за неучастием в деле ее защиты церкви и школы. Я указал на то, что немца, эста, латыша и финна защищает пастор, поляка — ксендз, а у нас духовенство совершает требы, а школою заведывают самозванные или канцелярские педагоги. Вел. князь через два дня за мной прислал. Свидание продолжалось $1^1/_4$ часа и было для меня отвратительным. Он мало говорил о деле, но много о себе, о том, что его оттерли, что он прежде имел большое участие в делах, что во всем виноват Шувалов, что его губительное влияние вызвало реакцию в форме вышереченной пропаганды (!), что царствование государя искажено, что первая половина была славная, а вторая разрушает подвиги первой, что и крестьянское Положение, и судебная реформа, и земство, и печать — все искалечено и пр. и пр. Все это говорилось с какою-то наивною и глупою наглостью. Я возражал холодно, сухо, избегая до конца быть вовлеченным в какую бы то ни было profession de foi * с моей стороны, но отрицая все то, что вел. князь говорил. Наконец, он посмотрел на часы, я встал, и мы расстались. Хорош Caesar **.

Гр. Шувалов здесь. Бледное светило. Неглубокий сосуд. Неужели голубой мундир и троекратный в неделю доклад придавали столько эфира и столько лучей?

---

* изложение своих взглядов.
** Цезарь.

27 декабря. Пробел порядочный. Его несколько восполняют мои письма к жене с Урала и к Никсу за время его бытности в Лейпциге. Но все-таки многого не сказано.

Я здесь, обратно из Тегернзее, с 18 октября. Внутренний горизонт тускл, внешний — мрачен.

Гр. Шувалов как будто постарался доказать верность предшедшей заметки. Он снует между Лондоном и Парижем, perche e innamorato *, и мало занят своим посольским делом. Во время герцеговинских смут и английского capo d'opera ** по Суэцкому каналу [405] это особенно заметно. Leflo сказал Будбергу в Париже: «Chouvaloff est ici, il a son Herzogovine avec lui» ***; известие о покупке суэцких акций получено здесь не от Шувалова, а от Бартоломея, за выездом.

Неприятный эпизод по случаю недоразумений между судебными и административными чинами или alias ****, между министрами юстиции и внутренних дел. На стороне последнего миниатюрный шеф жандармов. В течение лета состоялось высочайшее повеление по поводу некоторых частных случаев в Воронежской и Нижегородской губерниях, о совещании между министрами внутренних дел и юстиции, шефом жандармов и главноуправляющим II Отделением. Между тем в частном разговоре в начале этого месяца ген. Тимашев как-то сказал гр. Палену, хвалившему действия прокуроров против пропаганды социалистов, что эти прокуроры, потрясая своими приемами авторитет губернских властей, сами наносят вред больший, чем пропаганда. Гр. Пален счел нужным доложить об этом государю; государь сказал ген. Тимашеву, что он, по-видимому, оскорбил гр. Палена, тогда ген. Тимашев, сославшись на предстоящее совещание, признал себя juge et partie ***** и, отклоняя выпадавшее ему по чину председательство, просил его величество назначить особого председателя. Оным очутился я, и на мою долю затем выпало три многотрудных заседания. Гр. Пален, juge et partie *****. При давно замеченной неумелости оказалась большая самоуверенность и щепетильная раздражительность. Я уломал дело насчет заключений. Разногласия не было. Но не знаю, состоится ли журнал. Со стороны всех членов было оказано гр. Палену возможное внимание, при редакции журнала сделаны все возможные уступки, но гр. Пален еще колеблется. Он совершенно превратно понимает свою роль, слепо защищает неразборчиво назначаемых им чинов прокуратуры, забывает, что они большею частью избирались им

---

* потому что влюблен.

** мастерского хода.

*** «Шувалов здесь, а с ним и его Герцеговина

**** иными словами.

***** и судья, и сторона в процессе.

из неопытной и заносчивой молодежи, забывает, что прокуратура не суд, и, наконец, ребячески сбивается на почву личных вопросов в таком деле и при таких обстоятельствах, где все, кроме его, старались этой почвы не касаться.

29 декабря. Утром доклад у государя. Затем Государственный совет и Главный комитет. Гр. Пален подписал журнал. Я его тотчас отправил к государю, получил обратно с отметкою «исполнить» и затем препроводил к министру внутренних дел «для зависящих распоряжений».

Слышу, что гр. Пален сегодня собирал у себя конференцию прокуроров, вероятно, для обсуждения мер ввиду кризиса. Но действительно ли наступил кризис?

30 декабря. Утром на похоронах покойного гр. Армфельда. В шведской церкви. Был государь и все вел. князья. Пастор говорил неудачно последнюю отпускную речь. Слишком много фраз о Liebe, Treue, Monarch, Majestät * и т. д. Между прочим, он сказал: «Von einer hohen Stellung aus übersieht man die schönsten Portica» **. Чего? Жизни? Отечества? Общественной или правительственной деятельности?

Гр. Армфельда трудно заменить. В наш век как-то трудно заменять всех, кто сходит со сцены.

Гр. Армфельд жил долго. Его жизнь заключала в себе некоторые романические эпизоды, мне случайно известные. Что подумала или почувствовала, узнав о его кончине, героиня одного из этих эпизодов, блестящую красоту которой я так живо помню? Как далеко это время!

Но все как будто больно...
и будто тяжело...

Обедал у их императорских величеств с фельдмаршалом кн. Барятинским и гр. Николаем Адлербергом.

Был в Комитете министров. Заезжал к герцогу Мекленбургскому, который потом был у меня и говорил, что императрица желает que l'on fasse danser ***. Действительно, до сих пор нет никаких проявлений сезонной общественной жизни. Был также у меня министр внутренних дел. Он озадачен лаконическою отметкою государя на журнале нашего совещания. Пален или не Пален впредь? Поздно вечером был на вечере (bal) у Грейга. Положение налаживается. Видел там меньшую гр. Бобринскую. Она оправдывает мои предсказания.

31 декабря. Выезжал утром. Принимал доклады. Завершается год. Наступает другой. Благодарение богу за минувший. Молитва и упование при встрече с новым.

---

* о любви, верности, монархе, его величестве.
** «С высокого поста видны прекраснейшие колоннады».
*** чтобы были устроены танцы.

1876 год

1 января *. Утром у обедни. Потом у кн. Суворова, праздновавшего 50-летний служебный юбилей. Людно, блистательно, большею частью искренно. Князю пожалован портрет. Удостоили его посещением государь и вел. князья, кроме, кажется, ген.-адмирала, который еще хромает от ушиба. Разные депутации читали адресы и подносили или заявляли testimonials **. Кн. Суворов собственно ничего крупного не сделал, как он сам добродушно сказал сегодня, но он всегда принимал к сердцу то, что делал, и то, чем управлял. Он добр и благороден настолько, насколько ему не мешал его amour propre ***. Ему помогали личные любезные формы и свойства, prestige имени и prestige близости к государю и к императорскому дому. Общим результатом — нечто вроде общей полубессознательной популярности.

Заезжал в разные дворцы записываться. Был в Казанском соборе. Видел кое-кого у себя.

Новостей официальных немного, т. е. крупных, и то по ленточной части.

2 января. Утром разные посетители. Потом выезжал. Был у кн. Лобанова, записался у герцога Мекленбург-Стрелицкого и заезжал к ген. Игнатьеву и к фельдмаршалу кн. Барятинскому. Видел обоих. Объяснялся с первым по поводу предстоящего рассмотрения в Государственном совете проекта положения о найме рабочих. Кажется, что кн. Урусов и еще кое-кто имеют в виду замять дело, чтобы от него избавиться. На это мне согласиться нельзя. У кн. Барятинского я застал трех

---

* *1 января 1876 г.* Новый год. В Петербурге. В доме министра государственных имуществ. С женою, Петром и Никсом. С молитвою, благодарением и упованием.

** свидетельства своего уважения.

*** самолюбие.

дам: гр. Адлерберг, кн. Воронцову и кн. Барятинскую. Эти визиты совершенно под стать нынешнему положению фельдмаршала. (Говорю не о его невестке кн. Барятинской.) После блистательного и счастливого военного поприща кн. Барятинский обратился, прияв фельдмаршальский жезл, в баловня фортуны и дворцовых ласк. В государстве он — нуль. Во дворце он — нечто вроде наезжего друга. Но во дворце он бывает нечасто и ненадолго, проживая постоянно в Скерневицах, которые уже давно предоставлены в его распоряжение. Там он ведет жизнь в сущности совершенно пустую и бесцветную. Нельзя угасать с более изысканною посредственностью. Даже здесь в auguste intimité * его роль — скорее роль милой приживалки, чем бывшего вождя, наместника и не снявшего эполет фельдмаршала. Он рассказывает анекдоты, шутит и любезничает надеваемыми им разными мундирами. Намедни он обедал у их императорских величеств в кирасирском в честь императрицы, вчера он опять обедал, вероятно, в гусарском в честь государя, сегодня он в генерал-адъютантском по случаю дня рождения вел. кн. Алексея Александровича, 6-го числа он будет в кабардинском по случаю полкового праздника. Все это совершенно корректно, но нужно бы и еще кое-что.

Я не далек от дворца, но никогда не был близок ко двору, испытал много неволей, но всегда боялся неволи придворной более, чем других. Видел много плоскостей, но редко встречался с плоскостями до того плоскими, как придворные. Они позолочены, но сусальным золотом.

В природе человека льнуть к силе, преклоняться пред силой, на нее надеяться, ею пользоваться и ей служить. Законы астрономического мира действуют и в мире гражданском. Верховное солнце естественно регулирует движение всех кружащих в его области меньших светил, планет, спутников e tutti quantis. Но есть орбиты планетарные и кометные. Кому судьба указала первые, всегда налицо. Крайние фазисы весьма, впрочем, иррегулярные,—полнолуние и новолуние. Кому дана кометная орбита, тот не всегда на глазах, и различие между перигелиейными и офельными периодами определяется резко и эрратично.

3 января. Смерть за смертью. Вчера скончался гр. Корф, сегодня — адмирал Краббе. Помню первого еще управляющим делами Комитета министров, второго — лейтенантом на люгере кн. Меншикова «Ораниенбаум». Гр. Корф был товарищем кн. Горчакова и Пушкина по лицею. Он обладал порядочным запасом знаний и несомненными деловыми способностями. Думаю,

---

* близости ко двору.

что недостатки характера помешали ему употребить те и другие с большею пользою, чем та посредственная и даже сомнительная польза, которую он в свое время принес. Лучшим его произведением должны быть оставленные им записки [406], (mémoires), которые он вел аккуратно и за многие годы. Судя по сообщенному им мне когда-то отрывку, они писаны метко и заключают много интересных подробностей. В них он не витийствовал и потому, вероятно, избегал фраз вроде той, которая встречается в его повествовании событий 14 декабря о державной чете, которая «лежала распростертою на коленях».

Конец жизни адмирала Краббе был печален. После долгих страданий острым ревматизмом и разными осложнениями этого недуга он подвергся размягчению мозга и впал в состояние, в котором угасли почти все признаки духовной природы человека. В прежнее время он отличался циническою меткостью насмешек и шуток, которыми он постоянно сопровождал разговор по какому бы то ни было предмету. Он говорил про гр. Толстого (министра народного просвещения), что он вскормлен слюною бешеной собаки. Он же сказал про одну из неудачных риторических элукубраций кн. Горчакова в Государственном совете: «Это — отсыревший фейерверк».

Обошел по обыкновению по случаю Нового года все департаменты Министерства, был в реальном училище, потом заезжал к кн. Горчакову. Он также по обыкновению, но постоянному, тотчас заговорил о том, что я, вероятно, буду его преемником, что обыкновенно «les souverains» * не любят своих «dauphins»**, но что он меня любит, и пр. и пр. С трудом я отбился от этой темы. Говоря о восточном вопросе, я заключил, из слов моего собеседника, что я не ошибся насчет одной из моих гипотез.

Обедал у Половцовых с принцем Рейссом (третьего дня сюда прибывшим), кн. Лобановым и английским военным агентом Веллеслеем. Хозяева более чем когда-либо напомнили мне, mutatis mutandis ***, рижского Портена «Opfer der Mode» ****.

Забыл отметить, что вчера вечером я был у гр. Толстого на рауте. Видел там Георгиевского, путешествовавшего прошлым летом по университетам. Из его слов заключаю, что эти господа, наконец, вгляделись в тот революционный материал, который они так старательно производили столько лет под фирмою просвещения. Воспользуются ли они своими наблюдениями? Увидим.

---

* монархи.
** наследников.
*** с некоторыми изменениями.
**** «Жертву моды».

4 января. Утром у обедни. Выезжал. Видел гр. Шувалову. Кажется, что Naso принадлежит к числу лиц, сбивающих с толку гр. Палена.

5 января. Утром доклад у государя. Он говорил про записки гр. Корфа, которые покойным уже были большею частью ему сообщены. Был потом на отпевании в Александро-Невской лавре. Довольно людно, но вел. князей и государя не было, потому что они присутствовали на выносе утром. Выезжал и выходил пешком. Сегодня почти оттепель, в первый раз в зиму.

Из первого лицейского выпуска теперь остались в живых только двое: кн. Горчаков и тайн. сов. Комовский, из второго, говорят,— никого.

У меня был кн. Суворов и сидел минут 20, говоря без умолку и по обыкновению все о себе. Болезненно. Катар языка.

6 января. Утром у обедни. Выезжал. Был на Васильевском острове у киевского митрополита, которого не застал, и у Hubbard'a, которого желаю ввести в дом Грейга, pour commencer *.

Сегодня Никс был в первый раз в строю в штандартном взводе на дворцовом параде. Он зачислен 29/XI, надел колет 6/XII, в Николин день, был в строю 6/I, в праздник Богоявления. Да благословит бог дальнейший служебный путь его.

Различны впечатления, производимые одним и тем же предметом. По поводу брошюры «Русские заграничные публицисты» [407] Рудницкий сказал мне: «Если бы не такое-то слово, я бы думал, что узнаю ваше перо»... Богданов нашел «брошюру слабою, даже очень слабою, и написанною в защиту гр. Толстого»... Селиверстов отозвался, что она «bien écrite ** и защищает трех министров: Тимашева, гр. Толстого и Рейтерна».

Слышал от Шульца (III Отделение), что ожидают здесь гр. Шувалова, т. е. его ожидает графиня. Сомневаюсь, чтобы он мог приехать скоро. Восточные дела требуют присутствия посла в Лондоне накануне и после открытия парламента. Его манит сюда, вероятно, его Herzogovine *** в смысле ген. Лефло. A propos **** Шувалова я часто сравниваю нынешний ход здешних дел без него с тем, что было при нем. Я раз назвал его дрожжами. При нем брожение не прекращалось. Оно шло не впрок большею частью, но оно происходило. Теперь всеобщее затишье, и нужны выходки прокуроров гр. Палена, чтобы оно порою прерывалось эпизодами, вроде бывших под моим председательством совещаний. Лозунг, как будто свыше,

---

* для начала.

** хорошо написана.

*** Герцеговина.

**** По поводу.

между прочим, «rest and be thankful» *. Быть может, он в настоящее время полезен. С беспокойством смотрю на Запад по случаю Востока, который для нас вовсе не на востоке. До сих пор нет важных осложнений и только продолжаются разные попытки de replâtrage **, по выражению кн. Горчакова. Но и этого было достаточно, чтобы понизить наш курс на Берлин до 260 марок. Что будет при действительном потрясении? Между тем наше внутреннее положение самое неустойчивое и неплотное. Старые фразы склеены с новыми делами, новыми отношениями, новыми взглядами, привычками и стремлениями. Старые люди сходят со сцены, а новых не видать, т. е. пригодных. Разумею пригодность в смысле соответствия коренным условиям нашего государственного строя. При крайней рыхлости нашего состава нам необходим цемент власти. Обаянием, призраком власти держится все, что у нас составляет элементы государственных сил. Наши новые люди смотрят на власть модным взглядом так называемого прогресса и большею частью видят в ней только произвол. Они всегда готовы продешевить властью, от нее отказаться, даже ее выбрасывать за окно законодательным порядком. Они рисуются своими отречениями, как будто власть составляет личное, частное достояние того или другого лица, а не общественную силу, вверяемую для достижения общественных и государственных целей.

7 января. Утром на погребении адмирала Краббе, т. е. на отпевании в Адмиралтейской церкви. Государь был на выносе ранее. Ген.-адмирал и вел. кн. Алексий были. Людно. Неприятно равнодушие, с каким под конец присутствуешь на таких церемониях, когда они часто повторяются и длинны. Сегодня в лице разных флотских дам был мир, который нам мало известен. В этом обособлении есть что-то семейное, производящее впечатление не неприятное.

Принимал доклады в Министерстве. Обедал с женою в Михайловском дворце. Слепой герцог Мекленбург-Стрелицкий, которого я там видал в первый раз, возбудил во мне вопрос: как по-русски передать французское слово sérénité ?***

8 января. Выезжал, чтобы передать в ведение кн. Юсупова родовспомогательное заведение, около 4 лет бывшее под моим попечительством. Оттенок в приемах сразу обозначился. Он не так стар, как я, но поднялся до первого коридора в шубе, калошах, шапке и при лакее.

Был в Министерстве, где принимал доклады. Был также

* «быть спокойным и благодарным».
** к сглаживанию разногласий.
*** безмятежность.

в управлении коннозаводства с новогодним визитом. Что-то там скрипит. Пока под полом.

9 января. Утром прием. Был в Министерстве, в Николаевском институте и заезжал к кн. Юсупову. Бедный богач!

Вечером у меня был Китицын. Министр внутренних дел собирает сегодня у себя, по словам Китицына, особое совещание главных чинов Министерства по вопросу о возобновлении деятельности комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Quousque tandem? * Все эти попытки родить что-нибудь полезное суть ряд выкидышей. Действия ген. Тимашева напоминают поговорку о звоне, который слышен, но о котором неизвестно, откуда он. Чуется, хочется, но взяться нет уменья. С другой стороны, по словам того же Китицына, и министр юстиции собирает своих приближенных и совещается с ними, усердно и таинственно. Между тем в законодательной оффицине Государственного совета кн. Урусов трудится над удавлением вопроса о проекте положения о найме рабочих. Завтра имеет произойти, говорят, первый опыт наложения шелкового шнурка. Увидим.

Здоровье вел. кн. Марии Николаевны быстро ухудшается. Точнее сказать, ее недуг принимает более и более безнадежные и острые формы. На днях ожидают приезда ее сестры королевы Ольги.

10 января. Утром множество разных посетителей. Ряд полудокладов. Затем в Государственном совете (соединенное присутствие) на прологе рассмотрения дела о правилах для найма рабочих. Вроде фарса. Кн. Урусов, очевидно, не знает, чего хочет и даже чего ему хотеть. Подробности в особой заметке **.

Председатель открывает заседание несколькими словами, посвященными памяти бывшего председателя Департамента законов покойного гр. Корфа.

Засим начинается чтение вопросов 2-го издания, подготовленных председателем для предложения экспертам.

Председатель дает некоторые объяснения по поводу этих вопросов, между прочим на вопрос присутствующей официальной публике (ген.-адмиралу) о том, для чего собственно изготовлены вопросы 1-го и 2-го издания, хотя в печатной, всем разосланной записке прямо сказано, для чего все эти вопросы сочинены.

После вызова ad hoc *** председателя выступает на сцену

---

* До каких же пор.

** *Указанная заметка П. А. Валуева о заседании соединенного присутствия Государственного совета, написанная на отдельном подшитом к дневнику листе, включена нами в запись за 10 января 1876 г. и следует далее до слов:* «У меня был Нелидов».

*** по этому случаю.

один из полу-[...?] * членов барон Николаи и входит в общие соображения насчет того, почему разные проекты (4) составлены так, а не сяк, т. е. не по первоначальной форме высочайшего повеления 1870 г. [408]. Ему кн. Урусов объясняет, что не время о том говорить. Полудевственный садится. Встает кн. Оболенский и относится к форме одного из проектированных вопросов. Затем возникают суждения о порядке спроса так называемых экспертов, о времени их задержания в Петербурге, о порядке совещаний и их учащении. Кн. Урусов обнаруживает совершенное отсутствие какого бы то ни было твердого взгляда на что бы то ни было. Затем нас распускают до будущего четверга, ничего в сущности не обсудив и не разъяснив. По крайней мере убито не слишком много времени. Всего $1^1/_2$ часа.

У меня был Нелидов, советник посольства в Константинополе. Пахнет Игнатьевым. Дал ему разговориться. Широко задумывают в Буюк-Дере. По-тамошнему, кризис окончательный неизбежен и близок. Думаю, что так может быть. Но далее речь о saisie des détroits et garnison militaire à Bysance **. Думаю, что к этому нет подготовки и на это нет надлежащих средств. В связи с такими стремлениями разные рискованные гипотезы насчет способов соглашения с Германией, конечно, на счет третьих. «Nous ne pouvons pas,— сказал мне Нелидов,— renier nos traditions» ***. Наши традиции! Авось как-нибудь пересол или недосол!

11 января. Вчера вечером был на официальном приеме турецкого посла (Кабула паши). Сегодня слышу, что будто бы вообще на приеме было немного, о чем сам судить не могу, быв по обыкновению при самом начале. Говорят, что в этом абсентеизме заключалась какая-то демонстрация в пользу герцеговинцев. Не то станет логика ****.

Утром у обедни. Выезжал. Был на бегу, но недолго. Холодно. Видел Жомини. Он успокоителен. Вместо saisie des détroits ***** он говорит, что кн. Горчаков убежден, que nous sommes une grande impuissance ******. Правда. Ничего нет счастливее, как сознание такой правды. Приодеть прилично всегда можно, но нужно знать, что приодевается.

Обедал in fiocchi ******* у испанского посла с женою. Были

---

* *Слово, написанное по-французски, не разобрано.*

** о захвате проливов и о военном гарнизоне в Византии.

*** «Мы не можем,— сказал мне Нелидов,— отречься от наших традиций».

**** Так в тексте.

***** захвата проливов.

****** что мы — великое бессилие.

******* в парадном мундире.

граф и графиня Адлерберг, Тимашевы, Голицыны (Владимир Дмитриевич с женою), кн. Куракина, военный министр, Потапов, Грейг, Будберг, Жомини, Гамбургер, Грот и кн. Ливен (обер-церемониймейстер). Хороший обед. Любезное гостеприимство.

Велио говорил мне сегодня, что у министра внутренних дел был грозовой эпизод с его товарищем Шидловским, который представил ему записку, объясняющую свои заслуги и излагающую сетование на недостаточное их награждение. Что-то у Шидловского соскочило. Кн. Лобанов ездил уговаривать или вразумлять Шидловского. По-видимому, это удалось, и у него была другая замиряющая экспликация с Тимашевым.

12 января. Утром доклад у государя. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. По делу о рабочих кн. Урусов теперь придумал комбинацию новую. Сперва мы будем слушать так называемых экспертов по «общим» вопросам. Потом мы без экспертов будем обсуждать эти «общие» вопросы. Наконец, мы снова при экспертах будем обсуждать частности. Все это происходит по предварительным сговариваниям с вел. князем и, кажется, по наталкиванию Перетца и Сольского. Между тем как бы случайно и незаметно вводится на практике, но в безобразной форме, то самое начало призыва посторонних участников в делах Государственного совета, о котором я возбуждал вопрос в 1863 году.

Заезжал к кн. Горчакову. Слышал от него, что Англия поддается и удостоверяет в своем содействии в Константинополе на первый фазис дела, т. е. в отношении к ноте гр. Андраши. Кн. Горчаков сказал мне, что он потому именно уклоняется от предусмотрения дальнейших фазисов, что это затрудняло бы установление d'une action commune de toutes les grandes puissances *. Он признает важным самый факт единения и коллективности, хотя бы почва единения и не была бы под мерку будущности. C'est plausible **. Но все-таки не мешает предвидеть, хотя бы про себя, те или другие éventualités ***.

13 января. Утром бесконечный прием. Как грибы, роятся просители и посетители. Комитет министров и Польский комитет. В последнем прошло домбровское дело в 10 минут [409]. Чрезвычайно облегчаются все такие дела личными отношениями. Я был любезен с ст.-секр. Жуковским. Все, как по маслу.

Обедал у Грейга. Прощальный обед для принца Рейсса.

Записался у королевы Виртембергской. Она приехала

---

* совместной акции всех великих держав.

** Это можно допустить.

*** возможности.

вчера вечером. Состояние вел. кн. Марии Николаевны сегодня весьма опасное.

Лесовский окончательно назначен на место покойного Краббе.

Кто-то сказал намедни барону Жомини: «J'aime tant à vous voir. Vous avez l'air d'une bonne nouvelle»*. Весьма верно обозначено этим выражение его лица.

Мужа той дамы, которую Лефло назвал «Герцеговиной», принц Рейсс сегодня назвал «Монтенегро». Недурно.

14 января. Утром ездил на Варшавскую дорогу провожать принца Рейсса. К удивлению моему, провожавших было весьма мало. Посол, около 10 лет бывший здесь, нареченный зять Веймара, представитель Германии, très répandu ** в здешнем салонном мире, навсегда оставлял пост. И кроме австрийского посла [410] с супругой, шведского посланника, виртембергского поверенного [411], флиг.-ад. кн. Барятинского, ген. Грейга, ген. Трепова и меня, никого. Датский Wind приехал, но торопился так мало, что явился после ухода поезда. Из англичан, италианцев, испанцев, etc..., etc... никого! Слово «vexé» *** было на лице Рейсса.

Принимал в Министерстве доклады по трем департаментам. Два раза сорвалось с петель мое терпение при докладе Климова.

Вечером $1/4$ часа на бале кн. Юсупова. Блистательно, хотя не слишком многолюдно. Помещение, освещение, старательные туалеты дам и некоторый простор. Diese vier Elemente, innig gestellt **** — суть главные условия эстетического в таких случаях впечатления. Несносно, что вошло в обычай съезжаться так поздно. Я уехал в $1/4$ 1-го. Еще приезжали многие.

Видел там в первый раз после Рима гр. Mariette. Ее Монтенегро не было. Время ее не слишком тронуло. Casa Margarita, Palazzo Feolis, Pallazzo Campanari, Casa di quatro venti *****. Вы на своих местах и в прежнем виде. Сменились те, которым вы служили кровом.

15 января. Утром за работой. Потом второе заседание департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих. Эксперты (см. особую заметку) ******. Все так называемые эксперты налицо. Несколько торжественно рисуется собрание.

---

* «Я очень люблю встречаться с вами. Вы похожи на добрую весть».

** очень известный.

*** «раздражен».

**** Эти четыре элемента между собой связаны.

***** Места пребывания графини.

****** *Указанная заметка П А. Валуева о заседании соединенного присутствия Государственного совета, написанная на отдельном подшитом к дневнику листе, включена нами в запись за 15 января 1876 г. и следует далее до слов:* «Обедал и вечером по обыкновению дома».

Приступ к делу заключается в аллокуции председателя. Затем обращение к общим вопросам. Кн. Урусов вызывает (после неудачной попытки вовлечь в совещание членов присутствия) полк. Струве. Пауза. Затем не совсем парламентарным голосом г. Струве жалуется на невозможность удерживать паспорты рабочих. Краткие intermezzo Оболенского, Стояновского, затем обращение к Наумову. От него краткий и определительный ответ. За ним к Найденову. Он также отвечает определительно и ясно. За ним барон Корф. Несколько либеразимирующих* фраз. Наконец, вызывается гр. Шувалов. Он начинает довольно рассудительно отрицанием логичности предложенного вопроса. Затем в общих чертах восстает против паспортов, как против векселя на личность. За гр. Шуваловым вызывается кн. Волконский. Он говорит, что при общем обеднении крестьян по делам найма сельских рабочих нынешние законы мало применимы. Потом гр. Бобринский. Несколько общих мест. Затем г. Шидловский. Общие мысли довольно правильные.

Перерыв. Потом обращаются к вопросу № 2. О самовольном уходе. Длятся суждения... Шувалов задевает вопрос финансовый... Наконец, вел. князь намекает, что пора кончить. Кончаем.

Обедал и вечером по обыкновению дома. Получил из Перми известия, по-видимому, вполне оправдывающие мои распоряжения. Был у меня ген. Мердер. Целый час речь о жеребцах.

16 января. Утром был парад части здешних войск. Никс был в первый раз в конном строю.

Был в Николаевском институте, в Опекунском совете, у кн. Лобанова и у ген. Гринвальда. Заезжал узнать о здоровье ген. Зеленого, которого постиг кажется новый ударообразный припадок. Заезжал к ст.-секр. Жуковскому и к кн. Урусову. Сей последний во вчерашнем заседании стяжал мою симпатию крайним старанием исполнять свою роль и тем крайним усилием, которого ему стоило это старание. Вечером получил от него благодарительную записку, в которой он справедливо замечает, qu'il redoute beaucoup moins la tempête du côté des experts que du côté de nos collègues**.

Заграничные вести неудовлетворительны. На Востоке дела не улаживаются. Неосторожная официальная статья в «Правительственном вестнике», в октябре, должна иметь в глазах инсургентов значение обещания [412]. Посылка госпитальной депутации с более или менее значительным frou-frou *** также не подклеивается под ноту гр. Андраши. Не завидую

* Так в тексте.
** что он гораздо меньше опасается бури со стороны экспертов, чем со стороны наших коллег.
*** шуршаньем дамских платьев.

кн. Горчакову. Но зачем был он в Веве, когда сочиняли статью для «Правительственного вестника»?

17 января. Утром прием. Потом второе заседание с экспертами в Государственном совете. Обедал у королевы с кн. Суворовым, бароном Ливеном и гр. Хрептовичем. Следы красоты еще налицо! Осанка и грация прежние. Щеголеватость безукоризненно упрощенная в деталях туалета. Все движения, садясь, вставая и пр., образцовые. Ненависть к нынешней Германии дышит всеми порами. «Je me souviens de tout jusqu'à 1866. Depuis j'oublie tout» *. Женский и даже женственный обломок царствования императора Николая.

Кн. Суворов опять говорил о своих «petits anges» **, теперь anges *** и упомянул об особом альбоме с надписью «Ангелы», который он показывал государю. Барон Ливен и Хрептович verflachen sich mehr und mehr. Flach genug waren sie bereits ****.

18 января. Утром у обедни. Потом на панихиде по кн. Багратионе, умершем вчера в Hôtel de France. Черты лица еще не изменились и сохраняли то особенное, глубоко сосредоточенное, мысленно созерцающее выражение, которое постоянно сопровождает или, точнее, следует за ненасильственною смертью.

Был на бегу. Молодой Бедуин пришел на 4-верстный императорский приз без 49 секунд. Резвость небывалая.

Ко мне заезжал гр. Левашов. Он en campagne pour l'héritage de Bagration, dans l'intérêt de son frère *****, Дурново, бывший у меня вчера — dans son l'intérêt à lui ******.

Вечером на несколько минут у гр. Крейц на бале. Оживленно, элегантно по составу, не по внешним деталям.

19 января. Утром доклад у государя. Испросил разрешение привести в действие мою мысль о премиях за лесоразведение и посадку дерев на крестьянских землях и за разведение леса и правильное устройство лесных дач в частных имениях.

Государь заговорил о затруднении, в котором он находится для назначения преемника кн. Багратиону. Я никого не мог назвать ему чистосердечно от себя, но сказал, кого прочат другие, и прибавил, что министр внутренних дел едва ли не помышляет об упразднении вместо нового назначения. Государь сказал: «Je crois que cela sera difficile» *******.

---

* «Я помню все до 1866 г. Все, что было позже, я забыла».

** «маленьких ангелочках».

*** ангелах.

**** становятся все более пошлыми. Они уже и раньше были в достаточной мере пошляками.

***** ведет кампанию за наследство Багратиона в интересах своего брата.

****** в собственных интересах.

******* «Я думаю, что это будет трудно».

Был в Государственном совете и в заседании особого присутствия по военной повинности. Видел Абазу. Разговор с ним о нашем финансовом положении. Есть над чем призадуматься.

Ночью, теперь уже нельзя говорить: «вечером», на бале у Родоконаки. По обыкновению $^1/_4$ часа.

20 января. Утром длинный прием. Нездоровится и разные тяжелые заботы рядом с делом.

Был в Комитете министров. Не разрешенное окончательно дело о разномыслии или по разномыслию между военным министром и государственным контролером [413]. Есть что-то недостаточно определенное или разъясненное в атрибутах контролера.

21 января. Утром прием. Утомительный. Потом в Министерстве. Доклады по трем департаментам. Idem *. После обеда написал записку, которую намерен отправить к государю, по поводу упадка курса. Записка по-французски, чтобы источник мог остаться неизвестным Рейтерну. Вынужден принимать эти меры предосторожности. В записке возвращаюсь к моей старой мысли об income-tax ** в усиленном размере с absentees ***. Пользуюсь случаем, чтобы затронуть и другой ряд вопросов о способах encouragement à la résidence ****.

22 января. Ездил записаться у вел. герцога Мекленбург-Шверинского [414] и у принца Гессенского. Заказал себе новую лесную форму. Потом — variatio delectat ***** был в Государственном совете, где соединенное присутствие без экспертов занималось общими вопросами по делу о правилах найма рабочих. Не продолжаю моих заметок во время этих заседаний. Вышло бы монотонно и притом безобразно. Состав присутствия ниже всякого государственного уровня. Председательствующему кн. Урусову трудно с ним справляться. Но он и со своей стороны грешит тем, что ведет дело совершенно тенденциозно. Он вызывает тех или других, предъявляет то или другое, выводит то или другое на справку всегда в таком направлении и по возможности в такой форме, которые соответствуют его взгляду pour le quart d'heure ******.

Вечером отправил свою записку. Bonne chance! Les chances de cette nature sont rares à présent *******.

Высочайшее повеление о лесных премиях вчера напечатано в «Правительственном вестнике» [415].

---

* Все то же самое.
** подоходном налоге.
*** отсутствующих.
**** побудить людей оставаться в стране.
***** перемена радует.
****** на четверть часа.
******* Желаю удачи! Подобные удачи теперь редки.

23 января. Государь возвратил записку с отметкою, что он ее передал министру финансов, не обнаруживая источника, и что сам министр финансов ему представил сегодня же свои соображения, прося приказать внести в Комитет финансов.

Утром парад частям войск, не бывшим в строю намедни. Кавалергардам и конной гвардии сделана тревога. Выехали быстро (конечно, приготовились по догадке) и прошли хорошо.

Сегодня же решилось, по-видимому, упразднение остзейского ген.-губернаторства. Как мысль государственная, оно правильно. Нет повода искусственно объединять три губернии с особливыми, но неодинаковыми чертами и схожими только в том, в чем они отличаются от губерний русских. При данных условиях оно, быть может, даже выгодно для края. Министр внутренних дел его не знает и тамошних дел не понимает, но антагонизм преимущественно огуречного свойства в нем жив. «Поприжать немцев» — невеликая мудрость, но она ему кажется немалою и притом приятною. Ген.-губернаторы последнего времени все жаловались на край и потому огуречный антагонизм раззадоривали. Эст-лиф-курляндцы легче сживутся с губернаторами. Тогда и в большой Морской стихнет.

Обедал во дворце. Большой обед для послов с их дамами. Приглашены были все министры с их же дамами. 66 кувертов. Все по обычным формулам. Из августейших особ были только их императорские величества и два меньших вел. князя.

24 января. Невозможное заседание в Государственном совете. Невозможное в том смысле, что по крайней мере в присутствии так называемых экспертов нужно обнаруживать приличную меру понятливости. В своих вопросах, замечаниях, во всех приемах члены Государственного совета, принимавшие участие в совещании, походили на тупых китайских мандаринов. Толки все шли о так называемой обязательности рабочей книжки. Чтобы понять, в какой мере эта обязательность обязательна, стоило только заглянуть в текст проекта или пробежать приложенные к нему мои по званию председателя краткие объяснения.

Обедал с женою у князя и княгини Юсуповых. Обед в честь гросгерцога и герцога Мекленбург-Стрелицких. Длинно, скучно, гастрономически посредственно.

25 января. Утром у обедни. Потом председательствовал по обычному pli d'obligeance * в Обществе взаимного поземельного кредита. Выезжал, выходил, нездоровится.

Все толки об упразднении прибалтийского ген.-губернаторства. И все крайне поверхностное и одностороннее к делу отношение. Ces messieurs ont la figure très longue. Que diront ces

* любезности.

messieurs? Ces messieurs n'ont que ce qu'ils méritent * и т. п. Все на уровне сих messieurs. Говорящие ne sont pas des «messieurs» **.

26 января. Вчера вечером заседание Комитета финансов у вел. князя. Вопрос о мерах к поддержанию курса [416]. Журнал уже был готов к подписанию. Ergo ***, не могло быть в виду совещания. Впрочем, оное было и невозможно по существу. На первый раз ничего не оставалось делать, как то, что паллиативно предложено министром финансов, а именно, продолжение банковой операции последних двух недель насчет разменного фонда *с соответствующим изъятием из обращения кредитных билетов.* Систематическое приращение фонда посредством покупки золота при благоприятных курсах и, таким образом, долговременное сдержание сих курсов в пределах, от которых нынешнее падение все-таки менее резко, составляет, быть может, важнейшую заслугу министра финансов за все время его управления. Об общем вопросе, мною затронутом в представленной государю записке, не было речи. Во время совещания обычные вспышки дурных привычек. Например, министр финансов обвинял Берлин, потому что знает, что вел. князь Берлина не любит, а вел. князь тотчас сказал: «Нам Берлин все пакостит». Потом был на вечере у кн. Оболенской в честь двух Мекленбург-Стрелицких.

Сегодня утром доклад у государя. По поводу моей записки [417] сказал ему, что министр финансов скорее, чем я думал, оправдал мой отзыв насчет того, что он неохотно рассуждает коллегиально о финансовых вопросах. Il me paraît que cela a donné à penser****. Насчет прибалтийского ген.-губернаторства я сказала peu près***** то же самое, что здесь недавно отметил. Позже Государственный совет и Главный комитет. Обедал у Грейгов.

27 января. Комитет министров. Несколько моих дел. Мне трудно сохранять прежнее хладнокровие. Легко срываюсь. Нервная система сделалась до крайности раздражительною. Впрочем, если бы кто-нибудь знал, какие заботы меня гнетут и какие внутренние страдания меня преследуют, моя впечатлительность показалась бы естественною. Страдая за других, я вынужден постоянно скрывать это, страдая и лично, я также молчу.

28 января. Утром прием. Принимал доклады в Министерстве. Заезжал к гр. Тышкевич, которая на днях писала ко мне и о чем-то просила. Что делает она здесь? На столе огромный

---

* У этих господ вытянутые физиономии. Что скажут эти господа? Эти господа получили лишь то, что они заслужили.

** не «господа».

*** Следовательно.

**** Кажется, это дало повод к размышлению.

***** почти.

портрет ген. Потапова, который, говорят, у нее бывает ежедневно. Что делает он там?

Вечером опять приезжал Бокк. Он сообщил конфиденциально, что эстляндский предводитель Мейдель был здесь и удостоился благосклонного приема в Аничковском дворце, что вел.князь говорил об Остзейском комитете и разрешил даже передать ему памятную записку о преобразовании Комитета. После Бокка был А. Карамзин и осведомлялся о *моей* брошюре. Он говорил, что она слывет под моим именем: Je l'ai laissé dire [418] *.

29 января. Утром совещание у вел. князя ген.-адмирала по вопросу о найме рабочих. Попытка привести к одному знаменателю Тимашева, кн. Урусова, Абазу и меня. Потом заседание департаментов Государственного совета по тому же вопросу. Барон Николаи до крайности утомителен. Медленность процесса его мышления отражается в его речах, как в увеличительном зеркале.

Вечером у гр. Moira. Обычный стиль ее вечеров. На сцене при августейших особах Апраксины и Долгоруковы. Все прочие призваны петь песню: «Je suis choriste, quel affreux métier» ** или же разыгрывать роль статистов. Впрочем, все это так любезно и прилично происходит, что нельзя сетовать.

30 января. Три весьма тяжелых дня по совпадению неофициального тяжелого с обиходным официальным бременем.

Утром был в окружном суде, чтобы засвидетельствовать мою подпись на завещании покойного гр. Корфа. Принимал доклады. Вечером на Петербургской стороне посаженым отцом на свадьбе Э. Ф. Шульца. Посаженою матерью была жена ген.-ад. Мердера, одним из шаферов — Никс, бывший ученик Шульца. Для окрестных жителей Введенской церкви нечто вроде зрелища, благодаря лентам на ген. Мердере и на мне и конногвардейскому колету Никса. Позже $1/4$ часа на бале у Половцовых, где я представил Губбарда. Хозяин, по-видимому, чаял высоких гостей, но я видел только герцога Мекленбургского. По этому поводу лента хозяина, бывшая на жилете, когда я приехал, оказалась уже под жилетом, когда я уезжал. Какой источник внутренних ущемлений призвание хозяина d'une maison qui reçoit ***.

31 января. Был на юбилее II Отделения. Редко видел что-нибудь более manqué ****. Оболочка была, содержания не было. Были государь, вел. князья, министры, члены Государственного совета и сенаторы, чины II Отделения [419] прежние и нынеш-

---

* Я не возражал.

** «Я хорист, какая противная профессия».

*** дома, где принимают.

**** неудачное.

ние, но, кроме мундиров, ничего юбилейного не проявилось в собрании. Среди общего pêle-mêle * могло бы показаться, что юбилей празднуется где-нибудь и кем-нибудь вне II Отделения. Был молебен, провозглашены многолетие государю и вечная память императору Николаю I. Но о чем молились, что памятовали, не обозначилось ничем. Что праздновали? Сооружение ли Николаевского моста, воздвижение Александровской колонны или перестройку какого-нибудь здания, ко всему могли относиться и эктинии, и многолетия, и вечная память. Был завтрак, за который многие сели, но в глаза бросалось, что единство и единение ограничивались прислугою с блюдами и бутылками; гости явно были чужды всякой единящей мысли. Их просили сесть, они сели, и многие, как я, думали только о том, когда можно будет с приличием встать и удалиться. Кн. Урусов явно не сумел подготовить дело. Он не просил государя удостоить знаком внимания ветеранов Отделения или старших его представителей, например, Репинского и Терентьева, или по крайней мере Замятнина. Если что-либо озаряет II Отделение светом идеи, то это свод princeps [420]**, память Сперанского и Балугьянского. Но государя повели только посмотреть произведения типографии: шрифты, полутипажи, переплеты! Государь взглянул, прошел обратно и уехал! Мы праздновали типографию!!!

Вечером у австрийского посла. Раут. Весь город проходил салонным маршем. Никто не засиживался. В этих спешных приемах есть только практическое удобство встреч для тех немногих, кому нужно обменяться немногими словами. Для массы — это безумие.

1 февраля. Утром у обедни. Выезжал.

Внутреннее утомление сильно. Бог дает силу. Иначе руки давно бы опустились.

2 февраля. Утром доклад государю. От него прямо поехал к Потапову. Alea jacta***. Нельзя было не решиться на развязку по частному вопросу.

Вечером бал у цесаревича.

3 февраля. Комитет министров. Целый день гнетущее раздумье и тревожные опасения.

4 февраля. Несмотря на тяжкое состояние духа, принимал доклады в Министерстве. Минуты кажутся часами.

5 февраля. Утром во дворце. У императрицы благодарить за рескрипт по родовспомогательному заведению, у государя с благодарностью за участие, принятое в другом деле. Позже заседание в соединенном присутствии по вопросу о найме рабо-

---

* неразберихи.

** первый.

*** Жребий брошен.

чих. Вечером утомительный визит гр. Г-ва. Частный горизонт благодаря бога проясняется.

Вел. кн. Мария Николаевна, кажется, отходит.

8 февраля. Тяжелые два дня остались без заметок. Сегодня утром у обедни в Александро-Невской лавре. Вечером простился с сыном, уехавшим на Кавказ. Да благословит бог его путь.

Вчера было самое безобразное заседание соединенного присутствия *. При моем нервном настроении я не в силах противупоставлять должное хладнокровие всем толчкам, которым подвергается дело, против моей воли мне навязанное.

Вел. кн. Мария Николаевна не только жива, но даже, говорят, ей несколько легче. Состояние, тем не менее, признается безнадежным. С трепетом следят за ним хозяева балаганов. Сегодня первый день масленицы. Каждый день заранее рассчитан на приход, и потеря его была бы невознаградима.

Отвечал министру народного просвещения на вопрос о Staatsexamen **. В моем ответе довольно подробно развит в новой форме не раз уже развивавшийся мною тезис.

9 февраля. Вел. княгиня скончалась сегодня в 1-м часу утра.

Был у государя с докладом. Потом на панихиде в Мариинском дворце. Обычные явления. Траурный раут. Самодовольное в черном наряде сознание въездности во дворцы. Самолюбивая уверенность, что отсутствие было бы замечено. Впрочем, мало лицемерного ханжества. Нет возгласов о прискорбном событии. Оно так долго ожидалось, что случившееся не могло произвести никакого сильного впечатления. Завершилась жизнь, обильная светом и тенями. Помню июльский день 1839 г., когда усопшая вел. княгиня стояла перед первым брачным алтарем. Сколько в ней было красоты и грации, сколько было силы в ее державном отце! Как мало предчувствовали будущность! В этой будущности при последовательном ее переходе в настоящее и прошлое сколько разноцветных и разнозначительных глав! Мариинский дворец, ужин на Владимирской, беглый конь [?] в Петергофе, затем вторичное, сперва безгласное, потом гласное супружество, страническая жизнь между Петербургом, quarto, Сергиевкой, лихорадочное занятие искусствами, домашние огорчения. Наконец, гробница в Петропавловской крепости. Позже был в Государственном совете и в Главном комитете. Трудный частный эпизод, кажется, благодаря бога, разрешившийся благополучно.

10 февраля. Утром прием. Сносный. Но томящее меня внут-

---

* *Далее написано:* медленность процесса мышления некоторых участников отражается в их речах, как в увеличительном зеркале (*т. III, л. 186*).

** государственных экзаменах.

реннее лихорадочное волнение еще не улеглось. Все ощущение как бы начеку.

Был на панихиде, которой сегодня предшествовало положение усопшей во гроб. Перенесение ее из внутренних покоев в залу, где ожидали ее катафалк и гроб, было торжественно. Несли, кроме сыновей и гр. Строганова, государь и все наличные вел. князья. В первый раз видел Николая Максимилиановича после встречи с ним в Тегернзее в 1874 г. Он мне показался глубоко взволнованным и еще более, чем прежде, болезненным. Во время панихиды он прислал сказать мне, что просит зайти к нему, когда государь уедет. Я это, конечно, исполнил, не догадываясь, для чего он меня хочет видеть. Он сказал: «Au fond j'ai besoin de voir quelqu'un quelquefois, et pour vous je savais que vous seriez ici aujourd'hui»*. Далее в разговоре он заявил, что думает летом посетить Донецкий бассейн, и просил меня приказать собрать нужные предварительные справки и предупредить государя, что он будет просить разрешения на эту поездку.

Был потом в Комитете министров. Перед обедом видел у себя кн. Долгорукову, дочь кн. Ольги (Булгаковой). Она в затруднительных обстоятельствах и желает продать казне свои астраханские рыбные ловли. И в ее судьбе, в судьбе ее родителей были перипетии. Я еще помню свадебные визиты князя и княгини Долгоруковых в Москве, когда я был мальчиком или отроком лет 12—14. Помню позднейшие фазисы. Помню княжну при овдовевшем отце, более или менее fast lady**. Теперь смерть смела все: мать, отца и брата, а предшедшие фазисы вконец расстроили некогда значительное состояние. Кн. Долгорукова теперь борется с кредиторами и ищет исхода тем или другим путем из трудного своего положения.

11 февраля. Утром в Министерстве, где принимал доклады по всем департаментам. Обедал в Английском клубе. На завтра назначено с обычным церемониалом перевезение тела покойной вел. княгини в Петропавловскую крепость. Целый день разные просьбы о местах в нашем доме и в Министерстве, чтобы видеть процессию.

12 февраля. Процессия совершилась по церемониалу. К счастию, погода благоприятствовала. Термометр почти на нуле и безветрие. Даже солнце раза два или три осветило шествие. Сыновья покойной вел. княгини следовали пешком за колесницей. Государь, конечно, был верхом. Из войск были Преображенский полк, конная гвардия и одна батарея. Почему именно столько, не знаю. Вероятно, есть правило. Выбор полков

---

* «В сущности, мне иногда бывает нужно кого-нибудь повидать, а о вас я знал, что вы будете сегодня здесь».

** дамой с прочным положением.

объясняется и свойством Преображенского, и тем, что им командует зять покойной, а в конной гвардии служит ее сын кн. Сергий. Сонм гражданских сановников был беден и неблистателен. Кн. Урусов надел треугольную шляпу на барашковую шапку, что ему придавало самый карнавальный вид. Из министров шли, кроме меня, только министр юстиции и Грейг, из членов Государственного совета — гр. Баранов, Мельников, кн. Оболенский, Стояновский. В Петропавловском соборе ожидал дипломатический корпус. Неприятно было мне смотреть на него, когда он смотрел на дефилирующее мимо катафалка духовенство. Ради почета оно было очень многочисленно и тем менее подобрано под европейский глаз. Есть нечто полудикое в дьяконах, нечто приниженное в иереях. При таких церемониях они как будто не священнодействуют, а исполняют сценические роли низших разрядов. Сугубо сдавленные почтительностью пред митрополитом и почтительностью пред величествами и высочествами, они не сонм, а труппа. Во всем этом звучит тяжелый диссонанс, есть грубое и зловредное противоречие. Мирянин невольно чувствует себя выше, он побуждается смотреть свысока. Наоборот, ему следовало бы взирать вверх к представителям и проповедникам вечных и высших истин, к служителям бога вышнего. Следовало бы обратить внимание на эту часть придворных и общественных церемониалов. Вообще следовало бы иначе отнестись к церкви.

Целый день прошел почти без бумаг. Почившая вел. княгиня как будто наложила краткосрочную эпитимию молчания на канцелярии. У меня на сердце другое безмолвие. Грустно, уныло, но тихо и почти спокойно. Ухо прислушивается. Не слышу шагов. Дума непрерывная, но не обо мне, а о них дума...

13 февраля. Не поехал на погребение. В соборе будет тесно и я вчера отслужил свою службу.

Был в 1/2 3-го на совещании у вел. кн. ген.-адмирала по вопросу о правилах для найма рабочих. Далее идти прежним порядком дело не могло. С моей же стороны бесполезно тратить время и силы для препирательства с г. г. Стояновским, Мансуровым, бароном Николаи и пр., было бы нерассудительно. Вел. князь пригласил кн. Урусова, министра внутренних дел, министра финансов Абазу и меня, чтобы согласиться насчет дальнейшей системы ведения дела. Министр внутренних дел заявил, что он не настаивает на проведении всего проекта и пр. (quelques phrases très vagues) *. Это мне облегчило занятие дальнейшего locus standi **. Отныне я буду защищать то, что считаю действительно полезным или нужным, а все остальное предо-

---

* несколько очень расплывчатых фраз.
** позиции.

ставлять усмотрению большинства. Одним словом, я возвращусь к базису моего сводного проекта, с тем изъятием, что не буду настаивать на придатках вроде правил об обучении, о мурманском береге, о судорабочих и т. п. Я при этом случае, однако же, заявил, что сожалею о том, что пять лет дело было ведено по другому направлению, что прошлогодняя комиссия была созвана и пущена по тому же направлению и что подобная непоследовательность правительственных распоряжений не может не вредить правительственному prestige.

14 февраля. Утром выезжал. Был у ген. Исакова. Затем целый день дома. Работаю с трудом. Сердце защемлено.

Сегодня вечером уезжает королева Ольга. Будущие судьбы Мариинского дворца и его обитателей не определились. Гр. Строганов не был ни при перевозе тела почившей вел. княгини, ни при погребении. Он сказал, говорят, что с ее жизнью пресеклось и его отношение к ней. Его дочь также не была ни при том, ни при другом обряде. Про нее рассказывают, что, наперекор судьбе, она тяготится своим именем и, несмотря на свои 15 лет, горячо желала быть высочеством.

У меня был Тимашев. Он беспокойно глядит вперед. И на Востоке и на Западе тучи. Был также гр. Орлов-Давыдов. Он собирается провести будущую зиму в Париже. Нынешнюю он проводит в Отраде [421], но, говорит он, и грустно там, и становится жутко. Обеднение крестьян [422] наводит на мысль, что общественная безопасность не обеспечена. Не он один говорит об обеднении. Отчего обеднение, при законоположениях 19 февраля? Отвечать можно, но, к сожалению, еще рано. У нас не только отвечать на этот вопрос, но и ставить его еще значит быть крепостником!!

15 февраля. Утром разные посетители. Между ними бывший орловский губернский предводитель Шереметев. Он говорит в тон с гр. Орловым-Давыдовым. Бывшие однодворцы закладывают свои земли ростовщикам. Бедность возрастает. Семейные разделы и обращение сенокосов в пашню подточили благосостояние крестьянских хозяйств. Шереметев избегает ездить по деревням. Становится там неловко. Можно призадуматься.

Был у обедни. Выходил пешком. Приготовлял доклад к завтрашнему утру. Писал запоздавшие ответные письма и одно неответное, но на которое тревожно буду ждать ответа. Кануны всеподданнейших докладов теперь нетрудны по существу, но обезнадеженные по впечатлениям и настроению. Государь утомлен. Его надлежит беречь. Ничего радостного или даже приятного нет. Напротив, если бы говорить, то пришлось бы тревожить. Но и тревожить было бы теперь напрасно. Механически представляю докладные бумаги. Они разрешаются. Дела идут

и даже дело идет, но я веду почти исключительно то, что могу двигать один или при помощи Комитета министров, где мои представления пользуются расположением канцелярии и вниманием членов.

16 февраля. Утром доклад у государя. Был у кн. Горчакова. Туман. Был в Государственном совете (соединенное присутствие) по делу о найме рабочих. Сегодня окончательно происходило избиение трудов Комиссии. Вел. князь перед заседанием уговорил ген. Игнатьева не протестовать. Все обошлось как по писаному. Решили ограничиться самонужнейшим отрывочным законодательством *. Поручено Государственной канцелярии составить в этом смысле выборку из проекта. Затем эта выборка должна быть подвергнута апробации министров внутренних дел, финансов, юстиции и моей. Думают, что выйдет нечто весьма необъемистое. Ошибаются, если думают, что может выйти что-нибудь полезное. Из прежних проектов можно откинуть целые части, например, о прислуге, о судорабочих и т. д., но существенные постановления об исполнении и прекращении договоров, об обеспечении исполнения, о фабричных рабочих и о работах строительных должны сохраниться [423].

Заезжал в разные места для отдачи визитов. Затем дома. Много забот по горной части. Как рыба об лед. Все-таки надеюсь сквозь лед пробиться.

Сегодня скончался после непродолжительной болезни товарищ министра юстиции тайн. сов. Эссен. Мнения о нем были различны. Я личного мнения о нем не имел, потому что мало знал и мало видел в деле.

17 февраля. Утром в крепости на панихиде по случаю 9-го дня [424]. Весь город. Замечательное усердие дам. Внутреннее противоречие этих церемоний. Песнь клира: «Молитву пролию ко господу... возвещу печали моя, яко так дума моя исполнися»... Кто из присутствовавших был в этом настроении?

Позже в Комитете министров. Оттуда заезжал к Николаю Максимилиановичу, чтобы передать об исполнении его поручения. Он был нездоров на днях и еще не оправился. Князья Сергий и Георгий пожалованы флиг.-адъютантами.

Трепов сказывал сегодня, что Мариинский дворец завещан четырем сыновьям вел. княгини, но что на них 3 миллиона долга. Впрочем, Трепов не всегда точен.

Вечером заезжал Китицын, чтобы намекнуть, что он мог бы занять место Эссена, а г. Бокк, чтобы выразить надежду и желание, «daß man doch über die weiteren Maaßregeln, infolge der

---

* *Далее написано:* по разным ведомствам (*т. III, л. 187 об.*).

Aufhebung des Generalgubernements, die Vertreter des Landes hören möge» *.

18 февраля. Утром прием. Потом в Министерстве, где принимал доклады по департаментам и узнал о разрыве на четвертом выстреле той 11-дюймовой пушки, на которой строились для Пермского завода разные мечты г. Соколовского [425]. Заезжал потом в английское посольство.

Дочь министра народного просвещения гр. Толстого помолвлена за племянника министра юстиции гр. Толя.

Кн. Кочубей вернулась недели две тому назад. Говорят, что ее старшая дочь, кн. Трубецкая, lui tire les carottes **, угрожая в противном случае какими-то разоблачениями.

Наши русские дамы продолжают отличаться за границей. M-me cont. Tolstoi на очереди в Париже.

19 февраля. Восшествие на престол. Годовщина 19 февраля 1861 г. Тихо по случаю 1-й недели поста и вообще тихо. На небосклоне тускло. В центре есть ощущение затаенной болезни. Как будто биение сердца стало слабее.

Выезжал и выходил. Был у Лесовского. Какая скромная обстановка. Вышел с почтительным чувством.

Ко мне приезжал Гирс по делу Зенффт-Пильзаха. Слышал от него, что Австрия послала фельд.-лейт. Родича в Черногорию. Это не нравится, как роль, как будто бы нам подобающая. Но разве мы можем играть эту роль? Не отмечено ли в европейских афишах: malades: Turquie, Espagne; indisposés: France, Russie***.

Меня гнетут тяжелые думы. Ни к чему нет охоты. Читал записки Шнейдера [426], им мне присланные; отдел — König Wilhelm. Любопытные подробности, рисующие весьма отчетливо характер императора Вильгельма.

20 февраля. Продолжаю чтение записок. Замечательное впечатление производит постепенно выделяющийся из них и отчетливее рисующийся образ императора Вильгельма. Этот образ растет и при этом как будто умаляются фигуры главных его сподвижников: кн. Бисмарка, гр. Мольтке и др. То есть они умаляются относительно, потому что определяется личная доля императора в общих результатах. Без него, без его нерезкой, нетрескучей, но, тем не менее, сильной самостоятельности, без его неутомимой деятельности и отличительных личных свойств не было бы ни преобразования прусской армии, ни событий 1866 и 1870 годов.

---

* «чтобы вследствие упразднения ген.-губернаторства можно было бы все же выслушать мнение представителей страны относительно дальнейших мероприятий».

** выманивает у ней деньги.

*** больны: Турция, Испания: нездоровы: Франция, Россия.

Утром в Совете коннозаводства. Потом в Министерстве.

21 февраля. Выезжал, выходил. Видел разных лиц. Замечателен дейст. стат. сов. Николаев, не перешедший в Министерство с горною частью, но оставленный в Министерстве финансов. Он кажется мне самым способным и надежным из всех в каком-либо министерстве мною виденных чинов его разряда, т. е. второстепенных чинов гражданской иерархии.

Был у Трепова. Его приемы — серия эпизодов с разными видами рельефности.

Вечером у меня был гр. К. protegé du p-ce Alexandre de Hesse *. Невероподобная наивность. Он желает быть управляющим, не зная русского языка, и, ничего не зная, manger du foin **. Потом графиня Г. Все по тому же делу. «Er dachte, er würde mit einem Secretaire auskommen».— Auskommen! Marrons à tirer du feu ou plutôt d'une autre substance***. Полтора или два года парирую.

22 февраля. Утром у обедни. Выезжал. Был в Константиновском училище, чтобы видеться с директором ген. Гакманом. Целый день затем употреблен на работу пополам с наблюдением над способностью страдания.

23 февраля. Утром доклад у государя. Затем Государственный совет и заседание военного присутствия. Вечером видел разных лиц, между прочим, Мяковского. От него слышал разные неудобные подробности о делах Мариинского дворца.

Продолжал чтение записок Шнейдера. Все те же впечатления. В исторических событиях менее случайностей, чем обыкновенно может казаться. Божий промысел иногда обнаруживается крупными, резкими чертами нечаянности и внезапности, но в обиходном, непрерывном ходе дел логическая связь причин и последствий проявляется видимо. Нужные орудия избираются, нужные силы призываются. Личность императора Вильгельма одна из самых замечательных по своим отличительным месту, среде и времени соответствующим особенностям. Его личная переписка при разных поводах с разными лицами, имевшими должностное или общественное значение, вполне оправдывает употребленное им однажды выражение, что он нашелся вынужденным persönlich in die Bresche zu treten ****, и доказывает всю самостоятельность и всю непрерывность его личного влияния на дела и события. Особенно замечательны его ответы T. Vincke V. Albendorf по вопросу об отношениях к камерам, кельнскому архиепископу перед начатием войны

---

* которому покровительствует принц Александр Гессенский.

** делать глупости.

*** «Он думал, что обойдется при помощи секретаря».— Обойдется! Тащить каштаны из огня или скорее из чего-нибудь другого

**** самому принять ответственность за дело

1866 г. и г. Бадельшвингу об оппозиции консервативной партии.

24 февраля. Утром Комитет министров и Комитет польский, еду в Лисино.

26 февраля. Вчера был в Лисине до вечера. Охота была удачна на медведей, коих убито два, но неудачна потому, что один из загонщиков ранен штуцерною пулей. Рана довольно тяжелая и казалось сначала легче, чем позже обнаружилось. Пуля прошла вдоль ребер и вынута под лопаткой. Чей выстрел ее причинил, остается безвестным. Государь был опечален, но в особенности озабочены вел. князья—цесаревич и Владимир Александрович. Они ездили в лазарет смотреть больного. Государь приказал, чтобы ген. Петров утром донес мне по телеграфу для доведения до сведения его величеству о состоянии больного. К счастью, вести, сегодня полученные, успокоительны. Вел. кн. цесаревич от себя посылал сегодня д-ра Гримма в Лисино, чтобы посмотреть и, буде нужно, помочь. Эта заботливость и распорядительность меня порадовали *.

Был утром в Аничковском дворце по случаю 26-го.

Государь мне вчера показался весьма легко утомляющимся и вообще в неблагоприятном санитарном состоянии. Есть минуты d'un affaissement presque complet **. Мне показалось также, что он сам сознает свое состояние, но скрывает это сознание и, быть может, притворяется более равнодушным ко многому, что около него происходит, чем он равнодушен на деле. Он избегает всякого усилия. Тревожно гляжу в будущность.

27 февраля. Целый день дома, за исключением краткой обычной прогулки с Роб Роем, ради его.

Вытерпел слишком 30 аудиенций, в том числе 23 чужих посетителя утром. Принимал доклады.

Был гр. Адлерберг по делам вел. князей Николая Николаевича и Николая Константиновича. Он разделяет мое мнение о состоянии государя и говорил, что он простудился в Лисине и вчера во время обедни почувствовал себя так дурно, что был вынужден сесть. Cela a fait sensation ***. Естественно. Мое настроение до того страдательное, что уединение, одиночество мне нужны. Я чувствую себя как будто в безопасности, когда думаю, что в течение некоторого времени никто не войдет. Но и тогда, с притворенною дверью кабинета, я слышу, как в соседнюю комнату входят курьеры и кладут на стол конверты!

При этом настроении иметь энергию дела!

---

* *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «К сожалению, раненый умер. Семейству государь приказал назначить пенсионное пособие» (*т. III, л. 189*).

** почти полного упадка сил.

*** Это произвело сенсацию.

28 февраля. Утром обычный бич посетительский и просительский. Был в заседании департамента Государственного совета по праздному вопросу о Таганрогской губернии [427]. Выходил пешком. Был у министра финансов, которому заявил потребность в $1^1/_2$ миллиона для покупки имения вел. кн. Николая Николаевича. Excusez du peu *. Он, конечно, был ébouriffé **. Первый натиск сделан. Il n'a qu'à caver ***.

Вечером был Ю. В. Толстой. Речь о моем письме к епископу Леониду и о заключающихся в нем предположениях. Быть может, мысль моя не останется бесплодною ****.

Сегодня приехала герцогиня Эдинбургская с супругом и пр. Встретил вереницу карет, едущих с железной дороги. Вещее время. Желаю приезда в добрый час и благополучного пребывания. Но что-то смутно и тревожно на сердце. Все августейшие блески теперь как-то похожи на зарницу.

29 февраля. Утром у обедни. Обычный воскресный выезд. Был у Абазы по случаю его нездоровья. Затем дома. Тяжелые думы. Хмурое небо вокруг.

1 марта. Доклад у государя. Государственный совет. Главный комитет. Хмуро, не вижу просвета.

2 марта. Комитет министров. Дело о возобновлении хартии Общества черноморского пароходства [428]. Вечером заседание у гр. Адлерберга по вопросу о дальнейших мерах в отношении к вел. кн. Николаю Константиновичу. Все то же hiatus ***** между словами и делом. Мы сидели 2 часа. Вопрос, если что-либо могло быть вопросом, едва ли требовал для его разрешения получаса. Все остальное потреблено на фразеологию врачей о высоком больном и на пережевывание разных оборотов речи и мысли несколько раз ad nauseam ******, употреблявшихся в предшедших совещаниях. Рядом с этим до сих пор меня изумляющая вера в практическое значение и силу других форм письменного слова. Как будто никому не приходило на мысль припомнить и сравнить то, что бывало с тем, что оно произвело.

12 марта. Пробел преимущественно вследствие болезни жены и разных забот.

Событий впрочем немного. 8-го был доклад у государя, при котором он говорил о благодарности, мне заявляемой государственным контролером в его отчете, и присовокупил, что, впро-

* Не взыщите.
** ошеломлен.
*** Ему остается поискать [денег].
**** *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* Она так осталась. Письмо в моих бумагах. *16/XI—1881 г.*
***** разрыв.
****** до тошноты.

чем, он, государь, ничего другого от меня и не ожидал. Затем были обычные по понедельникам и вторникам заседания, обычные в течение недели потоки просителей и бумаг. Видел приехавшего из Берлина директора телеграфного агентства Венцеля. Свел его с кн. Лобановым. Мне наскучили переговоры по этой части. В лице Венцеля вся меркантильная сторона дела как-то auf judisch-politische Weise * выступает на сцену. И все-таки я вынужден играть concertino ** на балалайке фраз.

Вчера обедал у их императорских величеств. Не видел герцога и герцогини Эдинбургских. Они были на обеде у английского посла. Третьего дня по случаю дня рождения императора Вильгельма был обычный большой обед в Зимнем дворце. О тостах ничего не слыхал, но, вероятно, они были произнесены в обычных формах. Ген. Вердер пожалован ген.-адъютантом (германским). По этому поводу В. П. Титов, обедавший вчера вместе со мною, спросил ген. Вердера, также там обедавшего, сколько ген.-адъютантов у императора Вильгельма. «Теперь будет около пятнадцати»,— сказал Вердер. Титов хотел передать об этой цифре государю, но как-то не успел вставить слова вовремя или передумал и замолчал. Кстати, потому что у нас их 147.

Дела Министерства мне ежедневно представляют затруднения, с которыми по-настоящему не следовало бы мне встречаться. Неумелость начальников отдельных частей велика. Особенно неудобны замашки тех, которые воображают, что главное — ловить те или другие мелкие злоупотребления. У нас свой аршин и у нас более чем где-либо faire de la police n'est pas faire de l'administration ***.

Видел ген. Швейница, с которым не встречался лет восемь. Он менее постарел, чем я думал, но на лице его видна озабоченность семейная. Он стал и мужем, и отцом, и стал тем и другим в поздние лета. Мне пришли на память, конечно некстати, стихи из Фауста. «Meine Ruh ist hin»**** и пр. Поводы и мотивы другие, но die Ruhe ist doch hin *****.

На прошлой неделе обедал у вел. кн. Николая Николаевича en famille ****** внизу в комнатах вел. кн. Николая Николаевича младшего. Triste intérieur *******. Разговор, особенно после обеда, исключительно лошадный.

Чувствую, что я более и более отрываюсь от всего, что при-

---

* еврейско-политическим образом.

** маленький концерт.

*** заниматься полицейскими делами не значит управлять.

**** «Мой покой исчез».

***** покой все же исчез.

****** по-семейному.

******* Унылый вид.

надлежит к внешнему миру. Как скоро только позволяют люди и бумаги, я ухожу в тот круг, где их нет, и где сосредоточено, увы! на столь немногих, то, что я люблю. Мои монологические привычки усиливаются. Если бы кто-нибудь меня подслушал на днях, когда я невольно воскликнул: «Der Name meines... ist mir ein Messerstich!» *

Замирающий лист мало-помалу блекнет, общение между деревом и им слабеет, рвутся соединительные волокна. Мало-помалу он отделяется, он становится чужд густой массе других листьев. Наконец, его обхватит дыхание ветра, он окончательно оторвется... Христианские кончины живота нашего безболезненные, непостыдные, мирные у господа просим. Подай, господи!

13 марта. Целый день дома, за исключением обеда у обергофмейстера Грота. Были, между прочим, ген. Лефло и лорд и леди Лофтус. Леди Лофтус говорит, что почин всего дела об индийском императорском титуле принадлежит принцу Валлийскому, а лорд Лофтус полагает, что после всех Indian pageants etc...** принца ничем уже нельзя будет забавлять в Англии.

Герцог Эдинбургский уезжает завтра.

Для меня опять тяжелый день. Опять один из тех издалека налетающих ударов, после которых медленно и трудно перевожу дух.

14 марта. Утром у обедни. Выезжал. Затем дома. К счастью, посетителей немного. С трепетом, скрывая, конечно, этот трепет, подхожу по временам к тому столу, на котором складываются для меня конверты, письма и телеграммы. Не конвертов страшусь я!

Смотрю назад. Сколько тяжелых дней и бессонных ночей за мной! 1844, 1845, 1849, 1857, 1858, 1859, когда один ночью, глядя на небо и прильнув лицом к окну, я повторял: «Vater, das Herz tut mir weh!» *** 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874! В 1875 как будто отлегло. Зато 1876!

15 марта. Утром доклад у государя. Затем Государственный совет. Выходил. Читал.

Перечитываю вчера написанное. Какая тяжелая цифирная хроника! 18 лет, оттененных горем. Внутренние клещи на сердце. Ум в тисках и при тисках в принужденной работе!

Когда меня не будет, прочтут эти строки. Думаю, что нельзя будет их прочитать равнодушно. Быть может, покажется странным что я иногда употребляю в восклицаниях немецкий язык. Причина двоякая. Во-первых, немецкий и русский языки оди-

* «Имя моего... для меня — удар ножа!»
** индийских парадов и пр.
*** «Отче, у меня болит сердце!»

наково молитвенны. Во-вторых, я часто встречал в немецких книгах места, вторившие моему внутреннему настроению, например, в книге Перца о Штейне [429], стихи, которые повторял или цитовал Штейн: «Ihn lasse du nur walten» * и пр. или «Zage nicht, es ist die Liebe»** и пр.

Помню также стихи из Kirchenlied:

Ich sterbe täglich, — und mein Leben
Eilt immerfort dem Grabe zu ... ***

18 марта. Был утром у кн. Горчакова. Он сообщил последние депеши свои ген. Игнатьеву и Новикову. Дело sur la pointe d'une aiguille ****. Nonintervention contre les Turcs. A fortiori, nonintervention éventuelle pour les Turcs. Между тем pression diplomatique sur le Monténégro et la servir pour circonfaire le terrain de la lutte, что в известном смысле похоже на intervention pour les Turcs. Résolution de prévenir toute fissure entre nous et le c-te Andrassy parce que trop le monde se hâterait d'en faire une brêche***** и пр. и пр. О гр. Шувалове кн. Горчаков сказал: «Il fait bien à Londres, et politiquement et socialement»****** Думает ли он это? Сомневаюсь. О кн. Бисмарке я снова слышал прежний отзыв о двух déceptions******* нас помирить с Австрией, что обошлось без него при Dreikaiserzusammenkunft******** и с Англией, что не случилось по ненадобности, т. е. по отсутствию размолвки. Далее кн. Горчаков сказал, что при проезде гр. Шувалова через Берлин кн. Бисмарк поручил передать ему, кн. Горчакову, что Германия (или Пруссия) никогда не забудет 1866 и 1870 годов и что мы можем рассчитывать даже на немецкую армию (?) (против Австрии?) — в чем дает слово не канцлер, а кн. Бисмарк, comme gentilhomme [430] *********.

Вчера видел гр. Шувалова, который сам передал мне, но в несколько другом виде, свои беседы с кн. Бисмарком. Судя по

* «Только не мешай ему управлять».

** «Не робей, это любовь».

*** Я каждодневно умираю, и моя жизнь безостановочно бежит к могиле.

**** на кончике иглы.

***** Невмешательство против турок. В еще большей степени возможно невмешательство в пользу турок. Между тем дипломатическое давление на Черногорию и использование этого давления, чтобы ограничить территорию военных действий, что в известном смысле похоже на вмешательство в пользу турок. Решено не допускать никакого расхождения между нами и гр. Андраши, потому что очень многие поспешили бы превратить такое расхождение в разрыв.

****** «Он хорошо делает свое дело в Лодоне как в политике, так и в области связей в обществе».

******* неудачных попытках.

******** встрече трех императоров.

********* как дворянин.

его рассказам, Bismarck nous pousse à l'action. Il me fait l'éffet d'y procéder insidieusement *. Он должен знать, что мы теперь не «in condition» **. Сегодня, до посещения кн. Горчакова, видел у себя ген. Швейница. Он отзывается о гр. Андраши по-моему. По части современных дел разговор с ним касался Франции и общих опасений насчет революционной пропаганды, а не Востока.

Кн. Ливен уехал в Москву по данному ему поручению привести в порядок Петровскую академию. Там подано депутатами от студентов неуместное заявление директору, 79 студентами подписанное. Они протестуют против разных до них касающихся (хотя вовсе не новых) полицейских мер и жалуются на неуважение их «требований». Движение подготовлено или руководится, по-видимому, неким Григорьевым, бывшим воспитанником Николаевского инженерного института, ныне подпоручиком и студентом. Все эти волнения проистекают от одних и тех же причин. Формы и внешние поводы меняются. Существо и корни одни и те же [431]. Кн. Ливену дано полномочие распорядиться по обстоятельствам и усмотрению. На мой взгляд, желательно поступить так, как я поступил в 1874 г. при беспорядках в Горном институте [432].

24 марта. Дни идут. Не до заметок. Впрочем, и отмечать немного. В понедельник, 22-го, по обыкновению доклад государю. Сегодня присутствовал в Зимнем дворце при осмотре государем топографических работ. Был в понедельник в Государственном совете и в невозможном заседании Главного комитета. До $^3/_4$ 6-го благодаря много и медленноязычию барона Николаи и тупому упорству Б. П. Мансурова. Между ним и председательствовавшим вел. князем дошло до сцены. Вчера Комитет министров. В субботу обедал у австрийского посла, в воскресенье — у Половцова. Все такие обеды неизбежимы, потому что приглашения получаются за 8 или 10 дней вперед и, следовательно, нет предлогов к отклонению.

Сегодня во дворце видел гр. Шувалова дежурным ген.-адъютантом. Многих поражает контраст прошлого с настоящим. Я давно к нему пригляделся.

25 марта. Утром у обедни. Выходил пешком. Благодаря празднику мало докучливых лиц и бумаг. Сегодня полковой праздник лейб-гвардии Конного полка. Благодаря Никсу я как будто сам конногвардеец. Я духом участвовал в репетициях парада, духом был на параде, радуюсь тому, что все было на оном благополучно. Даже небо улыбнулось. Ночью шел

---

* Бисмарк толкает нас к активным выступлениям. У меня впечатление, что он делает это с коварной целью.

** «в хорошей форме».

дождь. В 12 часов просияло солнце и не скрывалось до 4 или 5. Конногвардейский мундир мне стал близок. Он как будто заслоняет в моей скорбной памяти два или даже четыре других мундира. О, клещи на сердце! Как я вас чувствую! Как охотно обращается мысль к стороне, где для нее есть надежда. Я — старец и, несмотря на то, как юный цветок в поле обращается к солнцу, так и я обращаюсь скоро, податливо, торопливо, быть может, легковерно к тому будущему, которое если не мне, то Никсу может улыбнуться. Непостижимая тайна любящей привязанности! Как легко при ней самоотречение, как собственная жизнь стушевывается перед другою жизнью, ею переполняется и ею оживляется и богатится!

По восточным делам продолжается крайняя неопределительность направления. Два разных потока встречаются в одном здании. Заметно желание воспользоваться случаем, чтобы возвратить уступленный в 1856 г. клочок левого берега Дуная [433]. Мне представляется эта цель мелкою, это намерение или желание не соответствующим достоинству великой державы. Нам не нужен Дунай. Если обстоятельства приведут к какому-либо перерегулированию границ, то я желал бы другого, хотя бы нам пришлось просто купить это другое у турок. Нам нужен Батум. Без Батума наш кавказский берег некрепок. С Батумом Черное море могло бы стать русским озером.

1 апреля. Удостоился св. причащения. Как всегда, в церкви Министерства внутренних дел. Думал сегодня во время обедни о том, сколько туч проносилось надо мною, когда я жил в том доме. Все пробелы и все одни причины. В понедельник доклад у государя. Потом заседание в Государственном совете по вопросу о рабочих [434]. Во вторник Комитет министров. В тот же день было здесь что-то вроде уличной демонстрации. Хоронили студента, содержавшегося под стражей по политическому делу и выпущенного на поруки. Его хоронила, т. е. сопровождала, толпа с внешними признаками нигилизма (т. е. стриженые женщины, длинноволосые мужчины и синие очки), назойливо и грубо требовавшая снятия шляп у встречных. На вопросы, кого хоронят, отвечали с указанием на арест и причину ареста [435].

Кн. Ливен вернулся из Москвы. Дело как будто завершено. В Академии спокойно. Надолго ли? Во всяком случае директору там не остаться.

3 апреля. Вчера был вечером у министра внутренних дел на совещании по вопросу о найме рабочих. Целью было предупредить, по возможности, дальнейшие разглагольствования барона Николаи. Были он, кн. Урусов, гр. Пален, кн. Оболенский, Сольский и Перетц. Sel et poivre du Conseil *.

---

* Старики Совета.

Сегодня утром был в Николаевском институте. Заходил к Половцову. Выходил пешком. Погода необыкновенно мягкая во все эти дни по отношению к времени года.

Никс произведен в унтер-офицеры. Первый шаг. Где мои первые шаги? Да даст ему бог то, что меня ныне укрепляет и держит,— молитву и упование, и, буде возможно, менее горя, чем я в жизни узнал и вытерпел.

4 апреля. Светлое христово воскресенье. Ночью был во дворце. Тотчас после заутрени вернулся домой. Государь казался несколько утомленным, что при его теперешнем состоянии здоровья естественно. Сегодня я его неожиданно увидел в Казанском соборе. Вероятно, он имеет обычай в этот день бывать в соборе. Я этого не знал. Походка, по обычаю, бодрая; он положил три земных поклона, по-видимому, без усилия, приложился к иконе и уехал. Новостей, в смысле официально праздничном, мало. Несколько александровских лент, в том числе трем послам — Игнатьеву, кн. Орлову и Новикову, первому с алмазами.

Притупился ли мой взгляд или потускнели дворцовые церемонии? Мне каждый раз кажется, что в прежнее время было более стройности, живости, блеска, даже более света, потому что в прошлую ночь какая-то мгла от свечной и ламповой копоти наполняла залы. Общее впечатление теперь отзывается какимто разладом, почти до распущенности.

Выезжал и выходил утром. Погода ясная.

В городе толки о скандальном эпизоде, где главное действующее лицо — кн. Михаил Горчаков *. [435[а]] Официальный и частный пятые акты князя канцлера неблагополучны.

Опасная болезнь m-me Wekesley, говорят, есть последствие домашних прискорбных сцен, вызванных затруднениями, в которые лорд и леди Лофтус поставляются нерасчетливым образом жизни зятя и сыновей. Сколько таких изнанок или подкладок в свете, не обнаруживаемых тифоидальными горячками!

6 апреля. Вчера доклад у государя. Выходил. Разбирал бумаги, обычное праздничное занятие. Писал письма. Дела Петровской академии продолжают меня заботить.

Сегодня утром был в Зимнем дворце с Опекунским советом. Видел там гр. Шувалова, который завтра уезжает. Кажется, что ему посоветовали ехать на свой пост? Дела Востока принимают сомнительный оборот. По словам Шувалова, лозунг теперь уже autonomie tributaire ** с некоторым увеличением

---

* *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «Характеристично для наших порядков, что этот эпизод не имеет последствий» (*т. III, л. 192 об.*).

** автономия с уплатой дани.

Monténégro. Странно, что в речах Шувалова звучит какая-то нота anti-Andrassi *. Словно в Берлине не жалуют entente ** нашу с Веной и здесь также проглядывает недоброхотство к Австрии. Впрочем, еще не заметно панславистского пошиба и не только нет речи о левом береге Дуная, но даже слышно вообще в отзывах Шувалова,— который выходил от государя и шел к императрице, отражение мысли, что la Russie est assez grande pour demeurer russe et n'avait pas besoin d'être slave ***. Обедал у их императорских величеств с Тимашевым. Видел там в первый раз вел. кн. Марию Александровну. Видел также ее фрейлину, lady Mary Butler и брата сей последней, lord Arthur Butler. Они из дома Ormonde, и я по обыкновению забавлялся обнаруживанием моего знакомства с peerage ****.

На представлении Опекунского совета видел Селиверстова. Он, вероятно, убедился в справедливости моего мнения о ненадобности для него приезжать на этот день из Москвы.

На четверг назначено у государя особое совещание из министров внутренних дел, юстиции, шефа жандармов, главноуправляющего II Отделением и градоначальника об учреждении полицейских судов [436].

7 апреля. Сегодня +14° Réaumur в тени. Таков петербургский климат. Нева прошла вчера. Не помню ледохода при такой теплой погоде. Небо ясно и даже имеет темно-голубой колорит.

Газета «Гражданин» приостановлена за резкую статью по герцеговинскому вопросу [437], в которой инвективируется против Австрии, Германии и даже против нас самих. Я понимаю, что жаль проливаемой крови, что геройское упорство инсургентов возбуждает сочувствие, что надлежит положить конец борьбе, но не понимаю того легкомыслия, с каким наши борзописцы и борзоговоруны готовы рисковать гораздо обильнейшими потоками русской крови. Мы должны стремиться к соединенному вмешательству в дело, а не к взаимной брани и дразнению тех христианских держав, без которых судьбы восточных христиан не могут быть обеспечены. Правда, что кн. Горчаков и гр. Андраши до сих пор не обнаружили памятования правила: gouverner — c'est prévoir *****.

---

* против Андраши.

** согласие.

*** Россия достаточно велика, чтобы оставаться русской, и не нуждается в том, чтобы стать славянской. *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «Сколько таких фраз я слышал. Мы как будто считаем нужным постоянно напоминать другим о нашем величии. Плохой признак искренности сознания или его безошибочности. 26/II 1881 г.» (*т. III, л. 193*).

**** пэрами.

***** управлять — значит предвидеть.

8 апреля. Утром в Зимнем дворце при осмотре картографических работ Министерства путей сообщения и, кроме того, некоторых прежних Генерального штаба, которые были удостоены рассмотрения государыней императрицей. Она весьма долго рассматривала карты Турции и Средней Азии. A bons entendeurs salut *. Между прочим, была выложена и часть карт и планов Полесья полк. Жилинского.

Затем невозможное заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих. Барон Николаи и некоторые другие велеречивые члены продолжали убивать беспощадно время и раздражать нервы людей менее досужных, чем они.

Совещание у государя на тему полицейских судов привело к заключению об издании полицейских правил в руководстве судом. Что именно под этим разумеется, для меня неясно. Поручено министрам внутренних дел и юстиции и кн. Урусову означенные правила составить.

Государь выезжает в Берлин 25-го. Туда будет гр. Андраши. Между тем здесь идет сильная противуавстрийская агитация. Министр внутренних дел, к моему удивлению и сожалению, сам агитирует на словах, хотя на деле приостановил «Гражданина». Мне кажется, что и он, и многие другие воображают, qu'il fait de la politique traditionnelle en parlant des perfides Habsbourgs, comme jadis on parlait de la perfide Albion **. Но что же, если от слов перейти к делу? Должны ли мы воевать с австрийцами, потому что ноты гр. Андраши, соглашенные с г. Новиковым, не покончили с герцеговинским восстанием?

Среди всех официальных барщин, которые я несу, не прекращается гнетущая меня внутренняя драма. Постоянно под ударом! Не из-за себя, конечно! Нет дня, в котором я утром был бы уверен, что не получу письма, а если пришло письмо, то телеграммы, которая не исказила бы надолго строй моей жизни!

10 апреля. Третьего дня вечером был у меня гр. Адлерберг для окончательного соглашения по делу о покупке в казну борисовского имения вел. кн. Николая Николаевича. Вчера согласился на это министр финансов. Вероятно, в понедельник состоится высочайшее повеление.

Гр. Адлерберг довольно откровенно говорил о современной иностранной политике. Агитация насчет Австрии и им замечена. Он полагает, однако же, что миролюбивое направление политики государя будет сохранено. По делам внутреннего управления взгляд гр. Адлерберга менее верен. Он сожалеет

* Имеющие уши да слышат.

** что он ведет традиционную политику, говоря о коварных Габсбургах, как когда-то говорили о коварном Альбионе.

об уменьшении норм наград (!), думает, что этим можно приохочивать людей к службе, полагает, что у нас охотников этого разряда мало (!!!), и т. п.

Вчера был и министр внутренних дел объясняться по поводу подмеченного мною антиавстрийского направления. Мои замечания были весьма кстати. Сегодня получено известие, что Турция объявила войну Черногории. Сего три имперские кабинеты не предусмотрели.

Был утром в Аничковском дворце благодарить вел. кн. цесаревну за знак почетного члена Общества спасения при кораблекрушениях, состоящего под ее покровительством. Весьма любезная аудиенция. Меня в особенности порадовало то, что она сама по себе любезна. Есть грация. Она не красавица, но про нее можно сказать, не по-хорошему мила, а по-милу хороша.

Перед тем принимал прибывшую сюда киргизскую депутацию. Почему она здесь, не знаю. Человек 16 из Уральской и Тургайской областей. Новые бархатные халаты с новыми галунами и с прекрасными бобровыми шапками. После был в Министерстве. Назначены были торги на Луганский завод [438]. Не состоялись за неявкою желающих. Собранный мой совет был комичен. Большой стол. Много членов совета. Дело — нуль. Поглядели друг на друга, и только. Оттуда поехал в Государственный совет. Соединенные департаменты по делу о найме рабочих. По-прежнему черепаший ход совещания.

Ген. Трепов просит увольнения. Кажется, что решительным к тому поводом было дело об устройстве здесь извозчичьего промысла, странным образом ген. Треповым направленное. В городе много толков о разных pots de vin *, при этом якобы обещанных. Кажется, что перед прозреваемым концом, при желании конца и напутствования, не соблюлась надлежащая осторожность.

11 апреля. Утром у обедни. Потом видел у себя ген. Крыжановского по делу об участках в Уфимской и Оренбургской губерниях. Все одно и то же. Куски государственного достояния словно падаль, на которую налетают коршуны. Кто не просит доли добычи? И ген.-ад. Мердер, и г. Шубин, и ген. Гревс, и другой Мердер, и третий Мердер, и пр., и пр. Кроме готовой добычи, есть и будущая, пока неготовая. Там предполагаются доли пошире. Во главе ген.-ад. Кауфман. Об нем ген.-губернатор хлопочет якобы по желанию военного министра. Но ... я вижу белую нить. Размер, который назначится для туркестанского ген.-губернатора, пригодится и оренбургскому. Впрочем,

---

* взятках.

они все правы. На завтра уверенности мало. Что можно захватить, лучше захватить сегодня. По существу дело решено с 1871 г. Оно и не так дурно. Многим действительно можно предоставить эту награду. Раздача участков полезна и для края [439]. Она разовьет его производительные силы. Мне здесь нечему противиться. Несколько долей я даже сам могу раздавать бесчисленным, мне покоя не дающим просителям, ибо ген.-губернатор их приберег для моих распоряжений, конечно, для того, чтобы облегчить свои собственные. Говорю только о впечатлении, которое производит на меня алчность хищной стаи *.

Перед обедней был у Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, по его желанию. Он заговорил о покупке компанией всего Златоустовского округа. Кто за ним? Отпарировал, сказав, что до осени я сам не могу иметь данных о том, что собственно можно сделать из округа. Заезжал к Нелидовой. Узнал от нее (по словам Гирса), что наступление Турции на Черногорию приостановлено.

12 апреля. Утром доклад у государя. Между прочим, докладывал ему письмо Шнейдера, которое он приказал сообщить кн. Горчакову. Из дворца поехал к нему и застал в его кабинете его товарища, барона Жомини, Гамбургера и ...Поггенполя!! Дела Востока приняли оборот на этот час несколько успокоительный. Кн. Горчаков еще третьего дня по получении депеши о намерении турок вступить в Черногорию созвал всех послов и италианского посланника и, заявив о полученном известии, пригласил их к сообщению их правительствам об оказании содействия в Константинополе к предотвращению неизбежного кризиса. Сегодня уже получены от всех удовлетворительные отзывы, кроме Англии, но и с ее стороны уже сделано в Константинополе весьма корректное заявление, а султан удостоверяет, что направление действий его правительства будет самое миролюбивое.

Был в Государственном совете и Главном комитете. Заходил к Грейгу, который болен. Дело о покупке борисовского имения сегодня завершено [440].

15 апреля. Сегодня узнал, что вчера внезапно умер гр. Андрей Шувалов. Он скончался у г-жи Н., с которою его отношения не прерывались с 50-х годов. Третьего дня он еще заседал в думе и принимал деятельное участие в демонстрации anti-Trepoff ** по случаю объявленного министром внутренних дел

---

* *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «В то время нельзя было предугадать, как будет ревизовать сенатор Ковалевский и что произойдет из его ревизии. 17/XI 1881 г.» (*т. III, л. 194 об.*).

** против Трепова.

чрез градоначальника же высочайшего разрешения не стеснять-ся прежде объявленными тем же градоначальником указания-ми. Положено было довести до сведения государя всеподданнейшую благодарность думы. Какая пестрая, неровная, везде и во всем незаконченная жизнь! В 1834—1835 гг.— юноша, из-за границы привезенный, родного языка не знавший, мягкий, податливый, без определенного колорита; в 1835—1836 — юнкер Нижегородского драгунского полка, бойкий, храбрый, с раною и георгиевским крестом; в 1836—1838 — офицер того же полка, возвращающийся в петербургскую жизнь и прикомандированный к лейб-гвардии Гусарскому полку. В 1838—1839, 1840 — связь с Браницким, Столыпиным, Долгоруковым, Паскевичем, Лермонтовым и пр. (les seize * [441], к которым и я принадлежал). Затем в отставке, фашионобельная эпоха салона гр. Воронцовой и пр. Потом адъютантство у кн. Паскевича, венгерская кампания, кавалергардский мундир, опять отставка и, наконец, оппозиционная деятельность в дворянских, земских и городских собраниях с разнообразными эпизодами высылки на жительство в Париж, губернское предводительство в Петербурге и пр. и пр. Было время, я к нему ощущал искреннюю дружбу. Он отбил это чувство.

Вчера был на высочайшем смотру вольноопределяющихся и новобранцев на Разводной площадке. Закон о военной повинности — дело моих рук по основной идее и почину. Вчера результаты закона были в строю.

Сегодня утром ко мне приезжал вел. кн. Николай Николаевич благодарить за борисовское дело. Он так мало знает свои дела, что считал проданным завод, который ему оставлен, и, наоборот, непроданною лесопильню, которая отчуждается при имении.

Был в департаментах Государственного совета по делу о найме рабочих. Все та же Вавилонская башня. И это Совет! И это верхи русского государства! И эта бестолковая кутерьма называется обсуждением законов!

16 апреля. Ездил после утомительного приема на Васильевский остров. Принимал доклады в Министерстве. Сделка с вел. князем захватила врасплох его управителей. Им хотелось бы запастись клочками. Надлежит это предупредить.

Ген. Трепов остается. Вероятно, он будет произведен завтра в полные генералы.

Дела на Востоке хмуры. Что-то радикально фальшиво в данном им направлении. Не нравятся мне ходячие фразы вроде: «Les intérêts de l'Autriche et les nôtres ne sont pas les mêmes» **.

---

* шестнадцать.
** «Интересы Австрии и наши интересы не совпадают».

В чем различие в данный момент? В критические минуты я не охотник до nébuleuses en politique *.

17 апреля. Утром на выходе во дворце. Наградных новостей немного. Потапов — полный генерал, вел. кн. Николай Николаевич — младший флиг.-адъютант, ген. Гершельман — ген.-адъютант, кн. Кочубей — кавалерственная дама [442], ген. Игнатьеву дан, так называемый «холостой» рескрипт, т. е. просто благодарственный (за комиссию прошений),— вот и все или почти все.

На cercle diplomatique ** мне показалось, что государь не подал руки турецкому послу [443]. Бедный посол! Он без вины виноват. Вести с Востока неблагоприятны. Говорят, что так называемая партия войны в Константинополе берет верх. Против кого война? Против Сербии и Черногории? Положение безвыходное и для султана, и для Австро-России. Не в их руках теперь решение, а в руках инсургентов. Нельзя христианским державам дать их перерезать, но если их не перережут, а они не послушаются своих покровителей, то что же делать Турции? Жаль что понадеялись на replâtrage *** и не постарались всмотреться в дело решительно à 5 ou 6, а не à 2 ou 3. Под конец придем же, кажется, к игре à 5 ou 6.

Вечером был на выносе тела покойного кн. П. И. Мещерского. Я его не видал года два или три. Все старые связи давно разрушены. Впрочем, где мне поддерживать и новые связи, если бы они были! Я — батрак, ежедневный беспраздничный барщинник. Разве у батраков есть связи?

18 апреля. Утром у обедни. Выезжал. Был у Вяземского, которого застал в обычном хаосе книг, картин, бумаг и папиросов. Вечером на выносе тела гр. Андрея Шувалова. Ряд странных впечатлений. Никого из прямых родных нет. Дочь, гр. Воронцова, опасно больна. Распоряжался свояк, кн. Воронцов. Ассистентами были зять гр. Воронцов, и двоюродные Бобринский и Naso Шувалов. Родственники и свойственники женского пола, гр. Шуваловы и Бобринская, не входили в комнату, где стоял гроб. Близ гроба стоял неизвестно почему кн. Суворов. Были министр внутренних дел, градоначальник и обер-гофмаршал Грот. Городской голова стоял подле кн. Суворова, члены думы наполняли соседнюю комнату. Толпа извозчиков (до нескольких сотен, по словам Ржевского) была наготове нести гроб до Невского. Дань благодарности за то, что покойный отстоял их интересы против проекта ген. Трепова устроить извозчичий промысел на основаниях привилегии, которую предполагалось дать компании, образованной или образуемой под

---

* туманностей в политике.

** на приеме дипломатического корпуса.

*** временную разрядку.

фирмою выжившего из ума тайн. сов. Сивкова [444]. Выходя из дома, я повернул в другую сторону и потому не видал толпы, заметил только, что колесница следовала пустою и что гроб понесли на руках. И это — демонстрация, но с местным оттенком. Похороны ген. Ламарка в С.-Петербурге. Незаконченность, décousu * жизни гр. Шувалова отразились и на сегодняшней церемонии. Князь и княгиня Паскевич опоздали. Я их встретил, когда моя карета уже выезжала из Моховой. И эти две жизни также запечатлены словом décousu *.

19 апреля. Утром доклад у государя. Между прочим, новые назначения по горному ведомству. Потом Государственный совет и Особое присутствие по военной повинности. В Совете дело Болдарева [445]. Вел. кн. Владимир отдалился от трех других вел. князей и вотировал с меньшинством за обращение дела к суду. Министр внутренних дел замечательно промолчал. Про настоящую суть дела, т. е. про исключительные обстоятельства, касающиеся Болдарева,и про исключительные для него последствия всего прежнего разбирательства, никто не упоминал. Что он сделает, не знаю. Следовало бы ему просить суда.

Вчера приезжал гр. Адлерберг просить о переводе в Министерство государственных имуществ его сына флиг.-ад. гр. Адлерберга. Сегодня был сей последний. Неожиданно. Но толк в этом домогательстве есть.

22 апреля. Третьего дня был в Комитете министров и на репетиции парада. Конная гвардия мне теперь близка. Видел полк на пути к Марсовому полю, видел его там при двукратном прохождении мимо вел. князя. Видал его еще раз и на обратном пути. Никс в замке за вторым взводом 1-го эскадрона. Изрядно, но еще нет законченности.

Видел всю гвардейскую кавалерию в первый раз после 1873 г. Есть упадок в кавалерийском материале. Менее видных унтер-офицерских и равных рядовых лошадей, чем прежде, даже менее хороших офицерских в некоторых полках, но есть успех в езде, особенно офицерской. Менее парадерства, но более настоящего всадничества. Даже старшие дивизионеры полковники, догоняя свои части после заездов, скачут, как следует скакать, а не сидят посадкой на скачущей во всю прыть лошади.

Обедал у их императорских величеств с кн. Урусовым, m-me de Moira и гр. Nix Адлерберг.

Вчера был в 1-м департаменте Сената. Принимал доклады. Обедал у кн. Кочубей. Обед в честь вел. кн. Екатерины Михайловны, которая была там с супругом и дочерью. Приглашены были to meet ** кн. Урусов, кн. Лобанов и гр. Нессельроде,

---

* неустроенность.

** встретиться.

который залил себя за обедом красным вином, и, выкрасив им свой мощный рубашечный poitrail *, вынужден был застегнуть кое-как фрак, нескроенный для застежки, и походил на кормилицу с перетянутыми грудями. Налицо были, конечно, князь и княгиня Белосельские (первый пообтесался и хорошо, и правильно говорит о предметах, ему известных) и гр. Шувалов (Павел) с дочерью, которая некрасива, но кажется умна и благовоспитанна.

Сегодня был в соединенных департаментах Государственного совета, где окончательно усыплен до осени вопрос о найме рабочих. Если его не разрешали, то дождались до невозможности разрешить в эту сессию Совета, урезали сколько могли и довели до периода «редакции» в Государственной канцелярии перед внесением в общее собрание. Сегодня должен был состояться весенний, так называемый майский парад, который теперь на деле всегда апрельский. Но погода неблагоприятная. Холодно, и государь отказал парад, говорят, до послезавтра.

Меня заботит эпизод с Шнейдером. Кажется, мое письмо будет иметь не те последствия, которые я ожидал.

23 апреля. Утром у вел. кн. Александры Петровны по случаю тезоименитства. Все стереотипно. Потом в Опекунском совете, где приносил присягу новый почетный опекун принц Николай Петрович Ольденбургский. Видел ген. Швейница, по его желанию. Очевидно, он хотел меня endoctriner ** по восточному вопросу. Соображая его слова с тем, что мне передано Грейгом о пребывании гр. Шувалова в Берлине на пути в Лондон, я должен заключить, что в Берлине предполагают или показывают, что предполагают, с нашей стороны некоторое недоверие. Ген. Швейниц мне прямо сказал: «Ich hoffe daß kein Mißtrauen *hindernd* in den Weg tritt» ***. В Берлине не верят успеху системы, которой до сих пор держались. Я понял Швейница в том смысле, что следовало бы дать разгореться делу шире, не допуская только пожара далее известной поперечной линии на Балканском полуострове, т. е. не возбуждая собственно приморского вопроса. Но Сербию и Черногорию пустить в дело. При борьбе выдаются люди. Тогда, быть может, найдутся личности, на которые можно будет опереться, а пожар снесет весь неудобно радикальный нарост сербской Омладины [446]. Во всем этом есть толк, но я не уверен, чтобы не было задней мысли.

24 апреля. Что за жизнь! Вечная неволя, вечная гонка. С утра град просителей, затем град конвертов, град докладов, домогательств о разных разрешениях, просьб со стороны на-

---

* пластрон.

** пропагандировать.

*** «Надеюсь, что на этом пути недоверие не будет нам *помехой*».

чальников частей о представлении докладов государю в последний перед его отъездом докладной день и т. п. Весь день убит. Ничего путного не сделано, и я чувствую себя тем не менее замученным. В моей системе большие недостатки. Я принимаю много на себя, не люблю заставлять ждать, приучил всех меня спрашивать более, чем думать. Поэтому нет строго точного порядка докладов по разным частям в урочные дни и часы. Выигрывают те, кто со мною имеет дело. Проигрываю и страдаю я.

Парад еще раз отказан за непогодой. Выезжал, был на экзамене в Николаевском институте.

Телеграммы говорят, что в Болгарии вспыхнуло восстание. Начало распространения пожара. Швейниц об этом, вероятно, уже знал!

25 апреля. Утром у обедни. Обычный воскресный выезд. Был у герцога Николая Максимилиановича, по его желанию. Он говорил о нефтяном деле и вообще о техническом обществе. Жажда деятельности видна. Простора нет, впрочем, и не вижу сил для большого простора. И в этом дворце какой-то décousu *. Странный ménage à six ** при не безусловном единодушии этих six ***. Притом везде печать упадка. На пути в кабинет Николая Максимилиановича я прошел чрез galerie Malmaison. От Malmaison до Мариинского дворца, от него до quarto, от quarto до дворца, предстоящего к продаже, потому что в нем четыре хозяина, наконец, до кабинета, где бледный и полубольной сидит quasi-супруг г-жи Акинфиевой!.. Сколько споткновений и падений!

26 апреля. Мороз. Ветер. Парад еще раз отказан. До завтра.

Утром доклад. Последний перед отъездом государя. Кажется, предупредил дальнейшие затруднения по делу Ш. Потом Государственный совет и Главный комитет. Обедал у их императорских величеств с кн. Урусовым, адмиралом Лесовским и гр. Григорием Строгановым. Простился с государем. Дай бог доброго пути ему и добрых решений в Берлине. Получено известие об умерщвлении в Салонике мусульманскою чернью французского и германского консулов. Жалею об этих жертвах, но на общий ход дела этот эпизод, вероятно, будет иметь благоприятное влияние. За обедом государь сообщил позднейшую депешу из Константинополя (от ген. Игнатьева), в которой говорится, что фанатическое волнение мусульман обнаруживается и в других местах и что теперь одной искры может быть достаточно для того, чтобы вспыхнуло пламя. В Салонику послан наш корвет «Аскольд».

---

* неустроенность.

** совместная жизнь шести человек.

*** шести.

Вечером был Трепов. Судя по его рассказам, что-то неладно в последних распоряжениях министра внутренних дел по делу об извозном промысле [447]. Ген. Тимашев не принял нужных предосторожностей по форме, хотя и прав по существу. Государь потребовал от ген. Трепова объяснительной записки.

27 апреля. Утром на параде. Погода холодная, но ясная. Войска прошли по одному разу. Все продолжалось $1^1/_4$ часа. Благополучно. Не посчастливилось только штаб-офицеру или командиру саперного баталиона. Лошадь не пошла, колонна нагнала, он как-то попал в интервал, спустился с коня и оба исчезли. Кроме того, какие-то латники потеряли два желтых орла. Не знаю, конная ли гвардия или гатчинские. Бедные эти орлы попирались ногами всей остальной кавалерии.

Потом был в Комитете министров. Затем дома. Нездоровится.

Сегодня в 8 часов государь выехал за границу. Его сопровождает обычная свита и, кроме того, кн. Горчаков с ассистентами Жомини и Гамбургером.

28 апреля. Целый день дома. Множество просителей и посетителей и утомительные доклады. Опять целый ряд домогательств об оренбургских землях. Образцовый пример наглости в Б. [448] Он теперь якобы сожалеет о расставании с Министерством внутренних дел и о переходе (пока искомом) в штаб вел. кн. Николая Николаевича.

29 апреля. Выезжал. Был в коннозаводстве и у гр. Путятиной по делу, о котором мне говорила императрица. Получил письмо от Ш. Странно. Il me semble qu'à 60 ans j'ai une tête de linotte*.

Не работается. Мне трудно и сосредоточиться, и придержаться к делу. Как будто непрерывное нравственное сердцебиение. Чувствую, что стоит захотеть — и силы покорятся. Но и для того, чтобы захотеть, нужно усилие, а при этом усилии больно. Наболело. Избегаю боли.

30 апреля. Утром прием. Был в Александровском институте на выпуске, потом в Николаевском, где вследствие замеченной принцем Ольденбургским слабости знания французского языка в одном из высших классов сделал ему пробную диктовку — довольно редкое занятие для министра. Затем в Министерстве для приема докладов.

Государь прибыл в Берлин благополучно. В газетах напечатано **, что «народ» принял его «восторженно».

Город уже начинает принимать пустеющий вид. Один из отрицательных признаков нашей весны.

---

* Мне сдается, что к 60 годам я стал дураком.

** *Далее в скобках написано:* в наших (*т. III, л. 199*).

1 мая. В честь мая не только ни одного зеленого листа, но даже ни одной зеленой травки.

Утром заходил к министру внутренних дел по делу о раскольничьих записях. Министерство так умудрилось повести это дело, что из-за терминологии записей уже третий год они не имеют хода. Бывший у меня московский купец Шебаев по этому случаю рассказывал, что он здесь видел на святой гр. Шувалова и что гр. Шувалов сказал, чтобы в случае дальнейших затруднений в Государственном совете «они бы ему написали в Лондон, что он-де приедет сюда, чтобы в Государственном совете дело защищать». Croyez et buvez de l'eau *.

Был в Департаменте законов, потом в Николаевском институте. Опять. Нездоровится. Заходил к Швейницу. Он продолжает говорить, qu'il 'faut résoudre à trois et exécuter à six **.

2 мая. Утром у обедни. Потом председательствовал в Обществе взаимного поземельного кредита. Затем три часа у вел. кн. Николая Николаевича, где разбирался мой отчет по коннозаводству. Несмотря на мои 60 лет, я не умею сдерживать внезапные порывы нетерпения. Так случилось и сегодня.

3 мая. Утром прием, потом Государственный совет, где по вопросу о допущении евреев в присяжные в Западном крае произносились длинные речи [449]. Победоносцев говорил средневековым языком. Кн. Урусов также выражался с пафосом. Гр. Пален и кн. Оболенский возражали весьма незавидными аргументами. По существу надлежало согласиться с первыми уже потому, что первые так говорили в Государственном совете. По аргументации ни с кем нельзя было соглашаться. Вел. князь приискал mezzo *** и на mezzo *** все согласились.

Из Берлина слышно пока только о всеобщем согласии. До чего оно относится, в подробности не знают. Шнейдер пишет, что государь принял гр. Андраши, имея на себе ордена Марии-Терезии [450], Pour le mérite **** [451] и Георгия, и когда гр. Андраши произнес слово politique, то государь указал на эти ордена и сказал: «Voilà la base de ma politique»*****. Государь сам рассказал это Шнейдеру.

4 мая. Длинное заседание Комитета министров. Слышал от Гирса, что из Берлина прибыл курьер. Что там происходило, действительно походит на replâtrage ******. Двухмесячное перемирие, дальнейшие настояния на тезисе гр. Андраши и т. п.

---

* Верьте и пейте воду.

** что нужно решать дела втроем, а выполнять вшестером.

*** среднее решение.

**** «За заслуги».

***** «Вот основа моей политики».

****** временную разрядку напряжения.

Думаю, la force des choses forcera la main et fera le reste *. Между тем морские силы всей Европы соберутся на Востоке. К сожалению, наши отличаются своей слабостью. Управление ген.-адмирала создало немного. $1^1/_2$ поповки [452] отправлять туда нельзя.

5 мая. Утром доклады. Видел Швейница, который говорит, что в наше время man durch die Zeitungen zu den Massen redet und durch die bezahlte Agenten zu den Cabinetten, und er daher gezwungen ist die Zeitungen aufmerksam zu lesen, um zu wissen, was er mit gutem Gewissen dem Kaiser Alexander sagen darf **.

Далее слышал от него, что все соседи Австрии собственно на ее счет желают приращения. Дунайский князь — Буковины, Черногорский — Каттаро, Италия — Триеста.

Обедал в Английском клубе. Видел там гр. Хрептовича. Il a eu quelque peine à convaincre sa majesté l'impératrice de ce que les résultats de Berlin sont satisfaisants ***.

6 мая. Девиз: actu non cantu****, не в чести теперь. Политические соловьи поют без умолку, все говорят, везде говорят, слова сделались событиями и о речах возвещает телеграф. Недавно видел в «Times» следующую телеграмму из Мадрида: «Señor Castelas finished a magnificent speech to a crambled house last evening. To-day s-r Nieto replied to him on the government side. Castelas then replied in a fervid speech to Moreno, but sat dawn becoming exausted in ten minutes. Liberty of conscience, he said, was everything. S-r Pidal, moderado, then made an impassioned speech *****.

Сегодня в честь 6 мая снег и теперь (4 часа пополудни), $^1/_2°$ мороза. Видел две выставки картин [453]. Несколько хороших ландшафтов, между прочим, лунный ландшафт без луны [454], но с весьма верным и эффектным лунным освещением. Немного tour de force******, но верно. Заходил в мастерскую Лаверецкого. Прискорбное впечатление! Кто заходит туда? Кто

---

* сила событий окажет свое влияние и доделает остальное.

** с массами говорят через газеты, а с правительствами через платных агентов; поэтому он вынужден внимательно читать газеты, чтобы знать, что он может сказать императору Александру.

*** Он не без труда мог убедить ее величество императрицу в том, что результаты, достигнутые в Берлине, удовлетворительны.

**** действовать — не песни петь.

***** Вчера вечером сеньор Кастелас произнес блестящую речь перед переполненным парламентом. Сегодня сеньор Ниетс ответил ему с позиций правительства. Тогда Кастелас ответил Морено горячей речью, но через десять минут сел, будучи совершенно истощенным. Свобода совести, сказал он, важнее всего. Сеньор Пидаль, умеренный, произнес после него пламенную речь.

****** искусственно.

что здесь закажет или купит? Не процветать здесь скульптуре! Ш[нейдер] пишет: «Fürst Bismarck hat gemeint, es wurden mal erst noch einige Botschafter ermordet müssen, ehe wirklich Ernst gemacht werden kann» *.

7 мая. Утром был в Николаевском институте. Обедал у ее величества с гр. Барановым, гр. Стенбок и гр. Мойра. Погода ужасная. Снег, ветер, морозит, утром было 5°.

8 мая. Целое утро дома. Тяжело. Работать нет духа. Читаю. Выношу время. Пасмурен вечер!

9 мая. Утром у обедни. Выезжал. Видел кн. Лобанова. По его словам, предполагалась, на случай необходимости, оккупация Герцеговины и Боснии италианскими войсками. Сегодня слышно, что Англия не присоединяется к постановленным в Берлине заключениям.

10 мая. Утром Государственный совет и присутствие по делам воинской повинности. Обедал у германского посла. Англия отклонила берлинские conclusa **. Весьма естественно. Дизраэли прямо сказал гр. Шувалову, что Англии неудобно ограничиваться регистрацией того, что без нее другими постановлено. Можно было без труда это предвидеть. La partie à six ***, по моему выражению, была благонадежнее, чем la partie à trois****. Английские министры, которых оппозиция каждый день может интерпеллировать в парламенте, не могут упустить такого удобного случая показать без всякого риска свою самостоятельность и дать своим газетам повод выхвалять их spirited policy *****.

К тому же самые постановления Берлинской конференции, насколько оные известны, не имеют законченности. Неизвестно, что будет, если их судьба будет на деле схожа с судьбою ноты гр. Андраши. Эта кургузая политика тем более неудобна, что в неизбежности позднейшей привязки хвоста едва ли кто сомневается. Но в чем будет заключаться этот хвост. Желательно бы по крайней мере увидеть заранее брошенную тень его, чтобы несколько предугадать его очертания.

11 мая. Утром Комитет министров. Между прочим, бессарабское дело [455]. Гр. Толстой, как обер-прокурор св. Синода, прямо высказал, что монастырские имения отобраны за то, что восточные патриархи отлучили 5 миллионов наших болгарских единоплеменников [456]. На этот раз единоплеменники на пер-

---

* «Кн. Бисмарк высказал мнение, что надо ожидать убийства еще нескольких послов, прежде чем удастся предпринять что-либо действительно серьезное».

** решения.

*** Партия из шести.

**** партия из трех.

***** энергичную политику.

вом плане, и греческим единоверцам читается крутая проповедь. В другие разы православное русское правительство ставило на первый план единоверцев и не говорило о том, что восточные патриархи не суть наши соплеменники. Но и в тех, и других случаях мы не имели ясного сознания наших целей, наших интересов и нашей пользы. Какой-то зуд влияния и вмешательства нами овладевает и нами руководит. Странную гиперболу описывает наша политика, от поездки ст.-секр. Мансурова к святым местам до берлинских конференций, проходя через Крит, Черногорию, бессарабские монастыри и Герцеговину. Наша policy * не spirited **, a meddling ***. Впрочем, трудно ей и быть иною. В наших государственных слоях взгляды односторонни, узки и часто напоминают и Китай, и Китай-город. Гостинодворского много. Как будто «мы-де сами по себе и по нашему» могло иметь тоже значение за нашей границей, как и по сю ее сторону. «Cette gredine d 'Angleterre»****,— сказал мне Тимашев, как будто Англия призвана нам поддаваться, и как будто ей больно от слова «gredine»*****.«А патриархов следовало наказать за болгар»,— сказал мне Мезенцев, как будто мы действительно поставлены судить между ними и как будто нам от разлада с патриархами не может предстоять столько же неудобств, сколько ожидаемых удобств от заступничества за болгар. Все это отзывается некоторою дикостью, и та же дикость у нас обнаруживается в делах внутренней политики. Понятие о России, как будто трудно вывести из пределов царства Московского и поставить, хотя и под сень Кремля, но выше Китай-города и Замоскворечья. Мы вообще не умеем ассимилировать и объединять. Мы завоевываем, но как будто стараемся постоянно напоминать завоеванным о том, что они завоеваны. Мы требуем объединения в смысле отождествления и возмущаемся, когда поляк не оказывается туляком и немец — нижегородцем. Мы не вглядываемся в нашу собственную историю и не спрашиваем себя, сделалась ли бы Русь или не сделалась русскою империей при тех взглядах, которые отличают патриотов à la Aksakoff, Samarine, Zélénoi ou Katschaloff. Правда, что все эти патриоты считают Петра Великого ошибкою промысла.

13 мая. Вчера день докладов по Министерству. Вечером был у всенощной. Сегодня у обедни. Потом ездил в Константиновское училище, к Абазе и к Вяземским. Позже заходил к Швейницу, где, наконец, видел его супругу. Далеко не то, что

---

* политика.
** энергичная.
*** вмешивающаяся.
**** «Эта негодяйка Англия».
***** «негодяйка».

ее портрет. Желта и, как говорится, passée *. Слышал от него, что Турция отклоняет берлинские petita ** и что он, Швейниц, надеется на Черняева (?). Если так, то я многое беру назад из моих критик и опасений ***. Если Черняев *послан*, то значит было предвидение и предрешение. Значит Сербию спустят с привязи. Расчет быть может ошибочным, но по крайней мере расчет был. Пожару предназначено разгореться. Развязки ищут этим путем при неудаче нот, редактированных гр. Андраши, и заявлений Берлинской конференции. Теперь надлежит знать, насколько сообщены были Англии предположения трех империй [457]. В городе слухи о «rappel»**** гр. Шувалова, исходящие из дипломатических сфер. Что-то неладно, но что именно, еще не знаю. При проезде через Берлин гр. Шувалов кое-что говорил и кое-что делал (ибо напрасно останавливался) неосмотрительно. Убри не был о том извещен, жаловался, и, кажется, гр. Шувалову послана нотация. Но от этого еще далеко до «rappel» ****.

15 мая. Вчера был у ген. Джунковского в Учетном банке и в Министерстве. Сегодня у Тимашева, который нездоров, в Институте и в Министерстве. По восточному вопросу нет известий, но пасмурно.

17 мая. Вчера утром у обедни. Потом выезжал. Обедал у Половцовых. Сегодня последний акт сессии Государственного совета и заседание Главного комитета. Ничего из Эмса. Из Константинополя слышны разные неосмотрительные речи посла и посольства. Г. Белостоцкий, там бывший туристом, рассказывал кн. Лобанову, будто ген. Игнатьев берется занять Константинополь с имеющимися у него под рукою черногорцами (!!??). Exemplum***** последовательности. Г-же Ч. [458] разрешили выехать в В. губернию. Вел. князь уже там. В окрестностях Ч. продолжение прерванной повести.

18 мая. Через турецкое посольство получено известие о низвержении султана Абдул-Ассиза и воцарении Мурада. Игнатьев писал с неделю тому назад, qu'Elliot conspirait manifestement avec les ministres dans l'intérêt de Mourad ******. Так

---

* не молода.

** домогательства.

*** *На полях против этой фразы написано примечание, помещенное в «Отрывках» под строкой:* «Напрасно я готов был брать назад, Черняева хотели вернуть, потом хотели наказать, потом предоставили самому себе, потом предоставили ему вербовать офицеров, наконец, объявили здесь офицерам разрешение ехать к Черняеву. Все это в 6 недель [457]. 5/VIII 1876 г.».

**** «отозвании».

***** Пример.

****** что Эллиот, очевидно, секретно договорился с министрами в пользу Мурада.

говорил сегодня Гирс. Недаром Англия не соглашалась с другими державами, которых нота именно сегодня должна была быть передана Порте. От Игнатьева никакого известия нет. Телеграф, очевидно, монополизирован турецкими властями. В Берлине, как видно из телеграммы Венцеля, знают только то же самое, что знают здесь.

20 мая. Вчера в городе ходили вести об удавлении Абдул-Ассиза. Сегодня они опровергаются. От ген. Игнатьева вчера получена телеграмма, но в ней только повторяется первоначальное известие. Переворот совершился, по сведениям через Европу, без сопротивления и потрясения. Посмотрим, что будет далее. Между grandes puissances * теперь происходят сношения о признании нового турецкого властителя. Между тем Англия развивает морскую демонстрацию. Видел сегодня утром Швейница. Его речь умна, но в ней звучит какая-то неясная для меня нота. Как будто Германия не желает замирения на Востоке. Бедный кн. Горчаков! Теперь трудно добраться до Вильдбада.

Вчера и сегодня принимал доклады в Министерстве. Дни идут. К счастью, без событий здесь.

21 мая. Первый майский день. Первый раз солнечно и тепло. Листья начинают распускаться.

Видел утром Гирса. Он еще не имеет из Эмса известий о впечатлении, произведенном известиями из Царьграда. Из Вены получено здешним австрийским послом известие, что послу в Константинополе [459] поручено быть в сношениях с новым правительством и удостоверить его в признании после официальной нотификации.

На Англию, как я и ожидал, у нас сердятся. Между тем Лофтус, несмотря на свою ограниченность, держит себя отлично. Гирс говорит: «Il est charmant» **.

23 мая. Pfingsten, das herrliche Fest, ist gekommen ***. Уединенно встречаю и провожу я праздник. В поздних летах нет праздников в обиходном смысле слова. Непраздничные ризы носит жизнь.

Вчера видел министра внутренних дел и кн. Лобанова. По словам сего последнего, речь в Эмсе об отозвании гр. Шувалова, который как-то опять оказался не в Лондоне, а при своей Герцеговине в Париже, и кн. Горчаков будто бы предлагает меня. Недоставало этого.

Видел также Швейница. Продолжаю слышать в его речах фальшивую ноту. Писал об этом гр. Адлербергу в Эмс. Мне

---

* великими державами.

** «Он очень мил».

*** Пришла Троица, прекрасный праздник.

все более и более кажется, что нас в Берлине провели. Надеюсь, что ошибаюсь, но на моих глазах наш девиз теперь состоит из двух немецких слов: Zerfahrenheit и Ratlosigkeit *. Эпизод Московского Колокола навязывается на мысль.

Был у обедни. Выходил после обеда. Не работается.

24 мая. Утром у обедни. Был у гр. Шуваловой. Жаль ее! Так ли было года три тому назад?

Получено известие о смерти Абдул-Ассиза. Он будто бы в припадке ипохондрии ножницами открыл себе вены. Турецкий посол извещается, что son auguste maître est très affligé et que les obsèques du défunt auront lieu avec la même pompe que celles de Makhmoud **. Ожидать следовало. В депеше довольно наивно выставляется constatation *** всех подробностей сего происшествия.

Приходит на память раза два здесь написанное: Exoriare ...ultor ****.

Самое тяжелое чувство в том, что я почти никого не уважаю. (Конечно, в деле государственном, а не в частной жизни, хотя и здесь уважений не так-то много). Во всех делах отсутствие твердых начал, преобладание мотивов личных и мелочность приемов. Так бы хотелось пред кем-нибудь мысленно снять шляпу, пред кем-нибудь преклониться, на кого-нибудь понадеяться, кого-нибудь послушаться или кому-нибудь искренне покориться. Nemo! Кн. Горчаков! Его тщеславие, непотизм, фразистика, и теперь Берлин. Ген. Милютин! Полнейшее отсутствие военного духа, а он — военный министр. Ген.-адмирал! 20 лет управляет флотом и 15 — Главным комитетом. Теперь, в минуту кризиса, он вывел один фрегат! О Комитете лучше промолчать. Его председатель — один из главных гражданских деморализаторов России. Ген. Тимашев! По крайней мере он лично безупречен, как товарищ, и вообще делает то, что его силам в меру. Гр. Пален! Pauvre brave homme*****. Адмирал Посьет! Encore plus pauvre brave homme******. Гр. Толстой! Желчная упрямая посредственность! Рейтерн! Есть и ум, и знания, но он все-таки нас довел до положения египетского хедива. К счастью, этого не опознали, хотя подмечать начинают. Остается Абаза. Здесь есть étoffe*******, но боюсь, кажется, и он начинает мельчать или притупляться от самоуверенности.

---

* Растерянность и беспомощность.

** его высокий повелитель крайне опечален и что похороны покойного будут устроены с тою же помпой, что и похороны Махмуда.

*** констатация.

**** Поднимется ... мститель.

***** жалкий человек!

****** Еще более жалкий человек.

******* материал.

25 мая. Утром прием. Потом в Комитете министров. Видел Гирса. Жалко. Он говорит: «Une bonne nouvelle, c'est que le nouveau sultan a promulgué un armistice de six semaines et annonce qu'il ouvre les bras aux insurgés etc.»* Вот до чего, следовательно, мы дошли после берлинского триумфа. Далее il est très fort question d'un congrès. L'Autriche y pousse **.

Между тем я спрашивал Лесовского, не пойдет ли броненосец «Севастополь»? Не может! Не пойдут ли адмиралы броненосцы? [460] Их два по списку. Не могут! Грейг спросил, не пойдет ли «Кремль»? Нельзя! И при этом мы выезжали на кунстштюках Игнатьева и на фразах канцлера!.. Мы дали себя разоблачить. Дунул ветер с Темзы,и разлетелись мыльные пузыри!

Издавна готовился нам этот позор. Весь наш пошиб по восточным делам был неверен. И Стремоухов, и Игнатьев, и разные влияния отсюда не имели никакой твердой точки опоры. Мы все спрягали английский глагол meddle ***, и вот к чему нас привело спряжение.

26 мая. Утром в Царском Селе с институтами. Видел императрицу, цесаревну и вел. кн. Марию Александровну. Грот подтверждает, что особенно чувствительно командирование в состав средиземной эскадры корабля герцога Эдинбургского. На вид во дворце незаметно преоккупаций. На деле должно быть другое.

Заезжал к Половцовым. Здесь обедал в Английском клубе, смотрел привезенных из Италии лошадей и был в Николаевском институте.

С каким отвращением я бываю в Царском Селе и во всех загородных дворцах! Наболело в 1861—1867 годах и боль оживает, как скоро я там. Люблю только царскосельскую дворцовую церковь. Сегодня я опять остановился у правого верхнего окна. Оно для меня нить, на которой нанизан ряд дней и ряд молитв.

28 мая. Вчера был на институтском акте у принца Ольденбургского. Потом принимал доклады в Министерстве. Обедал с женою у Швейницов. Была Нелидова, гр. Мария Келлер и греческий посланник [461]. Последний сказал мне,что на Востоке развивается мусульманский фанатизм,что он думает,что Англия захватит остров Кандию и что лорд Лофтус invisible ****. Две попытки его увидеть остались безуспешными. Вечером

---

* «Хорошая новость: новый султан объявил перемирие на шесть недель и заявил, что он раскрывает объятья повстанцам».

** очень остро стоит вопрос о конгрессе. На нем настаивает Австрия.

*** вмешиваться.

**** невидим.

получил письмо Шнейдера. Как будто нарочно писанное, чтобы оправдать то, что я недавно писал гр. Адлербергу.

Сегодня на акте в Николаевском институте. Замечательный дар слова и даже мысли у протоиерея Лебедева. У нас все такие дарования не находят себе должного круга действия и влияния.

30 мая. Аптекарский остров. Со вчерашнего вечера я на даче. День был mouvementé *, хотя неважными событиями и занятиями. Был в Опекунском совете, потом при закладке дома, ему принадлежащего, при Николаевском институте. Обедал в Английском клубе и т. п.

Здесь зелень почти совершенно распустилась. В шесть суток!

Сегодня у обедни. Разбирал бумаги. Заходил в Ботанический сад.

Цесаревич уезжает в шхеры дней на десять. Для меня это успокоительный симптом. Его высочество желает, чтобы для присылки докладов обождали его возвращения. Заключаю, что из Эмса цесаревич ничего тревожного не ожидает.

Жить — значит любить. Любить — значит жить. Мне за 60, но эта истина для всех возрастов. Я не люблю, как юноша, я не люблю ту или другую Phyryné, Ninon, Manon, но я люблю тем не менее. Шелест платья моего друга — жены, звук шагов моего сына... и бьется сердце. Оно живет и заботится, и веселеет, и молится.

Выписываю несколько мыслей Rahel... Schriften v. Varnhagen — Das Große und Erhabene ist überhaupt aus unserer Zeit geschwunden. Daher das Urteil von m-r Catalani über m-lle Sonntag nicht zu scharf zu nehmen: dans son genre elle est parfaite, mais son genre est petit.

Wo das ansehende Person nicht mehr gilt, ist man der Republik ganz nahe. (A propos einer im Marz 1830 an sie gerichteter Frage, ob die Orléans nicht regieren würden).— Warum nicht? Wer kann alle Zwischenscenen berechnen? Aber die großen Ereigniße von Aushalt in der geshichtlichen Gestalt gehen darüber hinweg und machen daraus den Staub ihres Weges.

(Über zwei Schauspieler Iffland und Fleck).— Iffland ist ein großes Talent, aber kein Genie. Er mag eine Rolle gut spielen, wenn er sie gut eingelernt. Angeboren ist ihm keine, wie dem Genie jede.

(Über zwei Damen).— Aquarelle und Ölgemälde.

Schweigen und reden müssen wir, wenn wir einmal gefallen wollen, nicht immer wie uns der Schnabel gewachsen ist, sondern wie den Anderen die Ohren.

An Indifferentismus habe ich nie gelitten. War mir etwas

* оживленный.

indifferent, so wußte ich nichts davon und es berührte mich nicht.

Wer nicht in der Welt wie in einem Tempel herumgeht, der wird in ihr keinen finden.

Die menschliche Seele ist von Natur eine Christin.

Schmerz ist Gottes Geheimniß. Der versteht *.

31 мая. Утром в городе. Главный комитет в Мраморном дворце. Принимал некоторые доклады. С неделю стоят утомительные жары.

4 июня. Шесть ночей без сна от жаров. В моей спальне вечером 29°, утром 24° Реомюра. Во вторник, 1-го, был в городе. Комитет министров и Комитет по делам Царства. Обедал у Абазы с Грейгом, кн. Урусовым, Лесовским, кн. Лобановым, Фришем, гр. Барановым и Сольским. После обеда продолжительная беседа о морской части при мне, но без меня, потому что из личного уважения к Лесовскому я избегал бесплодного противоречия. Лесовский защищал или оправдывал собственно не себя и не свои действия. Он вообще не оправдывал, а объяснял. Но указание причин того, что есть, не составляет доказательства, что так и должно было быть. Например, речь шла о том, что по предначертанному на 10 лет плану сперва хотели устроить береговую броненосную оборону и, следовательно, недавно могли приступить к постройке мореходных броненосцев. Но, во-первых, кто может при изменчивости международных созвездий задаваться планами на 10 лет? Во-вторых,само Морское министерство не безусловно придержалось берегового оборонительного начала, ибо выстроило 7 фрегатов, но из них только

---

* Все великое и благородное вообще исчезло из нашей эпохи. Поэтому не следует считать слишком резким суждение г-на Каталани о мадмуазель Зонтаг: в своем жанре она — совершенство, но жанр ее мелок.

— Там, где знатный человек не имеет никакого влияния, там уже очень близка республика.

(По поводу заданного в марте 1830 г. вопроса, будет ли династия Орлеанов править страной.) — Почему же нет? Кто может предвидеть все интермедии истории? Но великие события длительного исторического значения совершаются, несмотря на эти интермедии, и превращают их в пыль на своем пути.

(О двух актерах: Ифланде и Флеке), — Ифланд — большой талант, но не гений. Он может хорошо сыграть роль, если он ее хорошо выучил, но ему не свойственна ни одна роль, тогда как гению свойственны все.

(О двух дамах).— Акварель и картина, написанная масляными красками.

Если мы хотим понравиться,мы должны молчать или говорить,но не так, как у нас подвешен язык, а так, как у слушателей устроены уши.

Я никогда не страдала индифферентизмом. Если что-нибудь мне было безразлично, то потому что я этого не знала и оно меня не касалось. Кто ходит по миру не как в храме, тот не заметит и храма.

Душа человека — христианка по своей природе.

Страдание есть тайна бога. Он его понимает.

два годны и один из них («Кн. Пожарский») оказался с чанными котлами в ту минуту, когда он бы мог пригодиться. В-третьих, нельзя было при исключительно береговом флоте говорить и действовать, как мы действовали на Востоке, и пр. и пр. Собеседники легко соглашались с Лесовским и даже сбивались на обычное русское самодовольство и самовосхваление. Я молчал, но на другой день письменно высказал Абазе мое мнение. Я указал при этом на несообразность некоторых урезок по военным сметам при роскоши по сметам Министерства народного просвещения и юстиции, и заметил, что если бы от этих двух ведомств уберегли по $1^1/_2$ миллиона с 1866 г., т. е. 3 миллиона в год, то у нас теперь было бы четыре «Петра Великих» на воде, кроме того пятого, который еще не плавает.

Из Эмса нет вестей со значением. Видно только, что дело налаживается. Последний отзыв Дизраэли в парламенте безукоризнен. Но наше mauvaise humeur * проглядывает в «Nord» [462], где напечатанная длинная статья о мнимой непоследовательности Англии и т. п., вероятно, происходит от пера Жомини. Тешатся дети.

7 июня. Герцог Мекленбургский умирает. Недуг принял быстрый и острый ход **, не оставляющий, говорят, надежды на благоприятный исход. Заезжал сегодня утром на Каменный остров.

По восточному вопросу мне не нравится тон немецких газет. Как мы попали в воду, не осведомясь брода.

Получил опять письмо от П., угрожающее мне не только револьвером и кинжалом, но даже и ядом. Semper idem ***. Оно все-таки неприятно.

Немало и других неприятностей. Гр. Чатский не умел с людьми. Из земледельческого института множество просьб от студентов, не выдержавших экзамена.

10 июня. Герцог Мекленбургский скончался 8 утром. Похоронный обряд завтра. Ничего точного и подробного неизвестно. Из Красного Села пришли конная гвардия, стрелки и артиллерия. Видно, есть приказание из Югенгейма, но частности пока не объявлены. Императрица на Елагином. Цесаревич должен был вчера вернуться.

Вчера был в городе. Несостоявшиеся торги на Лисичанский завод.

Политический горизонт по-прежнему. Скверно. Государю должно быть глубоко прискорбно нынешнее положение его политики. Он, очевидно, с рыцарски родственным доверием понадеялся на тройственный союз св. Георгия, Марии-Терезии и

---

* дурное настроение.

** *Далее в скобках написано:* болезнь почек (*т. III, л. 206 об.*).

*** Все то же самое.

«Pour le mérite»*. Он не рассчитал, что взаимность неодинаковая и не могла быть одинаковою. Другие государи, более связанные обстоятельствами, и менее свободно могут давать волю воле. Когда русский император по себе судит о других и к ним прилагает свое мерило, он заранее может быть уверен, что ошибается.

Пагубна, преступна та лесть, которая убаюкивает. Сколько фраз я слышал о «position magnifique», «position dominante» **, о развитии национальных сил, даже о процветании финансов! Fata Morgana.

13 июня. В пятницу 11-го происходила похоронная церемония в лютеранской церкви св. Анны. Присутствовали императрица, вел. княгини Александра Петровна и Мария Александровна, вел. кн. Владимир и младшие вел. князья. От церкви до Варшавской железной дороги тянулась процессия по утвержденному церемониалу. В строю были конная гвардия, стрелки и артиллерия. В церкви из сановных и чиновных лиц было немного. Вчера был опять в городе. Торги на Домброво. Вечером приехал мой тегернзейский гость ген. Штрунц.

Сегодня у обедни. Видел кн. Лобанова. Восточный горизонт не проясняется. Кажется, что по совету Англии Турция готовит удар против Сербии и Черногории. Это косвенный удар нам. Добились!

16 июня. Вчера Комитет министров. Прошло домбровское дело [463].

Странные констелляции.

Третьего дня был на концерте придворной капеллы в честь юбилея Бахметева. Замечательно. Мои нервы не выдерживают таких впечатлений. Я раза три чуть-чуть вслух не заплакал.

В понедельник же опять одно из тех писем, после которых я перевожу дух.

Едва ли в нынешнем году я увижу Тегернзее. Не до того дело. Не к тому мысль.

Завтра, если бог даст, уезжаю на север.

25 июня. Поездка *** совершилась, благодаря бога, благополучно. Впечатления по официальной части вообще благоприятные. Меня сопровождали Никс, Галахов, Эсаулов, Случевский, ген. Штрунц и duc Половцов, последние два, конечно, comme amateurs ****. Видел Кивач, алмазную сыплющуюся гору Державина в полусвете раннего утра. Последние 6 верст пути к нему водою, совершенно американский ландшафт. Пустынная река (Суна) и кругом лес по самую воду.

---

* «За заслуги».

** «великолепной позиции», «доминирующем положении».

*** *Далее написано:* в Олонецкую губернию (*т. III, л. 206 об.*).

**** как любители.

Ген. Штрунц третьего дня уехал в Москву.

Во вторник, 22-го тотчас после приезда был в Комитете министров, где приостановил и перенаправил предварительно невозможное представление министра внутренних дел по вопросу об ordonnance de police [464] *. Ген. Тимашева совершенно сбили с толку гр. Пален и кн. Урусов.

На Востоке жребий брошен. Война между Турцией и Черногорией и Сербией началась.

Здесь глухое затишье.

Сегодня вечером думаю, с божьей помощью, выехать в Гельзингфорс.

28 июня. И Гельзингфорс, благодаря бога, за мною. Все обошлось, как следовало. Видел Свеаборг и шхеры. Море вдоль Финляндии как бы вкрадывается в берега. То здесь, то там; под конец не различаешь, где остров, где материк, где озера, где море.

Сегодня возвращается государь. Дай бог, в добрый час. На мой взгляд, обстоятельства не предвещают хорошего исхода. We are drifting... быть может... into war ** во всяком случае незаметно, чтобы мы шли, нас уносит.

2 июля. Не пишется. Несколько дней в пробеле. Государь возвратился 28-го. Тимашев, который ездил на встречу в Гатчину, написал мне, qu'il lui avait trouvé un air encore plus fatigué, pâle et amaigri qu'avant son départ, mais que le p-ce. Gortchakoff était plus frais et plus d'aplomb que jamais ***.

Я видел государя 30-го. Докладывал на пароходе на пути из Петергофа в город. Потом вернулся в Петергоф и обедал у их императорских величеств. Лично я нашел государя исхудалым, и вообще как-то осунувшимся или надломленным. Линия профиля не та, что прежде, грудь впалая, спина сгорбленная. Государь сказал мне, что в Рейхштадте положено теперь соблюдать невмешательство, но что впоследствии, конечно, может быть другое [465]. Это «другое» кн. Горчаков разумеет в смысле entente et action collective des grandes puissance ****. Жаль, что так не думали до Берлина. Кн. Горчакова я в первый раз нашел умственно ослабевшим. При разговоре с ним очевидно, что он не проводит межи между словами и делом, и даже слова считает эквивалентом дел. Он читал мне риторским тоном какое-то письмо к гр. Шувалову, которое, по мнению кн. Г[орчакова], должно было бы поставить английских министров в затруднительное положение, если бы оно было предъявлено парламенту.

---

* указе о полиции.

** Течение уносит нас... быть может ... к войне.

*** что он нашел его еще более усталым, бледным и похудевшим, чем до отъезда, но что кн. Горчаков был свеж и самоуверен, как никогда.

**** соглашения и совместного действия великих держав.

В этом письме ничего, кроме фраз, и притом уже избитых. Я заметил также, что кн. Горчаков особенно озабочен тем, что о нем скажет славянофильствующая публика, которую он считает Россией. Un autre à ma place aurait passé pour traître * и пр. Этою озабоченностью, параллельною с обязанностью исполнять волю государя, объясняются разные колебания непоследовательности и неясности в нашей политике. Идеи государя и его канцлера вовсе не тождественны. Канцлер иногда уловляет государя фразами. Решительно и ясно очерченных тезисов нет. Результатом те противоречия, которые бросаются в глаза при сравнении слов государя, слов канцлера, его депеш, действий ген. Игнатьева в Константинополе, действий Общества Красного Креста и разных полуподдерживаемых или одобряемых правительством манифестаций здесь и в Москве. Опасная игра. Кто знает наше положение, как я, к несчастью, его знаю, тот не может ни на мгновение поколебаться в убеждении, что нам вести войну не следует, что рисковать ею безумно, а вводить в заблуждение славянские племена надеждою на наше содействие — преступно. Вчера я опять был в Петергофе по случаю обычной прогулки институток и опять видел кн. Горчакова. Он мне показался несколько приостывшим по случаю приезда сербского агента, который просит 6 миллионов [466], предваряя, что если мы их не дадим, то все движение *рухнет через 3 недели*. И на такой-то шаткой основе вертится дело! Кн. Горчаков нашел более удобным вовсе не принимать агента. «Je n'ai rien à lui dire, je l'ai fait adresser à Jomini»**. Но рядом с этим продолжаются лотерейные надежды. «J'ai dit à l'empereur que d'ici à quelques semaines Tscherniaieff pouvait être un personnage historique» ***.

Видел нового италианского посла Nigrio. Еще молод; впечатление соединенных способностей интенсивной мысли и интенсивной деятельности. Движения мерные, речь складная, с тем италианским акцентом, который мне всегда приятен. На личности в общем итоге как будто траурный reflet du Second Empire ****.

Видел военного министра, только что вернувшегося из отпуска, и horribile dictu *****, почти два месяца ни о чем не осведомлявшегося и ничем не заботившегося. Он сообщил мне насчет степени подготовленности нашей армии сведения, подтвердившие мои по этому предмету предположения. В деньгах дело,

---

* Другого на моем месте сочли бы изменником.

** «Мне нечего ему сказать. Я велел направить его к Жомини».

*** «Я сказал государю, что Черняев может через несколько недель стать исторической личностью».

**** отблеск Второй империи.

***** страшно сказать.

но в других отношениях (кроме лошадей) мы можем быть готовы в три-четыре недели.

Видел гр. Адлерберга и с ним еще раз обменялся впечатлениями насчет современного кризиса нашей политики. Все, к сожалению, сводится к написанному за несколько страниц пред сим. Мы не идем, нас уносит. Вчера опять видел государя. Тревожно.

Сегодня их императорские величества отбыли в Гельзингфорс. Цесаревич и цесаревна и вел. кн. Мария Александровна их сопровождают. В сей последней ничто не обнаруживает герцогиню Эдинбургскую. Tacite concensu * об Англии нет речи.

Вчера отпразднован келейно юбилей Корпуса жандармов [467]. Еще зимою о том возбужден вопрос. Во избежание разных толков повелено праздновать «en famille»**, не приглашая никого, кроме служащих и служивших по корпусу и III Отделению. На пароходе 30 июня ген. Потапов подал государю по этому поводу разные альбомы в *голубом* переплете, в том числе альбом с портретами бывших четырех шефов — гр. Бенкендорфа, кн. Орлова, кн. Долгорукова и гр. Шувалова.

6 июля. Их императорские величества возвращаются сегодня в Петергоф на пароходе «Держава». Цесаревич и цесаревна остаются на два дня в Гельзингфорсе. Здесь событий нет, кроме столкновений двух петергофских пассажирских пароходов среди белого дня, причем несколько человек погибло. С театра войны никаких решительных известий. Сербский поход Черняева начинает походить на humbug ***. Между тем министр финансов приостановил учетные операции в Государственном банке, а чрез то и во всех других. Торговля в критическом положении. Все это из-за дипломатического meddling ****.

Был в Комитете министров. Дело о «постановлениях» административных властей исправлено, насколько исправить было можно [468].

8 июля. Вчера обедал у их императорских величеств в Петергофе. Видел опять кн. Горчакова, с которым ездил вечером в сад и долго прохаживался по его желанию на музыке. Он опирался на мою руку и позировал по обыкновению. Невероятна та légéreté *****, по-русски нет точного слова, с которую он разыгрывает свою роль при нынешних обстоятельствах. Если принять в расчет существующие, кроме того, предубеждения,

* По молчаливому соглашению.
** «по-семейному».
*** очковтирательство.
**** вмешательства.
***** легкомыслие.

предвзятые понятия, раздражение и пр. и пр., то неудивительно, что мы до сих пор не вышли ни на прямой, ни на какой бы то ни было определенно начертанный путь.

Завтра государь принимает турецкого посла в торжественной аудиенции с кредитивами нового султана. Бедный Кабула-паша сказал кн. Горчакову: «Vainqueurs ou vaincus, nous sommes perdus» *.

Между тем кровь льется (хотя сербы вовсе не так ревностно идут в огонь, как у нас думают и ожидали), и тяжелая ответственность ложится на европейские правительства. Если бы месяцев шесть тому назад решились отбросить в сторону разные мелкие расчеты на возможные частные выгоды или прибыли и ревнивые взаимные подозрения, если бы не вообразили оттеснить Англию и чрез то не дали бы ей ее нынешнего выгодного и решающего положения, если бы решились выйти из колеи дипломатических маневров и секретов, то теперь вопрос был бы или разрешен окончательно или так поставлен, что насчет способов и формы разрешения не предстояло бы сомнений.

9 июля. Сегодня телеграммы неблагоприятны для сербского оружия. Это не помешает газетам нести по-прежнему ту дичь, которую они ежедневно подносят своим панурговым читателям. Mundus vult decipi **. «Голос» тешит себя воображаемым разладом между Дизраэли и лордом Дерби, «Новое время» [469] на днях говорило о выходе Дизраэли, «Московские ведомости» рассказывали, что гр. Андраши был бледен и расстроен в Рейхштадте, между тем как кн. Горчаков имел вид довольный, и пр. и пр. По существу везде ложь, ложь на лжи. Между тем кровь льется и страдают и гибнут бедные жертвы этой легкомысленной игры разных честолюбий и самолюбий. Возмутительно, отвратительно, что я никого не вижу, который бы о них думал и за них чувствовал, без *личной позы или личного интереса, или личного задетого самолюбия.* Говорят о сербах, черногорцах, болгарах, единоплеменниках и единоверцах, собирают даяния, готовят корпию, бранят турок, Англию или Австрию — везде мне видится и слышится: *мы*, а не *они*.

12 июля. Событий нет, кроме приезда принца Гумберта и принцессы Маргариты. К счастью, погода стоит великолепная и, следовательно, все эпизоды пребывания высоких гостей могут совершаться удачно. Вчера объезд лагеря и заря. Сегодня парад. Третьего дня прогулка в Петергофе и чай в Монплезире. Сегодня же вечером предполагается объезд островов и, не знаю для чего, посещение сада Громова.

Видел вчера лорда Лофтуса. Он замечательно туп.

---

* «Будем ли мы победителями или побежденными — все равно, мы пропали».

* Мир хочет быть обманутым.

16 июля. Был в Петергофе 14-го для доклада государю. От вечера на Ольгином и Царицыном островах в честь Италии я уклонился под предлогом нездоровья жены и вернулся в Ботанический сад к обеду, приняв в городе на перепутье разные доклады. Видел в Петергофе канцлера. De mal en pis *. Он мне заявил, que l'opinion publique exerçait une pression, qu'il fallait se décider à faire quelque chose et qu'il avait une idée...**

Оказалось, что идея состояла в написании циркулярной депеши! Прошло время фраз. Между тем императрица организует des quêtes en grand ***. Старуха гр. Протасова будет обходить Гостиный двор, гр. Адлерберг и фрейлина Пиллар — Большую Морскую и пр. Всероссийская империя находится в таком положении, что ее сочувствие и покровительство могут заявляться только командировкой статс-дам и фрейлин для сбора частных подаяний, non sans pression sur mm. Dujoux, Barel et C-ie!****. Между тем государственный канцлер будет сочинять циркуляры!

Италианские гости уезжают сегодня в Москву. Праздник в Петергофе, говорят, был великолепен. On ne savait pas où finissait la réalité, ou commençait la fiction *****.

18 июля. Италианские гости отбыли. В замену прибыли датские и греческие: два короля [470], королева и принцесса [471]. Завтра в честь их обед в Петергофе.

Нессельроде называет Радовица: «La quintessence du domestique bismarckois» ******.

Сегодня первое известие о положительном успехе черногорцев. Пять пушек и 300 пленных, в том числе, какой-то Осман-паша. Дай бог успехов им и сербам. Но нам следует помнить, что мы имеем дело не с турками и имеем обязанности русские, а не черногорские и сербские.

У меня был сегодня ген. Анненков по поводу сочиненной им записки о железных дорогах [472]. Удивляюсь «сенсации», произведенной этой запиской. Она прошита наскозь анненковскими белыми нитями и донельзя поверхностна и опрометчива.

21 июля. Третьего дня был на обеде в честь королей и королев в Петергофе. Государь после обеда представлял нас датскому королю, а цесаревич — греческому. Королевам не представляли. Видел кн. Горчакова, sérénissime ******* и приехавшего

---

* Все хуже и хуже.

** что общественное мнение оказывает давление, что надо решиться на что-то и что у него есть одна идея...

*** Денежные сборы в крупном масштабе.

**** не без давления на г.г. Дюжу, Бареля с компанией!

***** Было неизвестно, где кончалась реальность и где начиналась фантазия.

****** «Квинтэссенция бисмарковского лакея».

******* его высочество.

из Константинополя ген. Игнатьева. Насчет сего последнего я не разобрал, доволен ли он и довольны ли им? Так как он без запинки лжет, то трудно полагаться на его рассказы. Он говорит, qu'il est, ou était, aux mieux avec le sultan Mourad, que le parti de la révolution universelle a fait celle de Constantinople, [472a] que tout eût été réglé au mieux, si on avait accepté, il y a un an, les propositions que feu Abdul-Assis l'avait chargé de faire à l'empereur, etc., etc.* Когда я назвал Константинополь: Elliotopolis pour le quart d'heure **, он отвечал: «Quelle idée! Le pauvre homme est débordé» *** и пр.

Между королевскими свитами обращала на себя всеобщее внимание красивая гречанка, фрейлина, очень похожая на конногвардейца Всеволожского.

Вернулся с экстренным поездом министра путей сообщения и прямо проехал на дачу на извозчике.

Вчера был в Комитетах министров и Царства Польского и обедал у Громовых в честь Ильина дня. Невозможный обед. 200 человек и между каждыми двумя блюдами четверть часа ожидания. Сегодня принимал разные доклады на даче.

29 июля. Не пишется. Дни идут и довлеет дневи злоба.— Был в прошлое воскресенье, 25-го, на военных скачках в Красном Селе. Несмотря на размытую дождем почву, скачки обошлись без несчастий. Четырехверстная совершена выигравшею лошадью, (под уланом Фейхтнером) в 5 мин. 40 сек. Вторым пришел гусар кн. Голицын, третьим — кавалергард Панчулидзев. Обедал за обер-гофмейстерским столом, приятно, благодаря соседству датской фрейлины Оксгольм. И она, и статс-дама королевы гр. Ревентло из ряду вон. Из гречанок наиболее пригожая Анаргиро, посредственно одарена умом, другая — Колокатрано — умна и недурна; comme bistre en fait de teint et lignes droites en fait de traits ****. На другой день было кавалерийское учение. Я на нем не мог быть по случаю доклада, но видел, как три полка Кирасирской дивизии проходили к военному полю и обратно. Никс ехал на своем «Изумительном» в замке своего взвода. Я чувствовал, как немалая доля моего *Я* была в строю, другая была в Ботаническом саду, еще другая или другие инде. Много ли было со мною в остатке? Я чувствовал, что почти ничего.

---

* что он находится или находился в наилучших отношениях с султаном Мурадом, что революцию в Константинополе совершила партия всемирной революции, что все было бы урегулировано наилучшим образом, если бы в прошлом году были приняты предложения, которые покойный Абдул-Ассиз поручил ему передать государю, и т. д., и т. д.

** Эллиотополисом на четверть часа.

*** «Что за идея! Бедняга выбит из колеи»!

**** Цвет лица — темный, а черты — прямы.

После доклада (тотчас после учения) вернулся в город. На другой день, 27-го, отправился утром в Петергоф. Обедня, нечто вроде cercle en baise-main * (по случаю рождения императрицы), завтрак, торжественный обед, вечером иллюминационный etc. праздник на Ольгином и Царицыном островах. Великолепно и печально. Столько огней, столько приготовлений, столько разных frou-frou **, столько зрителей издали, кроме стольких избранных гостей вблизи, столько сует и тщеславий и столь мало удовольствия. Уехал рано, долго на станции железной дороги ***, и, наконец, около 3 часов утра вернулся на дачу.

На политической арене все то же Zerfahrenheit ****. Жомини жалуется на старчество кн. Горчакова. Кн. Горчаков кроит фразы, ген. Игнатьев уверяет, что все было бы иначе, если бы послушались его, а не гр. Андраши, императрица агитирует за славянские призраки и утешает себя официальным возбуждением частной благотворительности, государь остается (пока) верным своим намерениям, хотя события им идут вразрез. Он мне сказал при докладе à propos des arrière-pensées attribuées à la Russie: «On m'a dit: à quoi sert d'être honnête? Mais j'ai répondu que je l'étais et voulais l'être» *****.

Сербские военные дела идут плохо. Того следовало ожидать. Хорошо то, что турецкие зверства в Болгарии теперь подтверждены английскими делегатами. Это возбудит в Англии сильное реактивное движение. Между тем обычное неразумие публики в полном блеске. Режут болгар из-за сербов [473], говорят о сербах и собирают на сербов.

Получил вчера письмо от г. Treitschke с изложением его взгляда на восточный вопрос и пр. Он подучен Радовицем. Эти господа воображают, что я здесь нечто значу, а у Радовица совесть не совсем чиста. Они ошибаются двояко. Я им на слово не поверю и значения в делах внешней политики никакого не имею. Но отвечать г. T[reitschke] нетрудно, и я отвечу.

2 августа. Вчера на ночь в Петергофе. В последний раз в этом году эта отвратительная поездка. Сегодня всеподданнейший доклад. Никогда я не видел государя в такой mauvaise humeur ******. Лично ко мне не было повода и даже не выражено. Но, несмотря на то, весь тон до малоприличия раздражительный. Общий смысл тот, что его величество утомляют не военные

---

* выхода с целованием руки.

** дамских нарядов.

*** *Так в подлиннике.*

**** растерянность.

***** по поводу задних мыслей, приписываемых России: «Мне сказали: на что нужна честность? Но я ответил, что я честен и хочу быть таким».

****** дурном настроении.

занятия, маневры и пр., а *наши* доклады, т. е. министров, и что ему гораздо легче, когда мы доклады присылаем письменно. Оно отчасти так. Мы большею частью докладываем дребедень, и я сам терпеть не могу личных докладов, а легко справляюсь с письменными. Но я не государь, я знаю, что мне пишут, и мне не докладывают, как министры докладывают государю. Сказать же это — нелюбезно, особливо мне. У меня нет никаких иллюзий насчет того, как государь меня оценивает. Я всегда сам считаю глупцами тех, которые мне приписывают значение, которого я, впрочем, заслуживаю, но все-таки жаль видеть и слышать, что я видел и слушал. У государя сорвалось после, что особливо по Министерству народного просвещения доклады длинны. Кроме того, до меня был ген.-адмирал и что-то, вероятно, было неладно при его докладе. Наконец, про императрицу слышно, qu'elle est indisposée *, но ее камердинер о том неизвестен. Верный признак d'un mic-mac en famille **. Восточные дела также идут не по желанию. Видел кн. Горчакова. Наслаждается, как ребенок, оказываемым ему вниманием. Рассказывал, что вчера на церковной церемонии государь a fendu la foule pour s'approcher à lui au grand étonnément de cette foule, que l'impératrice le nomme «son ministre» *** и пр. и пр. Между тем все прежние Ratlosigkeit и Zerfahrenheit ****. Известия из Сербии говорят, что там нашим волонтерам плохо и что сербы нестойки, а между тем у нас одобряют уход туда офицеров из гвардии. Кн. Горчаков уверяет, что государь тревожится общим движением России в пользу славян [474] и «опасался», что кн. Горчаков этому движению подчинится. «J'ai dit à l'empereur que je resterai fidèle à ses vues et j'ai remarqué qu'il avait besoin d'être rassuré à cet égard»*****.

Надлежит слышать между слов и читать между строк.

Кн. Горчаков сказал мне также, qu'il n'était pas tout à fait content de l'Allemagne, du Sphinx (Bismarck) etc., qu'il pensait à une conférence, que cette conférence devrait avoir lieu en dehors des capitales et être composée des chefs de cabinets ****** и пр. Все это мне представляется воздушными замками. Между тем время уходит. Из Лондона получено известие, что Дизраэ-

---

* что она нездорова.

** неприятностей в семейном быту.

*** раздвинул толпу, чтобы подойти к нему, к большому удивлению этой толпы; что государыня назвала его «своим министром».

**** беспомощность и растерянность.

***** «Я сказал государю, что буду верно следовать его намерениям, и заметил, что ему хотелось получить заверение в этом».

****** что он не совсем доволен Германией, в частности Сфинксом (Бисмарком) и др., что он думает о созыве конференции, что эта конференция должна состояться вне столиц и должна быть составлена из глав правительств.

ли садится в палату лордов, как earl Beaconsfield *. Это — полуотречение. Между тем государь на это взглянул просто, как на возведение в графское достоинство, а сам кн. Горчаков не знал **, что покойная г-жа Дизраэли была пожалована виконтессою Beaconsfield по желанию мужа, тогда не хотевшего оставить палаты общин.

3 августа. Утром на закладке сельскохозяйственного музея. Потом Комитет министров.

Нового нет. Говорят, однако же, что императрица действительно захворала ***. Послали за оракулом — Боткиным. Этот оракул также одно из тех явлений, которые рождаются дворцами. Он — Мандт нынешнего царствования. Мандты как-то являются на закатах.

Закаты! Часто думаю о зловещих признаках, которые множатся. Вспоминаю прежнее: exoriare ultor! **** Мы теперь возмущаемся зверствами турок, и мы правы. Но они турки. Мы христиане и считаем себя европейцами. Разве у нас не было своих башибузуков от уездных властей до Государственного совета? Разве мы не морили униатов в тюрьмах? Разве мы не возводили в систему razzia ***** на чужие храмы? Разве премудрость покойного Чевкина и администрация ген. Кауфмана не походила на премудрость и на распоряжения Мидхата-паши и его коллегов?

Ключ ко всему: —+—.

4 августа. Мы дошли до славянофильского онанизма. Вся Россия в бесплодной лихорадке. Длинные телеграммы наполнены сербскою кн. Натальей, ее родами, салютом 101 пушки в честь этих родов и т. п. Все бредят «южными славянами», не разбирая и даже, не ведая, кто они. Все млеют перед призраком на стене и, поклоняясь стене, не размышляют, что между тем за этой стеной гибнут жертвы, которых поклоны не спасают. Мы собираем подаяния на их похороны.

Вспоминаю то, что за полгода пред сим говорилось и писалось по восточным делам, я иногда недоумеваю на мой собственный счет. До какого ослепления был я сам доведен насчет наших соглашений с Австрией, если в виду ничего не имелось для будущего, кроме берлинского меморандума? Я чувствовал инстинктивно, что без Англии вопроса нельзя было разрешать, и потому с января или февраля постоянно твердил фразу, quela partie était à jouer à six et non à trois ******, но я, признаюсь, не

---

* граф Биконсфилд.

** *Далее в скобках написано:* или забыл (*т. III, л. 212*).

*** *Далее в скобках написано:* первому слуху я не верил (*т. III, л. 212*).

**** поднимется мститель.

***** облавы.

****** что партию надо было разыграть вшестером, а не втроем.

подозревал, что и à trois * не приходили ни к какому заключению и не предусматривали необходимости перейти от бумаги и чернил к другим формам участия в деле.

Обедал в Павловске у Шторха. За обедом были, между прочим, гр. Борис Перовский, Бахметев и кн. Лобанов. Первые двое несли по восточным делам дичь à la «Русский мир» [475]. Неужели мы и в этот раз выплывем без беды? Дай бог.

6 августа. Горох об стену. Вот значение весьма немалой части моего труда. Сегодня отправил несколько горошин по адресу Краевского. Вся наша печать невозможна, но «Голос» слывет инспирированным органом кн. Горчакова и действительно иногда вдохновляется его клевретами. Между тем его статьи из рук вон, и по бестактности, и даже по невежеству. Дизраэли «добивался» графского титула. Решимость королевы — «загадка» или «вызов» и пр. Послал к Гирсу (Ин. дел) вырезку из статьи «Norddeutsche»**, напечатанную по приказанию г. Бюло, в ответ на статью «Голоса» и о которой (то есть статье «Norddeutsche»**) Шнейдер мне пишет: «Il y a du louche dans cette incartade»***. Все, что я делаю собственно по моим частям — горной, конно-заводской, лесной,— я делаю почти en trichant ****. Иначе не выходило бы ничего, кроме бумаги.

Сознавать свое бессилие, как я его сознаю, видеть и ценить, как я вижу и ценю, и все-таки работать! Вот неволя!

8 августа. Был в Царском на скачках. Недурны. В промежутке я осматривался. Обычная vanity fair***** в разных видах minus придворный, потому что от высочайших особ никого не было, кроме вел. кн. Николая Николаевича, вел. кн. Павла и двух лейхтенбергцев.

В политическом мире все тот же бред. Странное занятие одной рукой раздувать пожар, другою лить на него воду.

10 августа. Утром в городе. Был у бразильского и шведского [476] посланников. Потом Комитет министров. Гирс говорит que nous sommes intimement liés à l'Autriche par les conventions de Reichstadt et que cela rend difficile un rapprochement prompt avec l'Angleterre ******. Почему? Я не понял и не понимаю.

Маневры кончились. Не без эпизодов, по слухам. Все тот же ключ.

---

* втроем.

** «Северные немцы».

*** «В этом выпаде есть нечто подозрительное».

**** с некоторой долей плутовства.

***** ярмарка тщеславия.

****** мы тесно связаны с Австрией Рейхштадтскими конвенциями, и это затрудняет в близком будущем сближение с Англией.

11 августа. Видел сегодня германского chargé d'affaires (Berchem) *. Он человек ограниченный и даже несколько вроде «sot» ** по некоторым приемам. В том, что он говорил про Восток, проглядывает, как мне кажется, неудовольство Берлина на то, что он не призывается к главной медиаторской роли или на то, что в Рейхштадте состоялось между Австрией и Россией какое-то соглашение помимо его.

Вчера вечером были гр. Толстой и Грейг. Первый весьма хладнокровно относится к славяно-сербскому движению. Второй уверяет, что дела принимают более благоприятный оборот. Оборота не вижу ни в какую сторону.

12 августа. Был в Царском на скачках. Перед тем видел ген. Баумгартена (Красного Креста), который жалуется на то, что его насилует Славянский комитет. В Царском видел Игнатьева (посла), который уверяет, что в Киеве собираются в Сербию и артели плотников и ватаги бессрочно отпускных [477]. Он агитирует, где и сколько может, потому что находит, по словам Баумгартена, qu'il faut un peu compromettre le gouvernement ***. Вчера вечером был у меня неугомонный полк. Богданович. Он все на пути в генералы и теперь ездит на славянском коньке. Он вздумал написать письмо к цесаревичу и мне привез копию с этого письма.

Третьего дня я видел Краевского. Вчера Шнейдер прислал мне письмо, в котором Краевский предлагает ему проводить мысль о медиаторстве Германии.

В общем итоге все прежние колебания. Между тем государь уезжает 17-го, императрица — 18-го. Единственный благоприятный признак и залог некоторого успокоения здесь.

13 августа. Кн. Ливен, вернувшийся из Царского, привез известие о разбитии главной сербской армии. Ввиду последних разноречивых и неясных телеграмм следовало ожидать этого известия. Хорошо наше положение. Мы добились того, что теперь как будто мы сами побиты. Ноты, меморандумы, съезды, шифрованные и нешифрованные депеши — все это привело к развязке, в которой самозванный сербский генерал Черняев выходит представителем всероссийской империи! Опять припоминаю и зловещий колокольный признак и exoriare ultor ****.

15 августа. Вчера телеграф дал знать о победе сербов. Сегодня он возвещает, что бой у Алексинаске возобновился. Где истина? Вероятно, что турки были отбиты под конец 12-го после отправления из Белграда панической вести о потере

---

* поверенного в делах (Берхема).
** «дурака».
*** что надо слегка скомпрометировать правительство.
**** поднимется мститель!

сражения, но вероятно и то, что сербы не одержали решительной победы. Коварную роль играет, кажется, Германия. Она эксплуатирует — + —.

16 августа. Утром в Царском Селе. Доклад государю, который не совсем здоров по собственной неосторожности, выпив три стакана холодной воды после охоты в Гатчине. Государь был ко мне весьма любезен, но, видимо, озабочен восточными делами и предусматривает возможность военных компликаций. Он говорил про вести из Белграда и про обманы и неблагодарность, которыми там нам платят. Видел кн. Горчакова. Он все бредит конгрессом и думает о себе, ибо постоянно возвращается к тому, что он приносит свою популярность в жертву России, направляя ее политику по миролюбивым стезям. Что нам за дело до популярности кн. Горчакова? Между тем я вовсе не уверен, чтобы при его приемах мир мог быть действительно обеспечен. Никакой твердо установившейся мысли не заметно. Сегодня кн. Горчаков показал мне телеграмму из Берлина следующего содержания: «Bullow dit que Bismarck est mal disposé pour la Turquie depuis Salonique!»* Не ipsissima verba **, но точный смысл и отчасти даже текст. Теперь, такая телеграмма, и шифром! Это похоже на шутку.

По нашим официальным сведениям, Черняев просил нашего генерального консула выхлопотать перемирие, потому что сербы нестойки, бросают раненых и оружие. Он повторил просьбу даже после своей газетно раздутой виктории.

19 августа. Semper idem ***. Решительных вестей нет. Государь уехал третьего дня с цесаревичем и цесаревной в Варшаву; императрица **** с герцогинею Эдинбургскою вчера в Ливадию. Я напутствовал гр. Адлерберга письмом. Одна из моих горошин.

Бразильский кесарь [478] здесь и осматривает достопримечательности. Он incognito, живет в Европейской гостинице и приехал с таким расчетом, чтобы не видеть государя здесь и не обеспокоить накануне выезда.

20 августа. Вчера был у меня ген. Игнатьев, посол. Несомненные способности, но encore plus de blagues*****. Слушая его, никогда не знаешь, чему верить, чему не верить. Он уверяет, что если бы не гр. Андраши, то им все было бы давно покончено, что покойный султан ему дал клятву на Коране исполнить все требования государя, но что он при этом ставил условием не

---

* «Бюлов говорит, что Бисмарк плохо относится к Турции после событий в Салониках!»

** Не собственные слова.

*** Все то же.

**** *Далее написано:* и вел. кн. Мария Александровна (*т. III, л. 213*).

***** еще больше бахвальства.

обнаруживать коллективной pression officielle * европейских кабинетов, что его, Игнатьева, упрекали в старании substituer un tête-à-tête avec la Turquie ** соединенным действиям трех держав, но что он разумел tête-à-tête *** только в смысле возложения на Россию предварительных с султаном переговоров и соглашений и пр. и пр. Кроме того, Игнатьев передавал мне разные подробности насчет удавления Абдул-Ассиза и помешательства Мурада, который все мерит на руке расстояния между теми артериями, которые были посмертно перерезаны у Абдул-Ассиза. Сегодня утром уже напечатаны в газетах телеграммы о смещении Мурада и воцарении нового султана Гамида.

Утром был в Горном институте по случаю посещения его императором бразильским. Формы совершенно приватные. С ним были только гр. Толстой и лон-лакей из гостиницы. Дон Педро д'Алькантара — так записался он в книге, по-видимому, неутомимейший и любознательнейший из туристов. Позы ни малейшей, но есть и достоинство и aisance ****.

Вечером заезжал Краевский для разных осведомлений. Он рассказывает, что в Москве учреждено г. Пороховщиковым в «Славянском базаре» формальное бюро вербовки в Сербию [479], что г.г. Пороховщиков и Фадеев надеются набрать целую дивизию в 5 тыс. человек, что г. Пороховщиков приглашал его собрать у себя редакторов всех здешних газет для установления общей программы действий, которая необходима, потому что правительство ничего не хочет делать и вместо его следует действовать обществу и пр. и пр. Все это весьма систематично и небезуспешно практикуется целою стаею агитаторов и здесь, и в Москве, и в губерниях. Проводят лихорадочное движение в бестолковые массы под фирмою славянства, единоверства и единобратства. Лихорадка на что-нибудь пригодится и, кроме славян, христиан и братьев. Между тем «Новое время» дошло до толков о скрежетании зубов русского народа и пр. «Русский мир» на 3 месяца приостановлен [480]. Посмотрим, что управление печати сделает с «Новым временем». Здесь затеяли манифестацию на площади под ярлыком панихиды по убиенных и молебствия за небывалые победы Черняева. Полиция и III Отделение предупредили.

21 августа. Получил от министра финансов ответ кн. Лобанова ему по поводу статьи в «Новом времени». Оказывается, mirabile dictu *****, что статья «со скрежетанием зубов» и пр.

* официального давления.
** подменить двусторонними переговорами с Турцией.
*** двусторонние переговоры.
**** непринужденность.
***** к удивлению.

переведена из «Correspondance Télégraphique» [481] Поггенполя, куда статья *передана бароном Жомини* по предварительному одобрению кн. Горчакова. Satis *.

21 августа. Вчера обедал у гр. Толстого с бразильским кесарем. Известия с Востока плохи. Турки, по-видимому, берут верх. Мы все дрейфуем. Додрейфуем до крови. Да милует бог.

25 августа. Вчера переехал в город. В нынешнем году для меня словно не было лета. По крайней мере для других оно было. Я не помню здесь такого постоянства благоприятной погоды. С 28 мая по 24 августа только один бессолнечный день и не более трех холодноватых.

Турки взяли верх. Между тем отсюда продолжают отбывать волонтеры в Сербию. Там продолжают их убивать. Неужели эта кровь прольется даром? Неужели чернила кн. Горчакова зальют пожар? Наше положение здесь небывалое и невообразимое. Никто ничего не знает. Из Варшавы нет никаких известий. Государь там. Императрица на пути в Крым. Из министров налицо только Рейтерн, Посьет и я, но и мы трое в полнейшем неведении о настоящем фазисе восточных дел.

28 августа. Некоторые благоприятные признаки есть. Движение в Англии усиливается, «Times» прямо говорит о необходимости соглашения Англии с Россией! Германия, быть может, ввиду поворота Англии отправила в Варшаву фельдмаршала Мантейфеля, personam gratissimam ** в Берлине и здесь. Государь был чрезвычайно доволен объяснением с Мантейфелем, *сделал ему визит* и назначил шефом 4-го драгунского полка. Ergo ***— Германия дала удостоверение, что мне подтверждено Гирсом. Изолируется теперь Австрия. От нее, по-видимому, в Варшаву никто не прибыл, и вообще отношения натянулись. Англия поручила своему послу в Константинополе объявить резко, что если Турция не согласится на перемирие, то никакой дальнейшей поддержки ожидать не должно. Между тем алексинадские успехи турок не имели дальнейших решительных последствий. Все это нам дает время, но сумеем ли мы им воспользоваться?

С другой стороны, есть и неблагоприятные явления. В Москве вчера состоялась уличная манифестация [482]. Толпа, провожавшая волонтеров в Сербию, затем прогулялась по всему городу. Самые проводы обращаются в постоянную манифестацию на станциях. Вербовка г.г. Фадеева, Пороховщикова и пр. идет все шире и громче. Где правительство правительствующее?

* Достаточно.

** самую значительную персону.

*** Следовательно.

Вчера я был в честь бразильского императора на вечере у его посланника. Видал там весь дипломатический корпус. Маркиз Бедмар выражал некоторые опасения насчет окончательной развязки. Английский посол был в более удовлетворительном настроении. Гирс в еще более успокоенном. Барон Лангенау в пасмурном, Кабула-паша в очевидном сознании неловкости своего положения. Что касается гр. Берхема, то он отличался по обыкновению par un air d'importance quasi-mystéreux * и, кроме того, мне опять показалось, что у него совесть небезупречна.

Отправил сегодня несколько горошин к Краевскому и Каткову. Об стену, вероятно, но попытка — не пытка.

29 августа. Утром у обедни в Казанском соборе. Много народу. Набожность, к счастью, еще есть.

У меня был Мезенцов, чтобы сообщить, что Потапов в безнадежном состоянии. С ним приключился ряд так называемых нервических ударов на переезде из Одессы в Крым. Разжижение мозга, давно прелиминарно себя предвозвещавшее, теперь налицо. Кем будет он заменен? Если Тимашевым, то кем Тимашев? Жаль, что выборы все трудны.

30 августа. Утром в Александровской лавре. Не был там в этот день, кажется, с 1868 года. Из членов царского дома были только вел. кн. ген.-адмирал с меньшими сыновьями, вел. кн. Александра Петровна и кое-кто из Лейхтенбергских и Ольденбургских. Заходил после обедни к митрополиту, но, конечно, не завтракал, а уехал тотчас после acte de présence **, пробравшись сквозь толпу, пожиравшую кулебяки. Нигде это пожирание не творится так беззастенчиво и грубо, как будто палаты митрополита — нечто вроде трактира Палкина.

Из дипломатического корпуса не были два посла, английский и испанский [483], якобы потому что за отсутствием государя их присутствие было необязательно. Nigro был, австрийцы все, французы тоже. Гирс говорит, что Турция решительно отклоняет перемирие. Нового из-за Дуная нет. Гр. Адлерберг, отвечавший на мою обычную в этот день телеграмму, говорит что Потапов поражен умопомешательством (aliénation mentale des plus graves) ***.

Теперь вечер. Улицы иллюминованы. Диссонанс огня. Никто себя не чувствует празднично.

2 сентября. Политический горизонт как будто улучшается. Есть известие, что пять держав, кроме Австрии, категорически

---

* почти мистической важностью.

** очень кратковременного появления.

*** чрезвычайно тяжелым умопомешательством.

высказались в Константинополе в пользу перемирия! На этот раз я думаю, что «Agence générale»* говорит правду.

Между тем известия о ген. Потапове гласят, что он страдает буйным помешательством. Уже поговаривают, что его место займет Тимашев, а я — место Тимашева. Опасаюсь этого, при нашем безлюдии оно возможно, потому что мне нельзя будет отказаться от Министерства внутренних дел, как я мог бы уклониться от наследства кн. Горчакова.

5 сентября. Утром у обедни. Обычный воскресный выезд. Потом дома. Политических известий нет. Положение Гирса оригинально. Он здешний Bülow. Дипломатический корпус налицо, хотя и в разжиженном составе. Но до вчерашнего утра Гирс не получил из Ливадии ни одной строчки и ни одной телеграммы. Молчат, не только кн. Горчаков, но и Жомини и Гамбургер.

Много толков о смерти кн. Долгорукова, сына покойного кн. Василия, мужа кн. Мери. Одни говорят, что он убит на дуэли гр. Шуваловым (послом), другие — что он умер от delirium tremens **. Странно, что эти другие — преимущественно родственники княгини и что смерть приключилась в Брюсселе, куда ему не было стати ездить. Воздерживаюсь лично от окончательной веры той или другой стороне.

У меня был Набоков. Он пожалован в дейст. тайн. советники и члены Государственного совета и ему дан рескрипт. Но в этом рескрипте оказалось неточное и неудобное выражение. Набоков просил совета, печатать ли рескрипт или нет. Я дал совет сперва написать в Ливадию.

9 сентября. Ratlosigkeit und Zerfahrenheit *** до невероятности. Здесь разные толки о скором возвращении государя, о предстоящем манифесте и пр., из Ливадии — молчание. Кн. Лобанов, по моему предложению, третьего дня туда телеграфировал. Наконец, сегодня пришла телеграмма о том, что здравие их императорских величеств удовлетворительное, погода хороша и возвращение предполагается в *конце ноября.* Сообщил об этом Краевскому и Горну. Опять ненормально. Я делаю то, что следует делать Лобанову.

Между тем Черняев делает пронунсиаменто, провозглашая кн. Милана королем. Некоторые газеты тому радуются, тайн. сов. Токарев присутствует на обеде у Черняева, где что-то пьют за здравие сочиненного короля, «Московские ведомости» считают перемирие спасением турецкой армии от победоносца Черняева и жалуются на дипломатию, а здесь останавливают

---

* «Генеральное агентство».

** умопомешательства на почве алкоголизма.

*** Беспомощность и растерянность.

увольнение нижних чинов в запас и пекут осьмидневный запас сухарей при полках. Imbroglio di primissima qualita *.

Сегодня Лобанов пишет мне, que le duel de Bruxelles pourrait ne pas être une fable **. Он же настойчиво до сих пор говорил противное.

Наши действия в Сербии — международный скандал. С тех пор как творится история, не было подобных примеров. И это чрез Токарева, Панютина, Батюшкова и черняевских «добровольцев»! Мы в официальном мире с Турцией. Мы с Европой говорим о балканских христианах. Но что же Сербия и мы в Сербии?

12 сентября. Ответом может быть отчасти то, что я сегодня узнал от кн. Оболенского. Ему предлагали (ген. Фадеев и C⁰) быть главным распорядителем вербовки, рассчитанной на завоевание Балканского полуострова «добровольцами». Он отказался. Предлагали то же кн. Паскевичу и кн. Воронцову. Они уклонились. Но главное то, что планы Фадеева якобы одобряются и ободряются не только цесаревичем, но и самим государем [484]. Гр. Адлерберг (который мне этим не похвастался) сказал Оболенскому, que l'empereur s'intéressait beaucoup à ce projet ***. Всякий комментарий здесь неуместен.

14 сентября. Положение приходит к более острому кризису. В Вену отправлен ген.-ад. гр. Сумароков-Эльстон. Речь о занятии Австрией Боснии и Герцеговины, нами — Болгарии, соединенными эскадрами — Босфора. Затем речь о мобилизации 200 тыс. человек. Все это секретно телеграфируют министру финансов, который в Курляндии.

Англия, говорят, nous prête un appui cordial ****, но в то же время Гирс отзывается: il' n'est pas certain qu'elle consente aux mèsures coercitives; on ne lui a pas encore mentionné les propositions pour Vienne (?)*****.

Все что-то неясно и неопределительно. Неужели опять попытка предрешать дело à trois?******

В high life ******* опять эпизод известного свойства. Чета X. разошлась. Причиною Р. и признание à la lady Mordanus [?] ********.

20 сентября. Не пишется. Современное положение давит. Как-то совестно перед чужими. Товарищ министра иностранных дел, объясняющийся здесь с послами и посланниками, должен

---

* Первоклассная путаница.

** что дуэль в Брюсселе, может быть, и не выдумка.

*** что государь очень заинтересован этим проектом.

**** оказывает нам искреннюю поддержку.

***** еще неизвестно, согласится ли она на принудительные мероприятия; ей еще не сообщили предложений, касающихся Вены (??)

****** втроем?

******* в высшем свете.

******** в духе леди Морданус [?].

говорить, что он ничего не знает. И действительно, он знает весьма немногое. Между тем действия сербского двойственного или даже тройственного правительства в лице кн. Милана, его министров и ген. Черняева более и более усложняют вопрос. Мы рискуем утратить всю пользу, которую можно было извлечь из современного движения в Англии. Чего собственно хочет и что делает русское правительство, остается в тумане, и едва ли не есть туман. Ген. Черняев в настоящую минуту предопределяет судьбы России.

22 сентября. Благослови, господи, новое лето твоея благости.

23 сентября. Вчера уехал в Ливадию вызванный по телеграфу цесаревич. Причины вызова объясняются различно. Одни полагают, что предстоящая мобилизация части армии и переговоры с Австрией тому поводом. В то же время вызван и стратег Военного министерства ген. Обручев [485]. Другие (Сольский, видевший ген.-адмирала) полагают, что дело идет о сопровождении в Сан-Ремо императрицы, которая больна. Третьи догадываются, что здешние проделки черняевской партии, которые задевали Царское Село, могли побудить государя к личному объяснению. Знать в точности здесь никто ничего не может.

Видел министра финансов. Он говорит, что дело обстоит плохо и ответ Австрии неудовлетворителен, несмотря на крест Леопольда, пожалованный гр. Сумарокову. Он видел Гирса после меня, и Гирс будто бы видел австрийского поверенного Майера. Милютин писал Рейтерну, что если против нас одна Турция, мобилизируют 4 округа: Одесский, Киевский, Харьковский и Кавказский, если же с Турцией европейская держава, то — всю армию.

Воздерживаюсь от догадок. Знаю одно, что ясной мысли и твердой руки нигде не видно. Принимаю меры на всякий случай по частным моим делам.

На днях, т. е. в субботу, 11-го, начал давно задуманную работу. Дай бог успеха. Мысль с нею связанная, должна помочь довершить.

27 сентября. Продолжаю затрудняться дневными заметками. Все так колеблется и между тем так натянуто, что так и кажется, что вот завтра дело разъяснится, и так или сяк, но можно будет иметь перед глазами определенную цель или определенный путь. Но дни проходят и все прежняя мгла на горизонте.

Сегодня уезжает в Ливадию министр финансов по вызову [486]. Это, конечно, ясный признак, что военные меры предстоят. Но какие, и при согласии с кем-нибудь в Европе или в изолированном положении, неизвестно.

До чего между тем мы дошли, видно из следующего. Вчера в «Русском мире» напечатана телеграмма, подписанная 25 русскими офицерами, о провозглашении ими ген. Черняева «шефом» русского баталиона и другая, ответная телеграмма от имени Славянского комитета за подписью г. Филиппова, который говорит именем России и благословляет святое дело, которому служат эти русские офицеры.

Краевский, бывший у меня на днях, уверяет, что начальник Военно-юридического училища Бобровский получил длинное письмо от военного министра, в котором ген. Милютин по поводу высказанного тремя воспитанниками намерения отправиться в Сербию не только отзывается об этом неодобрительно, но еще говорит, что кн. Горчаковым был скрыт от государя порядок увольнения «добровольцев» из военных частей, что государь приказал расследовать, кто были главные пружины всего дела, и что результаты разных осведомлений будто бы приводят к Аничковскому дворцу. Relata refero *.

30 сентября. Сегодня родился у вел. кн. Владимира сын вел. кн. Кирилла. Следующий будет, вероятно, Мефодием. Все это напускное мне не по сердцу.

Английский посол говорит, что Турция согласилась на перемирие до марта и будто бы предоставляет державам дальнейшее разрешение вопросов, ими поднятых. Кн. Горчаков, таким образом, добился бы конгресса. Но состоится ли конгресс и состоится ли самое перемирие? Г. Суворин в «Новом времени» уже находит пятимесячное перемирие безрассудным. И действительно, что же будут делать в это время ген. Черняев и г.г. «добровольцы»? Для нас же уйдет страховая премия зимнего времени.

Между тем Рейтерн в Ливадии, а здесь высчитывают, сколько денег нужно на полушубки для зимней кампании Петербургскому военному округу. Imbroglio ** на всех пунктах.

Если бросить взгляд назад, то под конец окажется, что мы доведены до порога войны не событиями, не интересами государства, не политикою правительства, а просто Обществом Красного Креста. Первый блин был комом в Цетиньи [487], а этот ком обратился в первую глыбу лавины. Не будь дамского усердия в его своеобразных видах, не будь постепенного раздувания огня без своевременного употребления надлежащих спасательных труб, не было бы и раздолья славянским комитетам, не было бы ген. Черняева, болгарской резни, добровольцев и всего прочего!

8 октября. Пробел за пробелом. Они объясняются двумя причинами. Во-первых, я настойчиво занимаюсь предпринятой работой. Во-вторых, положение дел по-прежнему так шатко

* Повторяю то, что сказано.

** Путаница.

и неопределенно, что пришлось бы только записывать колеблющиеся признаки и постоянно меняющиеся слухи и толки. Теперь, кажется, дело идет к развязке. Ген. Игнатьев отправился в Константинополь и сегодня должен был иметь у султана торжественную аудиенцию. Между тем лорд Лофтус завтра едет в Ливадию. Цесаревич и министр финансов там.

Дело зашло так далеко, что теперь действительно уже нельзя довольствоваться тем, чем мы могли бы удовлетвориться год тому назад. Народное чувство у нас поднято и возбуждено, хотя более или менее искусственно, но все-таки поднято и возбуждено. Пролито много крови и болгарами принесено много невинных жертв. Нельзя довольствоваться дипломатическими протоколами. Боюсь только, что двигающая нами пружина не та, а просто левый берег дунайских гирл, тот Minimalzweck *, о котором я в апреле писал Шнейдеру, та мечта, которую холил кн. Горчаков.

11 октября. Вчера вечером видел Рейтерна. Exoriuntur ultoris **, если еще не exorti sunt ***.

Рейтерн говорит, будто, по словам Боткина, кн. Горчаков «больнее Потапова», а по словам Гамбургера, «он заговаривается».

Игнатьев в Константинополе. Желаю ему успеха. В его интересе успеть. Он постарается. Во всяком случае струна не порвется с военным звуком так скоро, как можно было ожидать. Цесаревна завтра уезжает в Крым с детьми.

Если бы что-нибудь теперь могло быть забавным, то забавны показались бы мне разные возгласы, которые я слышал в Государственном совете.

Signum temporis ****. Тимашев мне говорил, что ввиду хода дел не мешало бы иметь наготове проект в конституционном духе. Тимашев! Nous avons fait du chemin *****.

16 октября. Не только Лофтус, но и Швейниц отправился в Ливадию. Я его здесь видел третьего дня. Он говорил Рейтерну, qu'il espère que la guerre ne sera qu'un duel ******.

Между тем l'incroyable n'est qu'une simple vérité par là! *******. Хлыщ Пороховщиков не только был принят в Ливадии, не только имел аудиенцию у его величества, но и рассказал по всему пути оттуда и в Москве по возвращении самые невозможные подробности о том, что́, будто бы, он говорил государю и что́, будто бы, государь говорил ему [488]. По получении здесь о том

* Минимальные цели.
** Появятся мстители.
*** появились.
**** Знамение времени.
***** Мы проделали немалый путь.
****** что он надеется, что война будет только дуэлью.
******* Невероятное становится там истиной.

сведений ген. Мезенцов писал гр. Адлербергу и послал докладную записку государю. Сегодня он мне сообщил и ответ гр. Адлерберга и все по этому предмету бумаги с резолюциями его величества. Читая все это, я ощущал чувство, которое трудно передать иначе, как словом «cauchemar»!* Но cauchemar — сон, а это была самая действительная действительность.

19 октября. Вчера был в Государственном совете, когда Гирс там получил для напечатания в «Правительственном вестнике» и в «Journal de St.-Pétersbourg» телеграммы о том, что ген. Игнатьеву поручено потребовать перемирия и приостановки военных действий в 48 часов, а в противном случае выехать из Константинополя с посольством и объявить сношения прерванными **. Это приказание, вероятно, есть последствие полученных из Белграда известий о том, что турки прорвали линию при Джунеле и идут далее. Одним словом humbug *** Черняева доигран. Русская кровь бестолково пролита, и теперь, несомненно, приходится доказать, что, по крайней мере, она имеет цену и не может быть проливаема напрасно.

Сегодня телеграмма напечатана, и биржа, вероятно, вынесет на себе ее отпечаток.

Продолжение пребывания в Ливадии при таких обстоятельствах, вероятно, скоро прекратится. Оно, впрочем, и теперь уже составляло замечательную аномалию.

Странно взглянуть поглубже в наш нынешний внутренний строй selfgovernment без «self» ****.

Странно вглядеться во внутренние пружины. Une femme et deux vieilles filles tâchant de jeter un empire par les fenêtres *****.

Между тем вчера вечером мне прислан для поспешного прочтения quasi-доклад министра финансов Финансовому комитету. С дюжину листов с фразами и цифрами, чтобы сказать, что нужно выпускать кредитные билеты. Iphigénie s'immolant avec pudeur ******. Сегодня был у Абазы, который говорит, что у него завтра по этому предмету будет заседание Комитета финансов.

Его высочество ген.-адмирал изволит туда прибыть по случаю нездоровья Абазы. Августейшая рука приложится к ризам Ифигении.

---

* кошмар!

** *К соответствующему месту текста дано примечание под строкой:* «Кн. Горчаков впоследствии объяснял телеграмму годовщиной своего рождения или выпуска из лицея. Чисел не помню. 24/XI 1881 г.» (*т. III, л. 217*).

*** очковтирательство.

**** самоуправление без «само».

***** Одна женщина и две старые девы, которые стремятся выбросить империю в окно.

****** Ифигения, целомудренно приносящая себя в жертву.

Как будто все это не могло бы сделаться проще, без фраз и жеманства.'

К сожалению, у министра финансов характер не для трудных эпох. Вместо того,чтобы расти или по крайней мере раздаваться сообразно событиям, он скорее склонен съеживаться. Теперь, когда дело уже явно дошло до выпуска бумажных денег и до военных бедствий, то по крайней мере следовало бы воспользоваться минутой и покончить с подушною податью. Оно было бы и правильно, и полезно, и отвлекло бы внимание полезным образом от других дел, и показало бы толпе, конечно, что даже в трудные минуты мы идем вперед. К сожалению, боюсь, духа не хватит. Он не решался до сих пор из боязни кое-что недополучить при переходе от подушного налога к подворному. Он не решится теперь из боязни выпустить лишний десяток миллионов кредитных билетов.

20 октября. Alea jacta *. Министр внутренних дел сейчас прислал телеграмму, извещающую об отъезде их императорских величеств из Ливадии 24-го. Между тем известия о разгроме Сербии самые плачевные. Множество русских легло там. За что? На чью голову падет их кровь?

21 октября. Non jacta **. Турция приняла перемирие. Нам дана отсрочка, которая может быть полезною.

Вчера у Абазы, который болен, Комитет финансов. Жалкая и неприличная комедия. Два часа битых при готовом к подписке, не могущем не быть подписанным, журнале по вопросу, который нельзя было разрешить иначе, как утвердительно. Я слышал, как просвещали августейшего председателя в его младенческом незнании некоторых элементов дела, как министр финансов бестактно рассказывал нам свои мотивы и планы, как Грейг с тупою самоуверенностью проповедывал свои теории, как Заблоцкий торговался насчет выпуска кредитных билетов, как будто от Комитета зависело приостановить мобилизацию или хоть бы расход по какому-нибудь путешествию из Ливадии, как министр финансов позволил себе гарантировать размеры выпуска тем, что присутствовавший Ламанский до них «не охотник», и при Броке испортил себе карьеру статьею против них, как вообще весь Комитет в сущности признается только трифалетом [?] для министра финансов, как сей последний постоянно упоминал об испрошенных или испрашиваемых наивысочайших повелениях и пр. и пр. Так Абаза сказал, что следовало сказать про наше положение, но на этот раз и это было бесполезно.

---

* Жребий брошен.

** [Жребий] не брошен.

28 октября. Я все допускаю пробелы и все по тем же причинам. Во всех отношениях зыбь, неправильное или определенное волнение, следовательно, куда нас несет течение, не разберешь.

Сегодня их императорские величества уже должны быть в Москве. Там, кажется, подготовляется эффект объявления демонстрационной мобилизации. Говорят, что, кроме того, Аксаков готовится потопить Пороховщикова, что город готовит новый адрес, et multa alia *. Увидим.

Гирс говорит, что кн. Горчаков a fait des merveilles, que c'est un génie etc., etc...** Увидим. Говорят (и это даже официально верно), что Черняеву воспрещен въезд в Россию. Там его humbug *** лопнул, и он будто бы едет. Увидим.

31 октября. Завтра их императорские величества возвратятся в Царское Село. В Москве были выход, парад и речь, вчера здесь напечатанная [489]. Там значится, что Турция «*покорилась*» требованиям государя, что черногорцы — герои, что нельзя того же сказать о сербах, хотя русские добровольцы поплатились кровью за «*славянское дело*» и пр. Завтра должна быть повелена мобилизация южных округов [490]. Вел. кн. Николай Николаевич говел со всем своим штабом. Одним словом, все начеку более, чем когда-либо. Дай бог к добру!

6 ноября. Продолжаю молчать в дневнике. Но, кроме того, что в газетах есть и в них сохранится, собственно, нет событий. Их императорские величества возвратились. Сегодня гусарский праздник и присяга Николая Николаевича младшего. Я слыву нездоровым и не буду, кроме сегодня и завтра, на крестинах вел. кн. Кириллы. Тимашев говорит, что государь очень поправился.

3-го был парад. Государь обнял вел. кн. Николая Николаевича, как главнокомандующего. Войско кричало «ура». Словно война объявлена. А между тем речь идет о конференции. Трудно давать себе логический отчет в том, что видишь. Но еще труднее давать себе его в том, что приводится слышать. Словно белены объелись одни, опиум курили другие, юродивых корчат третьи.

12 ноября. Третьего дня я был с докладом в Царском Селе и обедал у их императорских величеств. Ни государь, ни императрица не сказали ни одного слова про Восток. Видел кн. Горчакова, который невозможен, и гр. Адлерберга, который просидел у меня более часа после обеда и весьма встревожен положением дел.

Il y a de quoi****. Чего мы хотим, куда идем, кажется, никому неизвестно, даже властным хотеть и других двигать. Мы еще

---

* и многое другое.

** совершил чудеса, что он гений и т. д., и т. д...

*** очковтирательство.

**** И есть от чего.

ожидаем конференции, а вел. кн. Николай Николаевич был на церемониях в походной форме, и кн. Черкасский, вынырнувший как-то через какую-нибудь камер-юнгферскую дверь, обретается в Царском Селе с проектом организации Болгарии, где он просится быть начальником гражданского управления. Государь сказал: «C'est un très bon choix»*. Вел. кн. ген.-адмирал отозвался: «Великолепно!» В проекте кн. Черкасского речь о построении церквей, об устройстве школ, сооружении дорог и пр. Мы еще в мире, мы еще не заключили конвенции с Румынией о проходе войск, мы будем стоять, когда там будем, лагерем между Варной, Виддином, Шумлой, Силистрией и пр., а кн. Черкасский будет строить церкви и заводить школы!! Кн. Горчаков говорит, что ему нельзя не предоставить просимого им исключительного права сноситься со всеми славянскими комитетами. Parce qu'ils ont de l'argent. «Combien?»— спросил я его.—«Ils ont pu donner 50 mille roubles!!»— «Satis» **.

Я имею ощущение быть в доме сумасшедших. Я почти перестал читать газеты. Те, которые нас полагают в здравом уме, конечно, ничего, кроме кривотолков, не производят. Я и здесь ничего не записываю. Ничего, кроме хроники безумия.

Вчера за обедом государь сказал императрице: «Le chiffre de Marie Antoinette est le même que le tien — *M.* et *A****». Сказано, конечно, à propos**** мебели, но у меня в сердце отозвалось иначе.

Кн. Горчаков и C-ie восхищаются письмами от императора Вильгельма и кн. Бисмарка, привезенными ген. Вердером. Мне кажется, что на уме там другое. Ave Caesar! Te moriturum saluto!***** Да не будет.

17 ноября. Не пишу здесь. Работаю над другим делом. С 17 сентября десять глав написано и мною перебелено. Вышло 90 полулистов folio. Никто не подозревает, чем я занят.

Между тем дела Министерства идут своим порядком. Правда, что напряжение сил большое.

Вчера был в Царском для доклада вместо сегодняшнего дня. Впечатление вынесено отличное. Государь говорил о восточных делах с горячностью и в совершенно антиславянском направлении. То, что он слышал от Мариновича (сербского делегата), от Карцева (нашего консула в Белграде) и от ген. Дохтурова (из Сербии вернувшегося), вероятно, содействовало тому, что

---

* «Это очень хороший выбор».

** Потому что у них есть деньги. «Сколько?» — спросил я его.—«Они могли дать 50 тысяч рублей!!» — «Хватит».

*** «У тебя такой же вензель, как у Марии-Антуанеты— *М.* и *А*».

**** по поводу.

***** Привет тебе, цезарь! Долженствующие умереть тебя приветствуют!

он возвратился к своему личному настроению — *доиюльскому*. Маринович, между прочим, сказал государю, que ce qui pouvait arriver de plus heureux aux slaves de là-bas était de rester sous la suzeraineté turque*. Он также говорил, что Сербия далее не может и не хочет вести войну. При мне у гр. Сергия Строганова несколько дней тому назад он говорил в этом же смысле. Карцев, которого я сегодня встретил у вел. кн. Константина Николаевича, сказал мне, qu'un seul homme (Tscherniaieff) était cause de tout ce qui était arrivé et que peut-être on aurait réussi à prévenir le mal si on avait insisté sur l'extradition de Tscherniaieff **.

Каковы судьбы! Теперь все в руках Игнатьева. Причиною всего того, что пока случилось, от пролитой крови до наших растасованных миллионов и до мобилизации,— ген. Черняев, г. Аксаков, г. Пороховщиков, тщеславие кн. Горчакова и доступность дамских прихожих. A quoi peut tenir la destinée des empires!***

Между тем я не доверяю еще никакому шансу. Наше положение самое во всех отношениях изолированное, испорченное, рискованное и опасное. Но... по крайней мере настроение венценосца лучше, а в прочем не произошло ухудшения.

24 ноября. Думаю, что я, к сожалению, вполне прав, не доверяя добрым шансам. Я не пишу здесь, потому что пришлось бы только изливать плач пополам с желчью. Непоследовательность и превратное понимание на каждом шагу. Черняеву теперь позволено приехать в Кишинев. Вел. кн. Николай Николаевич отправился туда из Казанского собора, и весь путь, накануне конференции, сопровождается неудобным frou-frou ****. Не так вчинаются дела, которым назначено быть великими. Против Англии самое ребяческое, китайское раздражение.

Третьего дня я докладывал утром и обедал у их императорских величеств. Странно слушать иные невинные по наивности речи. Императрица ***** говорила о politique intéressée d'autrui и désintéressée ******, с нашей стороны. Но разве можно иметь une politique désintéressée? ******* При чьей помощи, на чей счет и по какой цене можно ее вести? Разве кровь русских,

---

* что наилучшим исходом для тамошних славян было бы остаться в зависимости у Турции.

** что причиной того, что произошло, является один человек (Черняев) и что, может быть, удалось бы предотвратить зло, если бы настояли на выдаче Черняева.

*** От чего может зависеть судьба империй!

**** шелестом дамских платьев.

***** *Далее в скобках написано:* «обращаясь к Титову» (*т. III, л. 219*).

****** о корыстной политике других и бескорыстной.

******* бескорыстную политику.

смерть в госпиталях, страдания и слезы семейств, разорение частных лиц и государства не имеют цены? Кто ими распоряжается? Кто рыцарски приносит их в дар фразе о désintéressement? *

Подобный бессознательный эгоизм чудовищен. Мягкосердечные дамы говорят об устройстве лазаретов *на 40 тысяч* кроватей. Они, следовательно, предполагают возможным уложить в них 40 тысяч русских. И ради кого? О, coeur léger de M.Olivier! Que vous êtes distancé! **

К счастью, императрица обращалась все время к Титову. Я молчал. К чему, впрочем, могли бы послужить слова? Pas de pire sourd que celui qui ne veut pas entendre ***.

1 декабря. Занимаюсь предпринятой мною работой, более чем всем другим. Ухожу в нее от другого. С 17 сентября по вчерашний день я написал и сам переписал 12 глав (221 стр.).

Третьего дня опять имел доклад и обедал у их императорских величеств. Настроение более мягкое. La situation a l'air de se détendre****.Из слов императрицы заключаю,что министр финансов не пользуется у нее большим авторитетом и что, с другой стороны, она менее доверчиво относится к Берлину, чем государь. Вообще много можно было бы мне хронографировать, но... не пишется.

По делам прибалтийских городов имел переписку с кн. Урусовым, которая, кажется, будет не безрезультатной. С министром внутренних дел нельзя говорить. Он не понимает, не знает, и не понимает и не знает, что не знает и не понимает. В Государственном совете, в соединенных департаментах в прошлую субботу я имел обычный спектакль государственных дьяков XVII столетия.

В общественной среде разные события. Одно — чрезвычайно прискорбное — кончина молодой за год пред сим вышедшей замуж гр. Орловой-Денисовой, рожденной кн. Гагариной. Она была мила, добра, брак был по сердечному обоюдному влечению, все мирские условия счастью были налицо, даже благословение божее, казалось, на них пошло, потому что они, видимо, были проникнуты религиозным чувством и молились во время обряда, что я живо помню. И, несмотря на все это,— ранняя могила, смерть в беспамятстве после трудных родов! Неисповедимы судьбы божьего промысла!

Другое событие — объявленный брак гр. Павла Шувалова с девицею Комаровой, quasi-фрейлиной Михайловского дворца.

---

* бескорыстии.

** О, легкомысленное сердце г-на Оливье! Как вы превзойдены!

*** Самый глухой тот, кто не хочет слышать.

**** Напряженность положения, по-видимому, уменьшается.

Заезжал вчера к кн. Горчакову. На этот раз он мне показался благоразумнее, но гораздо усталее. Настроение à la paix *.

8 декабря. Третьего дня в Николин день после обедни, красный флаг поднят на площади перед собором. Да,— красный флаг. Толпа человек в 80, студентов Медико-хирургической академии (10), разного сброда (в том числе доброволец, вернувшийся из Сербии) и нигилисток выставили этот флаг с надписью: «Земля и Воля», начали с *ура* и *живіо* в честь сербов и хотели продолжать речами о свободе народу, который около них собрался, когда несколько полицейских попытались прекратить беспорядок [491]. Толпа нигилистов и пр.побила полицию, тогда публика побила нигилистов, арестовала человек 30 и отвела их в участок. Началось расследование. О его результатах пока не знаю. Не записал этого в тот же день, потому что меня ничто более не удивляет, и записывать нет охоты. Со всею фразеологией насчет «бедных» студентов, со всей слепотою, с которой насчет правительства содержатся нигилисты в высших учебных заведениях и к ним там подпускают нигилисток, со всем неразумием, породившим добровольцев, ничему нельзя дивиться и хронографировать тошно.

Обедал в этот день у их императорских величеств и слушал, как государь сообщил о происшествии государыне императрице. Он не придал факту лишнего значения, но не думаю, чтобы он вывел из него все мои заключения.

Переговоры в Константинополе тянутся. Надежда на порядочный исход еще есть..., но я отучился верить.

На днях было невозможное заседание в Государственном совете (департаментах) по прибалтийскому делу [492]. Тимашев начал с того, что заявил благоволение краю и продолжал разжигательными толками о «горсти», противящейся и оскорбляющей 80-миллионное большинство. Абаза назвал рижский магистрат мещанской олигархией. Крайняя грубоватость всех наших государственных соображений и приемов растет и не умаляется. О «благодеяниях» Городового положения опять было много речи.

17 декабря. Продолжаю мою работу. 15 глав (281 стр.) написаны и перебелены [493]. Сегодня ровно 3 месяца, как я эту работу начал.

Прочее по-старому. Нового нет, но со вчерашнего дня прервано телеграфическое сообщение с Константинополем. Что там происходит, неизвестно. Здесь —+—, как и прежде, но применимость этой формулы распространяется.

23 декабря. Кончил сегодня первую часть. В ней 16 глав и 302 стр. Одна глава должна перейти во вторую часть.

* миролюбивое.

В политическом мире, кажется, все хуже и хуже на Востоке. Обедал у их императорских величеств 20-го, у принца Ольденбургского — 21-го, у Грейга — 19-го, в клубе — 18-го. Отмечаю, чтобы доказать, что я многих видел, но от этих многих ничего утешительного не добыл. В Комитете министров я помешал рассматривать проект устава для славянских комитетов [494]. Время ли! Им дали без устава довести Россию до небывалой Вавилонской башни разных бестолковиц и теперь хотят их легализировать под предлогом обуздания! В Константинополе, Вене и Лондоне мы не знаем, что делать, а мы хотели объявить Европе о высочайшем утверждении комитетов, призывающих себя к попечению о подданных австрийского императора и константинопольского султана!

Примечания П. А. Валуева

Примечание 99. Циркуляр 29 августа был конфиденциальный. Он относился до переселений при разверстании угодий и в нем губернаторы приглашались обращаться к влиянию предводителей для уменьшения по возможности числа принудительных переселений. Тульский губернатор ген. Дароган, вместо исполнения моего предписания *в подлежащих* случаях, т. е. в случаях уважительных и вообще представлявших к тому возможность, сообщил всем предводителям текст моего секретного циркуляра. Этим воспользовались, чтобы поднять дело. Действия Бахтина тем более характеристичны, что циркуляр был, очевидно, в интересах крестьян. Но здесь представлялся случай напасть на меня, и в таком случае эти интересы могли быть беззастенчиво отброшены в сторону. (Тегернзее, 28/16. VIII.1868).

Примечание 100. Для тех, которые не испытали трудов, забот и огорчений, сопряженных с занятием высших правительственных должностей, или даже воображают, что бремя таких огорчений, забот и трудов удобовыносимо при тех выгодах и преимуществах, которые этим должностям присваиваются, эти три дня — 13-е, 14-е и 15 января — могут быть поучительны. Во все время моего тогдашнего столкновения с московским дворянством, я не только знал, что закон, право и справедливость были на моей стороне и что я защищал достоинство и прерогативы правительства, но и знал также, что мои противники рассчитывали на слабость и малоуменье этого правительства в его совокупном составе. Они рассчитывали на то, что мои ближайшие сотоварищи меня не поддержат и что в решительную минуту я заколеблюсь или государь от меня отступится. Дворянское собрание отнеслось к моим должностным распоряжениям с оскорбительным высокомерием и почти грубою самонадеянностью. В современных известиях значится, что чтение моего официального отношения к ген.-губернатору сопровождалось или встречено было «гомерическим смехом». Я спокойно и твердо шел своим путем и лично взял верх над собранием в Сенате. Я взял этот верх в такой полной мере, что тем самым сенатским указом, который меня признавал правым в отношении к спорной

статье 51 устава, были фактически уничтожены все предшедшие действия дворянского съезда, в том числе и тот всеподданнейший адрес, который составлял его главную демонстрацию и на который правительству отвечать было неудобно, потому что ответ мог заключаться только в жестком внушении или в мерах более строгого взыскания, сделанном или принятых по государеву повелению. Только что я достиг этого успеха в Сенате, к моим противникам присоединился мой предполагаемый подчиненный и помощник, московский ген.-губернатор. Он попытался уничтожить последствия указа Сената, и уже при этой первой попытке обнаружились колебания в самом ко мне близком и для меня наиболее надежном из моих сотоварищей кн. Долгорукове. Я отвечал ген.-губернатору требованием, чтобы он исполнил возложенную на него обязанность, и имел осторожность предварительно испросить в отношении к этому требованию соизволение и одобрение государя. Тогда ген.-губернатор обратился к государю мимо меня, принося ему, таким образом, прямую жалобу на министра внутренних дел и прямое ходатайство за московское дворянское собрание. Ген.-губернатор старался встревожить государя. Он говорил именем своих верноподданнических чувств, он *умолял* его отменить мое требование и в противном случае предсказывал *крайне тягостные последствия*. Первым последствием, которого ген. Офросимов не предсказывал, но на которое он рассчитывал, было проявление колебания в самом государе. Я предусмотрел это и потому отправился к нему за приказаниями прямо без предварительного призыва, чего никогда не делал, и действительно при состоявшемся у него совещании встретил не только в нем самом некоторые признаки колебания, но и почти положительное противодействие председателя Комитета министров кн. Гагарина. К счастию, нерешимость государя была непродолжительна, и я получил разрешение настоять на моем требовании и настоять окончательно, высочайшим повелением. Но исполнителем должен был быть тот самый ген.-губернатор, который так резко обнаружил непонимание своих обязанностей. На этот раз он просто исполнил полученное повеление, и ни одно из предвозвещенных им тягостных последствий не наступило. Но разные затруднения действительно могли возникнуть, и на меня ложилась в дополнение к ответственности по существу дела и вся ответственность за такие неудобства, которые были бы вызваны не моими первоначальными распоряжениями, а неправильными действиями ген.-губернатора. Немало крови химически разлагается в человеке при тех ощущениях, с которыми я вечером 15-го числа надел мундир и отправился на официальный прием нового французского посла, перевспоминая все то, что происходило, как в этот самый день, так и в предшедшие дни. Следы этих ощущений видны в моих дальнейших дневных заметках. (Тегернзее, 28/16.VIII.1868).

Примечание 101. Совещание состоялось по моей инициативе. Я имел в виду, как выше сказано, mettre au pied du mur* редакционистские тенденции министра финансов, т. е. его безучастие и даже иногда недоброхот-

---

* разоблачить.

ство к вотчинной поземельной собственности. Но для достижения этой цели нужна была некоторая помощь со стороны официального руководителя совещания кн. Долгорукова. Он не оказал этой помощи, и вообще предъявление записки гр. Бобринского как будто переменило почву. Она обратилась в главный предмет, а мои соображения — в придаточный. Даже заявленное министром финансов согласие на участие правительства в деле устройства поземельного кредита оказалось впоследствии простою фразою. (Тегернзее, 5/17.VIII.1868).

Примечание 102. Такие отзывы о людях столь известных и предполагаемо опытных, как гр. Панин и кн. Гагарин, со временем, вероятно, покажутся слишком резкими. Они, тем не менее, истинны как по искренности, так и по точности вызвавших эти отзывы впечатлений. Повторяю еще раз, что в отношении ко всем случаям, где следы мною виденного, слышанного или сделанного могли сохраниться в журналах разных коллегий или в официальной переписке, я ссылаюсь на эти документы. Кроме того, я ссылаюсь и на самое однообразие большей части моих отзывов. Деловая опытность кн. Гагарина, гр. Панина и некоторых других важных людей моего времени принадлежала к другой эпохе, соответствовала другим условиям и вообще им была весьма мало пригодна на рубеже двух порядков вещей, из коих один отжил свое время и распадается, а другой только что устанавливается на началах, большею частью несходных с началами прежнего. Прошу вспомнить, что я часто привожу фактические примеры своеобразного мышления этих лиц. Тот же кн. Гагарин утверждал наперекор почте и опыту, что дворянское собрание не может отправить конверта на высочайшее имя помимо министра внутренних дел; тот же гр. Панин предлагал для излечения недугов учебной части учредить над Министерством народного просвещения «какой-нибудь высший комитет». Тот и другой никогда не сталкивались с действительностью администрации в тех кругах, где она соприкасается с народом. Они знали высшие канцелярские формы дел и разные виды высочайшей и всемилостивейшей или невсемилостивейшей воли, но не знали и, может быть, не хотели знать многого, что есть и живет своею собственною органическою жизнью в тени разных узаконений и предписаний. Таким образом, могло случиться и действительно случилось, что, когда кн. Гагарин и гр. Панин начали рассуждать по поводу возложенных на ген. Огарева и сенатора Жданова поручений о том, что могли или должны были делать губернаторы, исправники, мировые посредники и т. п., тот и другой обнаружили замечательное неведение нынешнего положения, средств и даже законных прав и обязанностей всех этих должностных лиц. (Тегернзее, 31/19.VIII.1868).

Примечание 103. Государь действительно это помнит. В прошлом году вдова ген. Анненкова обратилась к нему с ходатайством о пожаловании ей 60 тыс. руб. по случаю расстройства ее дел и не упустила случая упомянуть об окончательном ударе, нанесенном, по ее мнению, здоровью покойного ее мужа морским путешествием от Ниццы до Петербурга. Государь выдал просимое пособие в начале сего года из собственных сумм. Слышал о том от гр. Шувалова. (Тегернзее, 24.VIII. — 3.IX.1868).

Примечание 104. Таким образом, сделано в конце августа то, что следовало сделать в начале февраля, т. е. ген. Офросимов вызван из Москвы. Если это сделано позже, почему же не сделано ранее? Одною из причин была кандидатура кн. Долгорукова, постановленная и поддерживавшаяся его братом, шефом жандармов. Другие причины заключались именно в том, что я настаивал на увольнении ген. Офросимова. (Тегернзее, 3.IX—24.VIII.1868).

Примечание 105. Источник недоразумений между министрами государственных имуществ и финансов заключался в нерассудительных сделках первого с варшавским банкиром Френкелем насчет приобретения за границею фондов для поземельного банка, в котором можно было бы, между прочим, закладывать и государственные имущества, а получаемые за них ссуды употреблять для перехода «польских» имений в Западном крае, т. е. имений помещиков польского происхождения, в русские руки. Ген. Зеленый обещал государю, что он ему «доставит» фонды для этой патриотической цели. Государь поверил возможности «доставления» и, полагаясь на патриотизм ген. Зеленого в делах западных более, чем на другие министерские патриотизмы, уполномочил его вести дело с Френкелем «секретно», т. е. помимо министра финансов. Ген. Зеленый, будучи сам не в состоянии не столько вести такие дела, но и объясняться с Френкелем, в свою очередь положился на своего товарища тайн. сов. Гернгроса. Сей последний еще далее слишком смело положился на самого Френкеля и вообще не обнаружил подобающей осмотрительности и предусмотрительности. Френкель не исполнил своих обещаний, а между тем распространил за границей мнение, что он имеет «финансовое поручение» от русского правительства. Рейтерн, вернувшись из-за границы, начал доискиваться всего, что происходило без его ведома по предмету несомненно финансовому и доложил государю о том, что ему нетрудно было узнать и оценить по достоинству. Ген. Зеленый, со своей стороны также бывший за границей, равным образом убедился в шаткости своих надежд на Френкеля. Ему нужно было как-нибудь сойтись с министром финансов, чтобы выпросить у него те вспомогательные средства для переворота в западном землевладении, которых он не добыл мимо его. Сам государь удостоверился, что одного патриотизма мало для достижения этой цели. Но Рейтерн, всегда упрямый и несговорчивый, на этот раз был еще в добавление к тому сердит и считал себя обиженным по случаю данного ген. Зеленому без его ведома высочайшего разрешения на финансовые переговоры. Государь желал уладить дело. Он мне сказал: «Vous êtes conciliant. Tâchez de les mettre d'accord» *. (Тегернзее, 4.IX — 23.VIII.1868).

Примечание 106. Я именно употребил это последнее выражение: «J'obéirai» **. Я выпросил разрешение сказать некоторым товарищам, что я уходил, но был вынужден остаться. Я тем более был к тому вынужден, что государь настаивал на том, чтобы я остался хотя временно или, как

---

* «Вы умеете улаживать разногласия. Постарайтесь их примирить».
** «Я повинуюсь».

он выразился, «до времени». При всем том я помню, что, выходя из его кабинета, я был как бы в разладе с самим собою и спрашивал себя, поступил ли я правильно или неправильно? Я, кроме того, до сих пор не знаю, имел ли государь с самого начала, т. е. с 3 декабря, мысль меня удержать или остановился на ней после, свидевшись с гр. Шуваловым между 10-м и 17-м. (Тегернзее, 7.IX—26.VIII.1868).

Примечание 107. Достойно замечания, что большая часть того, в чем меня косвенно упрекали (якобы ответственного издателя земства по закону 1864 г.), было прямым последствием разногласий, по которым государь утвердил противные моим мнениям заключения, т. е. заключения тех именно лиц, которые теперь нападали на земство и старались меня сделать за него ответственным. Я имел с собою печатные журналы департаментов и общего собрания Государственного совета, это неопровержимо доказывающее, и на них сослался в течение моих объяснений. Эти журналы и все бывшие со мною другие справки впоследствии хранились особо в моей канцелярии и должны быть налицо в канцелярии министра внутренних дел и в настоящее время. (Тегернзее, 8.IX—27.VIII.1868).

Примечание 108. Гр. Строганов, бывший новороссийский ген.-губернатор, а затем «первый» почетный гражданин города Одессы, произнес в тамошнем собрании думы речь, весьма резкую и для человека, носящего генерал-адъютантские аксельбанты, весьма неприличную, в которой он дозволил себе оскорбительные нападки на министра финансов. Дело касалось вознаграждения города Одессы за расходы по воинским повинностям, и в этом деле Министерство внутренних дел было на стороне города, а министр финансов отказывал в вознаграждении и отказывал в нем, как говорится, с плеча. В собрании председательствовал другой ген.-адъютант, городской голова кн. Воронцов. Он не остановил выходок гр. Строганова и не отозвался о них с порицанием. Газеты напечатали речь, и министр финансов имел полное право считать себя оскорбленным. Но, по моему мнению, ему следовало ожидать, что государь сам наставит своих ген.-адъютантов, и если он считал себя правым по существу, то обратиться со своей стороны в Сенат. Быть может, что Рейтерн не совсем был уверен в своей правоте и потому жаловался государю. Состоялось высочайшее повеление об объявлении выговора гр. Строганову и неудовольствии его величества кн. Воронцову. Рейтерн далее требовал, чтобы то и другое было публиковано. В совещании, которое состоялось по приказанию государя между кн. Гагариным, министром финансов и мною, я выразился против публикации. Кн. Гагарин и Рейтерн были противного мнения. По докладу кн. Гагарина затем повелено сообщить министру юстиции о напечатании выговора и объявлении неудовольствия в «Сенатских ведомостях». Кн. Гагарин даже предлагал объявить замечание и ген.-губернатору, но государь на это не согласился, и кн. Долгоруков, присутствовавший при докладе, мне сказал: «Il faut se préparer à une série de mesures violentes. Quand le régime est inauguré, on ne peut plus s'arrêter» *. Я сделал попытку к

---

* «Надо подготовиться к ряду очень резких мероприятий. Раз система принята, то останавливаться уже нельзя».

остановлению исполнения означенного высочайшего повеления, предложив, по предварительном соглашении с Рейтерном, комплиментарный рескрипт ему, вместо публикации выговора и неудовольствия, объявленных гр. Строганову и кн. Воронцову. Государь сначала как будто согласился и разрешил мне приостановить печатание высочайшего повеления в «Сенатских ведомостях» впредь до дальнейшего распоряжения, с тем чтобы на другой день (25 января) быть у него с кн. Гагариным и кн. Долгоруковым для окончательного обсуждения дела. При самом начале совещания я мог заметить, что государь уже возвратился к прежнему своему решению. Он сказал, что из своего неудовольствия не делает секрета, и публикация состоялась.

Последствия в сущности оправдали это решение. Я желал отклонить его, потому что считал небывалое напечатание в «Сенатских ведомостях» высочайшего выговора и объявления высочайшего неудовольствия двум ген.-адъютантам мерою, не соответствовавшею существу дела и долженствовавшею повлечь за собою оставление службы тем и другим из этих ген.-адъютантов. Оба остались на службе и вообще все дело возбудило менее толков и забылось скорее, чем я предполагал. (Тегернзее, 8.IX — 27.VIII.1868).

Примечание 109. Эти мысли или эта мысль мне с пятидесятых годов постоянно присуща. Она уже в то время выражена в напечатанной в «Русском вестнике» статье под псевдонимом *Гуфейзенберга* и, между прочим, в приведенном там стихе: «Mens agitat molem et magno se corpore miset» *. До сих пор события как будто меня опровергают. Мое министерское семилетие само имеет вид опровержения. Почти все мои огорчения и неудачи происходили от несовместимости моих убеждений, желаний и опасений с данною обстановкой. Прочность этой обстановки оказалась значительнее, чем я предполагал. Посторонние или случайные обстоятельства могли содействовать к ее охранению. Как бы то ни было, мои действия часто мне самому теперь кажутся ошибками; но, несмотря на то, внутренний голос твердит мне противное и применяет к России слова Галилея: «E pur si muove» **.

Примечание 110. Останавливаюсь здесь, во-первых, чтобы воздать должную дань уважения благородному поступку кн. Долгорукова; во-вторых, чтобы сказать два слова о весьма нередком употреблении мною выражений и даже целых фраз на иностранных языках. Причиною тому — иногда желание передавать во всей точности то, что я слышал или что мне было сказано, иногда просто свойственная нашим нравам привычка употреблять для обозначения известных понятий иностранные выражения. Останавливаюсь на этом преимущественно потому, что эта черта наших нравов и вообще наш обычай часто говорить между собою не по-русски, в настоящее время, видимо, слабеют и, сохраняя часть прежних неудобств, почти совершенно утратили прежнее предосудительное значение.

---

* «Движет громадою Ум и с великим сливается Телом» (В е р г и л и й. Энеида. Перевод С. Соловьева. Academia. 1933 г.).

** «И все же она вертится».

Они суть неизбежное историческое явление, как последствие того, что наше образование, наши общественные нравы и наши правительственные учреждения в значительной мере заимствованы и не могли не быть заимствованы из опередившего нас на пути общественного и государственного развития Запада Европы. Между всеми главными европейскими языками русский язык едва ли не тот, который остался наиболее чуждым иностранной примеси. Новые понятия воспринимались нашим сознанием скорее, чем новые или иностранные слова вливались в своеобразные и стойкие формы нашего языка. От этого, естественно, происходило, что для обозначения таких понятий мы употребляли те языки, на которых для них имелись готовые выражения, а это постоянное употребление иностранных языков не могло не доставить им в известных пределах некоторых прав гражданства. Мы слишком широко распространили круг этих прав, мы дошли до того, что в так называемых высших слоях народа знание иностранных языков как будто вытеснило знание и употребление родного языка. Мы имели и до сих пор еще имеем государственных сановников, которые неспособны правильно сказать десять слов или написать десять слов по-русски. Но эти сановники — обломки прежнего времени. Теперь русский язык укрепил за собою законное преобладание как в сфере государственной, так и в сфере общественной. Если он не вытеснил из них окончательно других языков, я считаю это на время не только естественным, но и полезным. В этих языках и в их употреблении есть смягчающий элемент цивилизации, в котором мы еще нуждаемся. Доказательством могут служить разные официальные документы, записки, проекты, журналы, которые непереводимы на другие европейские языки не потому, чтобы не нашлось для них соответствующих выражений, но потому, что их содержание и смысл были бы на этих языках слишком безобразны. До тех пор, пока у нас будут государственные люди вроде генералов Милютина и Зеленого, администраторы и ораторы вроде ген. Кауфмана и публицисты, похожие на Аксакова, я буду считать небесполезным, чтобы государь император иногда объяснялся с своими министрами, как ныне случается, по-французски; чтобы эти министры также иногда рассуждали или разговаривали на иностранных языках, и даже чтобы в среде общественной иногда приходилось передавать или объяснять на этих языках то, что в официальной сфере пишется или говорится по-русски. Я не принадлежу к числу тех, которые малодушно сомневаются в неприкосновенности нашего национального чувства. Я уверен в полном развитии нашей государственной народности, когда настанет время благоприятных к тому условий. Но я не желаю дикого развития. Я думаю, что время, о котором упоминаю, непременно настанет, и тогда мы столь же мало будем опасаться, в интересах нашей народности, знания и употребления иностранных языков, сколь мало опасаются их англичане, у которых до сих пор королевское утверждение парламентских актов (законов) выражается по-французски. (Тегернзее, 10.IX — 20.VIII.1868).

Примечание 111. Доказательством того, что государь находился под влиянием мимоходных впечатлений, более или менее систематически произведенных, служит то обстоятельство, что он сам отдал Николаевскую

железную дорогу в 1868 году Главному обществу, между тем как в 1866-м он настаивал на удержании в руках правительства будущей Азовской дороги. Доказательством посторонних соображений, руководивших министром финансов, также служит факт его тогдашнего союза с ген. Мельниковым, постоянно требовавшим правительственного сооружения железных дорог, между тем как сам министр финансов столь же постоянно признавал необходимость преимущественного предоставления таких сооружений частной предприимчивости. Мнение большинства Комитета железных дорог объясняется тем, что, кроме ген. Чевкина, в нем заседали еще три члена ведомства путей сообщения, подавшие голос с своим министром. Наконец, мнение, высказанное кн. Долгоруковым в отношении к Бессарабской железной дороге, было одним из тех, впрочем, немногих им заявленных мнений, насчет которых я сам недоумевал, чему их приписывать, предварительному ли знанию мнения государя и решимости от него не отделяться или же одному из тех отрывочных пожеланий обнаружить и доказать свою самостоятельность, которые не были чужды его характеру. Вышеприведенный отзыв его о том, что происходило в Совете, одинаково согласуется с тем и другим предположением. (Тегернзее, 30.VIII —11.IX. 1868).

Примечание 112. Не прошло десяти лет, и Комиссаров теперь уже менее неудобен, потому что ему с достаточною очевидностью усвоилось значение живой орфографической ошибки, а при этом значении не может быть другого, более неудобного. Он обратился в гусарского корнета. Кроме того, выдержав с замеченною мною скромностью и стойкостью напор первых оваций, он не выдержал более продолжительного испытания того исключительного и затруднительного положения, в которое он был поставлен, и скоро обнаружил под рукою приставленных к нему неловких дядек свою умственную несостоятельность. Но главное то, что самый подвиг его, в день 4 апреля, оказался более чем сомнительным. Не доказано при следствии, чтобы он отвел руку или пистолет убийцы. Ген. Тотлебен, который первый пустил в ход эту повесть и, вероятно, действовал под влиянием мгновенных впечатлений и на основании непроверенных сведений и рассказов, теперь вообще признается изобретателем, а не отыскателем Комиссарова.

Особенно замечателен тот инстинктивный такт государя, который побудил его немедленно сделать Комиссарова дворянином. Это пожалование пресекло в самом корне все толки об охранении жизни царей рукою простонародья, об опасностях, ей угрожающих со стороны дворянства, недовольного отменою крепостного права, о различии настроения умов и чувств в разных классах населения и т. п., на которые в то время было столько охотников. (Тегернзее, 1/13.IX.1868).

Примечание 113. Все заседания этого замечательного Comité du salut public *, воцарившегося с такою важностью, родившего один рескрипт, который в свою очередь породил несколько циркуляров, затем

* Комитета общественного спасения.

прожившего некоторое время в бесплодных толках и, наконец, угасшего незамеченною никем смертию, были в высшей степени характеристичны. Выстрел 4 апреля был поводом к учреждению комитета. Этот выстрел обнаружил ту почву, на которой революционно-демагогические семена могли приносить у нас обильную жатву. Эта самая почва граничит с территорией общинных и поземельных теорий, которые нередко проповедывались в Редакционных комиссиях, в Главном комитете и в Комитетах Западном и Польском. Казалось, что на влияние этих теорий обратится внимание Комитета, — так разумели его призвание некоторые члены и между ними, в особенности, самый рьяный и новый из них гр. Шувалов, так поняли многие и единственное произведение Комитета — рескрипт 13 мая. Во всяком случае надлежало предполагать, что факт покушения на жизнь государя, среда, из которой вышел преступник, и начала, во имя которых он покусился на преступление, займут и удержат за собою место на первом плане совещаний. Но председатель Комитета с первых шагов перешел на другую почву и находил в событии 4 апреля только новый аргумент в пользу своих личных понятий о наилучших условиях нашего государственного благоустройства.

Гр. Муравьев сначала предполагал, что председательствуемая им Комиссия придет к важным открытиям в сферах высшей администрации. Он думал, что в чем-нибудь непременно окажутся виноватыми некоторые министры и, в том числе, именно министр внутренних дел. На первых порах он позволял себе разные отзывы в этом смысле, быстро разносившиеся по городу. Но дни шли за днями и ожидания не сбывались. По ведомству Министерства внутренних дел не могло быть даже произведено ни одного ареста. Гр. Муравьев был умен, и уже 23 апреля он выразил желание лично со мною свидеться для согласования наших действий. В Комитете с ним вообще легче было сходиться, чем с председателем и даже с гр. Паниным. (Тегернзее, 1/13.IX.1868).

Примечание 114. В то время многие, в том числе и я, считали выход Рейтерна из Министерства вероятным. Я тогда думал, что и он искренне помышлял об отставке. Теперь я менее убежден в этой искренности. Предложение назначить его преемником Милютина должно было встретить с разных сторон сильнейшее противодействие. Рейтерн не мог этого не знать и я сам прямо упрекал его в наименовании такого кандидата. Впоследствии, когда Грейг был назначен товарищем, почти в явной форме коадъютора или futuro successore*, Рейтерн на время как будто устранился от текущих дел, дал простыть порыву к перемене и остыть расположению к своему малоподготовленному коадъютору и затем спокойно остался на своем месте. Он имеет многие превосходные качества и, за исключением случаев его не вполне прямодушного упрямства по вопросам о железных дорогах и по делам крестьянским, я в нем вообще находил доброго союзника и товарища, но я не думаю, чтобы он был чужд честолюбия и чтобы он всегда высказывал именно то, что у него на уме. (Тегернзее, 1/13.IX.1868).

* будущего преемника.

Примечание 115. Это совещание решило дальнейшие судьбы дела. После соглашения Милютина с нами устранились дальнейшие попытки к противодействию со стороны вел. князя, ген. Чевкина и канцелярии Главного комитета. Оставалось окончательно редактировать и формально провести закон через Государственный совет, что и сделалось. (Тегернзее, 1/13.IX.1868).

Примечание 116. Решение или определение Комитета изменено после заседания, и статс-секретариат переименован в собственную его величества канцелярию по делам Царства. (Тегернзее, 1/13.IX.1868).

Примечание 117. Впоследствии, т. е. уже в нынешнем 1868 году, гр. Шувалов признался мне и раза три извинялся передо мною в том, что и он принимал деятельное участие в решении катковского вопроса, «qu'il y avait», по его выражению, «fortement poussé» *. К гр. Шувалову и к моим к нему отношениям, проходившим или прошедшим разные фазисы, я возвращусь позже с некоторыми подробностями. Ограничусь теперь замечанием, что он в то время действовал по *нашим понятиям*, очень просто и естественно. Во-первых, у нас ничего не значит легкомысленно, небережливо и даже несколько криводушно обойтись с сотоварищем. Чувство собственного достоинства (не самолюбия) и уважение к некоторым основным началам публичной деятельности так мало развиты или мало щекотливы, что и со стороны сотоварища не предполагается большой щекотливости. Главное — мгновенное удобство и легковерно ожидаемые выгоды. Во-вторых, каждый homo novus **, по крайней мере те, которых я видел, впадает у нас в ошибочную оценку своего настоящего значения и своего будущего влияния. Гр. Шувалов рассчитывал на прочное и преобладающее влияние в своих отношениях к государю и думал, что он и на Каткова будет иметь влияние, которого я не сумел приобрести. Он ошибся в том и другом и впоследствии признавался в ошибке, но для сознания этой ошибки нужно было время.

Главное в настоящем случае было произволение государя. Чтобы уразуметь, в какое положение он ставил не только меня, т. е. министра внутренних дел того дня, но и всех своих министров вообще, надлежит вспомнить предшедший ход дела. Я знал, что со стороны Каткова, опиравшегося на свою популярность и на разные связи в разных дворцах и министерствах, следовало ожидать особых затруднений и особого упорства. Поэтому, до объявления *первого* предостережения «Московским ведомостям», я докладывал государю о предстоявших к тому поводах, о возможных последствиях предостережения и о необходимости поддержать власть правительства в случае, если оно будет дано. Я никогда не опирался впоследствии, из уважения к престолу, на данное мне высочайшее указание, приказание или разрешение. Но оно, тем не менее, состоялось. Государь формально соизволил на предостережение. Оно было дано. Тогда издатели «Московских ведомостей» отказались от напечатания его в своей газете и,

---

* «что он», по его выражению, «оказывал сильное давление».
** новый человек.

таким образом, явно и публично уклонились от соблюдения закона 6 апреля, заявив, что по миновании трехмесячного льготного срока они прекратят издание газеты. Второе и третье предостережение были даны одно за другим, чтобы скорее привести дело к критической развязке и предупредить напечатание таких статей, которыми сам Катков мог бы пожелать вызвать третье предостережение, а между тем еще более взволновать страсти в среде своих читателей и поклонников. Издание было приостановлено, затем допущено, как университетское под временною редакцией профессора Любимова. Всему делу умышленно и систематически усвоен характер личного с моей стороны нерасположения или даже вражды к Каткову. Государю все это было известно. Он сам в ответ на письмо Каткова, о котором пред сим упоминалось, весьма правильно отозвался, что надлежит соблюсти закон. Теперь он не только разрешал возобновление издания «Московских ведомостей» под редакцией г. г. Каткова и Леонтьева без соблюдения закона, но и разрешал его, не дождавшись истребованного от министра внутренних дел предварительного отзыва, лично принимал Каткова и вообще давал всей развязке дела вид победы, одержанной восставшими против закона московскими публицистами над применившим и поддерживавшим закон министром *. Далее будет сказано, как сам государь разумел и объяснял это распоряжение. Здесь я имею в виду только определить его истинное значение в других глазах. Я не позволяю себе никакой критики этого проявления его самодержавной воли. Я только думаю, что оно поучительно определяет меру значения, которое ему угодно присваивать своим министрам и что каждому из них должно быть трудно присваивать самому себе значение большее, чем то,которое за ним признается его государем. (Тегернзее, 7/19. IX. 1868).

Примечание 118. Мне осталось неизвестным, делались ли эти несколько раз повторявшиеся «ouvertures» ** с ведома или без ведома самого Милютина. Думаю, что ход дела был следующий. Вел. княгиня предлагала Милютину со мною сблизиться. Он, вероятно, отзывался, что я не сойдусь, и предоставлял ей попытаться. Тогда она обращалась с этим предложением или советом ко мне. Если некоторое сближение было возможно с самим Милютиным, то оно во всяком случае было невозможно с его хвостом и никогда не могло быть прочным. Для соглашения Милютину следовало уступить гораздо более, чем мне. Я мог пожертвовать некоторыми оттенками, но не мог отступить ни от одного существенного начала. Милютину надлежало именно отступить от некоторых начал. Кроме того, он был слишком связан своими антецедентами и своим хвостом. (Тегернзее, 7/19.IX. 1868).

Примечание 119. Один из мотивов этих непрерывных колебаний мною до сих пор, сколько помнится, не высказан. Между тем он имел на мои действия весьма немалое влияние, отчасти инстинктивное, отчасти вполне сознательное. Я давно был убежден, что мне следовало и что мне придется

---

* Впрочем, предостережение, не напечатанное Катковым, повелено было напечатать!

** «предложения»

уйти. Но я не был убежден, чтобы мне следовало и чтобы мне пришлось уйти навсегда, т. е. окончательно сойти со сцены правительственной деятельности. Я желал, чтобы будущность оставалась непредрешенною, и для этого должен был желать возможности уйти при соблюдении двух условий: избежания крутого разрыва с государем и выбора такого повода или мотива, который не имел бы в глазах близорукой и нередко тупоумной публики особенно невыгодного для меня значения. Такое значение имел бы всякий выход по поводу дел польских, западных, прибалтийских или по поводу дел прессы. Если бы он и не должен был иметь его по существу, ему бы непременно придали это значение разными кривотолками и тою систематическою ложью, которою мои противники всегда старались меня обессилить. Узаконения 10 декабря были до того рельефны в известном направлении, что я мог с ними связать мое удаление от дел, хотя эти узаконения и относились до Западного края, и, ввиду их издания, я и испросил себе увольнение, хотя потом остался. Но другие западные дела, действия местных ген.-губернаторов и дела прессы не представляли мне такой гарантии. Поэтому я колебался более или настаивал менее, чем сделал бы при других обстоятельствах. Выход по поводу дел, подведомых Главному комитету, представлял личные неудобства в отношении к государю. То же самое могло относиться и к некоторым другим вопросам, обсуживавшимся в высших государственных коллегиях. В 1868 году мне был дан повод не польский, не балтийский, не по делам Главного комитета или по делам печати, и тогда я вышел. (Тегернзее, 7/19.IX.1868).

Примечание 120. В предшедшем примечании я упомянул о систематической лжи, к которой постоянно прибегали почти все мои противники. Примером может служить вопрос о переходе имений в Западном крае в русские руки. Я считал невозможным этот переход в тех размерах, тех формах и теми путями, которые предполагались ген. Зеленым, ген. Кауфманом, Милютиным и пр., но распространение русского землевладения в крае я считал не только возможным, но даже необходимым. Я осуждал татарские приемы и разбойничьи средства, потому что я — не татарин и не разбойник, но я предлагал другие приемы и другие средства. Еще в начале 1863 года я указывал на возможность отказа в льготах и снисхождениях всем западным помещикам, коих имения были заложены в кредитных установлениях. Я постоянно говорил, что оказание правительственной помощи русским покупателям необходимо, но ввиду ограниченности правительственных средств я предлагал сосредоточить первоначально их употребление на окраинах западных губерний, как на местностях наиболее важных. Я желал покупателей надежных, состоятельных, потому отвергал систему неприличных спекуляций под фирмою патриотизма, которая так громко прославила себя в Северо-западном крае. Наконец, видя бесполезность моих настояний и несостоятельность банковых проектов ген. Зеленого, я по крайней мере всегда старался ему содействовать и помогать, когда дело шло об испрошении у министра финансов правительственной помощи для русских покупателей в западных губерниях. Теми 5 миллионами, которые сначала были предоставлены в ведение ген. Зеленого, а

впоследствии перешли в ведение Общества взаимного поземельного кредита, и ген. Зеленый, и Общество обязаны мне. Они — результат того совещания между министрами финансов и государственных имуществ, и мною, о котором упоминается в моих заметках за 1 и 2 октября 1865 года, которое состоялось по высочайшему желанию и в котором я участвовал, потому что государь меня признавал «conciliant» *. Мой взгляд на дело покупки имений русскими в Западном крае подробно изложен в письме к ген. Безаку от 6 декабря 1865 года, которое сохранилось в нескольких копиях, известно многим лицам и, между прочим, было тогда же сообщено Каткову по моему желанию г. Безаком. Все это не помешало меня постоянно выдавать за противника и врага всякой меры, направленной к распространению в том крае русского землевладения.

Та же система соблюдалась в отношении ко мне по делам прессы вообще, по катковскому эпизоду в особенности, по эпизоду Шедо-Ферроти, которого выставляли как будто моим клиентом, хотя знали, что я ему лично сказал в Киеве,«qu'il avait fait le plus mauvais livre qu'il pût faire»** и хотя я еще с пути в Киев поручил г. Фуксу передать Каткову мое приветствие по случаю его первых ответных статей; далее — по делам прибалтийским, по делам иноверных исповеданий, по делам дворянским и земским. (Тегернзее, 7/19.IX.1868).

Примечание 121. В моих заметках относительно разных объяснений с государем часто встречаются оговорки вроде вышеписанной. Я говорю, что «настаивать не счел удобным» или что «на этот раз признал нужным тем или тем-то ограничиться» и т. п. Легко может показаться, что именно мне следовало настоять или не ограничиваться, и т. д. Быть может, в некоторых случаях результат был бы более удовлетворительный. Но большею частью я думаю, что я поступал правильно. Во-первых, всякий человек прежде всего должен пребывать сам себе верным. Он должен действовать согласно с своим нравом и своими правилами. Иначе он не уверен в последовательности своих действий. Я постановил себе правилом никогда не рассчитывать на мгновенные или мимолетные впечатления и произволения государя. Я никогда не хотел, как говорилось и говорится поныне, «выхватывать» или «вырывать» высочайших повелений. Вообще не в моей природе что-либо брать, по выражению одного из моих сотоварищей, «нахрапом». Государь знал мои обычные приемы. Всякое отступление от них тем более возбудило бы в нем колебания и даже более или менее подозрительные опасения, что он равным образом знал, что я уступчив в отношении к отдельным случаям, но никогда не уступаю в отношении к общим началам. Он однажды отвечал гр. Шувалову, предлагавшему ему переговорить со мною об одном деле: «A quoi bon? Walouieff proteste toujours» ***. Во-вторых, есть в привычках и характере государя некоторые особенности, малоизвестные тем, кто не был с ним в частом и прямом по

* «миротворцем».

** «что он написал самую плохую книгу, какую он только мог написать».

*** «Зачем? Валуев всегда протестует».

делам общении. Государь легко поддается влиянию только тогда, когда обращаются к струнам подозрения и гнева, т. е. именно к тем струнам, к которым я наименее желал обращаться. В других случаях, чтобы достигнуть прочного результата, следует действовать неторопливо, прямо, чтобы он ощущал самостоятельно установившуюся, а не возбужденную в нем случайно или нечаянно волю. Наконец, в-третьих, есть частные, иногда мелочные обстоятельства, которые влияют на ход докладов и объяснений. Например, государь начинает смотреть на стоящие на столе часы, потому что настало время к какому-нибудь другому предназначенному занятию или ему доложат, что императрица его ожидает к завтраку и т. п. В таких случаях надлежит спешить окончанием объяснения или доклада и преимущественно стараться закрепить то, что до данной минуты уже было сделано. Так именно случилось при докладе в Царском Селе 9 сентября. По соглашению с гр. Шуваловым и преимущественно по его настоянию я имел в виду сказать государю, что он идет к земскому собору против желания двумя различными путями: финансовыми затруднениями и разгулом диких свойств нашей природы под фирмою чувств патриотических и религиозных. Я успел первое высказать и пояснить категорически, но, когда я коснулся второго, государю доложили, что государыня императрица его ожидала. Тогда, чтобы не портить дела, я должен был ограничиться несколькими общими положениями, присовокупив, что не распространяюсь более ввиду предстоявшего по предположениям виленского ген.-губернатора особого совещания, где будет дан случай к большему развитию этих положений. Впрочем, в отношении к увольнению ген. Кауфмана, я знал, что гр. Шувалов будет докладывать в следующий за тем день и не преминет говорить в одном смысле со мною. (Тегернзее, 10/22.IX. 1868).

Примечание 122. К сожалению, эта радость не вполне была оправдана последствиями. Конечно, многое было при управлении гр. Баранова иначе и лучше, чем при его предместнике, но общего и решительного поворота не состоялось. Разные обстоятельства были тому причиной. Во-первых, сам гр. Баранов оказался еще малоспособнее, чем можно было ожидать. Он с отвращением приступил к исполнению возложенных на него обязанностей, и во все время своего ген.-губернаторства продолжал исполнять свою должность, так сказать, поневоле. Во-вторых, он не принял к руководству ни одного из двух господствовавших в высшей правительственной сфере взглядов на дела края, а колебался между обоими и, по-видимому, предполагал, что где-нибудь в середине между ними должен был находиться взгляд государя. В-третьих, он не только встретил особые затруднения в организованной при его предместниках среде подведомых ему чиновников, но и подпал влиянию одного из их главных вожаков — Зубкова. Случайное обстоятельство, как весьма нередко бывает, тому способствовало. Зубков был прежде членом Тверского губернского по крестьянским делам присутствия, во время губернаторства брата гр. Баранова. Вдова этого брата (рожденная Васильчикова, сестра кн. Черкасской) переселилась в Вильно и была хозяйкой в доме ген.-губернатора. Зубков

ей был известен и пользовался ее влиянием, чтобы упрочить и поддержать свое собственное. (Тегернзее, 12/23.IX.1868).

Примечание 123 То и другое до сих пор осталось без последствий; мысль о подоходном налоге, — по несочувствию министра финансов; мысль о сокращении состава и расходов администрации, — потому что она требует в губерниях меньшего обособления разных ведомств, а в центре государственного управления — менее мелочного формализма. Проект соединения казенных палат и управлений государственных имуществ с губернскими правлениями был мною составлен, напечатан и сообщен министрам финансов и государственных имуществ и государственному контролеру. Тем дело и кончилось, по крайней мере до времени. (Тегернзее, 11/23.IX.1868).

Примечание 124. Празднование такого рода юбилеев у нас вошло в обычай. Можно было бы нередко спросить, почему и для чего они празднуются? По существу основания часто недостаточны, поводы натянуты. Но в общей связи эти явления имеют и надлежащее основание и надлежащий смысл. Они не что иное, как результат стремления общества, т. е. управляемых, заявлять свое существование, свое мышление и свои стремления рядом с существованием, мышлением и стремлениями правительства. Св. Кирилл и Мефодий, Ломоносов, Карамзин — поверхностные волны. Глубже всматриваясь в поток, в нем нельзя не усматривать созревания народа как государственной стихии.

Естественно, что при нежелании правительства открывать или указывать потоку правильное русло, он обнаруживает разные уклонения, то в одну сторону, то в другую. Псевдопатриотическая односторонность нашего времени есть одно из таких уклонений. Я помню общий вид академической залы в день карамзинского юбилея и общий характер произнесенных или прочитанных в этот день речей. Казалось, что из русской истории одна часть была вырезана или накрыта непроницаемым покрывалом. Петра Великого не было. Россия шла от Рюрика до Иоанна Грозного. Потом являлись Екатерина и Александр I, чтобы дать Карамзину вымолвить известные слова о екатерининской тени и возбудить антипольские рукоплескания. Между тем в этой самой академической зале, перед восточным полукружием налево от заседавших официальных лиц и направо от сидевшей или стоявшей лицом к ним публике, возвышался на белом пьедестале белый мраморный бюст. Этот бюст был бюст Петра Великого. Близ него зала оставалась пустою. Никто не подходил к нему и не смотрел на него. Я избрал себе место по обыкновению вдали от почетной массы и стоял у окна, позади пустых рядов слушателей. Я смотрел на бюст Петра и думал свою думу. Если бы не было его, в этот день забытого, не вспоминаемого, почти изгоняемого из отечественных летописей первого русского императора, не было бы и нынешней России, не было бы Академии, не было бы ни празднуемого юбилея, ни самого Карамзина. Англичане заставляли бы нас покупать опиум в Архангельске, а Погодиных и Аксаковых били бы батогами по царскому указу в Москве и во всех других городах, посадах и селах Московского царства. (Тегернзее, 9/21.IX.1868).

Примечание 125. Назначение гр. Палена, как сначала товарищем министра юстиции, так и впоследствии министром было встречено недружелюбно. Одни не находили в нем нужных способностей, хотя на этот счет для высших должностей, мы, по-видимому, невзыскательны и ген.-ад. Потапов считается кандидатом в министры внутренних дел. Другие не признавали за гр. Паленом нужной подготовки, хотя наша магистратура родилась вчерашнего дня и для исполнения обязанностей министра юстиции не столько нужна голова юриста, сколько голова правительственная. Третьи упрекали государя в выборе немца или упрекали самого гр. Палена в так называемых «европейских тенденциях», т. е. в стремлениях, направлении и взглядах нерусских. Этому последнему упреку я сам подвергался нередко и потому позволю себе мимоходом на нем приостановиться.

Какое понятие или какой ряд понятий может быть обозначаем без произвольных толкований или преднамеренных искажений над выражениями: европейские взгляды, европейские начала или европейские стремления? Я разумею эти выражения так, что ими обозначается совокупность выработанных веками результатов христианско-европейской государственной и общественной образованности. Я говорю именно совокупность, потому что эти результаты ныне не принадлежат в отдельности ни одному европейскому государству и ни одному европейскому народу, а суть общее достояние всех, хотя и не все себе усвоили, за собою укрепили или самостоятельно выработали и приобрели одинаковые доли этого достояния. За всеми государствами и народами остались многоразличные им в отдельности принадлежащие особенности или оттенки. Образованность вообще не уничтожает индивидуальностей, ни собирательных, ни единоличных, но только сводит их в известных отношениях к некоторым общим понятиям и правилам, коих основательность, справедливость, удобство, польза или даже необходимость доказаны опытом и засвидетельствованы историей. Руководствуясь этою точкою зрения, я не нахожу повода к предполагаемому так охотно у нас антагонизму между европейскими и русскими понятиями и стремлениями. Я считаю Россию частью христианского мира и частью Европы, хотя не считаю ее ни Англией, ни Францией, ни Германией, и не желаю, чтобы она превратилась в Англию, Францию или Германию, а затем, не думая, чтобы Россия, оставаясь русскою, должна была отказаться от пригодных ей долей общей европейской образованности, не думая, чтобы ей суждено было в единонадесятый час изобрести совершенно новую государственную и общественную образованность и не находя в ее тысячелетней истории залогов к такому изобретению, я полагаю, что русским можно и даже должно пользоваться некоторыми началами и понятиями, ими самими не выработанными, точно так как они ежедневно и на каждом шагу пользуются разного рода материальными открытиями или изобретениями, ими не сделанными. Я думаю, что в каждой стране и в каждом народе есть данные стихии, которых нельзя не ведать, отчасти нельзя переработать, а отчасти и не следует желать перерабатывать; но что «*методы*» управления этими стихиями, если можно так выразиться, суть более или менее общие. Они —

результат многоразличных, разновременных и разноместных опытов; а так как эти опыты большею частью совершались не у нас, то и не у нас выработались и установились самые методы. Но это обстоятельство, само по себе, не опровергает их правильности и не может доказывать их к нам непригодности.

Я чужд всякому стремлению перекраивать Россию на иноземный лад; я привязан к ней со всеми ее отличительными особенностями и был бы менее к ней привязан, если бы она их не имела; но я думаю, что эти отличительные, народные свойства не состоят в противоречии с общечеловеческими началами христианской образованности и с общими началами государственного и общественного развития. Не предрешая, в частности, ни одного вопроса о том, что должно и что может быть нам пригодно или к нам приноровлено, я только становлюсь вразрез сухому априористическому отрицанию, отвергающему все неисконно русское только потому, что оно неисконно русское. Я усматриваю в этом отрицании не органическую силу, а преемственное коснение. Я изучаю дела тех проповедников стародавней русской народности, которые воображают, что во времена Котошихина Русь шла своею родною столбовою дорогой, а что с тех пор, благодаря Петру I, она колобродит западными проселками. Я вижу в их делах любовь к насилию и пренебрежение ко всем законам самоограничения и уважения к ближнему. Я желаю силы, славы и благоденствия России; я вижу ее европейских соперников; я знаю, что жизнь государств есть непрерывное состязание, и я убежден, что для состязания с Европой нужны европейские средства, как для войны с нею нужно европейское оружие. (Тегернзее, 12/24.IX.1868).

Примечание 126. При сем прилагаю несколько выписок из моей переписки с кн. Долгоруковым в 1865 и 1866 годах. (Прилож. V.I). К отрывкам за 1865 я не приурочил приложений, за неимением с собою за границею нужных бумаг. К числу таких приложений должны бы принадлежать та записка к кн. Горчакову и та приписка к официальному отношению на имя синодального обер-прокурора, о которых упоминается в отрывках за март месяц по делу о смешанных браках. (Тегернзее, 12/24. IX.1868).

Примечание 127. Эта записка от меня была потребована и при ее составлении я должен был соображаться, как обыкновенно случалось, не только с обстоятельствами дела или с свойствами вопроса по существу, но и с тем настроением, которое господствовало в высшей правительственной среде. Я должен был в некоторых отношениях пойти далее, чем лично считал необходимым, чтобы предупредить порывы, которые могли повести еще гораздо далее. Результаты показали, что я рассчитал свои предположения довольно верно. (Тегернзее, 13/25.IX.1868).

Примечание 128. Я не настаивал на своем предположении, т. е. на распущении собрания и созыве нового, без приостановления или временной отмены закона о земских учреждениях по следующим соображениям: я знал неудобства, сопряженные с предположением противным, но знал также, что мои доводы, даже в случае успеха на этот раз, никого не убедят

окончательно и бесповоротно. Таким образом, в случае возникновения подобного вопроса в какой-нибудь другой губернии, там могла бы быть принята мера, которая теперь предлагалась Шуваловым для с.-петербургской и которая там могла бы оказаться еще более неудобною, если бы земство между тем вступило в продолжительные договорные отношения или предприятия, которым с.-петербургское земство до сих пор оставалось чуждым. Лучше было дать состояться этому неудобному распоряжению там, где оно могло по крайней мере быть наименее вредным. Испытанные при этом затруднения должны были послужить к тому, чтобы впредь не повторять сделанной ошибки. (Рим, 9/XI—28/X1868).

Примечание 129. Отметка государя даже имела тот смысл, что если были даны три предостережения Каткову, то следовало сделать не менее в отношении к Аксакову, как будто я оказывал сему последнему большую снисходительность, как будто сам государь не опрокинул моих распоряжений в отношении к Каткову и как будто он сам предварительно не одобрял этих распоряжений. Все это характеризует мое положение по делам прессы. После исполнения высочайшей воли и приостановления «Москвы» в силу третьего предостережения все жалобы, обвинения, нападки, кривотолки и т. п. обратились на меня. (Рим, 11.XI — 30.X.1868).

Примечание 130. Дело Новосильцова представляет характеристичный и поучительный эпизод. Его предприятие действительно заслуживало поддержки, но личные свойства Новосильцова требовали, чтобы поддержка была оказана осмотрительно. Министр финансов, к которому он сначала обратился с просьбою о помощи, отказал, присовокупив à la Reutern, что при настоящих затруднительных обстоятельствах он «не знает, как прокормить войска». Тогда ген.-ад. Кушелев, сохранивший, не знаю почему, какие-то особые отношения к государю, доложил ему о ходатайстве Новосильцова. Государь обратился ко мне. Я нашел деньги, принял нужные, по моему мнению, предосторожности и поручил близко мне известному дейст. стат. сов. Рудницкому надзор за новосильцовскими распоряжениями. Осенью 1867 же года оказалось, что первоначально выданной Новосильцову ссуды было недостаточно и что на его распорядительность и благоразумие нельзя было даже в самой ограниченной мере рассчитывать. Я выпросил дополнительную ссуду и связал ее с дополнительными мерами предосторожности. Вскоре после того (в начале 1868 г.) Новосильцов просил выдать ему значительную сумму на руки для частных надобностей. Я отказал и в следующую за тем пятницу весьма неохотно доложил государю о затруднительном положении дела, в котором считал себя более или менее ответственным. Оказалось, что я совершенно напрасно тревожился. Государь уже был предупрежден тем же самым ген.-ад. Кушелевым и совершенно спокойно предложил мне на основании просьбы Кушелева передать ему непосредственное заведывание делом. Кушелев, как впоследствии я узнал, выговорил себе значительную долю ожидавшихся Новосильцовым прибылей и предложил государю * отправиться в Тамань для

* Так в подлиннике.

личного надзора за ходом предприятия. Так дело и уладилось, и когда я оставил Министерство, Новосильцов испросил себе чрез моего преемника новые пособия, чему способствовали давнишние, особенно близкие отношения ген. Тимашева к его сестре Е. Н. Нарышкиной. (Рим, 11.XI — 30.X.1868).

Примечание 131. Это дело было то самое, по которому гр. Панин предлагал снарядить особую комиссию из барона Корфа, ген. Чевкина и пр. Когда земство говорило о принесении на министра внутренних дел жалобы Сенату и когда в земском собрании читались отчет и доклад управы, все о том говорили. Когда дело, по моему настоянию внесенное в Сенат, было им решено согласно с моим мнением, никто не обратил на это внимания и не проронил о том слова. (Рим, 11. XI — 30. X. 1868).

Примечание 132. Рассмотрение моей записки не привело на этот раз ни к какому результату. Впоследствии окажется, что министр финансов воспользовался изложенною в ней мыслью о выпуске кредитных билетов взамен возвращающихся в правительственные кассы билетов казначейства (серий). Он, таким образом, нашел 35 млн. Моя роль при совещании была пассивная вследствие случайного обстоятельства. По почерку писца, переписывавшего записку, министр финансов узнал ее источник. (Рим, 12.XI—31.X.1868).

Примечание 133. Вопрос заключался в том, чтобы не допускать остзейских уроженцев к приобретению имений, подлежащих обязательной продаже в западных губерниях, и даже вообще к приобретению там поземельной собственности. При редактировании указа 10 декабря братья Милютины и ген. Зеленый старались изложить закон в таких выражениях, которые впоследствии, хотя бы и с некоторою натяжкою, могли служить основанием к исключению «немцев» из нововодворяемого в крае населения. Такие канцелярские маневры им были привычны, и ген. Зеленый сам мне в том признался впоследствии. Слепая вражда к «немцам» заставляла этих господ в этом случае уклоняться от главной цели, которая могла заключаться только в ослаблении польского элемента. Несмотря на затруднение находить русских покупателей, они были готовы еще более замедлить ход дела, лишь бы только поставить немцев по возможности на одну доску с поляками. Гр. Баранов совершенно поддался этой мысли, и для прекращения всяких проволочек и колебаний нужно было объявить ему особое и весьма категорическое высочайшее повеление. Не могу не остановиться на этом обстоятельстве, потому что оно наглядно подтверждает все, неоднократно мною уже высказанное, об особенностях моего несносного положения. Гр. Баранов как ген.-губернатор был мне прямо подведом. Как человек он не сочувствовал направлению Милютиных и Зеленого. Полунемец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, мягкий и более или менее ко всему индифферентный, по складу ума и характера он не увлекался страстями данной минуты. Несмотря на все это, он в настоящем случае был заодно с военным министром и министром государственных имуществ, потому что считал их направление более близким к направлению мысли государя, чем направление гр. Шувалова и мое. На этот раз

он ошибся, но он предполагал, что не ошибается или по крайней мере мог не ошибаться. Он, таким образом, заявлял, что не считает ни министра внутренних дел, ни шефа жандармов настоящими представителями государевой мысли. Он даже до того приобык к ненормальным отношениям своим к Министерству внутренних дел и Министерство — к делам его ведомства, что он не усматривал в противодействии мне ничего для меня особенно щекотливого. Между тем я постоянно чувствовал, что следовало бы одному из нас двух в 24 часа очистить занимаемое им место. Много мне нужно было терпения, чтобы оставаться и много temper *, чтобы не доводить личные отношения до явного разрыва. Повторяю, что мне не хотелось уйти ни по польскому, ни по немецкому вопросу. Кроме того, я играл игру, в которой почти был уверен проиграть, но в которой шансы выигрыша не увеличились бы при моем уходе. (Рим, 3/15.XI. 1868).

Примечание 134. Предостережение было дано «за нарушение всех приличий» в статье, где император Наполеон был назван «трусом». Французский посол обратил на эту статью внимание моего товарища кн. Лобанова. Я просил кн. Лобанова передать послу, что управление по делам печати вообще должно устранять себя от всякой оценки статей, где речь о политике иностранных кабинетов или о личности иностранных государей, ибо по закону им за нанесение оскорбления принадлежит дипломатическим представителям подлежащих дворов, но присовокупил, что я просмотрю статью «Голоса». Прочитав ее, я написал кн. Лобанову, что «je maintiens le principe, mais que dans le cas présent je donnerai un avertissement pour violation de toute convenance de langage, comme je l'aurais fait si M. De Talleyrand n'avait point parlé» **.

Я послал статью к тайн. сов. Похвисневу и приказал дать предостережение прямо от моего имени. Похвиснев упросил меня дать ему разрешение собрать Совет. Затем предостережение дано по постановлению Совета. Но некоторые из его членов сами начали распространять толки о том, будто бы, вопреки мнению Совета, я уступил настояниям французского посла, между тем как Совет постановил дать предостережение и только с обычным малодушием заявил опасение насчет возможности подобных толков. В городе охотно на них накинулись, а «Московские ведомости», воспользовавшись случаем напасть на меня из-за угла и провести параллель между римским мужеством кн. Горчакова и моею податливостью, напечатали, что предостережение дано как будто по решению Совета по делам печати, но в сущности помимо его. Я распорядился в ответ напечатанием в «Северной почте» текста постановления Совета с подписями заседавших членов. Тем дело и кончилось. Мои сотоварищи отнеслись к этому эпизоду с равнодушием, которого я должен был ожидать от них, а государь — с равнодушием, которого я также ожидал, но которого по существу ожидать бы не следовало. (Рим, 3/15.XI. 1868).

---

* сдержанности.

** «с принципом я согласен, но в данном случае я сделаю предупреждение по поводу серьезного нарушения приличия в выражениях, как я сделал бы это и без протеста г. де Талейрана».

Примечание 135. В одном из предшедших примечаний я заявил намерение высказаться несколько обстоятельнее насчет прибалтийских дел. Думаю, что настоящий случай для этого удобен. Статья, мною написанная по приказанию государя и вызванная собственною его инициативою, без подсказов со стороны, имела целью, с одной стороны, приостановить поток враждебной Прибалтийскому краю полемики в наших газетах, с другой — несколько успокоить взволнованные этою полемикой умы немецкого населения края. Эта цель не была и не могла быть достигнута. Чтобы дать себе точный отчет в том, что называют прибалтийским вопросом и что в действительности составляет этот вопрос, нужно прежде всего вспомнить, как относилось к нему само правительство в прежнее время, и затем пояснить, как к нему ныне относятся и правительство, и те всклоченные беспорядочные стихии, которые называются «русским обществом» нашего времени.

Северная и значительнейшая часть Прибалтийского края (Лифляндия и Эстляндия с их островами) состоит под владычеством России полтора века. Южная (Курляндия) — более семи десятилетий. Несмотря на то, их внутренние связи с империей до сих пор слабы. Причиною тому отчасти неразвитость и слабость ассимиляционных сил России вообще, отчасти существенные различия в учреждениях законодательств, элементов населения и всем историческим прошедшим края, отчасти же действия и распоряжения самого русского правительства. Насчет слабости наших ассимиляционных способностей я уже высказался при другом случае. Исторические, религиозные, этнографические, законодательные и учредительные особенности края достаточно известны, чтобы здесь о них не распространяться. Что же касается до действий и распоряжений правительства, то оно вообще мало озабочивалось, за исключением царствования императрицы Екатерины, части царствования императора Николая и последних лет нынешнего царствования, сближением и теснейшим соединением прибалтийских губерний с коренною Россией. Кроме того, само правительство как будто признавало эти губернии «немецкими» областями (provinces allemandes*) на петербургском салонном языке и, таким образом, допускало и ободряло притязания местных немецких корпораций на исключительное значение в крае и на исключительное представительство в крае. Само правительство, как будто по небрежности (par pure nonchalance**, как я однажды выразился на вышеупомянутом языке), признавало за прибалтийскими губерниями атрибуты автономии гораздо большей, чем та, которая по закону принадлежала местным сословиям и допускала между означенными губерниями взаимную связь и солидарность, для которых закон не представлял никакого основания. Каждая из этих губерний составляет особняк по своим административным и даже судебным учреждениям, и в каждой из них дворянство, городские сословия и крестьяне равным образом составляют особняки. Связь между разными сословиями обозначается

---

* немецкими областями.

** по простой небрежности.

только присутствием одного депутата рижского магистрата на лифляндском ландтаге, а связь между губерниями заключается в одном лице русского ген.-губернатора края. Наконец, правительство оказывало официальным представителям местного дворянства в лице его предводителей неправильное и нерассудительное предпочтение в отношении к представителям русского дворянства. Внешние признаки этого предпочтения были устранены только при моем управлении Министерством внутренних дел, когда всем губернским предводителям одинаково были даруемы высочайшие аудиенции и все приглашались ко двору в известных случаях на одинаковом основании. Допускавшиеся прежде различия, с одной стороны, возбуждали справедливое неудовольствие русских, с другой — увеличивали самоуверенность и притязательность прибалтийцев. Их предводители привыкали играть в Петербурге роль дипломатических агентов своих корпораций; они получали от них негласные инструкции, давали негласный отчет в соблюдении этих инструкций, имели в столице своих негласных поверенных и ходатаев по касающимся до них делам и вообще действовали, как будто Эстляндия, Лифляндия и Курляндия не сделались интегральными частями русской империи, но оставались прежними отдельными герцогствами, связанными с Россией только в лице ее государя.

При всем том общий закон тяготения малых тел к большим обнаруживал свое действие. Балтийское прибрежье медленно, почти незаметно, но тем не менее непрерывно и последовательно сближалось и объединялось с Россией. Оседлое русское население возрастало в городе Риге. Торговые связи усиливались и умножались. Смешанные браки вводили русский и православный элементы в состав местных дворянских корпораций. Товарищество на полях войны и на разных поприщах гражданской службы установляло другие связи, не менее прочные. Князья Ливены, графы Палены, Сиверсы, Коскули делались вполне русскими, не отрываясь от своей провинциальной почвы. Наконец, даже те из прибалтийцев, которые не считали себя русскими в домашнем и провинциальном круге, безусловно признавали себя русскими вне пределов империи. Принадлежность к великому политическому организму льстила их самолюбию. Перейдя за границу, при встрече с иностранцами, курляндцы, лифляндцы и эстляндцы называли себя русскими дворянами (russischer Edelmann) и своим отечеством признавали Россию (Rußland). Более тесному и более скорому сближению препятствовали, кроме невнимания и бездействия правительства, высокомерное понятие местных немцев о превосходстве своей цивилизации над тем, что они называли русским невежеством и варварством (russische Rohheit und Barbarei); неверное и преувеличенное значение, приписываемое ими своим местным учреждениям или, так называемым, *привилегиям*, которые они считали неприкосновенными и как будто освященными международным правом, ссылаясь в случае надобности на Ништадтский трактат, и, наконец, большое пренебрежение и недоверие к русским правительственным властям. Коноводы немецких прибалтийских сословий не признавали за правительством никакого достоинства, кроме явного и неоспоримого преимущества материальной силы,

по их убеждению, грубой и неразумной, но непреоборимой. Они становились в отношении к этой силе в оборонительное положение, торговались, где могли и как могли с ее представителями, старались, по возможности, предупреждать или умалять ее вмешательство в местные дела и вообще заботились прежде всего и более всего о сохранении status quo. Девиз: «noli me tangere» *, сделался их общим правилом. Таким образом объясняется упорное отстаивание и таких особенностей, которые не соответствовали ни видоизменившимся потребностям времени, ни общим условиям благосостояния и преуспеяния края. Признавалось более безопасным не изменять ничего, чем рисковать, что петербургские правители изменят слишком многое. Эта отрицательная система вмещала, однако же, в себе свою долю риска. Рано или поздно мы должны были обратить внимание на ненормальность отношений Прибалтийского края к империи и ближе вникнуть в его дела. Так и случилось. Но вместе с тем случилось, что так часто с нами случается. Мы сделали не то, что следовало, не тогда, когда следовало, и не так, как следовало.

В Прибалтийском крае далеко не все обстояло так ладно, как утверждали его представители. Положение крестьян было весьма тягостное и в Эстляндии и Лифляндии. Коронная администрация действовала слабо и не пользовалась должным влиянием. В судебных местах (в лифляндском гофгерихте и курляндском обер-гофгерихте) были следы прежде обнаруженных злоупотреблений. Русское население города Риги жаловалось на разные стеснения, и на местной торговле вообще отзывалось действие учреждений и узаконений, которые уже давно перестали соответствовать духу и потребностям времени.

В 1841 году, при большем или меньшем участии рижского епископа Иринарха, возникло первое движение к переходу в православие лифляндских крестьян. Оно было подавлено силою. Но в 1845 году оно возобновилось в больших размерах. В то время, вместо вывезенного ночью из Риги по распоряжению правительства (исполненному дейст. стат. сов. Скрипицыным) преосвященного Иринарха, рижским епископом был преосвященный Филарет, а ген.-губернатором только что заменивший барона Палена ген. Головин. Тогдашний министр внутренних дел Л. А. Перовский настоял на этой перемене и правильно усмотрел необходимость преобразований по части быта крестьян и городского устройства. По его распоряжению была учреждена комиссия из чиновников Министерства для обревизования лифляндских городских управлений. Свойство, значение и последствия религиозного движения были им оценены менее верно.

Начатки волнения между лифляндскими крестьянами мне все известны с надлежащею точностью. Я был командирован в распоряжение ген.-губернатора по высочайшему повелению осенью 1845 года и по прибытии в край застал движение в полном разгаре. Нетрудно было убедиться, что оно в сущности вовсе не имело религиозного свойства. Крестьяне ожидали

* «не тронь меня».

от принятия «русской», или «царской», веры материального улучшения своего быта. В народе были распространены по этому поводу нелепые толки. Ожесточенное противодействие помещиков и лютеранских пасторов, дотоле большею частью весьма равнодушных к своей пастве, придавало этим толкам в глазах крестьян еще бо́льшую достоверность. Они спешили заявлять о своем желании принять православие, чтобы не лишиться ожидаемых льгот вследствие какой-нибудь внезапной перемены в распоряжениях правительства, и я лично был свидетелем в Дерпте той лихорадочной и почти бессознательной торопливости, с которою толпы эстов осаждали дом местного протоиерея Березского. Наше духовенство само не верило искренности своих неофитов. Православные священники преимущественно говорили о распространении в крае русского элемента, а коронные русские чиновники о распространении православия. Взаимное раздражение между православным духовенством и некоторыми русскими чиновниками, с одной стороны, и лютеранским духовенством, помещиками и всеми немецкими чиновниками — с другой, было весьма сильное. Обоюдные жалобы и обвинения возникали ежедневно, и весь край находился в лихорадочном волнении.

В Петербурге обнаруживались два различных взгляда на дело. Император Николай находился в Италии. Вел. князь-цесаревич, нынешний государь, заведывал высшими правительственными делами и не сочувствовал мниморелигиозному движению лифляндских крестьян. Министерство внутренних дел, в котором главным деятелем по этой части был директор департамента духовных дел Скрипицын, поддерживало и поощряло движение. По возвращении императора Николая состоялось в декабре месяце 1845 года высочайшее повеление, в силу которого присоединение к православию чрез миропомазание, должно было допускаться не иначе, как по прошествии шести месяцев со дня первоначального заявления о том желания. Эта мера, о которой император Николай впоследствии сам отзывался с удовольствием, спрашивая: «Que dites-vous de ma mesure?» *, принуждая крестьян одумываться до окончательного перехода в православие, немедленно остановила порывистое движение к тому целых масс сельского населения. Случаи присоединения постепенно стали встречаться реже и реже. Наконец, волнение прекратилось и остались только его последствия, в лице уже принявших православие 70 или 80 тысяч крестьян, и в силе закона о смешанных браках, по которому должны были принадлежать к православной вере дети православных крестьян или крестьянок, состоявших в браке или вступивших в брак с иноверцами. Император Николай едва ли мог при своих личных свойствах и данном положении дела предначертить ему более правильный исход, и когда затем не прекратились недоразумения между местными властями, он положил на доклад министра внутренних дел об этих недоразумениях известную резолюцию: «Во всем держаться законов и данных мною указаний, а с не исполняющими мою волю поступать как с бунтовщиками. Аминь». Декабрь-

* «Что вы скажете о моем мероприятии?»

ское высочайшее повеление установляло следующий тезис: «*Все присоединения до декабря сомнительно правильны или неправильны; дальнейшие присоединения будут правильны; но прежние остаются в силе и к ним применяются общие по делам веры узаконения*». Ни та, ни другая из враждовавших сторон не могла быть вполне удовлетворена этим тезисом; но полное удовлетворение той или другой было одинаково невозможно после всего того, что произошло или было допущено в течение 1845 года. Правительству оставалось принять меры к тому, чтобы обеспечить за православною церковью ее новые приобретения. Следовало удовлетворить духовные нужды ее новых чад и вообще поддержать твердою рукою ее достоинство ввиду неизбежного дальнейшего соперничества с протестантскою церковью в крае и непрерывного противупоставления этой церкви. Для сего требовались не полицейские преследования, но денежные пожертвования и благоразумная, сдержанная, терпеливая последовательность в действиях духовных и гражданских властей. Мы не решились на необходимые пожертвования и не обнаружили ни нужного уменья, ни должной последовательности в наших распоряжениях. Последствием были успехи протестантской пропаганды, обратное движение латышей и эстов в шестидесятых годах от православия к лютеранству и новые волнения в крае, прекратившиеся большею частию только вследствие изменения закона о смешанных браках.

Вопрос об улучшении быта крестьян разрешился в Лифляндской губернии, после продолжительных колебаний, изданием поземельного уложения 1849 года. Несмотря на многие недостатки, новый закон был действительно шагом вперед и устранял значительную часть прежних неудобств и злоупотреблений. Впоследствии, особливо под влиянием сравнений с русскими положениями о крестьянах 1861 года, он подвергся строгой критике и разным существенным изменениям; но во время его издания его, без сомнения, можно было признавать удовлетворительным. Для Эстляндской губернии издано новое положение о крестьянах в 1816 году. Оно было подражанием лифляндскому, но заключало в себе менее существенные улучшения. Курляндия до сих пор избегла коренного пересмотра законоположений 1817 года, изданных при отмене крепостного состояния тамошних крестьян. Их быт вследствие благоприятных местных условий вообще был гораздо более удовлетворителен, чем быт крестьян лифляндских и эстляндских. Кроме того, благовременное введение оброчных отношений устраняло один из главных поводов к поземельным реформам, предпринятым в двух других прибалтийских губерниях. Правительство ограничилось для Курляндии частными изменениями или дополнениями прежнего законодательства.

Мимоходом нельзя не заметить, что во всех трех губерниях правительство слишком поверхностно и небрежно смотрело на роль, предоставлявшуюся местному дворянству по делам устройства быта крестьян. После отмены крепостного права (1816—1819) крестьяне были свободным сословием, прямо подведомым коронной власти, и закон не предоставлял местным дворянским корпорациям ни прав коллективного о них попечитель-

ства, ни особых прав при рассмотрении и разрешении вопросов законодательных. Роль, попеременно предоставлявшаяся по этим вопросам лифляндскому, эстляндскому, курляндскому и даже эзельскому дворянствам, имела как бы значение представительства этих частей государственной территории перед верховным правительством империи. Предводители дворянства могли считать себя вправе говорить от имени целых областей, а не от имени отдельных, в этих областях существующих корпораций. Они всегда добивались этого права, и дворянство на ландтагах вообще называет себя земством (das Land). Но правительству с политической точки зрения не предстоит никакого повода признавать или даже ободрять такого рода притязания. Его неуклонными правилами в отношении к местным немецким корпорациям должны быть, с одной стороны, уважение к правам, установленным и определенным положительным законом, доколе этот закон сохраняет свою силу, с другой — недопущение никакого произвольного расширения этих прав и никакого притязания на политическую или правительственную деятельность, на положительном законе не основанного.

Реформа городского устройства и городских управлений не осуществлена до сих пор, хотя некоторые частные преобразования, особенно по торговой части и особенно в городе Риге, приведены в исполнение. Ревизионная комиссия, учрежденная в 1845 году, представила явление, у нас часто повторяющееся. Дело, начатое по распоряжению власти высшей, впоследствии как будто ускользает от прямого и направляющего ведения этой власти. Второстепенные деятели вносят в него свои личные взгляды, впечатления, страсти, раздражение, возбужденное встреченным противодействием, и незаметно расширяют или изменяют круг данного им поручения. Их донесения и доклады влияют на высших начальников, недостаточно знакомых с предметом или отвлекаемых от него другими делами. Роли перемещаются, и первоначально исшедшая сверху инициатива начинает выходит снизу. К составу комиссии принадлежали люди весьма способные, но заносчивые и желчные. Их исследования принесли несомненную и большую пользу, осветив разные части местного управления, которые до тех пор оставались как будто неизвестными главному местному начальству, и возбудив разные вопросы, которых это начальство не касалось по беспечности, нерешительности, или неспособности. Но комиссия напрасно усиливала и упрочивала своим образом действия встречаемое его противодействие. Она сама растравляла раны, неизбежно ею наносимые местным привычкам, предрассудкам или частным интересам, и постоянно раздражала и возбуждала правительственный центр против окраины, где она действовала, а окраину против центра. Ее приемы редко были беспристрастны, часто нерассудительны, даже не всегда добросовестны. Характеристичным примером может служить сборник разных сведений о местных делах, составленный (не помню, под каким заглавием), одним из способнейших чинов комиссии, г. Самариным, автором недавно вышедшей книги «Окраины России». Этот сборник был напечатан в Министерстве внутренних дел уже по закрытии комиссии при ген.-губерна-

торстве кн. Суворова. Но министр внутренних дел гр. Перовский, нисколько не отличавшийся пристрастием к Прибалтийскому краю, признал за благо конфисковать домашним образом все издание. Оно хранилось, как мне сообщено его секретарем (теперешним членом Совета по делам печати Лазаревским), в спальне гр. Перовского под его кроватью, до его смерти, и потом уничтожено его наследником, гр. Борисом Перовским, за исключением 4 экземпляров, из которых один остался у самого гр. Перовского, другой — у А. В. Веневитинова, третий — у Лазаревского, а четвертый, если не ошибаюсь,— у г. Даля.

Ген. Головин был человек умный, добронамеренный, обладавший основательными познаниями и замечательным пером. К сожалению, совершенный упадок физических сил и затем быстрое ослабление умственной и нравственной энергии не позволили ему удовлетворительно исполнить выпавшую ему на долю трудную задачу. Сначала он сохранял некоторую самостоятельность. Он не разделял увлечений ревизионной комиссии и столь мало увлекался и в отношении к свойству православной пропаганды в Лифляндии, хотя г. Самарин в надежде на отсутствие опровержения теперь его представляет ревнителем этой пропаганды, что писал императору Николаю во всеподданнейшей записке, представленной в декабре 1845 года, что наши священники «совершили не подвиг апостольский, а просто труд канцелярский». Но впоследствии ген. Головин совершенно подчинился влиянию председателя ревизионной комиссии, стат. сов. Ханыкова, сделавшегося его зятем, и некоторых других, временно находившихся в крае русских чиновников, в том числе гр. Д. Н. Толстого и самого г. Самарина. Значение генерал-губернаторского звания от того пострадало; недоразумения и столкновения между местным коронным управлением и местными сословиями усиливались, обоюдное раздражение возрастало, наконец, при наступлении 1848 года ген. Головин был призван заседать в Государственном совете, а на его место назначен ген.-губернатором кн. Суворов.

Свойства кн. Суворова известны. Он понял свое новое призвание в смысле умиротворения края и весьма скоро исполнил эту задачу. Но о нем можно сказать, что, успокоив волнение умов в четырнадцать дней, он затем продолжал его успокаивать в течение четырнадцати лет. Прибалтийские губернии ему обязаны весьма многими и весьма существенными материальными и административными улучшениями, но в политическом отношении объединения их с империей и развития в них влияния центральной правительственной власти его управление было периодом неподвижности, если не шагом назад. Легко подчиняясь влиянию, не отдельных лиц, но всей окружавшей его среды, и обаянию популярности, кн. Суворов постояннее был представителем Прибалтийского края в Петербурге, чем представителем Петербурга в этом крае. Он избегал движения щекотливых вопросов, и когда я, будучи курляндским губернатором, начал расширять употребление русского языка в губернском правлении, т. е. сделал почти то самое, что в нынешнем году было как будто вновь узаконено высочайшею волею, кн. Суворов, видимо, не одобрял моих распоряжений, хотя и стал

на моей стороне при последовавшем затем столкновении между мною и курляндским губернским предводителем бароном Ганом. Кн. Суворов сам не встречался с явною оппозицией со стороны местных сословий; но он дал подготовиться, развиться и окрепнуть тем элементам нерассудительного провинциального обособления, которые впоследствии нашли себе выражение — сдержанное, систематическое и отчасти маскированное — в бывшем лифляндском губернаторе Эттингене, и крайнее — в известном г. фон Бокке.

Пассивности кн. Суворова, впрочем, благоприятствовало тогдашнее настроение в высших и верховной правительственных сферах. Даже в 1861 году, когда я уже управлял Министерством внутренних дел, государь не признавал надобности назначать русских на место губернаторов и ген.-губернатора в Прибалтийском крае. На место Лифляндского губернатора Эссена был назначен тамошний губернский предводитель Эттинген, а на место самого кн. Суворова в конце года— ген.-ад. барон Ливен, хотя я оба раза обращал внимание государя на то, что желательно было бы впредь выбирать русских кандидатов.

Характер и уровень способностей барона Ливена не менее известны, чем личные свойства кн. Суворова. При бароне Ливене правительственное значение и влияние ген.-губернатора, не весьма заметное даже при его предместнике, совершенно улетучилось. Между тем возникшее между православными латышами и эстами обратное движение к лютеранству, движение, в известной мере возбуждаемое или поддерживаемое пасторами и помещиками, поставило главного начальника края, немца по происхождению и протестанта по вероисповеданию, в самое затруднительное положение. Он не мог, как бы того ни желал, остановить движения, но он невольно казался как будто ответственным за его неостановление. Наше духовенство, сознавая свое духовное бессилие в этом деле и не находя себе слепой полицейской поддержки со стороны правительства, ни на местах, ни в Петербурге, обратилось к прессе, другой власти нашего времени, и дало первый толчок тому обвинительному потоку, который с тех пор разливается в большей части органов этой власти, и против Прибалтийского края, и против правительства по делам этого края. В то же время в нем стали обнаруживаться последствия небрежности и непредусмотрительности разных правительственных властей в отношении к политическим условиям быта этой окраины империи. Возникшее в Германии объединительное движение не могло не отозваться в крае, где вполне господствовала германская цивилизация, где все высшие и образованнейшие классы населения принадлежали к немецкому племени, где до сих пор преобладало германское законодательство, где немецкий язык был официальным местным языком и языком учебным, где, наконец, систематически проводилась мысль, что верноподданнические отношения к русскому императору суть главный и достаточный признак нераздельности края с империей, а с другой стороны, постоянно допускалось выражение этой мысли. Национальные симпатии к Германии стали смелее высказываться. Признаки обособления и даже некоторого провинциального антагонизма в отношении к

России учащались и множились. Генерал-суперинтендент Вальтер произнес при открытии лифляндского ландтага речь, после которой я должен был настоять на его увольнении. Ген.-губернатор допустил по вопросу о судебной реформе учреждение смешанной сословной комиссии, где заседали представители местных дворянских и городских сословий и, следовательно, были нарушены два политических начала: начало учредительной отдельности каждого сословия и начало учредительной отдельности каждой из прибалтийских областей. Между тем польский мятеж и отношения к нему иностранных правительств и прессы пробудили в России сильное патриотическое движение и не менее сильное стремление к политическому развитию и объединению государства, и в самом Прибалтийском крае стало распространяться другое движение между туземными, немецкому населению давно враждебными племенами. Это движение, сперва имевшее свойство антагонизма между сельским населением и господствовавшими над ними помещиками, постепенно приобрело значение антагонизма национальностей. Оно нашло себе деятельных и способных руководителей, создало себе выражение в издаваемых на туземном наречии периодических листках, и, чувствуя свою относительную слабость, приняло формы стремления к сближению с русскою народностью и обратилось к помощи русской прессы. Высылка из края известного Безбардиса, по настоянию барона Ливена, и меры, принятые в отношении к латышской газете, сперва издававшейся в Риге и потом в Петербурге, могли только сдержать, а не прекратить движение. Наша пресса охотно к нему пристала. Ее к тому побуждали не только вышеупомянутое объединительное настроение в отношении к государству и давно разлитые у нас чувства недоброхотства к немцам вообще и к Прибалтийскому краю в особенности, но и тот оттенок вражды к помещичьему элементу, который принадлежал всем жалобам и домогательствам так называвшегося «молодого латышества». Социалистические идеи в отношении к поземельной собственности у нас гораздо более распространены со времени крестьянской реформы 1861 года, чем это угодно сознавать правительству, и представители этих идей чутко прислушиваются ко всякому к ним близкому звуку, и ревностно поддерживают всякий к ним подходящий порыв. Таким образом, кроме прежней темы нареканий на Прибалтийский край и на правительственный «modus vivendi», в крае угнетения православия, были даны две другие темы: угнетение стремящихся к объединению с русскою народностью латышей и эстов немецкими помещиками и властями и стремление этих же самых властей и помещиков к политическому сепаратизму, к теснейшим связям с Германией и в конце концов к отторжению Прибалтийского края от России. Формальный поход по всем трем статьям был предпринят почти во всех наших руководящих газетах, в том числе и в правительственной газете Военного министерства — «Русском инвалиде».

Такое положение дел, конечно, было не по силам барону Ливену. Сам государь объявил ему, как выше уже сказано, о его увольнении, и на его место был назначен в 1864 году гр. Шувалов, человек совершенно противуположных видов и свойств. Барон Ливен находил в звании ген.-губерна-

тора мирное или по крайней мере удобное пристанище после прежних служебных похождений. Гр. Шувалов видел в нем только ступень, с которой ему легче было достигнуть еще высшего круга служебной деятельности. Разрешение вопроса о смешанных браках, успокоив религиозное волнение в крае, облегчило гр. Шувалову преследование общей его цели, состоявшей в том, чтобы обратить внимание государя на действия нового ген.-губернатора и на значительность достигнутых им в краткое время результатов. Время его управления было периодом почти лихорадочной деятельности по части разных преобразований. Все вопросы были затронуты: городской, судебный, крестьянский, в теснейшем поземельном значении, тот же вопрос в отношении к общественному управлению крестьян и к устройству на новых началах сельской полиции, вопрос об исключительных правах поземельной собственности местного дворянства, вопрос об официальном употреблении русского языка, вопрос об учреждении русской гимназии в Риге и т. д. Гр. Шувалов вообще действовал ловко и правильно, за исключением вопроса о поземельном наделе православных батраков, в котором он отступил от всех им исповедуемых общих начал и отступил от них, несмотря на явную невозможность практического успеха, чтобы угодить разным петербургским предубеждениям. Но торопливость его распоряжений и подмеченное в крае преобладание заботы о qu'en dira-t-on * над заботою о qu'en résultera-t-il **, имели последствием распространение всеобщей неуверенности в прочности остальных условий местного быта. Что не было затронуто сегодня, могло быть затронуто завтра. Эта неуверенность порождала преувеличенные опасения насчет дальнейших замыслов правительства, усиливала привычное к нему недоверие и вместе с тем усиливала тот дух провинциального обособления, который впоследствии выразился, несмотря на заказанную мне государем успокоительную статью «Северной почты», в безрассудном постановлении лифляндского ландтага относительно пределов официального употребления русского языка.

В апреле 1866 года гр. Шувалов был призван к другому кругу занятий. Непродолжительное управление его преемника бесцветного гр. Баранова не имело никакого влияния на дела Прибалтийского края. Между тем наша пресса и сочувствовавшие ей правительственные власти продолжали следовать принятому ими направлению, и когда место гр. Баранова заступил нынешний ген.-губернатор, ген.-ад. Альбединский, прибалтийский вопрос был уже окончательно постановлен в его теперешней более или менее определительной форме.

В чем состоит прибалтийский вопрос? Он заключается в окончательном и прочном объединении Прибалтийского края с Россией, в развитии в нем коренных начал государственного единства, в ослаблении и устранении элементов, противоречащих этому единству, в усилении, наоборот, элементов, ему соответствующих, наконец, в принятии надлежащих мер

* что об этом скажут.
** что из этого выйдет.

предосторожности на случай всегда возможных политических столкновений на нашей западной границе и равным образом возможного волнения немецких симпатий в среде немецкого населения края. В этих видах надлежит не допускать ближайшего объединения разных частей Прибалтийского края, поддерживая их нынешнюю учредительную отдельность и данные в каждой из них особенности сословного устройства до тех пор, пока окажется возможным их более сблизить с общими формами учреждений других частей империи. Следовало бы далее расширить пределы прибалтийского генерал-губернаторства чрез присоединение к нему Ковенской губернии, что мною несколько раз было предложено, дабы устранить и этот внешний признак обособления края. Далее следует, ни в чем не нарушая гарантированных законом прав, доколе они не видоизменены или не отменены законодательным порядком, не допускать никакого расширения этих прав, общим губернским учреждениям не соответствующего, и никакого притязания к провинциальной автономии, положительным законом не оправдываемого. В этом смысле при кн. Суворове совершенно неправильно были расширены права курляндского дворянства чрез отмену назначения председателя обер-гофгерихта от короны, а при бароне Ливене столько же неправильно было допущено притязание на предварительное участие разных сословий в законодательных трудах по судебной реформе. Вообще следует систематически исключать из официального языка выражения «привилегии» и «преимущества», потому что они поддерживают на местах неверное понятие о неприкосновенности всех местных особенностей, а в России возбуждают против них нерассудительное раздражение. Рядом с этими выражениями всегда постановляется вопрос: почему *преимущество*, для чего *привилегия?* Я постоянно избегал употребления этих слов, но другие продолжали их употреблять в Прибалтийском крае, потому что они соответствовали местным привычкам, понятиям и стремлениям; в среде правительства, потому именно, что они раздражали общественное мнение в России. Надлежит противодействовать всякому провинциальному сепаратизму, наблюдая за влиятельными в этом смысле лицами, привлекая их к государственной службе вне края и во всяком случае не предоставляя им в его пределах должностей, зависящих от короны. Вообще надлежит умножать материальные и общественные связи между окраиной и правительственным центром, облегчить и учащать сношения, поощрять приезд в столицу прибалтийских уроженцев, имеющих связи и значение в тамошней среде, и в то же время заботиться об усилении в этой среде русских элементов. Надлежит поддерживать православную церковь, распространять употребление русского языка и стремиться к тому, чтобы он достиг равноправности в сфере судебной и сфере общественной и исключительного господства в сфере политической. Наконец, надлежит иметь в виду в более или менее близком будущем устранение тех провинциальных особенностей края, которые не составляют неизбежных последствий его исторического прошедшего или необходимых принадлежностей его современного быта, чтобы приравнять его учреждения и его законодательство, по мере возможности, к общим учреждениям и к общему законо-

дательству империи. Но преследование этих целей, особливо после долгих колебаний, недосмотров или ошибок правительства, возможно только правильными путями, в должной постепенности и при пособии соответствующих средств. Всякое неразборчивое насилие, всякое оскорбительное пренебрежение к правам, чувствам и даже привычкам, по существу своему заслуживающим внимания, затрудняют и отдаляют, а не ускоряют достижение желаемых результатов. Православие может быть поддерживаемо и распространяемо только способами, согласными с его духом и соответствующими его достоинству, следовательно, не принудительными полицейскими мерами, а на началах свободы совести, при должной заботливости об определении его законных прав и об удовлетворении его материальных нужд. Усиление русского элемента возможно на первый раз преимущественно в среде лиц, состоящих на государственной службе, но при этом следует заботиться о назначении в Прибалтийский край только таких лиц, которые могли бы способствовать осуществлению объединительных целей правительства, т. е. лиц, которые умели бы внушать к себе должное уважение и которые не составляли бы в крае отдельного замкнутого кружка, неизбежно враждебного всей окружающей его среде, но были бы снабжены посредством знания немецкого языка средством общения с этою средою и некоторого на нее влияния. Вообще следует обращать особое внимание на употребление в деле нравственных сил, сохраняя в памяти, что немецкий элемент в крае имеет все преимущества развитой цивилизации и что всякая цивилизованная среда естественно поддается нравственным влияниям и столь же естественно упирается против натиска грубой материальной силы. Распространению официального употребления русского языка должно соответствовать облегчение и умножение способов изучения этого языка на местах. Необходимое развитие самостоятельности крестьянского сословия не следует основывать на социальных теориях о правах поземельной собственности. Наконец, устранению или существенному изменению тех учредительных особенностей края, в которых ныне заключается его политическая жизнь, должно предшествовать внутреннее политическое развитие России. Есть права, привычки, преемственные понятия и условия быта, которых нельзя отменять без замены чем-нибудь бóльшим или по крайней мере не меньшим. Без этой замены ни чувство, ни мысль не мирится с их утратою. Сила может подавить сопротивление и разрушить настоящее, но пламя тлеет под его обломками и вспыхивает, когда к тому представляется случай. В тот день, когда правительство решится на внутреннее политическое объединение России, когда рассеянным по ее обширной территории клочкам разного рода представительства будет противупоставлен общий центр представительства страны и когда доходящему уже до правительства беспорядочному гулу разрозненных масс будет даровано право приобрести склад правильной, к нему обращенной общественной речи, все провинциальные грани пошатнутся сами собою.

Таковы, по моему мнению, существенные черты так называемого прибалтийского вопроса. Но он не в этом виде постановляется как нашею

прессой, так и влиятельнейшею частью наших правительственных лиц. Их главною заботой не преобразование или перерождение Прибалтийского края согласно с какими-нибудь более или менее обдуманными и определенными началами, а скорейшая сломка того, что там существует, хотя бы на место его была водворена киевская неурядица и скорейшее подавление немецкого элемента, хотя бы его на первый раз нельзя было заменить ничем иным, как русскою народностью газетных корреспондентов и чиновников, ныне господствующей в Вильне и Варшаве. Одни действительно ненавидят немцев, другие знают, что нелюбовь к иностранцам вообще и к немцам в особенности давно популярна в России, и рассчитывают на приобретение этим путем желательной им популярности. При встрече с противоречием или сопротивлением они неразборчивы на средства для его устранения. Всякое разномыслие с ними есть результат ослепления какой-нибудь «интригой» или последствие неразумия «Панургова стада», всякое противодействие есть государственная измена. Они рисуют настоящее положение края в формах направленного против единства государства обширного заговора, в котором местные уроженцы — сознательные зачинщики, а разные правительственные лица — слепые или безрассудные участники. Для раздражения общественного мнения и возбуждения страстей систематически искажаются факты и самые грубые нелепости распространяются с весьма смелым, но, к сожалению, довольно верным расчетом на легковерие публики. Таким образом, в «Окраинах России» г. Самарина есть инсинуация, будто бы имелось в виду даровать Прибалтийскому краю или, точнее, обманом выхлопотать Прибалтийскому краю политическое обособление (притом едва ли не конституционное) вроде финляндского; и эта инсинуация дополнена другою, личною, заключающеюся в одной строке, мимоходом брошенной под страницу (вып. I, стр.184, 185, 186). Приемы à la don Basilio давно составляют у нас принадлежность той именно школы, которая рисует себя столпом православия и прямым непогрешимым выражением русского патриотизма. Такого рода приемы тем действительнее и безопаснее, что превратное изложение фактов и систематические изветы почти никогда не встречают опровержения. Лица, которым ближе известно дело или против которых направлены изветы, вынуждены безмолвствовать по долгу звания или потому, что они не могли бы отвечать без разоблачения внутренних язв правительственной среды. Таким образом, правительство, в единичном значении этого слова, не только безмолвствует, но позволяет одной половине русских министров рукоплескать той именно прессе, которая другую половину этих министров обзывает государственными изменниками.

При таких условиях статьи «Москвы», «Московских ведомостей» и «Русского инвалида» и книги вроде «Русских окраин» г. Самарина должны иметь сильное влияние на нашу публику. Она не подготовлена к критическому труду и тем легче поддается всему, что ей говорится или подсказывается, чем более в том и другом заключается разных нареканий и обвинений. В нашей общественной среде есть какое-то общее чувство болезненности, неудовольствия, стеснения или недостатка, которое побуждает

искать виноватых и которое как будто удовлетворяется, когда кто-нибудь уверяет, что они найдены. Не только в Чебоксарах и Ливнах, но и в Петербурге и в Москве многие читатели верят на слово всем рассказам о влиянии «немецкого рыцарства» или «польской шляхты», о нарушении государственного единства, об угнетении православия или попирании прав русской народности. Оценить степень основательности или даже вероятия этих рассказов им недосужно, точно так, как им некогда помыслить, что современное положение прибалтийской и западной окраин России не есть результат правительственных распоряжений последних двух, трех или даже десяти лет, но последствие внутреннего быта России во время ее векового владычества над этими окраинами.

Я изложил несколько подробно в настоящем примечании мой взгляд на прибалтийские дела не потому, чтобы я им присваивал преувеличенную важность, но потому, что их свойства и их разные фазисы проливают особый свет на коренные недостатки наших правительственных приемов, и потому, что об этих делах редко упоминается в тексте отрывков из моего дневника. Мое личное в них участие во время управления Министерством внутренних дел было большею частью оборонительного и, так сказать, кунктаторского свойства. Я не предпринимал разрешения прибалтийского вопроса по существу в полном его объеме, во-первых, потому, что считал его рановременным при настоящем положении России, во-вторых, потому, что при неправильных отношениях ген.-губернаторов к Министерству и при глубоком разладе между министрами вчинание таких дел вообще невозможно. Легко поднять вопрос, но нельзя рассчитать последствий его поднятия. Поэтому я не двинул и частного, на первый взгляд, вопроса о введении в действие в прибалтийских губерниях земских учреждений. (Рим, 11/23.XI. 1868).

Примечание 136. Гр. Баранов возбудил вопрос о процентном сборе, несмотря на все те влияния, которым он подчинялся, ввиду возмутительных частностей распределения и взимания этого налога. Систематическое разорение во имя правительства сотен и даже тысяч семейств, противоречило характеру гр. Баранова. Он сознавал, как гр. Шувалов и я, необходимость процентного сбора. Но он признавал и то, что размер и способы определения и взимания сбора должны были быть другие. (Рим. 13/25.XI. 1868).

Примечание 137. Совещание по царанскому вопросу было одним из тех предварительных между нескольких из нас разговоров или советований, которые постоянно предлагал гр. Шувалов. Он при этом имел в виду двоякую цель. Во-первых, сознавая отчасти свою неподготовленность по разным предметам, он желал в кругу некоторых, более знакомых с делом, товарищей приобрести нужные ему сведения. Во-вторых, он ожидал особой пользы от могущего, таким образом, устанавливаться согласия взглядов и однообразного дальнейшего направления участников предварительного совещания при обсуждении дел в высших правительственных коллегиях. Отвлеченно он был совершенно прав. На практике все эти совещания были бесполезны. Несколько бо́льшая подготовленность самого Шува-

лова не вознаграждала за трату времени. Что же касается до объединения между несколькими из нас мысли и речи по тому или другому частному вопросу, то при данной обстановке и данных условиях нашего правительственного быта это объединение почти всегда должно было быть безрезультатным. С одной стороны, соглашение по *частным* вопросам вообще могло иметь только второстепенное значение. Без единства общих, основных, руководных начал оно составляло случайность, было явлением мимоходным и ни в чем не обеспечивало направление завтрашнего дня. Между тем именно в отношении к этим общим началам существовали между нами резкие различия и самое из них резкое было то, что я один постоянно признавал и проповедывал необходимость разрешать частные случаи сообразно одному общему принципу. Другие, быть может, за исключением одного гр. Палена, всегда были готовы, отсалютовав принципу на словах, отступить от него на деле. С другой стороны, соглашение нескольких из нас, даже в случае прочности руководного начала и последовательности в его применении, не могло иметь влияния на окончательный исход дела. Этот исход зависел, в случае разногласия, а по важнейшим правительственным вопросам разногласие было неизбежно при известном составе коллегии, от утверждения государем того или другого из противоположных мнений; это же утверждение, в свою очередь, зависело не от силы доводов той или другой стороны, а от большего или меньшего согласия ее заключений с несколькими, так сказать, предвзятыми, весьма немногими, но весьма стойкими и упорными мнениями или взглядами государя. Доказательством тому служат все высочайшие разрешения бесчисленных разногласий моего министерского семилетия. На первый взгляд могло бы казаться, что нам следовало бы принять к руководству именно эти немногие, но стойкие и упорные мнения. Но их нельзя было принять к руководству, во-первых, потому, что они видоизменялись, во-вторых, потому, что некоторые из них были в явном противоречии с другими, а непоследовательность, возможная для государя, невозможна для министра, и, в-третьих, потому, что некоторые из предвзятых государем взглядов и мнений были несогласимы с теми коренными началами, которыми некоторые из нас считали себе обязанными руководствоваться. Мы повиновались, когда нам повелевали, но когда нас спрашивали, мы высказывали то мнение, которое считали правильным. Рядом с постановкою частного вопроса восстановлялся общий вопрос принципа, и мы, по крайней мере некоторые из нас, защищали принцип, несмотря на предшедшие неудачи. В этом смысле я сказал однажды: Je ne joue pas un rôle, je le subis *. (Рим, 2/14. XI. 1868).

Примечание 138. Прекратившиеся колебания относились до моего выхода из Министерства. Положение, созданное мне приемами аничковской комиссии, равнодушием или даже неправильным образом действий моих сотоварищей и пассивностью в этом случае самого государя, не соответствовало моему личному достоинству и должно было еще более поколебать и без того шаткое значение возложенного на меня звания. Все мои

---

* Я не играю роль, меня заставляют ее играть.

недоброжелатели усердно распространяли и поддерживали толки о моей мнимой непредусмотрительности и об ответственности Министерства внутренних дел за бедствие, которое постигло Россию. Мой уход ввиду этих толков, конечно, представлял то неудобство, что он их некоторым образом подтверждал или оправдывал. Но это неудобство было неизбежно, и притом в существе временное. Меры обеспечения продовольствия не были ни польским вопросом, ни немецким, ни вопросом прессы. Я давно сознавал необходимость уйти. Надлежало воспользоваться данным к тому поводом даже и в том случае, если бы этого повелительно потребовали чувство моего личного достоинства и сознание моих обязанностей в отношении к достоинству звания министра внутренних дел. На этот раз государь меня не мог ни удержать, ни даже удерживать. Я подвергся незаслуженным нареканиям, был поставлен в положение весьма щекотливое и неприятное, был поставлен в это положение наследником престола и не мог получить должного удовлетворения потому именно, что наследник престола неожиданно оказался участником в деле. Решимость уйти установилась во мне в конце января или в первых числах февраля, но я никому не сообщал о ней. Надлежало прежде всего кончить мои 4 записки. (Рим. 5/17. XI. 1868).

Примечание 139. Я обратился к гр. Адлербергу, потому что не желал личного объяснения с государем и не хотел посредничества других моих сотоварищей. Отношения гр. Адлерберга к государю позволяли ему, кроме того, лучше и точнее выполнить мое поручение. Я просил его доложить государю que j'avais tenu bon pendant sept années, que je croyais l'avoir bien servi et mériter une bonne fin, mais que j'étais poussé à bout, que je ne répondais plus de moi, que je ferais un éclat et une mauvaise fin*. В сущности я повторил то же самое государю 1 марта. (Рим. 5/17.XI. 1868).

Примечание 140. Желание вел. князя было им заявлено моему представителю в комиссии директору хозяйственного Департамента Шумахеру. Сведения по части урожая и мер к обереганию продовольствия были затем напечатаны в самые последние дни моего управления, т. е. с таким расчетом, что последняя статья помещена в последнем, при мне вышедшем № «Северной почты». (Рим. 5/17. XI. 1868).

Примечание 141. Оканчивая выписку «отрывков» за март месяц 1868 года, я вместе с тем завершаю и весь мною предпринятый труд. Буду ли когда-нибудь продолжать его, обращусь ли к заметкам за время, предшедшее 1861 году, теперь не знаю. Во всяком случае я кончил ту часть моей работы, которая обнимает мое министерское семилетие. Не без удовольствия вижу ее конец и чувствую себя как будто более свободным. Задача исполнена и благодаря бога исполнена ранее, чем я сам ожидал или надеялся. Первая тетрадь написана в Петербурге в апреле. Остальные —

---

* что я держался семь лет, что я считал, что хорошо служил ему и заслужил хороший конец моей службы, но что теперь я доведен до последнего предела, что я больше не отвечаю за себя, что у меня будет взрыв и конец мой будет плох.

в Карлсбаде, Тегернзее и Риме с июня по ноябрь. Весь труд кончен, несмотря на разные перерывы в шесть месяцев.

Рассчитываю на особое снисхождение к моим примечаниям. Я не имел за границею никаких вспомогательных материалов, кроме писем кн. В. А. Долгорукова и нескольких писем ген. Муравьева и Каткова. Следовательно, все содержание примечаний, из коих некоторые довольно обширны (как, например, 48-е и 135-е), исключительно заимствовано из моих воспоминаний. Этим объясняется, что излагаемые в них сведения иногда недостаточны для представления дела в полном его виде или в необходимой связи с другими делами. Этот же недостаток вспомогательных материалов был причиною тому, что некоторые части «Отрывков» вовсе не пояснены примечаниями. С другой стороны, в моих примечаниях могут встречаться ненужные и даже утомительные повторения. Вся работа производилась отрывочно. Первая тетрадь оставлена мною в Петербурге при отъезде. Остальные посылались в Россию по мере представлявшихся к тому удобных случаев. Одна часть отправлена из Карлсбада, другая — из Киссингена, третья — из Тегернзее, четвертая и последняя, вероятно, будет отослана из Рима. Таким образом, я никогда не имел под глазами всей своей работы и не мог сравнивать примечаний одного периода с примечаниями периодов предшедших.

Завершаю мой труд в то время, когда у меня на столе №№ газеты «Москва», комментирующие книгу г. Самарина, а недавно была на столе и эта самая книга. В них заключается послесловие, достойное тех воспоминаний, которые мне завещало мое управление Министерством. Правительство знает, что все, что и в книге, и в газете могло бы быть отнесено ко мне, или неправда, или было делом власти высшей, или есть прямое последствие тех самых условий нашего государственного и правительственного быта, которых я никогда не был защитником. Оно знает это — и молчит. Правительство приостановило «Москву», между прочим, и за вышеупомянутые статьи. Но оно не восстановляет фактов, не опровергает лжи, не отбрасывает обвинений, им самим вызванных. Оно молчит, а Россия верит тому, кто кричит, а не тому, кто безмолвствует. (Рим., 14/26. XI. 1868).

Римские отрывки к дневнику

Рим. 26.II—10.III. 1869 г.

Заметки

Miscell *

1. *Семья Разумовских. А. А. Васильчиков.* Впечатление дикости наших государственных нравов вообще не только в начале, но и во второй половине XVIII века. Возможность не только подобного возвышения таких людей, но и играния ими государственных ролей и приобретения государственного значения. Так называемые временщики Петра, как и часть временщиков Екатерины, по крайней мере возвышались вследствие пригодности к государственному делу или приобретали государственное значение только вследствие пригодности к этому делу. При Елизавете грубое свойство царицына наложника было достаточным. Россия признавала и кланялась.

В «Русском архиве» напечатаны, кроме статьи Васильчикова, два письма, относившиеся до событий 1762 г. Замечательно по бессознательной подлости, знаменующей тогдашние нравы, письмо гр. Девьера. Для того ли оно напечатано, чтобы возбудить эти впечатления? Другой причины не вижу, потому что содержание письма в историческом отношении совершенно ничтожно.

Н[ародно]-госуд[арственный] быт

2. *Внутренние недостатки правительства* организованного, т. е. органически действующего правительства, в точном смысле слова, у нас нет. Есть правительственные части, есть начальники этих частей, есть коллегия для совещательной поверки или для предварительного обсуждения некоторых действий начальников, наконец, есть верховная самодержавная власть, повелевающая тем начальникам по собственной инициативе или одобряющая и утверждающая их инициативу, в случаях, не подлежащих

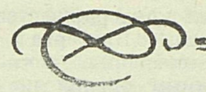
* Смесь.

предварительному контролю коллегий, или по самодержавному произволению от него изъемляемых, или же утверждающая определения и заключения коллегий. Но ни внешней солидарности, ни внутреннего согласия между разными правительственными частями не существует. Идея единства сосредоточена исключительно в лице самодержца. Но правительственная деятельность есть деятельность непрерывная, между тем как верховная доля этой деятельности, принадлежащая самодержцу, может проявляться только отрывочно. Чтобы сохранить при отрывочности проявления власти непрерывность ее влияния, государю надлежит быть своим собственным первенствующим министром и устранять существенные различия направлений между министрами второстепенными. Это затруднительно при неполном ознакомлении со всеми частями управления и еще затруднительнее при отсутствии всякой солидарности интересов между начальниками этих частей. Их интересы могли бы быть солидарными и материально и нравственно. Но материальной солидарности не может быть там, где нет общности выгод и опасений и где политические судьбы одного министра совершенно независимы от политических судеб других министров; а нравственная солидарность невозможна при существенном различии коренных взглядов, руководящих начал и преследуемых целей. Происходящие от всего этого неудобства всеми сознаны и тем более очевидны и бесспорны, что различие направлений обнаруживается между нашими министрами весьма нередко, с каким-то особым цинизмом, проистекающим от раболепного взгляда на их положение, на их обязанности и на их отношения к государю. Некоторые из них прямо указывают на самодержавное начало, как на патент, узаконяющий их междоусобицу. Самодержавная власть, со своей стороны, находит в разладе между министрами некоторое обеспечение своей всецелости и неприкосновенности. Она чувствует себя как будто самодержавнее при исполнителях, между собою не согласных, чем при исполнителях единодушных. В единодушии заключается самостоятельная сила, а всякая самостоятельная сила предполагается не иначе возможною, как в ущерб силе самодержавной. В этом есть доля правды и доля неправды. Относительное значение долей зависит от господствующего взгляда на предмет.

Что есть власть? Частное имущество, расходуемое или сберегаемое по приходе владельца? Или публичная общественная государственная сила, призванная к достижению известных целей и для их достижения, как употребляемая, так и оберегаемая? Если самодержавие надлежит признавать по преимуществу вотчинным имуществом наших самодержцев, то их расчет на министерский разлад не лишен основания. Внезапные, непоследовательные, прихотливые, одним словом, вполне самовластные проявления воли встречают менее затруднений при нескольких разъединенных исполнительных орудиях, чем при одном, в разных частях согласованном механизме. Но если самодержавная власть составляет силу, призванную к поддержанию величия наших государей и вместе с тем к обеспечению по возможности благосостояния их подданных и к развитию государственного величия России, то расчет ошибочен. Правильно устроен-

ный механизм сильнее нескольких разъединенных орудий. Следовательно, действительной власти, т. е. средств к осуществлению воли, при нем более, между тем как без него более власти кажущейся, но не действительной.

Наши государи, по крайней мере нынешний, деспоты более по привычке и по предубеждению, чем по желанию и расчету. Они хотят добра и пользы. Они имеют естественное и потому искреннее влечение к возвеличению России, к усовершенствованию ее устройства и к развитию благосостояния ее населения. Они сами себя обманывают мечтою своего полновластия. Времена чистого цезаризма миновались, как общее правило или начало, и могут теперь проявляться только в виде исключений. Для цезаризма нужен цезарь, т. е. в наше время нужны для цезарской роли и свойства Цезаря. В преемственной монархии, очевидно, нельзя рассчитывать на преемственность цезарей. Следовательно, система чистого цезаризма несостоятельна. Между тем поддержанию несостоятельной идеи приносится в жертву действительность. Правительство внутренно слабо, чтобы на вид представляться сильнее. Быть может, личного труда менее, но зато и результаты труда далеко не те, которые были бы возможны при других условиях и другой обстановке. (Рим. 26.II — 10.III. 1869).

Комментарии

1. Имеется в виду пожалование портрета императора.

1а. Во второй половине 1864 г. у Каткова произошло столкновение с министром народного просвещения А. В. Головниным по ряду вопросов, в частности, по поводу брошюры Шедо-Ферроти о Царстве Польском (см. комментарий 302 в томе I дневника). Помимо этого, ухудшились и отношения с Министерством внутренних дел. «Московские ведомости» неоднократно были подвергнуты штрафу. Катков и Леонтьев решили отказаться от издания газеты. Совет Московского университета, по инициативе профессоров Н. А. Любимова, С. М. Соловьева, выступил в защиту Каткова, внеся предложение освободить «Московские ведомости» от общей цензуры (см. С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 223—240).

2. В декабре 1864 г. собрание московских предводителей дворянства и депутатов вынесло решение о том, чтобы в предстоящих выборах руководствоваться *точным смыслом* ст. 51 о выборах. В статье 51 Устава о службе по выборам дворянства (Свод законов Российской империи изд. 1857, т. III, кн. 2) указывалось, что правом выбора на дворянских съездах пользуются, во-первых, «дворяне, имеющие не менее ста душ мужского пола, им принадлежащих, или ста человек поселян, живущих на собственной земле его, по условию с ними заключенному, а также имеющие не менее трехсот десятин земли» (для местных дворян, достигших чина полковника и действительного статского советника, земельный ценз значительно снижался, а дворяне, служившие по выборам предводителями дворянства, могли не иметь вовсе ценза). Это решение устраняло от участия в выборах тех дворян, которые хотя и обладали до реформы указанным цензом, но вследствие перевода своих крестьян на выкуп в какой-то степени его лишились. Таким образом, постановление собрания предводителей и депутатов было направлено против реализации «Положений 19 февраля». точнее, против выкупной операции.

На открывшемся в начале января 1865 г. губернском дворянском съезде группа дворян (Витберг, Засецкий, фон Витсен) выступила против этого решения, доказывая его неправильность ссылкой на пример других губерний и на разъяснение по этому поводу министра внутренних дел, которое было известно предводителям дворянства. Однако губернский предводитель дворянства гр. Орлов-Давыдов заявил, что постановление депутатского собрания вошло в законную силу, вследствие чего не может быть отменено губернским собранием. Особенно настаивал на правильности решения депутатского собрания звенигородский уездный предводитель дворянства Д. Д. Голохвастов, подчеркивая при этом,

что министр внутренних дел придерживается иной точки зрения. Несмотря на настойчивое требование Витберга и других обсудить этот вопрос на губернском дворянском собрании, оно большинством голосов (193 против 47) сочло необходимым прения по этому вопросу прекратить (см. «Московские ведомости», №№ 5, 6, 13 за 1865 г.).

8 января Валуев поставил вопрос перед Сенатом об отмене решения депутатского собрания, подтвержденного губернским дворянским собранием, отмечая, что известил московское депутатское собрание о незаконности решения, однако оно не посчиталось с этим. 13 января 1-й департамент Сената отменил постановление собрания предводителей и депутатов московского дворянства (ЦГИАЛ, ф. 1-го департамента Сената 1341, оп. 182, д. 1 за 1865 г., лл. 795—800).

Наряду с этим на губернском дворянском съезде имел место ряд оппозиционных выступлений, в частности Н. В. Безобразова, Орлова-Давыдова и др. 11 января губернское дворянское собрание большинством голосов (270 против 36) приняло предложенный Безобразовым текст адреса на имя Александра II. В этом адресе московское дворянство призывало императора созвать общее собрание «выборных людей земли русской для обсуждения нужд общих всему государству». «Повелите вашему верному дворянству, — говорилось в адресе, — с этой же целью избрать из среды себя лучших людей. Дворянство было всегда опорой русского престола». Адрес заканчивался следующей фразой: «Мы высказались, государь, в полной уверенности, что слова наши соответствуют державной мысли и духу ваших преобразований» (А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909, стр. 172).

14 января реакционная газета «Весть», выражавшая олигархические вожделения дворянства, опубликовала текст речи Орлова-Давыдова и указанный адрес, за что была приостановлена на 8 месяцев. Губернское дворянское собрание было закрыто и все его постановления отменены.

30 января в «Северной почте» был опубликован рескрипт царя на имя министра внутренних дел. В начале рескрипта указывалось, что очередные выборы в московском губернском дворянском собрании не состоялись и оно было распущено. «Но мне небезизвестно, — говорилось в рескрипте, — что во время своих совещаний московское губернское дворянское собрание вошло в обсуждение предметов прямому ведению его не надлежащих и коснулось вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений». Далее подчеркивалось, что инициатива преобразований принадлежит исключительно самодержавной власти.

Выступление московского дворянства явилось последним оппозиционным выступлением дворянства в 60-е годы (Б. Б. Веселовский. История земства за сорок лет, т. III. СПб., 1911, стр. 97—98).

3. См. комментарий 9.

4. Халиль-бей.

5. Имеется в виду Комитет по делам Царства Польского. См. комментарий 274 к тому I дневника.

6. См. комментарий 115 к тому I дневника.

7. См. комментарий 2.

8. Председателем Государственного совета был назначен вел. кн. Константин Николаевич.

9. Главный комитет об устройстве сельского состояния.

10. В Главный комитет об устройстве сельского состояния поступила коллективная жалоба уездных предводителей дворянства Тульской губ., недовольных секретным циркуляром министра внутренних дел от 29 августа 1864 г. В связи с крестьянскими волнениями в циркуляре предлагалось губернаторам всячески ограничивать разверстание угодий

(ЦГИАЛ, ф. Земского отдела 1291, 1-е делопроизводство, оп. 1, д. 49, ч. 2, л. 85).

Главный комитет оставил жалобу уездных предводителей «без уважения, как неосновательную и неуместную». Губернатору было сделано замечание. Александр II утвердил решение Главного комитета (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. 2, д. 135, лл. 21—23. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 114—116).

11. 12 и 19 января в Комитете министров рассматривалось ходатайство Совета Московского университета, представленное министром народного просвещения А. В. Головниным, об освобождении «Московских ведомостей» от общей цензуры. А. В. Головнин в своем представлении указывал, что ходатайство университета не соответствует существующим законам, а потому, по его мнению, удовлетворено быть не может. Комитет министров также не счел возможным удовлетворить ходатайство, так как, согласно уставу 1863 г., собственная цензура университетов распространялась лишь «для тезисов, рассуждений и иных учено-литературного содержания сочинений, сборников, издаваемых университетом». К тому же Комитет министров считал невозможным разрешить этот вопрос положительно, имея в виду издание в ближайшее время нового цензурного устава.

Наряду с этим Комитет министров «не мог не принять во внимание благонамеренности и патриотического направления издателей «Московских ведомостей» и рекомендовал Валуеву и впредь оказывать все, по его усмотрению, возможные облегчения в применении цензурных правил к издаваемым Катковым и Леонтьевым «Московским ведомостям». Это решение было утверждено Александром II (ЦГИАЛ, ф. Комитета министров 1263, д. 3139. «Особый журнал» за 12 и 19 января 1865 г., ст. 42).

12. См. комментарий 2.

13. См. комментарий 2.

14. Обсуждение проекта устава книгопечатания, представленного министром внутренних дел, происходило в Департаменте законов Государственного совета 16, 20, 21 и 23 января 1865 г. (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов 1149, оп. т. VI, д. 4 за 1865 г. «Журнал заседаний», лл. 1025—1040).

15. Речь идет о выступлении предводителя дворянства Звенигородского уезда Д. Д. Голохвастова на московском дворянском губернском собрании, где он назвал опричниками представителей высшей правительственной власти (см. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1911, стр. 492).

16. Придворный служитель высшего ранга, обычно назначаемый из придворных лакеев. Обязанностью камер-фурьера являлась запись всех событий, происходивших во дворце.

17. В начале 1865 г. на пост киевского ген.-губ. и командующего войсками округа был назначен ген.-ад. Безак, который сменил на этом посту ген.-ад. Н. Н. Анненкова.

Анненков являлся противником политики, проводимой по отношению к крестьянам на Правобережной Украине в связи с польским восстанием 1863 г. Он выступал против обязательного выкупа, понижения выкупных платежей и проверки уставных грамот. Подробнее см. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 402—409.

18. См. комментарий 11.

19. Мариинский дворец, расположенный на Исаакиевской площади, был построен в 1839—1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера для дочери Николая I Марии Николаевны (см. «Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958, стр. 164). С 80-х годов XIX в. вплоть

до 1917 г. в здании Мариинского дворца находился Государственный совет.

20. Мраморный дворец построен по проекту архитектора А. Ринальди в 1768—1785 гг. Принадлежал вел. кн. Константину Николаевичу. Находится на Дворцовой набережной (см. «Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958, стр. 57).

21. Михайловский дворец (ныне Русский музей) построен в 1819—1825 гг. по проекту архитектора К. И. Росси. Первоначально принадлежал вел. кн. Михаилу Павловичу, а в описываемый период — его вдове вел. кн. Елене Павловне (см. «Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958, стр. 109—112).

22. 17 ноября 1864 г. Валуевым был внесен в Государственный совет проект устава о книгопечатании (см. комментарий 14). При обсуждении в Государственном совете он был утвержден с небольшими изменениями. Валуев неправ, утверждая, что он один поддерживал внесенный проект, так как по всем разногласиям, возникшим при его обсуждении, он был не в единственном числе. Так, по первому вопросу о смешанной цензуре (предупредительной и карательной) он был в числе восьми против одного; по второму — о подсудности мировому суду дел о нарушениях постановлений о печати, в числе трех против пяти; по третьему — о сохранении иностранной цензуры в качестве особого установления в числе пяти против пяти (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов 1149, оп. т. VI, д. 4, 1865 г., лл. 1025—1040).

23. По-видимому, на этом совещании обсуждались вопросы, связанные с восстанием народов Китайского Туркестана против Цинской монархии. В этом восстании принимали участие и киргизы подвластных России северо-киргизских племен (Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 312—320; ЦГВИА, ф. ВУА, II отдел, д. 6794).

24. В заседании соединенных департаментов государственной экономии и законов 27 января и 15 февраля обсуждалось представление министра внутренних дел: 1) о проекте штата для установлений по делам книгопечатания; 2) о проекте Положения о штемпельном сборе с повременных изданий и брошюр (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов 1149, оп. т. VI, д. 4, 1865 г., лл. 1041—1047; там же, ф. Департамента государственной экономии 1152, д. 56 за 1865 г.).

25. См. комментарий 2.

26. В фондах ЦГИАЛ указанная записка нами не обнаружена.

27. Речь идет о подготовке закона 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях». По этому закону сельские общества государственных крестьян сохраняли за собой все земли, находившиеся в их пользовании. Право владения этими землями фиксировалось в особых владенных записях, выдававшихся каждому обществу. За пользование землей крестьяне обязаны были уплачивать ежегодно так называемую государственную оброчную подать, размеры которой для большинства губерний по сравнению с существовавшими оброчными платежами несколько повышались.

Вопрос о выкупе в полную собственность нескольких наделов как сельскими обществами, так и владельцами подворных участков разрешался путем единовременного взноса в уездное казначейство капитала, проценты с которого равнялись бы сумме ежегодно вносимой оброчной подати (ПСЗ, 2 собр., т. XLI, № 43888; «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887», ч. II, СПб., 1888, стр. 172—203; П. А. Зайончковский. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 года о государственных крестьянах. «История СССР», 1958, № 4, стр. 103—113).

28. Имеется в виду ее муж герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий.

29. 27 февраля происходило заседание соединенных Департаментов законов и государственной экономии по представлению министра внутренних дел о разделении Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую, а также военного министра об упразднении гражданских присутственных мест Оренбургского казачьего войска.

Оба представления с небольшими изменениями были утверждены. 13 апреля общее собрание Государственного совета утвердило журнал соединенных Департаментов, а 5 мая Александром II был подписан соответствующий указ Сенату.

Согласно указу, в Уфимскую губернию входили шесть уездов: Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский и Златоустовский, в Оренбургскую — пять: Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский. В Оренбургской губернии должность губернатора соединялась со званием наказного атамана Оренбургского казачьего войска (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов 1149, оп. т. VI, д. 16 за 1865 г. ПСЗ 2 собр., т. XL, № 42058).

30. André Buchanan.

31. На заседании присутствия по делам православного духовенства 4 марта рассматривались следующие вопросы: 1) о церковных советах в северо-западных губерниях; 2) о предоставлении духовным лицам епархиального ведомства способов для разъездов по делам службы; 3) об увеличении средств на содержание канцелярий некоторых губернских присутствий по обеспечению духовенства (ЦГИАЛ, ф. Присутствия по делам православного духовенства 804, оп. 1, д. 470).

32. «Высочайшее повеление» о смешанных браках в Полном собрании законов не опубликовано. В фондах Государственного совета, Комитета министров, Сената и Синода не обнаружено.

33. В Комитете министров шла речь о заключении контракта с бароном Унгерн-Штернбергом на строительство железной дороги от Балты до Елизаветграда, являвшейся частью линии Одесса — Кременчуг — Харьков — Москва. Решение о строительстве этой дороги было утверждено Александром II 28 декабря 1864 г. Комитет министров, рассмотрев представленный проект контракта и внеся некоторые частные изменения, утвердил его (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3144, ст. 263. Особый журнал Комитета министров от 16 марта 1865 г., лл. 313—332. Н. А. Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 140—146).

34. Талейран-Перигор.

35. С 1864 г. итальянский посол в России граф Эдуард де Лоне.

36. По-видимому, заседание носило неофициальный характер, так как журнала заседания не имеется. 26 марта в Главном комитете об устройстве сельского состояния рассматривался вопрос, касавшийся указанных лиц, — представление киевского генерал-губернатора Безака об увеличении числа мировых участков в Киевской, Подольской и Волынской губерниях в целях окончания поверки уставных грамот и составления выкупных актов (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, д. 135, лл. 242—255. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 409—410).

37. 24 марта состоялось заседание общего собрания Государственного совета, на котором были одобрены «Временные правила о печати», утвержденные затем 6 апреля Александром II. По всем разногласиям, бывшим в соединенных Департаментах, в общем собрании победила точка зрения Валуева. В записке, адресованной Валуевым товарищу министра внутренних дел Тройницкому, он того же числа писал: «Все прошло: предостережения без голосования, Совет — 28 голосами против 14, штат — 28 против 11, класс начальника — 24 против 14...» («Русская старина», 1899, IX, стр. 697).

По этим «Временным правилам», просуществовавшим в основном до 1905 г., освобождались от предварительной цензуры повременные издания в столицах при условии внесения определенной суммы залога, все оригинальные сочинения объемом более 10 печатных листов и переводные более 20 листов. Помимо этого, повсеместно не подлежали предварительной цензуре издания академические, университетские и различных научных обществ и учреждений, а также издания, выходившие на древних классических языках, или переводы с них. При нарушении цензурных правил издатели подвергались судебной ответственности и административным взысканиям. В случае замеченного «вредного направления» делались предостережения, причем третье предостережение влекло за собой «приостановление» издания сроком не более 6 месяцев. Цензура сохранялась за ведомством Министерства внутренних дел, в составе которого создавалось Главное управление по делам печати. «Временные правила» являлись одной из наименее последовательных буржуазных реформ (см. том I дневника, стр. 39—42).

В своей записке «О положении дел печати», датированной 8 февраля 1868 г., Валуев, характеризуя закон о печати («Временные правила»), писал: «прямой повод к его изданию и прямая цель его составления заключались в необходимости вооружить правительственную власть теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых она уже не находила в прежних цензурных узаконениях» (ЦГИАЛ, ф. Валуева 908, оп. 1, д. 27, лл. 74—75). Валуев выражал сожаление, что в результате обсуждения в Государственном совете «характер закона как будто изменил свой вид и принял свойство узаконения льготного, расширяющего права печати» (там же, л. 74).

38. 2 февраля 1865 г. в Комитете железных дорог рассматривался вопрос о предложении директора Лембергско-Черновицкой железной дороги Офенгейма об устройстве дороги от Черновиц по Бессарабии через Новоселицу, Кишинев, Парканы к Одессе. Офенгейм испрашивал гарантию на 90 лет по 2 400 000 рублей в год «звонкою монетою».

Ввиду того, что изыскания для предполагаемой дороги не были еще произведены и поэтому нельзя было судить ни об исправлении ее, ни о ее стоимости, а также вследствие невыгодности условий, предложенных Офенгеймом, Комитет железных дорог решил это предложение отклонить. Комитет предложил произвести летом 1865 г. изыскание для соединения Одессы с Лембергом (Львовом.— *П. З.*) по двум направлениям: от Паркан через Кишинев и Новоселицу, как предлагает Офенгейм, и по левому берегу Днестра до того пункта, где окажется удобнее направить путь на соединение с Лембергом. Офенгейму же и другим желающим, говорилось в журнале заседания Комитета, предоставить право иметь при изысканиях своих агентов для получения данных о протяжении и стоимости дороги (ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1275, д. 62, л. 6). Однако решение Комитета было опротестовано ген.-ад. Э.И. Тотлебеном, представившим на имя императора по этому поводу записку, в которой он доказывал, что предложение Офенгейма выгодно и поэтому нет надобности отвергать его.

Эту записку, по указанию Александра II, было предложено рассмотреть в Комитете железных дорог. 15 марта Комитет снова рассматривал этот вопрос и большинством голосов, за исключением Тотлебена и присоединившегося к нему ген.-ад. П. Е. Коцебу, подтвердил прошлое свое решение. 26 марта вопрос рассматривался в Совете министров, который подтвердил решение Комитета железных дорог, указав при этом, что разрешение Офенгейму иметь при изыскании линии своих представителей не дает ему права «ни на какие вознаграждения, если бы в уступке дороги ему было отказано» (там же, л. 112).

31 марта решение Совета министров было утверждено Александром II. (Н. А. Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 146—162).

39. Речь шла о подготовлявшемся законе о государственных крестьянах, в частности, о выкупе крестьянами своих наделов. Вел. кн. Константин Николаевич был решительным противником выкупа, стремясь рассматривать земли государственных крестьян как их собственность. Валуев придерживался иной точки зрения. В своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич писал: «После обедни, длинный разговор с Валуевым... о государственных крестьянах, где я стараюсь его переубедить на нашу сторону, надежды не потерял, что это может удасться» (ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца 722, оп. 1, д. 124-а, л. 451). Подробно о подготовке закона о государственных крестьянах см. П. А. Зайончковский. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1865 года о государственных крестьянах. «История СССР», 1958, № 4, стр. 103—112.

40. Наследник престола вел. кн. Николай Александрович умер от туберкулеза в Ницце в ночь с 11 на 12 апреля 1865 г.

41. Речь идет о награждении орденом Александра Невского. Знаки ордена состояли из золотого креста с красною финифтью с обеих сторон, серебряной звезды и красной ленты, носимой через левое плечо (см. Свод законов Российской империи, т. I, ч. II. «Учреждение орденов и других знаков отличия»).

42. Имеется в виду орден Белого орла, состоявший из орденского знака, изображавшего двуглавого белого орла, носимого на темно-синей ленте, а также золотой звезды (см. Свод законов Российской империи, т. II, ч. II).

43. Речь идет о назначении шефом 85-го Выборского пехотного полка.

44. Т. е. орденом Станислава первой степени. Знаки ордена состояли из золотого креста, покрытого с лицевой стороны красной финифтью с золотой каймой по краям серебряной звезды (см. Свод законов Российской империи, т. I, ч. II).

45. В связи с созданием земства произошло изменение компетенции губернских правлений. Ряд хозяйственных дел был передан земским учреждениям, и деятельность губернских правлений приобрела лишь административно-распорядительный характер. Это повлекло за собою и изменение структуры губернских правлений. ПСЗ, 2 собр., т. XL, № 42180 (8 июля 1865 г.).

46. Курорт на побережье Северного моря невдалеке от Гааги.

47. В заседании Комитета рассматривалась записка вновь назначенного киевским, волынским и подольским генерал-губернатором ген.-ад. А. П. Безака. В этой записке Безак излагал свой взгляд на меры, которые необходимо, по его мнению, осуществить «для управления вверенного ему края».

Программа, изложенная в записке, ставила своей задачей парализовать на Правобережной Украине влияние «многочисленного высшего сословия поляков, шляхты и католического духовенства». С этой целью он полагал необходимым осуществить следующие меры:

1. Обеспечить крестьян землей в соответствии с инвентарями конца 40-х годов, т. е. возвратить им все земли, отрезанные у них помещиками после этого.

2. Добиться того, чтобы польские помещики продали свои имения русским, затем самим создать на Правобережной Украине опору правительству в лице русского поместного дворянства.

3. Заменить всех чиновников римско-католического вероисповедания русскими — православными.

4. Ускорить закрытие римско-католических монастырей и костелов.

5. Улучшить положение православного духовенства.

6. Построить новые православные храмы.

7. Закрыть все польские школы и открыть вместо них русские.

8. Улучшить положение русского населения и обложить польскую шляхту особым налогом (ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, № 1263, д. 3146. Приложение к журналу Комитета министров за 15 апреля 1865 г., лл. 83—88).

При обсуждении этой записки Комитет министров не принял никакого конкретного решения, ограничившись следующим: «предоставить усмотрению генерал-губернатора Юго-Западных губерний по прибытию в высоч. вверенный его управлению край и по соображению предлагаемых им мер с местными обстоятельствами и прежними распоряжениями правительства внести на разрешение в установленном порядке предположения свои по тем из сих мер, которые он признает действительно полезными и нужными» (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 3147. Особый журнал 15 апреля 1865 г., ст. 341, лл. 132—148).

48. «Народная летопись» — радикально-демократический орган, был основан в марте 1865 г. группой публицистов круга «Современника». Официальным редактором был Н. Д. Ахшарумов, фактическими редакторами Ю. Г. Жуковский и А. Ф. Головачев. Газета выходила два раза в неделю.

18 апреля газета была приостановлена на пять месяцев без объяснения причин, по личному указанию Валуева (ЦГИАЛ, ф. 775 Центрального управления по цензурному ведомству, оп. 1, д. 52 за 1865 г.). А. В. Никитенко по поводу запрещения «Народной летописи» заносит 3 мая в свой дневник следующее: «Газета «Народная летопись» запрещена до сентября. По получении официального известия о смерти наследника все газеты вышли с траурной каймою, «Летопись» — без нее. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась в траур. Это ближайшая причина запрещения. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались последователи Чернышевского—Антонович, Елисеев, кажется, и Лавров, и проч. Третье отделение тотчас по основании газеты обратило на нее внимание министра внутренних дел» (В. А. Никитенко. Дневник, т. II. М., 1955, стр. 513). По истечении пяти месяцев газета не была возобновлена (см. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904, стр. 400—401).

49. «Русский инвалид», являвшийся органом военного ведомства в этот период, в вопросах внутренней политики стоял на либеральных позициях. Газета поддерживала проводимые правительством буржуазные преобразования. Много внимания уделял газете военный министр Д. А. Милютин (см. «Воспоминания Д. А. Милютина», Отд. рукопис. Госуд. библиотеки им. В. И. Ленина, фонд № 169. Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, стр. 325—338).

49а. Ежедневная газета, издававшаяся с 1863 по 1884 г. Орган либеральной бюрократии. Получала субсидии от Министерства народного просвещения. С 1869 по 1871 г. редактором-издателем был А. А. Краевский, с 1871 г. он издавал газету совместно с В. А. Бильбасовым.

50. 23 апреля в Комитете по делам Царства Польского рассматривался вопрос о производстве рекрутского набора в Царстве Польском. Учредительный Комитет в Царстве Польском предложил внести в Положение о рекрутской повинности, утвержденное в марте 1859 г., некоторые изменения, касавшиеся порядка изъятия от рекрутской повинности представителей некоторых сословий и категорий населения, образования конскрипционных округов, а также состава конскрипционных комиссий.

В связи с новым устройством крестьянского населения и новым положением местной администрации Комитет решил привлечь к отбыванию рекрутской повинности мужское население всех сословий (ЦГИАЛ, ф. Комитета по делам Царства Польского 1270, оп. 1, д. 1422, лл. 373—403).

51. Вероятно, имеется в виду государственная канцелярия — один из оплотов либеральной бюрократии. Возглавлял канцелярию до 1865 г. В. П. Бутков.

52. См. комментарий 63.

53. См. комментарий 2.

54. По-видимому, 1 мая заседание носило неофициальный характер. Дело это рассматривалось в Департаменте законов 15 мая.

22 апреля 1865 г. министр внутренних дел сделал представление в Государстванный совет по вопросу «О дозволении евреям—механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам проживать повсеместно в империи». Это представление было утверждено с небольшими изменениями Департаментом законов и Общим собранием Государственного совета, а затем утверждено Александром II 28 июня 1865 г. (ЦГИАЛ, ф. Департамента законов 1149, оп. т. VI, д. 37 за 1865 г.; ПСЗ 2 собр. т. XL, № 42264).

55. См. комментарий 298 в томе I дневника.

56. Как сообщал Валуев военному министру 9 мая 1865 г., ген.-ад. Огарев направлялся в Нижний-Новгород с присвоением ему звания временного ген.-губернатора в пределах Нижегородской губ.

Помимо общего наблюдения в Нижнем-Новгороде в период ярмарки на него возлагалось «высшее политическое наблюдение за деятельностью революционной пропаганды и вообще всех злоумышленников, которые могли бы стремиться к нарушению общественного порядка и к возбуждению противоправительственного волнения в умах» (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, 4 эксп., оп. 85, д. 117 за 1865 г., л. 2 об.).

В указанном деле содержатся донесения ген.-ад. Огарева шефу жандармов и министру внутренних дел.

57. Согласно «всеподданнейшему» отчету III отделения за 1865 г., на сенатора Жданова было возложено «особое наблюдение в приволжских губерниях за действиями злонамеренных людей и за возбуждением противоправительственного волнения в умах. Для более энергического преследования поджигателей, ему было поручено учредить особые губернские комиссии, под председательством вице-губернаторов и с участием жандармских штаб-офицеров для надзора за скорейшим и правильным производством исследований о пожарах» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 85, д. 30, лл. 496—497).

Первоначально на сенатора Жданова было возложено лишь расследование причин пожаров в г. Симбирске.

58. С 26 декабря 1863 г. по 14 ноября 1865 г. в Департаменте государственной экономии Государственного совета рассматривалось дело «О пересмотре устава Российско-американской компании и об устройстве русских и американских владений» (ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии Госуд. совета 1152 за 1864 г., д. 239). В настоящее время указанное дело находится в Архиве внешней политики России.

По-видимому, Валуев имеет в виду одно из заседаний по этому вопросу.

59. Согласно данным «всеподданнейшего отчета III отделения» за 1865 г. (ЦГИАМ, ф. III отд. 109, оп. 85, д. 30), в мае произошло большое количество пожаров в поволжских, западных и южных районах. По обвинению в поджогах было арестовано большое число людей, преимущественно поляков и евреев. Однако III отделению не удалось доказать связи пожаров с деятельностью революционного и национально-освободительного движения.

Сведения о пожарах по всем губерниям см. в указанном отчете лл. 466—532, а также в описи дел 4-й экспедиции за 1865 г.

60. Имеется в виду Остробрамский собор в Вильно, в котором находилась особо чтимая католиками икона Остробрамской божьей матери.

61. Барон Редерн.

61а. Валуев неправ, обвиняя Главный комитет об устройстве сельского состояния в защите крестьянских интересов. Однако отношение к реализации Положения 19 февраля 1861 г. у Валуева и деятелей Главного комитета, являвшегося оплотом либеральной бюрократии, было различно. Валуев считал возможным нарушать в интересах дворян отдельные пункты Положений. Главный же комитет отстаивал незыблемость этого закона.

61б. См. комментарии 131, 136.

62. Называя генерал-губернатора Петербурга кн. Суворова «двоюродным братом сардинских королей», Валуев основывался на том, что сардинский король в 1799 г. прислал его великому деду диплом «на чин великого фельдмаршала войск его и сверх сего достоинство князя с титулом, чином равным с братьями его двоюродными из рода в род перворожденным» (формулярный список о службе и достоинстве генералиссимуса князя италийского, графа Суворова-Рымникского) (А. В. Суворов. Сборник документов, т. I. М., 1949, стр. 24).

63. 11 июня в Общем собрании Сената рассматривалась жалоба членов Мариинского общества торговцев на распоряжение петербургского ген.-губернатора о распределении лавок на рынке, об изменении состава Общества и назначении следствия над некоторыми его членами (ЦГИАЛ, ф. Общего собрания департаментов Сената 1330, оп. 10, д. 708. Журнал Общего собрания С.-Петербургских департаментов от 11 июня 1865 г., лл. 10—33).

64. Это упоминание, по-видимому, связано с вопросом об оплате труда арестантов, о чем Валуев сделал представление в Сенат 3 марта 1865 г. В связи с этим 25 июня был издан закон «Об изменении некоторых параграфов Положения об арестантских рабочих ротах для устройства железных дорог в Новороссийском крае, касательно порядка записывания и расходования денег, выработанных арестантами» (ПСЗ, 2 собр., т. XL, № 42427).

65. 14 июня в Общем собрании Государственного совета рассматривался вопрос об организации иностранными банкирами бр. Эрлангерами Центрального поземельного банка в России. Общее собрание не утвердило устав банка по двум причинам. Во-первых, банк, согласно представленному уставу, не являлся поземельным в полном смысле этого слова. Деятельность его должна была проводиться в двух направлениях: а) операциях поземельного кредита, б) банковых операциях (учет векселей, прием вкладов и т. д.). Во-вторых, в России уже имелся ряд поземельных кредитных учреждений (Херсонский поземельный банк, Товарищество поземельного банка) и создавалось Общество поземельного кредита. «Находя, что одновременное и, так сказать, совместное допущение у нас учреждения банков упомянутых двух различных характеров, — говорилось в решении общего собрания, — было бы на практике неудобно, ибо разрешение ныне учреждения банка с характером смешанным, соединяющим в себе операции поземельного кредита и банкирские, не соответствовало бы потребностям настоящего нашего положения в той же степени, как образование на правильных основаниях банка поземельного кредита, Государственный совет в общем собрании признал ныне всякое суждение по вышеозначенному проекту устава центрального поземельного банка в России преждевременным» (ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии 1152, оп. т. VI, д. 238 за 1865 г., лл. 186—187).

66. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г. (см. примечание к ст. 20 Местного положения о поземельном устройстве кредита водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Малороссийских и Белорусских), крестьянам предоставлялось право пользования за особые повинности в течение пяти лет отрезываемыми у них землями (пахотная

земля, сенокосы). В связи с этим орловский губернатор обратился в Министерство внутренних дел с вопросом о том, можно ли разрешать крестьянам производить посев на этих землях осенью 1865 г.

Валуев решил этот вопрос отрицательно, одновременно с этим полагая, что повинности за пользование землей крестьяне должны выполнять до 19 февраля 1866 г.

В Главном комитете об устройстве сельского состояния произошли по этому вопросу разногласия. Меньшинство (Зеленой, Валуев, Стояновский) отстаивали точку зрения Министерства внутренних дел. Большинство же (вел. кн. Константин Николаевич, гр. Адлерберг, Панин, Бахтин, Чевкин, Долгоруков, Д. А. Милютин) считало необходимым предоставить крестьянам возможность производить посев осенью 1865 г. Александр II утвердил мнение большинства (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета 1181, оп. 2, д. 136, лл. 3—11).

67. 15 июня в Кавказском комитете слушалось дело об отпуске 1 млн. руб. на сооружение полотна Закавказской железной дороги на участке Поти—Тифлис. Вопрос о строительстве этой дороги был решен в положительном смысле еще в сентябре 1864 г., причем отмечалось, что концессия должна быть предоставлена на менее льготных условиях, нежели обществу, предложившему строительство Московско-Севастопольской железной дороги.

Наместник Кавказа в записке на имя императора сообщал, что группа английских капиталистов предложила в целом приемлемый проект концессии. Однако этот проект вызвал возражение министра финансов Рейтерна, так как в нем имелся пункт, требовавший гарантий (т. е. определенных процентов на вложенный капитал на время строительства). Включение этого пункта в проект вызывалось боязнью англичан, что строительство земляной насыпи представит большие трудности и потребует много времени.

Наместник предлагал осуществить строительство насыпи силами войск. В этом случае стоимость сооружения насыпи должна была обойтись в 1 млн. руб., в то время как строительство ее на основе «вольного труда» потребовало бы 4, 2 млн. руб. Кавказский комитет согласился с предложением наместника и вынес решение об отпуске из средств казначейства 1 млн. руб. (по 500 тыс. руб. в год) в его распоряжение (ЦГИАЛ, ф. Кавказского комитета 1268, оп. 26, д. 28, лл. 780—804).

68. По-видимому, посылка комиссии в Киргизию была связана с ходатайством киргизских родов «Борукчи» и «Эсенгул» о принятии их в российское подданство (Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 320—321).

69. 22 июня в Комитете министров рассматривалось, по представлению министра финансов, прошение поручика Бернардаки «об облегчении в платеже состоящей на нем откупной недоимки» за 1859—1863 гг. Комитет счел возможным удовлетворить ходатайство Бернардаки, предложив министру государственных имуществ сделать по этому поводу соответствующее распоряжение (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 3150. Журнал 22 июня 1865 г., ст. 607).

70. Указанная статья была опубликована в № 137 «Северной почты» от 25 июня. В статье подробно рассматривались намечавшиеся в Австрии реформы в области государственного управления и подвергались критике конституционные формы правления в Европе. По мнению Валуева, «представительство» в европейских странах «не принесло с собой ни правильного движения государственного механизма, ни покоя, ни прочности».

71. Материалы по данному вопросу в Архиве внешней политики России нами не обнаружены.

72. Речь идет о заседании «Комиссии для окончания работ по преобразованию судебной части и о порядке введения в действие судебных

уставов 20 ноября 1864 года». Предложения этой комиссии рассматривались в особом соединенном присутствии департаментов Государственного совета 2, 5, 9, 12 июля и 20 августа 1865 г. и в общем собрании Государственного совета 20 и 27 сентября того же года. Указ Сената, утверждающий Положение о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г., дан 19.X.1865 г. (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VI, д. 42 за 1865 г.; ПСЗ, 2 собр., т. XL, № 42587).

73. Владимир Федорович Адлерберг.

74. В вопросе о завоевании Средней Азии, в частности, в отношении занятия Ташкента в правительстве не было единой точки зрения.

13 ноября 1864 г. после соединения Оренбургской и Сибирской линий и занятия Чимкента правительственная точка зрения на среднеазиатские дела нашла свое выражение в докладе «О дальнейших видах наших в Средней Азии», составленном двумя министрами: иностранных дел и военным. «При обсуждении этого вопроса,— говорилось в докладе,— прежде всего является мысль, что в настоящее время дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства» (ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива (ВУА) 36056, л. 9). Отказываясь от дальнейшего завоевания, оба министра полагали необходимым установить границу соответственно тем крайним пунктам, которые занимали войска к осени 1864 г.

В Министерстве иностранных дел совместно с военным было составлено циркулярное письмо для сообщения иностранным державам, в котором говорилось, что Россия не намерена расширять в дальнейшем свои владения в Средней Азии.

Однако в действительности военный министр не разделял этой точки зрения. Касаясь приведенного выше циркулярного разъяснения, Милютин в своих воспоминаниях указывал, что совершенно напрасно в нем выражалась надежда в отношении стабильности среднеазиатской границы. «Надежды эти,— писал он,— были совершенно призрачны: по крайней мере со стороны Военного министерства не было таких иллюзий. Можно только сожалеть,— продолжал он,— что Министерство иностранных дел постоянно прибегало к подобным успокоительным заявлениям и тем связывало себе руки в дальнейших действиях» (Отд. рук. ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, 169, папка 15, д. 1, стр. 250).

Милютин решительно осуждал стремления Горчакова «оправдаться» перед Европой и в первую очередь перед Англией в отношении действий России в Средней Азии. Так, в начале 1865 г., когда английское правительство начало заигрывать с Кокандом, Милютин, в ответ на письмо директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухова по поводу сообщения из Лондона русского посла, писал: «Не надобно только в Лондоне бояться их, не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше продвижение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это» (Дневник Д. А. Милютина, т. I. М., 1947, стр. 35).

Хотя Горчаков продолжал и в начале 1865 г. сохранять свою позицию в отношении дальнейшего продвижения русских войск в Средней Азии, однако в инструкции оренбургскому ген.-губернатору, составленной в Министерстве иностранных дел и утвержденной Александром II, указывалось, чтобы ни в коем случае не допустить подчинения Ташкента бухарским эмиром (ЦГВИА, ф. ВУА, 36056).

Еще больший простор деятельности местных военных властей предоставляла инструкция ген.-губернатора Крыжановского ген. Черняеву, утвержденная военным министром.

Решительным противником активных действий в Средней Азии, а также взятия Ташкента был министр финансов М. Х. Рейтерн. Он полагал, что война вызовет большие издержки, которые при настоящем состоянии финансов невозможны (см. А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки», т. 9. М., 1940, стр. 198—242).

75. Журнала заседания Комитета по делам Царства Польского (ЦГИАЛ, ф. 1270) по этому вопросу не имеется. Возможно, заседание носило неофициальный характер.

76. По-видимому, известие это носило личный характер.

76а. Перевод Валуевым цитаты из сочинения Аристотеля «Политика» (V, 3, 1) не совсем точен. Перевод дословно: «происходят распри не о мелочах, но из-за мелочи». По смыслу: «перевороты происходят не по малым причинам, но по малым поводам».

77. В фонде III отделения имеются три копии «подметных писем», распространявшихся в Орле. В «Приказе тайного начальника г. Орла» от 4 августа 1865 г. говорилось: «Народное правление вследствие определения Всероссийского центрального комитета назначило истребить все казенные здания теперешнего правительства и всех начальников оного». Далее указывалось, что мирные жители должны содействовать этому «иначе дома их будут истреблены пожаром» (ЦГИАМ, д. 109, 4 экспед. 1865 г., д. 131, л. 31). В «Приказе тайного начальника» от 5 августа запрещалось гуляние в городском саду. «Запрещение это,— говорилось в нем,— продолжится еще на несколько дней до особого распоряжения. Пожары на несколько дней прекратятся» (там же, л. 32).

В третьем «приказе», датированном 6 августа, говорилось следующее: «Народное правление, держась одной программы с главным центральным комитетом, находящимся в г. Гатчине (Петербургской губернии), имеет в виду лишь один политический интерес: низвержение существующего порядка вещей, положение конца анархии и восстановление порядка на основании законной конституции, оно не отвергает теперешнего правительства, но не будет его признавать до тех пор, пока оно не даст свободу всем народам России, такая политика его не будет изменена» (там же, л. 32).

В отчете III отделения за 1865 г. указывалось, что нарушившие запрешение «тайного начальника» о гулянии в городском саду были 6 августа «облиты чернилами» и в них бросали камни. «По подозрению в составлении указанных писем,— говорилось в отчете,— был арестован чиновник местной палаты государственных имуществ Васильев, который... сознался в составлении и подбрасывании приказов тайного начальника, равно в обливании чернилами платьев и в бросании камней в гулявшую в саду публику из одного будто бы желания поддержать тревожное состояние жителей, без соучастия с поджигателями» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 85, д. 30, л. 509).

Таким образом, Васильев не был связан с поджигателями. Не удалось установить связи его и с революционными кругами, которых, по нашему мнению, и не было.

По обвинению в поджогах была арестована группа лиц, в том числе солдат Тимофей Родионов, задержанный с поличным. Однако установить какую-либо связь поджигателей с революционным движением III отделению снова не удалось.

Что касается подметных писем, разбрасываемых в г. Крестцах Новгородской губернии, то сведений об этом в фондах III отделения не обнаружено.

78. По Временным правилам о печати 6 апреля 1865 г. вместо существовавшего прежде Совета министра по делам книгопечатания было создано Главное управление по делам печати. Состав Совета по делам

книгопечатания был следующим: ген.-лейт. бар. Н. В. Медем, тайн. сов. О. А. Пржецлавский, действ. ст. сов. А. Н. Тихомандритский, А. В. Никитенко, Н. В. Варадинов и И. А. Гончаров. Начальником Главного управления по делам печати был назначен тайн. сов. М. П. Щербинин, членами: тайн. сов. М. Н. Турунов, действ. ст. сов. Н. В. Варадинов, Т. М. Толстой, И. А. Гончаров и кол. сов. В. Ч. Фукс. Таким образом, из прежнего состава совета не принадлежали к новому не 7 человек, а 4.

79. Имение Звенигородского уезда Московской губернии, приобретенное в 1865 г. императрицей Марией Александровной. Впоследствии было собственностью вел. кн. Сергея Александровича.

80. «Санкт-Петербургские ведомости», № 227 за 2 сентября и «Голос», № 243 за 3 сентября.

81. 6 сентября в Главном комитете об устройстве сельского состояния рассматривался ряд жалоб крестьян, а также дел по искам помещиков. Все дела, за исключением одного, были решены в пользу помещиков. Лишь по одному делу по жалобе крестьян сельца Шарапова Калужской губернии, принадлежащих помещице Ларионовой, большинство Главного комитета, за исключением Валуева, высказалось в пользу крестьян. Речь шла о том, что помещица не включила в состав надела по уставной грамоте часть крестьянских земель, которыми они якобы пользовались до реформы на правах аренды (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, д. 136, лл. 185—199. Дело о крестьянах с. Торопово, лл. 185—199).

82. Валуев допускает неточность. Указанное дело слушалось не 14, а 7 сентября. 7 сентября в Комитете министров рассматривалось представление Министра финансов об изменении с 1866 г. порядка открытия ренсковых погребов (без распивочной продажи) и штофных лавок. Предлагаемые министром финансов меры ставили своей целью ограничение торговли спиртными напитками, что должно было выразиться в сокращении числа питейных заведений. В журнале Комитета министров стычка Валуева с Рейтерном не нашла своего отражения (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3158, ст. 860).

83. См. комментарий 72.

84. В газетах «Биржевые ведомости» (№ 140) 1865 г. «Торговый сборник» (№ 36) того же года были помещены статьи, оспаривающие право правительства закладывать в частных кредитных учреждениях государственные имущества. Газета выдвигала непременным условием этого «Предварительную уплату всех долгов, обеспечением коих служат государственные имущества». Здесь имелось в виду, что государственные имущества служат обеспечением государственных кредитных билетов, вследствие чего не могут быть заложены вторично.

Эти статьи явились реакцией на аферу, затеянную банкиром Френкелем, который предложил товарищу министра гос. имуществ Гернгросу организовать выпуск банковских свидетельств. Об этом подробно рассказывает в своем дневнике А. А. Половцев. По словам Половцева, Гернгросу за это был обещан крупный денежный куш. Однако выпуск банковских свидетельств требовал определенного обеспечения в целях чего «... Френкель,— рассказывает Половцев,— выдумал, пользуясь дружбой с Гернгросом, склонить управление Госуд. имуществ на залог части казенных земель. Предстояла трудность — склонить министра Зеленого. С Зеленым приняли другой метод. На его честность покуситься было тщетно, тогда батареи направились на его квасной патриотизм. Ему представили, что подобная мера лучшее средство привести в дело его любимую мысль — обрусение Западного края. Вырученные залогом деньги предположено раздать русским православным, пожелавшим приобрести землю в Западных губерниях. Зеленый, не долго думая, сделал доклад государю и по требованию Френкеля уведомил его пись-

менно о высочайшем согласии» (ЦГИАМ, ф. А. А. Половцева, 583, д. 4, стр. 194).

Появление статей в «Биржевых ведомостях» и «Торговом сборнике» вызвало, естественно, недовольство Гернгроса. Последний договорился с Валуевым о помещении в «Северной почте» соответствующего возражения. 16 сентября в указанной газете была опубликована заметка, составленная, как указывает Половцев, Гернгросом по поводу упомянутых двух статей. В этой заметке указывалось на необоснованность выдвинутого «Биржевыми ведомостями» и «Торговым сборником» положения.

«Достояние государства,— говорилось в статье,— состоит не в одних только имуществах, принадлежащих ему на праве частного владельца, но и во всем том, что составляет источник его дохода и подлежит его распоряжению. К государственному достоянию относятся в сущности все имущества как частные, так и государственные, и ответчиком за государственный долг является не казна, а народ... Государственный долг в такой форме, как он у нас существует, есть — результат личного кредита народа, или его правительства, которое не требует залога, но и не исключает вещественный кредит». Далее в газете указывалось, что «курс наших билетов вовсе не зависит от состояния государственных имуществ, он падает и подымается под влиянием размеров и легкости обмена».

Эта статья вызвала в финансовых кругах большой переполох. «Против подобного учения,— пишет в дневнике Половцев,— возопили все, многие перепугались до того, что стали переводить за границу свои капиталы» (см. указанное дело, стр. 195).

Против развиваемых Гернгросом положений решительно выступили «Санкт-Петербургские ведомости». «Нельзя оспаривать,— писала газета 18 сентября,— что имущества частных лиц — суть до некоторой степени общее государственное достояние, но никто не назовет их «средствами, в распоряжении правительства состоящими». Средства эти — суть именно государственные имущества и государственные доходы... А если это верно, то составляя уже обеспечение прежнего займа, став предметом специальных гипотек, государственные имущества не могут служить обеспечением нового займа, пока не погашен старый, или пока новый заимодавец не обеспечит старых кредиторов принятием на себя долга или равноценным обеспечением долговых претензий, лежащих на закладываемом имуществе». «Санкт-Петербургские ведомости» подчеркивали, что «залог государственных имуществ немедленно отразится на курсе наших банковых билетов».

В ответ на выступление «Санкт-Петербургских ведомостей» 21 сентября в передовой статье «Северной почты» указывалось, что часть публики неправильно истолковала положения, высказанные газетой в номере от 16 сентября в отношении неприкосновенности частной собственности.

Афера Френкеля дальнейшего развития не получила. Гернгрос вскоре был уволен с поста товарища министра государственных имуществ и назначен сенатором.

«Случай этот,— пишет Половцев,— очень резко и метко характеризует наше теперешнее управление. Пронырливый аферист с громкими фразами на устах и с намерениями как можно более забрать чужих денег, какими бы средствами ни было, является в Россию. Он видит, что его вертят те из крикунов, что повертлявее, да понаглее. Задние к ним лестницы открываются перед всемогуществом золота, источника обаятельных наслаждений материальной роскоши. Под диктовку денег слагаются официальные убеждения, пишутся доклады, слепо подписываемые теми, кому подаются. Капитальный финансовый вопрос разрубается втихомолку, с глазу на глаз, по личному вдохновению двух облеченных

в чиновничьи мундиры воинов. Государево слово, утаиваемое от России, легкомысленно попадает во френкелевский карман, который тотчас и начинает вздуваться» (см. указанное дело, стр. 197).

85. См. комментарий 84.

86. См. комментарий 84.

87. См. комментарий 84.

88. См. комментарий 84.

89. В Совете Главного управления по делам печати слушался отзыв члена Совета Фукса о статье «О залоге государственных имуществ», напечатанной в газете «С.-Петербургские ведомости» от 18 сентября, № 243. По мнению Фукса, в этой статье имело место: 1) стремление опровергнуть право правительства закладывать государственные имущества; 2) «неблаговидное толкование понятий о государственном и частном достоянии». Совет объявил предостережение «С.-Петербургским ведомостям». Оппозиция предложению Валуева о предостережении газеты не нашла своего отражения в журнале Совета. Сведения о прениях в журнале отсутствуют (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 1, лл. 40—41).

90. См. комментарий 300а в томе I дневника.

91. В Комитете министров 5 и 12 октября рассматривался внесенный гр. Барановым проект о предоставлении концессии на строительство Александровской (Таганрогской) железной дороги группе лондонских банкиров. Комитет в основном утвердил представленный проект. Однако при этом произошло разногласие по вопросу, связанному с определением гарантированного правительством дохода компании, 15 октября Особый журнал Комитета министров был передан по распоряжению царя на рассмотрение Совета министров. Александр II утвердил мнение, по которому гарантия должна определяться не из действительной суммы расходов, а исходя из установленной сметы предельной стоимости. Расходы свыше этой суммы не подлежали обеспечению гарантированным доходом (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3161. Приложение к журналам Комитета министров за октябрь 1865 г., ст. 965, лл. 129—135; ф. 1275, оп. I, д. 63, лл. 3—30, 36. Н. А. К и с л и н с к и й. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 154—156).

92. В журнале Кавказского комитета рассмотрение этого вопроса не отражено. По-видимому, заседание носило неофициальный характер. Этот вопрос обсуждался 22 и 24 октября (см. комментарий 96).

93. В своем письме к Александру II от 11 сентября 1865 г. Валуев всячески пытался доказать, что холера — болезнь незаразная (см. ЦГИАЛ, ф. Валуева 908, оп. 1, д. 156, л. 3). В этом же деле содержатся материалы о числе заболевших холерой, в том числе медицинского персонала и т. д., см. также ф. Медицинского департамента 1294, опись 6, д. 49 за 1865 г.

94. См. комментарий 305а в томе I дневника.

95. Речь идет о представителях Белокриницкой (так называемой австрийской) епархии старообрядцев, выступавших против стремления русских последователей отколоться от них и приобрести самостоятельность.

В 40-х годах XIX в. часть русских старообрядцев, признавших священство (поповцев), проживавших не только в России, но и в Румынии, Австро-Венгрии, решила заполучить собственного епископа, который «рукополагал» бы им священников. Ранее они черпали их из числа беглых православных попов. С этой целью в 1846 г. этой части старообрядцев удалось пригласить к себе бывшего босно-сараевского архиепископа Амвросия, который и согласился возглавить старообрядческую епархию в Белой Кринице в Австро-Венгрии, недалеко от Черновиц.

Однако создание этой епархии вызвало протест Николая I, в результате чего Амвросий в 1847 г. был отрешен от должности и сослан в мо-

настырь на вечное заточение. Тем не менее Амвросий успел поставить двух архиереев — Кирилла и Аркадия, которые и впоследствии «рукополагали» старообрядческих священников.

В России часть старообрядцев-поповцев признала Белокриницкую епархию и подчинилась ей. Центром белокриницких старообрядцев было Рогожское кладбище в Москве (старообрядцы-поповцы, не принявшие «австрийских» священников, продолжали рекрутировать в свои церкви беглых православных священников и именовались «беглопоповцами»).

Представители Белокриницкой епархии находились так же, как и большинство старообрядцев, в оппозиции к правительству. В 1862 г. 9 российских епископов Белокриницкой епархии выступили с «окружным посланием», в котором выражалось стремление к примирению с господствующей православной церковью, а также признавалась необходимость молитвы за царя.

Созванный ими в 1863 г. старообрядческий церковный собор вынес решение о том, что русская старообрядческая епархия отказывается от Белокриницкой. Это решение, естественно, вызвало протест руководителя Белокриницкой епархии — митрополита Кирилла, приехавшего в Москву и отстранившего епископов, авторов «окружного послания», от должности. Кирилл назначил в Москву нового архиепископа.

Эти события вызвали раскол среди старообрядцев «австрийцев», подразделившихся на сторонников «Окружного послания» — «окружников» и противников его, «раздорников», или «противоокружников».

Летом 1865 г. в Москве происходил духовный собор, на котором под влиянием белокриницких иерархов было принято решение об уничтожении «окружного послания». Вместе с тем собор вынес решение о создании во главе «австрийской» церкви в России особого совета, избираемого из мирян, без которого духовенство было неправомочно решать какие-либо вопросы. Руководство всеми старообрядческими делами находилось в руках московской буржуазии (см. М. Монастырцев. Исторический очерк австрийского священства после Амвросия. Казань, 1877; ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева, 908, оп. 1, д. 222).

96. 22 и 24 октября в Кавказском комитете слушалось дело «Об утверждении концессии, испрашиваемой Анановым на сооружение железной дороги от Поти до Тифлиса». После решения Комитета о сооружении полотна дороги на средства правительства (см. комментарий 67) Ананов со своим братом изъявили желание создать акционерное общество под названием «Общество Закавказской железной дороги». Бр. Анановы, наряду с обычными условиями учреждения концессий, требовали, помимо принятия на себя правительством обязательства соорудить железнодорожное полотно, отпустить средства на сооружение мостов и тоннелей, которые со временем подлежали возврату государству.

Министры финансов и путей сообщения при обсуждении этого вопроса в Комитете выступали против предложения бр. Анановых, так как накладные расходы, по их мнению, несоразмерны с общепринятыми условиями предоставления концессий. Они предложили строительство не только полотна, но и технических сооружений осуществить правительственными средствами. Большинство Комитета поддержало это предложение (П. П. Гагарин, К. В. Чевкин, А. М. Горчаков, А. А. Зеленой, Д. А. Милютин, Д. Н. Замятнин). В. Н. Панин и П. А. Валуев отвергли предложения М. Х. Рейтерна и П. П. Мельникова и предложили проект Анановых представить на утверждение императора. Александр II утвердил мнение большинства (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 26, д. 28, лл. 1128—1171).

97. Имеется в виду его родственница, приехавшая в Петербург в связи со смертью своего мужа.

98. См. комментарий 300а в томе I дневника.

99. Исидор — митрополит петербургский и новгородский.

100. К белому немонашествующему духовенству относились дьяконы и священники всех степеней (иереи, протоиереи, протопресвитеры).

101. Управа благочиния — городское полицейское управление.

102. 16 и 17 ноября в «Московских ведомостях» в связи с происходившим губернским дворянским съездом были помещены передовые статьи, оправдывавшие события, бывшие на январском съезде (см. комментарий 2).

Говоря об адресе, который был представлен Александру II в январе 1865 г., в передовой статье за 17 ноября отмечалось: «Осуждение, которому более или менее подвергалась форма действия, могло бросить тень и на находившийся в его основании образ мыслей. Недоброжелательные люди и неприязненные партии, пользуясь тем, старались оклеветать и самый образ мыслей, из которого возникло заявление московского дворянства».

103. Речь идет о пульверизации жидкого топлива в топках паровых котлов. Военный инженер А. И. Шпаковский является автором ряда изобретений, в том числе регулятора для духовых электрических фонарей (50-е годы), ступенчатого парового котла (1869), химической обработки каменного угля (1870) и др. (см. Русский биографический словарь, том «Шебанов—Шютц». СПб., 1911, стр. 371—373, там же библиография; см. также В. В. Данилевский. Русская техника. Ленинград, 1948, стр. 208—209, 353).

104. В Комитете обсуждался вопрос о «Постановлении Учредительного комитета об открытии владельцам процентных платежей прежде окончательной выдачи ликвидационных листов». Учредительный комитет, учитывая большое накопление в платежах по займам на владельческих имениях, признал целесообразным разрешить уплату процентов на причитающийся владельцам ликвидационный капитал, не ожидая окончательного утверждения ликвидационных табелей и выдачи ликвидационных листов, с тем чтобы из этих процентов взимались числившиеся на имениях недоимки. Комитет согласился в целом с этим проектом (ЦГИАЛ, ф. 1270, оп. 1, д. 1423, лл. 425—450).

105. См. комментарий 295а в томе I дневника.

106. Разговор Валуева с Александром II об отставке нашел свое отражение в памятной книжке последнего. В ней за 3 декабря 1865 г. содержится следующая запись: «Док[лад] Валуева. Он уп[ал] духом и про[сил] увольн[ения]» (ЦГИАМ, ф. 678, д. 319).

107. В Комитете министров 7, 8 и 14 декабря рассматривался вопрос о концессии на строительство железной дороги от Витебска до Орла. Комитет рассматривал четыре предложения о получении концессии: 1) действ. статского советника Нарышкина; 2) лондонских купцов Фильдинга, Моунта и английского инженера Гаммонда; 3) баронета Пито; 4) группы берлинских купцов — Леви и др. Комитет министров отдал предпочтение предложению Пито, представившего наибольшую сумму гарантийного капитала (6 582 500 фунтов стерлингов), и рекомендовал внести в проект ряд изменений (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 3170, ст. 1203, лл. 245—284).

108. По-видимому, это предложение Валуева не было осуществлено. Письменного доклада на эту тему ни в фонде Александра II, ни в фондах Валуева не обнаружено.

109. В Петербургском земском собрании обсуждались записки царскосельского уездного предводителя дворянства А. П. Платонова, предлагавшего ходатайствовать о созыве «Центрального земского собрания». Вместе с тем в записке указывалось на необходимость передачи в ведение земства заведования государственными земскими повинностями. Земское собрание почти целиком согласилось с предложением Платонова, но воздержалось от ходатайства по этому поводу.

Одновременно с этим оно поддержало предложение Ямбургского и Петергофского уездных земств—о расширении прав земства (см. Б. Б. В е-

селовский. История земства за сорок лет, т. III. СПб., 1911, стр. 100—104).

110. Материалы, касающиеся данного совещания, в Архиве внешней политики России нами не обнаружены.

111. Орден Иоанна Иерусалимского — Мальтийский крест — был введен Павлом I одновременно с принятием им звания великого магистра этого ордена (1798 г.). Упразднен в 1817 г., однако с момента вступления на престол Александра I награждений этим орденом не производилось.

112. Черновой экземпляр записки П. А. Валуева от 26 декабря 1863 г. в его фонде не сохранился.

113. Граф Ревертера-Саландра.

114. По-видимому, заседание носило неофициальный характер. Журнала заседания Комитета железных дорог в этом фонде не имеется.

115. Валуев допускает неточность. Гр. Гейден был назначен не начальником Главного штаба е. и. в., а начальником вновь образованного Главного штаба в составе Военного министерства. Главный штаб образовался на основе объединения Главного управления Генерального штаба и Инспекторского департамента; он ведал всеми вопросами управления и боевой подготовки армии. Главный штаб е. и. в., фактически уничтоженный еще в 1832 г., в связи с созданием Главного штаба упразднялся. См. П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М., 1952, стр. 100—101.

116. См. комментарий 120.

117. А. Бьюкенен.

118. Имеется в виду вступление на престол в декабре 1865 г. короля Леопольда II.

119. См. комментарий 2.

120. В «Северной почте», в №№ 5, 6, 7, 8, были опубликованы четыре указанные статьи под одинаковым названием «О земских учреждениях» без подписи. Появление этих статей было вызвано критикой Положения о земстве 1 января 1864 г., а также последующих постановлений. Валуев пытался утверждать, что обвинение правительства в ограничении земской деятельности и предоставлении широкого права административным властям вмешаться в ее функции якобы лишено основания.

121. См. комментарий 122.

122. Речь идет о выступлении гласного Одесской городской думы гр. Строганова 8 декабря на заседании Думы, в котором он обвинял министра финансов в неправильном толковании законов, поскольку последний отказался отпустить Одессе причитающиеся якобы по закону определенные средства. Краткое изложение речи Строганова опубликовано в газете «Весть», № 4 от 13 января 1866 г. Описание указанного заседания Думы см. в «Ведомостях Одесского городского управления» № 152—153, в статье «Журнал Одесской общей городской думы». В «высочайшем повелении» по этому вопросу, опубликованном в № 7 «Сенатских ведомостей» от 25 января 1866 г., речь Строганова признавалась «крайне оскорбительною для министра финансов, а потому в высшей степени неприличною и неуместною». Гр. Строганову объявлялся выговор, а одесскому городскому голове кн. Воронцову «высочайшее неудовольствие».

123. В журналах Комитета министров рассмотрение вопроса об Азовской железной дороге за январь месяц не значится. Возможно, что обсуждение его 25 января носило неофициальный характер.

124. Кавказский комитет рассматривал записку наместника Кавказа «О мерах к окончательному слиянию Мингрелии с общим управлением Закавказского края».

В 1857 г. в Мингрелии, в связи с восстанием крестьян, а также общим состоянием администрации, на время малолетства владетельного князя

Николая Дадиани было учреждено особое управление во главе с управляющим, действовавшим на правах губернатора.

Наместник, руководствуясь тем, что «низшие сословия страны и большинство высших» не желают передачи власти владетельному князю, «опасаясь прежних притеснений и самовластия», предложил созданную в 1857 г. систему управления, как временную, превратить в постоянную. Для этого необходимо было добиться добровольного отречения Н. Дадиани или заставить его отказаться от власти.

Комитет согласился с мнением наместника, предоставив ему право действовать, сообразуясь с местными условиями и «общими интересами государства» (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 26, д. 29, лл. 80—90).

125. Валуев допускает неточность. Заседание комитета железных дорог происходило не 29, а 28 января. См. комментарий 132.

126. В октябре 1865 г. Комитет министров рассматривал вопрос о предоставлении концессии на строительство Таганрогской железной дороги группе лондонских банкиров. См. комментарий 91 за 1865 г.

При конкретизации условий концессии между Министерством финансов и концессионерами возникли разногласия, которые и рассматривались в Комитете министров. Эти разногласия касались: 1) размера комиссионных процентов; 2) срока гарантий правительством погашения капитала; 3) перевозки каменного угля и железа по пониженному тарифу; 4) беспошлинного провоза из-за границы материалов, необходимых для строительства дороги; 5) пониженного тарифа для перевозки войск; 6) и предельной стоимости строительства версты. По всем вопросам, за исключением последнего, Комитет принял единогласное решение. По последнему вопросу мнения разошлись. Четыре члена Комитета — Чевкин, Мельников, Татаринов, Рейтерн — полагали, что расходы на строительство версты должны составить на основании сметы 84 037 руб., а не 100 тыс. руб., как этого требовала компания. Остальные (председатель и 13 членов) считали возможным согласиться с суммой, требуемой компанией.

Александр II утвердил мнение меньшинства (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3202, Особый журнал 1 февраля 1866 г., ст. 116, лл. 92—114).

127. Во второй половине 1865 г. ген. Черняев совершенно самостоятельно направил посольство в Бухару, а после его задержания также без всякого разрешения предпринял военную демонстрацию к Сыр-Дарье. Это дало возможность военному министру Д. А. Милютину получить у Александра II разрешение на отзыв ген. Черняева и назначение на его место ген. Романовского. Близкий военному министру человек, в прошлом редактор газеты «Русский инвалид», Романовский еще в конце 1865 г. был направлен в распоряжение командующего Оренбургским военным округом ген. Крыжановского. Таким образом, событие, происшедшее с посольством, и реакция на это Черняева явились поводом для назначения ген. Романовского. См. М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I. СПб., 1903, стр. 322—335; Отдел рукописей Госуд. библ. им. В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина 169, папка 15, д. 2, стр. 139—149; История Узбекской ССР, т. I, кн. 2., Ташкент, 1956, стр. 89.

128. См. комментарий 126.

129. Свержение господаря А. И. Куза группой заговорщиков-офицеров произошло в ночь с 10 на 11 февраля 1866 г. Переворот был организован консерваторами и частично умеренными либералами. Переворот этот носил реакционный характер и был направлен против буржуазных преобразований, осуществленных правительством Куза.

См. «История Румынии», под ред. М. Роллера. М., 1950, стр. 318—337.

130. В Комитете финансов слушалась записка министра финансов о выпуске второго внутреннего 5-процентного займа в 100 млн. рублей

«для удовлетворения расходов по сооружению железных дорог между Москвой и Черным морем и для возврата Государственному банку сумм, уже отпущенных им на сей предмет, а также для воспособления государственному казначейству в производстве заграничных платежей и других сметных расходов и для усиления средств Государственного банка к выполнению возложенных на него обязанностей» (ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 200, л.1).

Комитет финансов полностью согласился с предложением министра финансов о выпуске займа.

131. В Комитете министров слушалось прошение действ. ст. сов. Новосельского «О рассмотрении судебным порядком его прав по акцизу на соль Куяльницко-Хаджибейского соляного промысла». По представлении журнала по данному вопросу на утверждение, Александр II наложил следующую резолюцию: «Желаю, чтобы дело это было еще обсуждено в моем присутствии в будущий четверг в Совете министров» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3202, лл. 301—302, 307). См. комментарий 136.

132. В Совете министров рассматривались журналы Комитета железных дорог по вопросу о соединении Одессы с Лембергской (Львовской) ж. д. См. комментарий 38.

Первый журнал касался результатов изысканий, произведенных в 1865 г. по различным направлениям: 1) через Бессарабию от Тирасполя до Балты и от Балты на Новоселицу и Черновицы, 2) на территории Подольской губернии по левому берегу Днестра от Балты на Волочиск и Тарнополь. При обсуждении этого вопроса мнения членов Комитета железных дорог разошлись. Семь членов—Чевкин, Мельников, Зеленой, Рейтерн, Герстфельд, Языков, Кербедз — отдавали предпочтение линии Подольской, остальные — Валуев, Строганов, Веригин, Тотлебен, Грейг, Абаза — высказались за строительство линии через Бессарабию.

Второй журнал был посвящен вопросу о размере гарантии, предложенной Офенгеймом, на версту проектируемой дороги через Бессарабию, которая составляла 4507 руб. Большинство членов Комитета высказалось против указанной суммы, считая ее высокой.

Александр II утвердил по обоим вопросам мнение большинства. Предложение Офенгейма, таким образом, было отклонено (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 64, лл. 1—58).

133. Совет министров того же 17 февраля рассматривал записку министра финансов Рейтерна об условиях развития «рельсового производства в России». Эта записка была составлена Рейтерном в связи с предложением ген.-ад. Васильчикова организовать производство рельс в Екатеринославском (Донецком) угольном бассейне. Васильчиков ставил при этом следующие вопросы: 1) сочувствует ли правительство организации подобного предприятия; 2) может ли это предприятие рассчитывать на получение правительственного заказа. В записке, представленной на рассмотрение Совета министров, на оба эти вопроса отвечалось положительно.

Александр II согласился с предложением Рейтерна «О поощрении солидных частных компаний к устройству рельсовых заводов на юге России» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 64, лл. 62—69; ф. 563, оп. 2, д. 202).

134. См. комментарий 126.

135. Краткое изложение речи содержится в № 61 газеты «Голос» от 2 марта 1866 г.

Петербургский губернский предводитель дворянства Щербатов в своей речи сетовал на «положение, в которое поставлено дворянское сословие крестьянской реформой» и указывал, что «дворянство должно стараться сохранить еще остающиеся за ним сословные права и привилегии». Он предложил обратиться к царю с прошением.

Губернское дворянское собрание высказалось большинством голосов (153 против 50) за немедленную подачу прошения. Меньшинство же, не отклоняя по существу предложение Щербатова, считало необходимым предварительно обсудить его предложение в особой комиссии.

136. При рассмотрении в Совете министров ходатайства Новосельского (см. комментарий 131) Рейтерн отмечал, что, несмотря на исключительные льготы, предоставленные Новосельскому, заключающиеся в понижении размера акциза, а также в рассрочке уплаты его по истечении 5-летнего льготного срока еще на 20 лет, притом без процентов, ожидать аккуратной уплаты акциза нельзя, так как состояние промысла плохое и ценность его падает. Рейтерн полагал, что интересы казны должны быть ограждены.

Восемь членов Совета министров — Д. А. Толстой, Д. А. Милютин, Мельников, Зеленой, Бутков, Стояновский, Делянов, Грейг — считали, что дело Новосельского должно быть передано в Сенат, остальные — Рейтерн, гр. Панин, Чевкин Татаринов и председатель кн. П. П. Гагарин, что его следует рассматривать в Комитете министров.

Александр II утвердил мнение меньшинства.

8 июня 1866 г. этот вопрос рассматривался в Комитете министров. Предложение Рейтерна о приостановке вывоза соли в количестве, потребном для уплаты акцизной недоимки, поддержанное большинством членов Комитета министров, не было утверждено императором. Предложение же меньшинства, утвержденное царем, сводилось к тому, чтобы воздействовать на Новосельского и потребовать выполнения взятых им на себя обязательств (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 65, лл. 1—82).

137. Ольгой Николаевной.

138. 16 февраля 1866 г. министром юстиции Д. И. Замятниным был внесен в Государственный совет проект наказа судебным учреждениям «О порядке производства дел о совращении из православия в раскол и другие исповедания».

Соединенные Департаменты законов и гражданских и духовных дел в заседании 12 марта рассматривали этот проект и отклонили его, так как проект основан на утверждавшихся в разное время административных распоряжениях соответствующих министерств, а также на различных «высочайших повелениях», частично уже отмененных. Вследствие этого «законодательный пересмотр или же отмена в законодательном порядке отпавших правил этого свода едва ли может иметь теперь место» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VI, д. 17 за 1865 г., л. 90). Кроме того, издание этого наказа было признано нецелесообразным потому, что общий наказ судебным местам еще не разработан. Отклоняя представленный проект, соединенное присутствие сочло необходимым «предоставить министру юстиции по согласованию с министром внутренних дел поставить означенные места (т. е. судебные органы.— *П. З.*) в известность, коими они должны руководствоваться по сему предмету впредь до издания общего им наказа» (там же, л. 91).

139. Непосредственным поводом разрыва с римским папой Пием IX явился разговор его с русским послом бароном Мейендорфом 15 декабря 1865 г. В ответ на заявление папы о притеснении правительством римско-католической религии в России Мейендорф сказал, что в Польше «католицизм сам отожествил себя с революцией». Папа заметил, что сказанные русским послом слова он рассматривает как личное оскорбление.

После этого инцидента Мейендорф, по указанию Петербурга, заявил, что он признает свою миссию законченной, так как император не может его оставить при дворе, где достоинство представителя России не ограждено от оскорблений. Конкордат с Римом был уничтожен указом Александра II 27 ноября 1866 г. См. С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, жизнь и царствование, т. I, изд. 2-е. СПб., 1911, стр. 494—

496; А. Н. Попов. Последняя судьба папской политики в России. «Вестник Европы», 1868, кн. 3, стр. 112—115.

140. Материалы указанного совещания в фондах Архива внешней политики России не обнаружены.

141. 11 марта 1865 г. министр юстиции Замятнин представил Александру II записку о преобразовании административных департаментов Сената (1-го, герольдии и 1-го общего собрания Сената). Замятнин ставил вопрос о точном разграничении функций Сената и Комитета министров. Он предлагал расширить компетенцию 1-го департамента Сената. Комитет Министров рассматривал этот вопрос на заседаниях 22, 31 марта и 5 апреля 1866 г.

Комитет министров высказался против предложений Замятнина, считая нецелесообразным изменять компетенцию и значение административных департаментов Сената. Этот вопрос был сведен к признанию необходимости ряда изменений в составе канцелярий административных департаментов, а также производства и решения в них дел. См. «История Правительствующего Сената за 200 лет», т. III. СПб., XVII, стр. 220—227; С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. 1. СПб., 1902, стр. 32—40 (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3207, лл. 62—79).

142. 23 марта 1866 г. Совет Главного управления по делам печати обсуждал отзыв члена Совета Турунова о передовой статье, напечатанной 21 марта в № 61 «Московских ведомостей». В этой статье, посвященной австро-прусской войне, косвенно критиковалось русское правительство. «Влиятельные партии,— говорилось в статье,— употребляют все усилия, чтобы ввести в наш государственный организм принцип национального разделения. Нас уверяют, что Россия может продолжать свое существование, если правительство применит ко всем ее частям то самое начало, на основании которого соединяется с нею Финляндия. Не предлагались ли нам планы какой-то невозможной конфедерации, в которую должна будто бы обратиться Россия и которая была бы не чем иным, как личным соединением многих отдельных и чуждых друг другу государств под общею верховною властью?» (ЦГИАЛ, ф. Главного совета по делам печати 776, оп. 2, д. 2, ч. II, лл. 184—185).

Турунов отмечал, что в названной статье хотя и указывается на недостаток сочувствия некоторых влиятельных правительственных сфер к идее единения России, «но в ней не говорится о действиях правительственных сфер, непосредственно направленных против этого единства» (л. 185). Поэтому Турунов полагал, что оснований для наказания нет. К мнению Турунова присоединились Ф. М. Толстой, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, В. В. Варадинов. За объявление предостережения газете высказались председатель Совета М. В. Щербинин и В. Я. Фукс.

Валуев настоял на предостережении, указывая, что данную статью нельзя рассматривать изолированно от общего направления газеты в этом вопросе. «Нельзя,— писал Валуев,— допускать... чтобы издатели «Московских ведомостей» провозглашали себя изобретателями единства России и обвиняли в государственной измене всех тех, кого они предполагают не разделяющими внешне их воззрение на тот или другой вопрос» (л. 184).

143. В Комитете министров слушались две объяснительные записки Д. А. Милютина, представленные им в связи с замечаниями, сделанными комиссией, учрежденной для рассмотрения отчета военного министра за 1864 г. и доклада за 1865 г.

Военный министр давал объяснение по 18 пунктам, отмеченным в журнале комиссии. Объяснения военного министра касались следующих вопросов: 1. Дороговизна заготовительных цен Военного министерства на провиант и фураж. 2. Состояние дисциплины в армии. 3. Распространение

болезней и смертности в армии. 4. О взысканиях по Главному интендантскому управлению. 5. О необходимости сокращения переписки по военному ведомству. 6. О целесообразности перевода солдат из одних частей в другие. 7. О целесообразности сокращения переписки в управлениях Военного министерства. 8. О недостатке кавалерии и изменениях в организации армии. 9. О подготовке писарей и мастеровых из рекрут. 10. Об образовании капитала для единовременных пособий солдатам, уволенным в отставку или отпуск. 11. О ходе составления нового Положения о полевом управлении армии в военное время. 12. О создании нового обоза. 13. Об улучшении материального положения офицерства. 14. Об увеличении жалованья командирам отдельных частей. 15. О санитарной части армии. 16. О преобразовании казачьих войск. 17. О бюджете Министерства и 18. По общему заключению комиссии.

Объяснения военного министра удовлетворили царя. Александр II на объяснении министра написал следующее: «Признаю объяснения военного министра совершенно правильными и основательными. Желаю, чтобы они были прочитаны в Комитете министров в присутствии членов комиссии, рассматривавшей отчет военного министра» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3205, л. 462).

144. Имеется в виду записка вел. кн. Константина Николаевича о реорганизации Государственного совета, составленная им в 1866 г. Проект ставил своей задачей создание при Государственном совете совещательного собрания из представителей земств и городов для предварительного обсуждения тех или иных вопросов. Появление этого проекта было связано с ростом оппозиционных выступлений в дворянских и земских собраниях. По словам вел. кн. Константина Николаевича, инициатива в разработке проекта принадлежала Александру II, который, после возвращения из путешествия по России, поставил вопрос: «Что можно сделать для дворянства» (ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца, 722, оп. 1, д. 528, л. 1). В черновых записях автор проекта указывал, что «для России теперь конституция была бы совершенно пагубна, потому что тут же обратится в олигархию» (там же, л. 1).

Характеризуя свой проект, Константин Николаевич писал: «Все эти предложения имеют целью, с одной стороны, удовлетворить действительно общему желанию, чтобы голос сословий прямо доходил до престола, а с другой стороны, устранить именно поводы и предлоги к дальнейшему повторению превратного предположения, будто в настоящее время правде прегражден путь к государю. В то же время эти меры — весьма либеральные по своей *форме*, должны успокоить многие, высказавшиеся в последнее время стремления, но в *сущности* в них нет ничего опасного, так как, во-первых, депутаты будут призваны не в состав Государственного совета..., но они будут состоять *при* Государственном совете в виде приуготовительных комиссий, во-вторых, председатели собраний будут назначаемы самим государем, в-третьих, в собрании будут присутствовать министры и, наконец, в-четвертых, при обсуждении дел голос собраний будет только *совещательным*» (там же, лл. 10—11).

Этот проект весьма близок к точке зрения П. А. Валуева (см. биографич. очерк в томе I дневника, стр. 34—37).

Оба проекта не получили в 1866 г. какого-либо развития.

В 1880 г., в период второй революционной ситуации, они вновь подверглись обсуждению, но были отклонены.

Проект вел. кн. Константина Николаевича с внесенными автором поправками был впоследствии опубликован («Вестник права», 1905, ноябрь).

145. По-видимому, имеется в виду герцог Георг Август Стрелицкий.

146. Речь идет о покушении Д. Н. Каракозова (см. ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, учрежденного по делу о покушении 4 апреля 1866 г. на Александра II, 272, д. 1—34; Стено-

графический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. I—II. М. — Л., 1928—1930).

147. Комиссаров, происходивший из крестьян Костромской губернии, находился во время покушения рядом с Каракозовым. По утверждению ген. Тотлебена, стоявшего там, Комиссаров якобы ударил Каракозова под локоть, когда тот целился в Александра II, и тем самым спас последнего. Многие из современников полагали, что это утверждение было в лучшем случае фантазией Тотлебена.

148. Имеется в виду, по-видимому, предупреждение «Московским ведомостям», сделанное Валуевым. См. комментарий 142.

149. Валуев допускает какую-то неточность. 10 апреля в Комитете по делам Царства Польского, судя по журналу заседания, рассматривался не вопрос о конкордате с римским папой, а железнодорожные вопросы. (Представление наместника Царства Польского гр. Берга о разрешении строительства железной дороги от Лодзи до Калиша, а также вопрос об определении места для строительства мастерских Варшавско-Тираспольской ж. д. (ЦГИАЛ, ф. Комитета по делам Царства Польского, 1270, оп. 1, д. 1424). Возможно, что обсуждение вопроса о конкордате носило в Комитете неофициальный характер и поэтому не нашло отражения в журнале.

150. Мария Максимилиановна.

151. Имеется в виду вел. кн. Александра Иосифовна.

152. Указанной записки в фонде Александра II (ЦГИАМ, ф. 678) не сохранилось. По-видимому, содержание ее в какой-то степени легло в основу записки Валуева, Зеленого и Шувалова «О мерах для немедленного устройства административно-полицейского надзора в губерниях», представленной ими вскоре Александру II. См. комментарий 171.

153. Речь идет о председательстве кн. Суворова в Попечительском совете заведений общественного призрения в С.-Петербурге.

154. Сообщение Муравьева не соответствует действительности. Здесь имеется в виду ряд показаний обвиняемых о существовании якобы Европейского комитета, который ставил своей целью организацию цареубийства. Впервые о существовании Европейского комитета показал 1 мая Ермолов, заметив, что местонахождение комитета ему неизвестно. В показаниях Ишутина до 3 мая эти сведения не фигурировали (ЦГИАМ, ф. 272, 1866, д. 12, л. 127).

155. 6 мая в Главном управлении по делам печати обсуждался вопрос о газете «Московские ведомости». «В газете «Московские ведомости» (№ 81),— говорилось в журнале Совета, — продолжается изложение доказательств, на основании которых это повременное издание имеет будто бы право не печатать объявленные ему предостережения... Продолжая далее рассуждать в этом же смысле, статья «Московских ведомостей» вообще заключает в себе превратное истолкование правительственных распоряжений и возбуждения общественного к ним недоверия» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 2, ч. II, л. 262).

Исходя из этого, члены Совета вынесли единогласное решение о втором предупреждении «Московских ведомостей». Того же числа Совет Главного управления по делам печати рассматривал также вопрос о передовой статье «Московских ведомостей», № 95. «В означенной статье, — сказано в журнале Совета, — набрасывается неблаговидная тень на действия Главного управления по делам печати и продолжается, несмотря на разъяснение, напечатанное в «Северной почте» (№ 78), изложение доказательств того, что «Московские ведомости» поступали не противозаконно, не печатая объявленного им предостережения... Из этого обстоятельства, — говорилось далее, — обнаруживается также настойчивое и резкое порицание «Московскими ведомостями» правительственных распоряжений, чем явно и без сомнения сознательно со стороны редакции

производится тревожная для общественного мнения агитация, которая может привести к самым неудобным последствиям, если допустить оную в течение трех месяцев со времени объявления этой газете первого предупреждения» (там же, л. 264).

Совет постановил большинством голосов (кроме докладчика М. Н. Турунова) объявить «Московским ведомостям» третье предупреждение и приостановить на два месяца (Турунов был за предупреждение, но против приостановления).

156. Министр финансов внес в Государственный совет записку и устав Общества поземельного кредита. Этот вопрос 6 и 20 апреля 1866 г. обсуждался в Департаменте государственной экономии, а 14 мая рассматривался в Общем собрании Государственного совета.

Общее собрание, так же как и присутствие департамента, сделало ряд замечаний по некоторым параграфам устава и вынесло решение возвратить устав в Департамент гос. экономии для согласования с учредителями общества предполагаемых изменений. После согласования изменений с учредителями устав 14 мая был рассмотрен в Общем собрании, а 1 июня утвержден императором (ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. т. VI, д. 196, 1866 г., лл. 7—53).

По-видимому, в дневнике запись за 11 мая была сделана после 14-го.

157. В Комитете финансов рассматривался вопрос об уменьшении дефицита в Государственной росписи, поставленный государственным контролером В. А. Татариновым в своем отчете за 1865 г.

Комитет финансов согласился с положениями, развивавшимися в отчете В. А. Татаринова, и выразил убеждение, что «сверх предполагаемого пересмотра финансовых смет и сверх устранения вообще расходов, не вызываемых исключительно экстренными и совершенно неотложными надобностями..., представляется ныне настоятельная необходимость принять самые решительные и безотлагательные меры, дабы вывести наше финансовое и экономическое положение из того расстройства, в котором оно ныне находится и которое угрожает общим бедствием» (ф. ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 201, л. 17).

158. Имеется в виду попечитель Московского учебного округа Д. С. Левшин.

159. Вопрос о передаче издания «Московских ведомостей» в другие руки не получил дальнейшего развития. В конце мая Александр II, находившийся несколько дней в Москве, принял Каткова и предложил ему продолжать издание «Московских ведомостей», обещав «свое особое покровительство».

25 июня, т. е. ранее истечения двухмесячного срока, на который газета была приостановлена, Катков возобновил свою деятельность. «Мы возвращаемся к нашей деятельности, — писал он в передовой статье за это число,— с новой бодростью, с новым более чем когда-либо возвышенным чувством призвания. Затруднявшие нас недоразумения прекратились: исчезло все, что нас смущало и заставляло колебаться. После полуторамесячного перерыва мы снова за нашим делом, снова на нашем посту, снова под нашим дорогим знаменем». «Московские ведомости», 1866 г., № 132; С. Н е в е д е н с к и й. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 253—255.

160. Речь идет о подготовке закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах. См. П. А. З а й о н ч к о в с к и й. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 года о государственных крестьянах. «История СССР», 1958, № 4, стр. 103—113.

161. Рескрипт, данный 13 мая 1866 г. председателю Комитета министров кн. П. П. Гагарину, являлся выражением нового реакционного правительственного курса, установленного после покушения на Александра II 4 апреля 1866 г. Определяя задачи, стоящие перед самодержа-

вием, Александр II писал, что признает «своею обязанностью охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство». Царь указывал на необходимость укрепления доверия к правительству. В этих целях «надлежит по всем частям управления оказывать полное внимание охранению прав собственности и ходатайствам, относящимся до польз и нужд разных частей населения. Надлежит прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка естественно усматривают своих прямых противников». Текст рескрипта опубликован в ПСЗ, 2 собр., т. XVI, отд. I, № 43298.

162. Имеются в виду разногласия между Австрией и Пруссией по вопросу об объединении Германии, вызвавшие в июне этого же года войну. Италия заняла антиавстрийскую позицию, заключив оборонительно-наступательный союз с Пруссией. Наполеон III поддерживал Италию. «История дипломатии», т. I, изд. 2. М., 1959, стр. 716—725.

163. Имеется в виду покушение на Бисмарка, совершенное 7 мая нов. ст. Блиндом, пасынком известного демократического публициста Карла Блинда. Причина покушения осталась невыясненной. Покушавшийся на другой день покончил самоубийством.

164. С. А. Грейг был назначен товарищем министра финансов.

165. Имеется в виду товарищ министра внутренних дел А. Г. Тройницкий.

166. Указанный циркуляр нами не обнаружен.

167. По-видимому, речь идет о записке Валуева, Зеленого и Шувалова «Об устройстве административно-полицейского надзора в губерниях». См. комментарий 170.

168. Речь идет о показании сельского учителя с. Малые Сердобы Петровского уезда Саратовской губернии Алексея Алексеевича Воскресенского, родного брата члена Ишутинского кружка Дмитрия Алексеевича Воскресенского. 3 июня 1866 г. саратовский губернатор Щербатов сообщил Валуеву в шифрованной телеграмме: «Он (т. е. А. А. Воскресенский.— *П. З.*), виделся со своим московским братом Дмитрием в апреле, который ему передал, что в Петровской академии кидали жребий четыре лица и досталось стрелять — Каракозову в государя, Дмитрию Воскресенскому в императрицу, Лапкину в наследника, четвертым был студент Владимир Петровский» (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел 1282, оп. 1, 1866, д. 259, л. 241).

168[a]. Указанное письмо в копии хранится в фонде Каткова (Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, д. № 47, лл. 71—81). Опубликовано в журнале «Былое» за 1917 г., № 4, стр. 4—6. Ошибочно датировано в публикации 1886 г.

169. Имеется в виду война между Пруссией и Австрией, начавшаяся 17—18 июня 1866 г.

170. 28 мая 1866 г. II отделением е. и. в. канцелярии был внесен на обсуждение Государственного совета проект «Правил о помещениях для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей». Этот проект предусматривал организацию этих помещений земствами, все расходы возлагались также на земства.

Соединенное присутствие Департаментов законов и гражданских и духовных дел 11 июня утвердило представленный проект, внеся в него ряд частных изменений. Это решение было утверждено 13 июня в Общем собрании Государственного совета, а 4 июля царем (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VI, д. 58 за 1866 г.).

171. В начале июня 1866 г. министр внутренних дел П. А. Валуев, шеф жандармов П. А. Шувалов и министр государственных имуществ

А. А. Зеленой представили Александру II доклад о положении губернаторов, точнее, о пределах губернаторской власти в связи с реформами первой половины 60-х годов.

«Недостаточное значение власти губернаторов, — говорилось в записке, — давно уже обратило на себя внимание высшего правительства: тем не менее среди совершившихся реформ по другим отраслям государственного управления и законодательства вопрос о местных учреждениях и об усилении губернаторской власти отодвинут был на второй план, несмотря на то, что правильно устроенная администрация в губерниях составляет важнейшее условие для охранения порядка и общественной тишины» (С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. 1. СПб., 1902, стр. 130).

Авторы записки указывали, что губернатор не имеет должного влияния на губернские учреждения, не принадлежащие к ведомству Министерства внутренних дел, и превратился по существу в начальника губернской полиции. Так как подготовка реформы губернской администрации потребует много времени, то необходимо немедленно усилить власть и значение губернаторов. Записка точно определяла права и пределы губернаторской власти.

«В лице начальника губернии, как представителя высшей правительственной власти и хозяина губернии, — говорилось в ней, — сосредоточивается местный надзор за находящимися в губернии административными учреждениями и должностными лицами всех гражданских ведомств, кроме почтовых контор, телеграфных учреждений и контрольных палат» (там же, стр. 133). Однако это не исключало общего наблюдения в политическом отношении за служащими этих учреждений.

В целях надзора за административными, а также сословными учреждениями авторы записки предлагали предоставить право губернаторам «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» в этих учреждениях, приостанавливать исполнение всякого распоряжения, сделанного тем или другим местом или должностным лицом, назначать и увольнять по представлению местной администрации всех служащих в этих учреждениях до VII класса включительно и т. д. В записке проектировалось также предоставление губернаторам права «требовать в свое присутствие, для личных объяснений должностных лиц всех ведомств, не исключая и судебного, а равно всякое частное лицо», а также закрывать собрания различных обществ, клубов и артелей «в случае обнаружения в них чего-либо противного государственному порядку и безопасности».

Эта записка была передана Александром II на отзыв министрам юстиции и финансов, которые отнеслись к ней крайне отрицательно.

Замятнин резко возражал против предоставления проектируемых прав губернаторам. «Расширение прав губернаторов до подобных пределов и сосредоточение в лице их одной высшей власти над всеми разнообразными отраслями местного управления, — писал он, — поставило бы нынешних губернаторов в положение, близко подходящее к тому, в котором находились некогда при царях наместники и воеводы» (там же, стр. 138).

Рейтерн указывал, что записка составлена «с крайней поспешностью и без должного соображения с действующими законами». В конце своего заключения Рейтерн выражал надежду, что император не допустит меру, «которая под видом временного распоряжения глубоко изменит существующий порядок и отнимет у министра финансов возможность отвечать за целость государственных доходов» (там же, стр. 138).

Для рассмотрения этой записки была создана особая комиссия в составе кн. Гагарина (председатель), Валуева, Шувалова, Зеленого, гр. М. Н. Муравьева и Д. А. Милютина. При обсуждении записки в комиссии возникли серьезные разногласия. Так, Валуев, Шувалов, Зеле-

ной и Муравьев считали необходимым обсудить проект мер, намеченных для усиления административной власти на местах, в Комитете министров. Гагарин и Милютин полагали, что обсуждение должно проводиться в Государственном совете в неразрывной связи с рассмотрением вопроса об устройстве административно-политического надзора в губернии. С этой целью они предлагали передать записку в комиссию для составления проекта преобразования губернского управления.

Комиссия единогласно пришла к заключению о предоставлении губернаторам права закрывать частные собрания различных обществ, клубов и артелей, а также о необходимости точного исполнения губернаторами не отмененных судебными уставами мер в чрезвычайных случаях.

При обсуждении записки в Комитете министров вновь разгорелись ожесточенные споры.

«Вопрос этот,— рассказывает Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях», — обсуждался в нескольких заседаниях и возбудил продолжительные споры. Я был в числе тех немногих членов, которые высказывали мнение, что существующая у нас неурядица происходит совсем не от недостаточности прав и ограниченности власти местных администраторов, а напротив того, от их произвола и самодурства, от неуважения к законности и личности, что обращение губернаторов в самовластных пашей не поднимет авторитета их, пока на эти должности будут назначаемы личности, не соответствующие тому высокому положению, на которое хотят поставить начальников губерний, и пока не будет изменена вся система административная сверху донизу. Все подобные возражения против шуваловских измышлений принимались тогда за оппозицию самому принципу самодержавия, за мнения демократические, конституционные. Однакож комитет, после продолжительных споров, сделал столько перемен в редакции первоначального проекта, что результат вышел опять весьма скромный и маловажный» (ГБЛ, Рукописный отдел, ф. Д. А. Милютина 169, картон 15, д. 3, стр. 205—206).

Постановление Комитета министров было утверждено царем 22 июля. Хотя первоначальный проект и претерпел ряд серьезных изменений, однако заключал в себе существенное усиление административной власти. В первом пункте постановления Комитета министров указывалось, что губернатору, как представителю высшей правительственной власти в губернии, предоставлялось право надзора за всеми находящимися в губернии административными учреждениями и должностными лицами гражданского ведомства. Губернаторам предоставлялось право выражать свое несогласие на назначение чиновников всех ведомств. Представление к наградам должно было производиться также через губернаторов и т. д. (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1866 г., д. 3214, лл. 334—366). С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. I. СПб., 1902, стр. 130—143; ПСЗ, 2 собр., т. XVI, отд. I, № 43501.

172. Указанного дела в фондах Государственного совета нам обнаружить не удалось.

173. См. комментарий 171.

174. См. комментарий 181.

175. Речь идет, по-видимому, о письме Наполеона III в связи с позицией, занятой им в вопросе прусско-австрийских разногласий.

176. См. комментарий 171.

177. Материалы по этому вопросу в фондах ЦГИАЛ не обнаружены.

178. Журнал заседаний Главного комитета об устройстве сельского состояния за 18 июля отсутствует. За 19 июля на повестке дня стояли другие вопросы (ЦГИАЛ, ф. 1141, оп. 2). Возможно, обсуждение этого вопроса носило неофициальный характер.

179. Дело в том, что следствие по делу Каракозова велось не в соответствии с судебными уставами 1864 г., а по старым дореформенным

принципам. Вследствие этого председателю суда кн. П. П. Гагарину и министру юстиции Замятнину пришлось юридически обосновывать право судить по новым уставам, а следствие вести по старым. См. об этом записки сенатора Еспповича. «Русская старина», 1909, февраль, стр. 265—266.

180. От французского — baise main — придворной церемонии целования руки.

181. 26 июля в Комитете министров рассматривался проект устава товарищества приобретателей имений в Западных губерниях, т. е. Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. По инициативе министра государственных имуществ Зеленого была создана комиссия из министров внутренних дел, государственных имуществ и финансов, а также двух генерал-губернаторов — виленского и киевского — для разработки вопроса о приобретении русскими дворянами имений в этих губерниях. Комиссия обсудила разработанный в Министерстве государственных имуществ проект устава банка, основной капитал которого должен был составлять 5 млн. руб.

К этой сумме надеялись привлечь и частные средства. По расчетам Зеленого, капитал банка должен был составить сумму в 50 млн., а стоимость всех имений в этих губерниях не превышала 20 млн. руб. Для «прочного водворения русского землевладения» намечалось необходимым приобрести половину имений, ссуду под приобретение которых предполагалось выдавать в размере 50%. Большинство членов Комитета министров согласилось с представленным проектом, внеся в него лишь некоторые изменения. Председатель Комитета министров кн. Гагарин критиковал проект, «полагая наиболее целесообразным применить к имениям, подлежащим приобретению, и общие основания выкупных операций крестьянских наделов». По ряду вопросов министр финансов не соглашался с разработанным уставом. Александр II утвердил мнение большинства. См. ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3214, лл. 542—598. С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, ч. III. СПб., 1902, стр. 208—210. Сведений о деле Тышкевича в журнале нет.

182. Ген.-адъютант прусского короля Вильгельма I Мантейфель был командирован в Петербург для переговоров в связи со стремлением Пруссии присоединить к себе ряд мелких южногерманских государств. См. «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 727—728; С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, СПб., 1911, стр. 53—57.

183. Имеется в виду американский посланник в России Клей.

184. Записки П. А. Шувалова в фондах Государственного совета, Комитета министров, Канцелярии министра внутренних дел не обнаружено.

185. Речь идет о судьбе двух южногерманских государств: Вюртемберга и Гессен-Дармштадта, связанных династическими узами с российским императорским домом, которые Пруссия предполагала присоединить к себе. Обсуждение этого вопроса наряду с другими возложено было на ген. Мантейфеля.

186. 23 августа в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел об упразднении Каменецкой римско-католической епархии и передаче находившихся на ее территории костелов Луцко-Житомирской епархии. Однако луцко-житомирский епископ Боровский отказался без санкции римского папы принять в правление церкви упраздняемой епархии. Боровский заявил, что не может оставить свою должность без той же санкции.

Комитет министров принял решение безотлагательно упразднить Каменецкую епархию, согласно указанию Александра II (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1866 г., д. 3216, лл. 522—531).

187. Названное письмо в фондах Валуева не сохранилось.

188. Отпусков этих писем в фонде П. А. Валуева не обнаружено.

189. Имеется в виду обед в честь морских офицеров, прибывших в Петербург на двух военных кораблях. См. «Голос», № 205, 207, 208 за 1866 г.

190. В 1866 г. в Шлиссельбургской крепости находилось в разное время года от 7 до 8 заключенных (И. М. Гернет. История царской тюрьмы, т. II. М., 1951, стр. 348—353). Среди них был польский патриот Валериан Лукасинский, заключенный в крепость с 1822 г. (Е. Е. Колосов. Государева тюрьма Шлиссельбург. М., 1930, стр. 32), трое раскольников (Николаев, Загуляев, Леонов). Первые два с 1852 г., а последний с 1854 г., отставной рядовой Петров с 1853 г. за бродяжничество и другие преступления, Бронислав Шварц за участие в польском восстании 1863 г. (М. И. Гернет. Указ. соч., стр. 352—353). По данным архива Шлиссельбургской крепости, в 1866 г. туда было доставлено трое заключенных: Феликс Снарский, Павел Смирнов и Николай Ишутин (ЦГИАМ, ф. Шлиссельбургской крепости 98, д. 67, лл. 9—10, 11).

191. Часовня воздвигалась в память «чудесного избавления» царя от покушения Д. В. Каракозова.

192. См. комментарий 147.

193. См. Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. I—II. М.—Л., 1928—1930. ЦГИАМ, ф. Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу о покушении на Александра II 72, оп. 1, д. 5 и 18

194. Речь идет о записке М. Х. Рейтерна, датированной 16 сентября 1866 г., посвященной финансовому положению страны (по-видимому, Рейтерн сообщил об этом П. А. Валуеву ранее). Записка состоит из четырех разделов: I. «Безденежье», II. «Денежное обращение, вексельный курс, заграничные платежи», III. «Железные дороги», IV. «Доходы и расходы». В начале записки дается подробная характеристика тяжелого финансового положения страны, в частности, состояния денежного обращения, вексельного курса и т. д. «В течение многих лет,— писал Рейтерн, — как правительство, так и высшие классы жили сверх средств, расходовали более своего дохода» (ЦГИАМ, ф. Александра II 678, оп. 1, д. 620, л. 6). В записке указывалось, что с 1832 по 1862 г. дефицит бюджета составлял 1 376 420 000 руб. (там же, л. 16). Специальный раздел посвящается железнодорожному строительству. Здесь Рейтерн указывал, что «сооружение железных дорог можно назвать не только настоятельною потребностью, но положительно важнейшею для будущности России задачею правительства» (там же, л. 13). В записке подробно характеризуется состояние доходной и расходной частей бюджета. В целях улучшения финансового положения страны Рейтерн предлагал ряд мер, в частности, прекратить вывоз капиталов за границу, уменьшить капитальные затраты, исключая финансирование железных дорог.

1. «Принять меры к увеличению дохода, несмотря на то, что некоторые из них не могут не быть тягостными для народа.

2. Противопоставить твердую решимость всем поползновениям частных лиц, обществ, земства и городов на разделение с правительством питейного дохода.

3. Сократить расходы, несмотря на представляющиеся к тому неудобства и затруднения» (там же, л. 25).

В указанной записке Рейтерн отмечал, что для изыскания новых источников доходов в Министерстве финансов подробно рассматривался вопрос о введении в России «подоходной подати», после обсуждения которого «пришли к убеждению, что эта форма подати к нам неприменима» (там же, л. 21). См. комментарий 89.

Доклад Рейтерна опубликован в книге: «М. Х. Рейтерн, Биографический очерк». СПб., 1910, стр. 64—137.

Перед публикацией текста доклада помещена следующая записка Рейтерна: «В 1866 году, после каракозовского покушения, вступления графа Шувалова в министерство, удаления Головнина от Министерства народного просвещения, на меня началась травля, то с одной, то с другой стороны, но все по наущению Шувалова. С ним тогда сблизился Валуев и они повели кампанию псевдо-либерализма, т. е. желали произвести на публику впечатление либерализма, не уступая нисколько безограниченной власти. Прилагаемая записка (сент. 1866), положила конец нападкам на меня» (стр. 64).

Анализ доклада Рейтерна дан в работе И. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства во второй половине XIX в.». М., 1960, стр. 31—37.

195. См. комментарий 144.

196. Речь шла об отозвании ген. К. П. Кауфмана с поста виленского генерал-губернатора. В замене Кауфмана были заинтересованы Шувалов и Валуев, возражавшие против политики, которую генерал-губернатор и его предшественник М. И. Муравьев проводили в отношении польского поместного дворянства. См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 378—390.

197. Заседания Комитета финансов за означенное число в описи не значится. Обсуждение этого вопроса происходило 29 сентября в присутствии Александра II, причем последний указал на необходимость «сохранять оную (т. е. записку. — *П. З.*) в совершенной тайне» (ЦГИАМ, ф. 678, оп. 1, д. 620, л. 1). По-видимому, вследствие этого обсуждение данного вопроса не нашло отражения в описи Комитета финансов.

Решение Комитета приводится Рейтерном: «29 сентября 1866 года в заседании, в высочайшем государя императора присутствии, Комитета финансов,— пишет он, — его императорское величество, по выслушании соображений и рассуждений на представленную его величеству министром финансов, 16 сентября текущего года, всеподданнейшую записку о настоящих финансовых затруднениях и о мерах, которые должны быть приняты для улучшения финансового и экономического положения государства, соизволил прийти к следующим заключениям:

I. При настоящем истощенном состоянии страны, внутренние займы, в какой бы то форме ни было, для покрытия текущих расходов правительства, должны быть совершенно прекращены, как для того, чтобы дать медленно составляющимся народным сбережениям время и возможность образоваться в новые капиталы, так и потому, что ход подписки на 2-й заем с выигрышами и возвращение в кассы правительства билетов государственного казначейства и других, принимаемых в уплату казною и Банком процентных бумаг, а равно востребование вкладов из Государственного банка, служат несомненным доказательством совершенного истощения денежного рынка и невозможности искать в нем пособий государственному казначейству. Единственное исключение из сего может быть допущено для затрат вполне и безусловно производительных, во главе коих стоит, бесспорно, сооружение железных дорог. На безостановочное, и по возможности, скорое окончание строящихся и проведение новых торговых рельсовых путей должны быть обращены все усилия правительства, как на главнейшее и действительнейшее средство для того, чтобы вывести государство из настоящего его невыгодного экономического и финансового положения; для этого, и для этого только, должны быть прибережены скудные средства его внутреннего кредита.

II. Для удержания дальнейшего падения ценности кредитного рубля необходимо, в числе прочих мер, сократить перевод денег за границу. Поэтому его величеству высочайше благоугодно было повелеть:

1. Прекратить на будущее время правительственные заказы за границею, подобно тому, как это уже приведено в исполнение по Морскому ведомству, и затем все заказы как Военного министерства и Министерства путей сообщения, так и других ведомств, исполнять внутри государства, несмотря ни на какие затруднения или неудобства, которые это могло бы представить на первых порах.

2. Не посылать более военных судов в заграничные плавания, за исключением одного судна, содержимого на станции в Пирее и другого в Константинополе, а находящиеся ныне в дальнем плавании суда Балтийского флота, согласно предложению его императорского высочества генерал-адмирала, немедленно возвратить.

III. Для усиления средств государственного казначейства в предстоящих ему неотложных расходах, необходимо обратиться к увеличению тех статей государственных доходов, которые представляют к тому возможность. При обозрении, как существующих, так и вновь предложенных в Комитете источников доходов, его императорское величество изволил признать, что из предложенных некоторыми членами комитета налогов, ни один не может быть введен в настоящее время и при настоящих обстоятельствах и что единственными статьями дохода, в которых ныне же можно достигнуть приращения, представляются лишь 1) подушная подать; 2) доход с сахара и 3) доход с государственных имуществ» (ЦГИАМ, ф. 678, оп. 1, д. 620, л. 2).

198. Указанной записки в фонде Александра II (ЦГИАМ, ф. 678) не имеется. Отсутствует она также и в фондах П. А. Валуева.

199. 6 октября в Совете министров рассматривалась записка министра финансов М. Х. Рейтерна, посвященная финансовому положению в стране. Указанная записка в деле не сохранилась, отсутствуют в нем и упоминания о разногласиях между Рейтерном и Д. А. Милютиным (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 66).

200. 9, 11 и 17 октября в Комитете министров рассматривался вопрос о проекте манифеста по случаю предстоящего бракосочетания наследника. Первоначально председатель и члены Комитета считали целесообразным провозгласить в манифесте о смягчении участи осужденных по государственным и иным преступлениям и предоставлении льгот в уплате разных казенных недоимок и других взысканий.

В результате обсуждения Комитет министров решил не упоминать в манифесте о смягчении участи «государственных преступников» и вообще не предоставлять никаких «исключительных милостей». Комитет пришел к заключению, что в манифесте должны быть предоставлены следующие льготы: 1. Смягчить участь тем из осужденных, которые после приговора «вели себя безукоризненно» (сокращение сроков наказания); 2) Облегчить уплату различных недоимок и взысканий (ЦГИАЛ, ф.1263, 1866 г., д. 3220, лл. 225—229).

201. 11 октября в Совете Главного управления по делам печати обсуждалась передовая статья, помещенная в № 79 газеты «Весть» по поводу увольнения виленского ген.-губ. К. П. Кауфмана. Член совета Турунов указал, что «в статье заключается противная требованиям политического приличия оценка личных свойств бывшего начальника Северо-западного края, назначенного на эту должность высочайшей властью» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 3, ч. 2, л. 171).

Председатель Совета Щербинин «обратил внимание на помещенное в этой же газете вслед за вышеизложенной статьей заявление о предстоящих будто бы переменах в личном составе высшей администрации. Заявление это, — по мнению Щербинина, — как бы бросает невыгодный свет на ныне существующих правительственных лиц» (там же). Совет вынес решение об объявлении газете «Весть» второго предостережения. П. А. Валуев утвердил решение Совета.

202. Речь идет о вдове генерала А. А. Тучкова, погибшего 26 августа 1812 г. при обороне флешей Багратиона. М. М. Тучкова после окончания войны 1812 г. поселилась в Бородине, постриглась в монахини и на месте гибели мужа основала Спасо-Бородинский монастырь.

203. Материалов об обсуждении этого вопроса в 1866 г. в фондах Государственного совета не обнаружено. Однако 25 октября 1865 г. в Главном комитете об устройстве сельского состояния рассматривался по представлению министра финансов аналогичный вопрос «О приостановлении взыскания банковых долгов по имениям русских помещиков Могилевской и Белорусских уездов губернии Витебской». Главный комитет принял решение отменить взыскание в принудительном порядке недоимок банковых долгов по имениям русских помещиков, указанных губерний и уездов, по которым выкупная ссуда покрывает весь долг с недоимкой (ЦГИАЛ, ф.1181, т. XV, 1865 г., д. 123. Журнал 17 ноября 1865 г.).

204. 18 октября в Комитете министров обсуждалось представление министра внутренних дел об отпуске сверх сметы 87 тыс. руб. на содержание петербургской полиции. По-видимому, Валуев просил средства на организацию специального «отделения по охранению общественного порядка и спокойствия в столице», созданного в конце 1866 г. Комитет министров принял решение о предоставлении в течение трех месяцев указанной суммы и рекомендовал в дальнейшем дополнительные средства на содержание петербургской полиции изыскивать за счет экономии, образовавшейся вследствие упразднения управления петербургского военного ген.-губернатора (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1866 г., д. 3220, лл. 312—337).

205. Речь идет о записке министра народного просвещения об осмотре им учебных заведений Казанского и Московского учебных округов. В фонде Совета министров записка отсутствует (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп.1, д. 67).

206. 22 и 25 октября и 7 ноября в Комитете по делам Царства Польского рассматривался вопрос об управлении делами римско-католической церкви, в связи с тем, что в марте 1866 г. дипломатические отношения российского правительства с папой были прекращены. После происшедших событий Александр II поручил особой комиссии под председательством кн. Гагарина обсудить вопрос об отношении к договору 1847 г. с римским двором. Комиссия пришла в выводу, что вследствие разрыва дипломатических отношений договор прекратил свое действие и в делах управления католической церкви необходимо руководствоваться решениями верховной власти без предварительного согласования с папой. При рассмотрении этого вопроса в Комитете Горчаков предложил в связи с отозванием русской миссии из Рима разрешить русским подданным обращаться по делам католической церкви непосредственно к папе.

Комитет постановил считать договор 1847 г. утратившим силу, предложив министру иностранных дел объявить это.

По вопросу же о праве российских подданных обращаться непосредственно к папе мнения членов комиссии разделились. Три члена Комитета (Горчаков, Валуев и Сольский) считали возможным разрешить обращаться к папе по вопросам, относящимся исключительно «к удовлетворению духовных нужд частных лиц и не касаться административных дел церковного управления». При этом они полагали необходимым, чтобы решение папы до приведения его в исполнение представлялось в подлиннике либо министру внутренних дел, либо наместнику Царства Польского. К этому мнению с некоторой оговоркой присоединился и гр. Берг. Шесть членов (Гагарин, Чевкин, Безак, Д. А. Милютин, Баранов, Толстой) выступили против предложения Горчакова. Решение Комитета по этому вопросу в деле отсутствует (ЦГИАЛ, ф. 1270, оп. 1, д. 1425, лл. 207—240).

207. Имеются в виду последователи утрехтской церкви — ветви римско-католической церкви. С 1723 г. утрехтская церковь становится само-

стоятельной, признающей римского папу верховным главой церкви, но отвергающей его непогрешимость и ряд религиозных догматов.

См. N i p p o l d. Die altkatolische Kirche des Erzbistums Utrecht. Heidelberg. 1872.

208. Кронпринц Фредерик.

209. Альфред Эдуард, принц Уэльский, наследник престола Великобритании, в будущем король Эдуард VII.

210. Кронпринц Фридрих-Вильгельм.

211. Карл-Александр.

212. Валуев допускает некоторую неточность. В передовой статье газеты за 16 октября (№ 118), посвященной вопросу о сокращении ассигнований на Морское министерство, указывалось на целесообразность увеличения расходов на усиление Балтийского флота, для чего рекомендовалось сократить расходы на Черноморский, Каспийский и Сибирский (Тихоокеанский) флоты. Однако вопрос об упразднении флотов не ставился; наоборот, указывалось, что меры эти должны носить временный характер.

213. Сведений об обсуждении этого вопроса в журналах Комитета министров за октябрь не имеется.

214. См. комментарий 206.

215. 27 сентября директор Лембергско-Черновицкой ж. д. обратился в Комитет железных дорог с новым предложением продолжить железнодорожную линию от Черновиц до Балты.

Министры путей сообщения и финансов считали нецелесообразным вступать в переговоры с Офенгеймом до тех пор, пока не будут закончены переговоры с гр. Потоцким о сооружении ветки Киевско-Балтийской ж. д., соединяющей эту линию с Лембергом (Львовом) через Волочиск и Тарнополь.

В Комитете железных дорог пять его членов (Чевкин, Мельников, Зеленой, Герстфельд, Кербедз) придерживались того же мнения, подчеркивая при этом, что правительственный кредит необходимо предоставлять на строительство важнейших железнодорожных линий, в частности, Киево-Балтской ж. д. Председатель же Комитета железных дорог, а также Валуев, Тотлебен, Грейг считали возможным вступить параллельно в переговоры с Офенгеймом, имея в виду, что переговоры с Потоцким едва ли увенчаются успехом.

В Совете министров 27 октября слушался журнал Комитета железных дорог. Александр II счел нецелесообразным ведение переговоров с Офенгеймом (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 68, лл. 1—26).

216. Высшее придворное звание, принадлежавшее к так называемым «первым чинам двора».

217. Сражение 3 июля 1866 г. между прусскими и австрийскими войсками, в котором первые одержали победу. Битва при Кениггреце более известна, как сражение при Садовой.

218. 29 октября на заседании соединенных департаментов законов и гражданских и духовных дел рассматривалось представление министра внутренних дел с приложениями и проектами к нему, разработанными в Министерстве юстиции, «О порядке судопроизводства по делам печати».

Соединенные департаменты, рассмотрев указанный проект, наименовали его «Временными правилами о суде по делам печати», рассматривая их как дополнение к закону 6 апреля 1865 г. См. комментарий 37 за 1865 г.

21 ноября решение соединенных департаментов было утверждено Общим собранием Государственного совета, а 12 декабря императором (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VI, 1866 г., д. 107; ПСЗ, 2 собр., т. XVI, отд. II, № 43978).

219. Указанного повеления в Полном собрании законов не значится.

220. Имеется в виду англо-голландский заграничный заем. От реализации этого займа поступило 38 362 694 рубля (И. С. Б л и о х. Финансы России XIX столетия, т. II. СПб., 1882, стр. 161).

221. Киевский губернатор А. К. Безак, новороссийский и бессарабский А. Е. Коцебу и прибалтийский — Н. П. Альбединский.

222. См. комментарий 206.

223. 8 ноября обсуждался проект Н. А. Милютина о преобразовании губернского и уездного управления в Царстве Польском. Проект предполагал увеличение губерний с пяти до десяти и создание 85 уездов вместо 39 существовавших. Все члены Комитета, включая и министра внутренних дел, одобрили представленный проект (ЦГИАЛ, ф. Комитета по делам Царства Польского 1270, оп. 1, д. 1425).

224. В Комитете министров 15 ноября рассматривался ряд дел. Наиболее важным из них был вопрос об отстранении от должности мирового посредника Борского уезда Уфимской губернии Песляка «за неблагонамеренные в политическом отношении служебные действия», и о предоставлении на будущее время генерал-губернаторам и министру внутренних дел права устранять подобных Песляку лиц от должностей мировых посредников (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1866 г., д. 3222, лл. 172—185).

Мировой посредник Песляк обвинялся оренбургским ген.-губернатором в том, что он выражал открытое сочувствие высланным полякам.

Комитет министров предоставил право генерал-губернаторам, по согласованию с министром внутренних дел и шефом жандармов, увольнять мировых посредников за политическую неблагонадежность.

Кроме того, Комитет по представлению министра внутренних дел рассмотрел еще ряд вопросов: 1. Об учреждении в г. Костроме купцом А. Анотовым богадельни. 2. О запрещении провоза из-за границы свинины, в связи с обнаружением в ней трихинов. 3. О передаче в непосредственное ведение С.-Петербургского городского общественного управления домов обер-полицмейстерской и адмиралтейской части. 4. О предоставлении виленскому ген.-губернатору права назначать председателей уездных рекрутских присутствий. 5. О разрешении возвращаться на родину ряду сосланных лиц (см. там же, лл. 154—184).

225. Речь, по-видимому, идет о передовой статье «Московских ведомостей» от 16 ноября 1866 г. (№ 241), в которой дается подробный анализ деятельности Государственного банка. Статья являлась по существу комментарием к публиковавшейся в этом номере газеты таблице, характеризовавшей состояние счетов банка с июля по ноябрь 1866 г.

Указывая на неблагополучное состояние дел в банке, автор отмечал наличие большого количества кредитных билетов (на сумму 713 164 620 руб.), находившихся в обращении.

226. 19 ноября и 21 декабря в присутствии соединенных Департаментов законов и государственной экономии рассматривался представленный шефом жандармов проект «Об учреждении уездных жандармских управлений в губерниях столичных и восточной полосы империи».

Шеф жандармов указывал на необходимость усилить «нравственно-политическое наблюдение» в столичных губерниях, а также в Поволжье. «Враги спокойствия России, — писал он, — избрали в последнее время Приволжский бассейн местом их политической деятельности» (ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии 1152, оп. т. VI, д. 756 за 1866 г., л. 13).

Предложение Шувалова с некоторыми изменениями было принято, в частности, вместо уездных жандармских управлений создавались уездные жандармские команды. 24 января 1867 г. журнал заседаний был утвержден Александром II.

227. Валуев допускает неточность. Журнала заседания за 21 ноября нет. 14-го же ноября Главный комитет об устройстве сельского состояния

действительно рассматривал вопрос, касающийся Кавказа. Возможно, что журнал заседания был оформлен позднее, что и вызвало указанную неточность.

Вопрос, рассматривавшийся 14 ноября, касался распоряжения наместника Кавказа кутаисскому губернатору об участии его в делах, ведаемых губернским по крестьянским делам присутствием. Наместник предложил губернатору и губернскому по крестьянским делам присутствию руководствоваться следующими положениями:

1. Если решение принято не единогласно, а число лиц, выступавших против, составляет не менее двух, то оно должно утверждаться губернатором.

2. Губернатору предоставлялось право пересматривать и дела, по которым решение было принято единогласно.

3. В случае несогласия губернатора с решением губернского по крестьянским делам присутствия он может приостановить его исполнение и направить дело на рассмотрение наместника.

4. Всякое решение губернского по крестьянским делам присутствия вносится в журнал и для утверждения его устанавливается семидневный срок.

Главный комитет об устройстве сельского состояния утвердил распоряжения наместника (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, д. 138, лл. 227—230).

228. Журнал Кавказского комитета за 21 ноября отсутствует. В журнале за 22 ноября, а также и в предшествовавшем за 15 ноября этот вопрос не получил освещения (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 26, д. 29).

229. Т. е. дворянском собрании.

229а. В отношении методов управления Царством Польским между Валуевым и братьями Милютиными существовали серьезные разногласия. И тот и другие признавали необходимость решительного подавления национально-освободительного движения. Однако в дальнейшем их взгляды расходились. Валуев считал нужным предоставить Польше определенные политические права и гарантии, в результате чего правительство смогло бы приобрести опору среди определенной части привилегированных классов. Братья Милютины полагали необходимым привлечь на свою сторону польское крестьянство путем проведения в этих целях ряда аграрных реформ. Братья Милютины, подобно Муравьеву, являлись сторонниками жестоких репрессий по отношению к полякам, в значительно бо́льших размерах, чем это представлялось необходимым Валуеву.

Позиция братьев Милютиных — Муравьева поддерживалась «Московскими ведомостями».

230. Т. е. собственною е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского.

231. По-видимому, Александр.

232. Речь идет о назначении Набокова управляющим собственной е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского.

233. Имеется в виду записка Н. М. Карамзина от 17 октября 1819 г., поданная им императору Александру I. Она была написана в связи с планами Александра I о восстановлении Царства Польского в прежних границах. Карамзин выступил решительно против этого. Эта записка получила наименование «Мнения русского гражданина». Опубликована М. П. Погодиным в его книге «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников», ч. II. СПб., 1866, стр. 236—240. См. также Н. К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1905, стр. 173—174.

234. Вероятно, Валуев имеет в виду передовую статью газеты «Московские ведомости» от 29 ноября (№ 251), в которой содержатся косвенные на него нападки. Статья была направлена против позиции в польском

вопросе реакционно-аристократической газеты «Весть», которая решительно осуждала политику, проводившуюся в Польше Н. А. Милютиным. Выступая противником польских землевладельцев, Катков в этом вопросе солидаризировался с Милютиным. «Бывший статс-секретарь Царства Польского, — говорилось в статье «Московских ведомостей», — на которого направлена эта шипящая злоба коварных намеков, уже сошел с поприща к прискорбию всех, умевших ценить его честное служение государю и России в одном из самых важных для нашего отечества вопросов».

И далее Катков писал: «В сущности нас упрекают за то, что мы не соглашались служить орудием интриги против некоторых *русских* государственных людей, верно и честно служивших *русскому* государю. Вот почему мы не нравились, вот почему мы и теперь не нравимся, вот почему было желательно заставить нас умолкнуть, так как обмануть нас до сих пор не удавалось». Эти слова были направлены против Валуева, не разделявшего позиции Милютина.

Расхождения Милютина и Валуева в польском вопросе отражали различные точки зрения на средства борьбы с национально-освободительным движением в Польше.

В заключение статьи Катков выступал против постановления Комитета министров от 22 июня (см. комментарий 63), предусматривавшего значительное усиление губернаторской власти, «которое доводит у нас административную централизацию до большей чем когда-либо степени, собирая все власти в руках губернаторов, а через них в Министерстве внутренних дел».

235. По-видимому, имеется в виду панихида по поводу именин скончавшегося в 1865 г. наследника престола Николая Александровича, либо именин Николая I.

236. См. П. А. Валуев. Биографический очерк. Дневник, т. I, стр. 34—37.

237. В ноябре 1866 г. А. И. Кошелев, являвшийся до этого времени членом Учредительного комитета и главным директором финансов Царства Польского, обратился к Александру II с письмом. В этом письме, к которому была приложена обширная записка, он писал: «Считая способ действий, принятый по польским делам, вредным для России, я,... не могу возвратиться в жизнь частную, не изложивши вам, государь, моего по сему предмету откровенного мнения, образовавшегося и утвердившегося во время 25-месячного пребывания в Варшаве». Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883). Приложение седьмое, Berlin, 1884, стр. 213. В записке резко осуждалась правительственная политика, проводимая в Польше. Характеризуя политику, проводимую в крестьянском вопросе, Кошелев писал: «Указы 19 февраля 1864 г. так радикальны, что должно только привести их в исполнение во всей их силе: далее идти не было никакой надобности. Между тем управление старалось постепенно расширять смысл указов и истолковывать их большей частью в одну сторону, т. е. в пользу крестьян. Через это открывался такой ряд произвольных действий, что ни один помещик не знал, что у него останется» (там же, стр. 217).

Кошелев выступал против стремления «пересаживать в Польшу все русское без разбора, хорошо ли оно, соответствует тамошним потребностям, или нет?» (там же, стр. 221).

Говоря о судьбе своей записки, Кошелев в своих воспоминаниях писал: «Впоследствии я узнал от гр. П. А. Шувалова, что она очень понравилась государю и что на ее полях во многих местах он писал: «совершенно верно» и «вполне согласен»» (там же, стр. 184).

238. Речь шла о поддержке Россией национально-освободительного движения балканских народов против Турции. По-видимому, это совеща-

ние было связано с вопросом о создании Балканского военного союза, организованного с помощью и при прямой поддержке России. См. С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами. «Славянский сборник». М., 1947, Госполитиздат, стр. 262—290.

239. 19 декабря в общем собрании Государственного совета рассматривался журнал Департамента законов по представлению министра внутренних дел «О законности состава малочисленных земских собраний». При решении этого вопроса в Департаменте законов произошло разногласие. Валуев полагал, что заменять в земских собраниях гласных в случае их неявки кандидатами недопустимо, так как это противоречит закону, который устанавливает правомочность земских собраний даже при наличии $^1/_3$ гласных. Департамент законов считал, что если $^1/_3$ состава членов земского собрания составляет незначительное число, то подобная замена допустима.

Общее собрание Государственного совета не решило данного вопроса, предоставив министру внутренних дел собрать соответствующие сведения от губернских земских собраний, а затем войти в Государственный совет с новым представлением (ЦГИАЛ, ф. Коллекции журналов департаментов Государственного совета 1160, оп. 1, 1866 г., д. 140).

240. 19 декабря в Департаменте законов рассматривалось представление министра внутренних дел «О распространении на раскольников некоторых гражданских прав», внесенное в Государственный совет 7 мая 1866 г.

В этой записке Валуев предлагал распространить на раскольников, лояльных по отношению к правительству, общегражданские права.

Департамент законов 19 декабря рассматривал этот вопрос (лишь с точки зрения редакции представленных предположений) и вынес следующее решение:

1. Предложить министру внутренних дел, главноуправляющему II отделения с. е. и. в. канцелярии и обер-прокурору Синода исключить из проекта все вопросы, не подлежащие утверждению в законодательном порядке.

2. При подготовке законопроекта: а) исключить из него пункт, содержащий указание о распространении льгот лишь на раскольников, молящихся за царя, и распространить указанные льготы на всех старообрядцев, признающих брак в смысле постоянного союза; б) исключить из законопроекта правила, обязывающие регистрировать установленным порядком рождение, брак и смерть, определив при этом «с точностью последствия, которым подвергнут себя не воспользовавшиеся даруемым в новом законе облегчением» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VI, 1866 г., д. 83, л. 181).

241. Имеются в виду греческие патриоты на острове Крит (Кандия), ведущие борьбу против турецкого господства за присоединение к Греции.

242. Указанной записки в фонде Александра II (ЦГИАМ, ф. 678) не имеется. Отсутствует она и в фонде Мраморного дворца (там же, ф. 722).

243. Закон 21 ноября 1866 г. «Об изменении редакции ст. 9 и 11 Временных правил для земских учреждений касательно обложения торговли и промышленности сборами на земские повинности» значительно сокращал финансовые средства земств и тем самым был направлен на ограничение их деятельности.

Так, земскими сборами, согласно новой редакции ст. 9 и 11, могли облагаться из недвижимого имущества: земли, жилые дома, фабричные, заводские и торговые помещения. При этом указывалось, что при исчислении земских сборов с «фабричных, заводских и торговых помещений надлежит принимать в расчет ценность и доходность только самых помещений, не вводя в оценку находящихся там предметов и изделий торга и промыслов или торговых и промышленных оборотов» (ПСЗ, 2 собр.,

т. XVI, отд. 2, № 43874). Таким образом, обороты и доходы предприятий обложению не подлежали.

Если принять во внимание наличие в земском бюджете значительного числа так называемых «обязательных расходов», т. е. расходов на содержание судебно-мировых учреждений, квартирную, дорожную повинности и т. д., то финансовые возможности земств оказывались весьма ограниченными. Закон 21 ноября встретил в земских кругах, а также и в прессе резко отрицательную оценку. См. Веселовский. История земства, т. III. СПб., 1911, стр. 121—126.

244. См. комментарий 243.

245. Речь идет о псковском губернаторе гр. К. И. Палене, назначенном 6 января 1867 г. министром юстиции.

246. 3 января в Комитете министров слушалась записка министра юстиции, в связи с полученными им от шефа жандармов сведениями «о неблагонадежном направлении восьми чиновников судебного ведомства по Симбирской губернии». В записке указывались следующие пять лиц: 1) губернский стряпчий уголовных дел Банов (обвинявшийся в подстрекательстве арестантов к неповиновению), сызранский уездный судья Кизюкин, судебные следователи Погануцци, Шкенев и Соколовский.

Сведения о политической неблагонадежности этих лиц были сообщены шефу жандармов губернской администрацией. Министр юстиции Замятнин указывал, что подобные обвинения чиновников судебного ведомства часто являются результатом пререканий, существующих между представителями судебного ведомства и губернской администрацией. Кроме того, он отмечал нерасположение симбирского губернатора барона Велио к чинам судебного ведомства. Поэтому, по мнению Замятнина, сведения, сообщаемые губернаторами, не всегда точны и требуют проверки. В тех же случаях, когда сведения оказывались достоверными, писал Замятнин, он принимал соответствующие меры, выражавшиеся либо в увольнении от должности, либо в переводе в другие губернии.

Министр юстиции просил все сведения, касающиеся неблагонадежности чиновников его ведомства, сообщать непосредственно ему. Прений по этому вопросу не было. Комитет министров предложил Замятнину расследовать вопрос по обвинению чиновников судебного ведомства Симбирской губернии, а затем принять соответствующие меры. При этом указывалось, что в тех случаях, когда министр или главноуправляющие сами признают политическую вредность того или иного чиновника их ведомства, ограничиваться только переводом его в другую губернию недостаточно (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3261, 1867 г. Журнал за 3 января 1867 г., ст. 20, лл. 78—86).

247. Указанную записку в фондах ЦГИАЛ и ЦГИАМ обнаружить не удалось.

248. В отчете губернской земской управы, как и в докладе Н. Ф. Крузе, действительно содержалась резкая критика действий министра внутренних дел по отношению к земству. Основной причиной недовольства являлся закон 21 ноября 1866 г. См. комментарий 243.

249. В Совете министров слушалась записка Валуева «заключающая в себе очерк настоящего положения дел в земских учреждениях». Текст записки и материалы ее обсуждения отсутствуют (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп.1, д. 69).

250. Речь идет о проекте вел. кн. Константина Николаевича о привлечении в Государственный совет депутатов от дворянства и земства. См. комментарий 144.

251. Деятельность открытого 3 января С.-Петербургского губернского земского собрания носила резко оппозиционный характер. Собрание включило в повестку дня обсуждение закона 21 ноября 1866 г., вызвавшего всеобщее недовольство земских деятелей. На заседании 7 янва-

ря губернское земское собрание большинством голосов (39 против 3) приняло решение не применять к обложению на 1867 г. правил, изданных 21 ноября 1866 г., так как раскладное обложение было проведено до издания закона. Однако губернатор не согласился с этим решением и предложил применять закон от 21 ноября «во всей точности к раскладкам на 1867 год». 12 января земское собрание подтвердило прежнее решение по поводу неприменения нового закона к обложению на 1867 г.

Во время обсуждения этого вопроса с резкой критикой закона 21 ноября выступил гласный земства гр. А. П. Шувалов, предложив при этом ходатайствовать о созыве «русского земства» (т. е. органа общеземского представительства), для рассмотрения данного закона.

14 января С.-Петербургское губернское земское собрание было закрыто, а деятельность губернских земских учреждений губернии приостановлена. Председатель губернской земской управы Крузе был выслан в Оренбург, гр. А. П. Шувалов — за границу, а сенатору Любощинскому за его речь на собрании было предложено подать в отставку. См. Б. Веселовский. История земства, т. 3. СПб., 1911, стр. 122—124.

252. Речь идет о проекте Валуева о реорганизации Государственного совета. См. П. А. Валуев. Биографический очерк. Дневник, т. I, стр. 34—37.

253. М. И. Любощинский не был уволен в отставку. Будучи сенатором гражданского кассационного департамента, он пользовался правом несменяемости и Александр II не решился его уволить. В 1867 г. он был назначен председателем совещательного комитета по преобразованию судебной части в Царстве Польском (ЦГИАЛ, ф. 1364, оп. 15, д. 675; см. также Дневник Е. А. Перетца. М.—Л., 1927, стр. 20.

254. Имеется в виду доклад военного министра, датированный 1 января 1867 г. Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях» пишет: «Во всем докладе своем я, конечно, имел в виду выказать несправедливость нареканий, сыпавшихся на Военное министерство со стороны наших финансовых авторитетов. Поэтому государь признал уместным прочесть весь мой доклад пред полным собранием Совета министров, что и было исполнено в заседании 26 января. В самом заседании никаких мнений или возражений не было высказано; собрание и без того было утомлено продолжительным моим чтением. Но потом, несмотря на все мои объяснения, опять повторились все те же толки о чрезмерности военных расходов с намеками на неверность и натяжки в цифрах, приведенных мною» (ГБЛ, Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина 169, картон 16, д. 7, стр. 40).

В соответствующем деле Совета министров (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 40) никакого решения по данному вопросу не имеется.

255. Консервативная газета, выходившая в Петербурге в 1867 г. Редактором-издателем ее был П. А. Юркевич-Литвинов.

256. 28 января в указанном заседании рассматривался проект, представленный II отделением с. е. и. в. канцелярии (гр. Паниным) об изменении «VI главы IV раздела, а также III и IV глав IX раздела Уложения о наказаниях, о мерах к предотвращению развития коммунистических идей». Проект Панина основывался на записке тайного советника барона Врангеля «О развитии идей коммунистических в Западной Европе и проявлении их в последнее время в России с изложением мер к предотвращению дальнейшего распространения этого учения» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VII, 1866 г., д. 31, л. 2). Эта записка была представлена Врангелем шефу жандармов П. А. Шувалову. Указанные в записке меры имели предупредительный и карательный характер. К предупредительным мерам относились: 1) учреждение секретного надзора за направлением различного рода ассоциаций (артелей, собраний); 2) установление наблюдения за направлением в школах, гимназиях, семинариях, университетах как за системой преподавания, так «и за духом, развиваемым в среде

воспитанников и вольнослушателей» (там же, л. 84); 3) «Пресечение путей, приводящих к нам из-за границы преступное учение коммунизма» (там же, л. 84).

Карательные меры предусматривали различные виды наказания, в основном заключение на разные сроки в тюрьму, ссылку и т. д.

В результате рассмотрения записки гр. Панина в соединенных Департаментах законов и гражданских и духовных дел общее собрание Государственного совета 27 марта 1867 г. вынесло решение, согласно которому:

1. Запрещались «всякие противозаконные сообщества под опасением суда и ответственности по всей строгости законов, почему всем начальствам и полиции поставляется в обязанность неупустительно наблюдать, чтобы нигде и ни под каким предлогом таковых сообществ не утверждалось».

2. Противозаконными сообществами признавались: «а) все тайные общества, с какой бы целью они ни были учреждены; б) все преследующие вредную цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч., под каким бы наименованием они ни существовали»; в) все те общества, которые по получению соответствующего разрешения уклонятся от цели их учреждения «или станут прикрывать благовидными действиями такое направление, которое в каком-либо отношении вредно для государственного благоустройства или общественной нравственности».

Далее в решении общего собрания указывалось, что основатели и руководители «противозаконных сообществ» будут ссылаться в каторжные работы на рудники, сроком от 12 до 15 лет и лишаться при этом всех прав состояния. Соучастники этих обществ подвергались ссылке в каторжные рабо тына заводах от 6 до 8 лет, также лишаясь при этом всех прав состояния (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. 7, 1867 г., д. 31, лл. 144—145).

257. По-видимому, обсуждение этого вопроса носило неофициальный характер и поэтому не нашло отражения в журналах заседания Комитета министров.

258. 23 января 1867 г. ген.-ад. гр. Баранов представил доклад «Об учреждении постоянного комитета по вопросу о землевладении в Западном крае». В этом докладе шла речь о необходимости принятия мер для обрусения западных губерний. Баранов выступал за предоставление льгот русским землевладельцам в приобретении земель в соответствии с законом 10 августа 1865 г.

Указав, что генерал-губернатор не располагает достаточными средствами, Баранов предлагал учредить комитет в составе министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ. Александр II согласился с мнением Баранова, предложив включить в состав комитета и шефа жандармов (см. ЦГИАЛ, ф. канцелярии Министерства внутренних дел 1282, оп. 2, д. 384 «Об учреждении Временной комиссии по вопросу о землевладении в Западном крае»).

259. 30 декабря 1866 г. петербургский обер-полицмейстер Трепов представил «всеподданнейшую» записку, в которой указывал, что в последнее время большое распространение получила подделка и сбыт государственных кредитных билетов и других денежных знаков. Все это, отмечал Трепов, повлекло за собой распространение недоверия к существующей кредитной системе внутри страны и за границей. Обер-полицмейстер предлагал создать специальную следственную комиссию из представителей Министерства финансов, жандармских органов, а также петербургской городской полиции.

Указанная записка была передана Александром II министру финансов, который 7 января 1867 г. направил копию ее министру внутренних дел. При этом Рейтерн сообщал Валуеву, что император распорядился

создать специальную комиссию из министров внутренних дел, юстиции, финансов, а также шефа жандармов.

Первое заседание этой комиссии происходило 3 февраля 1867 г., второе — 24 марта.

В фонде канцелярии министра внутренних дел имеется по этому вопросу специальное дело «Об учреждении комиссии для расследований подделки и распространения кредитных билетов» (ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, д. 70). Ход обсуждения данного вопроса в заседаниях комиссии в деле не отражен.

Одна из групп, занимавшаяся подделкой кредитных билетов в первой половине 60-х годов, состояла в большинстве своем из дворян, проживавших, в основном, в Харьковской губернии. Среди них был изюмский предводитель дворянства Солнцев, отставной полковник Беклемишев, предводитель дворянства Бахмутского уезда Екатеринославской губернии Гаврилов и др. См. А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, стр. 53—63.

260. Указанный циркуляр был издан 16 февраля 1867 г. и ставил своей целью разъяснить причины издания закона 21 ноября (см. комментарий 243), вызвавшего огромное недовольство земской общественности.

«Закон 21 ноября,— говорилось в циркуляре,— во многих местах был понимаем, как односторонняя правительственная мера, направленная к ограждению интересов купеческого сословия и промышленных заведений в ущерб интересам поземельной собственности. В нем усматривалось препятствие к развитию общеполезной деятельности земских учреждений». Далее признавалось, что «внезапное издание закона... не могло не произвести неблагоприятного впечатления», при этом подчеркивалось, что правительство считает себя обязанным «... ограждать все части... населения от таких тягостей, которые несправедливы в отношении к ним и вредны в отношении к общим государственным интересам. Землевладение... не нуждалось в предохранительных распоряжениях по части земских раскладок. Ему принадлежит большинство во всех земских собраниях» (Б. В е с е л о в с к и й. История земства, т. III. СПб., 1911, стр. 125).

Таким образом, Валуев пытался оправдать издание этого закона заботами об интересах торговли и промышленности.

261. В журналах Комитета министров обсуждение этого вопроса не нашло отражения.

262. 18 февраля в соединенных департаментах рассматривался вопрос об охране порядка в сословных собраниях. Министру внутренних дел было поручено составить и внести в Государственный совет проект правил о порядке производства дел в сословных собраниях, определив в них следующие вопросы: 1) права и обязанности председателей собраний, 2) последствия противных законам постановлений сословных и общественных собраний, 3) об ответственности за нарушение упомянутых правил.

Указанный проект был представлен в Государственный совет и рассмотрен соединенными департаментами 1 и 24 апреля 1867 г., общим собранием — 15 мая. Утвержден Александром II 13 июня (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VII, д. 75 за 1867 г.).

263. 18 февраля 1867 г. Совет главного управления по делам печати рассматривал представление Московского цензурного комитета от 13.II по поводу помещенной в № 35 газеты «Москва» статьи «Письмо к редактору» за подписью «Содержатель гостиницы» и передовой статьи по этому поводу. В передовой статье критиковалось предоставление генерал-губернатору права высылать из города владельцев гостиниц за несоблюдение правил «об объявлении полиции о прибывающих и выбывающих». В передовой статье это право именовалось «произволом ни в каком случае не совместимым с настоящим мирным положением России, при полном господстве

в ней нового гласного суда» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 4, л. 21). Совет вынес решение об объявлении второго предупреждения редактору-издателю И. С. Аксакову.

Против этой меры высказались члены Совета И. А. Гончаров и Ф. М. Толстой. За передачу дела в суд — член Совета Н. В. Варадинов.

264. 25 февраля в Департаменте Государственной экономии рассматривался вопрос «Об изменениях размера и порядка взимания в г. Риге сбора в пользу важенных писцов». Министры внутренних дел и финансов внесли в Государственный совет по ходатайству прибалтийского ген.-губернатора представление о взимании указанного сбора не с судохозяев, а с отправителей товаров. Размер сбора должен был быть уменьшен до $^1/_2$ копейки с берковца (10 пудов) отправленного товара, вместо $^3/_5$ коп., взимавшихся ранее. В представлении указывалось, что уплата сбора должна быть обязательна только для тех, кто пользуется весами и услугами важенных писцов. Департамент утвердил указанное представление (ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. т. VII, д. 113 за 1867 г.).

265. Имеется в виду Александро-Невская лавра.

266. 2 марта в Совете министров рассматривалась записка министра финансов Рейтерна «О средствах к образованию фонда сооружения железных дорог в России». По мнению Рейтерна, продажа Николаевской (Московско-Петербургской) ж. д. могла бы «послужить прочным и широким основанием к составлению... особого фонда сооружения железных дорог» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 71, л. 3). Он указывал, что продажа этой дороги будет иметь «полезное значение в политическом, военном, торговом и промышленном отношении» и обеспечит неотложные платежи по заграничным займам. Записка Рейтерна еще до обсуждения в Совете министров, по указанию императора, была передана для заключения министру путей сообщения Мельникову, который поддерживал мнение министра финансов. Вопрос этот был решен в смысле представления Рейтерна. Барон А. И. Дельвиг в своих «Воспоминаниях» несколько иначе объясняет необходимость продажи дороги. Так, излагая свой разговор с гр. С. Г. Строгановым по этому поводу, он пишет: «Я объяснил ему, что считаю невозможным оставить эксплуатацию такой дороги, как Николаевская, в казенном управлении, потому что она, при всей своей выгодности не может при этом управлении давать надлежащий доход, чего причины мною изложены,— главное потому, что она при этом управлении служит тормозом в отправке грузов, доставляемых замосковными железными дорогами, и с развитием последних сделается еще большим тормозом» (А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. III. М., 1913, стр. 419).

Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях», говоря о предположениях по продаже Николаевской ж. д., пишет: «Мера эта предварительно обсуждалась в особом совещании под председательством наследника цесаревича. Многие из участвовавших в этом совещании, в том числе и я, не сочувствовали предположенной мере и выражали сожаление о том, что такая важная государственная линия сообщения между обеими столицами, устроенная так капитально, даже роскошно, дающая при том значительный чистый доход, перейдет из рук правительства в собственность частной компании, пожалуй, даже иностранной. Но голоса противников продажи заглушались авторитетными приговорами министра финансов и других наших финансовых специалистов, державшихся твердо теории, что чрезмерное развитие государственной собственности приносит будто более вреда, чем выгоды, и что всякое дело идет гораздо лучше в частных руках, чем в казенном управлении. В особенности же выставляли необходимость продажи Николаевской и других, состоявших еще в собственности казны, железных дорог для того, чтобы на вырученные средства продолжать развитие железнодорожной сети и докончить начатые уже постройкой большие линии: Московско-Курско-Киевскую, Харькова, Елисаветград-Балт-

скую и проч.» (Отдел рукописей, ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, № 169, картон 16, д. 1, стр. 31—32).

267. Речь идет о назначении кн. Лобанова товарищем министра внутренних дел.

268. Камердинер П. А. Валуева.

269. В фонде П. А. Валуева (ЦГИАЛ, ф. 908, оп.1, д. 206) имеется копия записки о финансовых делах без подписи и даты. Анализ ее свидетельствует о том, что записка написана в начале 1867 г., так как в ней говорится о предположении продать Николаевскую ж. д. По-видимому, это и есть та записка, о которой говорит Валуев.

Записка состоит из нескольких разделов. В первом разделе «Наши денежные знаки и их обращение» говорится о необходимости ответить на вопрос: «Много ли, или мало у нас денежных знаков и каких именно» (там же, л. 20), так как это дает возможность судить о состоянии финансов. Второй — «Железные дороги» — посвящен вопросу развития железных дорог и их состояния.

«Слышно,— пишет Валуев,— что предполагается отчуждение Николаевской дороги. Состоится ли оно или нет, неизвестно. Но если оно будет допущено и совершено, то вопрос, о котором я упоминаю, приобретает еще большую важность. Мы до сих пор в полной зависимости от иностранцев, не только в отношении ко всем принадлежностям железных дорог, но даже и к рельсам. Это крайне невыгодно и крайне неосторожно. Ожидать устранения этого недостатка от частной предприимчивости, также смею думать, неосторожно, потому что она вообще нелегко направляется по новым путям и, кроме того, в наше время стеснена разного рода опасениями» (там же, л. 25). Поэтому Валуев полагает необходимым «дать делу сильный толчок казенными средствами, пособить частным промышленникам, хотя бы и пришлось пожертвовать на то одним или двумя миллионами, или на первый раз даже заменить их» (там же, л. 26).

Далее Валуев говорит о разработке каменного угля на Урале. В заключение этого раздела он пишет: «Я знаю, что казенное хозяйство вообще невыгодно, но пока нет частного, остается по необходимости прибегнуть к казенному. Казенные заведения со временем перейдут в частные руки» (л. 27).

Третий раздел посвящен вопросу о звонкой монете. Валуев настаивает на необходимости увеличить наличие звонкой монеты. В этих целях он предлагает: 1) рассмотреть вопрос о необходимости уплаты пошлин только звонкою монетой; 2) принять меры к ограничению утечки звонкой монеты за границу отъезжающими путешествовать, либо постоянно проживающими там русскими. Так как этого избегнуть нельзя, то Валуев предлагает «извлечь по крайней мере из него (т. е. из этого. — *П. З.*) косвенный источник дохода посредством установления подоходного налога со всех русских, проживающих за границей, или отъезжающих за границу на срок не менее трети года» (л. 28).

В четвертом, последнем, разделе записки Валуев говорит о «нравственных элементах государственного кредита»; здесь он указывает на вред, происходящий от распространения всяких слухов разного рода людьми, включая и чиновниками разных ведомств, о крайне тяжелом положении финансов, что плохо отражается на их состоянии.

270. Статья архиепископа Платона была направлена против лютеранского пастора — Дрейбнера и касалась спора с ним по догматическим вопросам. Послания Платона были направлены православным латышам и эстонцам и ставили своей задачей удержать их в православии. Статья Платона перепечатана в «Русском инвалиде» за 28 февраля 1867 г.

271. 14 марта в газете «Москва» (№ 58) была опубликована статья «Отзыв рижского петропавловского братчика о мнимо вероисповедном вопросе в прибалтийских губерниях». Эта статья, написанная в ортодоксаль-

но-православно-шовинистическом духе, была направлена против лютеранского духовенства, в частности, против крещения детей от смешанных браков по лютеранскому обряду. В статье оправдывалось выступление в печати архиепископа Платона.

272. Имеется в виду закон 10 декабря 1865 г. (ПСЗ, 2 собр., т. XL, II отд., № 42759) «О воспрещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти западных губерниях и о предоставлении высланным из Западного края владельцам секвестрованных имений права продавать или променять в двухгодичный срок свои имения в этом крае лицам русского происхождения и вообще о порядке совершения актов на переход имений в Западном крае к русским владельцам».

В преамбуле закона говорилось: «В девяти западных губерниях на 10-миллионное население, преимущественно малороссийское, белорусское и частью литовско-жмудское, имеется сравнительно весьма ничтожное по числительности население польского происхождения; что население это, состоящее большей частью из помещиков и мещан, дает всему краю характер польский и мешает остальному, нисколько не польскому населению, правильно развиваться и пользоваться, наравне с прочими подданными, многими предпринятыми его величеством реформами и что сила этого сословия заключается в корпоративной замкнутости владения недвижимою собственностью, не допускающей проникать к себе никакую другую национальность и, особенно, русскую. При таких обстоятельствах,— говорилось далее,—... правительство должно прибегнуть к такой мере, которая посредством устранения лиц польского происхождения от права приобретать вновь имения в Западном крае, не стесняя законных прав владения нынешних польских помещиков, окончательно преградила бы возможность усиления сего класса».

См. также закон от того же числа «О пояснении и дополнении постановления касательно обязательной продажи или промена польских имений в Западном крае» (ПСЗ, 2 собр., т. XL, II отд. № 42760).

273. Речь идет о приезде организованной властями депутации представителей народов Средней Азии для поднесения адреса Александру II (см. газету «Русский инвалид», № 86 от 28.III.1867 г.).

274. Русские владения в Северной Америке были проданы Северо-Американским Соединенным Штатам за 7200 тыс. долларов, что, по официальному курсу того времени, составляло около 11 млн. руб. Если учесть, что из этой суммы правительство должно было уплатить Российско-американской компании за нарушение контракта и за другие расходы 1 010 432 р. 30 к., то казна получила за американские владения около 10 млн. руб. (С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.—Л., 1939, стр. 250—251). Мизерность этой суммы станет ясной, если учесть, что расходная часть бюджета Российской империи в 1867 г. составляла 424 904 090 руб. (И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия, т. II. СПб., 1882, стр. 154). Подробно о продаже русских владений в Америке см. С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 219—259.

275. См. комментарий 259.

276. Речь идет о чиновнике Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Протопопове, ударившем 4 июля 1866 г. вице-директора этого департамента графа Коскуля. Отчет о судебном заседании см. в газете «Голос» № 83 за 1867 г. См. также передовую статью газеты «Весть», № 38 за 30 марта 1867 г.

277. 22 марта Московский цензурный комитет сделал представление в Главное управление по делам печати по поводу передовых статей газеты «Москва» в №№ 56, 57, 65:

«В передовых статьях 56 и 57 номеров газеты «Москва»,— говорилось в представлении,— объяснялось преследование лютеранским дворянством

латышей и эстов в прибалтийских губерниях за стремление их усвоить себе русскую народность и принять православие, а вместе с тем порицались действия русского правительства за содействие в этом деле, ко вреду России, немцам» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, д. 425, л. 96). Далее указывалось, что та же мысль излагается и в передовой статье № 65. На основании распоряжения министра внутренних дел от 26.III газете было сделано третье предупреждение, и она была приостановлена на 3 месяца (там же, л. 101).

278. Речь идет о стремлении Наполеона III аннексировать Люксембург.

279. Построенная на месте покушения на Александра II 4 апреля 1866 г.

280. По-видимому, речь идет об известиях, касающихся одного из сыновей Валуева.

281. 5 апреля в Комитете финансов рассматривалось представление министра финансов Рейтерна в связи с письмом председателя правления Общества взаимного поземельного кредита гр. Бобринского. Гр. Бобринский возбуждал вопрос об изменении редакции одного из параграфов Устава банка (§ 130) в целях обеспечения приобретателям закладных листов исправной уплаты процентов и капитала путем безусловной гарантии государства. В существовавшей же редакции § 130 указывалось лишь на то, что правительство в целях исправной выплаты процентов и капитала по закладным листам обязуется предоставлять обществу аванс на срок в шесть месяцев.

Комитет финансов, рассмотрев этот вопрос, отказал в ходатайстве Бобринского. Комитет финансов пришел к заключению, что новая редакция § 130 привела бы к обеспечению правительством владельцам закладных листов Общества уплаты процентов и капитала в определенные сроки и металлическими деньгами, т. е. «к безусловной металлической гарантии» (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 205).

282. Материалов указанной комиссии обнаружить в фондах ЦГИАЛ не удалось.

283. 10 апреля в Комитете по делам Царства Польского рассматривалось два вопроса. Во-первых, записка Горчакова о назначении уполномоченных со стороны России для раздела имущества и капиталов между епархиями Келецкой и Краковской. Вопрос этот возник в связи с тем, что после присоединения в 1846 г. Кракова к Австрии на территории Царства Польского была создана Келецкая епархия. Со стороны России уполномоченными были выделены ген.-лейт. Гечевич, действ. статск. сов. Маркус и кол. сов. Муханов.

Второй вопрос касался представления наместника «О главных основаниях для устройства временного управления духовными делами иностранных исповеданий в Царстве Польском». Дело заключалось в следующем: 19 декабря 1866 г. Комитет по делам Царства Польского принял решение о том, чтобы министр внутренних дел совместно с наместником Царства Польского наметили меры о порядке изъятия управления духовными делами Царства из ведения правительственного комитета внутренних и духовных дел. В связи с этим в начале 1867 г. управление иностранными исповеданиями в Польше было передано (кроме греко-униатского) командированному Министерством внутренних дел гр. Коскулю.

Гр. Бергом были сформулированы основные принципы, которыми следовало руководствоваться при управлении иностранными исповеданиями. По согласованию с министром внутренних дел и главным начальником с. е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского Набоковым его предложения были внесены на рассмотрение Комитета; на основе этих предложений Комитет принял решение о том, чтобы Валуев, Берг и Набоков составили новый проект организации управления духовными делами, руководствуясь решением Комитета от 27 марта 1867 г. об окончательном

подчинении местных управлений в Польше соответствующим министерствам империи (ЦГИАЛ, ф. 1270, оп. 1, д. 1426, лл. 298—303, 321—326).

284. Алмазные знаки к ордену Андрея Первозванного.

285. Алмазные знаки к ордену Александра Невского.

286. Т. е. орден Андрея Первозванного.

287. Т. е. орден Белого Орла.

288. Чина канцлера.

289. 26 апреля в 1-м департаменте Сената рассматривалось «Дело об отчете и докладе бывшей С.-Петербургской земской управы» (см. комментарий 251), внесенное в Сенат петербургским губернатором 6 марта 1867 г. Губернатор в своем представлении указывал, что 3 января в публичном заседании губернского земского собрания были прочтены доклад и отчет управы. Причем председатель и члены губернской земской управы вышли «из круга дел, представленных ведению земских учреждений» и позволили себе порицать «действия правительственных мест и лиц за время, предшествовавшее введению земских учреждений и не подлежащее их контролю. Это порицание они облекли в выражения, которые не могут быть допускаемы в официальных документах» (ЦГИАЛ, ф. 1-го департамента Сената 1341, оп. 184, кн. 10, № 2502, л. 297). Губернатор сообщал также о критике в земском собрании закона 21 ноября. Департамент признал «изъяснения управы в отчете и докладе неуместными и неосновательными» и постановил взысканиям не подвергать кого-либо из членов земской управы, так как они уже подверглись наказанию.

290. Имеется в виду вопрос о разверстании помещичьих и крестьянских земель в Белоруссии и Литве. См. комментарий 302.

291. Георг I.

292. В связи с этнографической выставкой, организованной в Москве в мае 1867 г. по инициативе славянофильской общественности (Н. А. Попов, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков и др.), а также близких к ней лиц (М. П. Погодин), было решено создать славянский съезд. Общее число приглашенных на съезд представителей общественности западных и южных славян (находившихся преимущественно под властью Австрии) составляло 81 человек, в том числе 27 чехов и 30 сербов. Среди приглашенных были видные деятели славянского движения (Палацкий, Ригер и др.). Поляки на съезде отсутствовали. Созыв славянского съезда преследовал определенные политические цели, великодержавные по своему характеру.

На съезде обсуждались два вопроса: о славянском единстве и взаимности и общеславянском языке, имея в виду под таковым русский. Отношение к этим вопросам славянских гостей, отказавшихся признать русский язык общеславянским, не удовлетворило представителей славянофильской общественности России. Несмотря на то, что созыв съезда преследовал далеко не прогрессивные задачи (представители демократической общественности на нем почти не участвовали), объективно съезд имел некоторое положительное значение, так как способствовал росту культурных связей. Славянская делегация прибыла в Петербург 4 мая в составе 62 человек. Здесь ей был устроен весьма торжественный прием. См. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960, гл. II, стр. 156—259. См. также «Воспоминания Д. А. Милютина», ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 169, картон 16, д. 1, стр. 96—120.

293. См. комментарий № 181 за 1866 г.

294. Имеется в виду Общество взаимного поземельного кредита, образованное в июне 1866 г. для кредитования земельных собственников. Архив общества см. ЦГИАЛ, ф. 591.

295. По-видимому, речь идет об уплате долгов министра императорского двора гр. Адлерберга. См. запись Валуева за 25 марта 1868 г.

296. Имеется в виду телеграмма от Государственного совета.

297. Речь идет о проявлениях верноподданнических чувств к Александру II, вызванных неудачным покушением на него Березовского в Париже.

298. Скульптор М. О. Микешин.

299. В фонде Валуева копии этой записки не сохранилось.

300. Т. е. виленский генерал-губернатор.

301. В архиве Д. А. Милютина (ГБЛ. Отдел рукописей) этой записки не сохранилось. По-видимому, речь в ней шла о положении в Сербии. См. его «Воспоминания» (ГБЛ. Отдел рукописей, ф. 169, картон 16, д. 7, глава «Дела Европейские», стр. 213—231).

302. В журнале Главного комитета об устройстве сельского состояния и в Особом журнале сведений по указанному вопросу не содержится. Внесенный гр. Барановым в мае 1867 г. проект закона о разверстании угодий рассматривался и был отклонен в феврале — марте 1869 г. (см. ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, д. 142, журнал от 17, 24. II, 10 и 24. III 1869 г., лл. 120—125).

Проект предусматривал прекращение пользования крестьянами пастбищными сервитутами, а также требовал обязательного для крестьян разверстания чересполосных угодий. Главный комитет отклонил представленный проект, руководствуясь тем, что крестьяне этих губерний приобрели землю в собственность, а потому разверстание могло быть только добровольным. Главный комитет не согласился и с ликвидацией права пользования сервитутами, имея в виду, что «обязательная отмена оного может быть допущена не иначе, как с полным и справедливым вознаграждением крестьян» (там же, л. 122). См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958, стр. 378—380.

303. 4 июля в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел о том, чтобы сбор с прописки паспортов поступал в бюджет петербургской городской полиции, имея в виду ее реорганизацию. Валуев предлагал увеличить сбор за прописку с дворян, почетных граждан, купцов и мещан и сделать обязательной прописку паспортов в окрестностях столицы по Шлиссельбургскому тракту (где было расположено много фабрик и заводов) на тех же основаниях, что и в Петербурге (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, 1867 г., д. 3275, ст. 473, лл. 38—45).

304. В Комитете финансов рассматривалось представление министра финансов Рейтерна «О выпуске в видах облегчения продажи Николаевской жел. дороги 4% займа на нарицательный капитал в 300 миллионов франков». Данный проект представлял собой не что иное, как новый заграничный заем. Правительство не имело права заключать, согласно условию последнего заграничного займа 1866 г., новые внешние займы в течение определенного срока, вследствие чего и предприняло эту комбинацию.

Комитет финансов утвердил предложение Рейтерна (ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов 563, оп. 2, д. 211). См. также А. А. Головачев. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881, гл. IV, стр. 101—170.

305. 29 июля в Совете министров слушался доклад Рейтерна о пересмотре таможенного тарифа. В докладе указывалось, что существующий таможенный тариф, утвержденный в 1857 г., требует пересмотра «как в видах возможного усиления таможенного дохода, так и в видах облегчения правильной торговли» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 72, л. 2). Далее говорилось, что изменения таможенного тарифа в 1850 и 1857 гг. «не вызвали заметного приращения таможенных доходов, а ограничились только предотвращением упадка доходов», но вместе с тем способствовали некоторому росту отечественной промышленности.

Рейтерн подчеркивал, что в настоящее время необходимо изыскать новые средства «для покрытия возрастающих государственных расходов». При этом указывалось, что некоторое увеличение дохода возможно в ре-

зультате «изменения тех статей тарифа, по которым сие будет признано полезным, как в видах противодействия значительному контрабандному промыслу, вызванному чрезмерностью пошлин, так и в видах облегчения правильной торговли» (там же, л. 5). «Противодействие контрабанде» предполагалось достигнуть улучшением таможенного надзора и главным образом «некоторым уменьшением чрезмерных пошлин, которыми обложены низшие сорта изделий, насколько оно представляется возможным без вреда для отечественной промышленности» (там же, л. 5 об.). Рейтерн ставил вопрос о приращении таможенных сборов за счет повышения фискальных пошлин, не имевших охранительного значения.

Рейтерн высказался за изменение действующего таможенного тарифа и предложил:

1. Установить большую соразмерность между тарифными пошлинами и ценами на такие товары, которые «водворяются контрабандой».

2. Упростить тарифную классификацию и таможенное счетоводство «при очистке» товаров пошлиною.

3. Уравнять пошлины «по морскому и сухопутному привозу».

4. Понизить пошлины «с фабричных материалов».

С этой целью министр финансов предлагал создать специальную тарифную комиссию. Решение в деле отсутствует (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 72, лл. 2—6).

306. В Кавказском комитете слушалось дело «О предназначенных к отводу в частное владение по всемилостивейшему пожалованию участках земли в Кубанской области». Суть дела заключалась в следующем: в течение последних лет в Кубанской области было пожаловано «за отличную службу на Кавказе во время Кавказской войны» 60 генералам и полковникам в вечное владение 119 400 десятин земли. Это пожалование не было должным образом оформлено.

В 1867 г. наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич представил пять планов на отводимые земли и при этом указывал, что в 1864 г некоторая часть этих земель, в недрах которых находятся источники нефти, отданы по контракту на «откупное содержание» полковнику Новосильцову сроком на 8 лет. Наместник Кавказа считал, что эти земли необходимо оставить в распоряжении Новосильцова до окончания контракта. Этот вопрос был передан на рассмотрение министра финансов. Рейтерн, подчеркивая огромное значение развития нефтяных промыслов для увеличения доходов казны, отмечал, что, по его мнению, открытые доселе на *свободных* землях Закавказского края нефтяные источники правительство должно удержать в своих руках «для предоставления разрабатывания их частным лицам на условиях наиболее выгодных для казны» (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 26, д. 30, л. 687).

По мнению же наместника, нефтеносные земли целесообразно (с точки зрения их эксплуатации) оставить в частном владении, облагая владельцев соответствующим акцизом. Министр финансов же настаивал на своем мнении. Комитет принял следующее решение:

1. Земельные участки, пожалованные генералам и офицерам, отвести согласно планам, представленным наместником.

2. Участки земли, на которых находятся уже открытые нефтяные источники, передаются казне; те же, которые находятся в эксплуатации Новосильцова, подлежат передаче казне по окончании срока контракта. (Исключение этого правила делалось на основе «высочайшего указания» только для земель, пожалованных графу Евдокимову.)

3. Все земли, на площади которых будут впредь открыты нефтяные источники, остаются в собственности их владельцев.

4. В дальнейшем нефтеносные участки не подлежат пожалованию.

5. Вопрос об акцизе на нефтяные промыслы рассмотреть особо (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 26, д. 30, лл. 680—711).

307. В Совете министров слушался отчет генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича «О деятельности Морского ведомства за истекшие 5 лет».

Материалы обсуждения вопроса, решение и сам отчет в деле отсутствуют (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 73, лл. 1—9).

308. 21 октября газете «Голос» было сделано первое предупреждение за передовую статью в № 287 «Французская экспедиция в Риме».

31 октября Совет Главного управления по делам печати снова обсуждал вопрос о газете «Голос» по поводу передовой статьи в № 287 «Ненормальность денежного обращения, разменная монета, бумажные деньги», в которой, как утверждается в журнале, доказывалось, «что наши государственные кредитные билеты не имеют достаточной гарантии». Вместе с тем Совет обратил внимание и на передовую статью № 298, написанную по поводу получения газетой первого предупреждения.

Совет на этот раз ограничился тем, что принял все это «к сведению и с соображением на случай необходимости в применении к этой газете какой-либо карательной меры» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 4, л. 316).

Таким образом, Валуев неточен, утверждая, что «на днях» «Голосу» дано предупреждение.

309. По поводу предупреждения газете «Голос» в «Северной почте» 31 октября (№ 238), говорилось следующее: «Правительственная власть, не давая ни одному из журналов, издающихся без цензуры, какого бы то ни было направления и не обязывая их ни к какому предпочтению, не желает допускать, чтобы свобода суждения превращалась в безусловное пренебрежение к чувству приличий». Таким образом, «Голос» обвинялся «в пренебрежении к чувству приличий». По этому поводу в «Московских ведомостях» за 4 ноября (№ 242) говорилось: «...сравнив относительно формы и содержания суждения «Голоса», признанные неприличными, с подобными же суждениями других газет..., можно было бы хотя приблизительно и в общих чертах обозначить ту грань терпимого неприличия в обсуждении политических вопросов, через которую газеты не должны переступать».

310. В указанной статье говорилось, что полемика по прибалтийским делам ведется в такой форме, что не соответствует существу дела, «видам правительства и общественным пользам». Далее отмечалось, что в Прибалтийском крае распространяются «опасения на счет целого ряда принудительных мер, будто бы предназначенных к окончательному устранению всех местных особенностей края, что правительство систематически стремится к стеснению гарантированной законом свободы протестантского вероисповедания и к удалению немецкого языка». В связи с этим подчеркивалось, что правительство «не стремится к принудительному сглаживанию всех оттенков и не имеет в виду безразличного уничтожения всех особенностей края» и что «возбуждение племенной неприязни... противоречит коренным началам государственного единства». Вместе с тем в заключении статьи говорилось, что «высочайшее повеление 1850 года» о распространении русского языка «соответствует общим государственным пользам и потребностям местного населения».

311. Установить, к какому закону относится примечание к статье 62, не удалось. Можно полагать, что речь идет о статье 62 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, № 36650).

В примечании к этой статье, касающейся лиц, «подлежащих ведомству сельского старосты», указывается, что ему не подчиняются лица, проживающие в усадьбах помещиков, состоящие в непосредственном ведении земской полиции.

312. Речь идет о законе 3 января 1850 г. (ПСЗ, 2 собр., т. XXV, отд. I, № 23796). «О введении в коронных присутственных местах Остзейских губерний делопроизводства на русском языке».

313. В Комитете министров обсуждалось представление министра внутренних дел по поводу зимней перевозки по железной дороге арестантов, следующих в Сибирь. Валуев в целях экономии средств предлагал отправлять арестантов на пароходах, а до открытия навигации содержать их в тюрьмах европейских губерний. Предложение министра внутренних дел было одобрено (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1867 г., д. 3283, ст. 716, лл. 143—167).

314. 21 и 28 ноября в Комитете министров рассматривался вопрос «Об установлении порядка производства церковных построек в западных губерниях».

Суть этого дела заключалась в следующем: в 1858 г. на Министерство внутренних дел была возложена обязанность строительства церквей в Западном крае. С этого времени Министерство затратило на постройку церквей 1 789 352 р. 63 к. В 1865 г. виленский ген.-губернатор Муравьев сообщил, что строительство ведется плохо. Муравьев без ведома Министерства внутренних дел создал на местах церковные советы подведомственных ему губерний и отдал под их контроль строительство церквей. Он добивался того, чтобы строительство осуществляли местные власти, однако Министерство этому воспротивилось. Пришедший на смену Муравьеву Кауфман, а также киевский ген.-губ. Безак поддерживали точку зрения Муравьева. Тогда Валуев решил передать строительство церквей Синоду, но против этого возражал Александр II. После этого Министерство внутренних дел совместно с генерал-губернаторами западных губерний разработало систему наблюдения за строительством церквей и представило проект в Комитет министров. По этим условиям общее руководство строительством сохранялось за Министерством, а техническая сторона возлагалась на местную власть. С этой целью предполагалось создать особые губернские церковно-строительные присутствия, под председательством губернатора. Контроль за их деятельностью возлагался на ген.-губернаторов.

Предложения министра внутренних дел были приняты (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1867 г., д. 3283, ст. 743, лл. 322—366).

315. 28 и 29 ноября в Совете Главного управления по делам печати слушался отзыв члена Совета Веселаго о «Заметке», помещенной в № 188 газеты «Москва».

Эта статья была посвящена второму предостережению, объявленному газете.

«В заметке этой,— указывалось в журнале,— говоря с сарказмом, что петербургское литературное начальство в пятый раз (по счету всех объявленных доселе «Москве» предупреждений) удостаивает своим вниманием газету «Москва» — редакция, как бы с угрозой, откладывает объяснение с министром внутренних дел, по личному ее, редакции, вопросу до следующего имеющего выйти номера газеты «Москва» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 4, л. 386).

По мнению члена Совета Веселаго, помещенная «Заметка» дает полное основание для вынесения газете третьего предупреждения.

Совет согласился с мнением Веселаго, полагая, что газета злоупотребляет предоставленным печати правом обсуждения правительственных распоряжений, разрешая себе «неуважительно относиться к этим распоряжениям» (там же).

316. А. Г. Казначеевым.

317. Речь идет об обсуждении отчета по управлению Юго-западным краем с 1 октября 1866 г. по 15 ноября 1867 г. (см. ЦГИАЛ, ф. 263, д. 3283. Журнал 12 декабря 1867 г., ст. 779). Отчет Безака находится в этом же фонде, д. 3288.

318. 20 декабря в «Северной почте» была опубликована статья по поводу римско-католической церкви. В этой статье указывалось, что «упра-

зднение польского вопроса невозможно без разобщения католицизма от полонизма через допущение русского языка в католической проповеди, молитвенниках и тех частях богослужения, где ныне употребляется язык польский». Далее говорилось, что практическим шагом в этой области явилась организация в Саратове римско-католической семинарии, которая представляет собою «первый рассадник католического духовенства, воспитываемого не в польских идеях и стремлениях».

21 декабря в «Северной почте» была помещена статья, посвященная цензурным правилам 6 апреля 1865 года. В статье говорилось об обсуждении в печати этого вопроса, оспаривалось суждение о стеснительности цензурных условий для периодической печати. Тут же указывалось, что «ни отмены, ни существенного изменения этих начал теперь не предвидится».

319. По-видимому, имеются в виду «Литературные воспоминания 1830—1839 гг.», изданные в 1860 г., либо его же «Очерки из петербургской жизни нового поэта», ч. I—II. СПб., 1860. Первая часть «Литературные кумиры, дилетанты и проч. (Из моих воспоминаний)».

320. Ни в «Воспоминаниях» Д. А. Милютина (ГБЛ. Отдел рукописей), ни в памятной книжке Александра II за 20 декабря упоминаний об этом не имеется.

321. В памятной книжке Александра II в записи за 21 декабря содержится следующая фраза: «Док[лад] Милют[ина] (Сцена за Черняева)» (ЦГИАМ, ф. 678, д. 321).

322. В заседании Совета министров был заслушан доклад министра финансов о продаже Николаевской ж. д. По мнению Рейтерна, дорога должна быть передана частной компании — Главному обществу Российских железных дорог. В связи с этим был составлен проект концессии, по которому Николаевская ж. д. передавалась Обществу на определенных условиях сроком на 84 года.

Александр II предложил, не предрешая вопроса о передаче дороги Главному Обществу, министерствам путей сообщения и финансов по согласованию с министрами военным и юстиции выработать детальные условия передачи дороги (определение тарифа, организация ее управления и т. д.). Эти условия должны были быть рассмотрены в Особом комитете под председательством графа Строганова, а затем переданы на утверждение императору (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 75, лл. 1—36).

323. Вопрос об однодворцах и гражданах Западного края решался в соединенном присутствии Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департамента законов Государственного Совета 4 декабря 1867 г. Соединенное присутствие одобрило представление министра внутренних дел, предусматривавшее ликвидацию сословных прав польской шляхты и однодворцев и включение их «в общий состав сельских и городских обывателей». Предложения Валуева были направлены на «устранение отдельного от других сословий существования и самого названия польской шляхты» (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. № 60 за 1867 г., л. 38).

29 января журнал заседания Главного комитета и Департамента законов был утвержден Общим собранием Государственного совета, а 19 февраля 1868 г. его утвердил Александр II.

Что касается заседания 8 января, о котором пишет Валуев, то оно, по-видимому, носило частный характер и не нашло своего отражения в указанном деле.

324. Царане — юридически свободное сословие безземельных крестьян в Бессарабии. В начале 1868 г. в Главном комитете об устройстве сельского состояния был разработан проект реформы в отношении царан, обсуждавшийся затем в Государственном совете. После утверждения его императором он приобрел силу закона 14 июля 1868 г. См. «Поло-

жение о поземельном устройстве поселян — царан Бессарабской области, водворенных на землях частных владельцев, министерских и других духовного ведомства экономий» (ПСЗ, 2 собр., т. XLIII, № 46133). См. также Я. Гросул и И. Будак. Крестьянская реформа в 60—70-х годах XIX века в Бессарабии. Кишинев, 1956.

325. Указанная записка в фондах Архива внешней политики России, так и в личных фондах Александра II и гр. Н. П. Игнатьева (ЦГИАМ), не обнаружена.

326. Во второй половине 60-х годов происходило перевооружение армии стрелковым оружием, заряжавшимся с казенной части. Изготовление новых и переделка находившихся на вооружении винтовок была поручена оружейным казенным заводам и частным фабрикантам-контрагентам (Нобелю, Шуфу, Шмальцеру и др.). Однако в течение 1867 г. производство и переделка винтовок не были организованы. См. П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952, стр. 171—172.

327. По-видимому, речь идет об обсуждении в Департаменте Государственной экономии Государственного совета вопроса о дополнительных кредитах на сооружение железной дороги от Елисаветграда до Кременчуга. Вопрос обсуждался в Государственном совете по представлению министра путей сообщения с 19 ноября 1866 г. до начала февраля 1868 г.

5 февраля 1868 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета об отпуске на строительство указанной железной дороги по смете Министерства путей сообщения на 1867 г. 2 162 323 р. 40 к. и на 1868 г.—2 643 207 р. 19 к. (ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. т. VII, д. 745 за 1866 г.).

328. Речь идет о помощи России сербскому национально-освободительному движению. См. ГБЛ, Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина 169, папка 16, д. 1, глава «Дела сербские», стр. 213—231; там же документальный материал, папка 36, дд. 39—68. См. также статьи С. А. Никитина «Дипломатические отношения России с южными славянами в 60—70-х годах XIX века», стр. 262—290 в «Славянском сборнике». М., 1947 г., ч. 1. Образование сербского, польского и чешского государств. Часть 2. Исторические связи славян.

329. 22 января в № 20 «Русского инвалида» была опубликована статья К. В. Мещерского «Воззвание о помощи». В ней говорилось о задачах созданного в Петербурге Комитета, который «призван единством действий оказывать скорую и верную помощь для тех местностей империи, где, как, например, в Архангельской, Олонецкой, сибирских и некоторых других губерниях, одного местного вспомоществования усилиями правительства и земства недостаточно для обеспечения продовольствием народа в течение нынешнего года». Автор статьи обращался с призывом к купцам, хлеботорговцам, «ко всем имущим» помочь голодающим. В заключение сообщалось, что подписка «от имени государыни-цесаревны» начинается с 22 января.

330. В рескрипте, подписанном Александром II и императрицей на имя наследника престола, сообщалось о создании в Петербурге временной комиссии под председательством вел. кн. Александра Александровича для помощи пострадавшим от неурожая. В задачу комиссии входило сосредоточение всех пожертвований и правильное их распределение («Северная почта», № 18, 24 января 1868 г.).

331. В № 25 газеты «Голос» от 25 января была напечатана заметка, полученная из Главного управления по делам печати и направленная против статьи в № 23 «Голоса». В последней содержалось утверждение, что возникновение голода произошло по вине администрации. В указанном выше сообщении, о котором, по-видимому, и говорит Валуев, отрицалось наличие в России голода. «В некоторых губерниях,— говорилось в

сообщении.— существует необыкновенное возвышение цен на хлеб, а местами и затруднение в получении оного, вследствие чего встречается *нужда* в продовольствии в некоторых, впрочем немногих, местностях довольно тяжелая, требующая скорой помощи, но не *голод*».

332. Валуев допускает неточность. Заседание Совета министров происходило не 1, а 2 февраля. На заседании был заслушан «всеподданнейший доклад по Военному министерству 1 января 1868 года». В деле обсуждение и решение не отражены. Обсуждавшийся текст доклада также отсутствует (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 76, лл. 1—6). Указанный доклад (литографированный отпуск) хранится в фонде Д. А. Милютина. ГБЛ. Отдел рукописей, картон 30, д. 1.

333. См. комментарий 330.

Деятельность комиссии отражена в дневнике наследника престола вел. кн. Александра Александровича (см. ЦГИАМ, ф. Александра III, 677, д. 301).

334. Валуев неправ, утверждая, что опустошение запасных хлебных магазинов являлось чуть ли не главной причиной наступившего голода (см. комментарий 331). Пресса и современники придерживались другого мнения, считая, что голод возник вследствие нераспорядительности Министерства внутренних дел. Так, А. В. Головнин, отличающийся добросовестностью в оценках и в целом благожелательно относившийся к Валуеву, говоря о деятельности комиссии помощи голодающим, возглавлявшейся наследником престола, писал: «Комиссия поставила себя как бы следственной или ревизионной над действиями Министерства внутренних дел, призывала директоров (департаментов.— *П. З.*) Министерства, губернаторов, предводителей дворянства, городских голов, делала им допросы и громко порицала Министерство за непринятие своевременных мер к пособию голодающим, за большие упущения по народному продовольствию и за умышленное уменьшение в своих докладах и отчетах существующего бедствия. Должно, впрочем, сказать,— заключал Головнин,— что в этих обвинениях было много правды» (ЦГИАЛ, ф. Головнина, № 851, д. № 8, лл. 10—11).

335. Указанный вопрос рассматривался в Комитете по делам Царства Польского 26 февраля. 3 марта, судя по журналам, заседания не было. Возможно, что в этот день заседание носило неофициальный характер, или оно было созвано для подписи и обсуждения журнала заседания 26 февраля.

В заседании Комитета 26 февраля рассматривалось «Представление министра внутренних дел об окончательном устройстве управления духовными делами иностранных исповеданий в губерниях Царства Польского».

Проект предусматривал образование в Варшаве особого управления для заведования местными духовными делами иностранных исповеданий (т. е. римско-католического). По этому вопросу возникли разногласия, вследствие того, что представленный проект противоречил «высочайшему повелению» 8 декабря 1866 г. об упразднении всех центральных учреждений в Варшаве и подчинении тех или иных местных административных органов соответствующим министерствам в Петербурге.

Три члена Комитета (Набоков, Берг и Валуев) считали, что представленный проект не противоречит указанному выше «повелению», так как общее руководство иностранными исповеданиями сосредоточивается в соответствующем департаменте Министерства внутренних дел, а в Варшаве будет образована местная канцелярия во главе с чиновником министерства.

Пять же членов (Гагарин, Чевкин, Д. А. Милютин, Рейтерн, Татаринов) и два члена Учредительного комитета (Соловьев и Маркус) считали, что предложение Валуева приведет к созданию в Варшаве самостоятельного центрального управления.

Комитет по делам Царства Польского, не приступая к обсуждению вопроса, постановил изложенные выше мнения представить на утверждение императора.

Кроме этого, на заседании было рассмотрено еще шесть вопросов, по которым разногласий не последовало. 1. «Об упразднении Комиссии внутренних и духовных дел». 2. «О зачете владельцам недвижимых имуществ в городах в уплату недоимок процентов по ликвидационным делам». 3. «О назначении пособия от казны частному музыкальному институту в Варшаве». 4. «О новом выпуске закладных листов земского кредитного общества». 5. «О пособиях майоратным владельцам». 6. «О разрешении земскому кредитному обществу в Царстве Польском выпустить облигации на 1,5 млн. руб.» (ЦГИАЛ, ф. 1270, оп. 1, д. 1428).

336. Копия записки «О положении дел печати, датированная 8 февраля 1868 г., хранится в фонде Валуева (ЦГИАЛ, ф. № 908, оп. 1, д. 27, лл. 72—94).

В записке дается подробная характеристика правительственной политики в отношении печати с 1861 г. Подробно останавливаясь на законе 6 апреля 1865 г., Валуев указывал, что в результате обсуждения проекта в Государственном совете он изменил свой характер. «Характер закона,— писал он,— как будто изменил свой вид и принял свойства узаконения льготного, расширяющего права печати. Между тем как прямой повод к его изданию и прямая цель его составления заключались в необходимости вооружить правительственную власть теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых они уже не находили в прежних цензурных узаконениях» (лл. 74—75).

Характеризуя состояние прессы, Валуев отмечал, что «в настоящее время нет у нас ни одной сколько-нибудь значительной газеты, которая бы искренне сочувствовала нашему государственному строю... Напротив, все сочувствуют представительным формам правительства... Между ее различными органами,— продолжал он,— есть оттенки по форме, а не по существу мысли. Заветною мечтою «Голоса» может быть система всеобщей подачи голосов; мечтою «Вести» преобладание крупных землевладельцев, мечтою «Москвы» и «Москвича» народное вече или земская сходка; мечты «Московских ведомостей» могут быть более других рассудительными и сдержанными, но они все имеют одно общее свойство и это свойство заключается в их несходстве с данными формами нашего государственного быта» (лл. 89—91). При всем этом, по мнению Валуева, пресса все же приносит определенную пользу и в силу этого ее не нужно подавлять, а необходимо противопоставить ей сильную правительственную власть.

Руководствуясь этим, Валуев в конце записки делал следующие три общих заключения:

«1. Надлежит оставить в полной силе коренные начала закона 6 апреля. При пересмотре заключающихся в нем постановлений следовало бы далее усилить способы влияния административной власти...

2. Какому бы учреждению или какому бы лицу впредь не было вверено заведование делами печати, ему должно быть оказываемо в этом деле надлежащее содействие со стороны всех правительственных ведомств. Влияние на прессу невозможно, если ей дан будет повод предполагать, что она в среде самого правительства может находить себе опору против той правительственной власти, которой она законно подведома.

3. Правительство, не связываемое с прессой через посредство организованных политических партий, может находить в ней только случайного или временного союзника. Есть случаи, когда совпадение взглядов на предстоящие вопросы или общность прикосновенных государственных интересов, дозволяют правительству опираться на прессу и пользоваться ее влиянием. Но во всех других случаях, или, так сказать, в обиходе деятельности прессы, правительство может видеть в ней только противника.

И это начало заслуживает внимания не только в кругу административных распоряжений, но и в области законодательства» (лл. 92—93).

337. Копия записки «О положении губернского управления» сохранилась в фонде Валуева в двух экземплярах (ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, д. 27, лл. 103—130, и д. 205).

Записка посвящена вопросу о положении губернской администрации и в первую очередь губернаторов. Валуев указывает, что в результате осуществленных реформ власть губернаторов значительно уменьшилась. Ряд отраслей управления (акциз, органы государственного контроля, судебные и земские учреждения) не подчиняются губернской администрации. Финансовое положение губернаторов, указывал Валуев, также весьма скудно. «Губернаторы, о которых отзываются с таким пренебрежением, которые менее обеспечены средствами, чем управляющие акцизными сборами, менее самостоятельны, чем управляющие контрольными палатами, менее точно и определительно подчинены одному начальству, чем прокуроры...» (л. 120). Далее автор говорит о пренебрежительном отношении общественного мнения к губернаторам, а также органам полиции.

В заключение Валуев писал: «Если финансовые средства не позволяют нам везде и быстро усилить состав полиции, то по крайней мере следует дать ее наличному слабому составу то значение и ту уверенность в возможности исполнять свои обязанности, без которых она не в состоянии оберегать общественный порядок. Прокурорам следует вменять в непременную обязанность не только не потворствовать попыткам к потрясению законной силы и законного значения распорядительных властей, но возбуждать во всех таких случаях судебное преследование. Все это относится в равной мере и к первенствующей в губерниях административной власти губернаторов. Следует, по возможности, объединить губернскую администрацию в данных формах губернского правления и предупреждать раздор властей, всегда имеющий деморализующее влияние. Недоразумения и пререкания, возникающие на местах, надлежало бы немедленно прекращать по указаниям высших начальств, а в случае несогласия между ними представлять на разрешение Комитета министров. Наконец, следовало бы сделать положительно известным по всем без исключения административным ведомствам, что всякое враждебное противопоставление «общества» правительству, всякое публичное выражение недоверия к правительству в совокупном его составе и всякое публичное содействие по делам сословным к возбуждению столкновений между сословиями и центральной администрацией признаются несогласными с прямыми обязанностями коронной службы» (лл. 129—130).

338. Указанная записка в фонде Валуева не обнаружена. См. комментарий 339.

339. 13 февраля в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел о прекращении издания газеты «Москвич», издававшейся в декабре 1867 г. после запрещения «Москвы». Официальным издателем-редактором был некий Андреев, фактическим — И. С. Аксаков. Уже в первом номере газеты указывалось, что «со стороны редакции были употреблены всевозможные усилия и меры в пределах, допустимых формальным законом, чтобы ни в правительстве, ни в публике не осталось даже признака сомнения в том, что «Москвич» — решительно и положительно одно и то же издание, что «Москва»» («Москвич», № 1 от 23 декабря 1867 г.).

В представлении указывалось, что «Москвич» с первого номера принял все, включая даже и шрифт, от газеты «Москва». «Очевидно,— писал Валуев,— такое безусловное сходство всех внешних признаков новой газеты с прежней, не есть случайное, а употреблено преднамеренно для убеждения публики, что правительственная кара, постигшая «Москву», в сущности бессильна и что эта газета на зло правительству не перестает

издаваться, хотя под другим названием» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3335. «Особый журнал», 13 февраля 1867 г., л. 17). Особенно обрушивался министр внутренних дел на передовую статью № 35 газеты, расценивая ее, как «выходящую из всех пределов терпимости в отношении к печати, как по грубости формы, так и по содержанию, которое есть ряд оскорблений прежним и нынешним административным властям» (там же, л. 18).

Валуев предложил прекратить издание «Москвича» без объявления предварительных предостережений. Комитет министров постановил испросить «высочайшее» разрешение на закрытие газеты. 18 февраля «Москвич» был закрыт.

340. Записка «О положении крестьянского дела», датированная 15 февраля, хранится в архиве Валуева (ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, д. 27, лл. 51—71). В записке рассматривался ряд вопросов и в первую очередь состояние органов крестьянского общественного управления. «От самой полной во всех отношениях подчиненности и зависимости,— писал Валуев,— крестьяне перешли к самоуправлению в таких широких размерах, какие никогда не были предоставлены так называемым привилегированным сословиям и какие и ныне не присвоены самоуправлению земства, которое есть совокупность всех сословий» (л. 55). Вследствие этого, по его мнению, происходит ряд отрицательных явлений, в частности, уменьшилось количество хлеба в запасных магазинах у бывших помещичьих крестьян на 6 млн. четвертей (около 50 млн. пудов). Валуев указывал также на непроизводительное расходование общественных капиталов. Далее в докладе говорилось об усилении власти «мира» над личностью крестьянина, о чем свидетельствуют совершенно необоснованные приговоры общества. Валуев приводит факты ссылки в Сибирь за колдовство, супружескую неверность, присуждения штрафа за работы в праздничные дни — штрафа в виде поставки вина в пользу общества. Вместе с тем отмечались факты отзыва в деревню богатых крестьян, владельцев предприятий и промыслов для «выборной службы» с последующим освобождением их за значительные суммы. Валуев указывал на вредное влияние круговой поруки. В качестве примера приведен случай описи за общественные недоимки фабрики стальных изделий, принадлежащей одному из крестьян. В докладе говорится также о вреде общинного землепользования. «Есть местности,— пишет Валуев,— где по данным условиям хозяйства и свойству поселений оно более или менее неизбежно. Но есть и другие местности, где можно было с надлежащей осторожностью и без всякого принудительного вмешательства правительственной власти предоставить большой простор и оказывать возможное поощрение постепенному распространению участкового хозяйства» (лл. 61—62). Валуев останавливается и на вопросе о волостном суде, считая целесообразным сужение его функций за счет передачи их мировому. Так, он полагал возможным передать мировому суду вопрос о разрешении семейных разделов, оказывавших, по его мнению, отрицательное влияние на положение крестьянства.

Таким образом, в записке ставился вопрос об ограничении прав органов крестьянского общественного управления. В заключение Валуев рекомендовал осуществить ряд мер, долженствующих затруднить отказы крестьян от своих наделов после 19 февраля 1870 г. Судя по отметкам на полях, записка была положительно воспринята Александром II.

341. Копия записки «О положении дел Западного края» хранится в фонде Валуева (ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, д. 27, лл. 94—102). Записка содержит краткую характеристику мер, принятых правительством в целях подавления восстания, а во второй своей части посвящена положению в этих губерниях. Какие-либо выводы и предложения отсутствуют. В первой части приводятся не лишенные интереса данные, касающиеся репрессивных мер, предпринятых по отношению к жителям западных губерний, замешанным в польском национально-освободительном движении.

«Из 9 западных губерний,— пишет Валуев,— сослано и выслано до 1868 года 17 516 человек, в том числе в каторжную работу — 1793, в арестантские роты — 1784, на поселение с лишением всех прав или на жительство с лишением некоторых прав — 1144, на водворение (по-видимому, высылка для свободного проживания во внутренних губерниях.— *П. З.*) — 8813, под надзор полиции—3982. Кроме того, в Сибирь доставлено 2094 человека, принадлежность которых к Царству Польскому или Западному краю до сих пор не могла быть разъяснена» (л. 95).

Далее указывалось на установление весьма тяжкого для землевладельцев процентного сбора, составляющего нередко почти весь доход с имений. Сообщаются сведения о закрытии римско-католических храмов: закрыто 34 монастыря, 128 костелов, 67 каплиц. Кроме того, обращены в православные 40 костелов и 17 каплиц (лл. 96—97).

«Из этого беглого обозрения,— пишет Валуев,— видно, что правительство много сделало для достижения великой государственной цели. Перечисляя то, что им сделано, нельзя не остановиться перед вопросом: каких результатов оно достигло?» (л. 98). Отвечая на этот вопрос, министр внутренних дел констатирует весьма нерадостную картину. Так, реализация реформы 1863 г. протекала следующим образом: «До 1 января нынешнего года было утверждено только 13 188 выкупных актов, относящихся до 1 306 000 крестьян. Всего же бывших помещичьих крестьян в 9 западных губерниях слишком вдвое больше, а именно 2 800 000» (л. 98).

Неудовлетворительно разрешается, по его мнению, и вопрос о распространении русского землевладения в крае. Так, из 15 000 имений, принадлежавших помещикам-полякам, в руки русским перешло только 453, несмотря на то, что для этих целей отпущен кредит в размере около 1 млн. руб.

В заключение Валуев пишет следующее: «Производительность края уменьшилась, особливо в северо-западных губерниях. Значительное число малых и средних землевладельческих хозяйств совершенно разорено. Все части управления по ведомству Министерства внутренних дел находятся в исключительном, переходном, временном состоянии. Особенности этого состояния, между прочим, усматриваются из того обстоятельства, что край, где сохраняется военное положение, может быть управляем генерал-губернатором из Петербурга, как было в последнее время в течение 8 месяцев из 14» (л. 100).

342. См. комментарий 352.

343. 20 февраля в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел «О мерах к обеспечению народного продовольствия по случаю неурожая». Валуев указывал, что неурожай имеет место в ряде северных и западных губерний, и перечислял меры, принятые Министерством, для оказания помощи голодающим (отпуск хлеба из запасных магазинов, выделение денежных ссуд, продажа хлеба и т. д.).

Бóльшая часть представления посвящена положению в Смоленской губернии, где размер неурожая был особенно велик и местные власти не приняли своевременно необходимых мер для ликвидации его последствий. Валуев отмечал, что им сделаны распоряжения о заготовке 37 тысяч четвертей хлеба (для Смоленской и Эстляндской губерний) в Тамбовской, Киевской или Черниговской губерниях. Комитет министров постановил: 1) утвердить распоряжения Министерства внутренних дел об оказании помощи голодающим; 2) открыть Министерству кредит в 900 тыс. руб. из продовольственного капитала для оказания помощи населению Смоленской губернии; 3) заготовленный хлеб передать в распоряжение земства; 4) Министерству внутренних дел совместно с земством и другими министерствами изыскать возможность для организации общественных работ в целях предоставления заработка голодающему населению.

На этом же заседании рассматривался также вопрос об ассигновании 60 тыс. руб. на закупку продовольствия для населения Эстляндской губернии (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3335. «Особый журнал» 20 февраля 1868 г., ст. 119, 120, лл. 68—221).

344. В феврале 1868 г. Комитетом министров было вынесено решение о сооружении полотна железной дороги Москва — Смоленск. Это было вызвано в первую очередь необходимостью оказания помощи голодающим в Смоленской губернии. Ведение работ поручалось Смоленскому и Московскому земствам. На строительство отпускалось 680 тыс. руб. 25 февраля 1868 г. решение Комитета министров было утверждено Александром II., Н. А. Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета министров, т. I. СПб., 1901, стр. 322—323.

345. В ноябре 1867 г. министр внутренних дел сделал в Государственный совет представление «О порядке выдачи билетов на квартиры и подводы от земства». Речь шла о расквартировании и передвижении войск и выдаче земскими управами соответствующих бланков на обывательские подводы. Валуев указывал, что существующий порядок имеет ряд неудобств, и предложил законодательным путем внести соответствующие изменения. Представление Валуева рассматривалось в Департаменте законов 16 декабря 1867 г. и 20 января 1868 г. и было утверждено (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VII, д. 2 за 1868 г., лл. 61—73).

346. С 16 мая 1867 г. по 13 мая 1868 г. в Государственном совете рассматривалось представление обер-прокурора Синода от 14 мая 1867 г. «Об общих актах состояний, содержимых по духовному ведомству православного исповедывания». Вопрос этот был возбужден в связи со стремлением изыскать дополнительные средства для улучшения содержания местного духовного управления вообще и духовных консисторий в частности. Гр. Толстой предложил в этих целях установить особый сбор за запись в метрические книги актов о рождении и крещении в размере 10 коп., бракосочетании — 50 коп., смерти и погребении — 5 коп. Этот сбор должен был составить ежегодно 583 953 руб.

При обсуждении этого вопроса в соединенных департаментах половина членов Государственного совета одобрила это мероприятие, а другая — сочла неудобным изыскание подобным образом средств для улучшения положения духовенства, полагая необходимым увеличить ассигнования на его содержание. Желая примирить две противоположные точки зрения, гр. Шувалов предложил установить этот сбор, но взыскание его поручить полиции, а не церковному причту.

В конце концов соединенные Департаменты приняли решение о том, что вопрос об увеличении содержания на духовное управление должен быть отделен от вопроса о взимании платы за запись в метрические книги. Никакого конкретного решения ни по тому, ни по другому вопросу принято не было. 15 апреля в общем собрании Государственного совета заключение соединенных Департаментов было утверждено (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VII, д. 104 за 1867 г.).

347. Курортное место на озере в Южной Баварии, в бассейне реки Изар.

348. Митрополит Арсений.

349. См. комментарий 352.

350. В связи с решением о продаже Николаевской ж. д. в конце 1867 г. поступило четыре предложения о приобретении ее во временное владение: 1) от железнодорожного предпринимателя Полякова; 2) от американского капиталиста Уайненса; 3) Московского товарищества Кокорева, Мамонтова и Рукавишникова; 4) Главного управления Общества Российских железных дорог. Министр финансов Рейтерн высказался в пользу последнего претендента, руководствуясь тем, что в данном случае не придется создавать вновь акционерное общество с выпуском новых акций.

При этом Рейтерн полагал, что выпуск в этом случае небольшого по объему облигационного займа будет обеспечен не только одной Николаевской дорогой.

21 декабря 1867 г. доклад Рейтерна обсуждался на заседании Совета министров, который принял следующее решение. Не предрешая финансовых условий передачи Николаевской ж. д., а также вопроса о том, кому именно она должна быть передана, выработать условия передачи дороги, для чего создать междуведомственный комитет под председательством гр. Строганова (см. комментарий 322 за 1867 г.). См. также Н. А. Кислинский. Указ. соч., т. I, стр. 363.

Названный комитет в начале 1868 г. выработал соответствующие условия. Для решения вопроса о том, кому из претендентов следует продать Николаевскую дорогу, было создано соединенное присутствие из членов указанного Комитета и Комитета финансов под председательством вел. кн. Константина Николаевича. При обсуждении этого вопроса в соединенном присутствии было отмечено, что соискатели не соглашаются внести капитал, равный стоимости Николаевской ж. д., а предлагают иные условия. Соединенное присутствие сочло, что наиболее выгодными являются предложения Московского товарищества и Главного правления общества Российских железных дорог. Большинство присутствия (8 членов из 14) высказывалось за предложение Общества Российских железных дорог. Вопрос этот позднее рассматривался в Комитете министров и Совете министров. 9 июня Александр II принял решение о продаже Николаевской ж. д. Главному обществу Российских железных дорог. Основные условия «продажи» заключались в следующем: Общество принимало на себя погашение и уплату процентов по выпущенному займу 1867 г. (см. комментарий 304 за 1867 г.), а также обязывалось передать в распоряжение правительства новый выпуск своих облигаций. В свою очередь правительство предоставляло обществу в ближайшие два года кредит в сумме 13 250 тыс. руб. для необходимых расходов по капитальному ремонту дороги. Таким образом, той выгоды, о которой говорил Рейтерн, ставя вопрос о продаже Николаевской ж. д. (см. комментарий 266 за 1867 г.), правительство не получило. См. Н. А. Кислинский. Указ. соч., стр. 303—321; А. М. Головачев. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881, стр. 104—109.

351. Стихотворение принадлежит перу С. Соболевского — «Корифеи московских славянофилов». См. «Эпиграммы и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», сост. С. А. Островский, т. II, 1932, стр. 104—105.

352. В указанной статье сообщалось, что в январе 1867 г. префект парижской полиции сообщил русскому послу в Париже, бар. Будбергу, о том, что русский подданный бар. Рудольф Мейендорф «весьма причудлив и подвержен раздражениям, доводящим его без всяких побудительных причин до насильственных действий». Префект выражал опасение «за нормальное состояние его умственных способностей».

Посол направил бар. Мейендорфу письмо, в котором указывал на недопустимость его поведения, недостойного русского офицера. В ответ на это Мейендорф совершил нападение на Будберга, находившегося в феврале в Вервье. Будберг рассматривал это нападение, как результат ненормальности Мейендорфа, о чем и сообщил в Министерство иностранных дел. Мейендорф, находясь в Лондоне, напечатал в одной из газет заключение лондонских врачей о том, что «он страдает сильным разражением сердца, но находится в здравом уме». Будберг, сочтя себя оскорбленным, вызвал Мейендорфа на дуэль, которая состоялась в Мюнхене. Следствием дуэли явилась отставка Будберга.

353. Материалы заседания Комитета финансов по данному вопросу в указанном фонде не обнаружены (см. ЦГИАЛ, ф. Комитета финансов).

354. Речь идет о попечительном о тюрьмах обществе, основанном в 1819 г. По уставу 1851 г. в состав Общества входили С.-Петербургский и Московский мужские и женские благотворительные комитеты, мужские комитеты в губернских и портовых городах, а также женские отделения губернских комитетов. Во главе последних стояли жены губернаторов. Валуев имеет в виду, по-видимому, Петербургский женский благотворительный комитет. См. Г е р н е т. История царской тюрьмы, т. I. М., 1960 г., стр. 139—145.

355. Указанные записки в фонде Министерства финансов, а также копии их в фонде Валуева нами не обнаружены.

356. 27 апреля 1868 г. в газете «Москва» была помещена статья, ставившая вопрос о свободе совести в России. Поводом для статьи явилась мысль, высказанная М. П. Погодиным в одном из номеров газеты «Русский». М. П. Погодин выражал убеждение, что если бы в России была введена свобода совести, то половина крестьян ушла бы в раскол, а половина русских барынь — «в объятия прелестных аббатов», т. е. в католичество. Развивая эту мысль, «Москва» указывала, что, следовательно, значительная часть верующих «удерживается в ней (в церкви) только страхом государственного наказания».

Далее в статье отмечалась недопустимость подобного явления. «Опираясь на полицию, церковь как бы признает недостаточность, неблагонадежность своей опоры — опоры божией... Взяв на себя ограждение церкви от натиска видимых соблазнов, государственная власть бессильна, однако же, оградить ее от внутреннего растления, которое ни от чего другого не происходит, как от вторжения в «царство не от мира сего» в область божию, начала мирского, внешнего...»

В заключении статьи указывалось, что «требование свободы совести есть требование свободы для самой церкви, свободы от опеки государственной».

357. Речь идет о передовой статье «Московских ведомостей» от 15 октября 1869 г., в которой подвергался критике образ действий виленского ген.-губернатора Потапова, стремившегося своими распоряжениями (27 июля, 29 августа) фактически изменить Положение 26 марта 1869 г., в котором излагался порядок введения в действие выкупных актов. Согласно Положению, за крестьянами сохранялась вся та земля, которая находилась в их действительном владении. Генерал-губернатору только в исключительных случаях разрешалось приостанавливать действие выкупного акта и вносить его на рассмотрение Главного комитета об устройстве сельского состояния. Это Положение было выработано Главным комитетом в результате рассмотрения представленного ген. Потаповым «Проекта устройства крестьянского дела в Северо-западном крае». Проект этот был отвергнут вследствие того, что он ставил своей задачей ликвидировать льготы, которые крестьяне получили по реформе 1863 г. (подробно см. П. А. З а й о н ч к о в с к и й. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 378—386).

Смысл распоряжений Потапова сводился к стремлению вернуть польским помещикам часть земель, предоставленных крестьянам по реформе 1863 г. «В Вильне случилось событие необычайное,— говорилось в передовой статье.— Важность государственных интересов, которых оно касалось, обязывала нас не ограничиваться одним заявлением этого поразительного факта, но раскрыть его значение и войти во все его подробности. Мы говорим о распоряжениях администрации, отменивших недавно изданный закон по крестьянской реформе в Северо-западном крае и поставивших на место закона отвергнутый им проект». (См. комментарий 302 за 1867 г.) «Вопрос заключается в том,— продолжала газета,— что в целом ряде предписаний виленского генерал-губернатора, появившихся в течение прошлого лета..., одинаково приказывалось местным миро-

вым учреждениям исполнять Положение 26 марта в смысле, прямо ему противоположном. Именно приказано было применять этот закон в том смысле, как будто он утверждает за крестьянами не действительное владение их, а земли, предоставленные им по выкупным актам, а следовательно, предписывает делать отрезки от земель действительного владения крестьян». «Московские ведомости» полемизировали по этому вопросу и с газетой «Весть», полностью поддерживавшей Потапова. См. комментарий 359.

358. 2 ноября была учреждена Особая комиссия «для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати и для приведения их в надлежащую систему, ясность и полноту». Председателем комиссии был назначен главноначальствующий II отделением с. е. и. в. канцелярии кн. Е. И. Урусов. Комиссия в конце 1871 г. разработала соответствующий проект, который не был реализован. Содержание указанного проекта см. К. К. Арсеньев. Законодательство о печати. СПб., 1903, стр. 72—80.

359. 27 октября, 10 и 17 ноября в Главном комитете об устройстве сельского состояния рассматривался вопрос об исполнении «Правил относительно введения в действие выкупных актов в Северо-западном крае». Главный комитет пришел к заключению, что распоряжения Потапова «обнаруживают существенное различие в понимании Положения 26 марта и могут подать местным исполнителям повод, вопреки правил 26 марта с/г., принимать за главное основание для определения поземельных прав крестьян показания, заключающиеся в выкупных актах, и на этом основании уменьшать или изменять крестьянские наделы» (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, д. 143, лл. 133—154).

Вызванный на заседание Потапов вынужден был признать, что им допущена ошибка.

360. Материалы указанного совещания в фондах ЦГИАЛ не обнаружены.

361. 20 ноября в Совете министров рассматривалась обширная записка министра внутренних дел г.-ад. Тимашева «О злоупотреблении печатным словом». В начале записки Тимашев отмечал, что в периодической печати «имели и имеют место явления, не согласные с условиями нашего государственного строя и выходящие из пределов дарованного ей права обсуждения дел общественных. Некоторые органы дозволяют себе вторгаться в сферу деятельности высших правительственных властей и подвергают резкому критическому разбору не только их действия и распоряжения, но и самые руководящие ими побуждения, присваивая себе, таким образом, роль высшего общественного суда над достоинством и личными свойствами непосредственных органов державной власти». Далее Тимашев подвергал критике «Временные правила» 6 апреля 1865 г., отмечая их неполноту, вследствие чего бороться с нарушениями этих правил довольно трудно. В частности, Тимашев, имея в виду «Московские ведомости», указывал, что некоторые печатные органы заняли «исключительное нравственно стесняющее администрацию» положение. Характеризуя позицию «Московских ведомостей», он отмечал, что, «не отрекаясь от прежней страстности в суждениях, резкости заключений, подозрительности и нетерпимости, газета все более и более начала выступать из пределов, представленных законом для печатного слова, волнуя и раздражая не установившееся еще у нас общественное мнение... Она,— продолжал Тимашев, — повела систематическую и настойчивую агитацию против высших правительственных лиц, не разделявших ее взглядов на те или другие предметы». Министр отмечал, что особенно нетерпимыми стали «Московские ведомости» после их временного запрещения. «Получив возможность,— писал он,— вновь возвратиться к прежней редакторской деятельности, они (т. е. издатели.— *П. З.*) вооружились новым, совершенно исключи-

тельным правом, как бы освободившим их и впредь от подчинения законным распоряжениям администрации дополнительным параграфом заключенного ими с университетом контракта, им предоставлялось произвольно устраниться от издания в случае объявления им нового предостережения. Направление «Московских ведомостей»,— заключил Тимашев,— не может быть терпимо без ущерба авторитету властей». Министр внутренних дел просил обсудить записку и вынести по этому поводу решение, которым он мог бы руководствоваться «...не опасаясь встретить затем разномыслие или подвергнуться нареканиям в среде самого правительства» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 80, лл. 2—7). Материалы обсуждения и решение по этому вопросу в деле отсутствуют.

362. Имеются в виду правнуки: Александр II и граф Алексей Павлович Бобринский. Прадед последнего — Алексей Григорьевич — внебрачный сын Екатерины II от кн. Григория Григорьевича Орлова.

363. См. комментарий 259а в томе I Дневника.

364. Чиновник Министерства иностранных дел Катакази был назначен посланником в Северо-Американские Соединенные Штаты, но вскоре, по требованию американского правительства, в частности государственного секретаря Гамильтона Фиша, был отозван. Американское правительство обвиняло Катакази в грубом вмешательстве во внутренние дела государства. После отозвания Катакази с поста посланника он приехал в Париж, где и выпустил брошюру «Un incindent diplomatique», в которой опровергал все обвинения американского правительства, объясняя их якобы сведением личных счетов. В частности, он обвинял государственного секретаря в том, что последний навязывал ему участок земли за 40 000 долларов для постройки православной посольской церкви.

Министерство иностранных дел заявило, что брошюра Катакази написана без его согласия. Таким образом, русское правительство не поддерживало Катакази. Отношение современников к Катакази и событиям в Америке было различным. Так, в газете «Голос» № 97 5 августа 1872 г. была напечатана передовая статья, подробно излагавшая «дело Катакази» и бравшая его целиком под защиту. Многие же современники считали его авантюристом и мошенником (см. комментарий 1 Ю. Г. Оксмана к воспоминаниям Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы». Л., 1929, стр. 288).

Материалы о Катакази имеются в фонде Валуева (ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 2, д. 265).

365. Речь идет о кн. Петре Владимировиче Долгорукове — эмигранте, сотрудничавшем в «Колоколе» и издававшем оппозиционную газету «Будущность».

366. Имеется в виду зеленый кант, присвоенный чиновникам ведомства путей сообщения.

367. Этот закон, утвержденный императором 7 июня 1872 г., предоставлял министру внутренних дел право задерживать выпуск в свет выходящие без цензуры книги и журналы. Окончательно же вопрос о воспрещении издания должен был решаться Комитетом министров. Министру внутренних дел предоставлялось право, в случае необходимости, передавать дело в суд. Вместе с тем этот закон увеличивал срок между представлениями в цензуру книг или периодических органов печати и выходом их в свет. См. К. К. А р с е н ь е в. Законодательство о печати. СПб., 1903, стр. 87—88; СПб., 2 собр., т. XLVII, отд. 1, № 50958.

368. Этот эпизод заключался в столкновении московского губернатора П. П. Дурново и московского городского головы Н. П. Лямина. А. В. Никитенко в своем дневнике, в записи за 1 февраля 1873 г., рассказывает об этом следующее: «Ланин (т. е. Лямин.— *П. З.*) сделал визит гу-

бернатору и, не застав его дома, оставил у него карточку. Потом Ланин не явился на другой или третий день к нему вместе с разными служащими лицами, а приехал после один и во фраке. За это, т. е. за визитную карточку и за фрак, губернатор сделал строгое внушение городскому голове, видя в нем не больше, как своего подчиненного. Вследствие этого Ланин подал в отставку. Общее мнение обвиняет губернатора, который забыл, что Ланин — представитель целого города, получившего недавно новый устав и с ним значительную долю автономии и независимости от местных административных властей» (А. В. Никитенко. Дневник, т. III., М., 1956, стр. 271).

Министр внутренних дел Тимашев принял сторону Дурново, рекомендовав генерал-губернатору не противиться отставке городского головы. См. «Московский областной исторический архив», ф. канцелярии генерал-губернатора 16, оп. 1, д. 16 за 1873 г., лл. 73—83. «Московские ведомости», № 26 за 30 января 1875. См. также Э. А. Павлюченко. Московское городское общественное управление в 70—80-е годы XIX века (рукопись кандидатской диссертации). М., 1956, стр. 117—125.

369. Накануне похода на Хиву в целях урегулирования отношений с Англией кн. Горчаков 19 января 1873 г. сообщил русскому послу в Англии бар. Бруннову о том, что Россия признает принадлежность Вахана и Бадахшана Афганистану, а также самостоятельность последнего во всех внутренних и внешних делах.

См. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1911, стр. 113. О русско-английских отношениях в связи с действиями России в Средней Азии см. «История дипломатии», т. 2. М., 1945, стр. 26—28.

370. Речь идет о совещании по вопросу о Медико-хирургической академии, происходившем 14 декабря. На этом совещании присутствовал Александр II и все министры, в ведении которых находились высшие учебные заведения. Как рассказывает в своем дневнике Д. А. Милютин, «в начале заседания, по приказанию государя, Ник. Ил. Козлов прочел доклад, в котором выказано было цифрами, как велик недостаток врачей не только собственно в военно-медицинском ведомстве, но и вообще в России, как недостаточны средства для пополнения ежегодно открывающихся вакансий, как ограничено число врачей, выпускаемых из медицинских факультетов пяти университетов, и затем разобрал состав последнего приема в Медико-хирургическую академию. Из приведенных цифр видно, что в числе 470 молодых людей, принятых в Академию в нынешнем году, было всего 95 с аттестатом зрелости классических гимназий, очевидно, что одним этим контингентом не было бы возможности пополнять академические курсы. Несмотря на приведенные красноречивые цифры, дело было поведено так, что государь, по своему обыкновению, не дав времени вполне выяснить дело, под влиянием иезуитских инсинуаций гр. Толстого, гр. Шувалова и Валуева, произнес резким тоном окончательный приговор: не только подтверждено, чтобы впредь Медико-хирургическая академия в приеме руководствовалась во всей точности одинаковыми правилами с университетами, но еще принято совершенно неожиданное решение — передать Медико-хирургическую академию в Министерство народного просвещения» («Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1941, стр. 112—113).

Таким образом, в Медико-хирургическую академию принимались студенты, не имевшие аттестата об окончании классической гимназии. Это находилось в полном противоречии с «Уставом гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 30 июля 1871 г., являющимся детищем Толстого. Этот устав был утвержден Александром II вопреки мнению большинства Государственного совета. Запрещение поступать в университеты лицам, не окончившим гимназического курса,

означало стремление сохранить за дворянством привилегию на университетское образование. В конце концов Медико-хирургическая академия была сохранена за Военным министерством, однако вопрос этот тянулся около двух лет.

См. ГБЛ. Отдел рукописей, ф. Д. А. Милютина № 169, картон 40, дд. 26—50, картон 41, дд. 1—16. См. также «Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947.

371. 21 декабря состоялось заседание Совета министров «По предмету усиления надзора за народными школами» (ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, д. 90). Материалы обсуждения и решение в деле отсутствуют.

Сущность же дела заключалась в следующем: 10 июня 1872 г. министр народного просвещения гр. Толстой представил «всеподданнейший» доклад «О несоответствии цели устройства управления народными училищами в империи». По указанию Александра II этот вопрос должен был быть передан на рассмотрение Государственного совета. В представлении, сделанном 21 августа, Толстой отмечал полнейшую бездеятельность губернских и уездных училищных советов и указывал на необходимость подчинения их попечителям учебных округов и назначения председателем этих советов директоров и инспекторов народных училищ. Вместе с тем Толстой указывал на крайнюю необходимость усиления инспекции народных училищ. С этой целью он предлагал переименовать существующих в 34 губернских городах (в которых было введено земство) инспекторов народных училищ в директоров, назначив им в помощь 4—6 инспекторов. В марте 1873 г. проект Толстого рассматривался соединенными Департаментами Государственного совета, но решение по этому вопросу вынесено не было (ЦГИАЛ, ф. Департамента Государственной экономии Государственного совета 1152, оп. т. VIII, 1873 г., д. 226).

На заседании Совета министров гр. Шувалов внес предложение поручить надзор за народными училищами дворянству в лице губернских и уездных предводителей дворянства. Это мнение было поддержано гр. Толстым, гр. Паленом и Валуевым. Шуваловым был предложен по этому поводу проект рескрипта.

Рескрипт, одобренный на заседании и отредактированный Горчаковым, Шуваловым, Валуевым, Толстым, был подписан Александром II 25 декабря. Рескрипт был опубликован в «Правительственном вестнике» 27 декабря 1873 г.

В соответствии с этим гр. Толстой пересмотрел свой проект и сделал в начале 1874 г. новое представление, составленное им в результате обсуждения этого вопроса с рядом предводителей дворянства. В своем представлении Толстой по-прежнему настаивал на том, чтобы определяющая роль в руководстве народными училищами принадлежала Министерству народного просвещения. Проект Толстого с небольшими изменениями был одобрен Государственным советом и 25 мая 1874 г. утвержден Александром II. По «Положению о народных училищах» во всех губерниях, в которых было введено земство, упразднялись должности губернских инспекторов училищ и создавался институт директоров народных училищ и их помощников — инспекторов. См. С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902. СПб., 1902, стр. 548—555. ПСЗ, 2 собр., т. XLIX, отд. I. «Положение о начальных народных училищах» 25 мая 1874 года, № 53574.

Подробное описание заседания Совета министров по указанному вопросу содержится в «Дневнике Д. А. Милютина», т. I. М., 1949, стр. 115—116.

372. С 1 января 1874 г. Горный департамент, находившийся в ведомстве Министерства финансов, был передан Министерству государственных имуществ.

373. Валийские, или, точнее, Уэльские, наследник английского престола — Эдуард и жена его Александра.

374. Особое присутствие о воинской повинности было создано в начале января 1873 г. для разработки проекта о введении всесословной воинской повинности. После издания соответствующего закона 1 января 1874 г. оно было сохранено на правах департамента при Государственном совете для наблюдения за проведением в жизнь указанного закона и рассмотрения дополнительных законоположений. Просуществовало до сентября 1881 г. Архив присутствия см. в ЦГИАЛ, ф. 1246, опись дел архива Государственного совета, т. XVI.

375. Имеется в виду парадный офицерский серебряный пояс (с черно-оранжевыми прошивками). С начала 1874 г., по повелению Александра II, чрезвычайно любившего заниматься изменениями формы, был введен существовавший до Крымской войны генеральский шарф с кистями.

376. Фридрих-Вильгельм.

377. Христиан-Фредерик.

378. Виктория.

379. Эрнест II.

380. По-видимому, речь идет о включении в состав придворного штата императрицы (фрейлин, статс-дам). Придворные дамы награждались при этом шифром, т. е. бантом на андреевской ленте с бриллиантовым вензелем императрицы. Шифр носился слева на груди. Вероятно, Валуев называл шифр кокардой, имея в виду французское слово «cocarde», означающее бант на шляпе.

381. В апреле 1873 г. министр внутренних дел сделал представление в Комитет министров по вопросу об имущественной ответственности участников польского национального освободительного восстания, «убитых или пропавших без вести». 11 мая того же, 1873 г. по этому поводу последовало «высочайшее повеление» о прекращении всех подобных дел.

При проведении этого указания в жизнь возник вопрос, распространяется ли оно на те имения, которые были конфискованы до 11 мая 1873 г. По мнению генерал-губернаторов западных губерний, запрошенных по этому поводу, «повеление» должно распространяться лишь на те имения, по отношению которых до 11 мая 1873 г. не последовало судебных решений о конфискации. Комитет министров рассматривал этот вопрос в заседаниях 15, 22 и 29 января 1874 г. и согласился с мнениями виленского и киевского генерал-губернаторов (ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 3702, «Особый журнал», лл. 431—450).

382. По-видимому, речь идет о сыне Валуева от первого брака — Петре.

383. Имеется в виду «Высочайше учрежденная комиссия для исследования сельского хозяйства и сельской производительности».

384. 23 октября 1870 г. для разработки вопроса «О личном найме во всей совокупности» была образована комиссия из представителей различных ведомств под председательством г.-ад. Игнатьева. Комиссия разработала проект и окончила свою работу 22 октября 1871 г. После изучения проекта в министерствах и ведомствах в него был внесен ряд существенных поправок. 19 апреля 1874 г. из представителей различных ведомств была создана новая комиссия под председательством Валуева. В комиссию привлекались представители общественности: предводители дворянства, городские головы, председатели земских управ, представители фабрикантов и заводчиков. Комиссия приступила к работе 17 января 1875 г. и закончила свою работу 18 марта того же года. Проект состоял из двух частей: «Положения о найме рабочих» и «Положения о найме прислуги». Основная мысль проекта заключалась во введении рабочих книжек, регламентировавших отношения рабочих и нанимателей.

В Государственном совете обсуждение представленного проекта происходило в 14 заседаниях — с 10 января по 22 апреля 1876 г.

При обсуждении по ряду вопросов возникли разногласия. Кроме того, соединенные Департаменты обнаружили отсутствие в представленных проектах разделов о взысканиях за нарушение договоров о найме. Эти вопросы было поручено разработать министру юстиции. Свои соображения Министерство юстиции представило только в 1879 г. Вторичное обсуждение проекта происходило в феврале 1880 г.

Однако и при вторичном обсуждении проект утвержден не был. При этом в решении указывалось о предоставлении министрам «по мере обнаруживавшихся на опыте потребностей входить в Государственный совет с представленями об изменениях и дополнениях действующих о рабочих узаконений по тем отдельным предметам, которые будут требовать ближайшего определения в законодательном порядке». Государственный совет полагал, что издание общего законодательства несвоевременно. В решении говорилось, что введение рабочих книжек при условии сохранения паспортной системы (ранее предполагалась отмена ее) нецелесообразно. «Едва ли нужно объяснять,— говорилось в заключении Государственного совета,— что введение рабочей книжки, при существовании нынешней паспортной системы, оказалось бы излишним. Подобная мера, подвергая нанимающихся новым и весьма стеснительным формальностям, справедливо возбудила бы неудовольствие и ропот в массах рабочего населения. С другой стороны, ввиду выяснившейся в 1876 году невозможности присвоить рабочей книжке значение безусловно обязательное, она представляла бы для нанимателей ограждение весьма несовершенное и только обманула бы надежды их на новый закон. Таким образом, вместо пользы возникли бы многие поводы к недоразумениям и преувеличенным требованиям, которые могли бы вести к взаимному раздражению; во всяком случае новый закон не удовлетворил бы никого и повел бы только к неудовольствию. Но если подобные последствия вообще нежелательны и прискорбны, то тем более необходимо избегать их в настоящее тревожное время, когда злоумышленники, стремящиеся к ниспровержению существующего государства и общественного строя, как заявлено в заседании департаментов министром внутренних дел, постоянно возбуждают рабочих против нанимателей, объясняя первым отношения их к хозяевам в совершенно превратном смысле. При столь неблагоприятных обстоятельствах нельзя не опасаться, чтобы новый закон о рабочих, построенный на вышеуказанном начале, в случае его утверждения, не послужил поводом и средством к усиленным, а может быть, даже и к более успешным, нежели до сих пор, преступным попыткам означенного рода» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. IX, д. 31 за 1880 г., ч. I—II, л. 524).

Что касается упоминаемого Валуевым предложения Милютина, то в журналах Комитета министров за февраль 1874 г. обсуждение вопроса об издании закона о найме рабочих отражения не получило (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3704).

385. В заседании Особого присутствия о воинской повинности между военным министром и министром народного просвещения произошли разногласия. Милютин не мог согласиться с тремя предложениями Толстого по вопросу о программе испытаний для поступающих вольноопределяющими 3-го разряда. Толстой предлагал: «1. Чтобы знания начальной геометрии могли быть заменяемы сведениями из иностранных или древних языков. 2. Чтобы слабое знание тех предметов, в которых положено испытывать молодых людей, могло быть возмещаемо знакомством с некоторыми образцовыми произведениями русской литературы. 3. Чтобы испытания производились в гимназиях и реальных училищах Министерства народного просвещения» (ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, № 1246, оп. т. XVI, д. 5 за 1874 г., л. 3).

Кроме того, Толстой требовал, чтобы программы испытаний составлялись только на один год. Особое присутствие поддержало военного министра, разрешив заменять экзамен по начальной геометрии экзаменом по начальной алгебре. Экзамены могли производиться как в учебных заведениях Министерства народного просвещения, так и военного ведомства. В вопросе о сроке действия программ испытаний Особое присутствие приняло также точку зрения Д. А. Милютина. Сущность спора Толстого и Милютина заключалась в том, что Толстой, выражая интересы наиболее реакционной части правительства, стремился сохранить за офицерским корпусом дворянский характер, не допуская в его состав даже в военное время демократические элементы. Эта точка зрения Толстого нашла свое наиболее яркое выражение в период подготовки Закона о всесословной воинской повинности. См. П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952, стр. 314—330.

386. В Комитете министров на 12 заседаниях (20, 27 ноября, 4, 10, 18, 28 декабря 1873 г., 8, 15, 22 января, 5, 9 и 26 февраля 1874 г.) рассматривался доклад «Высочайше учрежденной комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской промышленности в России». Комиссия эта была создана в 1872 г. под председательством П. А. Валуева.

Заключения комиссии, рассматриваемые Комитетом министров, были подразделены на 8 отделов, по которым были сгруппированы в систематическом порядке наиболее важные вопросы.

В первом отделе — соображения и заключения комиссии в отношении современного положения сельского хозяйства; во втором — скотоводства; в третьем — лесоводства; в четвертом — обложения земли; в пятом — крестьянской кустарной промышленности; в шестом — крестьянского хозяйства (речь шла о принятии некоторых мер для перехода от общинного владения «к развитию личной хозяйственной деятельности»), в седьмом — умственного и нравственного состояния крестьян» (развитие сельских школ, борьба с пьянством и т. д.); в восьмом отделе — содержались соображения и заключения комиссии в отношении средних и крупных хозяйств.

Рассмотрев этот вопрос, Комитет постановил:

«1. По мере окончательного составления в подлежащих ведомствах законопроектов по тем из вопросов, возбужденных... комиссией, по коим спрос лиц, знакомых с местными обстоятельствами, признавался бы полезным, образовать для предварительного обсуждения каждого из сих проектов особую комиссию...» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3704, ст. 136, лл. 541—542).

2. В состав указанной комиссии призывать губернских предводителей дворянства и председателей губернских земских управ.

3. Приглашение указанных лиц производить из местностей, которые будут определены «по высочайшему усмотрению».

4. По тем вопросам, по которым необходимы будут отзывы представителей городской общественности и торговых сословий, призывать в состав комиссий городских голов и лиц торгового звания.

5. По окончании занятий указанных комиссий рассматриваемые вопросы должны получить дальнейшее развитие (там же, лл. 310—543). См. также Доклад высочайше утвержденной (26 мая 1872 г.) комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Предложение о создании комиссии с приглашением представителей дворянства и земства исходило от П. А. Шувалова.

387. 4 и 11 марта в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенных Департаментов законов и гражданских и духовных дел по вопросу «О гражданских правах раскольников». Этот вопрос был внесен в Государственный совет министром внутренних дел

А. Е. Тимашевым на основе материалов созданного с этой целью Особого временного комитета под председательством гр. В. И. Панина, образованного еще в 1864 г. Этот Комитет составил проект закона «О некоторых гражданских правах раскольников», касавшийся только вопроса о метрических записях актов гражданского состояния. При обсуждении в представленный проект был внесен ряд изменений. 19 апреля 1874 г. Александр II утвердил «Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VIII, д. 101 за 1873 г.; ПСЗ, 2 собр., т. XLIX, отд. I, № 53391).

388. Речь идет о помещенной в мартовской книжке «Русской старины» сатире А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших»... «Русская старина», 1874, № 3, стр. 693.

389. См. комментарий 387.

390. 28 февраля 1873 г. министр путей сообщения гр. А. П. Бобринский представил Александру II доклад, в котором подвергал критике существующую систему выдачи концессии. «При настоящем порядке выдачи концессии,— писал он,— министр путей сообщения, избирая по своему усмотрению концессионера и уславливаясь с ним относительно поверстной стоимости предприятия, пользуется чрезмерными полномочиями и, следовательно, несет громадную ответственность. Эти полномочия и ответственность значительно превышают права и ответственность, предоставленные вообще министрам в нашем государственном строе» (Н. А. Кислинский. Указ. соч., т. II. СПб., 1902 г., стр. 127).

Далее Бобринский указывал, что это порождает возможность всякого рода злоупотреблений со стороны служащих Министерства путей сообщения, которых претенденты на получение концессий склоняют ко всякого рода преступлениям. «Особенная выгодность железнодорожных предприятий — и еще более, терпимая ныне правительством система посредничества, не требующего ни капитала, ни знания, ни кредита,— писал Бобринский,— имеют своим последствием, что всякий ищущий легкой наживы и хотя несколько знакомый с ходом дела в министерствах или в высших учреждениях, признает за собою не только возможность, но даже право быть учредителем акционерного железнодорожного общества» (там же, стр. 128).

Руководствуясь этим, Бобринский предложил: 1) строительство новых железнодорожных линий производить как казенными так и частными средствами; 2) при изыскании новых линий использовать инженеров, состоящих на правительственной службе; 3) до создания того или иного акционерного общества разработать и опубликовать устав, технические условия сооружения дороги, а также установить сумму необходимого капитала; 4) организовывать публичную подписку на акции, заранее объявив их подписную цену; 5) руководство вновь созданными акционерными обществами до выбора правления передать в руки представителей правительственной власти. Кроме того, он считал необходимым, чтобы в составе правления один из директоров был назначаем правительством. Эти правила были утверждены императором 30 марта 1873 г.

Против указанных правил вскоре выступил министр финансов Рейтерн. Он возражал против предложенной Бобринским 15-летней гарантии на акционерные капиталы (требуя сохранения абсолютной гарантии), и ряда других положений. В конце концов Рейтерну удалось добиться рассмотрения его споров с Бобринским в Комитете финансов, принявшим сторону первого. Так, на заседании Комитета финансов 21 января 1874 г. была установлена абсолютная гарантия для вновь организуемых железнодорожных акционерных обществ. Вместе с тем еще ранее, в конце 1873 г., Комитет министров внес под влиянием Рейтерна некоторые изменения в проектированные Бобринским уставы железнодорожных обществ (так,

цифра основных капиталов, а также и реализационная цена акций заранее не объявлялись).

Подписка на акции Фастовской и Оренбургской ж. д. производилась 14—16 марта на основании правил 30 марта 1873 г. Однако вследствие разработанных Министерством финансов условий подписки эти правила фактически не имели никакого значения. Задача, которую ставил Бобринский, заключалась в привлечении к подписке широкого круга акционеров, а не посредников-концессионеров, создававших фиктивные общества. Подписка была открыта только в Петербурге и Москве и условия ее были таковы, что в окончательном результате владельцами акций оказалась небольшая группа лиц и положение осталось прежним.

См. Н. А. Кислинский. Указ. соч., т. II, стр. 126—174; А. М. Головачев. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881, стр. 367—380.

391. Вопрос о ликвидации института мировых посредников был впервые поставлен министром внутренних дел еще 23 сентября 1868 г. Позднее он рассматривался Особой комиссией, составленной из ряда министров и главноуправляющих. В феврале 1870 г. предложение Тимашева было внесено в Главный комитет об устройстве сельского состояния, который, определив основные принципы будущей реформы, предложил Министерству разработать проект закона. Составленный проект был направлен на заключение ряда лиц и 27 марта 1873 г. представлен в Главный комитет об устройстве сельского состояния.

Проект предусматривал ликвидацию института мировых посредников и уездных съездов в тех губерниях, где были открыты земские и мировые судебные учреждения. Функции, лежавшие на мировых посредниках, возлагались на губернские по крестьянским делам присутствия, вновь учреждаемых временных членов этих присутствий, а также распределялись между местной администрацией (губернаторы, исправники) и судебными учреждениями. Число временных членов губернских по крестьянским делам присутствий не должно было превышать шести на губернию. Временными членами могли быть местные дворяне-помещики, назначаемые на эту должность «высочайшей властью», по представлению губернаторов и министра внутренних дел. На временных членов возлагалось решение дел, связанных с реализацией Положений 19 февраля. См. Проект правил об упразднении должности мировых посредников и их съездов (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния 1181, оп. т. XV, д. 34 за 1873 г., лл. 91—94).

Главный комитет в свою очередь направил полученный проект на заключение членам Комитета, а также другим представителям высшей администрации, которые сделали ряд замечаний. Валуев одобрил проект, внеся в него незначительные исправления (см. указанное дело, л. 95). 18 марта и 15 апреля представленный проект рассматривался в Главном комитете об устройстве сельского состояния.

При обсуждении проекта Главный комитет по предложению шефа жандармов Шувалова внес в него существенное изменение. Вместо создания института временных членов губернского по крестьянским делам присутствия рекомендовалось образовать уездные по крестьянским делам присутствия, руководствуясь главным образом обеспечением непосредственного надзора за деятельностью органов крестьянского общественного управления. Проект предусматривал создание уездных по крестьянским делам присутствий в составе председателя (предводитель дворянства) и трех членов: уездного исправника, представителя уездной земской управы и особого (позднее названного непременным) члена из числа местных дворян-помещиков.

Губернское земское собрание намечало список лиц, рекомендуемых особыми (непременными) членами в двойном против необходимого числа

количестве, из которых губернатор и министр внутренних дел отбирали кандидатов и представляли их на утверждение императора. 13 мая 1874 г. проект закона был одобрен Общим собранием Государственного совета, 27 июня утвержден императором. См. ПСЗ, 2 собр., т. XLIX, отд. I, № 53678; ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 34 за 1873 г.

392. 22 марта соединенное присутствие Департамента законов, гражданских и духовных дел и государственной экономии рассматривало вопрос об устройстве гминных (т. е. волостных) судов в Царстве Польском.

Представленный проект предусматривал: 1) сокращение числа существующих гминных судов и учреждение одного суда для нескольких гмин; 2) сохранение за гминными судами коллегиального состава, путем участия в нем выборных от гмин, «дабы удержать подлежащее в местном суде участие... землевладельческого класса, на котором правительство полагает основание охранительных начал в Царстве Польском» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VIII, д. 43, ч. 1 за 1874 г., л. 231); 3) назначение председателей суда коронной властью из числа избранных членами, а в случае неудовлетворительности их — из других лиц. При этом увеличивался образовательный ценз для председателей судов; в проекте гминные суды рассматривались как органы мировой юстиции.

Проект был в целом одобрен соединенным присутствием, а также Общим собранием Государственного совета 13 мая 1874 г. и утвержден Александром II 8 июня того же года. См. там же, лл. 247—251.

393. См. комментарий 391.

394. 28 февраля 1874 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев представил в Государственный совет записку «О стремлении меннонитов (последователей одной из протестантских сект, отрицавших военную службу.— *П. З.*) к выселению из России».

Еще в 1871 г., как сообщал новороссийский генерал-губернатор гр. П. Е. Коцебу, меннониты Таврической губернии ходатайствовали о нераспространении на них воинской повинности. Генерал-губернатор поддержал просьбу меннонитов, указывая, что в случае ее неудовлетворения они могут покинуть Россию. В связи с этим в Устав о воинской повинности была внесена статья, предоставлявшая проживавшим в России меннонитам освобождение от воинской службы на 20 лет. Эти льготы не распространялись на меннонитов, приехавших в Россию после издания Устава о воинской повинности. Последние должны были призываться в армию, но использоваться в нестроевых частях (госпитали, технические части и т. д.). 12 февраля 1874 г. новороссийский генерал-губернатор сообщал, что меннониты большими группами добиваются выезда из России.

В связи с этим в апреле 1874 г. генерал-ад. Тотлебен был командирован в Таврическую и Екатеринославскую губернии для объезда селений меннонитов. Тотлебен объехал более 60 населенных пунктов. 29 апреля он просит императора разрешить выдачу заграничных паспортов около 3500 меннонитам, желающим выехать из России. При этом Тотлебен сообщал, что выезд меннонитов за границу вызван отчасти «подстреканиями заграничных воззваний». 30 апреля Александр II разрешил выдачу указанных паспортов (ЦГИАЛ, ф. 1246, оп. т. XVI, д. 14 за 1874 г., лл. 1—12).

395. Вором оказался вел. кн. Николай Константинович (см. Дневник Д. А. Милютина, т. I, стр. 152, 153, 157, 212). Д. А. Милютин пишет: «Государь рассказал мне все, как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже свалил

вину на других, на состоящих при нем лиц («Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947, стр. 152—163).

396. 14 мая в Комитете министров рассматривалось представление военного министра о передаче Медико-хирургической академии из военного ведомства в ведение Министерства народного просвещения (см. комментарий 370). Министры внутренних дел Тимашев и народного просвещения Толстой предлагали передать Академию из военного ведомства и преобразовать ее в медицинский факультет Петербургского университета. Милютин решительно протестовал против этого.

В связи с тем, что Комитет не мог прийти к какому-либо решению, была создана комиссия под председательством государственного контролера Грейга для подробного изучения этого вопроса (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1874 г., д. 3710, лл. 210—232; см. также «Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947, стр. 155—156).

397. 14 мая 1874 г. в Комитете министров рассматривалось представление министра государственных имуществ «О последствиях проведенных торгов на отдачу Березовского месторождения жильного золота в частные руки».

Вопрос о передаче в аренду Березовских приисков был решен Комитетом министров в конце 1873 г. Согласно этому решению, утвержденному Александром II 14 декабря, торги на прииски были назначены на 8 мая 1874 г. Претендентами являлись полковник Асташев и дворянин В. Базилевский. Валуев предложил сдать прииски в аренду полковнику Асташеву, предложившему на торгах более высокую покупную плату. Комитет министров согласился с мнением Валуева (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3710, 1874 г. «Особый журнал 14 мая», ст. 310, лл. 115—122).

398. Назначение Шувалова послом в Лондон означало его падение, как фактического диктатора, опекавшего самого Александра II. Главенствующая роль Шувалова в решении государственных дел единодушно признавалась его современниками. Даже наследник престола вел. кн. Александр Александрович называет Шувалова в своих дневниках «Петром IV» (см. ЦГИАМ, ф. 677). Милютин, говоря об увольнении Шувалова, пишет в своем дневнике: «Все недоумевают, как объяснить назначение гр. Шувалова: одни видят в этом хитрый расчет с его стороны, шаг в министры иностранных дел... Другие думают, что назначение в Лондон есть почетное удаление, опала, что государь уже тяготится опекой гр. Шувалова, его нахальством, его интригами. Некоторые же приписывают удаление гр. Шувалова тому, что он открыто отзывался о государе крайне непочтительно и неприлично» (в первом варианте: «открыто говорит о нем, как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным» («Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947, стр. 159—160).

По словам Альбединского, близкого друга Шувалова, увольнение последнего явилось результатом интриг круга княжны Екатерины Долгорукой, любовницы императора. См. «Воспоминания» С. М. Феоктистова. «За кулисами политики и литературы». 1848—1896 гг. Редакция Ю. Г. Оксмана. Л., 1929, стр. 318.

399. Материалов, характеризующих выполнение Валуевым указанных выше поручений, в его фонде не сохранилось.

400. Сообщение это не имело под собой никакой почвы. О нем упоминает и Александр II в своей памятной книжке. 8 июля 1874 г. он заносит в нее следующие слова: «ночью донос о покуш[ении] на мою жизнь» (ЦГИАМ, ф. 678, д. 328).

401. См. комментарий 384. По-видимому, Валуев имеет в виду тот проект, который обсуждался в возглавлявшейся им комиссии в начале 1875 г. (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. IX, д. 31 за 1880 г., ч. 1, лл. 364—386.— «Положение о найме рабочих» и лл. 387—395 — «Положение о найме прислуги»).

402. См. комментарий 404.

403. 18 и 26 марта состоялось заседание Комитета министров по обсуждению внесенного шефом жандармов представления «Об обнаружении и распространении в обществе разрушительных учений».

В записке шефа жандармов указывалось, что процесс Нечаева и другие дела показали, что революционное движение приняло за последние годы новое направление.

«Отрешившись от исключительно политической программы, вожаки революционной партии,— писал шеф жандармов,— выдвинули на первый план вопросы экономические и главной задачей своей поставили сближение с народом и распространение в его среде крайних социалистических и коммунистических теорий» (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1, д. 3772, лл. 3—4. «Особый журнал Комитета министров»).

В подтверждение своей мысли он подробно останавливается на анализе бумаг, отобранных при аресте Кропоткина, а также Синегуба, подчеркивая, что программа Кропоткина ставит своей задачей распространение идей социализма среди крестьян и городских рабочих. «Разрушительные теории социализма охватили не отдельные кружки, но можно сказать почти целую генерацию» (там же, л. 8).

Потапов при этом указывал, что «принятая в настоящее время революционной партией система пропаганды представляет так мало юридических улик и вообще внешних проявлений, что большей частью ускользает от судебного преследования». «Только решительное и открытое противодействие общественного мнения, поддерживаемого и направляемого всеми охранительными элементами русской жизни, могло бы ослабить прогрессивно возрастающее зло и положить предел его распространению» (там же, л. 9).

Руководствуясь этим, Потапов ставит в пример министра юстиции гр. Палена, направившего письмо старшим председателям и прокурорам судебных палат, в котором он обращал их внимание на необходимость «своевременного отпора в частной жизни разрушительным учениям, а равно громкого и решительного их порицания, в особенности со стороны членов судебного ведомства, принадлежащих к самому образованному классу нашего общества» (там же, л. 10).

Комитет министров пришел к заключению о необходимости принятия ряда мер для борьбы с революционным движением, согласившись с высказанной гр. Паленом в его письме мыслью о значении «энергического протеста со стороны благомыслящих элементов общества не только в официальной их деятельности, но и в сфере частной жизни» (л. 7).

Вместе с тем Комитет признал нецелесообразным обращение других министров к своим подчиненным, так как это носило бы характер официального циркуляра. Комитет министров считал необходимым допустить большую гласность в политических делах, имея в виду, что это будет препятствовать распространению революционных идей. Вследствие этого Комитет министров счел целесообразным опубликование некоторых новых данных и фактов, касающихся революционной деятельности, руководствуясь при этом «крайней осторожностью, дабы не послужить орудием в руках агитаторов» (там же, л. 17). Содержание и способ публикации подобных сообщений должны были выработать министры внутренних дел, юстиции и шеф жандармов.

Кроме того, Комитет предложил всем министрам усилить разработку мер, которые могли бы способствовать «развитию общего благосостояния».

Материалы заседания Комитета министров широко использованы Н. Ашешовым в его статье «П. А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году» («Былое», №17, 1922, стр. 48—58). Письмо Палена судебным чинов-

никам опубликовано П. Л. Лавровым в газете «Вперед», № 8, за 1875 год. Записка гр. Палена «Успехи революционной пропаганды в России», составленная в том же, 1875 г., была опубликована с предисловием Д. Клеменца газетой «Работник» отдельным изданием в июле того же года. Перепечатана в «Былом», № 9 за 1907 г.

404. Материалы расследования ген. Слезкина о революционной пропаганде в народе (ЦГИАМ, ф. III отделения 109, 3 экспедиция, оп. 152, 1874 г., д. 144 «О распространении молодыми людьми книг социально-революционного содержания и о пропаганде их в народе» в 348 частях).

В фонде Валуева (ЦГИАМ, д. 544) сохранилась копия доклада ген. Слезкина шефу жандармов по поводу результатов возложенного на него дознания.

Копию доклада ген. Слезкин направил Валуеву при письме, датированном 3 ноября 1877 г. В нем он писал: «Помня и глубоко ценя нравственную поддержку и одобрение, которыми Ваше высокопревосходительство удостаивали меня при исполнении возложенных на меня по дознанию обязанностей, я позволяю себе сообщить вам исключительно для сведения копию с упомянутой записки» (д. 59, л. 1).

В докладе Слезкин указывал, что к следствию было привлечено свыше 1000 человек. «Дознанию,— писал Слезкин,— удалось неопровержимо доказать, что в 1873—1874 гг. в России возникло, организовалось и раскинулось на все местности одно преступное сообщество, стремившееся уничтожением существующего государственного общественного строя водворить анархию» (там же, лл. 4—5).

Слезкин жаловался на медлительность работы следственных органов, ведших расследование в течение $2^1/_2$ лет. «Своею апатией,— писал он,— они довели обвиняемых одних до петли, других до дома умалишенных и всех остальных до болезней» (там же, л. 10).

По мнению Слезкина, «На скамью обвиняемых поставлены крайне ничтожные... между тем как главные виновные руководители их оставлены свободными от преследований и дело о них прекращено» (там же, л. 72).

См. также «Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского), том 3 (Процесс 193-х), б/г и б/м.

405. По-видимому, имеется в виду скупка акций Суэцкого канала, организованная английским премьером лордом Биконсфильдом (Дизраэли).

406. Записки М. А. Корфа частично опубликованы. См. «Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа». «Русская старина», 1899, май — декабрь; 1900, январь — июль.

407. Автором брошюры «Русские заграничные публицисты» (Революционный консерватизм Самарина и Дмитриева. Письмо министру народного просвещения кн. Васильчикова. Наше положение А. И. Кошелева), изданной в Берлине в 1876 г. под псевдонимом «Русский», был П. А. Валуев. В брошюре критикуются с реакционных позиций рассматриваемые публицисты. Говоря о критике цензурных стеснений, Валуев пишет, что «свобода, глумящаяся над правительством, имела бы значение не правительственной терпимости, а правительственного бессилия» (стр. 5). Он решительно выступает в защиту реформы средней школы 1871—1872 гг., т. е. классической системы образования. Утверждение Кошелева о том, что «произвол наших администраторов едва ли был когда сильнее и объемистее, чем теперь» воспринимается им как вражеский выпад. По его мнению, Кошелев «вторит врагам России и превосходит ее клеветников» (стр. 24).

408. См. комментарий 384.

409. В Комитете по делам Царства Польского слушалось представление министра государственных имуществ Валуева о продаже находившихся в Западном горном округе и принадлежавших казне каменноугольных копей, а также Домбровских заводов чугуноплавильного и железоделательных. В представлении министра отмечался упадок каменноугольной промышленности в Домбровском бассейне, а также указывалось на убыточность производства этих заводов. На развитие указанных предприятий, а также каменноугольных копей, по мнению Валуева, требовалось, 4 млн. руб. Эту сумму Министерство не было в состоянии выплатить, вследствие чего Валуев и предлагал продать с публичных торгов все эти предприятия и копи, за исключением цинковых заводов и необходимого количества для их работы каменноугольных копей. В представлении излагались и условия, на которых предполагалась продажа.

Комитет по делам Царства Польского одобрил в основном предложение министра государственных имуществ (ЦГИАЛ, ф. 1270, оп. 1, д. 1444, лл. 3—17).

410. Барон Лангенау.

411. Барон Моклер.

412. Указанная статья была помещена в «Правительственном вестнике» 17 октября 1875 г. в разделе «Правительственные сообщения». В начале статьи говорилось об отношении России к событиям на Балканах и солидарности с нею Австро-Венгрии и Германии. «Императорский кабинет,— говорилось в статье,— не мог остаться равнодушным и безучастным зрителем событий, совершающихся в Герцеговине, грозивших вовлечь в непрерывную борьбу Сербию и Черногорию, возжечь войну, предела которой трудно было предвидеть». Далее говорилось, что турецкое правительство не выполняет своих обещаний по отношению к христианским подданным, в силу чего «доверие сих последних к подобным правительственным актам поколеблено до того, что Порте трудно будет восстановить его вдруг, без дружественного содействия европейских кабинетов». В заключение указывалось, что «во всяком случае можно быть уверенным, что бедственный порядок вещей, продолжавшийся доселе в Турции в ущерб интересам Порты, подданным ее и Европы должен будет прекратиться».

413. В журналах, а также Особых журналах Комитета министров этот вопрос не нашел своего отражения (ЦГИАЛ, ф. 1263, 1876 г., д. 3831, лл. 286—453).

Д. А. Милютин по этому поводу заносит в свой Дневник 20 января следующее: «Опять горячее прение в Комитете министров по поводу представленного государственным контролером во всеподданнейшем его отчете обвинения Военного совета (Военного министерства.— *П. З.*) в неправильных решениях по одному пустому подрядному делу (в Виленском округе, в период 1867—1870). Не в первый раз, поставленный в необходимость отстаивать права Военного совета и опровергать универсальную компетентность государственного контроля, я старался быть сколько можно хладнокровным и спокойным: однако ж не выдержал своей роли и, по мере того как говорил, чувствовал сам, что невольно горячился и не достиг своей цели. Нынешний контролер Грейг и прежний — Абаза, а также Рейтерн упорно отстаивали неограниченные права госуд[арственного] контроля во все вмешиваться и быть судьей во всех делах и распоряжениях кого бы то ни было. Валуев попробовал вмешаться в прение в смысле примирительном. Кончилось тем, что дело, подавшее повод к этим прениям, отложено до другого заседания». «Дневник Д. А. Милютина», т. II. М., 1947, стр. 13—14.

414. Фридрих II.

415. Речь идет «о высочайшем повелении» по докладу министра государственных имуществ об установлении ежегодных премий за «лесораз-

ведение и устройство лесов». Так, в числе их было 140 премий по 100 руб. каждая за «разведение леса и посадку деревьев на крестьянских землях» в тринадцати степных, а также Московской губерниях.

Наряду с денежной премией награждаемые получали и серебряную медаль. См. «Правительственный вестник», 21 января 1876 г.

416. 29 января в Комитете финансов слушалась записка министра финансов по вопросу о мерах для поддержания надлежащего вексельного курса. Рейтерн указывал, что вексельный курс, стабильный с 1870 г., начал в 1875 г. падать. Так, в июле указанного года он составлял 353 сантима за рубль, а в январе 1876 г. — 324 сантима. «Такое падение курса,— говорилось в записке,— следует приписать застою в отпускной нашей торговле при усиленном привозе товаров и происходящему от того недостатку в вывозных векселях при большом на них требовании тому затруднительному положению, в которое пришли наши денежные и банковые дела после падения Коммерческого ссудного банка в Москве, политическим опасениям, под влиянием коих находятся иностранные денежные рынки, сокращению кредитов, коими наши торговые дома и банки пользовались за границей, возникшей там... спекуляции на понижении наших курсов» (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 229, лл. 12—13).

Рейтерн предлагал употребить часть разменного фонда кредитных билетов на поддержание вексельного курса.

Комитет финансов одобрил предложения Рейтерна.

«Вполне соглашаясь с мнением министра финансов,— говорилось в журнале Комитета,— что к открытому размену кредитных билетов ныне приступить невозможно, и принимая в соображение, что предлагаемую продажу части золота и серебра из разменного фонда полагается обусловить непременным изъятием из обращения кредитных билетов, которые будут выручаемы за проданное золото или серебро, Комитет находит, что независимо от вопроса о том, возможно ли будет через означенную продажу поддержать вексельный курс до тех пор, пока оный не окрепнет вследствие оживления торговли, в результате, во всяком случае, окажется сокращение нашего бумажного обращения, и, таким образом, затрата на эту операцию части разменного фонда будет не напрасная. По сим соображениям и находя, что назначать ныне, какая именно часть разменного фонда может быть употреблена на поддержание вексельного курса, было бы неудобно по самому свойству сей операции, Комитет финансов полагает предоставить министру финансов разрешать Государственному банку брать из разменного фонда золото и серебро и продавать оное здесь или за границей, с тем чтобы цены для таковой продажи были назначаемы по соображению с состоянием вексельных курсов и чтобы кредитные билеты, выручаемые за золото и серебро или за выдаваемые в счет вывезенного за границу металла, были немедленно извлекаемы из обращения и предаваемы уничтожению» (там же, лл. 19—21).

417. Записка посвящена вопросу о падении курса рубля за границей. Черновой экземпляр ее хранится в ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, д. 161 без даты и подписи. На первом месте карандашом «к всеподданнейшему письму 22.I.1876 года». Автограф на французском языке.

418. Имеется в виду брошюра «Русские заграничные публицисты». См. комментарий 407.

419. Речь идет о пятидесятилетнем юбилее II отделения с. е. и. в. канцелярии, созданной 31 января 1826 г. для кодификации законов. II отделение просуществовало до 1882 г., функции его были переданы Государственному совету.

См. Краткий очерк деятельности II отделения собственной его императорского величества канцелярии 1826—1876 гг. СПб., 1876.

420. Имеется в виду первое издание Свода законов Российской империи, составленного под руководством М. М. Сперанского.

421. Имение гр. Орловых-Давыдовых в Серпуховском уезде Московской губернии.

422. По вопросу об экономическом положении крестьян после реформы см. Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России с семью приложениями в четырех томах. СПб., 1872; Ю. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. Издание второе. СПб., 1881.

423 См. комментарий 384.

424. Со дня смерти вел. кн. Марии Николаевны.

425. В 1876 г. на Пермском заводе было изготовлено первое опытное 11-дюймовое орудие. Однако Артиллерийское ведомство не допустило орудия к испытанию вследствие наличия конструктивных изменений, не предусмотренных инструкцией по приему орудий.

По ходатайству министра государственных имуществ испытание все же было разрешено. На четвертом выстреле произошел поперечный разрыв ствола по причине ошибочных конструктивных расчетов. На протяжении 70-х и 80-х годов Пермскому заводу так и не удалось освоить производство 11-дюймовых орудий.

Архив Артиллерийского исторического музея, ф. Артиллерийского комитета, оп. 39/2, д. 6, лл. 17—18, 40, 48, 175—180.

426. По-видимому, имеется в виду книга «Kaiser Wilhelm. 1867—1871». Берлин, 1875.

427. 28 февраля присутствие соединенных Департаментов законов и государственной экономии Государственного совета рассматривало представление министра внутренних дел об учреждении Таганрогской губернии из Бахмутского, Славяно-сербского, Мариупольского и Ростовского уездов Екатеринославской губернии с присоединением к ним Миусского округа и приморского участка Черкасского округа Области Войска Донского. Соединенные департаменты отклонили представление министра, считая нецелесообразным отделять часть территории от Области Войска Донского. Без этого же условия создание губернии теряло всякий смысл, так как существующая чересполосность (между Ростовским уездом и губернским городом Екатеринославом) увеличилась бы (три уезда — Мариупольский, Славяно-сербский и Бахмутский—были бы отделены от губернского города Таганрога). К тому же создание новой губернии влекло за собою увеличение административных расходов на 200 тыс.руб. (ЦГИАЛ, ф. 1149, опись т. VIII, д. 37 за 1874—1876 гг.).

428. 2, 9, 23 и 30 марта Комитет министров рассматривал представление министра финансов Об устройстве пароходных сообщений с Индией и Китаем и о продолжении действия Русского общества пароходства и торговли Южного края России, образованного в 1856 г. с целью развития торговли. В связи с предложением Общества организовать прямое сообщение с Индией и Китаем была создана особая комиссия под председательством Грейга. Эта комиссия, ознакомившись с положением Общества, его уставом, приняла решение о необходимости прекратить так называемую помильную оплату, которая была гарантирована с 1856 г. Комиссия сочла возможным сохранить помильную оплату только за экстренные срочные рейсы между определенными пунктами. Одобрив предложение Общества о создании прямых линий, она вместе с тем сочла, что помильная оплата слишком дорога.

Комитет министров согласился с замечаниями комиссии Грейга, и устав пароходства был изменен (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3836, «Особый журнал», лл. 470—517).

429. Aus Stein's Leben von L. H. Perz, 2 Bände. Berlin, 1856.

430. Это утверждает и Д. А. Милютин. «Шувалов со свойственной ему болтливостью,— пишет он в дневнике 25 марта,— рассказал мне свои

разговоры с кн. Бисмарком во время двух вечеров, проведенных у него проездом чрез Берлин.

Германский канцлер прикинулся простодушным добряком и развивал ту мысль, что настоящая эпоха есть самая выгодная для России, чтобы распорядиться Турцией совершенно по своему усмотрению; Бисмарк говорил, как он поступил бы на месте русского императора, и ручался за то, что ни Австрия, ни Германия не помешают нам» («Дневник», т. II. М., 1949, стр. 35; см. также стр. 46).

431. В первой половине марта студенты Петровской земледельческой и лесной академии обратились с коллективным заявлением к директору академии Н. Ф. Королеву. Студенты указывали, «что им часто приходится испытывать оскорбления по поводу своих совершенно законных требований» и ссылались на правила, «которые стесняют их и оскорбляют в них чувство собственного достоинства».

Одним из главных организаторов подачи этого заявления был В. Г. Короленко. Его рукой был написан текст коллективного заявления и он первый его подписал. Заявление было подписано 78 студентами. В качестве депутатов были избраны студенты: Короленко, Григорьев и Вернер. Все трое были исключены из Академии и направлены в ссылку под надзор полиции. См. статью А. В. Храбровицкого «Первое общественное выступление В. Г. Короленко». «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 4, стр. 374—375. См. также В. Г. Короленко. История моего современника, т. II. М.—Л., 1930, стр. 240—258.

432. В начале ноября 1874 г. в Горном институте была созвана сходка, на которой студенты решили просить начальство удовлетворить ряд их требований, носивших чисто академический характер (разрешение студентам посещать библиотеку, музей, отсрочка взноса денег за право учения, принятие вновь исключенных и др.). В течение нескольких дней происходили волнения студентов. По распоряжению Валуева, институт был закрыт, многие студенты высланы, а желающие продолжить обучение обязаны были вновь подавать заявления с указанием о своем несогласии с выдвинутыми требованиями. События в Горном институте подробно освещаются в письмах В. М. Гаршина к матери. См. В. М. Гаршин. Полное собрание сочинений в трех томах, т. III. М.— Л., 1934, стр. 19—20.

433. Имеется в виду южная часть Бессарабии, отторгнутая от России по условиям Парижского мира 1856 г.

434. См. комментарий 384.

435. Речь идет о похоронах студента Медико-хирургической академии Павла Феоктистовича Чернышева, умершего от туберкулеза. П. Ф. Чернышев являлся организатором народнических кружков среди молодежи, участником «хождения в народ» в 1874 г. и был арестован за пропаганду среди крестьян в Самарской губернии. В начале марта 1876 г. Чернышев в связи с безнадежным состоянием здоровья был выпущен из дома предварительного заключения на поруки.

Похороны Чернышева на Волковом кладбище 30 марта превратились в крупную политическую демонстрацию. По донесению полиции, на кладбище присутствовало около 400 человек, преимущественно студентов. Ведущую роль играли студенты Медико-хирургической академии.

По поводу гибели Чернышева близким к революционным кругам писателем Г. А. Матчетом было написано стихотворение «Последнее прости», вскоре ставшее популярной революционной песней: «Замучен тяжелой неволей».

Материалы о похоронах Чернышева имеются в фонде Д. А. Милютина. ГБЛ. Отдел рукописей, картон 16, д. 50—52.

435а. Речь идет о связи М. Горчакова с женой некоего Колемина. См. ГБЛ. Отдел рукописей, ф. Киреевых 126, д. 6, л. 118.

436. См. комментарий 468.

437. Речь идет о передовой статье «Союзная политика» в № 14 «Гражданина» от 3 апреля. В статье резко критикуется позиция Австро-Венгрии в герцеговинском вопросе.

«Естественный и заклятый враг всех славян,—говорилось в статье,— австро-венгерское дуалистическое государство, которое распоряжается восточными делами, как своими собственными... И вся наделавшая такого шума политика заступления за турецких христиан других держав имеет тот результат, что эти бедные христиане теперь обречены на медленное их избиение...»

Вместе с тем осуждалась также и политика России, ориентировавшаяся в этом вопросе, по мнению газеты, на Австро-Венгрию. «Вот куда нас ведет так называемый дружеский союз с Австрией», — говорилось в конце статьи.

По распоряжению министра внутренних дел, «Гражданин» был приостановлен на один месяц«за резкое нарушение... объявленного редакторам бесцензурных периодических изданий 15 октября 1875 года касательно отношений печати к действиям и видам нашего правительства к герцеговинскому восстанию» («Правительственный вестник», № 76, 8 апреля 1876 г.).

438. Луганский чугунолитейный завод, работавший на привозной уральской руде, в 1876 г. ввиду его убыточности решено было продать в частную собственность. В начале 1876 г. были назначены торги на продажу завода, однако желающих приобрести его не нашлось. В связи с русско-турецкой войной производство завода несколько увеличилось. В 1887 г. завод был закрыт. См. П. И. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. 1. Харьков, 1915, стр. 402—403.

439. Расхищение башкирских земель имеет два этапа. Первый: с 1869 по 1876 г., когда расхищение производилось путем «покупок» земель непосредственно у башкир. «Покупки» эти производились в среднем по 1 руб. за десятину, причем в отдельных случаях стоимость десятины строевого леса составляла 8 коп. Всего было расхищено, таким образом, 851 938 дес. (см. Н. В. Ремезов. Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея. М., 1889, стр. 24). Второй этап расхищения, начавшийся во второй половине 70-х годов и продолжавшийся до 1881 г., характеризуется раздачей земель, «отрезанных в запас», а также казенных оброчных статей различного рода генералам и высшим чиновникам. Всего было роздано, по данным того же Ремезова, 400 146 дес. (см. указанную работу, стр. 27). Именно эта раздача земель и явилась одной из причин отставки Валуева в 1881 г. См. Биографический очерк П. А. Валуева («Дневник», т. I, стр. 50).

Вполне естественно, что расхищение башкирских земель ни в той, ни в другой ее форме не могли быть, как утверждает Валуев, «полезны для края».

440. 12 апреля был утвержден «всеподданнейший» доклад Валуева о приобретении в казну имения великого князя Николая Николаевича в Борисовском уезде Минской губернии. Имение было приобретено за 1 500 000 руб. (ЦГИАЛ, ф. Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян, № 385, 1876 г., д. 6393, лл. 1—2).

441. Речь идет о «кружке 16-ти». Дневник П. А. Валуева, т. I, стр. 18.

442. Т. е. награжденная орденом св. Екатерины. Этим орденом награждались лишь особы женского пола из числа лиц императорской фамилии и жен сановников.

443. Кабули-паша.

444. На заседании Петербургской городской думы обсуждался проект тайн. сов. Сивкова об учреждении в Петербурге товарищества извозного промысла сроком на 12 лет, поддержанный градоначальником Треповым.

Для рассмотрения проекта была создана комиссия в составе 6 человек. При его обсуждении особенно резко выступил один из членов комиссии, гласный думы, петербургский предводитель дворянства гр. А. П. Шувалов. По его мнению, этот проект означал создание монополии на извозный промысел в Петербурге, что повлекло бы резкое повышение цен и безработицу среди извозчиков. «Рабочее население до 14 тысяч человек,— заявлял Шувалов,— лишится добываемого им в настоящее время хлеба, а также сильного подспорья для платежа податей». Дума единогласно постановила отклонить проект Сивкова, а также обратиться со «всеподданнейшим» ходатайством, чтобы устройство извозного промысла не передавалось в монополию отдельным лицам или какому-нибудь товариществу.

См. «Голос», № 85 от 25 марта 1876 г. См. также ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, д. 85.

445. 19 апреля в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенных Департаментов законов и гражданских и духовных дел по делу «О бывшем рязанском губернаторе Болдареве, пронском исправнике Андрееве, его помощнике Углицком и городовом враче Мелчинове, обвиняемых в преступлении по должности». Суть дела заключалась в следующем: 23 октября 1872 г. в селе Тарасове Пронского уезда умер от побоев крестьянин Носков. Эти побои были ему нанесены во время столкновения на охоте. В нанесении побоев Носкову обвинялся Болдарев. 26 февраля 1876 г. в соединенных Департаментах решался вопрос о том, каким образом это дело должно рассматриваться в 1-м Департаменте Сената. Порядок этот мог быть двояким: либо на основании судебных уставов 20 ноября 1864 г., либо руководствуясь порядком для производства дел, установленным ранее.

При рассмотрении этого вопроса в соединенных Департаментах возникло разногласие. Девять членов (Замятнин, Титов, Грот, кн. Урусов, Делянов, кн. Оболенский, барон Торнау, Победоносцев, Стояновский) высказались за передачу дела в Сенат для рассмотрения его согласно уставам 20 ноября 1864 г. Пять же членов (принц Ольденбургский, Будберг, Тимашев, бар. Николаи, гр. Пален) предлагали: 1) дело в отношении Болдарева за недостатком улик прекратить; 2) дело в отношении других лиц направить для расследования в Рязанское губернское управление.

При обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета 18 членов (Милютин, Урусов, Заблоцкий-Десятовский, Долгорукий, Суворов, Делянов, Абаза, Небольсин, Торнау, вел. кн. Владимир Александрович, Посьет, Грот, Корнилов, Ливен, Стояновский, Победоносцев, кн. Урусов и Левшин) считали необходимым передать дело в 1-й департамент Сената для разрешения его согласно судебным уставам 20 ноября 1864 г.; 30 других членов (вел. кн. Константин Николаевич, Будберг, Валуев, Гирс, Гринваль, Адлерберг 2-й, Баранов, вел. кн. Александр Александрович, Николай Николаевич, Дюгамель, принц Ольденбургский, Литке, Путятин, Метлин, Игнатьев, Титов, Новосильский, Фундуклей, Замятнин, Набоков, Пален, Толстой, Тимашев, Перовский, Лесовский, Грейг, Николаи, Баранов 2-й, Мельников, Шамшин) полагали необходимым: 1) объявить Болдареву выговор; 2) дело о нем оставить без последствий за неимением улик; 3) дело о других лицах передать Рязанскому губернскому правлению «для постановления законного решения»; 4) «Министерству юстиции ускорить представление в Государственный совет возвращенного ему в 1872 г. для сношения с подлежащими ведомствами представления об изменении порядка разрешения в Первом департаменте Правительствующего Сената дел о предании суду за преступления по должности» (ЦГИАЛ, ф. 1151, оп. т. IX, д. 10 за 1876 г., л. 109). Александр II присоединился к мнению большинства со следующей поправкой: «Выговор Болдареву не считать ему препятствием к продолжению службы» (там же, л. 110).

446. Омладина — политическая организация Сербской националистической молодежи, основанная в 1866 г. Она возникла как культурное и литературно-просветительное общество. Политические цели Омладины — объединение вокруг Сербии всех сербских земель. Социальной программы не имела. Создателями и руководителями Омладины были либералы.

447. По-видимому, Валуев имеет в виду соображение министра внутренних дел по вопросу об организации в столице извозного промысла, высказанное им в ответ на постановление С.-Петербургской городской думы от 24.III 1876 г. (см. комментарий 444). Это «высочайше одобренное» соображение заключалось в рекомендации создать в столице для улучшения состояния этого промысла особое товарищество или компанию. Тут же указывалось, чтобы при этом «отнюдь не было допускаемо стеснения пределами монополии какой-нибудь одной компании, во избежание тех вредных последствий, какие от сего могли бы явиться впоследствии». Таким образом, первая часть «соображения» противоречила второй ее части («Голос», № 104, 15.IV 1876 г.).

448. Вероятно, речь идет о генерале Е. В. Богдановиче.

449. 3 мая в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенного присутствия Департаментов законов и государственной экономии и гражданских и духовных дел «По делу о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 года в полном их объеме в девяти западных губерниях». При обсуждении этого вопроса в соединенных Департаментах произошло разногласие по следующему вопросу: «Следует ли принять за правило, что число евреев в составе присяжных заседателей не должно превышать одной трети общего числа присяжных заседателей» (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. IX, д. 11 за 1876 г., л. 61). Меньшинство членов соединенных Департаментов настаивало на установлении указанного выше правила. Большинство же полагало, что цель может быть достигнута другим путем: исключением из состава присяжных всех лиц, в том числе и евреев, «допущение коих в присяжные заседатели оказалось бы почему-либо неудобным». Исключение это должно проводиться особо учреждаемой комиссией под председательством губернатора.

Общее собрание поддержало мнение меньшинства, указав при этом, что норма $1/3$ от общего числа присяжных не может быть признана удовлетворительной, поскольку численность еврейского населения в различных уездах неодинакова. При этом предлагалось заносить евреев в списки присяжных заседателей в соответствии с процентным отношением общего числа их к населению данного уезда.

Общее собрание вынесло следующее решение: «Представленное дело возвратить в соединенные Департаменты и предоставить им: 1) сообразить там порядок назначения присяжных заседателей западных губерний на основании выраженного выше начала; 2) обсудить вопрос о распределении губерний Северо-Западного края между существующими судебными округами, либо учредить для них судебную палату вне упомянутого края; 3) министру юстиции приступить немедленно к подготовительным мерам, необходимым для введения судебного преобразования в губерниях — Киевской, Волынской и Подольской» (там же, л. 62).

450. Один из высших орденов Австро-Венгрии.

451. Прусский военный орден.

452. Броненосцы береговой обороны «Новгород» и «Вице-адмирал Попов», построенные по проекту адмирала А. А. Попова. Суда эти были весьма непрактичны: они испытывали большую качку и в непогоду не могли стрелять.

453. Речь идет о первой годичной выставке «Общества выставок художественных произведений» и пятой выставке «Товарищества передвижных художественных выставок» (см. «Голос», № 91, 113, статья «Художественная хроника»).

454. Имеется в виду картина Куинджи «Украинская ночь», выставлявшаяся на пятой выставке Товарищества передвижных художественных выставок в 1876 г. (см. «Товарищество передвижных художественных выставок. Перечень произведений и библиография». М., 1952, стр. 202).

455. 11 и 18 мая в Комитете министров рассматривался по представлению министра иностранных дел вопрос о распределении доходов с находящихся в Бессарабии имений заграничных восточных монастырей и духовных общин.

Управление этими монастырями с 1874 г. находилось в ведении Министерства государственных имуществ и осуществлялось специально созданным в Кишиневе местным управлением.

По решению Комитета, доходы с этих имений должны были распределяться следующим образом. $^{1}/_{5}$ часть — на управление имениями, остальная сумма делилась на две равные части: одна восточным монастырям, другая «на поддержку православных церквей в Бессарабии» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3840, лл. 240—266).

456. Речь идет об определении поместного Константинопольского собора 12 и 16 сентября 1872 г., объявившего болгарскую церковь во главе с ее экзархом «схизматиками, чуждыми православной церкви». Это решение явилось следствием долговременной греко-болгарской церковной распри и образования на основе султанского фирмана самостоятельного болгарского экзархата (см. Т. Филиппов. Современные церковные вопросы. СПб., 1882, стр. 134—234).

457. 7 апреля генерал в отставке М. Г. Черняев — редактор реакционной газеты «Русский мир» — нелегально направился в Сербию для участия в борьбе против Турции. Вскоре Черняев возглавил сербскую армию и вместе с тем добровольческое движение. Общее число добровольцев, отправившихся в Сербию, по подсчетам С. А. Никитина, составляло свыше 5 тысяч человек (см. его книгу «Славянские комитеты в России». М., 1960, стр. 313—330). Состав добровольцев был крайне различен: от гвардейских офицеров до революционных народников. Официальное разрешение офицерам ехать в Сербию было дано Александром II лишь в конце июля. Так, 27 июля Д. А. Милютин записывает в свой дневник: «Я был не мало удивлен, услышав от его величества, что он открыто объявил в Красном селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Таким образом, то, что до сих пор допускалось только негласно, на что смотрели сквозь пальцы, отразилось теперь в открытое официальное разрешение непосредственно от самого императора» («Дневник», т. II. М., 1949, стр. 62).

458. Речь идет, по-видимому, о высланной из Петербурга любовнице вел. кн. Николая Николаевича, балерине Екатерине Гавриловне Числовой. Числова была выслана 9 ноября 1875 г. в г. Венден Лифляндской губернии (см. «Былое», 1918, № 2, стр. 180—189).

459. Гр. Н. П. Игнатьев.

460. В составе Балтийского флота в 1876 г. находилось пять линейных кораблей, носивших имена адмиралов: «Адмирал Спиридов», «Адмирал Грейг», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Чичагов» и «Генерал-адмирал». Первые четыре были спущены на воду в 1869 г., пятый — в 1875 г. (С. Н. Моисеев. Список кораблей русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 г. М., 1948, стр. 65—67).

461. Брайлас Армени.

462. Газета, издававшаяся Министерством иностранных дел в Брюсселе.

463. См. комментарий 409.

464. См. комментарий 468.

465. 14 июня 1876 г. в замке Рейхштадте, находившемся на террито-

рии Чехии, произошло свидание Александра II и Франца-Иосифа, на котором было достигнуто предварительное соглашение по восточному вопросу. Это соглашение предусматривало дружественный нейтралитет Австро-Венгрии на случай войны с Турцией. В случае победы Россия обязывалась не создавать на Балканах большого славянского государства. Россия обеспечивала возвращение себе отторгнутой в 1856 г. части Бессарабии и не возражала против аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Никакого официального протокола, фиксирующего достигнутое соглашение, составлено не было. Сохранились лишь две записи текста соглашения. Русский вариант опубликован в журнале «Красный архив», № 1, 1922; австрийский — в кн. P r i b r a m. The secret treaties of Austria-Hungary, vol. II. Cambridge, 1921, p. 188—190.

466. По-видимому, речь идет о приезде сербского представителя Протича для получения займа (см. С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 296—299).

467. Точнее, III отделения с. е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов, возглавлявшихся одним лицом — шефом жандармов (см. «Обзор деятельности III отделения собственной его императорского величества канцелярии за 50 лет». ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, оп. 86, д. 1-б).

468. 22 июня и 6 июля в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел «О предоставлении в виде временной меры генерал-губернаторам московскому и варшавскому и градоначальникам петербургскому и одесскому права издавать обязательные постановления для охранения общественного порядка и благочиния».

8 апреля 1876 г. было созвано совещание министров внутренних дел, юстиции, шефа жандармов и главноуправляющего II отделением с. е. и. в. канцелярии по вопросу о предоставлении местной административной власти права издавать обязательные постановления для охранения общественного порядка и благочиния. Совещание сочло возможным внести в Комитет министров предложение о предоставлении, в виде временной меры, этого права московскому и варшавскому генерал-губернаторам и градоначальникам Петербурга и Одессы. Право издания обязательных постановлений предполагалось предоставить впредь до разработки по этому предмету определенных законов. В связи с этим министр внутренних дел Тимашев представил в Комитет министров записку, определявшую вопросы, по которым могли издаваться указанные постановления.

Тимашев предлагал разрешить издание обязательных постановлений по следующим вопросам: «1) о предупреждении и пресечении нарушения благочиния и общественного порядка во время богослужения и вообще всяких духовных обрядов и треб; 2) о предупреждении и пресечении распространения запрещенных книг и сочинений, а также соблазнительных эстампов, лубочных картинок и карикатур; 3) о предупреждении и пресечении запрещенных сходок; 4) о предупреждении сопротивления властям законным; 5) о предупреждении нарушений благочиния при публичных собраниях во время забав и увеселений; 6) о предупреждении пьянства; 7) развития непотребства и вредных его последствий; 8) нищенства; 9) запрещенных игр; 10) нарушений устава пожарного; 11) по предметам ведомства городской полиции, касающимся охранения безопасности, перечисленных в § 1 ст. 4119, тома II Свода законов, за исключением тех предметов, которые предусмотрены ст. 103 и 104 Городового положения» (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3847 за 1876 г. «Особый журнал» 22 июня и 6 июля, лл. 36—55).

Обязательные постановления должны были публиковаться и сообщаться в 1-й департамент Сената и Министерство внутренних дел. Об отмене этих постановлений Сенатом должно было сообщаться в газетах.

Министерство внутренних дел имело право дополнять или изменять эти постановления.

Комитет министров согласился с изданием соответствующих постановлений, однако указал при этом на необходимость согласования их с существующими законами, а также Уложением о наказаниях, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и другими постановлениями высших правительственных органов. По-видимому, Валуев имеет это в виду, говоря об исправлении внесенного Тимашевым представления.

469. Петербургская газета, выходившая с 1868 г. До 1876 г. газета имела консервативное направление. С 1876 г., с переходом газеты в руки А. С. Суворина, «Новое время» приобретает умеренно-либеральный характер, с конца 70-х годов становится на реакционные позиции (см. «Русская периодическая печать 1702—1894». Справочник. М., 1959, стр. 509—511).

470. Датский король — Христиан IX и греческий король Георг I, с женами — Луизой-Вильгельминой-Каролиной и Ольгой Константиновной.

471. Принцесса Луиза-Ольга Тара.

472. В фондах ЦГИАЛ (Комитета министров, Комитета финансов, Комиссии для исследования железнодорожного дела в России и Государственного совета) указанная записка не обнаружена.

472а. Утверждение Игнатьева является ошибочным. Переворот в Турции был инспирирован английским послом в Константинополе.

473. Валуев неправ. Зверская расправа турецких властей с болгарами последовала за апрельским национально-освободительным восстанием и никакой непосредственной связи с войной Сербии и Черногории против Турции не имела.

474. В условиях все усиливавшейся деятельности революционных народников у правительства и самого Александра II массовое движение помощи славянам вызывало большую тревогу.

Наряду с добровольческим движением (см. комментарии 457 и 477), огромные размеры принял сбор пожертвований в пользу славян. По данным И. С. Аксакова, за 14 месяцев, с 1 сентября 1875 г. по 22 октября 1876 г. только в Московский славянский комитет поступило пожертвований в сумме 742 328 р. 73 к. Петербургский отдел Славянского комитета за этот же период собрал 800 тыс. руб. Общую сумму пожертвований Аксаков определил за этот период в сумме свыше 3 млн. руб., а вместе с вещественными пожертвованиями $3^1/_2$ млн. (И. С. Аксаков. Славянский вопрос. М., 1886, стр. 227—228). С. А. Никитин в своей книге о славянских комитетах приводит интересные данные о том, что основная масса этих пожертвований была внесена неимущими слоями населения. Так, в полицейской сводке по Клинскому и Волоколамскому уездам Московской губернии указывалось, что «самые жертвователи денег на славянское дело нуждаются в еще большей помощи, чем те славяне, которым они отдают последний свой трудовой грош» (С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 304—305). Об этом же говорил и Аксаков, утверждая, что «Две трети пожертвований внес ...бедный, обремененный нуждой простой народ» (цит. по указ. книге С. А. Никитина, стр. 303).

475. См. комментарий 480.

476. Шведский посланник Дюэ.

477. Подобные факты имели действительно широкое распространение. Так, еще в 1875 г. на одном из заседаний Южно-Российского союза рабочих ставился вопрос о направлении добровольцев в Герцеговину (Б. С. Итенберг. Южно-Российский союз рабочих — первая пролетарская организация в России. М., 1954, стр. 82—83). Как утверждает автор статьи «Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг.» Т. Г. Снытко, это движение

особенно большое распространение получило на Украине (см. Сборник «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957, стр. 78—106).

478. Педро II Алькантара.

479. См. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 314.

480. Валуев неточен. «Русский мир» приостановлен не был. 5 июля редактору «Русского мира» было сделано внушение за то, что в № 181 и 182 газета в передовых статьях «настаивая на том, что Россия должна поддерживать славян в их борьбе с Турцией, делает косвенно упрек нашему правительству за его миролюбивую политику, ограничивающуюся будто бы только выслушиванием желаний австрийцев и англичан. По мнению газеты, если правительство упустит представляющуюся теперь возможность покончить безвозвратно с восточным вопросом, то оно совершит великий грех перед русским народом и перед славянством, и перед нашим собственным историческим долгом» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 2, д. 16, л. 209).

Далее указывалось, что «газете «Русский мир» за подобное же неуместное указание правительству было уже объявлено второе предостережение. Член Совета полагал бы необходимым объяснить редактору, что при дальнейшем повторении подобного рода упреков и настояний, обращаемых хотя бы косвенно к правительству ...будут приняты решительные меры» (л. 210). Совет Главного управления по делам печати согласился с этим представлением.

481. Полуофициоз Министерства иностранных дел.

482. Речь идет о проводах на Смоленском вокзале отправлявшейся в Сербию походной церкви для армии, знамени «славянскому воинству» и группы добровольцев. «Провожать отъезжающих на станцию дороги,— говорится в корреспонденции «Московских ведомостей» от 28 августа,— явилось до десяти тысяч народа. Вся обширная платформа вокзала, противоположная сторона с площадью перед станцией были заняты сплошной толпой».

483. Марку Бедмар.

484. Планы ген. Р. А. Фадеева изложены в ряде его записок, преследующих цель окончательного разрешения восточного вопроса. В середине 1875 г. он подал на имя наследника престола вел. кн. Александра Александровича записки о положении в Турции и Египте, где указывал, что «час падения Оттоманского царства не отвратим» (ЦГИАМ, ф. Александра III, 677, д. 455, л. 31). 28 мая 1876 г. Фадеев представил в Министерство иностранных дел для Н. К. Гирса записку, в которой писал: «Все понимают, что Константинополь — ничто, что восточный вопрос есть вопрос о Дарданеллах и ни о чем более как о Дарданеллах... Мыслящие люди на Востоке и официальные и частные понимают отчетливо, что вековой вопрос идет ныне быстро и неудержимо к концу, что сущность его заключается в обладании Дарданеллами, что соискателей этого обладания только два,— Россия и морские державы... И что Россия не может отступить в этом деле, не отказываясь от самой себя» (см. Особое прибавление к «Описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг.» Вып. I. СПб., 1899, стр. 53). Эту же мысль развивает Фадеев и в другой записке, поданной в конце 1876 г. военному министру Д. А. Милютину (там же, вып. VI. СПб., 1911, стр. 293—294).

485. Обручевым в Ливадии была представлена царю Александру II записка, излагавшая цель войны, общий характер военных действий, операционный путь, состав армии и другие вопросы. Записка опубликована в кн. М. Газенкамф. Мой дневник, 1877—1878. СПб., 1908. Приложение, № 1, стр. 1—5.

486. В Ливадии в конце сентября — в октябре проходили совещания, на которых был решен вопрос о вступлении России в войну с Турцией

в том случае, если восточный вопрос не будет урегулирован мирным путем. На совещании был определен стратегический план кампании, намечен главнокомандующий.

Рейтерн по приезде в Ливадию представил Александру II записку, в которой развивал мысль о невозможности войны вследствие тяжелого финансового положения страны. «Государь,— рассказывает Д. А. Милютин в своем дневнике,— по прочтении этой записки назначил сегодня совещание, в котором, кроме наследника цесаревича, приняли участие кн. Горчаков, Игнатьев, гр. Адлерберг, Рейтерн и я. С самого начала государь напал на Рейтерна за его записку, из которой, по словам государя, можно заключить, что совершившиеся в его царствование великие реформы испортили положение России, так что в случае войны последствия ее будут гораздо тяжелее, чем были бы до этих реформ 20 лет назад... Государь возвратил ему записку, сказав, что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война» («Дневник Д. А. Милютина», т. II, М., 1949, стр. 93). О ливадийских совещаниях см. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1911, стр. 302—304; см. также «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 76—103. Записка Рейтерна, датированная 3 октября, опубликована в кн. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910, стр. 158—167.

487. По-видимому, Валуев имеет в виду пребывание в Цетинье уполномоченного Главного управления общества Красного Креста, члена Петербургского славянского комитета кн. П. А. Васильчикова. В конце 1875 г. Васильчиков прибыл в Цетинье во главе госпитального отряда, посланного для помощи восставшим герцеговинцам. Положение Васильчикова было весьма двусмысленным, так как в Цетинье его принимали как официального представителя России и требовали оказания помощи восставшим. Васильчиков становится членом местного Благотворительного комитета (Одбора) для распределения русских пожертвований. Это еще более усугубило двусмысленность его положения (см. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 278—280).

488. Д. А. Милютин по этому поводу говорит в своем дневнике в записи за 23 сентября следующее: «Вчера вечером опять пришел ко мне Пороховщиков, чтобы передать мне разговор, который он имел с самим государем, разговор, длившийся полтора часа. По словам Пороховщикова, государь принял его до такой степени милостиво, что вошел с ним в самые задушевные объяснения, два раза даже заплакал и как будто оправдывал свои действия. Я не поверил бы такой неуместной со стороны государя откровенности и доверчивости к человеку, которого видел в первый раз и которого имени даже не знал, если бы в рассказе Пороховщикова не узнавал выражений прежде слышанных мною» («Дневник», т. II. М., 1949, стр. 85).

Милютин характеризует Пороховщикова «болтуном с колоссальным самомнением» (там же, стр. 86). О приезде Пороховщикова в Ливадию см. также С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 302.

489. 30 октября в Кремлевском дворце Александр II, принимая московское дворянство и представителей города, произнес речь, в которой он указывал на стремление добиться разрешения восточного кризиса мирным путем. «Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечили бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия ответит на мой призыв». С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 310.

Речь Александра II явилась первым официальным заявлением о готовности России начать войну, в случае если Турция не решит мирным путем балканского вопроса.

490. Указ о мобилизации был издан 1 ноября. Первым днем мобилизации считалось 2 ноября. Мобилизации была подвергнута значительная часть войск. Численность их увеличилась после мобилизации с 272 867 человек до 546 607 человек. Мобилизация людей в губерниях Европейской России была закончена на 15-й день, в Закавказье—на 26-й. Мобилизация лошадей — на 16-й.

См. П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860 — 1870 гг. в России. М., 1952, стр. 338—341.

491. Речь идет об известной демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г. (см. Э. А. Корольчук. Первая рабочая домонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 дек. 1876 г. Сборник воспоминаний и документов. М.— Л., 1927).

492. 27 ноября, 4 и 11 декабря в заседании соединенных Департаментов законов и государственной экономии Государственного совета рассматривалось представление министра внутренних дел о применении Городового положения 16 июня 1870 г. к городам прибалтийских губерний. На заседании Валуев внес ряд поправок. Так, он предлагал предоставить председательство в городской думе Риги и Ревеля первенствующему бургомистру, признать за нынешними членами Рижского магистрата пожизненное право быть гласными думы и сохранить в прибалтийских губерниях обязательное начало городской выборной службы. По всем этим вопросам он остался в меньшинстве. Соединенные Департаменты утвердили представление министра внутренних дел. 21 февраля решение было утверждено императором. В части вопросов, возбужденных Валуевым, было утверждено мнение большинства (ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. VIII, д. 63, за 1876 г.).

493. По-видимому, речь идет о работе Валуева над романом «Лорин» (см. Биографический очерк. Дневник, т. I, стр. 53—54).

494. Журнала Комитета министров за 23 декабря не имеется.

В «Особом журнале» за 21 декабря указывается, что дело об утверждении проекта уставов Московского и Петербургского славянских благотворительных обществ было отложено вследствие заявления товарища министра внутренних дел. Далее говорилось, что по вопросу о времени обсуждения проектов Министерство внутренних дел снесется с управляющим делами Комитета министров. Комитет принял решение рассматривать этот вопрос по получении извещений от министра внутренних дел (ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 3864, ст. 740, лл. 501—502).

именной указатель к I и II томам

Список сокращений, принятых в указателе

бар.— барон, баронесса
вел. кн.— великий князь, великая княгиня
г.— год
газ.— газета
ген.-ад. — генерал-адъютант
ген.-губ. — генерал-губернатор
ген.-лейт. — генерал-лейтенант
ген.-от-артил.— генерал-от-артиллерии
ген.-от-инф.— генерал-от-инфантерии
ген.-от-кавал.— генерал-от-кавалерии
гр.— граф, графиня
губ.— губерния
действ. ст. сов.— действительный статский советник
действ. тайн. сов.— действительный тайный советник
ж.— журнал
ж. д. — железная дорога
кн.— князь, княгиня
кол. ас.— коллежский асессор
кол. рег.— коллежский регистратор
кол. секр.— коллежский секретарь
л.-гв.— лейб-гвардия
надв. сов.— надворный советник
ок.— около
светл. кн.— светлейший князь
с. е. и. в. канц.— собственная его императорского величества канцелярия
ст.-секр.—статс-секретарь
ст.сов.— статский советник
тайн. сов.— тайный советник
тит. сов.— титулярный советник
у.— уезд
урожд.— урожденная
флиг.-ад.— флтгель-адъютант

Абаза Александр Агеевич (1821—1895), действ. ст. сов., гофмейстер при дворе вел. кн. Елены Павловны, с 1874 г. по 1880 г. и с 1883 г. по 1892 г. председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, в 1880—1881 гг. министр финансов I 129, 130, 272; II 51, 86, 93, 191, 278, 289, 293, 300, 304, 317, 331, 334, 338, 344, 364, 367, 370,371, 393, 394, 399, 461, 516, 521

Абдул-Азис (1830—1876), турецкий султан с 1861 г. I 180; II 365—367, 378, 385

Абдул-Хамид II (1842-1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г. II 385

Абердин (Aberdeen) Джрдж-Гамильтон-Гордон (1784-1860), гр., английский государственный деятель I 58

Абромович Игнатий Якимович, ген.-лейт., главнозаведующий конторой императорских дворцов Лазенок и Бельведера, председатель дирекции театров Царства Польского I 87

Авдеев Михаил Васильевич (1821-1876), отставной инженер-капитан, сотрудник "Современника

и «Отечественных записок», в 1861 г. член Оренбургского по крестьянским делам присутствия I 186, 393
Аверкиев Иван, поручик 1-го Гренадерского стрелкового батальона, участник революционного движения I 168, 386
Август Фридрих-Эбергард (1785—1885), принц Вюртембергский, второй сын принца Павла Вюртембергского II 55
Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), гр., ген.-ад., командующий императорской главной квартирой, член Главного управления цензуры, в 1872—1881 гг. министр императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов I 72, 102, 130, 171, 176, 178, 196, 207, 208, 245, 253, 289, 303, 318; II 33, 103, 146, 150, 161, 173, 185, 259, 276—278, 283, 293, 301, 306, 327, 343, 344, 352, 357, 366, 369, 375, 377, 384, 387, 389, 393—397, 521
Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), гр., ген.-ад., в 1852—1872 гг. министр императорского двора и уделов I 57, 58, 63, 72, 76, 83, 88, 136, 165, 171, 185, 199, 207, 210, 232, 233, 239, 245, 246, 250, 274, 287, 301, 303, 307, 363—366, 385, 395, 407, 417, 421; II 14, 30, 32, 35, 37, 38, 40, 51, 58, 59, 150, 200, 202, 206, 208, 217, 218, 233, 243, 248, 249, 436, 451, 452, 488, 527
Адлерберг Екатерина Николаевна, гр., урожд. Полтавцева, жена А. В. Адлерберга II 377
Адлерберг Николай Владимирович (1819—1892), гр., ген.-майор, с 1856 г. состоял при русской миссии в Берлине, в 1866—1881 гг. финляндский ген.-губ. и командующий войсками Финляндского военного округа I 344; II 120, 203, 357
Айвазовский Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист I 306
Акинфиева (Акинфова) Надежда Сергеевна (род. в 1804 г.), урожд. Анненкова, в первом браке за В. Н. Акинфиевым, во втором за герцогом Н. М. Лейхтенбергским, кн. Романовским II 102, 197, 199, 227, 229, 230, 264, 359
Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), общественный деятель, славянофил, публицист, редактор газ. «День» с 1861 г. по 1865 г. и «Москва» с 1857 г. по 1868 г., член Московского славянского комитета I 39, 139, 218, 376, 377, 386; II 73, 196, 247, 265, 364, 395, 407, 418, 484, 488, 497, 525
Аксаковы II 204, 415
Алеев Петр Алексеевич (ок. 1840—после 1913), вольнослушатель Казанского университета, участник «Казанского заговора» 1863 г., приговорен к 6 г. каторги I 400
Александр Александрович (1845—1894), вел. кн., император Александр III с 1881 г. I 13, 51, 186, 270, 303, 367; II 31, 33, 34, 36, 40—42, 60, 63, 173, 494, 495, 513, 521, 526
Александр I (1777—1825), император с 1801 г. I 38, 340; II 257, 274, 415, 477
Александр II (1818—1881), император с 1855 г. Passim.
Александр Гессенский (1823—1888), принц Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны II 154, 164, 293, 296, 342
Александра Иосифовна (1830—1912), принцесса Саксен-Альтенбургская, вел. кн., с 1848 г. жена вел. кн. Константина Николаевича I 151, 152, 156, 161, 167, 170, 178, 227, 229, 245; II 35, 43, 46, 106, 110, 111, 120, 202, 222, 233, 465
Александра Петровна (в монашестве Анастасия) (1833—1900), вел. кн., дочь принца П. Г. Ольденбургского, с 1856 г. жена вел. кн. Николая Николаевича I 187; II 63, 168, 218, 358, 372, 387
Александра Федоровна (1798—1860), принцесса прусская, императрица, жена Николая I с 1817 г. I 122

Александров, капитан варшавской телеграфной станции, сослан на каторгу I 388
Алексей Александрович (1850—1908), вел. кн., четвертый сын Александра II I 367; II 33, 52, 162, 173, 287, 310, 321, 324
Аллори (Allori) Бронцино-Христофано (1577—1621), итальянский художник I 159
Альбединская Александра Сергеевна (1863—1913), урожд. кн. Долгорукая, фрейлина императрицы Марии Александровны I 169, 171, 195, 256
Альбединский Петр Павлович (1826—1883), ген.-майор свиты, командир л.-гв. Гусарского полка, в 1866—1870 гг. ген.-губ. и командующий войсками в Риге, в 1874—1880 гг. — в Вильно, в 1880—1883 гг.—в Варшаве I 169, 195; II 112, 119, 149, 150, 153, 163, 192, 193, 222, 228, 248, 274, 311, 430, 476, 513
Альберт-Эдуард (1841—1910), принц Уэльский, наследник престола Великобритании, с 1901 г. король Эдуард VII I 210; II 45, 292, 475
Альвенслебен (Alwensleben) фон Фридрих (1836—1905), гр., немецкий дипломат, генерал I 397
Алкье I 231
Альфред-Эрнест-Альберт (1844—1900), принц Великобританский, герцог Эдинбургский, второй сын английской королевы Виктории, с 1874 г. муж вел. кн. Марии Александровны, дочери Александра II II 287, 292
Алябьева II 107
Алябьевы II 210
Амвросий, босно-сараевский архиепископ II 456
Амурский. См. Муравьев-Амурский
Ананов, фабрикант II 457
Анаргиро-Хризула (Anargyro Chrysula), фрейлина греческой королевы Ольги II 378
Андраши Юлий (1829—1890), гр., австрийский государственный деятель, с 1869 г. по 1879 г. министр иностранных дел и императорского двора Австро-Венгрии II 297—299, 327, 329, 347, 348, 351, 352, 361, 363, 364, 376, 379, 384
Андреев П., официальный издатель-редактор газ. «Москвич» II 497
Андреевский Иван Ефимович (1831—1891), юрист, профессор Петербургского университета, либеральный общественный деятель I 376
Анненков Иван Васильевич (1813—1887), ген.-майор свиты, с 1860 г. начальник I-го округа корпуса жандармов, с 1862 г. петербургский обер-полицмейстер, в 1867 г. петербургский комендант, с 1868 г. ген.-ад. I 10, 164; II 11, 63, 71, 377
Анненков Михаил Николаевич (1835—1899), полковник, флиг.-ад. I 259
Анненков Николай Николаевич (1800—1865), ген.-ад., с 1855 г. по 1862 г. государственный контролер, член Государственного совета, с 1862 г. по 1865 г. киевский ген.-губ. и командующий войсками Юго-Западного края I 57, 61, 64, 66, 67, 121, 134, 146—150, 163, 167, 178, 196, 199, 201, 246, 259, 260, 293, 304—307, 363—366, 416, 421; II 16, 80, 443
Анненкова Вера Ивановна (1813—1902), урожд. Бухарина, жена Н. Н. Анненкова I 210, 231; II 81, 101, 125, 230, 403
Анненкова Мария Николаевна (род. в 1844), в замуж. Нелидова II 262
Анненковы II 80, 96, 128, 175, 205, 261
Анненский Николай, действ. ст. сов., содержатель почтовых станций I 110, 111, 154, 155, 179, 199, 396
Анотов, костромской купец II 476
Антипов Николай Григорьевич, кол. секр., чиновник Лесного департамента Министерства государственных имуществ I 285
Антонелли Джиакомо (1806—1876), кардинал, ст.-секр., президент Государственного совета Ватикана I 260; II 110
Антонович Максим Алексеевич (1835—1918), публицист демократического направления, литературный критик, сотрудник ж. «Совре-

менник» и «Народная летопись» I 395; II 448
Апраксин Антон Степанович, гр., ген.-майор свиты, подавлял волнение крестьян в селе Бездна I 105, 315, 371, 373
Апраксин Иван Александрович (1818—1892) II 109
Апраксин Сергей Александрович (1830—1894), полковник, флиг.-ад. II 32
Апраксин Степан Федорович, ген.-ад., состоял при императрице Марии Александровне, член Комитета о раненых I 244
Апраксина Елена Степановна, гр., фрейлина императрицы Марии Александровны I 139
Апраксина II 24
Апраксины I 201, 239; II 334
Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), гр., реакционный государственный деятель, военный министр в 1808—1810 гг. I 42
Арапетов Иван Павлович (1811—1887), чиновник Министерства императорского двора, член Редакционных комиссий I 285
Аргиропуло Перикл Эммануилович (1839—1862), студент Московского университета, революционер, член кружка П. Г. Заичневского I 110, 111, 183, 184, 323, 371, 386, 391
Аркадий, архиерей Белокриницкой епархии II 457
Армфельт Александр Густавович (1794—1875), гр., с 1842 г. по 1875 г. министр ст.-секр. вел. княжества Финляндского, член Государственного совета I 208, 272, 363; II 319
Аристотель (384—322), греческий философ II 63
Арсений (Москвин Федор Павлович) (1797—1876), с 1860 г. митрополит Киевский и Галицкий, член Синода I 203, 206, 251; II 262, 500
Арсеньев Илья Александрович (1820—1887), журналист, с 1864 г. редактор политического отдела «Северной почты», в 1865 г. издатель «Занозы», позднее редактор-издатель «Петербургского листка», в 1867—1869 гг.— «Петербургской газеты» II 113
Артур-Вильгельм (род. в 1850 г.), принц Великобританский, герцог Коннаутский, третий сын королевы Виктории, с 1879 г. муж принцессы Луизы-Маргариты, дочери принца Фридриха-Карла Прусского II 292
Арцимович Виктор Антонович (1820—1893), действ. ст. сов., с 1858 г. по 1862 г. калужский губернатор, с 1862 г. сенатор, в 1863 г. вице-председатель Государственного совета Царства Польского I 30, 169, 198, 256, 265, 317, 323, 396, 398; II 21
Асташев, полковник II 310
Ахматов Алексей Петрович (1817—1870), ген.-майор свиты, с 1860 г. харьковский губернатор, с 1862 г. по 1865 г. обер-прокурор Синода, с 1864 г. ген.-ад. I, 135, 136, 145, 148, 156, 158, 165, 176, 178, 180, 185, 196, 203, 207, 239, 241, 270, 272, 274—276, 280, 281, 285, 303—305, 355, 393, 413, 415; II 23, 27—29, 31, 48
Ахшарумов Николай Дмитриевич (1819—1893), писатель, редактор «Народной летописи» II 448

Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), экономист, в 1857—1874 гг. профессор политической экономии Московского университета, преподаватель наследника престола вел. кн. Николая Александровича I 125
Багратион Петр Романович (1818—1876), кн., ген.-майор свиты, с 1865 г. ген.-лейт., с 1868 г. помощник виленского ген.-губ., в 1870—1876 гг. прибалтийский ген.-губ. I 191, 194, 219, 243; II 130, 179, 330
Багратион, княгиня I 76
Бадельшвинг II 343
Баденский. См. Вильгельм Баденский
Бажанов Василий Борисович (1800 — 1883), протопресвитер, член Синода, духовник императорской фамилии I 128, 131, 179, 203, 241, 328, 413; II 26, 27, 77 219
Базилевский II 310, 311

Бакунин Алексей Александрович (1823—1882) новоторжский уездный предводитель дворянства, председатель съезда мировых посредников Тверской губ. I 145, 380, 391
Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) I 196, 399
Бакунин Николай Александрович (1816—1901), отставной штабс-капитан, член Тверского губернского по крестьянским делам присутствия I 145—147, 391
Балабин Виктор Петрович (1811—1864), действ. ст. сов., камергер, с 1858 г. русский посол в Вене I 214
Балкашин Сергей Михайлович, предводитель дворянства Корчевского у. Тверской губ. I 145, 380
Балугьянский Михаил Андреевич (1769—1847), юрист, профессор, первый ректор Петербургского университета в 1819—1821 гг., позднее начальник II отделения с. е. и. в. канц. II 335
Банов, стряпчий уголовных дел Симбирской губ. II 480
Баранов Павел Трофимович (1814—1864), гр., ген.-майор, тверской губернатор I 187, 191, 279, 343
Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884), гр., ген.-ад., председатель совета Главного общества российских ж. д., в 1866 г. прибалтийский, а в 1866—1868 гг. виленский ген.-губ. и командующий войсками Виленского военного округа, с 1868 г. член Государственного совета, в 1871—1874 гг. временно управлял Министерством двора и уделов, в 1876 г. председатель комиссии по исследованию железнодорожного дела в России I 115, 201, 231, 318; II 105, 120, 130, 137, 139, 152, 153, 155, 159, 163, 178, 187, 202, 215—219, 226, 228—231, 233, 241, 248, 249, 251, 338, 368, 370, 414, 419, 430, 434, 456, 474, 482, 489, 521
Баранова Юлия Федоровна (1789—1864), гр., урожд. Адлерберг, статс-дама I 289
Баранова Анна Алексеевна, гр., урожд. Васильчикова II 217, 414
Барановский Николай Иванович, ст. сов., тифлисский вице-губернатор I 193, 344
Баратынская II 226
Барашковы I 60
Барбо (Barbot), певица итальянской оперы I 195
Бартенева Полина Арсеньевна (1811—1872), фрейлина императрицы Александры Федоровны I 171; II 287
Бартоломей Михаил Федорович, действ. ст. сов. II 318
Барыков Федор Лаврентьевич (1830—1892), действ. ст. сов., управляющий земским отделом Министерства внутренних дел II 306
Барятинская Елизавета Дмитриевна, урожд. кн. Орбелиани, жена кн. А. И. Барятинского II 321
Барятинский Александр Иванович (1814—1879), кн., ген.-фельдмаршал, ген.-ад., член Государственного совета, с 1856 г. по 1862 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией I 188, 196, 323, 343, 346, 394, 419; II 119, 158, 276, 304, 321 328
Баторий Стефан (1533—1586), польский король с 1576 г. I 38, 340
Батюшков, по-видимому, Лев Павлович (умер в 1878 г.), ген.-лейт. II 389
Батюшков Помпей Николаевич, заведующий делами по постройке православных церквей в Западном крае и обеспечении православного сельского духовенства II 52, 53, 225, 273
Батюшковы I 152
Баумгартен Александр Карлович (1815—1883), ген.-ад., председатель Общества Красного креста II 383
Бахметьев Николай Иванович (1807—1891), композитор, с 1861 г. директор императорской капеллы в Петербурге, с 1866 г. камергер, с 1872 г. гофмейстер II 372, 382
Бахтин Николай Иванович (1796—1869), ст.-секр., действ. тайн. сов., член Государственного совета I 34, 119, 134, 151, 155, 175, 176, 182, 196, 207, 233, 246, 256, 296,

363—366, 382, 393, 395, 409, 410, 417; II 12, 66, 69, 89, 133, 234, 401, 451
Бедмар (Bedmar) Марк, маркиз, испанский посол в России с 1875 г. II 387, 526
Безак Александр Павлович (1800—1868), ген.-ад., с 1860 г. по 1865 г. оренбургский ген.-губ., в 1865—1868 гг. киевский ген.-губ. и командующий войсками Киевского военного округа, член Государственного совета I 148, 208, 225, 292, 305, 306; II 16, 29, 32, 35, 36, 78—80, 82, 85, 87, 94, 107, 110, 111, 159—161, 163, 169, 174, 226, 228, 413, 443, 445, 447, 474, 476, 492
Безак Николай Александрович, флиг.-ад. II 112
Безобразов Владимир Павлович (1828—1889), чиновник особых поручений Министерства финансов, в 1865 г. гласный по Дмитровскому у. Московской губ., с 1868 г. гласный Московского губернского земского собрания, член Совета Русского географического общества, впоследствии академик, сенатор I 96, 135, 142; II 18
Безобразов Николай Александрович (1816—1867), дворянский публицист, с 1863 г. основатель реакционной газ. «Весть», с 1855 г. по 1867 г. предводитель дворянства Петербургского у., магистр Петербургского университета I 139, 142, 191, 214, 348, 377; II 442
Безродный Леонид Васильевич, чиновник департамента Министерства юстиции II 306
Беклемишев, отставной полковник Харьковской губ. II 483
Белобржеский (Бялобржеский) Антоний, варшавский архидиакон, председатель Варшавской консистории, в 1863 г. за закрытие костелов в Варшаве заключен на 1 год в Бобруйскую крепость I 134
Белосельский, кн. II 167
Белосельские, кн. II 358
Бернардаки Дмитрий Егорович (умер в 1870 г.), таганрогский рыботорговец, откупщик II 52, 263, 451
Белостоцкий Алексей Васильевич, действ. ст. совет., начальник департамента Министерства юстиции II 365
Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт I 61, 78, 79
Бензенгер Юлий, автор подложного манифеста, член «Земли и Воли» I 403
Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), гр., ген.-ад., шеф жандармов и начальник III отделения, член Государственного совета II 375
Бентам (Bentham) Иеремия (1748—1832), английский философ, юрист I 94
Беранже (Beranger) Пьер-Жан (1780—1857), поэт I 92
Берг Федор Федорович (1790—1874), гр., ген.-фельдмаршал, с 1855 г. ген.-губ. Финляндии, с марта 1863 г. помощник наместника, с августа 1863 г. по 1874 г. наместник Царства Польского, член Государственного совета I, 113, 125, 126, 208, 213, 221, 227, 231, 245—248, 253, 279, 282, 285, 286, 303, 363—366, 368, 372; II 44, 72, 117, 158—161, 169—175, 192, 207, 212, 227, 234, 239, 244, 256, 261, 276, 287, 291, 292, 465, 474, 487, 495
Березовский Антон Иосифович (род. в 1847 г.), поляк, участник восстания 1863 г., с 1865 г. жил в Париже, 6 июня 1867 г. стрелял в Александра II, приговорен к пожизненной каторге II 209, 489
Березский, протоиерей II 424
Беринг Уильям (1799—1864), лорд Ашбэртон, глава банкирского дома Беринг и К° I 156, 274
Берте Александр Александрович (умер в 1893 г.), действ. ст. сов., член Главного управления цензуры I 130
Берхем (Berchem) Макс, германский поверенный в делах в России в 1875 г. II 383, 387
Бетховен Людвиг (1770—1827), композитор I 89
Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), ген.-ад., в 1837—1852 гг. киевский ген.-губ., в 1852—1855 гг. министр внутрен-

них дел, позднее в отставке 102, 128, 310, 362; II 64, 227
Бибикова София Сергеевна, урожд. Кушникова, жена Д. Г. Бибикова I 128, 206, 275; II 64
Биконсфильд (Beaconsfield), гр. См. Дизраэли
Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904), историк и журналист, с 1871 г. редактор газ. «Голос» II 448
Бирюков Аркадий Афанасьевич (род. в 1837 г.), студент Казанского университета, участник «Казанского заговора» 1863 г. I 400
Бисмарк фон Отто Эдуард-Леопольд (1815—1898), немецкий государственный деятель, в 1859—1862 гг. прусский посол в России, с 1871 г. по 1890 г. германский канцлер I 409; II 26, 71, 128, 191, 229, 256, 297, 341, 347, 348, 363, 380, 384, 396, 467, 519
Благовещенский Николай Михайлович (1821—1892), историк, профессор Петербургского университета I 376
Бландфорд Мориц II 168
Блинд, пасынок Карла Блинда II 467
Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), гр., ст.-секр., с 1861 г. председатель Государственного совета и Комитета министров, с 1855 г. президент Академии наук I 29, 55—57, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 72, 73, 76—78, 80, 81, 83, 84, 88, 91, 92, 94—97, 102—104, 115, 124, 125, 127, 128, 131, 134, 136, 144, 148, 153, 179, 195, 197, 200, 215, 216, 218, 224—226, 265—267, 271—273, 285, 314, 363—366, 370, 409, 412
Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891) гр., дочь гр. Д. Н. Блудова, с 1863 г. камер-фрейлина императрицы I 58, 80, 94, 123, 130, 210, 241, 262, 369; II 39, 197, 295
Блум (Blum) Роберт (род. в 1807 г.), немецкий политический деятель, писатель II 36
Блюменфельд Руфин Михайлович, кол. ас., чиновник 1-го департамента Министерства государственных имуществ I 97
Блюммер (в замужестве Кравцова) Антонина Петровна (умерла после 1914 г.), в 1862 г. за участие в революционном движении арестована и выслана в Воронеж под надзор полиции, сестра Л. П. Блюммера I 175, 389
Бобринский Александр Алексеевич (1823—1903), гр., петербургский гражданский губернатор, в 1869—1872 гг. петербургский губернский предводитель дворянства I 306; II 16
Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868), гр., шталмейстер, с 1840 г. член Совета министра финансов и мануфактурного совета I 197, 345; II 29, 30, 163—167, 172, 177, 179, 182, 184—187, 194, 195, 198, 206, 215—218, 244, 246, 276, 283, 329, 403, 487
Бобринский Алексей Васильевич (1831—1888), гр., московский губернский предводитель дворянства, в 1875—1883 гг. егермейстер двора II 109
Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813), ген.-майор II 504
Бобринский Алексей Павлович (1826—1890) , гр., подполковник, флиг.-ад., чиновник особых поручений при министре внутренних дел, с 1871 г. по 1874 г. министр путей сообщения I 104, 273, 294; II 164, 273, 282, 286, 290, 295, 301, 312, 504, 510, 511
Бобринский Василий Алексеевич, гр., предводитель дворянства Тульской губ. I 112, 145, 182, 189
Бобринский Владимир Алексеевич (род. в 1824 г.), гр., полковник, флиг.-ад., в 1862—1863 гг. гродненский губернатор, член совета Главного общества российских ж. д., в 1868—1871 гг. министр путей сообщения I 198, 233, 275, 279, 280, 307, 413, 421; II 245
Бобринские II 228, 279
Бобровский Павел Осипович (1832—1905), ген.-майор, начальник Военно-юридического училища II 391
Богданов, по-видимому, Александр

Викторович (1833—1902), художник I 378
Богданов II 323
Богданович Евгений Васильевич, ген.-майор, реакционный публицист, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел I 12; II 383, 522
Бок Георгий Тимофеевич (1818—1876), гофмейстер, вице-адмирал II 311, 334, 340, 428
Боков Петр Иванович (1835—1914), член общества «Земля и Воля», в 1861 г. привлекался по делу о распространении «Великорусса», впоследствии занимался медициной I 409
Болдарев Николай Аркадьевич, рязанский губернатор II 357
Борель (Borel), владелец ресторана в Петербурге II 377
Бороздна Николай Петрович, действ. ст.сов., предводитель дворянства Черниговской губ., в 1863 г. смоленский губернатор I 190
Борх Александр Михайлович (1804—1867), гр., действ. тайн. сов., директор императорских театров, член Совета Министерства иностранных дел I 140, 193, 286, 288, 304; II 128
Боткин Сергей Петрович (1832—1889), выдающийся врач-терапевт, ученый-материалист, с 1873 г. почетный лейб-медик II 278, 381, 392
Брайлас Армени, греческий посланник в России с 1874 г. по 1875 г. II 368, 523
Брандт (Brandt) I 105
Браницкий Владислав Ксаверьевич (1782—1843), обер-шенк, сенатор II 355
Браницкий Ксаверий Владиславович (род. в 1814 г.), гр., член «Кружка 16-ти», впоследствии эмигрант I 18
Брауншвейг Рудольф Иванович (1822—1886), с 1860 г. подольский губернатор, с 1864 г. член учредительного комитета и совета управления Царства Польского, с 1866 г. главный директор правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского II 175
Брок Петр Федорович (1805—1875), ст.-секр., действ. тайн. сов., председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, сенатор, в 1852—1858 гг. министр финансов I 138, 150, 176, 363—366; II 192, 264, 394
Бругэм (Brougham) Генри-Питер (1778—1868), бар., лорд, английский государственный деятель I 58
Бруни Федор Антонович (1800—1875), художник I 137
Бруннов Филипп Иванович (1797—1875), бар., дипломат, в 1840—1854 гг. и в 1858—1874 гг. русский посол в Англии I 150, 238, 257, 378; II 312, 505
Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), римский политический деятель II 265
Будберг Андрей Федорович (1817—1881), бар., русский посол в Берлине в 1858—1862 гг., в 1862—1868 гг. в Париже, с 1868 г. член Государственного совета I 102, 161, 181, 210, 214, 216, 251, 257, 293, 301; II 47, 102, 103, 106, 175, 200, 203, 227, 229, 231, 234—237, 243, 247, 256, 259, 262—264, 266, 268—270, 301, 318, 327, 501, 521
Буйницкая II 208
Булгарин Фаддей Бенедиктович (1789—1859), реакционный журналист, редактор «Северной пчелы» II 303
Бурбоны (Bourbons), французская королевская династия I 261
Буренин Виктор Петрович (1841—1926), критик, поэт, в 60—70 х гг. сотрудник «Современника», «Искры» и др., в 80-х гг. журналист реакционного направления I 53
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866) I 57
Бутков Владимир Петрович (ок. 1814—1881), тайн. сов., ст.-секр., с 1853 г. по 1865 г. государственный секретарь, управляющий делами Кавказского и Сибирского комитетов, деятель судебной реформы 1864 г. I 59, 61—63, 72, 73, 79, 113, 125, 133, 143, 156, 158, 176, 190, 194,

196, 211, 227, 240, 245, 264, 286, 287, 292, 297, 299, 302, 313, 374; II 11, 12, 13, 18, 27, 48, 57—59, 180, 246, 449, 462
Бутковы II 21
Бутлер Артур (Butler), II 351
Бутлер Мария (Butler), леди, фрейлина вел. кн. Марии Александровны II 351
Бутовский Александр Иванович (1814—1890), писатель-экономист, член Ученого комитета и Коммерческого совета Министерства финансов I 70
Бутурлина, в замужестве Щербатова II 116
Буханан Андрей (Буканан) (Buchanan) (1807—1882), английский посол в России в 1864—1866 гг. II 21, 25, 27—29, 73, 75, 94, 127, 134
Буханан (Буканан), жена английского посла в России II 27, 65, 136, 197
Бэм I 52
Бэр Карл Максимович (1792—1876), естествоиспытатель, академик I 328

Ваген Густав-Фридрих (род. в 1794 г.), немецкий художник, искусствовед, профессор Берлинского университета I 171
Вагнер Рудольф, рядовой Кавалергардского полка I 386
Вакульский, тесть П. А. Валуева II 180, 200, 208
Валлийский, принц. См. Альберт-Эдуард, принц Уэльский
Валуев Александр Петрович (умер в 1822 г.), отец П. А. Валуева, камергер, чиновник 6-го департамента Сената I 17
Валуев Александр Петрович (умер в 1864 г.), сын П. А. Валуева I 18, 222, 293, 295, 297, 384, 417
Валуев Николай Петрович (1856—1893), гр., сын П. А. Валуева I 10, 18, 51, 52, 155, 184, 242, 383; II 59, 94, 180, 218, 231, 271, 277, 281, 289, 313, 315, 318, 348—350, 357, 372, 378
Валуев Петр Петрович (1841—1886), гр., сын. П. А. Валуева I 18, 297, 418; II 94, 295, 315, 507
Валуев Петр Степанович (1743—1814), дед П. А. Валуева, сенатор, камергер I 17
Валуев Тимофей Васильевич, боярин, один из родоначальников рода Валуевых I 17
Валуева Анна Ивановна (умерла в 1883 г.), гр., урожд. Вакульская, жена П. А. Валуева I 18, 52, 103, 127, 130, 131, 132, 142, 176, 181, 184, 197, 201, 232, 239, 242, 251, 283; II 180, 217, 218, 231, 234, 258, 271, 277, 281, 289, 301, 315, 318, 324, 326, 332, 377
Валуева Елизавета Петровна дочь П. А. Валуева I 18
Вальтер Фердинанд (умер в 1861 г.) епископ, ген.-супер-интендант, вице-президент Лифляндской консистории I 358; II 429
Варадинов Николай Васильевич (1817—1886), редактор «Журнала Министерства внутренних дел» и газ. «Северная почта», автор «Истории Министерства внутренних дел», член Главного управления по делам печати в 1865—1883 гг. и Совета министра внутренних дел в 1883—1886 гг. I 185; II 454, 463, 484
Варпаховская I 245
Варпаховская, урожд. Шлихтинг, жена Е. П. Варпаховского II 97
Варпаховский Евгений Петрович, капитан, адъютант вел. кн. Николая Константиновича II 97, 209
Василий (Лужинский) (1790—1879) архиепископ Витебский и Полоцкий, доктор богословия Виленского университета, член Синода II 100
Васильев, чиновник Петербургской палаты государственных имуществ II 453
Васильчиков Александр Алексеевич (1832—1890), дворянский публицист, гофмейстер II 438
Васильчиков Александр Илларионович (1818—1881), кн., в 1865—1872 гг. гласный Новгородского губернского земского собрания, публицист I 52, 148, 228, 375; II 104
Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878), кн., ген.-ад.,

в 1853—1856 гг. исполнял должность начальника штаба севастопольского гарнизона I 95, 228, 370
Васильчиков Илларион Илларионович (1805—1862), кн., ген.-ад., с 1853 г. киевский ген.-губ. I 73, 109, 191, 195, 203
Васильчиков Петр Алексеевич (1820-ые — 1890-ые), член Петербургского славянского комитета II 527
Вахтин Василий Васильевич, полковник в отставке I 386
Ведель-Ярисберг (Wedel Jarisberg) бар., с 1858 г. шведский и норвежский посол в России I 274
Вейде Михаил Карлович, студент Петербургского университета, в 1863 г. арестован по «Мариенгаузенскому делу» и приговорен к каторжной работе в рудниках на 15 лет I 399
Велёпольский (Велопольский) (Wielopolski) Александр (1803—1877), маркиз, в 1861 г. член Совета управления и министр народного просвещения и вероисповедания, в 1862—1863 гг. начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского I 14, 82—85, 88, 89, 96, 112, 122, 125, 126, 130, 134, 139, 144, 149, 160—162, 165—170, 172, 173, 177, 179, 187, 188, 194, 205, 208, 219, 221, 324, 332, 337, 339—341, 368, 373, 399
Велепольский Сигизмунд, сын А. Велепольского I 205, 246; II 11
Веллеслей, английский военный агент в Петербурге, занимавшийся шпионской деятельностью II 322
Велио Иван Осипович (род. в 1830 г.), бар., в 1861—1862 гг. старший секретарь миссии в Брюсселе, Дрездене, в 1862—1864 гг. вице-губернатор Херсонской губ., в 1865 г. симбирский губернатор, с 1866 г. директор Департамента полиции исполнительной, в 1868—1880 гг. директор почтового департамента I 115, 310; II 230, 262, 269, 327
Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), тайн. сов., гофмейстер, сенатор I 59, 60, 139, 215, 362; II 161, 427
Веневитиновы I 210, 278; II 20, 96
Венцель, директор телеграфного агентства в Берлине II 345
Вера Константиновна (1854—1906), вел. кн., дочь вел. кн. Константина Николаевича, жена принца Евгения Вюртембергского II 310
Вердер (Werder) Бернгард-Франц-Вильгельм (1823—1907), ген.-лейт., с 1869 г. по 1886 г. военный атташе германского посольства в Петербурге II 345, 396
Веригин Александр Иванович (1807—1891), ген.-ад., член Государственного совета II 94
Веригин Федор Михайлович (1811—1866), ген.-майор, состоял при Военном министерстве, член Комитета железных дорог I 421; II 461
Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), либеральный экономист, в 1861—1868 гг. профессор Александровского лицея, в 1856—1867 гг. член Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, редактор ж. «Экономический указатель» в 1857—1861 гг. и ж. «Экономист» в 1858—1864 гг. I 96
Вернер Антон, один из организаторов студенческого движения в Петровской земледельческой академии II 519
Верховский Иван Тимофеевич, священник Никольской единоверческой церкви в Петербурге I 276
Веселитский Сергей Гаврилович, ген.-лейт., начальник пехотной дивизии I 233
Веселаго Феодосий Федорович, член совета Главного управления по делам печати II 492
Вестбюри Рихард (Westbury) (1800—1873), лорд-канцлер Великобритании с 1861 г. II 54
Вестман Владимир Ильич (1812—1875), директор канцелярии Министерства иностранных дел, позднее товарищ министра иностранных дел II 56, 316
Ветошников Павел Александрович (род. в 1831 г.), отставной чиновник, корреспондент «Колоко-

ла», в 1862 г. был арестован за попытку провезти издания Герцена в Россию, в 1865 г. сослан в Сибирь на поселение I 184, 391
Вилламов Григорий Григорьевич, ген.-майор артил., состоял при фельдцехмейстере вел. кн. Михаиле Николаевиче I 115
Вильберфорс (Уилберфорс) (Wilberforce) Уильям (1759—1833), английский общественный и политический деятель I 94, 96
Вильгельм-Людвиг-Август (1829—1897), принц Баденский I 10, 197, 206
Вильгельм I Фридрих-Людвиг (1797—1888), прусский король с 1861 г. и германский император с 1871 г. I 272, 406; II 304, 341, 342, 345, 396, 470
Вилькен, по-видимому, Николай Васильевич, кол. ас., чиновник особых поручений при Министерстве государственных имуществ I 82, 93
Винберг Георгий Федорович (1830—1894), действ. ст. сов., с 1863 г. директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел I 256
Витберг, помещик Московской губ. II 441, 442
Витгенштейн Эмилий-Карл Людвигович (1824—1878), ген.-майор свиты, в 1862—1863 гг. состоял при наместнике Царства Польского вел. кн. Контантине Николаевиче II 231
Витсен фон, помещик Московской губ. II 441
Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., сын императора Александра II, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии I 367; II 33, 40, 50, 52, 63, 115, 146, 162, 173, 201, 228, 287, 291, 292, 306, 309, 343, 357, 372, 391, 521
Воейков Александр Федорович (1778—1839), писатель II 303, 510
Воейков Петр Петрович, действ. ст. сов., предводитель дворянства Московской губ. I 127, 139
Волконская II 243, 248
Волконский Сергей Васильевич (1819—1884), кн., предводитель дворянства Ранненбургского у. Рязанской губ., позднее председатель Рязанской губернской земской управы I 380, 381; II 101, 188, 329
Володкович II 96
Волоцкой Александр Алексеевич (1808—1875), ген.-лейт., впоследствии сенатор I 182
Вольфсон (Wolfsohn) Вильгельм (1820—1865), немецкий поэт и драматург, журналист, в 1862 г. основал «Russiche revue» I 78
Воронов Андрей Степанович (1819—1875), действ. ст. сов., член Главного правления училищ, вице-директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения I 127
Воронихин Андрей Никифорович (1760—1814), архитектор I 379
Воронцов Семен Михайлович (1823—1882), светл. кн., ген.-лейт., одесский городской голова с 1865 г. I 10, 159, 165, 191—193, 302, 304; II 97, 105, 186, 270, 405, 406, 459
Воронцова Мария Васильевна (1823—1883), урожд. кн. Трубецкая, жена С. М. Воронцова II 100, 190, 221, 355
Воскресенский Алексей Алексеевич, сельский учитель, брат Д. А. Воскресенского, члена «Кружка ишутинцев» II 467
Воскресенский Дмитрий Алексеевич (род. в 1843 г.), участник революционного движения 60-х гг., слушатель Петровской земледельческой академии, член подпольного общества «Организация», в 1868 г. член нелегального кружка «Сморгонская академия» II 467
Врангель, по-видимому, Егор Егорович (1827—1875), сенатор с 1867 г. II 481
Врангель Фердинанд Петрович (1796—1870), адмирал, ген.-ад., исследователь берегов Восточной Сибири I 294, 296, 363—366
Всеволожский, по-видимому, Андрей Никитич (1840—1893), офицер л.-гв. Конного полка II 378
Вуич Иван Васильевич (1813—1884), ген.-майор II 107
Вульф, прапорщик II 43

Вяземская Мария Петровна (умерла в 1847), дочь поэта кн. П. А. Вяземского, первая жена П. А. Валуева I 18
Вяземская, по-видимому, Вера Федоровна (1790—1886), кн., жена П. А. Вяземского II 48, 85, 262, 304
Вяземская Екатерина Павловна, в замуж. Шереметева, дочь П. П. Вяземского II 265
Вяземские II 52, 55, 56, 88, 90, 119, 192, 199, 200, 238, 247, 261, 265, 364
Вяземский Павел Петрович (1820—1888), кн., с 1862 г. председатель Петербургского комитета цензуры иностранной, в 1881—1883 гг. начальник Главного управления по делам печати II 36, 48, 68, 261
Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), кн., поэт, сенатор, с 1855 г. по 1858 г. товарищ министра народного просвещения, с 1867 г. член Государственного совета I 18, 55, 59—61, 64, 75, 78, 79—82, 92—94, 102—104, 118, 121, 130, 135, 136, 160, 161, 189, 194, 368; II 42, 72, 75, 141, 149, 174, 175, 212, 256, 307, 356
Вячеслав Константинович (1862—1879), сын вел. кн. Константина Николаевича I 182, 186
Гагамейстер Юлий Андреевич, тайн. сов., директор Особенной канцелярии по кредитной части и член Ученого комитета Министерства финансов I 70, 130
Гагарин Григорий Григорьевич (род. в 1810 г.), кн., обер-гофмейстер, художник-любитель, в 1859—1872 гг. вице-президент Академии художеств II 139, 287
Гагарин Лев Павлович (1828—1868), кн., камергер, с 1862 г. предводитель дворянства Московской губ., сын кн. П. П. Гагарина I 233, 236; II 19, 21, 77, 143, 228
Гагарин Павел Павлович (1789—1872), кн., реакционный государственный деятель, сенатор, член Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, в 1862 г. председатель Департамента законов Государственного совета, в 1864—1872 гг. председатель Комитета министров и одновременно в 1864—1865 гг. Государственного совета I 28, 62, 63, 68, 71, 72, 134, 138, 147, 153, 171, 176, 177, 179, 190, 195, 197—201, 207, 211, 218, 219, 225—227, 232, 234, 236, 238—240, 246, 250, 251, 255, 260, 262, 263, 265 — 269, 271 — 273, 281, 282, 284, 287, 293, 295, 297—300, 302—305, 307, 311, 313, 314, 329, 336, 349, 350, 357, 363—366, 375, 393, 407—409, 413, 415, 417, 420, 421; II 11, 12, 14, 18, 27, 30, 31, 37—39, 41—44, 47, 50, 51, 54, 56—59, 68, 69, 76, 78—81, 85, 89, 90—92, 95, 97, 98, 101, 104, 105, 107—111, 114, 115, 120—126, 129—132, 135, 137—139, 157, 164, 170, 172—174, 176—178, 181—183, 199, 201, 206, 208, 212, 214, 218, 219, 231, 245, 261, 403—406, 457, 462, 466, 468—470, 474, 495
Гагарина Софья Андреевна (род. в 1810 г.), урожд. Дашкова, вторая жена кн. Г. Г. Гагарина, II 287
Гагарины II 173
Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), публицист демократического направления, сотрудничал в «Современнике» и «Деле», с 1869 г. сотрудник и с 1875 г. редактор газ. «Неделя» I 395
Гайдн (Haydn) Иосиф (1732—1809), композитор I 155
Гакман Юрий Федорович, ген.-майор, начальник 2-го Константиновского училища II 342
Галаган Григорий Павлович (1819—1888), предводитель дворянства Прилукского у. Черниговской губ., в 1859—1861 гг. член-эксперт Редакционных комиссий, с 1861 г. член Черниговского губернского по крестьянским делам присутствия, вице-президент Временной комиссии Юго-Западного края по проведению в жизнь крестьянской реформы I 286, 289, 410, 416; II 29, 53
Галахов Александр Александрович (умер в 1891 г.), майор, чиновник особых поручений

Министерства внутренних дел I 248; II 372
Галилей Галилео (1564—1642) II 406
Галлер фон Иван Владимирович, полковник, с 1864 г. ген.-майор, управляющий канцелярией виленского ген.-губ. I 112, 203, 294
Гамалея Михаил Михайлович (1796—1868), тайн. сов. II 52
Гамид. См. Абдул-Хамид II
Гамбургер Андрей Федорович (1821—1899), управляющий делами личного состава и хозяйственно-административной частью Министерства иностранных дел, в 1879—1896 гг. русский посол в Швейцарии II 327, 354, 360, 388, 392
Гаммонд, английский инженер II 458
Ган фон Эдмонд, бар., предводитель дворянства Зельбургского у. Курляндской губ. I 251; II 428
Гарибальди Джузеппе (1807—1882) I 190
Гармиза Вадим Владимирович, советский историк I 392
Гартман Карл Карлович, доктор, впоследствии лейб-медик II 37, 42, 278
Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель II 519
Гасфорт Густав Христианович (1794—1874), ген.-от-инф., член Государственного совета I 185, 363—366
Геверс (Gevers), бар., с 1856 г. нидерландский посол в России I 274, 301, 302
Гедеонов Степан Александрович (1815—1883), директор Эрмитажа с 1863 г., директор императорских театров в 1867—1875 гг., писатель II 223
Гейден Федор Логгинович (1821—1900), гр., ген.-ад. с 1862 г., с 1856 г. начальник штаба Гренадерского корпуса, с 1861 г. дежурный генерал Главного штаба, с 1866 г. начальник Главного штаба I 105, 106, 108, 111, 125, 263; II 69, 209, 227, 296, 297, 459
Ген Константин Александрович (род. в 1840 г.), студент юридического факультета Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г., в 1863—1865 гг. один из редакторов «Вятских губернских ведомостей» I 133
Гендрикова Евдокия Васильевна (1825—1901), урожд. Гудович, фрейлина императрицы Александры Федоровны, жена А. И. Гендрикова II 59, 265
Георг I (1845 — 1913) греческий король, с 1863 г. муж вел. кн. Ольги Константиновны, дочери вел. кн. Константина Николаевича I 247; II 202, 203, 214, 216, 218, 488, 525
Георг-Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824—1876), ген.-ад., ген.-инспектор стрелковых батальонов, муж вел. кн. Екатерины Михайловны I 159, 192,249, 252, 272, 278, 282; II 24, 39, 51, 56, 114, 171, 444, 464
Георгиевский Александр Иванович (1829—1911), действ. ст. сов., с 1866 г. по 1881 г. член Совета министра народного просвещения II 294, 322
Герер (Guerrèr) I 169
Герngрос Николай Александрович (род. в 1825 г.), тайн. сов., с 1862 г. товарищ министра государственных имуществ I 66, 69, 129, 131, 139, 148, 152, 186, 191, 208, 249, 257, 258, 260, 266, 272, 303, 308; II 24, 40, 61, 62, 68, 70, 74, 225, 269, 403, 454, 455
Гернгрос Антония Филипповна (1826—1896), урожд. бар. Бер I 231
Герстфельд Эдуард Иванович (1798—1878), член Государственного совета и Совета министра путей сообщения, с 1865 г. товарищ министра путей сообщения I 421; II 461, 475
Герцен Александр Александрович (1839—1906), старший сын А. И. Герцена, профессор физиологии в Лозанне и Флоренции I 143
Герцен Александр Иванович (1812—1870), I 5, 41, 57, 143, 164, 183, 196, 221, 361, 364, 370, 372, 378, 380, 385, 391, 393, 397, 399, 403; II 137

Гершельман Роман (Роберт) Иванович (1815—1887), ген.-лейт. II 356
Герштенцвейг Александр Данилович (1818—1861), ген.-лейт., участник обороны Севастополя, с 1856 г. дежурный генерал Главного штаба, в 1861 г. варшавский военный ген.-губ. и председатель правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского I 97, 106, 118, 119, 125, 291, 326
Герштенцвейг (Gerstenzweig) Елизавета Семеновна (1828—1880), урожд. Андреевская, жена А. Д. Герштенцвейга I 291
Герштенцвейг (Gerstenzweig), дочь А. Д. Герштенцвейга I 291
Гецевич Лев Викентьевич (1805—1874) ген.-майор, главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского I 91; II 487
Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737—1794), английский историк I 94
Гизо (Guisot) Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874), французский государственный деятель, историк I 94
Гильдебрант, ген.-майор отдельного корпуса жандармов в Вильно I 10, 202, 250
Гиндин Иосиф Фролович, советский историк II 472
Гирс Николай Карлович (1820—1895), с 1875 г. по 1882 г. товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом, с 1882 г. по 1895 г. министр иностранных дел II 341, 354, 366, 368, 382, 386—390, 393, 395, 521, 526
Глазенап фон Готлиб Александрович, ген.-ад., вице-адмирал, военный губернатор в Николаеве I 169
Глазенап Павел Александрович (род. в 1819 г.), отставной подполковник, мировой посредник Вышневолоцкого у. Тверской губ. I 380
Глассон Иван, вольнослушатель Казанского университета, предатель участников «Казанского заговора» 1863 г. I 400
Глинц, купец I 173
Глюк (Gluck) Кристоф-Виллибальд (1714—1787), композитор II 207
Годунов Борис Федорович (1538—1605), царь с 1598 г. II 181
Голенищев I 169
Голенищев-Кутузов Василий Павлович, гр., ген.-майор свиты I 227
Голенищева-Кутузова, гр. I 256
Голицын Александр Федорович (1796—1864), кн., ст.-секр., с 1858 г. председатель Комиссии прошений, подаваемых на «высочайшее» имя, в 1860 г. председатель следственной комиссии по делу о воскресных школах, в 1862—1863 гг. председательствовал в Комиссии по делу о распространении революционной пропаганды I 169, 174, 175, 189, 196, 264, 387
Голицын Борис Дмитриевич (1819—1878), кн., ген.-майор свиты I 130; II 279
Голицын Владимир Дмитриевич (1816—1888), светл. кн., ген.-лейт., член совета Главного управления государственного коннозаводства II 18, 300, 327
Голицын Сергей Павлович (1815—1888), кн., ген.-ад. I 225, 297
Голицын, офицер л.-гв. Гусарского полка II 378
Голицына, кн. I 76
Голицыны, I 188, 286, 287; II 57, 62
Головачев Аполлон Федорович (род. в 1877 г.), литератор, редактор «Народной летописи» II 448
Головачев Дмитрий Захарович (1822—1886), флиг.-ад. Александра II, контр-адмирал II 244
Головин Евгений Александрович (1782—1858), ген.-от-инф., с 1845 г. рижский ген.-губ. I 18; II 423, 427
Головнин Александр Васильевич (1821—1886), в 1861—1866 гг. министр народного просвещения, член Государственного совета I 28, 38, 41—43, 58, 67, 70, 71, 89, 94, 96, 104, 115, 131, 135, 137—146, 148, 149, 151, 156, 159—161, 167, 160, 173—175, 178, 183, 195, 196, 198, 199, 203, 244, 250, 257, 290, 294, 296, 301, 307, 329, 346, 361, 382, 393, 398, 415, 419.

421; II 11, 16, 17, 50, 69, 94, 99, 119, 122, 153, 225, 279, 443, 472, 495
Голохвастов Дмитрий Дмитриевич, предводитель дворянства Звенигородского у. Московской губ. II 15, 118, 441, 443
Гольц Роберт-Генрих-Людвиг (1817—1869), гр., в 1862 г. прусский посол в Петербурге, с 1863 г. в Париже I 171; II 103, 206
Гончаров Иван Александрович (1832—1891), писатель, цензор, редактор «Северной почты» в 1862—1863 гг., позднее член совета Главного управлении по делам печати I 53, 61, 193, 215, 362; II 454, 463, 484
Гопе Вильям, банкир I 156, 274, 405
Горлов Иван Яковлевич (1814—1890), профессор Петербургского университета по кафедре статистики и политической экономии I 376
Горн (Horn), Антон, журналист, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» II 388
Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), светл. кн., в 1856—1882 г. министр иностранных дел с 1867 г. канцлер I 7, 56, 57, 59, 60, 63, 73, 75, 84—87, 92, 95, 102, 105, 108, 110, 112, 113, 116, 118, 119, 121, 124—131, 134, 135, 136, 140, 143—147, 150, 153—156, 160—162, 164—166, 171—174, 178, 179, 181, 183, 185, 188, 193, 197, 201—203, 206—210, 212—214, 216—218, 220, 221, 223, 225—230, 232, 234—239, 241—246, 251—253, 257, 259, 260—263, 266—268, 272—275, 278, 279, 282, 284, 285, 291, 293, 297, 300, 301, 307, 308, 315, 318, 325—327, 337—339, 346, 348, 349, 363—366, 393, 394, 397—399, 404, 415, 421; II 13, 18, 24, 30, 37, 47, 51, 52, 53, 55, 63, 69, 83—88, 99, 101—104, 106, 107, 110, 111, 125, 128, 138—142, 144—146, 158—161, 169, 171, 174—176, 195, 197, 199, 200, 203, 205, 206, 212, 213, 216, 218, 220, 222, 223, 225, 227, 229—231, 233, 235, 236, 259, 262, 263, 266, 270, 271, 275, 277—279, 283, 286, 287, 290, 293, 294, 299, 310, 317, 321, 323, 326, 327, 330, 340, 347, 348, 351, 354, 376, 377, 379, 380—382, 384, 386, 387, 389, 391—393, 395, 398, 417, 420, 452, 457, 474, 487, 506, 527
Горчаков Михаил Александрович (1839—1897), сын А. М. Горчакова, в 1879—1893 гг. русский посланник в Мадриде II 350, 519
Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), кн., ген.-ад., в 1856—1861 гг. наместник Царства Польского, в 1861 г. член Государственного совета I 71, 73—75, 77, 78, 82—86, 88, 94, 96, 112, 315, 367, 371
Горчаков Петр Дмитриевич (1789—1868), кн., ген.-от-инф., член Государственного совета I 363—365
Горшельт (Horschelt) Теодор (1829—1871), немецкий художник, в 1858—1863 гг. принимал участие в военных действиях на Кавказе II 16
Гофман Андрей-Генрих Логгинович (1798—1863), действ. тайн. сов., ст.-секр., член Государственного совета, товарищ главноуправляющего IV отд. с. е. и. в. канц. I 196, 393
Граббе Павел Христофорович (1787—1875), гр., с 1865 г. войсковой атаман донского казачьего войска, с 1866 г. член Государственного совета II 161
Грабовский Михаил Антонович, с 1861 г. директор Киевской конторы Государственного банка I 116
Гранцева Адель (1843—1877) балерина Петербургской труппы II 186, 187
Грацпани (Graziani) Франческо (род. в 1829 г.), итальянский баритон I 198
Гревс Константин Алексеевич (1830—1874), ген.-майор II 353
Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887), вице-директор комиссариатского Департамента Морского министерства, с 1866 г. товарищ министра финансов, с 1874 г. государственный контролер, в 1878—1880 гг. министр финансов I 109 119, 120, 142, 144, 167, 178, 180, 189, 192, 216, 223, 284; II 65, 93, 103, 125,

127, 129, 131, 135, 137, 149, 153, 154, 178, 182, 191, 208, 215, 216, 262, 264, 278, 287, 289, 293, 295, 297, 300, 307, 310, 311, 323, 327, 328, 338, 354, 358, 370, 383, 394, 400, 409, 461, 462, 467, 475, 513, 516
Грейг Юлия Михайловна (1800—1881), жена адмирала А. С. Грейга. I 142
Грейги II 333
Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель, в 1831—1859 гг. вместе с Ф. В. Булгариным издавал официозную газету «Северная почта» II 303
Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), востоковед, возглавлял Управление киргизами Оренбургской губ., с 1864 г. профессор Петербургского университета I 208
Григорьев Василий Николаевич (1853—1925), один из организаторов студенческого движения в Петровской земледельческой академии II 348, 519
Грилль. См. Рыль
Гримм, врач II 343
Грин Александр Иванович, полковник, рижский полицмейстер I 111
Гринвальд Родион (Мориц-Рейнгольд) Егорович (1797—1877), с 1859 г. главноуправляющий государственным коннозаводством, с 1864 г. член Государственного совета, с 1865 г. председатель Остзейского комитета I 264, 284; II 19, 102, 113, 308, 309, 329, 521
Громека Степан Степанович (1823—1877), публицист умеренно-либерального направления, сотрудник «Отечественных записок» и «Русского вестника», корреспондент «Колокола», в 1863 г. председатель Комиссии по крестьянским делам в Польше I 115
Громов I 110; II 142, 376
Громовы II 378
Грот Константин Карлович (1818—1897), действ. ст. сов., самарский губернатор, с 1863 г. до 1870 г. директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов, с 1870 г. член Государственного совета I 30, 64, 141, 223, 398; II 51, 52, 287, 327, 346, 356, 368, 521
Гроты II 21
Грузинский Иван, кн. I 120
Губбард, родственник Нэпира I 114; II 334
Гулькевич Николай Васильевич (1818—1876), ст.-секр., правитель дел Сибирского и Кавказского комитетов II 94
Гумберт (Умберт) I (1844—1900), принц, сын короля Виктора-Эммануила II, с 1878 г. король Италии II 216, 376
Гурьев Александр Дмитриевич (1786—1865), гр., сенатор, председатель департамента экономии Государственного совета I 58, 63, 161; II 88
Гюго Виктор (1802—1885), писатель I 172

Дабблен, владелец типографии I 135
Дагмара. См. Мария Федоровна.
Дадиан-Мингрельский Николай Давыдович (1847—1889), гр., с 1856 г. флиг.-ад., с 1868 г. штаб-ротмистр II 99, 460
Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель, этнограф II 427
Даншельмойр II 54
Дараган Петр Михайлович ген.-лейт., тульский губернатор II 401
Дашков Павел Яковлевич (1849—1910), этнограф, библиофил, организатор московской этнографической выставки 1867 г. I 392
Деверна (Devéria) Огюстина, французская актриса II 165, 267
Девьер, гр. II 438
Декамп (Descamps), преподаватель французского языка в Московском университете в 30-ые гг. I 93
Дельвиг Андрей Иванович (1813—1887), бар., инженер, сенатор, автор записок II 484
Дельвиг Николай Иванович (1814—1870), бар., ген.-лейт., начальник пехотной дивизии I 202
Делянов Иван Давыдович (1818—1897), гр., реакционный государственный деятель, тайн. сов., с 1861 г. член Главного управле-

ния цензуры, в 1861—1882 гг. директор Публичной библиотеки, в 1866—1874 гг. товарищ министра народного просвещения, а в 1882—1897 гг. министр I 94, 123, 127; II 153, 289, 301, 462, 521

Демидов Петр Григорьевич, ген.-лейт. (в тексте ошибочно назван ген.-ад.) I 97; II 87

Демонтович Иосиф, комиссар Польского временного правительства, член «Польской демократической централизации» I 399

Демьянов Алексей Петрович, отставной подпоручик, кандидат в мировые посредники Тверской губ. I 380

Дерби (Derby) Эдуард-Джоффри-Смит-Стэнли (1799—1869), гр., английский государственный деятель, тори, переводчик древних классиков I 303; II 11

Дерби (Derby) Эдуард-Генри-Смит-Стэнли (1826—1893), лорд, министр иностранных дел Великобритании с 1868 г. по 1878 г. II 316, 376

Дервиз Дмитрий Григорьевич, обер-прокурор кассационного департамента Сената II 165

Деринг (Doering) Теодор (1803—1878), немецкий актер II 267

Дершау, по-видимому, Николай Карлович (1820—1907), барон, тайн. сов., инженер II 56

Джунковский Федор Степанович (1816—1879), ген.-лейт., с 1864 г. начальник канцелярии ген.-инспектора кавалерии, с 1867 г. член главного комитета по устройству и образованию войск II 186, 365

Дивов Николай Андрианович (1781—1869), ген.-майор II 96

Дизраэли Бенжамен (1804—1881), с 1876 г. гр. Биконсфильд, английский премьер-министр в 1874—1880 гг. II 363, 371, 376, 380—382, 515

Диксон (Dixon) Ричард (1833—1900), английский поэт II 274

Dilhs английский писатель II 274

Диоген (414—323 до н. э.), греческий философ I 258; II 106

Дмитриев Федор Михайлович (1829—1894), профессор Московского университета, историк русского права, публицист I 52; II 515

Долгорукая Екатерина Михайловна (1847—1922), св. кн. Юрьевская, с 1880 г. морганатическая жена Александра II II 261, 513

Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), кн., ген.-ад., в 1852—1856 гг. военный министр, в 1856-1866 гг. шеф жандармов и начальник III отделения I 14, 27, 31, 41, 55—69, 72, 73, 75, 85—88, 91, 92, 97, 100—102, 107—110, 113, 118, 123—126, 128, 130, 131, 133, 134, 136, 139, 140, 143, 145—147, 151, 156, 159, 162—167, 169, 172—174, 176, 178, 180—182, 185, 188, 189, 193—195, 197, 199, 201—204, 206, 207, 213—226, 228—247, 250, 254, 257, 259, 260, 262—265, 268, 270, 272, 274, 276, 277, 279, 280, 282—284, 286, 289, 290—293, 296, 298—300, 302—307, 311, 315, 318, 319, 323, 325, 327, 331, 332, 345—347, 349—352, 354, 355, 359—361, 363—366, 369, 372, 382, 384, 387, 388, 393, 396, 406, 413, 415, 421; II 11, 13—16, 18—20, 22—24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 40—43, 47, 48, 51, 53, 56, 58, 59, 61—65, 67, 69, 73, 74, 77, 78, 81, 83, 85, 87, 90—92, 94, 99, 100, 104, 105, 111, 114, 116, 120—122, 130—132, 141, 142, 145, 146, 163, 181, 188, 202, 206, 214, 225—230, 277, 451

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), кн., ген.-ад., с 1865 г. по 1891 г. московский ген.-губ. II 13, 15, 16, 65, 120, 131, 132, 182, 214, 219, 289, 291, 309, 403, 404, 406

Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868), кн., публицист, с 1859 г. эмигрант, в 1860—1864 гг. издавал журналы и газеты в Париже, Лейпциге, Брюсселе и Лондоне, сотрудничал в «Колоколе» II 277, 504

Долгоруков Сергей Васильевич (1820—1853), кн., член «Кружка 16-ти», впоследствии член-учредитель Русского археологического общества I 18

Долгоруков, сын В. А. Долгорукова II 388

Долгорукова, по-видимому, Мария Александровна (1816—1892), урожд. Апраксина I 171, 208
Долгорукова, княжна. См. Альбединская
Долгорукова Ольга Александровна, урожд. Булгакова II 337
Долгоруковы, кн. II 334, 337
Домантович Константин Иванович (1820—1889), тайн. сов., директор Департамента окладных сборов Министерства финансов I 206, 285
Домейко Александр Фаддеевич, действ. ст. сов., камергер, в 1861—1877 гг. предводитель дворянства Виленской губ. I 119, 240; II 154
Дондукова-Корсакова, кн. II 225
Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), брат Ф. М. Достоевского, редактор и издатель ж. «Время» I 403
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) I 53, 403
Дохтуров Сергей Иванович (1824—1890), генерал II 396
Дренякин Александр Максимович (1813—1879), ген.-майор свиты, весной 1861 г. подавлял восстание крестьян Пензенской губ., с сентября 1861 г. до марта 1862 гродненский губернатор I 113
Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys) Эдуард (1805—1881), французский государственный деятель, в 1862—1866 гг. министр иностранных дел I 238, 402
Дурасов, по-видимому, Егор Александрович (1792—1885), сенатор, действ. тайн. сов. II 117
Дурново Петр Павлович (род. в 1835 г.), ген.-от-инф., в 1866—1870 гг. харьковский губернатор, в 1872—1878 гг. московский II 282, 289, 330, 504, 505
Дуэ (Дие), шведский и норвежский посланник в России с 1873 г. II 382, 525
Дюгамель Александр Осипович (1801—1880), ген.-лейт., в 1861—1866 гг. ген.-губ. Западной Сибири, член Государственного совета I 304; II 161, 181, 521
Дюпюи (Dupuis) Адольф (1824—1891), французский актер II 25
Евгений Максимилианович. См. Лейхтенбергский, герцог
Евгения Максимилиановна (род. в 1845 г.), принцесса Лейхтенбергская, жена принца А. П. Ольденбургского II 103, 218, 225, 230, 233, 234
Евдокимов Николай Иванович (1804—1870), гр., ген.-ад., с 1860 г. начальник Кубанской области и командующий войсками на Западном Кавказе I 303; II 490
Евреинов Дмитрий Павлович (1842—1892), студент Московского университета, член кружка П. Г. Заичневского I 168, 386
Евсевий (Орлинский Евфимий Поликарпович) (1808—1883), архиепископ Могилевский и Мстиславский, член Синода I 203, 212
Екатерина II (1729—1796), императрица с 1762 г. I 38, 340; II 120, 275, 276, 415, 421, 438, 504
Екатерина Михайловна (1827—1894), вел. кн., герцогиня Мекленбургская, дочь вел. кн. Михаила Павловича I 79, 93, 118, 123, 128, 129, 141, 161, 173, 174, 176, 183, 244, 271, 275, 283, 286; II 17, 24, 26, 49, 51, 56, 91, 93, 95, 99, 106, 138, 141, 163, 177, 199, 226, 249, 266, 270, 295, 303, 357
Елена Павловна (1806—1873), принцесса Вюртембергская, жена вел. кн. Михаила Павловича I 21, 75, 78, 79, 89, 92, 93, 95, 105, 106, 127, 129, 130, 132, 139, 145, 149, 151, 154, 159, 161, 163, 196, 198, 199, 208, 209, 212, 213, 217, 223, 225, 227, 228, 229, 239, 240, 254, 257, 263, 267, 272, 273, 275, 276—278, 283, 298, 300, 307, 308; II 14, 16, 25, 27, 29, 34, 37, 43, 49, 55, 77, 78, 87, 91, 93, 99, 106, 110, 114, 120, 128, 131, 132, 136, 139, 158, 161, 167—171, 179, 186, 191, 199, 203, 207, 211, 221, 222, 225—227, 231, 241, 258, 262, 264, 266, 273, 274, 281, 282, 444
Еленев Федор Павлович (псевдоним Скалдин) (1827—1902), публицист, цензор Петербургского цензурного комитета I 206
Елизавета Петровна (1709—1761), императрица с 1741 г. II 438

Елизавета Тюдор (1533—1603), английская королева с 1558 г. I 64
Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), публицист демократического направления, в 1844—1854 гг. профессор Казанского университета, сотрудничал в «Искре» и «Современнике», с 1868 г. редактор «Отечественных записок» I 395; II 448
Ермолов Петр Дмитриевич (род. в 1845 г.), член «Кружка ишутинцев» II 465

Жданов Семен Романович (1803—1865), тайн. сов., сенатор, в 1860—1861 гг. директор Департамента полиции исполнительной, с 1862 г. член Совета министра внутренних дел, в 1864 г. возглавил комиссию по расследованию причин пожаров в Симбирске I 189, 224, 296, 388, 420; II 40, 41, 403, 449
Ждановы II 41
Желтухин Владимир Петрович, ген.-лейт., директор Пажеского корпуса I 176
Жеманов Семен Яковлевич (1836—1903), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. по делу о «Казанском заговоре», в 1864 г. приговорен к каторжным работам в рудниках на 12 лет, в 1865 г. бежал из тюрьмы за границу I 400
Жемчужников Михаил Николаевич (1788—1865), сенатор, действ. тайн. сов. II 50
Жерве Николай Андреевич, член «Кружка 16-ти» I 18
Жеребцов Михаил Дмитриевич (1824—1905), надв. сов., младший советник Министерства иностранных дел I 110, 323
Жеребцова I 185
Жилинский Венцеслав (умер в 1863 г.), архиепископ Могилевский, митрополит всех церквей римско-католического исповедания в империи, председатель римско-католической духовной коллегии I 109, 118, 140, 221, 328
Жилинский Иосиф Ипполитович (род. в 1834 г.), полковник II 352
Жомини Александр Генрихович (1817—1888), бар., действ. тайн. сов., старший советник Министерства иностранных дел, I 161; II 326—328, 354, 360, 374, 379, 386, 388
Жуков Илья Григорьевич (1830—1911), отставной штабс-капитан, член «Земли и Воли», в 1863 г. арестован по «Мариенгаузенскому делу», в 1864 г. приговорен к 10-летней каторге I 399
Жуковский Степан Михайлович (1818—1877), тайн. сов., управляющий делами Главного комитета по крестьянскому делу, в 1864—1869 гг. ст.-секр. и правитель дел Особого комитета об устройстве крестьян в Царстве Польском, с 1869 г. и Главного комитета об устройстве сельского состояния I 340; II 30, 89, 94, 111, 126, 166, 172, 273, 275, 327, 329
Жуковский Юлий Галактионович (1822—1907), экономист и публицист, сотрудник «Современника» II 448
Жуковский II 99
Жуковские II 21

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1807—1881), экономист, в 1838—1859 гг. служил в Министерстве государственных имуществ, с 1859 г. ст.-секр. Департамента законов Государственного совета, с 1875 г. член Государственного совета II 47, 264, 287, 315, 394, 521
Заболоцкий (Заблоцкий) Василий Иванович (1802—1878), ген.-лейт., с 1861 г. один из организаторов подавления национально-освободительного движения в Варшаве, в 1863—1864 гг. минский губернатор I 74, 337
Забудский Николай Николаевич (1822—1871), генерал I 193, 293
Загуляев, раскольник, заключенный Шлиссельбургской крепости II 471
Заичневский Петр Григорьевич (1842—1896), революционер, руководитель студенческого кружка, автор прокламации «Молодая Россия» I 110, 111, 183, 184, 323, 371, 372, 386, 387, 391, 392

Замойский Андрей (1800—1874), гр., польский общественный деятель, организатор Земледельческого общества I 74, 84, 188
Замятнин Дмитрий Николаевич (1805—1881), тайн. сов., сенатор, с 1862 г. по 1867 г. министр юстиции, с 1867 г. член Государственного совета I 111, 195, 224, 239, 245, 263, 264, 272, 307, 355, 408, 413, 417, 421; II 18, 108, 132, 153, 164, 179, 201, 335, 457, 462, 463, 468, 470, 480, 521
Зарудный Митрофан Иванович, кол. ас., чиновник особых поручений при министре внутренних дел I 281
Зарудный Сергей Иванович (1821—1887), действ. ст. сов., в качестве ст.-секр. Государственного совета был одним из авторов судебных уставов I 398
Засецкий, помещик Московской губ. II 441
Засулич Вера Ивановна (1849—1919), революционерка-народница, член группы «Освобождение труда» I 51
Здекауер Николай Федорович (1815—1897), профессор Медико-хирургической академии, лейб-медик, член Медицинского совета Министерства внутренних дел II 31, 35, 41, 42, 56
Зеебах (Seebach) Лев, бар., зять К. В. Нессельроде I 161, 163
Зеленой (Зеленый) Александр Алексеевич (1818—1880), ген.-ад., в 1856—1862 гг. товарищ министра государственных имуществ, в 1862—1872 гг. министр I 14, 55, 66, 74, 79, 103, 119, 129, 138, 139, 151, 158, 160, 176, 185, 192, 197, 203, 207, 220—223, 226, 237, 250, 258, 260, 262, 265, 279, 280, 284, 287, 302, 304, 305, 307, 347, 355, 393, 408, 413, 415, 417, 421; II 13, 21, 27, 30, 32, 40, 48, 50, 51, 67—71, 76, 78, 88, 89, 92, 105, 111, 121—124, 129—132, 135—137, 139, 141, 142, 144, 145, 147, 152, 154, 155, 176, 181, 182, 183, 189, 191, 194, 201, 202, 205, 206, 208—213, 215, 216, 218, 246, 259, 261, 263, 272, 329, 364, 403, 407, 412, 413, 419, 451, 454, 457, 461, 462, 465, 467, 468, 470, 475
Зеленые II 79, 204, 209
Зимунд, немецкий купец I 101, 184
Зиновьев Василий Васильевич (1814—1891), ген.-майор, с 1868 г. гофмаршал двора наследника престола Александра Александровича, с 1870 г. ген.-ад. II 146
Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), ген.-ад., воспитатель детей Александра II, в 1862 г. председатель Особого временного комитета о пожарах, председатель комиссии по предоставлению пособий пострадавшим от неурожая 1867 г. I 173, 388; II 244, 245
Зичи Михаил Александрович (1827—1906), придворный художник, академик I 56
Зотов Тит, купец 2-й гильдии, золотопромышленник I 165, 385
Зубков, член Тверского губернского по крестьянским делам присутствия II 414
Зубов Петр Алексеевич (1819—1880), сенатор, в 1867 г. член особого совещательного комитета для рассмотрения работ Варшавской юридической комиссии о преобразовании судебной части в Царстве Польском II 187
Зубов, I 259

Иван III Васильевич (1440—1505), вел. кн. Московский с 1462 г. I 38, 340; II 75
Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), царь с 1547 г. I 38, 340; II 75, 181, 224, 415
Иваницкий Наполеон-Казимир-Людвиг (1835—1864), штабс-капитан 4-го резервного батальона Охотского пехотного полка, участник «Казанского заговора», расстрелян I 216, 286, 400
Иванов 30-ый Алексей Егорович (умер в 1883 г.), адъютант по особым поручениям при петербургском военном ген.-губ. I 211, 228
Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) гр., ген.-ад., в1861—1864 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, в 1864—1877 гг. посол

в Турции, в 1881—1882 гг. министр внутренних дел I 55, 91, 111, 139, 292; II 230—232, 234—236, 298, 326, 347, 350, 356, 359, 365, 366, 368, 374, 378, 379, 383, 384, 385, 392, 397, 494
Игнатьев Павел Николаевич (1797—1880), ген.-ад., член Государственного совета, до 1861 г. петербургский ген.-губ. I 57, 64, 66, 67, 70, 110, 122, 123, 194, 310, 320, 363, 364, 365, 366; II 113, 340, 356
Излер Иван Иванович (1811—1877), владелец сада в Петербурге I 172; II 59, 60
Исаков Николай Васильевич (1821—1891), ген.-ад., в 1863—1881 гг. начальник Главного управления военно-учебных заведений II 32, 339
Исидор (Никольский Яков Сергеевич) (1799—1892), с 1860 г. митрополит Новгородский, Петербургский, первоприсутствующий Синода I 111, 128, 131, 203, 343; II 270, 457
Иславины I 82, 93
Ифлянд (Iffland) Август-Вильгельм (1759—1814), немецкий актер II 369, 370
Ишутин Николай Андреевич (1840—1876), революционер народник, в 1863 г. организовал в Москве студенческий кружок, руководитель подпольного общества «Организация», в 1866 г. приговорен к смертной казни по делу Д. В. Каракозова, замененной бессрочной каторгой II 118, 123, 464, 465, 471

Кабули-паша, турецкий посол в России в 1876—1877 гг. II 326, 376, 387, 520
Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), общественный деятель, либерал, историк права, профессор Петербургского университета в 1857—1861 гг. I 53, 376.
Кажевников Андрей Львович, действ. ст. сов., с 1861 г. управляющий палатой государственных имуществ Гродненской губ., с 1862 г. губернатор Минской губ. I 179
Казначеев Александр Иванович (1788—1880), сенатор, действ. тайн. сов. II 229
Казначеев Алексей Гаврилович, действ. ст. сов., ковенский губернатор II 226, 492
Калерджи (Kalergi) Мария Федоровна (1822—1874), урожд. гр. Нессельроде, пианистка, воспитанница канцлера гр. К. В. Нессельроде, по второму браку Муханова I 75, 169
Калерджи I 324
Калиновский Бальтазар Фомич (1827—1884), экономист, в 1861—1862 гг. адъюнкт-профессор Петербургского университета, в 1862 г. за связи с Герценом сослан в Астраханскую губ. I 96, 376
Калянин, мещанин II 43
Канкрин Егор Францевич (1774—1845), гр., с 1827 по 1844 г. министр финансов I 198
Каннабих Филипп Иванович, ген.-майор, командир 5 артиллерийской бригады I 201
Капгер Иван Христианович (1806—1867), тайн. сов., сенатор 3-го департамента Сената, член ген.-аудиториата Военного министерства I 111, 112, 139, 323
Капнист Дмитрий Алексеевич (род. в 1837 г.), секретарь миссии в Риме в 1866—1867 гг. II 110
Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), революционер, член «Кружка ишутинцев», за покушение на жизнь Александра II казнен I 5, 42; II 118, 123, 129, 131, 133, 139, 146, 147, 464, 465, 467, 469, 471
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, историк, с 1803 г. имел официальное звание историографа России I 38, 340; II 173, 415, 477
Карамзин Александр Николаевич (1816—1888), сын Н. М. Карамзина, писатель I 77, 91, 121, 134, 138, 147, 215, 221, 222, 260, 262, 271; II 109, 334
Карамзина Аврора Карловна (умерла в 1902 г.), урожд. Штернваль, в первом браке за П. Н. Демидовым, во втором за А. Н. Карамзиным II 25, 26, 29
Карамзины II 173, 238, 259
Карамышев Михаил (род. в 1836 г.),

ученик Академии художеств, арестован в 1862 г., выслан в Архангельскую губ. I 168, 386
Карл-Александр (род. в 1818 г.), вел. герцог Саксен-Веймар Эйзенахский с 1853 г. II 475, 479
Карл-Фридрих-Александр (1801—1883), принц прусский, ген.-фельдцехмейстер I 101
Карл-Фридрих-Александр (1823—1891), принц, король вюртембергский с 1864 г. I 57
Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1800—1866), тайн. сов., первоприсутствующий сенатор 5-го департамента Сената I 80
Карницкий Иван Николаевич, действ. ст. сов., ст.-секр. при Совете управления Царства Польского I 75, 82, 83, 88
Карпов Михаил (род. в 1848 г.), вольнослушатель Казанского университета, арестован в 1863 г. по делу о «Казанском заговоре», в 1864 г. приговорен к каторжным работам, в 1867 г. отдан под надзор полиции на 3 г. I 400
Карпович Мария Степановна, дворянка Витебской губ., в 1863 г. арестована за участие в революционной деятельности по «Мариенгаузенскому делу», в 1864 г. была выслана в Воронежскую губ. под надзор полиции I 281
Карцев (Карцов) Александр Петрович (1817—1875), ген.-ад., с 1868 г. член Военного совета, с 1869 г. командующий войсками Харьковского военного округа II 227
Карцев (Карцов) Андрей Николаевич, действ. ст. сов., генеральный консул в Белграде II 396, 397
Кастелас (Castelas) Эмилий (1832—1876), испанский политический деятель II 362
Катакази Константин Гаврилович (1830—1890), старший секретарь русской миссии в Лиссабоне, в 1869—1872гг. посланник в Вашингтоне I 308; II 277, 278, 295, 504
Каталони (Cataloni) (1779—1849), в замуж. Valabrèque, итальянская певица II 369, 370
Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный публицист, с 1851 г. редактор «Московских ведомостей», с 1856 г.—«Русского вестника» I 40, 237, 251, 252, 307, 308, 348, 351, 359, 360, 419, 420; II 11—13, 37, 77, 94, 103, 112, 116, 124, 131, 133, 134, 139, 143, 190, 285, 313, 387, 410, 411, 413, 418, 437, 441, 443, 466, 467, 478
Катковы II 204
Катон Марк Порций (95—46 до н.э.), римский государственный деятель II 265
Кауфман фон Константин Петрович (1818—1882), ген.-майор свиты, с 1861 г. директор канцелярии Военного министерства, в 1865—1867 гг. ген.-губ. Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, с 1867 г. по 1882 г. туркестанский ген.-губ. и командующий войсками Туркестанского военного округа I 247; II 30, 32—37, 40, 45, 48, 50, 65, 72, 78, 80, 81, 82, 86, 110, 134, 137, 149, 151—156, 289, 353, 381, 407, 412, 414, 472, 473, 492
Кауфманы II 204
Каханов Михаил Семенович (1833—1900), ст.-секр., в 1872—1880 гг. псковский губернатор, управляющий делами Комитета министров, с 1880 г. товарищ министра внутренних дел, с 1881 г. член Государственного совета II 289
Качалов Николай Александрович (1818—1891), председатель Новгородской губернской земской управы, с 1865 г. по 1869 г. архангельский губернатор, в 1870—1882 гг. директор Департамента таможенных сборов II 186, 249, 364
Кейзерлинг фон Александр Андреевич (1815—1891), гр., действ. ст. сов., камергер, предводитель дворянства Эстляндской губ. I 96, 116, 163, 195
Келлер Эдуард Федорович (1817—1903), тайн. сов., камергер, с 1858 г. минский губернатор, с 1862 г. исполнял должность главного директора правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского I 125, 129, 157, 169, 229; II 56

Келлер Мария Ивановна, гр., урожд. Ризнич, жена Э. Ф.Келлера I 169; II 368
Кельсиев Василий Иванович (1835—1872), публицист, издавал с Герценом «Общее вече», рассчитанное на привлечение старообрядцев к борьбе с правительством, в 1867 г. возвратился в Россию, занимался литературной деятельностью I 102, 370, 371
Кемц (Кемец) (Kämtz) Людвиг-Фридрих (1801—1867), метеоролог II 99
Кеневич Жером-Станислав Феликсович (1834—1864), деятель польского национально-освободительного движения, французский подданный, инженер Варшавской ж. д., арестован в 1863 г. по делу о «Казанском заговоре», расстрелян в 1864 г. I 286, 400
Кербедз Станислав Валерианович (1810—1899), ген.-лейт., инженер, с 1863 г. член совета Главного управления Царства Польского, член Совета министра путей сообщения I 231; II 231, 264, 461, 475
Киди, французский кардинал II 213
Кизюкин, сызранский уездный судья II 480
Кинг (King) Эмилия II 291
Кирилл, архиерей Белокриницкой епархии II 457
Кирилл Владимирович (1876—1938), вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича II 391, 393
Киселев Николай Дмитриевич (1802—1869), гр., русский посол в Риме I 414
Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), гр., с 1837 г. по 1856 г. министр государственных имуществ, с 1856 г. по 1862 г. посол во Франции, член Государственного совета I 181, 283, 362; II 281
Киселева I 283, 286
Кислинский Андрей Федорович, кол. ас., мировой посредник Корчевского у. Тверской губ. I 380
Китицын Павел Трофимович (1822—1896), ст. сов., чиновник особых поручений в Земском отделе Министерства внутренних дел I 191; II 130, 325, 340
Киреев Александр Алексеевич (1833—1910), гв. полковник, адъютант вел. кн. Константина Николаевича, публицист, славянофил II 114, 163, 165, 166, 178, 187, 195
Кирилл (827—869), славянский просветитель, проповедник христианства в Моравии и Паннонии II 415
Кицебека, ганноверский генерал II 142
Клей (Clay) (1810—1903), посол САСШ в России в 1861—1862 гг. и 1868—1869 гг. I 271; II 113, 193, 470
Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), гр., ген.-ад., сенатор, член Государственного совета, с 1842 г. по 1855 г. главноуправляющий путями сообщения I 66, 73, 363—366
Клеточников Николай Васильевич (1847—1883), революционер, по заданию Исполнительного комитета «Народной Воли» работал чиновником III отделения I 12
Климов Федор Дмитриевич, поручик, мировой посредник Обоянского у. Курской губ. I 260
Кнорринг Владимир Карлович, ген.-ад., член Военного совета Военного министерства I 296
Княжевич Александр Максимович (1792—1872), действ. тайн. сов., сенатор, в 1858—1862 гг. министр финансов, с 1862 г. член Государственного совета I 27, 57, 61, 96, 119, 136, 141, 150, 152, 176, 183, 311, 370; II 113, 127, 192, 264
Кобылин Александр Александрович, врач, ординатор 2-го военно-сухопутного госпиталя, обвинялся по делу Д. В. Каракозова II 147, 148
Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), действ. тайн сов., сенатор, в 1858—1861 гг. министр народного просвещения, с 1862 г. президент Вольного экономического общества I 34, 57, 86, 97, 100, 176, 196, 361, 363—366, 370; II 195
Ковалевский Егор Петрович (1809—1868), ген.-лейт., с 1856 г. по 1861 г. директор Азиатского департамента, позднее сенатор I 71

Ковалевский Михаил Евграфович (1849—1884), сенатор I 50
Козен Александра Петровна, фрейлина вел. кн. Александры Иосифовны I 159
Козлов Николай Илларионович (1814—1889), доктор медицины; член Военно-медицинского ученого комитета, в 1869—1871 гг. начальник Медико-хирургической академии, с 1871 г. по 1881 г. главный военно-медицинский инспектор II 285
Козлянинов Константин Яковлевич (умер в 1863 г.), полковник, командир Муромского пехотного полка I 201
Кокорев Василий Александрович (1817—1889), откупщик, миллионер, основатель Волжско-Камского банка I 95, 97, 369, 370; II 263, 500
Колемина II 519
Колокатрани (Kolokotroni), фрейлина греческой королевы Ольги II 378
Колошин Дмитрий Павлович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел II 180
Колошин, секретарь вел. кн. Марии Александровны II 289
Коларова, в замужестве Шувалова II 398
Комаровский Иван Петрович (умер в 1888 г.), генерал, в 1869—1886 гг. начальник комиссариатской части Балтийского флота II 187
Комиссаров (Костромской) Осип Иванович (1832—1892), мастеровой, по официальной версии спасший Александра II от выстрела Д. В. Каракозова в 1866 г. II 115, 117, 118, 147, 408, 465
Комовский Сергей Дмитриевич, тайн. сов., в отставке II 323
Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, либеральный общественный деятель, впоследствии сенатор I 51, 52
Константин. См. вел кн. Константин Николаевич
Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн., сын Николая I, ген.-адмирал, наместник Царства Польского в 1862—1863 гг., с 1865 г. до 1881 г. председатель Государственного совета и Главного комитета об устройстве сельского состояния I 21, 22, 48, 55, 58, 64, 68, 72—74, 85, 89, 91, 96, 104, 109, 129, 131—134, 137—140, 144, 145, 150, 151, 153, 155, 157, 158—161, 163, 164—171, 175—180, 188, 192, 202, 204, 206—208, 211, 227, 228—231, 234, 240, 243—246, 253, 274, 277—280, 284, 287, 296, 298, 301, 305, 306, 310, 313, 314, 317, 329, 337, 362—367, 378, 379, 382, 398, 414, 419, 421; II 12, 14, 17, 18, 23, 30, 31, 35—39, 46, 48, 56, 58, 66, 86, 87, 91, 95, 96, 108, 113, 115, 116, 125, 129, 132, 136, 150, 163, 165, 172, 177, 178, 194, 202, 204, 205, 207—210, 219, 258, 264, 266, 273,278, 286, 299, 302, 305, 307, 310, 313, 315, 317, 324, 340, 361, 367, 380, 397, 442, 444, 447, 451, 464, 480, 491, 501, 521
Корнилов Федор Петрович (1809—1895), в 1860—1861 гг. московский губернатор, с 1862 г. управляющий делами канцелярии Комитета министров I 104, 123, 125, 264, 265, 276, 374, 393; II 126, 521
Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) II 519
Корсаков Михаил Семенович (1826—1871), ген.-майор, в 1861—1870 гг. ген.-губ. Восточной Сибири, с 1863 г. ген.-лейт., с 1870 г. член Государственного совета II 176
Корсакова, гр. I 245, 271
Корф Василий Сергеевич (1807—1883), бар., ген.-ад., управляющий гофмейстерской частью двора II 72, 329
Корф Модест Андреевич (1800—1876), бар., реакционный историк, в 1849—1861 гг. директор Публичной библиотеки, с 1861 г. главноуправляющий II отделения с. е. и. в. канц., в 1864—1872 гг. председатель департамента законов Государственного совета I 34, 57, 62, 64, 67, 123, 125, 135, 167, 176, 192, 195, 207, 214, 215, 218, 224, 226, 232, 233, 251, 264, 270, 272, 273, 363—366, 374, 408, 409; II 13, 17, 18, 24, 77, 89, 90, 112, 114, 129, 162,

183, 184, 190, 201, 205, 211, 248, 321, 323, 325, 334, 419, 515
Корф Николай Иванович (1793—1869), бар., ген.-от-артил., член Государственного совета I 76, 364—366, 410
Корчиков, певец I 248
Корш Валентин Федорович (1828—1883), либеральный журналист, с 1863 г. по 1874 г. редактор «С.-Петербургских ведомостей» I 191, 244
Коскуль Николай Францович, с 1865 г. вице-директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел II 196, 486, 487
Костомаров Всеволод Дмитриевич (ок. 1837—1865), поэт-переводчик, в 1861 г. после ареста за участие в революционной деятельности вступил на путь предательства и провокаций I 7, 115, 139, 183—185, 372, 391, 392
Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк либерального направления, руководитель Кирилло-Мефодиевского общества, в 1859—1861 гг. профессор Петербургского университета I 67, 68, 133, 151, 239, 376, 382
Кохун II 226
Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), гр., ген.-ад., член Государственного совета, в 1862—1874 гг. новороссийский и бессарабский ген.-губ., в 1874—1880 гг. варшавский ген.-губ. I 92, 94, 194, 195, 199, 302, 303, 306, 307, 344, 421; II 16, 97, 105, 161, 163, 174, 292, 293, 446, 476, 512
Кочубей Александр Васильевич (1788—1866), действ. тайн. сов., сенатор, член Государственного совета I 151, 363—366
Кочубей Елена Павловна, кн., урожд. Бибикова, жена кн. В. В. Кочубея I 95, 103, 118, 128, 132, 144, 149, 154, 158, 170, 172, 176, 185, 236, 238, 240, 242, 247, 252, 254, 255, 265, 267, 274, 275, 277, 279, 280, 285, 286—288, 292, 294, 303, 370; II 11, 12, 20, 22, 32, 45, 94, 97, 98, 101, 130, 134, 139, 144, 167, 182, 186, 191, 200, 207, 297, 341, 356, 357
Кочубей Михаил Викторович (1816—1874), кн., действ. ст. сов., гофмаршал I 110
Кошелев Александр Иванович (1806—1883), славянофил, либеральный публицист и общественный деятель, в 1861—1863 гг. член учредительного комитета в Царстве Польском, управляющий финансами, в 1871—1872 гг. издавал ж. «Беседы», в 1880—1881 г. газ. «Земство» I 52, 68, 130; II 174, 263, 478, 515
Коялович Михаил Осипович (1828—1891), историк, славянофил, сотрудник газ. «День», магистр Петербургской духовной академии I 152
Краббе Николай Карлович (1814—1876), адмирал, в 1860—1876 гг. управляющий Морским министерством I 71, 112, 117, 130, 141, 144, 178, 196, 216, 232, 237, 246, 278, 282, 286, 287, 288, 307, 421; II 30, 49, 55, 105, 146, 195, 201, 203, 256, 278, 287, 300, 307, 321, 322, 324, 328
Краевский Андрей Александрович (1810—1889), умеренный либерал, журналист, издатель «Отечественных записок» в 1839—1884 гг., «С.-Петербургских ведомостей» в 1852—1862 гг., «Голоса» в 1863—1884 гг. I 115; II 382, 383, 385, 387, 388, 391, 448
Красинский Адам-Станислав (род. в 1810 г.), виленский римско-католический епископ, в 1858—1864 гг. профессор Римско-католической академии, в 1864 г. сослан в Вятку I 116, 125, 228
Красовский Андрей Афанасьевич (1822—1868), подполковник Александрийского гусарского полка, в 1862 г. за революционную пропаганду в войсках был сослан на каторгу на 12 лет, в 1868 г. при побеге покончил с собой I 182, 390
Крейц Генрих Киприянович (1817—1891), гр., ген.-майор свиты, московский обер-полицмейстер, впоследствии сенатор II 36, 71, 103, 259, 330
Кригер Григорий Александрович (умер в 1881 г.), контр-адмирал,

ковенский губернатор в 1861—1862 гг. I 113
Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) II 514
Крузе Николай Федорович (1823—1901), в 1855—1859 гг. цензор, в 1865 г. первый председатель земской управы Ямбургского у., в 1865—1867 гг. председатель земской управы Петербургской губ. II 118, 180, 183, 184, 185, 480, 481
Крузенштерн Александр Иванович, тайн. сов., член Государственного совета Царства Польского I 242
Крузенштерн I 233
Крупенский Николай Матвеевич, бессарабский предводитель дворянства II 233
Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888), ген.-ад., в 1862 г. варшавский военный губернатор, в 1864—1865 гг. помощник командующего войсками Виленского военного округа, в 1865—1881 гг. оренбургский ген.-губ. и командующий войсками округа I 92, 115, 128, 130, 177, 193, 338, 351; II 21, 60, 179, 189, 353, 453, 460
Кубе Карл Леонтьевич (1812—1868), ген.-майор, управляющий Зимним дворцом I 63, 69, 186; II 56, 76, 158
Кудрявцев Василий Николаевич, отставной поручик, мировой посредник Новоторжского у. Тверской губ. I 380
Кудрявый Степан Иванович (род. в 1839 г.), дворянин, юнкер Новгородского батальона внутренней стражи I 181, 390
Куза Александр Иоанн I (1820—1873), с 1859 г. князь соединенных княжеств Молдавии и Валахии, в 1861 г. князь объединенной Румынии, в 1866 г. свергнут с престола в результате военного заговора II 102, 460
Куинджи Архип Иванович (1842—1910), художник-пейзажист II 523
Курочкин Василий Степанович (1831—1875), поэт, революционер-демократ, переводчик, член общества «Земля и Воля», в 1859—1873 гг. редактор ж. «Искра» I 387
Кусов, владелец торгового дома II 126
Кутневич Василий Иванович (1787—1865), протопресвитер, главный священник армии и флота, член Синода I 203
Кутузов. См. Голенищев-Кутузов
Кутузова. См. Голенищева-Кутузова
Куцинский Николай Александрович, ген.-лейт., начальник IV округа жандармов II 153
Кушелев Сергей Егорович (1821—1890), ген.-ад. II 418
Кушелев-Безбородко Григорий Александрович, гр., ст. сов., камергер, состоял при канцелярии Комитета министров I 115
Кушелева Екатерина Дмитриевна, гр., I 132, 154, 245; II 99, 195
Кух фон Эмиль (1835—1864) I 258, 267, 269, 270; II 76

Лавров Петр Лаврович (1823—1900), идеолог революционного народничества II 448
Лавровская Елизавета Андреевна (род. в 1845 г.), певица, в 1866—1869 гг. актриса оперного театра в Петербурге II 207
Лаврский Константин Викторович (род. в 1843 г.), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. за участие в «Казанском заговоре» I 400
Лазарев Максим, гвардии поручик, мировой посредник Тверского у. Тверской губ. I 147, 380
Лазаревский Василий Матвеевич, член Совета главного управления по делам печати II 427
Ламакин, руководитель хора певчих греческой церкви в Петербурге II 207
Ламанский Евгений Иванович (1825—1902), действ. ст. сов., с 1860 г. товарищ управляющего Государственным банком, член Совета Русского географического общества и Ученого комитета Министерства финансов I 118, 128, 150, 153, 277; II 34, 394
Ламберт Карл Карлович (1815—1865), гр., ген.-ад., в 1861 г. наместник Царства Польского I 106, 108, 112, 114, 118, 120, 125, 318, 326, 338

Ламздорф Николай Матвеевич (1803—1877), ген.-майор, с 1869 г. ген.-ад. II 46
Ламлей (Lumley) Джон, первый секретарь посольства Великобритании в России I 230
Лангевич Мариан (род. в 1827 г.), деятель польского национально-освободительного движения, участник экспедиции Гарибальди I 210—212, 398
Лангенау (Langenau), бар., австрийский посол в России с 1871 г. по 1879 г. II 298, 328, 387, 516
Ландсдоун (Landsdoune), лорд I 58
Ланской Петр Петрович (1799—1877), ген.-лейт., начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, председатель следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова 5—7 апреля 1866 г. до назначения М. Н. Муравьева I 173, 388; II 31, 33
Ланской Сергей Степанович (1787—1862), гр., камергер, член Государственного совета, с 1855 г. по 1861 г. министр внутренних дел I 28, 57, 75, 82, 83, 85, 103, 104, 142, 152, 312, 315, 363—366, 371, 398; II 281
Лапкин Федор Петрович (род. ок. 1847 г.), слушатель Петровской земледельческой академии, член общества «Организация», арестован по делу Д. В. Каракозова, сослан на жительство в Томскую губ. II 467
Лаппо Александр Доминицианович, кол. ас., губернский предводитель дворянства Минской губ. I 108, 116
Ларионова, помещица II 454
Ларошфуко (La Rochefoucauld) (Франсуа VI) (1613—1680), герцог, французский моралист II 64
Лаубе Николай Иванович (1812—1881), тайн. сов., ст.-секр., управляющий почтовым департаментом II 227
Лауниц фон-дер Василий Федорович (1802—1864), ген.-ад., с 1857 г. командир корпуса внутренней стражи, с 1864 г. командующий войсками Харьковского военного округа I 184, 196
Лашкарев Александр Григорьевич (1823—1898), ген.-майор, пермский губернатор в 1861—1865 гг. I 185, 295
Лебедев, по-видимому, Александр Андреевич (1804—1867), полковник I 233
Лебедев Василий, священник церкви Островского у. Псковской губ. I 399
Лебедев, студент Московского университета в 1830 г. I 369
Левашев (Левашов) Николай Васильевич (1828—1888), гр., ген.-ад., в 1861—1866 гг. орловский губернатор, в 1871—1874 гг. помощник шефа жандармов и управляющий III отделением I 105, 143, 263; II 71, 74, 81, 113, 138, 143, 144, 184, 187, 225, 228, 230
Леви, берлинский купец II 458
Левинштейн, немецкий купец I 184
Левитов Александр Иванович (1835—1878), писатель I 395
Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879), с 1854 г. по 1859 г. товарищ министра внутренних дел, автор историко-географических работ, один из основателей Русского географического общества I 96
Левшин Дмитрий Сергеевич (1801—1871), ген.-от-инф., попечитель Московского учебного округа II 460
Ледашовский II 298
Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847—1901), кн. Романовский, ген.-ад. II 38, 39, 186
Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843—1890), герцог, кн. Романовский, ген.-ад., шеф л.-гв. Конногренадерского полка I 159, 249, 258; II 24, 115, 142, 162, 173, 195, 197, 199, 227, 264, 460
Лемениль (Léménil) Луи (род в. 1800 г.), французский комедийный актер I 205
Ленский Адам Осипович (1789—1883), тайн. сов., министр, ст.-секр. Царства Польского, член Комитета министров I 204, 213, 220, 257, 259; II 297
Ленц, по-видимому, Эдуард Эдуардович, чиновник Медицинского совета Министерства внутренних дел II 53, 63, 72

Леонид (Лев Васильевич Краснопевков) (1817—1876), епископ Дмитровский с 1859 г. II 344
Леонов, раскольник, заключенный Шлиссельбургской крепости II 471
Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), профессор римской словесности Московского университета, реакционный публицист, с 1856 г. ближайший сотрудник М. Н. Каткова II 13, 124, 411, 441, 443
Леопольд II (1835—1909), бельгийский король с 1865 г. II 94, 459
Леотар (Leotard) Жюль, французский акробат I 67
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) I 18; II 355
Лесовский Степан Степанович (1817—1884), ген.-ад., адмирал, гидрограф-исследователь, с 1869 г. по 1880 г. помощник управляющего Морским министерством II 43, 328, 341, 359, 368, 370, 371, 521
Лефло (Le Flô) Адольф-Шарль-Эммануил (1804—1887), генерал, французский посол в России с 1871 г. по 1879 г. II 318, 323, 328, 346
Ливен Андрей Александрович (1839—1913), кн., кол. секр., чиновник Министерства внутренних дел I 177, 179; II 303
Ливен Вильгельм Карлович (1800—1880), бар., ген.-ад., член Государственного совета, в 1861—1864 гг. прибалтийский ген.-губ., с 1871 г. обер-егермейстер I 110, 125, 129, 165, 176, 177, 197, 212, 279, 280, 286, 304, 306, 344, 358, 383, 401, 420; II 37, 71, 73, 102, 154, 196, 229, 293, 297, 299, 301, 312, 327, 330, 348, 383, 428, 429, 431, 521
Ливены, кн. II 422
Лидерс Александр Николаевич (1790—1874), гр., ген.-ад., член Государственного совета, в 1861 г. наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией, с 1862 г. член Государственного совета I 118, 120, 126, 134, 160, 162, 166, 177, 179, 180, 183, 337, 338, 389
Лилиенфельд-Тоаль Павел Федорович (род. в 1829 г.), мировой посредник Петербургской губ., председатель Петергофской земской управы, позднее курляндский губернатор II 189
Линкольн Авраам (1809—1865), президент САСШ в 1860—1865 гг. II 448
Линней Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель I 93, 369
Липковский Иосиф Генрихович, предводитель дворянства Гайсинского у. Подольской губ. I 394
Липпе-Липская Алина Александровна, урожд. Рык, владелица имения Мариенгаузен Люцинского у. Витебской губ., в 1863 г. выслана под надзор полиции в Воронежскую губ. I 398
Липранди Иван Петрович (1790—1880), ген.-майор, военный историк, с 1840 г. по 1856 г. чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, руководил секретной агентурой по наблюдению за петрашевцами I 370
Липские I 211
Лисянский Платон Юрьевич, контр-адмирал, член ученого и кораблестроительного технического комитетов Морского министерства I 350
Литвинов, по-видимому, Николай Павлович, поручик л.-гв. Конной артиллерии, состоял при наследнике престола вел. кн. Николае Александровиче I 265
Литке Федор Петрович (1797—1882), гр., географ-путешественник, адмирал, ген.-ад., член Государственного совета, вице-председатель и почетный член Русского географического общества, президент Академии наук с 1864 г. по 1881 г. I 91, 176, 363—366; II 161, 229, 521
Литольф (Litolff) Генрих (1818—1891), французский пианист, композитор и капельмейстер II 199
Лишевич Матвей Осипович (1808—1874), действ. ст. сов., управляющий Главным казначейством I 256
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896), в 1859—

1863 гг. посланник в Константинополе, в 1866 г. орловский губернатор, с 1867 г. по 1878 г. товарищ министра внутренних дел, позднее министр иностранных дел II 106, 184—187, 189—194, 198, 201, 203, 211, 214, 217, 218, 223, 232, 233, 236, 239, 247, 255, 260—262, 264, 268, 270, 277, 313, 314, 316, 322, 327, 329, 345, 357, 363, 365, 370, 372, 382, 385, 388, 389, 420, 485
Лобанова, кн., урожд. гр. Паскевич-Эриванская, жена М. Б. Лобанова II 226
Лобанова Александра Александровна, кн., урожд. Чернышева, жена Д. А. Лобанова II 146
Лоён, (Loen), бар., прусский военный атташе, врач I 171, 245
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) II 33, 34, 415
Лонгинов Дмитрий Николаевич (1820—1878), с 1861 г. советник посольства в Лондоне, с 1863 г. директор Департамента внешних сношений, с 1875 г. сенатор II 289
Лоней (Delaunay) Эдуард, итальянский посланник в России с 1865 г. по 1867 г. II 29
Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825—1888), гр., ген.-ад., командир отдельного корпуса на Кавказе в 1877—1878 гг., с 1879 г. временный харьковский ген.-губ., с февраля по август 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880—1881 гг. министр внутренних дел I 12, 49, 50
Лотар (Lotar), артистка Петербургского Михайловского театра II 267
Лофтус (Lophtus) Август, лорд, английский посол в России с 1871 г. по 1879 г. II 279, 290, 294, 295, 316, 335, 345, 346, 350, 366, 368, 376, 387, 391, 392
Лофтус, леди, жена английского посла в России II 346, 350
Лубенский Петр, гр., действ. ст. сов., директор Кредитного земского общества Варшавы I 216, 223
Лубинский, гр. I 234
Лугинин Владимир Федорович (1834—1911), участник революционного движения 60-х гг., член общества «Великорусс», впоследствии профессор Московского университета I 373
Луиза - Вильгельмина - Фредерика-Шарлотта (1817—1899), датская королева, жена Христиана IX II 34, 38, 39, 377, 525
Лукасинский Валериан (1786—1868), деятель польского шляхетского национального движения II 471
Любимов Николай Алексеевич (1830—1897), профессор физики Московского университета, реакционный публицист, сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» II 133, 411, 441
Любощинский Марк Николаевич (1816—1889), с 1861 г. тайн. сов., с 1864 г. сенатор, с 1881 г. член Государственного совета II 185, 481
Людовик XIV (1638—1715), король Франции с 1643 г. II 134
Львов Алексей Федорович (1798—1870), флиг.-ад. II 32
Львова, по-видимому, Прасковья Аггеевна (род. в 1817 г.), урожд. Абаза, жена А. Ф. Львова, кн. II, 227, 229
Лягранж (Lagrange) Анна-Каролина (род. в 1825 г.), французская актриса I 204, 206; II 111
Лямин Иван Артемьевич (умер в 1894 г.), член Московского отделения совета торговли и мануфактур, почетный мировой судья, московский городской голова в 1871—1873 гг. II 282, 504, 505
Ляпунов I 303

Маврос Дмитрий Николаевич, подполковник, состоял при виленском ген.-губ. I 81
Магавли Иоганн-Филипп-Христофор (род. в 1831 г.), лейб-окулист, с 1859 г. по 1878 г. ординатор, позднее директор и главный врач Петербургской глазной больницы II 189
Маевский Иосиф, ксендз I 108, 109, 114
Майдель (Мейдель) Эдуард Антонович, бар., камергер, эстляндский губернский предводитель дворянства II 334

Майер (Mayr), австрийский поверенный в России в 1876 г. II 390
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт и переводчик I 61, 79, 215, 403; II 34
Майснер (Мейснер) Александр Карлович, русский вице-консул в Париже I 243, 406
Маков Лев Саввич (1830—1883), правитель канцелярии Министерства внутренних дел, в 1878—1880 гг. министр внутренних дел I 12, 47; II 180, 262
Маковы II 208
Маколей (Macaulay) Томас-Бабингтон (1800—1859), лорд, английский реакционный историк, политический деятель, виг I 94
Малоствова М. А. II 60
Мальцов Сергей Иванович (1810—1893), промышленник, владелец заводов в Калужской губ. I 105; II 17
Мальцова Анастасия Николаевна (1820—1894), урожд. кн. Урусова, жена С. И. Мальцова, фрейлина императрицы Марии Александровны I 105, 131; II 81, 119, 232
Мамонтов Савва Иванович (1841—1919), крупный промышленник, откупщик I 369, 370
Мансуров Борис Павлович (1826—1910), член Государственного совета, сенатор II 130, 262, 264, 265, 338, 348, 364
Мантейфель Эдвин-Карл-Рохус (1809—1885), гр., прусский ген.-фельдмаршал II 141, 386, 470
Маньковский Валериан Северович, предводитель дворянства Ямпольского у. Подольской губ. I 394
Маргарита-Мария-Тереза-Иоанна (1851—1926), принцесса Савойская, жена итальянского наследного принца Умберта II 376
Мариетт (Mariette), посол Рима в России в 1876 г. II 328
Марий (155—86 до н. э.), римский полководец и государственный деятель I 29, 259
Маринович Иован (1821—1893), министр иностранных дел Сербии с 1873 г. по 1874 г., в 1876 г. сербский дипломатический представитель в Петербурге II 396, 397
Мария Антуанетта (1755—1793), французская королева II 396
Мария, внучка П. А. Валуева I 92
Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II I 6, 33, 78, 79, 95, 102, 104, 106, 107, 124, 126, 127, 131, 135—138, 142, 145, 148, 154, 157, 158, 170, 171, 175, 186, 187, 190, 191, 195, 198, 210, 213, 222, 227, 229, 231, 239—241, 243, 255, 256, 262, 264, 277, 279, 293, 296, 301, 324, 335, 345; II 11, 37, 42, 43, 46, 48, 60, 61, 63, 115, 168, 181, 190, 193, 194, 206, 209—211, 221, 225, 239, 244, 258, 266, 268, 278, 293, 305, 312, 352, 379, 386
Мария Александровна (1853—1920), вел. кн., дочь императора Александра II, с 1874 г. жена принца Альфреда Эдинбургского I 192; II 266, 287, 292, 293, 296, 351, 368, 372, 375, 384, 454
Мария Максимилиановна (1841—1914), кн. Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, с 1863 г. жена принца Вильгельма Баденского I 10, 147, 206; II 110, 115, 119, 465
Мария Николаевна (1819—1876), вел. кн., дочь Николая I, в первом браке за герцогом Лейхтенбергским, во втором морганатическом за гр. Г. А. Строгановым I 92, 119, 130, 136, 137, 142, 150, 154, 170, 207, 217, 298; II 20, 34, 37, 225, 227, 287, 289, 297, 325, 328, 336—338, 518
Мария-София-Амелия (род. в 1841 г.), в 1859—1860 гг. королева Обеих Сицилий, с 1861 г. жила в изгнании в Англии I 74, 367
Мария Федоровна (1847—1928), жена вел. кн. Александра Александровича, с 1881 г. императрица, дочь датского короля Христиана IX II 34, 132, 139, 149, 150, 156, 162
Марко Вовчок (Мария Александровна Вилинская-Маркович) (1834—1907), украинская писательница I 395
Марков, по-видимому, Михаил Алек-

сандрович (умер в 1876 г.), ген.-лейт., писатель II 53
Маркус, действ. ст. сов. II 487, 495
Мартынов Павел Александрович (1815—1900), действ. ст. сов., директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел I 181, 256, 265
Массиньяк (Massignac), гр., секретарь французской дипломатической миссии в России I 242, 248, 293, 308
Мачтет Григорий Александрович (1852—1901), беллетрист и поэт народнического направления II 519
Маяковский II 342
Медем Николай Васильевич (1796—1870), бар., член Совета по делам книгопечатания II 454
Медем Петр Иванович, ст. сов., губернский предводитель дворянства Курляндской губ. I 88
Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), полковник свиты, состоял при шефе жандармов, затем ген.-майор, с 1864 г. управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов, с 1876 г. шеф жандармов и начальник III отделения, убит народниками I 47, 256, 290, 300; II 32, 52, 364, 387, 393
Мейендорф Александр Казимирович (1798—1865), бар., член Главного правления училищ Министерства народного просвещения и Мануфактурного совета Министерства финансов I 144, 146, 147, 149, 150, 159, 171, 197, 198
Мейендорф Егор Федорович (1794—1879), бар., ген.-ад., ген.-от-кавал., член Комитета об устройстве быта лифляндских крестьян I 57, 83, 84, 126—128, 130, 131, 133, 161, 164—166
Мейендорф Ольга Егоровна, бар., фрейлина императрицы Марии Александровны I 171
Мейендорф Петр Казимирович (1796—1863), бар., действ. тайн. сов., член Государственного совета и Комитета министров I 212, 315, 339, 363—366
Мейендорф Рудольф Петрович, бар., ротмистр л.-гв. Конногренадерского полка II 247, 259
Мейендорф Эрнест Петрович, бар., дипломат, секретарь русского посольства в Италии II 110, 462
Мекленбург-Стрелицкий. См. Георг-Август
Мелихов Василий Иванович (1794—1863), адмирал, член Государственного совета I 363—366
Мельников Павел Петрович (1804—1880), инженер-генерал, с 1862 г. по 1869 г. министр путей сообщения, член Государственного совета I 192, 193, 197, 201, 202, 204, 213, 307, 421; II 27, 30, 32, 47, 50, 69, 70, 96, 99, 104, 144, 146, 147, 160, 161, 195, 202, 228, 263, 264, 273, 338, 408, 457, 460—462, 475, 484, 521
Мемвиль М. I 243
Менгден фон Александр Михайлович, старший секретарь русской миссии во Франкфурте-на-Майне I 168, 297
Менгден Амалия Евгеньевна I 168
Менгден фон Владимир Михайлович, бар., тит. сов., член губернского по крестьянским делам присутствия Тульской губ. I 163
Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) I 376
Мендельсон (Mendelsohn) Бартольди-Феликс (1809—1847), композитор I 159
Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), светл. кн., ген.-ад., адмирал, главнокомандующий сухопутными и морскими войсками во время Крымской войны, в 1855—1856 гг. военный губернатор Кронштадта, позднее в отставке I 266, 363, 364; II 321
Меншиков Владимир Александрович (умер в 1893 г.), светл. кн., ген.-лейт., член Военно-госпитального совета I 105, 252
Меншикова, по-видимому, Леонида Николаевна (1822—1887), кн., урожд. кн. Гагарина, жена В. А. Меншикова I 95
Мердер Николай Карлович, ген.-майор II 329, 353
Метлин Николай Федорович (1804—1884), адмирал, член Государ-

ственного совета I 176, 287; II 521
Мефодий (ок. 815—885), просветитель славян II 415
Мещерская, кн. II 41, 133
Мещерские I 80, 94, 251, 254, 256; II 41, 173, 238
Мещерский Александр Васильевич (1810—1867), кн., гофмейстер при дворе вел. кн. Екатерины Михайловны, с 1863 г. полковник, состоял при Министерстве внутренних дел I 93, 224
Мещерский Александр Петрович (1837—1875), кн., флиг.-ад. I 254
Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), кн., реакционный публицист II 238, 239, 241, 243
Мещерский Петр Иванович (1802—1876), кн. II 356
Мидхат-паша (1822—1883), великий визирь II 381
Микешин Михаил Осипович (1836—1896), скульптор II 210, 489
Милан I Обренович (1854—1901), князь с 1868 по 1889 гг., а затем король Сербии II 390
Миллер Отто, рижский бургомистр II 73
Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), гр., с 1878 г. ген.-ад., с 1856 г. начальник штаба Кавказской армии, в 1861—1881 гг. военный министр I 7, 17, 28, 34, 42, 44—47, 60, 61, 70, 91, 95, 106, 108, 114, 121, 127, 128, 130, 132, 134, 139, 145, 146, 155—157, 160, 162, 165, 166, 169, 173, 174, 178, 183—185, 187, 188, 194, 199, 201, 203, 206, 214, 216, 218, 220—222, 225—228, 230, 232, 233, 235, 236, 237, 242, 243, 246, 253, 254, 259, 264, 265, 267, 268, 274, 278, 279, 282, 284, 293, 299, 300, 303, 305, 318, 319, 322, 327, 347, 351, 371, 374, 378, 380, 393, 408, 409, 410, 415; II 11—13, 16, 30, 38, 70, 125, 137, 155, 160, 166, 193, 202, 205, 208, 209, 211, 222, 227, 228, 232, 244, 261, 263, 264, 281, 285, 294, 299, 300, 309, 310, 317, 327, 331, 367, 374, 391, 407, 448, 451—453, 457, 460, 462, 463, 468, 469, 473, 474, 481, 484, 489, 493—495, 505, 508, 509, 512, 513, 515, 516, 519, 521, 523, 526, 527
Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел, деятель крестьянской реформы, с 1861 г. сенатор, в 1864—1866 гг. ст.-секр. по делам Царства Польского I, 7, 33, 34, 38, 53, 60, 61, 70, 83, 167, 170, 195, 207, 213, 248—250, 256, 257, 259—261, 263, 266, 268, 281, 282, 284, 286, 303, 306, 313, 316, 334, 336, 347, 369, 371, 398, 413, 415; II 11, 21, 22, 24, 31, 33, 44, 45, 47, 61, 67, 72, 78, 79, 83, 93, 105, 111, 123—125, 129, 135, 136, 138, 145, 157, 169—174, 205, 281, 409—412, 476, 478
Милютина Мария Аггеевна, урожд. Абаза, жена Н. А. Милютина II 170
Милютины II 11, 21, 48, 79, 80, 86, 91, 152, 154, 204, 209, 419, 477
Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт-юморист, в 1862 г. редактор ж. «Гудок» I 378
Минин Василий Петрович, штаб-ротмистр, губернский предводитель дворянства Тульской губ. I 182, 375; II 294
Миних Павел Филиппович, фельдфебель 3-й роты л.-гв. Саперного батальона I 386
Миттерман Рудольф (род.в 1842 г.), вольнослушатель Казанского университета, участник «Казанского заговора» 1863 г. I 400
Михаил Михайлович (1861—1929), вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича I 126
Михаил Николаевич (1832—1909), вел. кн., сын Николая I, ген.-фельдцейхмейстер, в 1863—1881 гг. наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа, с 1881 г. председатель Государственного совета I 79, 106, 114—119, 123, 129, 130, 143, 153, 165, 166, 172, 195, 196, 200, 319, 327, 363—366, 379; II 43, 47, 53, 63, 156, 164, 172, 274, 276, 277, 451, 477, 490
Михаил Павлович (1798—1849), вел. кн., сын Павла I, ген.-фельдцейхмейстер II 444

Михайлов Михаил Илларионович (1829—1865), революционер-демократ, писатель, публицист, сотрудник ж. «Современник», автор прокламации «К молодому поколению», в 1861 г. присужден к 6 г. каторги и вечному поселению в Сибири I 115, 133, 184, 372, 379, 386, 393
Мицкевич Адам (1798—1855) I 38, 340
Мичелл (Michell) Томас, атташе английского посольства в России с 1864 г. по 1874 г. II 207, 217, 290
Моира (Moira) Лобо, виконт, португальский посол в России с 1856 г. I 262, 271; II 12, 99, 110, 139, 193, 225, 234
Моклер (Maucler), бар., вюртембергский поверенный в делах в России с 1873 г. II 328, 516
Молинари (Molinari) Густав (1819—1918), бельгийский политикоэконом II 25
Моллиен (Mollien) Николай-Франциск (1758—1850), французский государственный деятель, финансист I 285, 417
Мольтке Гельмут-Карл-Бернгард (1800—1891), гр., фельдмаршал германской армии, с 1858 г. по 1888 г. начальник Генерального штаба II 341
Монморанси (Montmorency), герцог, двоюродный брат французского дипломата Талейрана II 61
Монро (Monroe) Джемс (1758—1831), президент САСШ в 1817—1825 гг., II 196
Монтебелло (Montebello) Наполеон-Август (род. в 1801 г.), герцог, французский дипломат, в 1858—1864 гг. посол в России I 91, 108, 112, 114, 201, 205, 210, 212, 216, 220, 230, 232, 234—236, 240, 245
Монтебелло (Montebello) (умерла в 1863 г.) герцогиня, жена французского посла в России I 248, 249
Монтескье (Montesquieu) Шарль-Луи (1689—1755), I 94
Морено (Moreno), толедский кардинал II 362
Мориц Петр Алексеевич (1818—1898), действ. ст. сов., секретарь канцелярии императрицы Марии Александровны I 241; II 225
Мороз Гавриил Данилович (умер в 1862 г.), кол. секр., чиновник особых поручений при министре внутренних дел I 194
Моунт, лондонский купец II 458
Мофот (Moffott), член английского парламента I 248
Мрочек Александр (ок. 1832—1864), поручик 4-го резервного батальона Томского пехотного полка, участник «Казанского заговора», расстрелян I 286, 400
Мультановский Помпей Яковлевич (1839—1897), студент Медико-хирургической академии, арестован в 1862 г., сослан в Пермь, затем работал хирургом в военном госпитале в Петербурге I 175, 388, 389
Мундт, журналист II 105
Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), ген.-майор, нижегородский губернатор, в прошлом декабрист, член «Союза спасения» и «Союза благоденствия» I 30
Муравьев Валериан Николаевич (1811—1869), действ. ст. сов., псковский губернатор I 219
Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), гр., «Муравьев-вешатель», в 1857—1861 гг. министр государственных имуществ, в 1863—1865 гг. виленский ген.-губ., в 1866 г. председатель верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова I 6, 14, 22, 23, 26—28, 30, 38, 55—69, 73, 74, 76, 79, 86, 92, 95, 101—104, 106, 107, 110, 113, 114, 117, 118, 120, 121, 129, 132—136, 138, 149, 170, 190, 200, 215, 221—223, 226—228, 231, 233, 234, 239, 241—243, 246, 250, 253, 258, 259, 268, 280—285, 288, 290, 303, 311, 312, 315, 317, 324, 350, 351, 361, 362—367, 370, 404, 406, 408, 412, 414, 415; II 17, 18, 29—36, 38, 45, 48, 50, 65, 71, 77, 116, 118—124, 129—133, 135, 136, 139, 140, 142, 144, 146, 147, 409, 437, 465, 468, 469, 472, 477, 492

Муравьев Николай Михайлович (умер в 1869 г.), ген.-майор, в 1861—1862 гг. рязанский губернатор, с 1863 г. ковенский губернатор, сын М. Н. Муравьева I 194, 241
Муравьев (Амурский) Николай Николаевич (1809—1881), гр., ген.-ад., член Государственного совета, в 1847—1861 гг. ген.-губ. Восточной Сибири, исследователь Амура I 70, 71, 82, 83, 91, 242, 254, 305, 351, 364
Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866), ген.-ад., ген.-от-инф., член Государственного совета I 266; II 18
Муравьева Пелагея Васильевна (1802—1871), гр., урожд. Шереметева, жена М. Н. Муравьева I 73, 79, 103, 106
Мурад V (1840—1904), турецкий султан с 30 мая по 31 августа 1876 г. II 365, 378, 385
Мусин-Пушкин, гр. II 307
Муханов Александр Сергеевич (1834—1877), камер-юнкер, первый секретарь канцелярии Министерства иностранных дел I 178
Муханов Николай Алексеевич (1804—1871), тайн. сов., товарищ министра иностранных дел, член Главного управления цензуры I 178, 180, 296; II 32, 56, 145, 161
Муханов Павел Александрович (1797—1871), тайн. сов., с 1842 г. служил в Царстве Польском, член Государственного совета I 77, 80, 87, 91, 92, 94, 287; II 32, 177
Муханов, пермский землевладелец I 286
Мухановы I 158, 264
Мухвиц Герман, бар., генеральный директор общества «Минерва», член административного совета Варшавско-Венской ж. д. I 285
Мяновский Иосиф Игнатьевич (1804—1878), профессор Медико-хирургической академии II 266
Мятлев, петербургский домовладелец I 217

Набоков Дмитрий Николаевич (1826—1904), гофмейстер вел. кн. Константина Николаевича, в 1867—1871 гг. управляющий с. е. и. в. канц. по делам Царства Польского, с 1876 г. член Государственного совета, в 1878—1885 гг. министр юстиции I 47, 144, 177, 178, 188; II 173, 180, 210, 226, 245, 261, 283, 287, 306, 309, 388, 487, 495, 521
Назимов Владимир Иванович (1802—1874), ген.-ад., член Государственного совета, в 1849—1855 гг. попечитель Московского учебного округа, в 1855—1863 гг. виленский ген.-губ. и командующий войсками округа I 106, 108—110, 112—115, 124, 125, 146, 147, 149, 160, 186, 190, 196, 205, 206, 212, 221—223, 267, 321, 327, 350, 372, 402; II 18
Найденов Николай Александрович (род. в 1834 г.), московский купец 1-ой гильдии II 329
Налепинский, деятель польского национально-освободительного движения II 235
Нантье (Nantier), певица итальянской оперы I 195
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), император Франции в 1804—1814 гг. I 201, 371; II 62
Наполеон III (1808—1873), император Франции с 1852 г. по 1870 г. I 210, 212, 251, 252; II 127, 135, 138, 141, 206, 209, 216, 269, 420, 467, 487
Напталь-Арно (Naptal - Arnault) Габриель-Женевьева (род. в 1823 г.), французская актриса I 137, 206; II 25, 111
Наржимский Иосиф Иванович (1839—1872), писатель-драматург II 52
Нарышкин Лев Кириллович (1809—1869), действ. ст. сов. II 458
Нарышкин Михаил Кириллович (1823—1890), флиг.-ад., полковник л.-гв. Кирасирского полка I 216, 233
Нарышкина Елена Николаевна II 419
Нассауский, по-видимому, Адольф (род. в 1817 г.), герцог I 274
Наталия (1859—1891) (урожд. Наталия Петровна Кешко), сербская кн., с 1875 г. жена Милана IV Обреновича II 381

Наумов Дмитрий Алексеевич (1830—1895), председатель Московской губернской земской управы II 101, 329
Небольсин Григорий Павлович (1811—1896), действ. ст. сов., член Совета министра финансов, в 1863—1866 гг. товарищ министра финансов, позднее сенатор, член Государственного совета I 157, 254; II 129, 521
Неведомский Александр Николаевич, мировой посредник Бежецкого у. Тверской губ. I 380
Неелов Дмитрий Дмитриевич (1812—1890), директор Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ I 62, 103, 123, 175
Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) I 181, 403
Нектарий (Николай Самуилович Надеждин) (1819—1874), епископ Нижегородский с 1860 г. II 73, 77
Нелатон (Nelaton) Август (1807—1873), французский хирург, член Медицинской академии II 35
Нелидов Александр Иванович (1835—1910), действ. ст. сов., член русского посольства в Константинополе, в 1883—1897 гг. русский посол в Турции II 325, 326
Нелидова Варвара Аркадьевна (умерла в 1897 г.), фрейлина императрицы Александры Федоровны, жены Николая I I 70, 278; II 207
Ненастьев Пимен Павлович (род. в 1852 г.), сын отставного рядового Кавалергардского полка I 388
Нессельроде Дмитрий Карлович, гр., действ. ст. сов., гофмейстер, сын гр. К. В. Нессельроде I 10
Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), гр., канцлер, в 1817—1856 гг. министр иностранных дел I 10, 60, 62, 64, 75, 83, 89, 96, 102, 103, 108, 125, 126, 128, 132, 133, 141, 142, 150, 153, 163, 169, 363, 364—366; II 357, 376
Нессельроде Мария Дмитриевна (1786—1849), гр., урожд. гр. Гурьева, жена канцлера гр. К. В. Нессельроде I 169
Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882), революционер-народник II 514
Нигрио (Нигра) (Nigrio) Константин (1827—1907), итальянский посол в России с 1876 г. по 1882 г. II 374, 387
Никитенко Александр Васильевич (1804—1878), профессор Петербургского университета, в 1856—1861 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения», в 1861 г. газ. «Северная почта», в 1862—1865 гг. член Совета Министерства внутренних дел по делам книгопечатания I 22, 40, 44, 125, 131, 139, 374, 375; II 448, 454, 504
Никитин Сергей Александрович, советский историк II 525
Николаев Александр, унтер-офицер, л.-гв. Уланского полка I 389
Николаев Павел Никитич, чиновник Министерства финансов II 342
Николаев, раскольник, заключенный Шлиссельбургской крепости II 471
Николаи Александр Павлович (1821—1899), бар., сенатор, в 1862 г. товарищ министра народного просвещения, в 1881—1882 гг. министр народного просвещения I 131, 195; II 49, 326, 334, 338, 348, 349, 352, 521
Николай Александрович (1843—1865), наследник престола, старший сын Александра II I 72, 95, 113, 159, 196, 221, 229, 270, 279, 307, 367; II 31, 32, 34—36, 41, 46, 447, 448, 478
Николай Константинович (1850—1918), вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича II 309, 310, 314, 343, 344, 512
Николай Максимилианович. См. Лейхтенбергский герцог
Николай Николаевич Старший (1831—1891), вел. кн., член Государственного совета, ген.-инспектор кавалерии и инженерной части I 142, 143, 172, 183, 197, 207, 221, 232, 249, 259, 274, 281, 282, 295, 363—366, 421; II 30, 37, 39, 53, 75, 218, 224, 233, 244, 260, 295, 308, 309, 313,

343—345, 352, 355, 360, 361, 382, 395—397, 520, 521, 523
Николай I (1796—1855), император с 1825 г. I 17, 18, 20, 38, 40, 70, 77, 91, 99, 159, 181, 374; II 274 281, 335, 421, 424, 456, 478,
Николай I Петрович Негош (1841—1921), с 1860 г. до 1919 г. черногорский князь I 395
Никольский, студент Петербургского университета, подвергался аресту в 1861 г. за участие в студенческих волнениях I 116
Никс. См. Валуев Николай Петрович
Нобель Людвиг Эммануилович (1831—1888), нефтепромышленник, фабрикант II 494
Новиков Евгений Петрович (1826—1903), посол в Вене в 1870—1880 гг. II 298, 347, 350, 352
Новосельский Николай, действ. ст. сов., помещик I 270, 272, 412
Новосельский, владелец соляных промыслов II 49, 103, 107, 197, 198, 206, 461, 462, 490
овосильский Федор Михайлович (умер в 1892 г.), ген.-ад.,адмирал, член Государственного совета II 161, 521
Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), сенатор член Государственного совета, в 1861 г. председатель Археографической комиссии, в 1854—1858 гг. министр народного просвещения I 363—366
Носков, крестьянин II 521
Ностиц Иван Григорьевич (1824—1905), гр., ген.-майор свиты, в 1863 г. подавлял восстание в Брестском у. Гродненской губ. и Пинском у. Минской губ. I 212
Нэпир (Napier) Фрэнсис (1819—1898), бар., английский дипломат, в 1861—1864 гг. посол в России I 88, 91, 109, 114, 117, 122, 131, 140, 141, 161, 165, 173, 174, 192, 194, 195, 197, 201, 203, 205, 209, 216, 219, 222, 224 227, 230, 234, 236, 239, 240, 242, 243, 246, 250—254, 257, 261—264, 267, 275—277, 287, 289, 293, 299, 301, 328; II 21, 25
Нэпир (Napier), жена английского посла в России I 88, 130, 141, 164, 224, 239, 240, 243, 251, 267, 276
Оболенская, кн. II 102
Оболенский Алексей Васильевич (1819—1884), кн., с 1860 г. ген.-майор свиты, в 1861—1866 гг. московский губернатор II 15, 24, 30, 32, 65, 70, 186
Оболенский Владимир Владимирович (1841—1903), кн., кол.секр., чиновник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел I 139, 144, 215, 223
Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881), кн., ст.-секр., тайн. сов., в 1863—1870 гг. управляющий Департаментом внешней торговли Министерства финансов, в 1870—1872 гг. товарищ министра государственных имуществ, с 1872 г. член Государственного совета I 70, 159, 194, 197—200, 227, 231, 250, 251, 270; II 159, 301, 326, 329, 338, 349, 361, 389, 521
Оболенский Иван Афанасьевич (1805—1849), студент словесного факультета Московского университета, подвергался аресту в 1831 г., арестован вторично в 1834 г. вместе с Герценом I 93, 369
Оболенский Михаил Андреевич (1806—1873), кн., управляющий московским главным архивом и комиссией печатания государственных грамот и договоров, член-корреспондент Академии наук, член Археографической комиссии I 131; II 32
Обольянинов Степан Александрович (1826—1880), ген.-майор II 183, 184
Обручев Владимир Александрович (1836—1912), публицист, сотрудник ж. «Современник», член общества «Великоросс», в 1861 г. арестован и приговорен к 5 г. каторги, впоследствии ген.-майор I 409
Обручев Николай Николаевич (1830—1904), ген.-лейт., в 1856—1878 гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 г. член и управляющий делами Военно-ученого комитета, в начале 60-х гг. принимал участие в революционном движении, член общества «Земля и Воля» II 390

Обухов Борис Петрович (1819—1885), предводитель дворянства Самарской губ., в 1868—1871 гг. товарищ министра внутренних дел I 246; II 176, 260—262, 264, 278
Овербек (Overbeck) Фридрих Иоганн (1789—1869), немецкий художник I 297
Огарев Николай Александрович (1811—1867), ген.-лейт., член Временного артиллерийского комитета, в 1866 г. нижегородский временный ген.-губ. I 164, 165, 224, 248, 268, 385; II 32, 40, 41, 43, 71, 118, 131, 158, 169, 403, 449
Огарев Николай Платонович (1813—1876), революционный демократ, соратник А. И. Герцена I 386
Огаревы II 41
Оголин Александр Степанович (род. в 1821 г.), губернатор Витебской губ., впоследствии сенатор I 108
Огрызко (Ohryzko) Иосафат Петрович (1826—1890), польский общественный деятель, журналист, издавал в 1859 г. в Петербурге газ. «Slowo», в 1863 г. принимал участие в польском восстании II 52
Одоевская Ольга Степановна (1797—1872), кн. I 277
Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), гофмейстер, член ученого комитета Министерства государственных имуществ I 165; II 16
Озеров Сергей Петрович (1809—1884), ген.-лейт., с 1868 г. член Петербургского опекунского совета II 46, 296
Озерова II 71
Оксгольм (Oxholm) Г., фрейлина датской королевы II 378
Ольга Константиновна (род. в 1851 г.), вел. кн., дочь вел. кн. Константина Николаевича, с 1867 г. королева греческая, жена короля Георга I II 202, 203, 216, 218, 278, 279, 339, 525
Ольга Николаевна (1822—1892), вел. кн., вторая дочь Николая I, с 1846 г. принцесса, а с 1864 г. королева Вюртембергская I 57, 73, 79, 92, 102; II 325, 462
Ольга Федоровна (1838—1891), вел. кн., принцесса Баденская, жена вел. кн. Михаила Николаевича I 129, 132, 283; II 43
Ольга (1837—1866), родственница П. А. Валуева I 288; II 74, 90, 94, 95, 457
Ольденбургский Николай Петрович (1840—1886), принц, ген.-лейт., сын принца П. Г. Ольденбургского II 358
Ольденбургский Николай-Фридрих-Петр (1827—1900), вел. герцог Ольденбургский с 1853 г. I 206, 208
Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц, в 1861—1881 гг. главноуправляющий IV отделением с. е. и. в. канц. I 64, 67, 88, 126, 136, 139, 147, 201, 208, 249, 251, 256, 286, 296, 303, 307, 363—366, 393, 421; II 30, 51, 56, 73, 75, 87, 125, 148, 223, 233, 259, 272, 300, 360, 400, 521
Орбелиани Григорий Дмитриевич (1800—1883), кн., с 1857 г. ген.-ад., председатель совета наместника кавказского, с 1860 г. тифлисский ген.-губ., член Государственного совета II 161
Орлов Алексей Федорович (1787—1862), кн., ген.-ад., в 1845—1856 гг. шеф жандармов, в 1856—1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров I 56, 59, 310, 312, 362; II 235, 375
Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), гр. II 504
Орлов Иван Яковлевич (1838—1902), вольнослушатель Казанского университета, участник «Казанского заговора», приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги I 400
Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), кн., ген.-ад., дипломат, в 1860—1870 гг. русский посол в Бельгии, в 1871—1884 гг. во Франции I 70, 143, 272; II 169, 298, 350
Орлова, гр. I 225, 228
Орловы I 294
Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809—1882), гр., камергер, с 1862 г.

петербургский губернский предводитель дворянства, писатель I 78, 91, 258, 260, 265, 267, 270, 275, 276, 297, 306; II 13, 14, 15, 18, 20, 39, 41—43, 48, 75, 107, 109, 111, 116, 118, 129, 152, 167, 185, 194, 197, 226, 231, 233, 248, 267, 339, 441, 442
Орлова-Давыдова Ольга Ивановна (1814—1876), гр., урожд. кн. Барятинская, жена гр. В. П. Орлова-Давыдова I 258, 265; II 99, 167
Орловы-Давыдовы, гр. II 15, 339, 518
Орлова-Денисова Анастасия Григорьевна (умерла в 1876 г.), гр., урожд. кн. Гагарина, жена гр. П. М. Орлова-Денисова II 398
Осинин Иван Терентьевич (1835—1887), с 1864 г. преподавал историю детям Александра II, в 1867 г. исполнял должность начальника петербургских и царскосельских женских гимназий II 25, 26
Остен-Сакен Владимир Дмитриевич, гр., надв. сов., камер-юнкер, чиновник особых поручений при дипломатической канцелярии наместника Царства Польского I 277
Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1790—1881), гр., ген.-ад., ген.-от-кавал., член Государственного совета и Комитета о раненых I 183
Osten, по-видимому, Остен-Сакен, гр. I 248
Островский Александр Николаевич (1823—1886), писатель I 53, 376, 403; II 224
Островский Александр, член Совета управления и председательствующий правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского I 246
Островский Михаил Николаевич (1827—1901), в 1871 г. товарищ государственного контролера, с 1872 г. сенатор, с 1878 г. член Государственного совета, в 1881—1893 гг. министр государственных имуществ II 289
Оссуна и Инфантадо (Оссун) (Ossuna y Infantado), герцог, испанский посол в России I 154, 163; II 28
Оссуна, герцогиня, жена испанского посла в России II 168, 209
Отсолиг Федор Мартынович (1798—1863), тайн. сов., директор медицинского департамента Министерства внутренних дел I 120, 201
Оттон I Фридрих-Людовик (1815—1867), с 1832 г. до 1862 г. греческий король I 193
Оуэн (Овен) Роберт (1771—1858) I 94
Офенгейм, директор Лембергско-Черновицкой ж. д. II 30, 93, 105, 154, 160, 446, 461, 475
Офросимов Михаил Александрович (1797—1868), ген.-от-инф., с 1864 г. по 1866 г. московский ген.-губ., член Государственного совета I 266, 268, 411; II 13—15, 17—19, 65, 71, 402, 403
Очкин Александр Амплиевич, тит. сов., старший чиновник в статс-секретариате Царства Польского II 265, 266
Очкин Амплий Николаевич (1791—1865), журналист, в 1838—1863 гг. редактор «С.-Петербургских ведомостей», в 1863 г. основал газ. «Очерки» I 395

Павел Александрович (1860—1920), вел. кн., младший сын императора Александра II II 382
Павлов Александр Спиридонович, майор, дежурный штаб-офицер при командующем войсками Виленского военного округа I 222
Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель, критик и журналист, основатель «Русских ведомостей», с 1860 г. издавал газ. «Наше время» I 118, 121—123, 157, 373
Павлов Платон Васильевич (1823—1875), профессор Петербургского университета по кафедре всеобщей истории I 57, 151, 382
Павлова Елизавета Константиновна, домашняя учительница, за участие в революционном движении в 1862 г. арестована и сослана в монастырь I 175, 389
Палацкий (Palacky) Франц (1798—

1876), чешский ученый и политический деятель II 207, 488
Пален Константин Иванович (1833—1913), гр., с 1864 г. псковский губернатор, в 1867—1878 гг. министр юстиции I 352; II 25, 39, 40, 73, 153, 179, 180, 202, 223, 226, 228, 233, 261, 264, 270, 273, 274, 283—287, 299, 301—303, 305—307, 312, 316, 318, 323, 325, 337, 349, 351, 352, 361, 367, 373, 416, 423, 435, 480, 506, 514, 521, 524
Пален фон-дер Петр Петрович (1778—1864), гр., ген.-ад., член Государственного совета, член Военного совета Военного министерства, председатель Комитета о раненых I 133, 154, 181, 217, 279, 280, 364
Пален Федор Петрович (1780—1863), гр., действ. тайн. сов., член Государственного совета I 76, 363, 365, 366,
Пален, графиня I 228, 231
Палены II 422
Пальмерстон (Palmerston) Генри-Джон-Темпл (1784—1865), виконт, английский государственный деятель, виг, премьер-министр в 1855—1858 гг. и в 1859—1865 гг. I 248; II 71
Панаев Иван Иванович (1812—1862), писатель и журналист, автор «Литературных воспоминаний», один из редакторов «Современника» II 227
Панин Виктор Никитич (1801—1874), гр., реакционный государственный деятель, член Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, в 1860 г. председатель Редакционных комиссий, министр юстиции с 1841 г. до 1862 г., с 1864 г. по 1867 г. главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канц. I 28, 30, 56, 57, 64, 72, 83, 86—89, 97, 99, 105, 122—126, 130—132, 134—136, 140, 144—147, 149, 151, 153—156, 159, 161, 162, 165, 166, 171, 174, 176, 185, 186, 189, 190, 194, 195, 207, 214, 215, 218, 219, 226, 232, 246, 262—265, 270, 271—277, 279—284, 286—290, 293, 295, 296, 299, 300, 312, 325, 326, 329, 331, 332, 333, 355, 363—366, 370, 393, 417; II 36—41, 51, 53, 58, 73, 74, 78, 81, 89, 90—92, 94, 95, 97, 104, 105, 107—109, 111, 114, 120, 121, 122, 123, 125, 129, 130, 132, 173, 181, 183, 184, 186, 188, 189, 201, 205, 403, 409, 419, 451, 457, 462, 481, 482, 510
Панина Наталья Павловна (1810—1899), урожд. Тизенгаузен, жена гр. В. Н. Панина I 151, 263
Панченко, студент Московского университета в 1831 г. I 369
Панчулидзев Евгений Алексеевич, поручик Нижегородского драгунского полка II 378
Панютин Степан Федорович (1822—1885), тайн. сов. II 389
Панютин Федор Сергеевич (1790—1865), ген.-от-инф., член Государственного совета, с 1856 г. по 1861 г. варшавский военный ген.-губ. I 94
Паскевич-Эриванская Ирина Ивановна, гр., светл. кн. Варшавская I 95; II 300
Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782—1856), гр., светл. кн. Варшавский, ген.-фельдмаршал, с 1832 г. по 1856 г. наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-ой армией I 91, 166, 337; II 355
Паскевич-Эриванский Федор Иванович (род. в 1823 г.), гр., светл. кн. Варшавский, ген.-лейт., сын гр. И. Ф. Паскевича-Эриванского I 61, 66, 70, 74, 129, 146, 178, 215, 257, 267, 348; II 16, 100, 109, 174, 235, 308, 389
Паскевич, княжна I 217
Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), ген.-ад., петербургский обер-полицмейстер I 73, 102, 117, 165, 168, 385
Патти (Patti) Аделина-Мария-Жанна (1843—1919), оперная певица II 293
Пашков Михаил Васильевич (умер в 1863 г.), ген.-лейт., управляющий Департаментом внешней торговли Министерства финансов I 231
Пашкова Мария Трофимовна (1807—1887), урожд. Баранова, жена М. В. Пашкова II 25, 112

Пащенко, студент Московского университета в 1831 г. I 93
Педро II Алькангара (1825—1891), император Бразилии в 1831—1889 гг. II 384—387
Пеньковский Людвиг Камиллович, предводитель дворянства Винницкого у. Подольской губ. I 394
Пеполи (Pepoli) Джоакино-Наполеон (1825—1881), маркиз, итальянский государственный деятель, в 1862—1868 гг. посол в России I 239, 242, 256, 265, 267, 273
Перазио II 85
Перглер-Перглас Максимилиан (Pergler de Perglas), бар., баварский посол в России I 208
Перейра, парижские банкиры I
Перетц Григорий Григорьевич (1812—1883), писатель, в 1860—1862 гг. учитель русского языка и литературы в Мариинском институте, секретный агент III отделения I 384, 385
Перетц Егор Абрамович (1833—1899), помощник государственного секретаря, с 1873 г. управляющий делами Особого присутствия о воинской повинности, с 1878 г. по 1883 г. государственный секретарь I 49, 50; II 327, 349
Перовский Борис Алексеевич (1814—1881), гр., ген.-ад., заведовал конторою «августейших детей» Министерства императорского двора, с 1874 г. член Государственного совета I 308, 359; II 382, 427, 521
Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), гр., ген.-ад., с 1841 г. министр внутренних дел, в 1852 г. министр уделов и управляющий Кабинетом е. и. в. I 245, 362; II 423, 427
Перовский Лев Николаевич (1816—1890), с 1861 г. петербургский вице-губернатор, в 1865—1866 гг. петербургский губернатор, член Совета министра внутренних дел, отец Софьи Перовской II 39, 40, 60, 139, 146
Перцов Александр Петрович (1819—1896), ст. сов., чиновник Министерства внутренних дел, в 50-х гг. пензенский вице-губернатор I 111
Перцов Владимир Петрович, ст. сов., чиновник Департамента общих дел Министерства внутренних дел I 111
Перцов Эраст Петрович (1804—1873), журналист, до 1859 г. редактор «Журнала общеполезных сведений», в 1861 г. арестован за передачу корреспонденции А. И. Герцену, выслан в Новгород I 111, 116, 372, 373
Песляк, мировой посредник Борского у. Уфимской губ. II 476
Петерсон II 260
Петр Великий (1672—1725), с 1689 г. император I 38, 63, 340, 377; II 261, 364, 415, 417, 438
Петр Николаевич (1864—1931), вел. кн., сын вел. кн. Николая Николаевича I 265, 267
Петрашевский. См. Буташевич-Петрашевский
Петров Александр Григорьевич (1803—1887), ст. сов., член Совета Главного управления по делам печати, председатель Петербургского цензурного комитета II 222
Петров Андрей Николаевич (1811—1878), ген.-лейт., с 1877 г. комендант города Павловска II 343
Петров, заключенный Шлиссельбургской крепости II 471
Петров Петр (род. в 1812 г.), студент Московского университета в 1831 г. I 93
Петров А., купец, староста единоверческой церкви в Казани I 276, 277
Петрово-Соловово Григорий Федорович, действ. ст. сов., камергер, чиновник Министерства внутренних дел I 138
Петровский Владимир Алексеевич, студент Петровской земледельческой академии, член «Кружка ишутинцев» II 267
Пидаль, испанский сенатор II 362
Пий IX (1792—1878), римский папа с 1846 г. I 414; II 462
Пиллар фон-Пильхау Анна Карловна (1832—1885), бар., фрейлина императрицы Марии Александровны II 377
Пинский-Карниолини. См. Карниолин-Пинский
Пирогов Николай Иванович (1810—

1881), выдающейся хирург и педагог I 52
Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), революционер-демократ, литературный критик и публицист I 372, 379, 388
Писаревский Николай Григорьевич (умер в 1895 г.), полковник, редактор в 1861—1862 гг. газ. «Русский инвалид», в 1862—1863 гг. «Современное слово» I 372
Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881), писатель I 79, 215
Пито, баронет II 458
Питт Старший Вильям (1708—1778), гр. Чатам с 1766 г., английский государственный деятель I 59
Платер Леон, гр., участник польского восстания 1863 г., расстрелян I 226
Платон (Николай Иванович Городецкий) (1803—1891), архиепископ Рижский и Литовский с 1850 г. по 1867 г., член Синода, в 1867—1877 гг. архиепископ Донской I 164, 178, 203, 222, 270, 279—281, 290, 305, 355, 413 420; II 96, 193, 195, 485, 486
Платонов Александр Платонович (1806—1894), подполковник, в 1841 — 1886 гг. предводитель дворянства Царскосельского у. Петербургской губ. I 42, 213 228, 276, 277, 301, 378; II 73, 92, 125, 458
Платонов Валериан Платонович, тайн. сов., сенатор, товарищ министра ст.-секр. Царства Польского I 70, 75, 83—88, 139, 140, 144, 146, 148, 161, 162, 165—167, 172, 177, 204, 213—215, 220, 232, 234, 243, 245, 246, 253, 257—260, 262, 263, 265, 268, 279, 282, 350; II 61, 66, 111, 171
Плаутин Николай Федорович (1794—1866), ген.-ад., с 1862 г. член Государственного совета, командир отдельного гвардейского корпуса I 118; II 113
Плессен (Plessen) Оттон, бар., с 1849 г. датский посол в России I 274
Плетнев Петр Александрович (1792—1862), профессор, председатель отделения русского языка и словесности Академии наук, с 1840 г. по 1861 г. ректор Петербургского университета, в 1838—1846 гг. редактор «Современника» I 68, 78, 120
Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), реакционный государственный деятель, с 1872 г. член Государственного совета, в 1880—1905 гг. об р-прокурор Синода I 12; II 295, 301, 361, 521
Погануцци, судебный следователь Симбирской губ. II 480
Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, академик, общественный деятель консервативного направления, издатель ж. «Московский вестник» в 1827—1830 гг. и «Москвитятин» в 1841—1856 гг. I 21, 77—79, 94, 96, 368, 369; II 173, 477, 488, 502
Погодины II 415
Погребов Николай Иванович (1817—1879), городской голова Петербургской думы I 174, 233
Позен Михаил Павлович (1798—1871), член Полтавского губернского комитета, член-эксперт Редакционных комиссий I 282, 414
Полиновский Владимир Михайлович (род. в 1836 г.), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. за участие в «Казанском заговоре», отдан по надзор полиции I 400
Половцев Александр Александрович (1832—1910), чиновник 1-го департамента Сената, с 1873 г. сенатор, с 1883 г. по 1893 г. государственный секретарь, секретарь Русского исторического общества, издатель «Русского биографического словаря» I 66; II 348, 350, 372, 454
Половцевы II 298, 322, 334, 365, 368
Полонский Онуфрий, дворянин Витебской губ., в 1863 г. арестован по «Мариенгаузенскому делу» и приговорен к 12 годам каторги I 399
Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт I 275

Полторацкий Николай Михайлович, мировой посредник Новоторжского у. Тверской губ. I 380
Полторанова Александра Андриановна (род. ок. 1816 г.), жена кол. ас., подвергалась аресту за «неблагонадежность» I 389
Поляков Самуил Соломонович (1837—1888), железнодорожный деятель, капиталист II 222, 228, 500
Помяловский Николай Герасимович (1835—1863), писатель I 387, 395, 403
Пономарев, действ. ст. сов. I 231
Поплавский А., исполнял должность предводителя дворянства Проскуровского у. Подольской губ. I 394
Попов Андрей Александрович (1821—1898), адмирал, строитель «поповок», с 1870 г. член Адмиралтейского совета и Отдельного морского технического комитета II 522
Попов Нил Александрович (1833—1891), профессор русской истории Московского университета, член Московского славянского комитета II 488
Попель Маркелл, протоиерей Холмского кафедрального собора, с 1875 г. униатский архиепископ Люблинский I 234
Пороховщиков Александр Александрович (1809—1894), московский купец, член Московского славянского комитета II 385, 386, 392, 395, 397, 527
Порфений, монах I 262
Порфирий (Георгий Иванович Попов) (умер в 1866 г.), архимандрит, профессор Московской духовной академии, настоятель русской посольской церкви в Риме I 279
Посьет Константин Николаевич (1819—1888), ген.-ад., адмирал, в 1874—1888 гг. министр путей сообщения, с 1888 г. член Государственного совета II 312, 313, 367, 386, 521
Потапов Александр Львович (1818—1886), ген.-ад., в 1860—1861 гг. обер-полицмейстер в Москве, в 1861—1864 гг. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением, с 1864 г. по 1868 г. помощник виленского ген.-губ., с 1865 г. по 1868 г. наказной атаман войска Донского, в 1868—1874 гг. губернатор и командующий войсками Северо-западного края, в 1874—1876 гг. шеф жандармов и начальник III отделения I 122, 123, 128, 138, 164, 175, 179, 183—186, 208, 239, 250, 256, 284, 287, 289, 351, 408, 417; II 29, 30, 32, 33, 45, 48, 51, 53, 65, 169, 248—251, 268, 272, 273, 275, 290, 311, 314, 318, 327, 334, 335, 356, 375, 387, 388, 416, 502, 514, 524
Потемкин Никанор Иванович, кол. ас., предводитель дворянства Духовщинского у. Смоленской губ. I 179, 194
Потемкина Татьяна Борисовна (1795—1869), урожд. кн. Голицына I 175, 201, 281; II 25, 26, 40, 97, 200, 265
Потоцкая, гр., урожд. Сапега I 61
Потоцкий Альфред (1817—1889), гр., австрийский государственный деятель, член австрийской палаты и галицийского сейма II 475
Потоцкий Маврикий Александрович, гр., камергер, чиновник особых поручений при наместнике Царства Польского I 79
Похвиснев Михаил Николаевич (1813—1882), действ. ст. сов., губернатор Виленской губ. I 169; II 420
Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929), профессор Петербургского (позже Ленинградского) университета, историк I 7
Пржецлавский Осип Антонович (1809—1879), писатель, член Совета по делам книгопечатания II 454
Прибытков II 113
Притвиц Карл Карлович (1797—1881), ген.-ад., ген.-от-кавал. I 208
Приходько Николай, студент Петербургского университета I 413
Прозоровский-Голицын II 270
Прокопович-Антонский Дмитрий Михайлович (1802—1870), с 1857 г. председатель строительной конторы при Министерстве двора II 32

Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (1834—1907), гр., полковник, командир 2-го эскадрона Кавалергардского полка I 256
Протасова Наталья Дмитриевна, гр., статс-дама императрицы I 200; II 377
Протич Коста (1831—1892), полковник сербской армии, участник сербско-турецкой войны II 524
Протопопов, чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел II 196, 486
Прянишников Федор Иванович (ок. 1792—1867), в 1857—1863 гг. начальник почтового департамента Главного управления почт, член Государственного совета и Комитета министров I 57, 113, 154, 178, 196, 199, 363, 364—366
Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. I 105
Путилин Иван Дмитриевич (1830—1893), надзиратель московской полиции, участвовал в подготовке ряда политических процессов 60-х гг., впоследствии начальник сыскной полиции в Петербурге, I 115, 184, 185
Путята Дмитрий Васильевич, ген.-ад., начальник штаба военно-учебных заведений I 57
Путятин Ефим Васильевич (1803—1883), гр., адмирал, дипломат, в 1861 г. министр народного просвещения, член Государственного совета I 106, 113, 115, 116, 118, 120, 122 — 126, 130, 131, 319; II 521
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) I 18, 20, 38, 91, 99, 340, II 321
Пушкин, гр. См. Мусин-Пушкин
Пущин Николай Иванович, тайн. сов., чиновник Департамента общих дел Министерства внутренних дел, председатель Комиссии по делу о студенческих волнениях в 1861 г. I 121, 123, 265

Раден Эдита Федоровна (1823—1885), бар. I 163; II 93, 110, 132, 186
Радзивиллы, кн. I 272, 282; II 177
Радовиц (Radowitz) Иозеф-Мария (1839—1912), германский дипломат II 377, 379
Разин Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.), предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. I 105
Разумовская Мария Григорьевна (1772—1865,) гр., урожд. кн. Вяземская, в 1-м браке Голицына I 154, 198
Разумовские, гр. II 438
Рамзай Эдуард Андреевич (1799—1877), бар., ген.-ад., ген.-от-инф., командир отдельного Гренадерского корпуса I 205, 206
Ревентло Н., гр., статс-дама, фрейлина датской королевы II 378
Ревертера-Саландра (Revertera Salandra) Фредерик, гр., камергер, советник австрийского посольства в России с 1864 г. I 185, 203; II 91, 459
Регель Эдуард-Август Людвигович (1815—1892), директор Петербургского ботанического сада с 1855 г. I 173
Редерн (Redern) Александр, бар., прусский посол в России с 1862 г. I 201, 209, 235, 254, 276; II 26, 134, 139, 450
Редерс, графиня I 250
Режина (Régina), неаполитанский посол в России с 1848 г. I 172, 175, 185
Режина (Régina), жена неаполитанского посла в России I 172, 185
Рейсс Генрих VII (1825—1906), принц, в 1867—1876 гг. германский посол в России II 139, 191, 278, 290, 297, 298, 322, 327, 328
Рейсс, принцесса Люксембургская, племянница германского посла Рейсса II 306
Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), ст.-секр., член Государственного совета, с 1862 г. по 1878 г. министр финансов I 10, 128, 129, 141, 144, 151, 154—159, 163—165, 169, 172—174, 176, 184, 187, 196—198, 204, 212—215, 218, 220, 226, 228, 232, 233, 236—238, 242, 245, 251, 253, 254, 256, 262, 263, 265, 268, 272, 273, 278, 282, 285, 290, 295, 298, 299, 302, 303 305, 307, 333, 334, 392, 393, 396, 407,

410, 415, 421; II 13, 20, 21, 23, 30—32, 49—51, 67, 69, 70, 71, 76, 79, 81, 96, 97, 99, 104, 121, 123, 124, 127, 129, 132, 135, 148, 149, 151, 153, 160, 161, 178, 179, 181—183, 191, 194, 195, 197, 201, 203, 205, 206, 208, 212, 213, 215—217, 220, 223, 228, 230—232, 245, 246, 248, 259, 261, 263, 264, 268, 285, 295, 299, 300, 304, 311, 323, 331—333, 338, 344, 352, 367, 375, 385, 386, 390—394, 403—406, 408, 409, 413, 415, 418, 419, 451, 453, 454, 457, 460—462, 466, 468, 471—473, 475, 482, 484, 487, 489, 490, 493, 495, 500, 501, 510, 516, 517, 527
Рейтерны II 21
Рекке Эбергард, бар., прусский государственный деятель II 73
Репинский Козьма Григорьевич (1796—1876), тайн. сов., сенатор II 335
Реткин Александр Николаевич, рязанский губернский предводитель дворянства II 96
Ржевский Владимир Константинович (1811—1885), чиновник канцелярии попечителя Московского учебного округа, публицист, впоследствии член Совета Министра внутренних дел, сенатор I 129, 183; II 187
Рибопьер Александр Иванович (1781—1865), гр., обер-камергер, действ. тайн. сов., член Государственного совета I 60, 114, 117, 125, 130, 210, 265, 362—366; II 46
Ригер (Rieger) Франц-Ладислав (род. в 1818 г.), чешский политический деятель II 207, 488
Римская-Корсакова I 154
Ринальди (Rinaldi) Антонио (ок. 1710—1794), архитектор II 444
Ристори (Ristori) Аделаида (род. в 1821 г.), итальянская актриса I 64, 140
Рихтер Александр Александрович (1837—1898), с 1859 г. член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1861—1862 гг. мировой посредник Самарской губ., в 70-х гг. член комиссии по пересмотру системы податей и сборов II 139, 153
Рихтер Елизавета Константиновна, фрейлина вел. кн. Ольги Федоровны I 159
Рихтер Оттон Борисович (1830—1908), полковник, с 1858 г. состоял флиг.-ад. при наследнике I 159
Робин (Robin) I 116
Рогиньский Роман, руководил во время восстания 1863 г. отрядом повстанцев в Литве, арестован в марте 1863 г. и приговорен к каторжным работам I 212
Родзеовский Иосиф Войцехович, предводитель дворянства Литинского у. Подольской губ. I 394
Родионов Тимофей, солдат II 453
Родич Габриэль (1813—1890), генерал австро-венгерской армии, с 1870 г. по 1881 г. ген.-губ. Далмации II 341
Родоконаки Федор, тосканский генеральный консул в России I 139, 261
Родоконаки I 231; II 230, 231
Рождественский Иван Васильевич (1815—1882), протоиерей, член конференции Петербургской духовной академии, главный наблюдатель за преподаванием закона божьего в военно-учебных заведениях I 132, 328; II 77
Розен Андрей Федорович, бар., тайн. сов., I 93
Рой Роб II 343
Рокасовский Платон Иванович (1799—1869), бар., ген.-от-инф., ген.-губ. Финляндии в 1861—1866 гг., член Государственного совета I 126, 208, 363—366, 372
Романовский, кн. См. Лейхтенбергский герцог
Роникёр Эдуард Казимирович, гр., предводитель дворянства Балтского у. Подольской губ. I 281, 394
Ропп (Rooп) Христофор Христофорович (род. в 1831 г.), ген.-от-инф., член Государственного совета II 296
Россель (Russel) Джон (1792—1878), лорд, английский государственный деятель, виг, с 1859 г. по 1865 г. министр иностранных дел I 193, 194, 209, 230, 257, 394
Россет Аркадий Осипович, ген.-майор, непременный член Вре-

менного распорядительного комитета по устройству южных поселений Министерства государственных имуществ I 108, 120
Ростовцев Яков Иванович (1803—1860), ген.-ад., член Главного комитета по крестьянскому делу, в 1859 г. председатель Редакционных комиссий I 27, 57, 58, 121, 207, 282, 312, 347; II 132, 173
Ростовцева Вера Николаевна (1807—1888), гр., урожд. Эмина, жена Я. И. Ростовцева I 105
Ротшильд Джемс (1792—1868), французский банкир I 156, 258, 383, 410
Ротшильды I 410; II 293
Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894), композитор, пианист, в 1859 г. основал Русское музыкальное общество, с 1873 г. директор Петербургской консерватории II 179
Рудзевич Николай Александрович, ген.-лейт., костромской губернатор I 193
Рудницкие I 249
Рудницкий Карл Иванович, действ. ст. сов., директор 2-го департамента Министерства государственных имуществ I 61, 62, 69, 105, 192; II 205, 323, 418
Рунке (Runke), автор книги по истории папства I 121
Рык Антоний (умер в 1874 г.), подпоручик 18-го стрелкового батальона, в 1863 г. арестован по «Мариенгаузенскому делу» и приговорен к 20 годам каторги в рудниках I 399
Рык Имольда (Эмельда) Александровна, в 1863 г. за участие в «Мариенгаузенском деле» выслана в Костромскую губ. под надзор полиции I 281
Рык Мария Александровна, в 1863 г. за участие в «Мариенгаузенском деле» выслана в Костромскую губ. под надзор полиции I 281
Рылеев Александр Михайлович (1830—1907), полковник, флиг.-ад., с 1864 г. по 1881 г. комендант императорской главной квартиры I 171
Рыль Людвиг (умер в 1862 г.), рабочий-литограф, за покушение на жизнь А. Велепольского казнен, I 187
Рышкин Иван, кол. ас., золотопромышленник I 165, 385
Рюмина, в замужестве Мещерская I 254

Сабуров Андрей Иванович (1797—1866), гофмейстер, в 1857—1863 г. директор императорских театров I 309
Савин, городской голова в Осташкове Тверской губ. I 120
Садовский Александр Григорьевич, штабс-ротмистр, исполнял должность подольского губернского предводителя дворянства I 394
Сазиков Павел Игнатьевич (умер в 1868 г.), ювелир I 105; II 193
Сакен. См. Остен-Сакен
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) I 53, 54, 403
Самарин Юрий Федорович (1819—1876), славянофил, общественный деятель, публицист, в 1859—1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий, в 1864 г. участвовал в разработке и проведении реформ в Царстве Польском I 52, 53, 142, 256, 265; II 53, 281, 364, 426, 427, 433, 437, 488, 515
Сафильд (Suffield) II 291
Свечин Владимир Алексеевич, флиг.-ад., полковник II 87, 247
Сеймур Джордж Гамильтон (1796—1880), английский посол в Петербурге в 1851—1854 гг. II 279
Селецкий I 58, 59
Селиверстов Николай Дмитриевич, ген.-лейт. II 323, 351
Селифонтов Николай Иванович (1836—1900), тайн. сов., сенатор, в 1872—1880 гг. и в 1885—1889 гг. товарищ министра путей сообщения II 279
Семевский Михаил Иванович (1837—1892), либеральный историк, публицист, с 1870 г. редактор-издатель «Русской старины» I 367
Семенов Николай Петрович (1823—1904), действ. ст. сов., член Редакционных комиссий, обер-прокурор II отделения Сената I 146, 369
Семякин Константин Романович (1802—1867), ген.-от-инф., коман-

дующий войсками Кавказского военного округа II 110
Сен-Симон Анри-Клод де Рувруа (1760—1825) I 94
Сенявин Лев Григорьевич (1805—1862), тайн. сов., сенатор, состоял в ведомстве Министерства иностранных дел I 363—366
Сераковский (Доленго) Сигизмунд Игнатьевич (1826—1863), революционер, участник польского национально-освободительного движения, сотрудник «Современника», капитан Генерального штаба, военный писатель I 222, 403
Сергеев Александр Семенович (род. в 1835 г.), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. по делу о «Казанском заговоре», отдан под надзор полиции I 400
Сергей Александрович (1857—1905), вел. кн., сын императора Александра II II 454
Серебряков, генерал II 75
Сержпутовский Иосиф Адамович (умер в 1900 г.), полковник, адъютант вел. кн. Константина Николаевича I 188
Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838—1869), революционер-демократ, публицист, участник I Интернационала I 384
Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер-демократ, сотрудник «Современника», один из организаторов общества «Земля и Воля», в 1862 г. арестован и приговорен к 12 г. каторги I 183, 384, 387, 391
Серов II 195
Сиверс Эммануил Карлович, гр., тайн. сов., директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел I 103, 163, 174, 177—179, 181, 185; II 57
Сиверсы II 422
Сивков Алексей Дмитриевич (1813—1880), действ. ст. сов., управляющий императорскими заводами и член Кабинета е. и. в. I 118; II 357, 520
Силуянов, певец I 248
Сильванд Осип Яковлевич, студент Петербургского университета, участник «Казанского заговора» I 400
Симунд. См. Зимунд
Синегуб Сергей Силович (1851—1907), революционер-народник, член петербургского «Кружка чайковцев», впоследствии заключен в Шлиссельбургскую крепость II 514
Синельников Николай Петрович (1805—1894), в 1860—1864 гг. генерал-интендант 1-ой армии в Царстве Польском, а затем главноуправляющий тюрьмами в России, в 1871—1874 гг. ген.-губ. Восточной Сибири II 50, 245, 247
Синельникова I 58, 59
Скарятин Александр Яковлевич (1815—1884), ст. сов., камер-юнкер, состоял при русском посольстве в Италии, I 17, 123, 181, 285, 289, 291, 307; II 29, 91, 111, 114, 127, 174, 184, 190, 221, 266, 267
Скарятин Николай Яковлевич, ст. сов., губернский предводитель дворянства Курской губ., в 1867—1880 гг. казанский губернатор I 219
Скарятина, II 29, 34, 39, 74
Скарятины II 79, 85, 227, 235, 262
Скибневский Людомир Викторович, кол. секр., предводитель дворянства Летичевского у. Подольской губ. I 394
Скрипицын Валерий Валериевич (1799—1874), тайн. сов., директор Департамента духовных дел Министерства внутренних дел в 1845 г. II 424
Слезкин Иван Львович (1815—1882), ген.-лейт., начальник Московского губернского жандармского управления II 317, 515
Слепцов Павел Николаевич (1825—1882), ген.-майор, временно исполнял обязанности градоначальника Петербурга в 1867 г. II 210
Случевский, по-видимому, Леонтий Константинович, майор II 372
Смирнов Павел Васильевич (род. ок. 1834 г.), студент Петербургского университета, заключенный в Шлиссельбургскую крепость II 471
Смирновы I 164, 267
Снарский Феликс, заключенный Шлиссельбургской крепости II 471

Снытко Трифон Галактионович, советский историк II 525
Собанский Казимир Герон, кол. секр., предводитель дворянства Ольгопольского у. Подольской губ. I 394
Собанский Феликс-Людвиг, тит. сов., предводитель дворянства Брацлавского у. Подольской губ. I 394
Собесский Ян (1624—1696), польский король с 1674 г. I 38, 340
Собещанский Игнатий Фомич, ст. сов., чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел I 111—113, 146, 323
Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), библиограф, библиофил, автор эпиграмм II 501
Соколовский, судебный следователь Симбирской губ. II 480
Соколовский II 341
Солдатенков, по-видимому, Козьма Терентьевич (1818—1901), московский книгоиздатель I 219
Солнцев (Солнцов) Семен Александрович, изюмский предводитель дворянства Харьковской губ. с 1865 г. II 483
Соловово. См. Петрово-Соловово
Соловьев Александр Константинович (1846—1879), революционер-народник, за покушение на жизнь Александра II казнен I 47, 392
Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор Московского университета I 125; II 441
Соловьев Яков Александрович (1820—1876), деятель крестьянской реформы, с 1857 г. руководил Земским отделом Министерства внутренних дел, в 1864 г. член Учредительного комитета по крестьянскому делу в Царстве Польском, позднее сенатор I 135, 152, 197, 224, 246, 248, 317, 398; II 172, 173, 495
Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882), гр., поэт, писатель, служил в Министерстве внутренних дел I 78
Соломирский Владимир Дмитриевич, камер-юнкер при Министерстве внутренних дел II 107
Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910), ст. сов., старший чиновник II отделения с. е. и. в. канц., с 1867 г. государственный секретарь, с 1878 г. по 1889 г. государственный контролер и член Государственного совета I 273, 276, 352, 413; II 160, 201, 204, 205, 239, 248, 257, 287, 304, 305, 308, 327, 349, 370, 390, 474
Софиано Петр Христофорович, действ. ст. сов., в 1861—1862 гг. управляющий дипломатической канцелярией наместника Царства Польского I 94
Спасович Владимир Данилович (1829—1906), буржуазный юрист, в 1857—1861 гг. профессор уголовного права Петербургского университета, выступал адвокатом в ряде крупных политических процессов 70-х гг. I 376
Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), гр., государственный деятель I 18, 76, 125, 127, 181, 357, 374; II 335, 517
Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), филолог, славист, с 1847 г. профессор Петербургского университета, впоследствии академик I 377
Стааль Амалия Карловна, фрейлина императрицы Марии Александровны I 159; II 128, 218
Станкевич Ромуальд Ильич (1837—1864), подпоручик 4-го резервного батальона Азовского пехотного полка, участник «Казанского заговора», арестован и расстрелян в 1864 г. I 286
Старжинский Виктор Матвеевич (умер в 1882 г.), гр., с 1861 г. исполнял должность предводителя дворянства Гродненской губ., в 1863 г. арестован, в 1864—1865 гг. заключен в Бобруйскую крепость, до 1874 г. находился в ссылке в Воронежской губ. I 111, 112, 116, 146, 168, 169, 230, 231, 324, 345, 346, 404, 405
Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), профессор Петербургского университета, либеральный историк и публицист, с 1865 г. по 1908 г. издатель и редактор ж. «Вестник Европы» I 51, 376
Стенбок-Фермор Алексей Алексан-

дрович, гр., помещик Пермской губ. I 286
Стенбок Юлий Иванович (1812—1870), гр., действ. ст. сов., камергер, чиновник департамента уделов Министерства императорского двора I 69, 82, 285; II 14, 178, 186, 363
Степанов Дмитрий Тимофеевич (род.ок. 1839 г.), отставной штабс-капитан, член «Земли и Воли», арестован в 1863 г. по «Мариенгаузенскому делу», приговорен к 12 годам каторги I 399
Стецкий, дворянин, помещик I 211
Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822—1899), ген.-от-артил. II 355
Столыпин-Монго Алексей Аркадьевич, член «Кружка 16-ти» I 18
Столыпина (Stolipina) Мария Алексеевна (1822—1893), урожд. Сверчкова, жена Н. А. Столыпина I 159
Стороженко Алексей Петрович (1805—1874), украинский писатель, чиновник особых поручений при министре внутренних дел I 109, 112, 124
Стояновский Николай Иванович (1820—1900), в 1862—1867 гг. товарищ министра юстиции, с 1867 г. сенатор Уголовного кассационного департамента, с 1875 г. член Государственного совета II 51, 179, 315, 329, 338, 451, 462, 521
Страхов Николай Николаевич (1828—1896), философ, критик, публицист, сотрудничал в ж. «Время» в 1861—1863 гг., в в 1864—1865 гг. в ж. «Эпоха» I 403
Стремоухов Петр Дмитриевич (род. в 1828 г.), надв. сов., член Совета Главного управления по делам печати, предводитель дворянства Нижегородской губ. I 119
Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885), тайн. сов., в 1864—1875 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел II 53, 55, 222, 229, 235, 368, 452
Строганов Александр Григорьевич (1795—1891), гр., ген.-ад., ген.-от-артил., новороссийский и бессарабский ген.-губ., член Государственного совета I 363—366; II 97, 405, 406, 459
Строганов Григорий Александрович (1824—1878), гр., шталмейстер, муж вел. кн. Марии Николаевны II 208, 264, 337, 339, 359
Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), гр., ген.-ад., член Государственного совета, сенатор, с 1835 г. по 1847 г. попечитель Московского учебного округа, в 1863—1865 гг. председатель Комитета железных дорог I 63, 66, 67, 69, 72, 83—89, 97—99, 101, 102, 104, 119, 121, 124, 125, 126, 130, 131, 139, 176, 201, 203—205, 207, 210, 211, 212, 256, 315, 367, 368, 370, 398; II 34, 93, 97, 99, 104, 113, 124, 154, 160, 193, 209, 225, 232, 263—265, 268, 283, 397, 461, 484, 493, 501
Строганов, гр., пермский землевладелец I 285
Строганова Юлия Петровна (1782—1864), гр., урожд. гр. д'Альмейда-Ойенгаузен I 299
Струве, полковник II 329
Струков, по-видимому, Петр Ананьевич, ген.-майор, предводитель дворянства Екатеринославской губ., II 294
Стэнли II 291
Стюрлер Александр Николаевич (1825—1901), ген.-майор свиты, командир л.-гв. Уланского полка I 206
Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист, писатель, издатель газ. «Новое время» II 391
Суворов Александр Васильевич (1730—1800) II 450
Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), ген.-ад., член Государственного совета, с 1848 г. по 1861 г. прибалтийский ген-губ., в 1861—1866 гг. ген.-губ. Петербурга, с 1866 г. ген.-инспектор пехоты I 29, 69, 71, 76, 82, 88, 92, 104, 115, 117, 122, 125, 129, 130, 133, 139, 152, 159, 163—165, 168, 171, 173, 174, 177, 178, 180, 183, 185, 186, 189, 192, 197, 210, 211, 226, 228, 233, 239, 254, 270, 273, 279, 280, 296, 297, 304—306,

325, 329, 344, 358, 384, 387, 388, 391, 407, 409; II 14, 18, 31, 33, 38, 42, 43, 49, 59, 60, 71, 92, 99, 107—109, 112, 113, 120, 121, 138, 158, 190, 221, 224, 232, 259, 301, 323, 330, 356, 427, 428, 431, 450, 465, 521

Суворова Любовь Васильевна (1811—1867), урожд. Ярцова, жена А. А. Суворова II 221

Сулла Луций Корнелий (135—78 до н. э.), римский диктатор I 29, 259

Сулятицкий Януарий Калацер, кол. рег., предводитель дворянства Могилевского у. Подольской губ. I 394

Сумароков Сергей Павлович (1791—1875), гр., ген.-ад., с 1856 г. член Государственного совета и Комитета о раненых I 140, 156, 208, 211, 213, 363—366; II 71, 113, 389, 390

Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820—1877), гр., ген.-ад., с 1875 г. по 1877 г. командующий войсками Харьковского военного округа II 380

Сусанин Иван Осипович (погиб в 1613 г.) II 115

Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), ген.-ад., военный министр с 1856 г. по 1861 г., член Государственного совета I 57, 75, 95, 118, 126, 127, 250, 315, 338, 363—366, 373, 374

Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк литературы умеренно-либерального направления, с 1860 г. профессор Петербургского университета, с 1872 г. академик I 133

Суццо (Soutzos), кн., греческий посол в России с 1859 г. I 247

Суццо (Soutzos), кн., жена греческого посла в России I 247

Сэй (Say) Жан-Батист (1767—1832), французский экономист I 121

Талейран Перигор (Talleyrand) Шарль (1813—1896), бар., французский дипломат, посол в России с 1864 г. до 1869 г. I 299; II 21, 27, 28, 51, 57, 61, 62, 76, 78, 127, 134, 144, 200, 420

Талейран, бар., жена французского посла в России II 27

Тамберлик Энрико (1820—1888), итальянский певец, тенор, I 195, 206, 273

Танеев Александр Сергеевич (1785—1866), действ. тайн. сов., ст.-секр., с 1831 г. по 1865 г. управляющий I отделением с. е. и. в. канц., член Государственного совета, сенатор I 59, 141, 185, 363—366

Танеев Сергей Александрович (1821—1889), действ. ст. сов., старший чиновник, с 1865 г. управляющий I отделением с. е. и. в. канц. I 146; II 75

Тарасенко-Отришков, банкир II 67

Татаринов Валериан Алексеевич (1816—1871), ст.-секр., тайн. сов., с 1863 г. государственный контролер I 200, 227, 228, 271, 287, 307, 398, 421; II 76, 112, 153, 176, 192, 201, 208, 213, 264, 306, 460, 462, 466, 495

Тенгоборский Юлий Людвигович (умер в 1877 г.), действ. ст. сов., в 1863—1864 гг. директор дипломатической канцелярии наместника Царства Польского I 217, 234; II 163

Терентьев Петр Герасимович, чиновник II отделения с. е. и. в. канц. II 335

Терминская Моника (род. в 1850 г.), пианистка, одна из учениц А. Г. Рубинштейна II 179

Тернер Федор Петрович, секретарь совета Русского географического общества I 96, 135

Tessier, французская актриса II 38

Тило Адольф, купец, член Рижского мануфактурного совета I 195

Тимашев Александр Егорович (1818—1893), ген.-ад., ген.-от-кавал., с 1856 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением, в 1861 г. временный ген.-губ. Казанской губ., с 1867 г. по 1868 г. министр почт и телеграфа, с 1868 г. по 1877 г. министр внутренних дел I 44, 89, 95—97, 117, 171, 173, 175, 178, 224, 243, 286, 289, 290—292, 294, 295, 330, 351, 356; II 16, 17, 18, 20, 110, 134, 227, 235, 247, 248, 250—255, 258—260, 262, 265, 267, 268, 272—275, 278, 279, 283, 285,

286, 289, 290—292, 298—300, 302—305, 308—312, 316, 318, 323, 325, 327, 330, 334, 338—339, 351—353, 356, 357, 360, 361, 364, 365, 367, 373, 387, 388, 392, 394, 395, 399, 419, 503—505, 510, 512, 513, 521, 524, 525
Тимашева Екатерина Александровна, урожд. Пашкова, жена А. Е. Тимашева II 261
Тимашевы II 327
Титов Владимир Павлович (1803—1891), член Государственного совета, посол в Константинополе, воспитатель вел. кн. Николая Александровича, посол в Штутгарте в 1860—1865 гг., позднее чиновник министерства иностранных дел I 148, 163; II 76, 163, 235, 345, 397, 398, 521
Титовы II 24
Тихомандрицкий Александр Никитич (1808—1888), член Совета по делам книгопечатания в 1865 г., с 1873 г. член ученого комитета министерства народного просвещения и член Главного управления цензуры, II 454
Тициан Вечеллио (Tiziano) (ок. 1477—1576), итальянский художник I 159
Токарев Владимир Николаевич, уполномоченный Общества попечения о раненых и больных воинах в Сербии в 1876 г. II 389
Токарев II 295
Токарский Киприан, австрийский подданный I 97
Токвиль (Tosqueville) Алексис-Шарль-Анри-Морис (1805—1859), гр., французский реакционный политический деятель, историк, публицист I 76, 285, 415
Толмачева София Афанасьевна (умерла в 1872 г.), фрейлина императрицы Марии Александровны I 278
Толстая Александра Андреевна (1817—1904), гр., фрейлина вел. кн. Марии Николаевны II 94, 225
Толстая, гр. I 168, 417
Толстой Александр Петрович (1801—1867), гр., ген.-лейт., в 1856—1862 гг. обер-прокурор Синода I 128, 131, 173
Толстой Алексей Константинович (1817—1875), поэт и драматург I 41, 42; II 102, 181, 190, 224, 234, 261
Толстой Алексей Николаевич (умер в 1874 г.), майор, член Тверского губернского по крестьянским делам присутствия I 145
Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), гр., реакционный государственный деятель, в 1861 г. исполнял должность директора Департамента народного просвещения, сенатор, с 1865 г. до 1880 г. обер-прокурор Синода и одновременно с 1866 г. по 1880 г. министр народного просвещения, с 1882 г. министр внутренних дел I 42, 128, 130, 131, 289, 417; II 52, 77, 79, 119, 120, 122, 124, 130, 133, 157, 158, 160, 169, 190, 193, 195, 196, 206, 211, 223, 226, 229, 233, 250, 254, 284—287, 289, 290, 293, 294, 300, 301, 310, 322, 323, 363, 367, 380, 383, 385, 386, 427, 462, 474, 500, 505, 506, 509, 513, 515, 521
Толстой Иван Матвеевич (1806—1867), сенатор, товарищ министра иностранных дел, с 1863 г. руководил почтовым департаментом Главного управления почт, в 1865—1867 гг. министр почт и телеграфа I 73, 91, 120, 142, 153, 176, 178, 191, 200, 224, 233, 238, 265, 270, 290, 307, 410, 421; II 69, 105, 176, 177, 186
Толстой Лев Николаевич (1828—1910) I 53; II 245
Толстой Николай Матвеевич (1802—1879), флиг.-ад. с 1868 г. II 270
Толстой Феофил Матвеевич (1809—1881), музыкальный критик, композитор, с 1850 г. сотрудничал в «Северной пчеле», «Голосе», «Московских ведомостях», член Совета Главного управления по делам печати II 53, 115, 454, 463, 484
Толстой Юрий Васильевич (1824—1878), сенатор, товарищ обер-прокурора Синода II 344
Толь, урожд. Толстая, дочь Д. А. Толстого II 341
Топильский Михаил Иванович (1809—1873), тайн. сов., сенатор I 184
Торнау Федор Федорович (1812—1882), бар., сенатор, член Госу-

дарственного совета, исследователь мусульманского законодательства II 315
Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), гр., ген.-ад., участник обороны Севастополя, директор Инженерного департамента Военного министерства, в 1877 г. руководил осадой Плевны, в 1879—1880 гг. вр. ген.-губ. Одессы I 95, 237, 421; II 30, 147, 309, 408, 461, 465, 475, 512
Трепов Федор Федорович (1803—1889), генерал, варшавский обер-полицмейстер, в 1868—1878 гг. градоначальник Петербурга I 259, 282; II 119, 144, 151, 153, 205, 210, 211, 291, 296, 309, 328, 340, 342, 353, 354—356, 360, 482, 520
Трихов, прусский полковник II 161
Тройницкие II 21, 230
Тройницкий Александр Григорьевич (1807—1871), председатель Центрального статистического комитета, сенатор, с 1861 г. по 1867 г. товарищ министра внутренних дел, с 1867 г. член Государственного совета I 129, 152, 158, 174, 185, 200, 215, 224, 239, 250, 251, 264, 279, 297, 302, 309, 352, 420; II 32, 74, 87, 129, 143, 186, 189, 190, 192—194, 225, 261, 445, 467
Трубецкая Елизавета Эсперовна (1830—1907), кн., урожд. кн. Белосельская-Белозерская I 299
Трубецкая, кн. II 87, 99, 101, 208, 225, 226, 243, 244, 262, 269
Трубецкая, кн., урожд. кн. Кочубей I 288; II 341
Трубецкие II 226
Трубецкой Александр Петрович, кн., подполковник, губернский предводитель дворянства Харьковской губ. I 225
Тун-Гогенштейн (Thun Hohenstein) Фридрих (1810—1881), гр., австрийский государственный деятель, с 1859 г. по 1863 г. посол в России I 140
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) I 53, 393
Тургенев Михаил Борисович (род. в 1828 г.), самарский губернский предводитель дворянства II 189
Турунов Михаил Николаевич (1813—1890), действ. ст. сов., председатель Петербургского цензурного комитета, член Совета министра внутренних дел I 164, 169, 185, 223, 251; II 454, 463, 466
Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), ген.-ад., московский ген.-губ., член Государственного совета I 139, 266, 376
Тучкова Маргарита Михайловна (1781—1852), урожд. Нарышкина, впоследствии инокиня Мария, основательница Спасо-Бородинского монастыря II 156, 474
Тымовский Иосиф Игнатьевич (1791—1871), министр ст.-секр. Царства Польского, член Совета управления Царства Польского, член Департамента дел Царства Польского Государственного совета I 69—71, 75, 83—87, 89, 113, 129, 134, 161, 165, 167, 172, 363—366
Тышкевич Викентий Доминицианович, ст. сов., камергер, чиновник особых поручений при наместнике Царства Польского I 108, 114, 115, 117, 120, 135; II 141
Тышкевич Фаддей I 321
Тышкевич, графиня II 333
Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт, председатель Комитета иностранной цензуры в Министерстве внутренних дел I 42, 78, 79, 94, 120, 130, 161, 210, 215, 290; II 206, 463
Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина императрицы Марии Александровны, жена И. С. Аксакова I 241, 262; II 73, 94

Уайненс, американский капиталист II 500
Убри Павел Петрович (1820—1896), действ. ст. сов., камергер, с 1856 г. советник русского посольства в Париже, с 1863 г. по 1879 г. русский посол в Пруссии и в Германии I 214; II 26, 365
Ульман Карл Христианович, лютеранский епископ, вице-президент евангелическо-лютеранской генеральной консистории I 328

Ульяновский Игнатий, помещик Люцинского у. Витебской губ., арестован в 1863 г. по «Мариенгаузенскому делу» и приговорен к каторжным работам на 12 лет I 399
Унгерн-Штернберг Карл Карлович (умер в 1872 г.), бар., субсидировавший строительство ж. д. Кишиневской, Балто-Елисаветградской, Елисаветград-Кременчугской, Кременчуго-Харьковской II 27, 75, 445
Унгерн-Штернберг Константин Константинович, бар., камергер I 161, 195, 257, 421
Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), либеральный общественный деятель, предводитель дворянства Тверской губ. в 1857—1859 гг., в 1860 г. сослан в Вятку, с 1861 г. адвокат I 234, 417; II 313
Унковский Иван Семенович (умер в 1886 г.), контр-адмирал свиты, губернатор Ярославской губ., впоследствии адмирал, сенатор I 350
Урусов Павел Александрович, кн., ген.-лейт. I 91
Урусов Петр Александрович, кн., действ. ст. сов., камергер, управляющий палатой государственных имуществ Киевской губ. I 219, 421
Урусов Сергей Николаевич (1816—1883), кн., действ. ст. сов., камергер, ст.-секр., директор Духовного учебного управления при Синоде и член Главного управления цензуры со стороны духовного ведомства, с 1865 г. государственный секретарь, в 1867—1881 гг. главноуправляющий II отделения с. е. и. в. канц. I 12, 50, 107, 108, 203, 212, 239, 250, 270, 276, 281, 293, 304—307, 352, 355, 413; II 12, 18, 26, 27, 73, 77, 89, 90, 114, 116, 122, 149, 151, 180, 181, 200, 201, 203, 206, 218, 223, 228, 229, 233, 261, 272, 273, 275, 283, 285, 300—302, 306, 316, 325—327, 329, 331, 334, 335, 338, 349, 352, 357, 359, 361, 370, 373, 398, 503, 521, 524
Утин Борис Исаакович (1832—1872), юрист, профессор Петербургского университета до 1861 г., затем занимал должность члена петербургской судебной палаты I 376
Утин Исаак Осипович (1812—1876), надв. сов., банкир II 113
Утин Николай Иссакович (1841—1883), революционер-демократ, в 1861 г. участвовал в студенческом движении, член общества «Земля и Воля», деятель Русской секции I Интернационала, позднее отошел от политической деятельности I 116
Ушаков Яков Афанасьевич, поручик 17-го стрелкового батальона, за распространение революционных прокламаций в 1862 г. был арестован и сослан на 4 года на каторгу I 175, 388
Ухтомский Эспер Алексеевич, кн., капитан-лейт., адъютант вел. кн. Константина Николаевича I 180

Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), ген.-майор, военный писатель, реакционный публицист II 385, 386, 389, 526
Фаминцын Андрей Сергеевич (1835—1918), физиолог-ботаник, с 1861 г. преподаватель, затем профессор Петербургского университета и Медико-хирургической академии, позднее академик I 376
Фарнгаген (Varnhagen) Карл-Август (1785—1858), немецкий дипломат и писатель I 156, 383
Федоров Михаил Павлович, кол. рег., предводитель дворянства Алексинского у. Тульской губ I 189
Фейхтнер, офицер гв. Гусарского полка II 378
Фелинский Сигизмунд-Феликс (1822—1895), участник польского национально-освободительного движения, с 1855 г. профессор римско-католической духовной академии в Петербурге, с 1862 г. архиепископ Варшавский, с 1863 г. до 1883 г. был в ссылке в Ярославле I 129, 139, 140, 146, 170, 171, 220, 227, 228, 231, 274, 402, 405
Фелькерзам, по-видимому, Георгий Валерианович, бар., кол. секр., состоял при министре внутренних дел II 180

Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898), реакционный публицист, с 1863 г. чиновник особых поручений при министре народного просвещения, в 1871—1882 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения», в 1883—1896 гг. начальник Главного управления по делам печати I 244
Ферзен Павел Карлович (1800—1884), гр., тайн. сов., с 1860 г. обер-егермейстер, управляющий егермейстерской частью Министерства императорского двора I 156; II 32, 195
Фиалковский Антон Мельхиор, до 1862 г. католический архиепископ Варшавский I 73, 74, 221
Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), митрополит Московский и Коломенский, член Синода I 68, 127, 128, 285, 290, 293, 304, 359; II 28, 224, 423
Филипп II (1527—1598), испанский король с 1555 г. I 320
Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), чиновник государственного контроля, публицист II 391
Филипсон Григорий Иванович (1809—1883), ген.-лейт., сенатор, в 1861—1862 гг. попечитель Петербургского учебного округа I 117
Философов Алексей Илларионович (1799—1874), ген.-ад., ген.-от-артил., член Комитета о раненых I 173
Филофей (Тимофей Григорьевич Успенский) (1808—1882), с 1857 г. архиепископ Тверской и Кашинский, член Синода, с 1876 г. митрополит Киевский I 203, 413
Фильдинг, лондонский купец II 458
Фиркс Федор Иванович (Шедо-Ферроти) (1812—1872), бар., реакционный публицист, пасквилянт, служил чиновником особых поручений в Министерстве финансов I 143, 296, 298, 378, 419; II 413, 441
Фиш Гамильтон (Fish) (1808—1893), государственный секретарь II 278, 504
Фландрский, гр. II 102
Флек (Fleck), актер II 369, 370
Флери (Fleury) Эмиль-Феликс (1815—1884), гр., генерал, французский посол в России с 1870 г. II 274
Фокс, американский морской офицер II 146
Фольни (Volnis), французская актриса I 204
Фортунатов, по-видимому, Василий Иванович (ок. 1813—1877), священник, духовник П. А. Валуева I 142
Фраен (Frahen) II 267
Франкини Виктор Антонович (1820—1892), ген.-майор, начальник военногорского управления Кавказского военного округа II 316
Франц-Иосиф (1830—1916), австрийский император с 1848 г. I 69, 196, 406; II 295—299, 524
Франциск II Мария-Леопольд (1836—1894), король Обеих Сицилий, низложен в 1860 г. I 69, 74, 367
Фредро (Fredro) Александр (1793—1876), гр., польский писатель II 17
Фредро Максимилиан Максимилианович, гр., тит. сов., камер-юнкер, состоял при статс-секретариате Царства Польского I 75, 89
Френкель Александр Семенович, студент Петербургского университета, участник волнений 1861 г., выслан под надзор полиции I 116
Френкель, варшавский банкир II 50, 67, 68, 70, 85, 106, 403, 454, 455
Фридрих-Вильгельм (1831—1888), кронпринц германский, сын Вильгельма I, с 1888 г. германский император Фридрих III II 158, 292, 475, 507
Фридрих VII (1808—1863), датский король с 1848 г. I 415
Фриш Эдуард Васильевич (1833—1907), сенатор, в 1876—1883 гг. товарищ министра юстиции, член Государственного совета II 370
Фроман, лютеранский пастор I 201
Фукс Виктор Яковлевич (1829—1891), чиновник особых поручений при министре внутренних дел, член Главного управления по делам печати, в 1871 г. председатель Варшавского цензурного комитета II 112, 313, 413, 454, 456, 463

Фундуклей Иван Иванович (1804—1880), действ. тайн. сов., с 1867 г. член Государственного совета, с 1865 г. вице-президент Государственного совета Царства Польского II 315, 521
Фурье Шарль (1772—1837) I 94

Халиль-бей, турецкий посол в России с 1861 г. I 184, 212; II 12, 442
Харламов Николай Петрович (1831—1889), капитан-лейт., мировой посредник Вышневолоцкого у. Тверской губ. I 380
Хелминский Игнатий Матвеевич, кол. секр., предводитель дворянства Ушицкого у. Подольской губ. I 394
Хитрово Захар Алексеевич (1807—1876), обер-церемониймейстер двора II 22, 110
Хитровы I 202, 271
Ходнев Алексей Иванович (1818—1883), с 1860 г. секретарь Вольного экономического общества II 75
Хоминский Станислав Фаддеевич, ген.-майор, ковенский губернатор, в 1862—1879 гг. вологодский губернатор I 108, 110
Хрептович Елена Карловна, гр., урожд. Нессельроде, жена гр. М. И. Хрептовича I 88, 95, 165
Хрептович Михаил Иринеевич (1809—1891), гр., тайн. сов., состоял в Министерстве иностранных дел, с 1863 г. обер-гофмейстер и управляющий двором вел. кн. Константина Николаевича I 88, 103, 164, 165, 277, 278; II 22, 96, 99, 103, 111, 114, 180, 191, 197, 279, 330, 362
Христиан IX (1818—1906), датский король с 1863 г. II 377, 525
Христиан - Фридрих - Вильгельм - Карл (1843—1912), сын датского короля Христиана IX, с 1906 г. король Дании Фридрих VIII II 292, 507
Христина (1632—1654), королева Швеции I 383
Хрулев Степан Александрович (1807—1870), ген.-лейт., участник обороны Севастополя, в 1861 г. командир 2-го армейского корпуса I 193
Хрущов Александр Петрович, полковник, скопинский уездный предводитель дворянства Рязанской губ. II 96
Хрущов Александр Петрович (1806—1875), ген.-ад., с 1863 г. начальник Люблинского военного отдела, в 1866—1874 гг. ген.-губ. Западной Сибири и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа II 29, 30, 32, 33, 153, 179
Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), сенатор, в 1856—1857 гг. товарищ министра государственных имуществ I 93—95, 369
Худяков Иван Александрович (умер в 1876 г.), революционер, член «Кружка ишутинцев», писатель и собиратель русских сказок II 465, 471

Цеэ Василий Андреевич (1821—1906), тайн. сов. председатель Петербургского цензурного комитета, с 1863 г. сенатор I 196, 203, 206, 215, 226

Чаадаев Михаил Яковлевич помещик Ардатовского у. Нижегородской губ. I 107
Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) I 20
Чаглаков II 146
Чатам (Chatham). См. Питт
Чебыкин Порфирий Васильевич (1813—1869), с 1864 г. ген.-майор, в 1867—1868 гг. тобольский губернатор II 60
Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), ген.-ад., ген.-от-инф., с 1853 г. по 1862 г. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, в 1863—1872 гг. председатель Департамента экономии Государственного совета, в 1872 г. председатель Комитета по делам Царства Польского I 28, 56, 57, 72, 85—87, 96—99, 105, 106, 108, 118—120, 129, 131—133, 135, 136, 139, 140, 145, 146, 150, 151, 153—156, 159, 161, 163, 165, 169, 170, 173, 174, 176, 178, 183, 186, 191—194, 244, 250, 251, 260, 262, 263, 265, 268, 272, 286, 287, 302, 306, 307, 313, 329, 332, 336, 363—366, 408, 413, 417, 421; II 11, 13, 21, 30,

31, 47, 48, 66, 67, 70, 72, 76, 85, 89, 99, 104, 105, 154, 158, 164, 176, 183, 184, 192, 223, 228, 245, 246, 259, 263, 264, 283, 381, 408, 410, 419, 451, 457, 460—462, 474, 475, 495
Чевкины II 21
Чемодуров Яков Яковлевич (1823—1888), с 1866 г. прокурор Петербургской судебной палаты, позднее до 1868 г. председатель Петербургской судебной палаты II 169
Червинский Сигизмунд Юльевич, кол. рег., предводитель дворянства Каменецкого у. Подольской губ. I 394
Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), кн., общественный деятель умеренно-либерального направления, член-эксперт Редакционных комиссий, в 1864—1866 гг. главный директор, председательствующий в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского I 38, 53, 203, 256, 265, 313, 369, 375; II 72, 170—173, 175, 199, 205, 206, 281, 396
Чернышев Александр Иванович (1786—1857), светл. кн., участник Отечественной войны 1812 г., с 1828 г. по 1852 г. военный министр, член Государственного совета I 242, 362
Чернышев Павел Феоктистович (умер в 1876 г.), студент Медико-хирургической академии, организатор народнических кружков, участник «хождения в народ» II 519
Чернышев-Кругликов II 24
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) I 5, 7, 37, 183, 370, 372, 379, 384, 386—388, 391, 392; II 448
Черняев Михаил Григорьевич (1826—1898), ген.-майор, участник завоевания Средней Азии, ген.-губернатор Туркестанской области, в 1866 г. вышел в отставку, с 1875 г. по 1876 г. редактор-издатель реакционной газ. «Русский мир», в 1876 г. командующий Главной сербской армией II 60, 100, 365, 374, 375, 383—385, 388, 390, 391, 393, 395, 397, 453, 460, 493, 523
Черняк Михаил Андреевич, поручик Одесского пехотного полка, за участие в «Казанском заговоре» арестован в 1864 г., в 1865 г. расстрелян I 400
Чертков Иван Дмитриевич (1796—1865), шталмейстер II 21
Чертков Михаил Иванович (1829—1905), ген.-майор свиты, воронежский губернатор, член Государственного совета I 143, 265, 292; II 116, 179, 218, 248
Чечирин Константин Петрович, действ. ст. сов., гофмейстер при дворе вел. кн. Константина Николаевича I 178
Чижов Павел Алексеевич, поручик, предводитель дворянства Чернинского у. Тульской губ. I 189
Чижов Федор Васильевич (1811—1877), крупный деятель в области железнодорожного строительства и промышленности, акционер ряда железнодорожных и финансовых обществ, общественный деятель, близкий к славянофилам II 118
Числова Екатерина Гавриловна (1845—1889), с 1862 по 1876 гг. артистка петербургского балета II 523

Шамшин Павел Иванович (род. в 1831 г.), начальник III отделения канц. Комитета министров, директор Особенной канц. по кредитной части Министерства финансов I 216; II 169, 296, 521
Шафф Елена, крестьянка, за участие в «Мариенгаузенском деле» в 1863 г. арестована и сослана в Воронеж, а с 1866 г. в Гельсингфорс под надзор полиции I 281
Шаховской (Шаховский) Алексей Иванович (1821—1900), кн., полковник, флиг.-ад., командующий л.-гв. 1-м стрелковым батальоном I 211, 241
Шашков Серафим Серафимович (1841—1882), публицист, в 1861 г. исключен из Казанской духовной семинарии за участие в панихиде по бездниинским крестьянам, сотрудничал в «Вехе», «Современном слове» и др. I 395
Шварц Бронислав, участник польского восстания 1863 г., заклю-

ченный Шлиссельбургской крепости II 471
Швейниц Ганс Лотарь (1822—1901), прусский генерал, с 1871 г. по 1876 г. германский посол в Австрии, с 1876 г. по 1893 г. в России II 345, 348, 358, 359, 361, 362, 364—366, 368
Шебаев, московский купец II 361
Шедо-Ферроти (Schédo Ferroti). См. Фиркс
Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891), революционный демократ, писатель, публицист I 372, 384, 393
Шереметев Александр Васильевич, орловский губернский предводитель дворянства до 1874 г. II 339
Шереметев Сергей Сергеевич (1821—1887), гр., церемониймейстер, член Строительной конторы Министерства императорского двора I 69, 114, 158
Шереметева. См. Вяземская
Шереметева II 147
Шернваль-Валлен Эмилий Карлович (1806—1890), бар., тайн. сов., камергер, товарищ министра ст.-секр. Финляндии, с 1875 г. по 1881 г. министр ст.-секр. Финляндии I 113, 257
Шестаков Иван Алексеевич (1820—1888), адмирал, в 1868—1869 гг. виленский ген.-губ., с 1882 г. управляющий Морским министерством I 195, 223; II 273
Шестов Николай Александрович (1831—1876), в 1859—1865 гг. врач наследника престола Николая Александровича, преподаватель Петербургской медико-хирургической академии II 35
Шидловский Михаил Николаевич, ст. сов., камергер, чиновник Министерства внутренних дел I 232, 258
Шидловский Михаил Романович (1826—1880), в 1865—1870 гг. тульский губернатор, в 1870—1871 гг. начальник Главного управления по делам печати, в 1871—1874 гг. товарищ министра внутренних дел II 17, 20, 99, 303, 327, 329
Широбоков Леонид Алексеевич, кандидат в мировые посредники Вышневолоцкого у. Тверской губ. I 380
Шишков, полковник II 96
Шишмарев Михаил Васильевич, петербугский домовладелец I 364
Шленкер, польский купец I 74
Шкенев, судебный следователь Симбирской губ. II 480
Шмальцер, фабрикант II 494
Шмидт Николай Конрадович, действ. ст. сов., вице-директор Департамента полиции исполнительной II 306
Шпаковский Александр Ильич (1823—1881), полковник, военный инженер II 78, 458
Шпейер Иван Абрамович (1823—1893), действ. ст. сов., в 1860—1861 гг. гродненский губернатор I 321
Штакельберг Адольф Федорович (1808—1865), с 1857 г. член Совета министра внутренних дел, с 1862 г. член Русского географического общества II 27, 46, 189, 235, 268, 269
Штакельберг, по-видимому, Федор Федорович, бар., прокурор Эстляндской губ. I 383
Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802—1865), архитектор I 378, 379; II 443
Штейнмец (Steinmetz) Карл-Фридрих (1796—1877), прусский фельдмаршал II 161
Штейн Генрих-Фридрих-Карл (1757—1831), бар., прусский государственный деятель II 347
Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862), декабрист II 235
Штиглиц Александр Людвигович (1814—1884), бар., тайн. сов., в 1860—1866 г., управляющий Государственным банком, член Мануфактурного совета и Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов I 58, 66, 155, 231, 240, 248, 258, 274, 278, 282, 304, 383, 410; II 22, 54, 61, 66, 126, 169, 230, 264, 293, 308
Штиглиц Николай Бернгардович, действ. ст. сов., состоял при Министерстве внутренних дел I 109, 239, 240, 279
Шторх Николай Андреевич (1815—1877), ст.-секр., действ. тайн.

сов., с 1869 г. товарищ главноуправляющего IV отделением с. е. и. в. канц. II 382
Штрейх Александр Николаевич (род. в 1829 г.), студент Петербургского университета, в 1864 г. арестован и сослан на каторжные работы I 413
Штрунц, тегернзейский генерал II 372, 373
Шубин Александр Павлович, ст. сов. II 353
Шувалов Андрей Павлович (1816—1876), гр., член «Кружка 16-ти», петербургский предводитель дворянства в 1872—1876 гг. I 18; II 87, 103, 118, 183, 184, 233, 293, 294, 308, 354, 356, 481, 521
Шувалов Андрей Петрович (1802—1873), гр., обер-гофмаршал, президент Придворной конторы Министерства императорского двора, член Государственного совета I 62, 181, 277, 363—366; II 109, 232, 260
Шувалов Павел Андреевич (1830—1908), гр., флиг.-ад., полковник, с 1861 г. директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа I 107, 120, 130, 175, 181, 206, 220, 348; II 103, 274, 358, 398
Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), гр., ген.-майор свиты, с 1861 г. управляющий III отделением, начальник штаба корпуса жандармов, в 1865—1866 гг. прибалтийский ген.-губ. и командующий войсками Рижского военного округа, с 1866 г. по 1874 г. шеф жандармов, с 1874 г. посол в Англии I 42—44, 91, 95, 102, 103, 105—108, 110, 111, 113—117, 119—123, 125, 130, 171, 175, 178, 183, 205, 210, 220, 223, 228, 273, 304—306, 319, 325, 327, 341, 350; II 21, 26, 34, 42, 48, 63, 73, 84, 85, 88—91, 94, 102, 106, 112, 116, 119—123, 125, 127, 129—136, 138, 140, 142—144, 146, 148, 150, 152, 153—155, 158, 163, 164, 167, 168, 171—178, 180—185, 187—189, 191, 193—196, 200—207, 212—218, 220—223, 225, 227—230, 232—234, 243, 246—248, 251, 253, 256, 260, 261, 263, 266, 267, 270—275, 277—279, 281—290, 292—295, 297—317, 323, 329, 347, 348, 350, 351, 358, 361, 363, 365, 366, 373, 375, 388, 403, 404, 409, 410, 413, 414, 418, 419, 429, 430, 434, 465, 467, 468, 470, 472, 476, 478, 481, 500, 505, 506, 509, 511, 513, 519
Шувалов Петр Павлович (1819—1900), гр., действ, ст. сов., губернский предводитель дворянства Петербургской губ. в 1857—1862 гг. I 81, 96, 141, 194, 213, 219, 277, 331, 346, 378, II 190
Шувалов, гр., пермский землевладелец I 286
Шувалова Елена Ивановна (1830—1891), гр., урожд. Черткова, в первом браке за гр. М. В. Орловым-Денисовым, во втором за гр. П. А. Шуваловым II 203, 211, 284, 297, 322, 323, 367
Шувалова, гр. I 125, 129, 161, 197
Шуваловы I 164; II 84, 109, 173, 221, 224, 226, 228, 262, 270, 292, 307, 356
Шульц Александр Францович, управляющий III отделением II 323
Шульц Иван Христофорович, врач II 173
Шульц Эдуард-Юлий Францович (1826—1884), воспитатель императорского училища правоведения II 334
Шумахер Александр Данилович, директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел до 1887 г. II 436
Шуф, фабрикант II 494

Щапов Афанасий Прокофьевич (1831—1876), историк, публицист демократического направления I 138, 376, 395
Щебальский Петр Карлович (1810—1886), ст. сов., член Главного управления цензуры, редактор литературных обозрений I 123
Щеглов Александр Антонович, дьякон церкви Ардатовского у. Нижегородской губ. I 107
Щербаков Алексей Яковлевич (род. в 1842 г.), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. за участие в «Казанском загово-

ре», бежал за границу, член Русской секции I Интернационала, в 1881 г. возвратился в Россию I 400
Щербатов Александр Алексеевич (1829—1892), кн., гв. поручик, предводитель дворянства Верейского у. Московской губ., с 1863 г. московский городской голова I 225—228, 233; II 185, 214
Щербатов Владимир Алексеевич (1826—1888), кн., надв. сов., камер-юнкер, губернский предводитель дворянства Саратовской губ. I 110, 146, 148, 219, 281; II 467
Щербатов Григорий Александрович (1819—1881), кн., в 1856—1858 гг. попечитель Петербургского учебного округа, в 1862—1863 гг. председатель комитета Литературного фонда, в 1861—1864 гг. петербургский губернский предводитель дворянства I 82, 105, 111, 216, 233, 250, 271, 333; II 12, 32, 34, 107—109, 118, 119, 461, 462
Щербатов, кн., офицер л.-гв. Гусарского полка II 116
Щербатова, кн. I 80, 271; II 204
Щербинин Михаил Павлович (1807—1881), сенатор, в 1860—1865 гг. председатель Московского цензурного комитета, член Главного управления цензуры, в 1865—1866 гг. начальник Главного управления по делам печати I 251, 308, 359, 360; II 18, 74, 112, 173, 454, 465, 473
Щукин Федор Сергеевич (1797—1869), действ. ст. сов., губернский предводитель дворянства Калужской губ. I 179

Эверс фон Отто Иванович, действ. ст. сов., советник Министерства иностранных дел I 185; II 236
Эйлер Елизавета Павловна, фрейлина императрицы Марии Александровны I 159, 279, 283; II 43, 56, 261, 262
Энгель фон Теодор (1769—1837), действ. тайн. сов., член Государственного совета и директор Департамента польских дел I 147
Энох Юлий Яковлевич, действ. ст. сов., с 1859 г. обер-прокурор общего собрания варшавских департаментов Сената, с 1861 г. ст.-секр. при Совете управления Царства Польского, редактор «Официальной газеты Царства Польского» I 87, 94, 162, 172, 368
Эрлангеры, банкиры II 50, 450
Эрнест II (1818—1893), герцог Саксен-Кобург-Готский II 293, 507
Эсаулов Евгений Павлович (1812—1888), ген.-лейт., совещательный член Главного артиллерийского управления II 372
Эссен Александр Антонович, флиг.-ад., полковник л.-гв. Уланского полка I 294
Эссен фон Максим Антонович, тайн. сов., камергер, до 1861 г. лифляндский губернатор I 167
Эссен Отто Васильевич (1828—1876), тайн. сов., с 1871 г. товарищ министра юстиции II 340
Этлингер Эдмона I 267, 273
Эттинген фон Август Александрович, действ. ст. сов., камергер, лифляндский губернатор I 69, 88, 96, 131, 163, 167, 344; II 224, 228, 428

Юркевич-Литвинов Петр Антонович, редактор консервативной газ. «Народный голос» II 183
Юсупов Николай Борисович (1831—1891), гофмейстер II 324, 325, 328
Юсупова Зинаида Ивановна (1809—1893), кн., урожд. Нарышкина, во втором браке гр. де Шово I 71, 142, 144, 153, 209
Юсуповы II 302, 332

Яблочков I 109, 110, 112, 118, 123
Языков Петр Александрович (умер в 1869 г.), ген.-лейт., инженер, в 1858—1865 гг. директор Департамента железных дорог, с 1865 г. член Совета Главного управления путей сообщения и публичных зданий I 421; II 461
Яковлев Алексей Андреевич (род. в 1844 г.), студент Петербургского университета, в 1861 г. подвергался аресту, в 1862 г. арестован за революционную пропаганду в войсках и сослан на каторгу на 6 лет I 168, 386

Ярошинский (умер в 1862 г.), варшавский портной подмастерье, за покушение на жизнь вел. кн. Константина Николаевича казнен I 180

Яфимович Михаил Матвеевич (1804—1872), ген.-лейт. дежурный генерал штаба гвардейского и гренадерского корпусов в 1854—1859 гг., руководил карательными экспедициями в Пензенской и Саратовской губ. в 1859—1861 гг. I 126

Ященко Леонид Нестерович (род. в 1833 г.), студент Московского университета, арестован в 1861 г., по приговору Сената содержался в смирительном доме I 372

Содержание

От редактора 5
1865 год 11
1866 год 94
1867 год 180
1868 год 231
1869 год 271
1872 год 277
1873 год 281
1874 год 289
1875 год 315
1876 год 320
Примечания П. А. Валуева 401
Комментарии 441
Именной указатель к I и II томам 529

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел
(1865—1876 гг.)

Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Юхт*. Переплет художника *М. Ф. Ольшевского*
Технический редактор *П. С. Кашина* Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 54-83В Сдано в набор 12/VII 1961 г.
Подписано к печати 27/X 1961 г. Печ. л. 36,75 Уч. изд. л. 41,5.
Тираж 8000 экз. Т-09162 Изд. № 353 Тип. зак. № 2086

Цена 2 р. 68 к.

Издательство Академии наук. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2007053004